the big book

Открытие ведьм

Дебора Харкнесс

Азбука

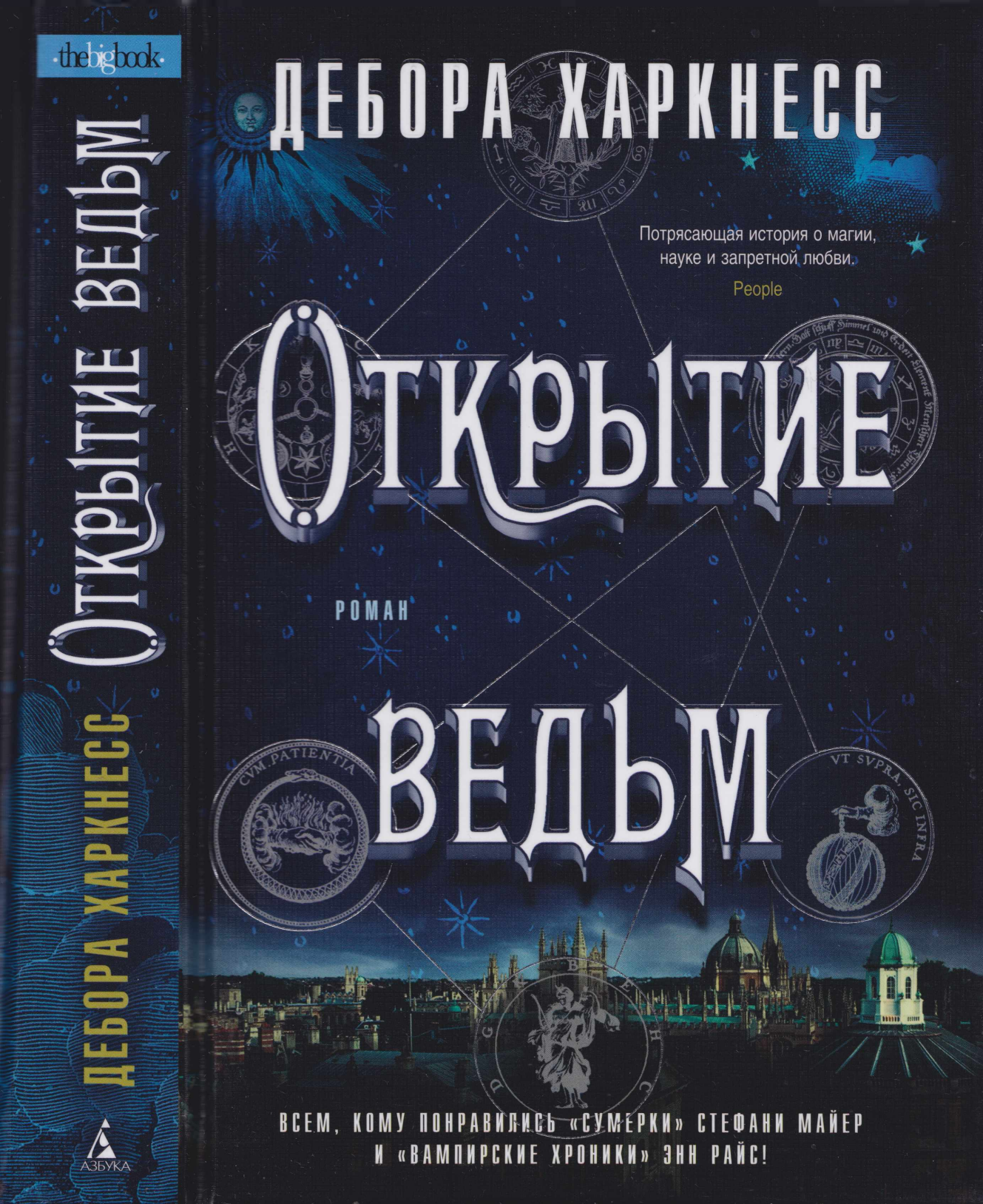
Дебора Харкнесс

Потрясающая история о магии, науке и запретной любви.

People

Открытие ведьм

Роман

Всем, кому понравились «Сумерки» Стефани Майер и «Вампирские хроники» Энн Райс!

the book

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

Открытие ведьм

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х 21

Deborah Harkness
A DISCOVERY OF WITCHES
Copyright © Deborah Harkness, 2011
All rights reserved
This edition published by arrangement with **Viking**, an imprint
of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского Натальи Виленской

Оформление обложки Виктории Манацковой

Харкнесс Д.

Х 21 Открытие ведьм : роман / Дебора Харкнесс ; пер. с англ. Н. Виленской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-12415-8

Диана Бишоп — историк из Оксфорда, специалист по старинным рукописям, но она же и потомок ведьм. После смерти родителей девушка решила отказаться от своего сверхъестественного дара и вспомнила о нем лишь тогда, когда в ее руках случайно оказывается заколдованная алхимическая рукопись, считавшаяся давно утраченной. С этого дня жизнь Дианы превращается в сплошной кошмар: ее преследуют, ей угрожают, ее запугивают. Однако убивать, похоже, не собираются, ведь только Диана способна получить доступ к книге, которая дает власть над всем миром.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. И. Виленская, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12415-8

Лесли, Джейку и блестящему будущему,
которое их ожидает

В начале всего — отсутствие и желание.
В начале всего — кровь и страх.
В начале всего — открытие колдунов.

Глава 1

Переплетенный в кожу том, ничего особенного. Любой историк, будь он человеком, не усмотрел бы никакой разницы между этим томом и прочими старинными фолиантами Бодлианской библиотеки Оксфорда[1], однако я сразу поняла, что с ним что-то не так.

В читальном зале герцога Хамфри в этот сентябрьский вечер было пусто, и заявки выполнялись быстро: летний наплыв посетителей миновал, лихорадка осеннего семестра еще не началась. Тем не менее я удивилась, когда Шон, дежуривший на выдаче, заговорщицки шепнул:

— Ваши манускрипты прибыли, доктор Бишоп. — Библиотекарь застенчиво отряхнул свитер с ромбами от пыли веков, и песочная прядка упала ему на лоб.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я. — И перестань называть меня доктором Бишоп. Мне все время кажется, что ты обращаешься к кому-то другому.

Я беззастенчиво превышала допустимое для одного заказа количество книг, и Шон уже больше недели мне в этом потворствовал. Еще в аспирантуре мы с ним частенько сиживали в баре с розовыми стенами напротив университета.

Он с ухмылкой подвинул мне заказ по обшарпанной дубовой столешнице. Каждая из иллюстрированных алхимических рукописей лежала в защитной картонной папке.

— А, вот еще одна.

---

[1] *Томас Бодли* (1545–1613) — английский ученый и дипломат. Библиотека при Оксфордском университете основана им в 1598 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Шон юркнул в специальную комнатку и вернулся с толстой книгой — ин-кварто, пятнистый переплет телячьей кожи. Он положил ее поверх остальных и наклонился, чтобы рассмотреть получше. Тонкая золотая оправа очков сверкнула в свете приделанной к полке неяркой бронзовой лампы.

— Книгу давно не спрашивали — надо пометить, чтобы и ее поместили в папку.

— Напомнить тебе?

— Не надо. Уже внес в память. — Шон постучал себя по лбу.

— Видно, твоя память работает лучше моей.

Шон застенчиво на меня посмотрел и потянул бланк заказа, застрявший под переплетом.

— Смотри, не пускает.

Привычную тишину зала нарушили приглушенные голоса.

— Слышал? — Я оглянулась.

— Что именно? — спросил Шон, поднимая глаза от манускрипта.

Полустершаяся позолота на обрезе не объясняла излучаемого книгой радужного сияния. Я сморгнула:

— Да так, ничего.

Я торопливо потянула книгу к себе и тут же ощутила покалывание в пальцах. Шону наконец удалось вытащить бланк. Я взяла в руки всю стопку, придерживая ее подбородком. Привычные запахи карандашной стружки и мастики заглушил новый загадочный аромат.

— Диана, ты себя хорошо чувствуешь? — забеспокоился Шон.

— Да, просто устала немного.

Я оторвала нос от манускрипта и быстро прошла через самую древнюю, относящуюся к пятнадцатому веку часть зала мимо поцарапанных елизаветинских столов (каждый с тремя книжными полками). Готические окна между ними привлекали внимание читателя к кессонным потолкам. Там блистал яркими красками с позолотой университетский герб — три короны и открытая книга — и повторялся девиз «Господь — мой свет».

Во всем зале, кроме меня, в пятницу вечером находился один-единственный человек — Джиллиан Чемберлен, тоже американка. Она была классицисткой, преподавала в Брин-Море[1] и сейчас

[1] *Брин-Мор* — женский колледж в штате Пенсильвания.

корпела над переложенными стеклом папирусами. Я прошла мимо, стараясь не смотреть на нее, но меня выдало поскрипывание старых половиц.

Я почувствовала на себе ее взгляд — взгляд другой колдуньи.

— Диана? — окликнула она из полумрака.

Я остановилась, подавив вздох:

— Привет, Джиллиан.

Мне почему-то не хотелось показывать ей свои книги, и я встала подальше, да еще повернулась так, чтобы их загородить.

— Что будешь делать на Мейбон?[1]

Джиллиан вечно звала меня провести время с «сестрами». Теперь, когда до колдовского праздника осеннего равноденствия оставалась всего пара дней, она с удвоенным рвением пыталась приобщить меня к местному ковену.

— Работать, — кратко ответила я.

— Тут есть очень милые колдуны, — с укором произнесла Джиллиан. — Обязательно приходи к нам в понедельник.

— Спасибо, я подумаю. — Мои ноги уже шагали по направлению к Селден-Энду, просторному крылу восемнадцатого века, расположенному под прямым углом к главному залу. — Особенно на меня не рассчитывай — готовлю доклад к конференции.

Тетя Сара предупреждала меня, что одна колдунья другую нипочем не обманет, но попытаться-то можно.

Джиллиан сочувственно хмыкнула, но продолжала за мной следить.

Вот и мое привычное место возле высоких сводчатых окон. Хотелось поскорей скинуть книги на стол и вытереть руки, но я поборола искушение и положила их осторожно, проявляя уважение к возрасту.

Рукопись, зажавшая бланк заказа, лежала на самом верху. На ее корешке был отштампован золотом герб Элиаса Ашмола, коллекционера и алхимика семнадцатого столетия; его книжное собрание поступило в библиотеку из музея[2] в девятнадцатом веке. Ниже герба значился номер — 782.

Потрогав бурый кожаный переплет, я тут же отдернула ладонь, но сделала это недостаточно быстро. По рукам и плечам

---

[1] *Мейбон* — один из восьми языческих праздников, входящих в Колесо Года.

[2] Музей Ашмола существует в Оксфорде с 1678 г.

побежали мурашки, мышцы шеи и спины напряглись. Ощущение вскоре прошло, но на смену ему явилась пустота, чувство несбывшегося желания. Потрясенная, я шагнула прочь от стола.

Даже с безопасного расстояния книга бросала мне вызов, угрожая разрушить стены, которыми я отгородила себя-ученого от себя — последней колдуньи из рода Бишопов. Ради честно заработанной докторской, хорошей должности и перспектив на будущее я отреклась от фамильного наследия — жизнь, которую я себе создала, опиралась на здравый смысл и мои способности, а не на предчувствия и заклинания. В Оксфорде я намеревалась завершить один исследовательский проект, опубликовать свои изыскания, проведя тщательный анализ и снабдив их подробными примечаниями, и представить это все на суд коллег — обычных людей. Никаких тайн, колдовскому шестому чувству в этой работе места не было.

Тем не менее один из заказанных мной алхимических манускриптов проявлял все признаки сверхъестественного, и я просто не могла это игнорировать. Руки у меня чесались открыть книгу и узнать наконец, в чем дело, но чувство еще более сильное, чем любопытство, приказывало не спешить и подумать: что мною движет — чисто академический интерес или родство с колдунами?

Бодли всегда была для меня святилищем, никак не связанным с Бишопами. Я глубоко вдохнула библиотечный воздух и закрыла глаза, надеясь обрести ясность, потом сложила на груди дрожащие руки и задумчиво уставилась на «Ашмол-782». За окном густели сумерки.

Моя мать сразу же поняла бы, что делать, — инстинктивно. Почти все Бишопы были одаренными колдунами, но Ребекка и среди них выделялась — так говорили все. Способности у нее проявились рано: уже в школе, в младших классах, она переколдовывала большинство старших товарок по ковену. Интуиция помогала ей разбираться в заклинаниях, а еще мама обладала невероятным провидческим даром, видела насквозь людей и понимала ход событий. Сара, ее младшая сестра и моя тетка, тоже была талантлива, но практиковала больше по части традиционных зелий и чар.

Мои коллеги-историки, разумеется, ничего об этом не знали, но в Мэдисоне, маленьком городке на севере штата Нью-Йорк,

где я жила у Сары с семи лет, всем и каждому было известно, кто такие Бишопы. Наши предки переехали туда из Массачусетса после Войны за независимость. Тогда прошло уже больше ста лет с тех пор, как Бриджит Бишоп[1] казнили в Сейлеме, но дурная слава сопровождала семью повсюду. На новом месте Бишопы очень старались доказать мэдисонским соседям, что колдуны приносят одну только пользу — и лечат, и погоду предсказывают. Со временем наша семья пустила корни достаточно глубоко, чтобы стойко выдерживать неизбежные вспышки страха и суеверия.

Но любопытство выманило мать за пределы безопасного Мэдисона. Для начала она отправилась в Гарвард, где встретила молодого Стивена Проктора. Он тоже происходил из старого колдовского рода и тоже мечтал оторваться от семейных традиций и Новой Англии. Ребекка и Стивен были чудесной парой: мать, по-американски открытая, уравновешивала более старомодного и чопорного отца. Они стали антропологами и с головой погрузились в чужие культуры и верования, сочетая страсть к науке с глубокой любовью друг к другу. Обеспечив себе прочные академические позиции — Ребекка в своей альма-матер, отец в Уэллсли[2], — они ездили со своими исследованиями по разным странам, а потом обосновались в Кембридже, в штате Массачусетс.

Мои детские воспоминания, хотя и немногочисленные, обладают необычайной яркостью. Вельветовые заплатки у отца на локтях, пахнущие ландышем духи матери. Звон бокалов в пятницу вечером, когда они, уложив меня спать, ужинали вдвоем при свечах. Сказки, которые мама рассказывала мне на ночь, стук коричневого отцовского портфеля, который он бросал на пол у входной двери.

Почти все дети помнят о своих родителях нечто подобное, но у меня есть и другие воспоминания. Мама никогда не стирала, но моя одежда всегда была чистой и аккуратно сложенной. Разрешение на экскурсию в зоопарк, забытое дома, вдруг появ-

[1] Бриджит Бишоп была казнена через повешение в июне 1692 г., первой из двадцати мужчин и женщин, осужденных за колдовство.

[2] *Уэллсли* — женский колледж в штате Массачусетс.

лялось на моей парте само собой. В каком бы состоянии ни находился отцовский кабинет, когда я приходила поцеловать папу перед сном (а обычно там царил основательный кавардак), утром в нем уже был образцовый порядок. В детском саду я спросила маму подружки Аманды, зачем она моет посуду водой и мылом — достаточно ведь сложить все в раковину, щелкнуть пальцами и немного пошептать. Миссис Шмидт посмеялась моим фантазиям, но все же они ее обескуражили: я это видела по глазам.

В тот же вечер родители объяснили мне, что о нашем домашнем волшебстве не следует рассказывать посторонним. Людей гораздо больше, чем колдунов, и они нас боятся, сказала мама, — а сильнее страха ничего нет на свете. Я тогда не сказала им, что тоже боюсь волшебства, особенно маминого.

Днем она ничем не отличалась от любой кембриджской матери — не слишком ухоженная, немного сумбурная, замученная работой и домом. Белокурые волосы она носила по моде взлохмаченными, но одевалась как в каком-нибудь 1977-м: длинные широкие юбки, брюки и рубашки на размер больше, чем надо, мужские куртки и блейзеры. Все эти одежки а-ля Энни Холл она скупала в комиссионных бостонских магазинах: на улице или в очереди супермаркета никто не взглянул бы на нее дважды.

Но дома, задернув шторы и заперев дверь, Ребекка преображалась. Движения из суетливых становились уверенными; иногда она прямо-таки плыла по дому. Когда мама напевала, подбирая с пола игрушки и книжки, лицо ее светилось неземной красотой.

В такие минуты, когда в ней сияла магия, нельзя было отвести глаз.

«В маме спрятана петарда», — улыбаясь во весь рот, шутил папа.

Но скоро я узнала, что петарды не просто пускают яркие звезды — они непредсказуемы и могут напугать.

Однажды вечером, когда отец читал лекцию, мать решила почистить серебро и вдруг загляделась на стоявшую на столе чашу с водой. Над чашей заклубился туман, из которого выходили крошечные призрачные фигурки. Они росли, и вскоре ком-

ната заполнилась диковинными существами. Они взбирались по занавескам, цеплялись к потолку. Сначала я смотрела на них с восторгом, раскрыв рот, но потом позвала на помощь маму, а она не могла оторваться от чаши. В конце концов одно создание, получеловек-полузверь, подобралось совсем близко и ущипнуло меня за руку — лишь тогда мать вышла из транса. Красные искры, которые посыпались из нее, разогнали призраков. Отец, вернувшись, сразу почувствовал в доме запах паленых перьев и забеспокоился. Мы с мамой сидели обнявшись в постели. Мать при виде папы залилась покаянными слезами. С тех пор наша столовая всегда внушала мне страх.

А когда мне было семь лет, родители уехали в Африку и там погибли, после этого я вообще никогда больше не чувствовала себя в безопасности.

Я помотала головой и вновь сосредоточилась на стоящей передо мной дилемме. Магическая рукопись лежала на столе в круге света от лампы и взывала к чему-то темному, запрятанному в моей душе. Я опять дотронулась до гладкого кожаного переплета, и мне снова кольнуло пальцы. Когда-то, просматривая бумаги в кабинете отца, я уже испытала нечто подобное.

Решительно отвернувшись от загадочного тома, я занялась обычным делом — стала искать список алхимических текстов, подготовленный мной в Нью-Хейвене. Он нашелся на столе в куче черновиков, библиотечных бланков и заявок, карандашей, ручек и прочего. Список был составлен тщательно, манускрипты рассортированы по коллекциям, против каждого значился шифр, присвоенный бодлианским библиотекарем. Я приехала в Оксфорд несколько недель назад и с тех пор скрупулезно работала с этим списком. «Антропология, или Краткое описание двух начал человека: анатомического и психического», — говорилось в аннотации к «Ашмолу-782». Содержание, как и в большинстве изучаемых мною работ, было почти невозможно определить по заглавию, но я поняла бы, что это за книга, даже не открывая ее. Тетя Сара всегда проверяла свою почту на ощупь. Если в конверте лежал нежелательный счет, она попросту не вскрывала письмо и притворялась потом, что о задолженности за электричество впервые слышит.

Золотые циферки на корешке подмигнули мне.

Я села и призадумалась, как же быть. Открыть книгу, как будто я самый обычный историк? Или оставить ее и уйти?

Вот повеселилась бы Сара, увидев меня сейчас. Она всегда говорила, что мои попытки держаться подальше от магии ни к чему не приведут, но после смерти родителей я совсем не пользовалась волшебством. Все колдуны и колдуньи, явившиеся на поминки, искали во мне черты Бишопов и Прокторов, гладили по голове и предрекали, что очень скоро я займу место матери в местном ковене. Некоторые шептались о том, что моим родителям не следовало жениться.

«Слишком большая сила, — тихонько говорили они, думая, что я не слышу. — Они привлекли бы к себе внимание, даже если бы не занимались древними культами».

Этого мне хватило, чтобы обвинить в смерти родителей сверхъестественные способности. Я решила попробовать жить по-другому и, повернувшись спиной ко всему магическому, занялась тем же, чем занимались все обычные девочки моего возраста, — ездила верхом, встречалась с мальчиками, читала романтические книжки. Таким образом я надеялась затеряться среди простых смертных. В переходном возрасте я страдала от депрессии и тревоги, но обычный человеческий доктор заверил тетю, что это вполне нормально.

Сара ничего ему не рассказала о голосах, о моей привычке брать телефонную трубку за минуту до звонка, о том, как она в полнолуние ограждает чарами все окна и двери, чтобы я во сне не ушла в лес. Не рассказала, что стулья в доме укладываются в пирамиду, когда я злюсь, и падают на пол, когда злость проходит.

Когда мне стукнуло тринадцать, тетя стала учить меня азам колдовской науки, чтобы отвести в это русло хотя бы часть моей силы. Бесконтактное зажигание свечек, проверенные временем зелья от прыщей — обычный начальный курс колдуньи-подростка. Но даже самые простые заклинания мне не давались, зелья выкипали, а выполнять тетины задания, чтобы выяснить, перешел ли ко мне материнский дар ясновидения, я упорно отказывалась.

Когда гормональная перестройка завершилась, голоса, спонтанные возгорания и прочие явления тоже начали проходить.

Но я все так же отказывалась приобщаться к семейному бизнесу. Тетя побаивалась жить в одном доме с необученной колдуньей и потому испытала некоторое облегчение, когда я отправилась в колледж в Мэн. Типичная история взросления, если не считать колдовской ее части.

Из Мэдисона мне удалось выбраться благодаря своим интеллектуальным способностям — я всегда опережала ровесников, начала разговаривать и выучилась читать раньше, чем обычные дети, с ходу запоминала учебники благодаря феноменальной фотографической памяти и выдавала на контрольных нужные результаты. Обнаружив, что в школе вполне можно обойтись и без магического наследия, я проскочила за год пару последних классов и поступила в колледж в шестнадцать лет.

Поначалу я попробовала себя на театральном факультете. Меня увлекали костюмы и зрелищность, поражало, как пьесы помогают перенестись в другое время и место. Профессора сразу же начали ставить меня в пример как прекрасную актрису, которой игра позволяет преобразиться в совершенно другую личность. Первые намеки на то, что этим я обязана не только актерскому дару, проявились в роли Офелии. Как только я ее получила, волосы у меня немедленно отросли до пояса. Я часами просиживала у местного озера, завороженная сверкающей гладью, а отросшие косы ниспадали до самой воды. Мальчик, игравший Гамлета, поддался иллюзии. У нас случился страстный, хотя и мимолетный роман. Я потихоньку сходила с ума, заражая весь актерский состав.

Премьера стала событием, это да, но каждая моя новая роль была сопряжена с какой-то проблемой. На втором курсе, когда мне дали Аннабеллу в пьесе Джона Форда[1] «Жаль, что она блудница», положение сделалось совсем уж невыносимым. Как и за героиней Форда, за мной повсюду бегали ухажеры (и не только люди). Наконец занавес опустился в последний раз, но поклонники никуда не делись, и стало предельно ясно, что свои силы контролировать я никак не могу. Я не знала и не желала знать, сколько в моей игре от магии, — сделала короткую стрижку, а многослойные топы и широкие юбки сменила на униформу серьезной и честолюбивой студентки-юристки: черные водо-

[1] *Джон Форд* (1586–1637) — английский драматург и поэт.

лазки, защитного цвета брюки, туфли на низком каблуке. Избыток энергии я вымещала в спорте.

После театрального отделения я стала искать серьезную специальность, которая никакого отношения не имела бы к магии. Для математики мне недоставало точности и терпения, на биологии я ни один опыт не довела до конца и постоянно проваливала контрольные.

В конце второго курса канцелярия потребовала, чтобы я наконец выбрала что-нибудь, если не хочу проучиться пять лет вместо четырех, — и тут благодаря летней английской программе мне подвернулась возможность уйти еще дальше от всего бишоповского. Я влюбилась в Оксфорд, в утренний свет его тихих улиц. Курс истории включал в себя жизнеописания королей с королевами, и если у меня в голове и звучали голоса, то принадлежали они героям книг, написанных в шестнадцатом-семнадцатом веках. Это вполне можно было приписать величию английской литературы. А лучше всего было то, что никто здесь меня не знал и никакие колдуны, если они даже присутствовали тем летом в городе, ко мне не приставали. Вернувшись домой, я выбрала историю своей специальностью, прошла все полагающиеся курсы в рекордное время и в двадцать лет окончила колледж с отличием.

Взявшись писать докторскую, я изо всех возможных вариантов предпочла Оксфорд. Я занималась историей науки, и темой моих исследований стал период, когда наука начала вытеснять магию, а законы Ньютона — астрологию вкупе с охотой на ведьм. Поиск рационального начала в природе и отказ от сверхъестественного, характерные для того времени, отражали мою внутреннюю борьбу. Стена, воздвигнутая мной между собственными разумом и наследственностью, стала еще прочнее.

Тетя Сара фыркнула, услышав, что предметом моей диссертации будут химики семнадцатого столетия. Ее ярко-рыжие волосы хорошо сочетались с огненным нравом и острым язычком. Будучи колдуньей прямой и здравомыслящей, она немедленно завладевала всеобщим вниманием, стоило ей войти в комнату. Мэдисонское общество призывало ее на помощь в случае больших и малых городских бед. Наши с ней отношения сильно улучшились, поскольку теперь она уже не потчевала меня еже-

дневными наблюдениями по части слабости и непостоянства людской натуры.

Впрочем, хоть нас и разделяли сотни миль, тетя по-прежнему считала мои попытки отречься от магии смехотворными и каждый раз непременно мне об этом сообщала.

«Эта наука в свое время называлась у нас алхимией, и магии в ней было хоть отбавляй».

«Неправда, — горячо возражала я (в своих исследованиях я как раз пыталась доказать, как тесно алхимия была связана с наукой). — Сила алхимии в том, что развивался экспериментальный подход, а не в поисках волшебного эликсира, превращающего свинец в золото и делающего человека бессмертным».

«Как скажешь, но ты, желая сойти за человека, выбрала странный путь», — отвечала Сара с сомнением в голосе.

Получив степень, я стала активно бороться за место в Йеле (единственный университет в Америке более английский, чем сама Англия). Меня предупреждали, что успеха я вряд ли добьюсь, но я накатала две книжки, наполучала премий, заработала гранты и, вопреки всем предостережениям, пробилась-таки, куда мечтала.

Что еще важнее, теперь я сама распоряжалась своей жизнью, и ни один человек на факультете, даже специалисты по американской истории, не связывали моей фамилии с первой женщиной, казненной за колдовство в Сейлеме в 1692 году. Защищая заработанную тяжким трудом независимость, я с корнем вырвала магию из своей жизни. Без исключений, конечно, не обходилось: пришлось, например, воспользоваться одним из Сариных заклинаний, когда стиральная машина чуть не затопила мою квартирку на Вустер-сквер. Все мы не без греха.

Вспомнив об этой своей промашке, я затаила дыхание, взяла рукопись обеими руками и положила ее на наклонную подставку, предназначенную для работы с редкими книгами. Решение было принято: я отнесусь к рукописи «Ашмол-782» как серьезный ученый. Опишу ее содержание, не обращая внимания на жжение в пальцах и странный запах. А после этого со всей профессиональной объективностью рассмотрю вопрос, стоит заниматься этой книгой далее или нет. Но когда я расстегивала медные застежки на переплете, пальцы все-таки дрожали.

Книга тихонько вздохнула.

Я быстро оглянулась через плечо. В зале по-прежнему было пусто и тихо, только тикали часы в углу.

Я открыла новый файл в ноутбуке, решив не упоминать там о таинственном вздохе. Знакомое действие, совершаемое в сотый, если не в тысячный раз, успокаивало не меньше, чем галочки в списке. Я напечатала номер, заглавие, заглавие из каталога, подробно описала размер и фактуру переплета.

Оставалось только открыть фолиант.

Переплет, несмотря на откинутые застежки, не желал открываться, словно его приклеили. Тихо выругавшись, я приложила к нему ладонь, чтобы манускрипт мог со мной познакомиться. Класть руку на книгу — еще не магия. После привычного покалывания (так обычно бывает, когда на тебя смотрит колдун или колдунья) фолиант будто бы расслабился и раскрылся легко.

Первый лист был чистым. На втором, пергаментном, рукой Ашмола было проставлено: «Антропология, или Краткое описание двух начал человека». Эти ровные округлые буквы были знакомы мне так же хорошо, как собственный почерк. «Анатомического и психического» добавили позже карандашом. Этот почерк я тоже знала, но не могла вспомнить, чей он. Можно было бы потрогать надпись и что-нибудь разузнать с помощью прикосновения, но это значило бы нарушить библиотечные правила, да и как задокументируешь добытую таким путем информацию? Я внесла в компьютер «чернила и карандаш, разный почерк», написала о предполагаемом возрасте обеих надписей.

Эта пергаментная страница, необычайно тяжелая, как раз и была источником волновавшего меня запаха. От нее пахло не просто древностью, но чем-то мускусным, затхлым. Следующие три страницы, как я сразу заметила, были аккуратно вырезаны.

Ну, тут, по крайней мере, можно без проблем все задокументировать. «Не менее трех листов удалено с помощью линейки или бритвы», — набила я и заглянула под корешок, но не сумела определить, не вырвано ли из книги что-нибудь еще. Когда я наклонилась над пергаментом, то особенно остро почувствовала силу и странный аромат, они очень отвлекали.

Сразу после вырезанных страниц шла иллюстрация — младенец женского пола в стеклянном сосуде. В одной ручонке у девочки серебряная роза, в другой золотая, на ногах крылышки, на длинные черные волосы падали дождем красные капли. Сделанная чернилами подпись объясняла, что это философское дитя — аллегорическое изображение важнейшей стадии в создании философского камня, приносящего владельцу здоровье, богатство и мудрость и прочие блага.

Яркие краски на удивление хорошо сохранились (художники тех времен подмешивали в краски толченые камни, в том числе драгоценные), а рисунок делал подлинный мастер. Пришлось буквально взять себя в руки, чтобы эти самые руки не тянулись к манускрипту.

В деталях художник, несмотря на весь свой талант, явно ошибся. Горло сосуда должно быть направлено вверх, а не вниз, самого же ребенка полагалось рисовать наполовину черным, наполовину белым в знак того, что это гермафродит. Философское дитя изображали с мужскими гениталиями и женской грудью или, на худой конец, с двумя головами.

По алхимическим иллюстрациям, аллегорическим и всегда крайне неоднозначным, я пыталась понять, систематизировали ли алхимики свои наблюдения в те дни, когда периодической таблицы элементов еще не существовало. Луна, к примеру, почти всегда представляла серебро, солнце — золото. Химическое соединение того и другого изображалось как брачный союз. Позднее картинки уступили место словам, а слова, в свою очередь, химическим формулам.

Эта конкретная книга вызывала сомнения в том, что алхимиками руководила хоть какая-то логика. В каждой иллюстрации содержалось не меньше одной серьезной ошибки, а подписей никаких и вовсе не было.

Я искала хоть что-нибудь знакомое, и вдруг в тусклом свете на одной странице проступили следы букв. Я повернула лампу, сфокусировав свет.

Ничего не видно.

С величайшей осторожностью я перевернула страницу и увидела слова, сотни слов, которые, мерцая, скользили по листу. Различить их можно было только при хорошем освещении и правильном ракурсе.

Вот так так!

Выходит, мой «Ашмол-782» — палимпсест, рукопись внутри рукописи. Когда-то писцы за недостатком пергамента тщательно смывали старые книги и записывали на чистых страницах новый текст. Со временем стертые записи проявлялись, словно призраки, разглядеть их под чернильными пятнами можно было с помощью ультрафиолетовых лучей.

Эту рукопись, однако, никакой ультрафиолет не взял бы: ее не смыли, а спрятали каким-то магическим способом. Но кому могло понадобиться заколдовывать алхимический текст? Туманные намеки и красивые причудливые иллюстрации ведь и без того очень трудно расшифровать даже специалистам.

Отвлекшись от мельтешащих нечитабельных букв, я записала в компьютер: «Сплошные загадки. Заголовки пятнадцатого — семнадцатого веков, изображения большей частью пятнадцатого (источники, возможно, и старше?). Бумажные и пергаментные листы перемешаны. Чернила черные и цветные, последние необычайно высокого качества. Иллюстрации хорошо выполнены, но многие детали неверны или отсутствуют вовсе. Они изображают создание философского камня и алхимические концепции: сотворение, смерть, воскрешение и трансмутацию. Неточная копия более раннего манускрипта? Аномалия на аномалии».

Мои пальцы застыли на клавишах.

Если новая информация расходится с уже имеющимися данными, ученые либо отбрасывают это новое, угрожающее взлелеянным ими теориям, либо обращают на загадку все свое внимание. Я, скорее всего, выбрала бы второй вариант, но магическая природа книги склоняла к первому. А еще ученые в непонятных случаях тянут время.

«К этой книге, возможно, придется вернуться еще раз», — допечатала я, обуреваемая противоречивыми чувствами, и, затаив дыхание, осторожно закрыла том. Магические потоки по-прежнему пронизывали книгу, особенно возле застежек.

Ну, хоть закрыла без проблем, уже хорошо. Я сидела, уставившись на манускрипт. Так и тянуло погладить коричневый кожаный переплет, но я удержалась, как раньше удерживалась от прикосновения к иллюстрациям. Нельзя претендовать на большее, чем то, что может узнать из этой книги обычный историк.

Тетя Сара всегда говорила, что магия — это дар. Если так, то дар этот достался мне совсем не за так: он связывал меня со всеми прежними колдунами Бишопами. За то, чтобы вступить в наследственные права и овладеть сокровенным волшебным ремеслом, заклинаниями и чарами, нужно заплатить определенную цену. Раскрыв «Ашмол-782», я разрушила стену между мной-колдуньей и мной-ученым, но теперь снова ее воздвигла и твердо намеревалась остаться по ту — немагическую ее сторону.

Я закрыла компьютер, собрала бумаги, уложила книги в стопку, поместив «Ашмол-782» в самый низ. Джиллиан, к счастью, на месте не было, хотя ее стол остался неубранным — решила, вероятно, поработать допоздна и вышла на чашку кофе.

— Закончила уже? — спросил Шон.

— Не совсем. Три верхние хотела бы оставить на понедельник.

— А четвертую?

— С ней все, — выпалила я, подвигая к нему стопку книг. — Можешь отправлять обратно в хранилище.

Шон положил книгу сверху на весь прочий возврат, проводил меня к лестнице, попрощался и скрылся в служебной комнатке. Включился конвейер, уносящий загадочный том в недра библиотеки.

Я чуть было не остановила Шона, но в последний момент удержалась.

У самых дверей воздух сгустился, как будто библиотека не хотела меня отпускать. На мгновение все вокруг вспыхнуло, словно обрез колдовской книги у Шона на столе. Меня пробрала невольная дрожь, волоски на руках поднялись дыбом. Здесь только что произошло какое-то волшебство.

Я повернулась было опять к читальному залу герцога Хамфри, но устояла и решительно вышла вон, сказав себе: пустяки.

Уверена? — шепнул голос, на который я столько времени старательно не обращала внимания.

Глава 2

Оксфордские колокола прозвонили семь раз. В эту пору года темнело быстрее, чем летом, но серые сумерки еще медлили. Библиотечные фонари, зажженные всего полчаса назад, расплывались в них золотыми лужицами.

Двадцать первое сентября. Колдуны и колдуньи всего мира сейчас празднуют канун осеннего равноденствия, встречая Мейбон и грядущую зимнюю тьму, но оксфордским придется обойтись без меня. Мне в самом деле предстояло выступить с ключевым докладом на одной важной конференции в будущем месяце, а я еще его толком не продумала, и потому начала беспокоиться.

При мысли о пирующих где-то колдунах у меня заурчало в желудке. Я сидела в библиотеке с утра, с половины десятого, и только раз прервалась на обед.

Шон сегодня не работал, книги выдавала какая-то новенькая. Когда я заказала особенно ветхую единицу хранения, она стала предлагать взамен микрофильм. Заведующий читальным залом, мистер Джонсон, услышав это, счел нужным вмешаться.

— Извините, доктор Бишоп, — торопливо заговорил он, поправляя очки в тяжелой темной оправе, — если вам нужен этот манускрипт, мы будем счастливы его предоставить.

Требуемое он доставил мне лично, продолжая извиняться: «Новые сотрудники, вы же понимаете...» Польщенная его отношением к моей ученой персоне, я весь день провела за чтением.

Только вечером я сняла кольца-грузики с верхних углов книги и осторожно закрыла ее, довольная, что хорошо поработала. Весь уик-энд после столкновения с заколдованным фолиантом я занималась обычными повседневными делами и алхимии

не касалась. Заполнила финансовые документы, заплатила по счетам, написала рекомендательные письма, даже рецензию на книгу наконец добила. Перемежалось это еще более обыденными хлопотами — стиркой, многочисленными чашками чая и попытками воплотить в жизнь рецепты из кулинарных программ Би-би-си.

Сегодня, начав с утра пораньше, я старалась сосредоточиться на текущей работе и не вспоминать о загадочном палимпсесте со странными иллюстрациями. По мере выполнения того, что я наметила на день, у меня возникли четыре вопроса; ответ на третий отыскать было проще всего: он содержался в «Ноутс энд квайериз»[1]. Номера этого заумного журнала занимали один из высоких, до потолка, книжных шкафов. Я встала, решив перед уходом поставить еще одну галочку в своем списке.

Чтобы взять что-то с верхних полок в отделении Селден-Энд, следовало подняться по обшарпанной винтовой лесенке на небольшую галерею, располагавшуюся прямо над рабочими столами. Подшивками в клеенчатых переплетах, аккуратно расставленными в хронологическом порядке, никто, похоже, не пользовался, кроме меня и одного пожилого преподавателя литературы из колледжа Магдалины. Отыскав нужный том, я шепотом выругалась, поскольку дотянуться до него не могла.

Мне послышался чей-то приглушенный смех, хотя за столом в дальнем конце галереи никого не было. Ну вот, снова мне что-то чудится. Оксфорд все еще пустовал; все университетские ушли около часа назад, чтобы пропустить перед ужином стаканчик бесплатного шерри в профессорской гостиной своего колледжа. Джиллиан и та ушла по случаю праздника, повторив свое приглашение и подозрительно покосившись на стопку заказанных мною книг.

Стремянки в поле зрения не обнаружилось — обычное дело для Бодли. На то, чтоб отыскать ее внизу и втащить наверх, ушло бы добрых пятнадцать минут. Ну что ж... в пятницу я, правда, держала в руках колдовскую книгу, но сумела взять себя в руки и никакого чародейства не сотворила. И кто меня здесь увидит?

---

[1] *«Ноутс энд квайериз»* — ежеквартальный журнал, освещающий вопросы истории и английской литературы.

Резонно, казалось бы, но все же как-то не по себе. Собственные правила я нарушала нечасто и вела счет всем случаям, вынуждавшим меня обращаться к магии. За год это будет уже пятый раз, включая забарахлившую стиральную машину и «Ашмол-782». Неплохо для конца сентября, однако бывало и лучше.

Вздохнув, я подставила руку и вообразила, что снимаю подшивку с полки.

Девятнадцатый том «Ноутс энд квайериз» накренился, шлепнулся мне на ладонь и открылся на нужной странице.

На все про все ушло три секунды. Я перевела дух, избавляясь от чувства вины, и ощутила между лопатками два ледяных прикосновения.

Свидетель моего преступления был явно не человек.

Взгляд колдуна вызывает у другого колдуна щекотку, но планету с людьми делят не одни колдуны. Есть даймоны — артистические натуры, скользящие на грани между безумием и гениальностью. «Рок-звезды и серийные убийцы» — так отзывается о них моя тетя. Есть древние и прекрасные кровопийцы вампиры — если они не убьют вас сразу, то заворожат своей красотой.

Взгляд даймона я чувствую как легкий, чуть обескураживающий поцелуй, а внимательный взгляд вампира жжет холодом и приносит ощущение опасности.

Перебрав в уме читателей зала герцога Хамфри, я вспомнила лишь одного вампира — ангелоподобного монаха, любовно листавшего средневековые служебники и молитвенники. В отделы редких книг вампиры забредают довольно редко, иногда их приводят туда тщеславие и ностальгия, а вот колдуны и даймоны там встречаются куда чаще. Взять хоть Джиллиан Чемберлен, изучающую свои папирусы через лупу. А в читальном зале, где собраны труды по музыке, я сегодня видела сразу двух даймонов — оба оторопело подняли головы, когда я проходила мимо них — шла в «Блэкуэллс» чая попить. Один попросил принести ему латте, что красноречиво свидетельствовало о глубине его погружения в очередное безумство.

Но сейчас за мной наблюдал вампир.

Я уже сталкивалась с ними по роду своей деятельности, ведь мне приходилось сотрудничать с естественниками, а вампиры

часто идут в такие области науки: им спешить некуда, а научные изыскания вознаграждают за долгий и терпеливый труд. Вампиры любят работать в одиночку, так что их никто не заподозрит, разве что ближайшие сотрудники. Занимаясь наукой, гораздо легче коротать долгие столетия.

В наши дни вампиров интересуют в основном ускорители элементарных частиц, расшифровка генома и молекулярная биология, а раньше они занимались сплошь алхимией, анатомией и электричеством. Если что-нибудь взрывается, замешаны тайны вселенной или человеческая кровь, без вампира тут точно не обойтись.

Крепко сжимая злополучные «Ноутс энд квайериз», я обернулась лицом к наблюдателю. Он стоял внизу в тени, напротив меня, около шкафа со справочниками по палеографии, прислонившись к красивой деревянной колонне, поддерживающей галерею. В руках у него был открытый труд Дженет Робертс «Путеводитель по рукописным английским шрифтам до 1500 года».

Этого типа я видела впервые, но была уверена, что древние рукописи он читает вполне свободно и без пособий.

По телесериалам и книжкам в мягкой обложке все знают, как красивы вампиры, но увидеть кого-то из них вживую — совсем другое. Фигура словно изваяна резцом искусного скульптора, движения завораживают, музыка звучит в каждом слове, взгляд притягивает — именно так они и ловят свою добычу. Долгий взгляд, несколько тихих слов, прикосновение, и, если уж вы попались на удочку, спасения нет.

Глядя вниз, я пришла к неутешительным выводам, что знаю все это, увы, в основном в теории, а от нее вряд ли будет толк при реальной встрече в Бодлианской библиотеке.

Единственный вампир, с которым я более или менее близко общалась, работал на швейцарском ускорителе элементарных частиц. Джереми, стройный, голубоглазый блондин с заразительным смехом и сногсшибательной внешностью. Переспав со всем Женевским кантоном, он принялся за Лозанну. Я старалась не задумываться, что он делает с этими женщинами потом, и упорно отвергала настойчивые предложения пойти выпить. Джереми я всегда принимала за типичного представителя

вида, но по сравнению с тем, кто стоял передо мной сейчас, он показался бы костлявым неуклюжим молокососом.

Этот, учитывая даже, что я смотрела на него с галереи, выглядел очень высоким — значительно выше шести футов. Широкие плечи, узкие бедра, стройные мускулистые ноги. Кисти рук поражали своим изяществом и притягивали взгляд — странно, что они принадлежат такому атлету.

Я оглядела его с ног до головы, а он не отрываясь смотрел на меня. Глаза казались на расстоянии черными — чернее ночи, над ними изгибались густые и такие же черные брови, одна из которых была вопросительно поднята. Надбровные дуги смыкались с высокими скулами. Единственной мягкой чертой на этом прекрасном, безупречно правильном лице был большой рот, выглядевший так же странно, как и тонкие пальцы.

Меня нервировало не столько физическое совершенство, сколько хищное сочетание силы, ловкости и ума, ощущаемое даже на расстоянии. На вампире были черные брюки и серый свитер, черные локоны коротко подстрижены на затылке; незнакомец походил на пантеру, которая готова в любой момент наброситься, но пока медлит.

Бледные губы дрогнули в учтивой улыбке, зубы видно не было, но я очень даже хорошо представляла себе эти острые, совершенно ровные зубы.

Одна мысль о них вызвала прилив адреналина. Кончики пальцев защипало. «Беги отсюда сию же минуту!» — подсказывали инстинкты.

Лестница, до которой было четыре шага, показалась мне очень далекой. Я ринулась вниз, споткнулась на последней ступеньке и угодила прямо в объятия вампира — он, разумеется, двигался быстрее меня.

Пальцы у него были прохладные, а руки гораздо сильнее, чем у простого смертного. В воздухе витал запах гвоздики, корицы и каких-то вроде бы благовоний. Вампир, отпустив меня, с легким поклоном подал мне упавшие «Ноутс энд квайериз».

— Доктор Бишоп, если не ошибаюсь?

Я кивнула, дрожа с головы до пят.

Длинными бледными пальцами правой руки он достал из кармана визитную карточку, белую с голубым, и протянул мне:

— Мэтью Клермонт.

Я взяла карточку за уголок, стараясь не прикасаться к этим пальцам. Рядом с фамилией — знакомый университетский девиз, три короны и открытая книга. Разные звания — да его уже приняли в Королевское общество.

Неплохо для того, кому на вид и сорока нет, — на самом-то деле он наверняка старше раз в десять.

Научная специальность... ну что ж, ничего странного, если вампир является профессором биохимии, состоит в Оксфордской неврологической ассоциации при больнице Джона Рэдклиффа. Кровь и анатомия — это вампиры любят. На карточке, помимо офисного, значились телефоны трех разных лабораторий и электронный адрес. Раньше мы с ним не встречались, но недоступным его вряд ли можно назвать.

— Профессор Клермонт, — пискнула я, подавляя желание с воплями броситься к выходу.

— Мы с вами не знакомы...

В его произношении (типичный выпускник Оксфорда или Кембриджа) слышались какие-то мягкие нотки, но акцент я затруднялась определить. Глаза, неотрывно на меня глядевшие, вблизи оказались совсем не черными — расширенные зрачки окаймляла зеленовато-серая радужка. Оторвать от них взгляд я никак не могла...

— ...но я большой поклонник ваших трудов.

Я опешила. Профессор биохимии может, конечно, интересоваться алхимиками семнадцатого века, но вряд ли. Держась за воротник белой блузки, я оглядела читальный зал, где нас было двое. Хоть бы одна душа у старинных дубовых ящиков каталога или за одним из компьютеров, а библиотекарь сидит слишком далеко, чтобы прийти мне на помощь.

— Ваша статья об алхимической символике цветов прямотаки захватила меня, а работу о подходе Роберта Бойля к расширению и сжатию вещества я нашел вполне убедительной. — То, что в разговоре участвовал он один, его, видимо, не смущало. — Вашу последнюю книгу об алхимическом ученичестве я еще не закончил, но читаю с большим удовольствием.

— Спасибо, — пролепетала я.

Его взгляд переместился к моему горлу, а потом снова на лицо, когда я перестала теребить пуговицу на шее.

— Вы наделены даром оживлять прошлое — читатель сразу же это чувствует. — Я приняла это за комплимент — уж кому знать, как не вампиру. Клермонт немного помолчал и спросил: — Не согласитесь ли вы со мной поужинать?

У меня отвисла челюсть. В библиотеке мне, конечно, от него не уйти, но ужинать с ним? Учитывая еще, что нормальную еду он явно не ест.

— У меня другие планы на вечер! — выпалила я.

Что бы такое придумать? Клермонт явно понимает, что я колдунья, а Мейбон я, очевидно, не праздную.

— Жаль, — с легкой улыбкой промурлыкал он. — Может быть, в другой раз. Вы приехали на год, верно?

Рядом с вампиром всегда чувствуешь себя не в своей тарелке, а гвоздичный аромат, идущий от Клермонта, напомнил мне запах «Ашмола-782». Думать я толком не могла, а потому просто кивнула.

— Так я и думал. В таком случае наши дороги неизбежно пересекутся, Оксфорд — очень маленький город.

— Очень, — поддакнула я, жалея, что не поехала в Лондон.

— Тогда до встречи, доктор Бишоп. Был очень рад познакомиться. — Клермонт протянул руку.

Его глаза, не считая краткого экскурса к шее, все время смотрели прямо в мои, — кажется, он и не моргал даже. Я призвала все свое мужество, не желая первой отводить взгляд.

Помедлив секунду, я пожала протянутую руку. Вампир слегка стиснул мои пальцы. Потом отступил, улыбнулся и растаял в библиотечном мраке.

Когда немного отошли похолодевшие пальцы, я вернулась к своему столу и выключила компьютер. «Зачем же ты нас брала, если даже взглянуть не хочешь?» — словно укоряли меня «Ноутс энд квайериз». Список вопросов тоже смотрел с укором. Я вырвала его из блокнота, скомкала и бросила в корзину, бормоча:

— Довлеет дневи злоба его.

Вечерний смотритель читального зала взглянул на свои часы, когда я вернула книги:

— Рано сегодня уходите, доктор Бишоп?

Я кивнула, плотно сжав губы: мне очень хотелось спросить, знает ли он, что в секции палеографии только что был вампир.

Библиотекарь принял от меня стопку картонных папок с манускриптами.

— Оставить за вами на завтра?

— Да-да. Оставьте.

Приличия соблюдены — можно наконец удалиться. Стук моих каблуков отражался эхом от каменных стен. Через ажурную железную дверь читального зала, мимо книжных шкафов, огороженных бархатными шнурами, вниз по истертым деревянным ступеням в закрытый двор. Я прислонилась к чугунной ограде вокруг бронзовой статуи Уильяма Герберта[1] и вдохнула холодный воздух, изгоняя запах гвоздики с корицей.

«Мало ли чего в Оксфорде не случается по ночам, — сказала я себе назидательно. — Еще один вампир в городе, вот и все».

Домой, несмотря на все здравые рассуждения, я шла быстрее обычного. На темной Нью-Колледж-лейн было и обычно-то страшновато. Я открыла с помощью своей карточки заднюю калитку Нового колледжа, а когда она с щелчком захлопнулась за мной, немного расслабилась, как будто каждая дверь и стена между мной и библиотекой прибавляла мне безопасности. Теперь мимо часовни по узкому проходу во внутренний двор, примыкающий к единственному сохранившемуся в Оксфорде средневековому садику. Глядя на зеленую горку в его середине, студенты некогда размышляли о тайнах природы и Бога. Шпили и арки колледжа сегодня казались мне готическими как никогда, и я торопливо юркнула внутрь.

Ну вот я и дома, можно вздохнуть свободно. Преподавательский корпус, в котором помещалась моя квартира, предназначался для гостей, ранее учившихся в Оксфорде. Сама квартира располагалась на последнем этаже и состояла из спальни, гостиной с круглым обеденным столом и маленькой, но хорошо оборудованной кухни. Старые гравюры, деревянные панели, обшарпанная мебель конца девятнадцатого столетия, видимо стоявшая в прошлом в преподавательской гостиной и доме декана.

[1] Уильям Герберт, 3-й граф Пемброк (1580–1630), был ректором Оксфордского университета, основал Пемброк-колледж.

Я сунула в тостер два ломтика хлеба, выпила залпом стакан холодной воды, открыла окно (в комнатах было душно). Вернулась с едой в гостиную, скинула туфли, включила проигрыватель. Зазвучала прозрачная мелодия Моцарта. Садясь на диван с бордовой обивкой, я собиралась отдохнуть пару минут, принять ванну и просмотреть сделанные за день заметки... а проснулась в полчетвертого утра с колотящимся сердцем, затекшей шеей и привкусом гвоздики во рту.

Я снова напилась воды, закрыла кухонное окно, поежившись от холода и сырости, взглянула на наручные часы и прикинула в уме: не позвонить ли домой? Там всего пол-одиннадцатого, а Сара и Эм — настоящие совы. Я выключила свет везде, кроме спальни, взяла мобильник. Скинула грязную одежду — и почему это в библиотеке всегда так пачкаешься? Надела старые штаны для йоги и черный свитер с растянутым воротом — удобней всякой пижамы.

Я уселась на кровать, такую манящую, реальную, успокоилась и чуть не передумала насчет звонка, но вода так и не смыла привкуса гвоздики. Я набрала номер и тут же услышала:

— Мы ждали, что ты позвонишь.

Колдуньи.

— Все нормально, Сара, — вздохнула я.

— У меня совершенно другое впечатление. — Младшая сестра моей матери, по обыкновению, взяла быка за рога. — Табита весь вечер как на иголках, у Эм было видение, что ты заблудилась ночью в лесу, а я ничего не могу проглотить с самого завтрака.

С этой проклятой кошкой вечно беда. Табита — Сарино дитятко и сразу чувствует, когда в семействе что-то не так.

— Говорю тебе, все в порядке. Неожиданная встреча в библиотеке, ничего больше.

Щелчок: Эм взяла трубку на другом аппарате.

— А почему ты Мейбон не празднуешь? — спросила она.

Эмили Метер я помню с самого раннего детства. В старших классах школы они с Ребеккой Бишоп работали как-то летом на Плимутской плантации[1] — помогали на раскопках, рыли ямы,

[1] Музей под открытым небом в штате Массачусетс, на месте поселения английских колонистов XVIII в.

возили тачки. Они подружились и переписывались все время, пока Эм училась в Вассаре, а мать в Гарварде. В Кембридже они снова встретились — Эм работала там в детской секции библиотеки. После смерти моих родителей Эм сначала проводила у нас в Мэдисоне все выходные, а потом устроилась в местную начальную школу. Они с Сарой стали неразлучной парой, хотя Эм снимала в городе собственную квартиру и в спальню они при мне никогда вместе не уходили, пока я не выросла. Но ни меня, ни соседей, ни вообще кого бы то ни было в Мэдисоне обмануть они не могли. Все относились к ним как к паре, где бы они там ни спали. Когда я уехала из дома Бишопов, Эм и вовсе переселилась туда. Она, как и мои мать с теткой, происходила из старинного колдовского рода.

— Меня приглашали, но я решила поработать.

— Это колдунья из Брин-Мора тебя приглашала?

Американской классицисткой Эм интересовалась в основном потому, что когда-то встречалась с матерью Джиллиан (о чем сама проговорилась одним летним вечером после изрядного количества выпитого вина, молвив туманно: «Это было в шестидесятых»).

— Да, она, — устало ответила я.

Сара и Эм были убеждены, что теперь, получив постоянное место в университете, я наконец опомнюсь и начну всерьез относиться к своей магии. Разубедить их было невозможно — они трепетали от волнения всякий раз, как я вступала в контакт с кем-нибудь из колдунов.

— Но я провела вечер не с ней, а с Элиасом Ашмолом.

— Кто это? — спросила Эм Сару.

— Да так, книги собирал по алхимии. Умер уже.

— Я еще здесь, между прочим, — напомнила я.

— Так кто же тебя отвлек? — спросила Сара.

Нечего и пытаться скрыть хоть что-то от колдуний.

— Я встретила в библиотеке вампира. Некоего Мэтью Клермонта. Никогда прежде его не видела.

Эм на том конце, видимо, припоминала знакомую нечисть. Сара тоже молчала (видимо, решала, вспылить или нет), а потом отрезала:

— Надеюсь, от него будет легче избавиться, чем от даймонов, которые к тебе так и липнут.

— Даймоны не приближались ко мне с тех пор, как я бросила сцену.

— А тот, из Библиотеки Бейнекс?[1] Когда ты только начала работать в Йеле? — напомнила Эм. — Шел по улице, а потом вдруг отправился за тобой.

— Он был психически нестабилен, — возразила я.

Подумаешь, поколдовала разок со стиральной машиной или нечаянно привлекла любопытного даймона. Это не в счет.

— Ты притягиваешь сверхъестественных созданий, как цветок — пчел, Диана, но даймоны и вполовину не так опасны, как вампиры. Держись от него подальше, — сурово велела Сара.

— Я не собираюсь искать с ним встреч. — Пальцы опять сами собой потянулись к шее. — Ничего общего у нас нет.

— Дело не в этом, — повысила голос Сара, — а в том, что колдуны не должны общаться с вампирами или даймонами. Ты сама знаешь, что людям в подобных случаях легче нас обнаружить. Ни один даймон или вампир не стоит такого риска.

Из всех существ, населявших наш мир, Сара принимала всерьез только колдунов. Людей она почитала несчастными слепыми созданиями, даймонов, этих вечных подростков, считала не заслуживающими доверия, вампиры в ее иерархии стояли ниже кошек и примерно на ступень ниже псов-дворняжек.

— Ты давно уже научила меня этим правилам, Сара.

— Правила не все соблюдают, милая, — заметила Эм. — Что ему было нужно?

— Сказал, что его интересуют мои работы. Но он биолог, поэтому я в это не слишком верю, — стала рассказывать я, теребя одеяло. — На ужин меня приглашал.

— На ужин? — переспросила недоверчиво Сара.

— Ресторанное меню потребностям вампира не очень-то отвечает, — засмеялась Эм.

— Вряд ли я еще его увижу. Судя по визитке, он руководит тремя лабораториями и занимает две преподавательские должности.

— Типичный случай, — пробормотала Сара. — Вот что бывает, когда время девать некуда. И перестань мусолить одеяло —

---

[1] *Библиотека Бейнеке* — библиотека редких изданий и рукописей Йельского университета.

дырку протрешь. — Включив свой колдовской радар на полную мощность, она не только слышала меня, но и видела.

— Он не обкрадывает пожилых дам и не рискует чужими деньгами на бирже, — возразила я (баснословное богатство вампиров было всегдашним Сариным пунктиком). — Он биохимик и врач, мозгом занимается.

— Все это очень интересно, Диана, но чего он на самом деле хотел? — На мое раздражение Сара отвечала своим нетерпением — обычный диалог между двумя женщинами из рода Бишопов.

— Уж точно не ужинать ее повести, — уверенно вставила Эм.

— Но чего-то он точно хотел, — фыркнула Сара. — Вампиры колдуньям свиданий не назначают — если, конечно, он не намеревался поужинать тобой. Колдовскую кровь они обожают.

— Может, любопытничал просто... или ему в самом деле понравились твои книги. — Сомнение в голосе Эм вызвало у меня смех.

— Нам не пришлось бы вести этот разговор, прими ты элементарные меры предосторожности, — заворчала Сара. — Защитное заклинание, немного предвидения...

— Не стану я пользоваться магией, чтобы узнать, зачем вампир хотел со мной поужинать, — твердо ответила я. — Это не обсуждается, Сара.

— Не хочешь нас слушать — так не звони и не спрашивай. — Терпение Сары, как обычно, подошло к концу, и она бросила трубку.

— Ты же знаешь, как Сара волнуется за тебя, — извиняющимся голосом произнесла Эм. — Она понять не может, почему ты не пользуешься своим даром — хотя бы в целях самозащиты.

Потому что за пользование даром надо платить — я им это уже не раз объясняла.

— Это скользкий путь, Эм, — снова попыталась я. — Сегодня защищаешься от вампира в библиотеке, завтра от трудного вопроса на лекции. Потом начинаешь подбирать тему для исследования так, чтобы наверняка выиграть грант. Для меня очень важно самой создать себе репутацию, а с магией у меня не будет ничего по-настоящему своего. Не хочу быть очередной колдуньей Бишоп. — Я собиралась уже было рассказать Эм об «Ашмоле-782», но что-то меня удержало.

— Знаю, милая, знаю, — проворковала Эм, — но Сара все равно беспокоится. Ты у нее теперь единственная родня.

Я запустила пальцы в волосы, потерла висок. В разговорах такого рода всегда всплывают мои родители. Сказать ей еще об одном тревожном моменте или не говорить?

— Что, милая? — Своим шестым чувством Эм уловила мою тревогу.

— Он знал мое имя. Мы виделись впервые, но он знал, кто я.

Эм задумалась.

— Но ведь на обложке твоей последней книги есть фотография?

Я с шумом выдохнула:

— Ну конечно. Какая я глупая! Поцелуй за меня Сару, ладно?

— Обязательно поцелую. Будь осторожна, Диана, слышишь? Может быть, английские вампиры ведут себя с колдуньями не так образцово, как американские.

Я улыбнулась, вспоминая, как учтиво поклонился мне Клермонт:

— Хорошо. Ты не волнуйся, скорее всего, мы с ним больше не встретимся.

Эм промолчала.

— Эм?

— Время покажет.

Эм предсказывала будущее не так хорошо, как это, по слухам, делала моя мать. Ее что-то грызло, но заставить колдунью поделиться смутными подозрениями — дело почти невозможное. Она не скажет мне, что беспокоит ее в Мэтью Клермонте. Во всяком случае, сейчас.

Глава 3

Вампир сидел в темноте на крытом мостике, перекинутом через Нью-Колледж-лейн который соединял два здания Хэртфорд-колледжа. Мэтью прислонился спиной к изъеденной временем каменной стене одной из новейших построек колледжа, а ногами уперся в кровлю моста.

Колдунья, на удивление уверенно преодолев неровный булыжник у Бодлианской библиотеки, прошла прямо под ним, ускоряя шаг. Она нервничала и из-за этого казалась ранимой и совсем юной.

Вот тебе и маститый историк, усмехнулся вампир, припоминая факты ее биографии. Он видел ее фото, но все-таки полагал, что женщина, успевшая добиться таких академических успехов, должна быть старше.

Диана Бишоп, несмотря на все беспокойство, шагала, выпрямив спину и развернув плечи. Пожалуй, напугать ее будет не так легко, как он рассчитывал: в библиотеке колдунья встретила его взгляд без страха, который Мэтью привык внушать всем невампирам, да и многим вампирам тоже.

Бишоп свернула за угол, и Мэтью прокрался за ней по крышам до ограды Нового колледжа, а потом соскользнул вниз. Зная расположение корпусов, он догадывался, где находятся ее комнаты. Когда она начала подниматься по лестнице, он уже спрятался в нише напротив.

Она зажгла везде свет, отворила окно в кухне и скрылась из глаз.

Хорошо. Не придется бить стекла или вскрывать замок.

Мэтью быстро пересек двор и без труда вскарабкался по старой стене, цепляясь за медный водосток и разросшиеся побеги

плюща. Отсюда он хорошо чуял запах колдуньи и слышал шелест переворачиваемых страниц. Вытянув шею, он заглянул в окно.

Бишоп читала. Ее спокойное лицо выглядело совсем по-другому. Кожа, можно сказать, идеально облегала костяк. Вот голова ее медленно наклонилась, с тихим усталым вздохом колдунья откинулась на подушки. Вскоре по ровному дыханию Мэтью определил, что она спит.

Он запрыгнул в полуоткрытое окно кухни. Давно он уже не забирался вот так в комнаты, где обитала женщина, да и в прежние времена делал это редко, разве что в пылу страсти. На сей раз им двигало нечто совсем другое, но пришлось бы долго объясняться, если бы кто-нибудь застал его здесь.

Мэтью нужно было узнать, не у нее ли «Ашмол-782». Ее стол в библиотеке он не успел обыскать как следует. Среди заказанных ею на сегодня рукописей нужного тома, насколько он видел, не было, но какая колдунья, особенно Бишоп, выпустит такую книгу из рук? Мэтью бесшумно прочесал небольшую квартирку. Ни в спальне, ни в ванной книги не обнаружилось.

Он подкрался к дивану, на котором спала колдунья. Ее веки дрожали, как будто она смотрела видимый ей одной фильм, одна рука сжалась в кулак, ноги то и дело дергались, словно в танце, — но, несмотря на все то, что вытворяло тело, лицо оставалось безмятежным.

Что-то здесь не так — он почувствовал это сразу, увидев Бишоп в библиотеке. Мэтью разглядывал ее, скрестив руки, и никак не мог разгадать. От нее не пахло обычными кодовскими запахами — белены, полыни и серой. Что-то она скрывает, думал он, дело тут не просто в пропавшей рукописи.

Стол, который она использовала как письменный, был завален книгами и бумагами. Скорее всего, там и лежит похищенный том. Мэтью сделал шаг к столу и замер, почуяв запах электричества.

Тело Дианы Бишоп излучало бледно-голубой, почти белый свет. Он окутал ее прозрачным саваном, и на мгновение она словно замерцала. Мэтью, уже несколько веков не видевший, чтобы с колдунами происходило подобное, потряс головой.

Но его ждало неотложное дело, и вампир возобновил поиски. На столе книги не было. Мэтью сердито провел рукой по

волосам. Запах колдуньи отвлекал его, сбивал с толку. Бишоп заворочалась, подтянула коленки к груди, и снова заструился загадочный свет, вспыхнул, угас.

Мэтью нахмурился. То, что он подслушал вчера вечером, не совпадало с тем, что он видел собственными глазами. Две колдуньи сплетничали о третьей, заказавшей «Ашмол-782». «Эта американка не пользуется своей магической силой», — говорила одна, но Мэтью наблюдал эту силу как в библиотеке, так и теперь — она буквально сочилась из спящей Бишоп. Эта женщина, скорее всего, пользовалась магией и для научных изысканий. Многие, о ком она писала, были друзьями Мэтью: Корнелиус Дреббель[1], Андреас Либавиус[2], Исаак Ньютон. Бишоп удалось весьма достоверно описать все их мании и чудачества — разве способен современный историк без помощи магии так понимать людей, живших давным-давно? Быть может, она и его, Мэтью, сумеет разглядеть с той же дьявольской зоркостью?

Трижды пробили часы, и он вздрогнул. В горле пересохло. Мэтью осознал, что уже несколько часов стоит неподвижно, глядя на спящую, на то, как вздымаются и опадают волны колдовской силы. Не утолить ли жажду, *отведав колдовской крови*? Это может навести его на след книги и раскрыть прочие ее тайны. Но вампир сдержался. «Ашмол-782» — больше ему ничего от этой загадочной Бишоп не нужно.

Раз книга не у нее, значит в библиотеке.

Вампир выскользнул в кухонное окно и растворился в ночи.

---

[1] *Корнелиус Дреббель* (1572–1633) — голландский изобретатель, оптик и химик.

[2] *Андреас Либавиус* (Либау; 1555 1616) — немецкий врач, химик.

Глава 4

Так я и проснулась четыре часа спустя — на застланной кровати, с телефоном в руке. Правая нога свесилась, тапка с нее упала. Бросив взгляд на часы, я ахнула. Придется отменить греблю, а заодно и пробежку.

Я наскоро приняла душ и, прихлебывая обжигающий чай, стала сушить свои соломенного цвета волосы длиной до плеч. Расчесывай — не расчесывай, они у меня непослушные, как у большинства колдуний. Сара винила в этом избыток магии в организме и твердила, что регулярное ее применение способствует понижению статического электричества.

Почистив зубы, я влезла в джинсы, свежую белую блузку, черный жакет. Знакомый ритуал, привычная одежда — почему же сегодня мне кажется, что все сидит на мне как-то не так? Я одернула жакет. Ну, скверно сшито, что ж тут поделаешь.

Из зеркала на меня смотрело лицо матери. Не помню, когда это сходство установилось полностью — в колледже, что ли? Никто его не замечал, пока я не приехала домой с первого курса на День благодарения, но с тех пор от всех, знавших Ребекку Бишоп, я только о нем и слышу.

Какая я бледная — это от недосыпа. На белом лице веснушки, унаследованные от отца, выделялись предельно четко, но темные круги под глазами их переплюнули. Даже нос с подбородком как-то выдались и удлинились. Интересно, как выглядит по утрам безупречный профессор Клермонт? Вероятно, не хуже, чем вчера вечером. Негодяй. Я скорчила зеркалу рожицу.

В дверях я остановилась и оглядела квартиру. Что-то не переставало меня беспокоить. Что-то важное. Забытая встреча? Невыполненное задание? Мне стало не по себе, в животе что-то

сжалось, но потом прошло. Проверив ежедневник и скопившуюся на столе почту, я списала странные ощущения на голод и вышла на лестницу. По дороге любезные дамы с кухни дали мне тост. Они помнили меня еще аспиранткой и каждый раз, когда я выглядела расстроенной, пытались накормить яблочным пирогом.

Тост и булыжник на Нью-Колледж-лейн убедили меня в том, что события прошлой ночи мне просто приснились. Волосы цеплялись за воротник, дыхание слегка белело на холодке. Утренний Оксфорд, с его мокрыми мостовыми, косыми лучами солнца в тумане, фургонами, доставляющими еду на кухни колледжа, и запахом пригоревшего кофе, воплощал собой все, что есть на свете нормального. Вампиры в таких местах не водятся.

Служитель Бодлианской библиотеки, в синем форменном пиджаке, рассматривал мой читательский билет так, словно видел меня впервые и подозревал во мне прославленную книжную воровку, но наконец пропустил. Достав бумажник, блокнот и компьютер, я поставила сумку в одну из клетушек у двери и поднялась по винтовой деревянной лестнице на третий этаж.

Библиотечный запах — древний камень, пыль, жуки-древоточцы, старая тряпичная бумага — всегда поднимал мне настроение. В лучах лившегося в окна солнца плясали пылинки, пятна света ложились на древние стены и потрепанные объявления о прошлогодних лекциях. Очень скоро, когда откроются шлюзы и орды студентов затопят такой умиротворенный сейчас город, здесь появятся свежие объявления.

Тихонько напевая, я кивнула бюстам Томаса Бодли и короля Карла I, охраняющим арку входа в читальный зал герцога Хамфри, толкнула створки, вошла и тут же услышала голос заведующего, в котором угадывалось отчаяние:

— Придется посадить его в Селден-Энде.

Библиотека только что открылась, но у персонала уже возникли проблемы. Раньше я наблюдала подобную суету лишь в случае визита особо именитых ученых.

— Он уже там. Сделал заказ и ждет. — Вчерашняя девушка-библиотекарь, державшая в руках стопку книг, нахмурилась при виде меня. — Это тоже его — принесли из зала Нью-Бодлиан.

Там хранилась восточноазиатская литература: не моя тематика — так что я сразу потеряла интерес к загадочному посетителю.

— Отнесите ему и скажите, что заказанные рукописи поступят в течение часа. — С этими словами взбудораженный мистер Джонсон скрылся в своем кабинете.

Шон закатил глаза.

— Привет, Диана, — приветствовал он меня. — Выдать то, что оставлено за тобой?

— Да, пожалуйста, — прошептала я, предвкушая встречу с манускриптами. — Похоже, у вас важный посетитель?

— Да уж, — сухо отозвался Шон, а потом исчез в комнатке, где книги запирались на ночь, и вернулся с моими сокровищами. — Держи. Номер места?

— А4.

Я всегда сидела там, в юго-восточном углу Селден-Энда, где естественное освещение было лучше всего.

— Видите ли, доктор Бишоп, — тут же подскочил мистер Джонсон, — место А3 занял профессор Клермонт. Возможно, вам будет удобнее на А1 или А6. — Заведующий, нервно переминаясь с ноги на ногу, поправил очки. Его глаза моргали за толстыми стеклами.

— Профессор Клермонт?!

— Да. Он работает с записями Нидема — ему нужен свет и пространство, чтобы их разложить.

— Джозеф Нидем, историк, изучающий китайскую науку? — У меня заклокотало где-то в области солнечного сплетения.

— Да. Он тоже был биохимиком, отсюда и интерес профессора Клермонта. — Озабоченность мистера Джонсона возрастала с каждой секундой. — Ну так как же? Вы согласны занять А1?

— Лучше А6.

Сидеть рядом с вампиром, хотя бы и через одно место, мне как-то не улыбалось, но сидеть напротив было и вовсе немыслимо. Попробуй сосредоточиться под таким взглядом. Будь столы в средневековом крыле поудобнее, я уселась бы под одной из горгулий, стерегущих узкие окна, и уж как-нибудь вытерпела бы неодобрение Джиллиан Чемберлен.

— Превосходно. Спасибо, что отнеслись с пониманием, — облегченно вздохнул мистер Джонсон.

Войдя в светлый Селден-Энд, я прищурилась. Клермонт выглядел ничуть не хуже вчерашнего, но его кожа поражала бледностью по контрасту с черными волосами. Сегодня на нем был серый с зеленым свитер с открытым воротом, чуть приподнятым сзади, а также — как обнаружилось при взгляде под стол — серые брюки, носки в тон и черные ботинки, стоившие явно больше, чем гардероб какого-нибудь ученого.

Ощущение беспокойства вернулось. Почему он сидит в библиотеке, а не у себя в лаборатории?

Я даже не думала ступать тише обыкновенного, но вампир, углубившийся в чтение, меня как будто не замечал. Он сидел по диагонали, за дальним столом. Я шлепнула пластиковый пакет и книги на место А5, обозначив границы своей территории, — лишь тогда он с явным удивлением вскинул брови:

— Доктор Бишоп! Доброе утро.

— *Профессор Клермонт...*

Он, вероятно, слышал все, что говорили про него на выдаче при входе в зал, — слух у вампиров как у летучих мышей. Не глядя ему в глаза, я вынула из пакета свое имущество и воздвигла на столе целую крепостную стену, отгородившись от чужих взглядов. *Клермонт дождался, когда я закончу,* и вновь углубился в чтение.

Я подсоединила к компьютеру шнур и залезла под стол, чтобы воткнуть его в розетку. Когда я выпрямилась, вампир все так же читал, старательно сдерживая улыбку.

— *На северной стороне вам было бы куда как удобнее,* — пробурчала я, пытаясь найти свой книжный список.

Клермонт поднял на меня глаза, которые из-за расширенных зрачков казались очень темными.

— Я вам мешаю, доктор Бишоп?

— Нет, что вы! — *торопливо отозвалась я; у меня свело горло* от внезапного резкого аромата гвоздики. — Просто удивляюсь, что это вы выбрали южное крыло.

— Неужели вы верите всему, что написано в книгах? — Черная бровь выгнулась вопросительным знаком.

— Думаю ли я, что вы тут же загоритесь, если на вас упадет луч солнца? Нет, не думаю. — Вампиры не сгорают на солнце,

и клыков у них тоже нет. Все это мифы, придуманные людьми. — Но я ни разу не видела, чтобы кому-то из вас нравилось греться на солнышке.

Клермонт не шелохнулся, но я могла бы поклясться, что он подавил смех.

— А какой у вас опыт общения с такими, как я, доктор Бишоп?

И откуда он знает, что такого опыта у меня почти нет? Чувства у вампиров, конечно, острые, но ничем сверхъестественным вроде чтения мыслей они не владеют. Такое под силу лишь колдунам и изредка даймонам. «Так в природе устроено», — объясняла мне тетя, когда я в детстве никак не могла заснуть, потому что боялась, что вампиры унесут через окно мои мысли.

Я внимательно всмотрелась в своего собеседника:

— Мне кажется, профессор Клермонт, что даже многолетний опыт не дал бы ответа на вопрос, который я себе сейчас задаю.

— Буду счастлив ответить, если смогу. — Клермонт закрыл книгу. Он вел себя терпеливо, как учитель, обращающийся ко вздорному и не слишком способному ученику.

— Чего вы, собственно, хотите?

Он непринужденно откинулся на спинку кресла, положив руки на подлокотники.

— Хочу понять, как развивались взгляды доктора Нидема на морфогенез.

— Морфогенез?

— Изменения зародышевых клеток, приводящие к дифференциации...

— Мне известно, что такое морфогенез, профессор Клермонт. Я не об этом спрашивала.

Он скривился. Я защитным жестом скрестила на груди руки.

— Понимаю. — Опершись локтями о подлокотники, вампир сплел длинные пальцы. — Вчера я пришел в Бодлианскую библиотеку посмотреть кое-какие рукописи и решил заодно сориентироваться на местности — вы же понимаете. Я здесь нечасто бываю. Потом увидел в галерее вас и открыл нечто для себя неожиданное. — Его губы снова дернулись.

Я покраснела, вспомнив о своем колдовстве, — и чего ради? Чтобы снять книгу с полки. То, что он старомодно именовал

библиотеку ее полным именем, показалось мне очень милым, но я постаралась не подавать виду.

«Осторожней, Диана, — сказала я себе. — Он тебя очаровать пытается».

— Вы хотите сказать, что вампир и колдунья, чинно сидящие друг против друга над рукописями, как самые обыкновенные читатели, — это всего лишь странное стечение обстоятельств?

— За обыкновенного читателя я вряд ли сойду, вы так не думаете? — почти шепотом с издевкой отозвался Клермонт и подался немного вперед, его бледное лицо на свету словно засияло. — Но в целом вы правы. Это всего лишь цепочка совпадений, вполне объяснимых.

— Я думала, что ученые в совпадения больше не верят.

— Некоторым поневоле приходится, — с тихим смехом ответил Клермонт.

Он смотрел прямо на меня, и мне это сильно действовало на нервы. Девушка-библиотекарь подкатила к его столу старинную деревянную тележку с аккуратно сложенными кипами рукописей в картонных коробках.

— Спасибо, Валери. — Вампир перевел взгляд на нее. — Я высоко ценю вашу помощь.

— Всегда рада помочь, профессор Клермонт, — порозовела смущенная Валери, восторженно на него глядя.

Ее вампир очаровал без особых усилий. Я фыркнула.

— Если понадобится что-то еще, обращайтесь, пожалуйста.

С этими словами Валери удалилась в свою комнатку у входа.

Клермонт взял с тележки верхнюю коробку, развязал тесемки длинными пальцами и снова посмотрел на меня.

— Не хочу больше вас отвлекать.

Вот так. Я достаточно имела дело со старшими коллегами и поняла — лучше смолчать: мой ответ только ухудшил бы ситуацию. Я включила ноутбук, изо всех сил ткнув пальцем в кнопку, открыла коробку, взяла первый манускрипт в кожаном переплете и положила его на специальную подставку для чтения.

Следующие полтора часа я провела, снова и снова перечитывая первые страницы. Книга начиналась стихами, приписы-

ваемыми Джорджу Рипли[1], — они сулили раскрыть тайны философского камня. После сегодняшних неожиданностей описания того, как создать Черного Дракона, Зеленого Льва и смешать из химических ингредиентов мистическую кровь, казались мне еще более туманными, чем обычно.

Зато Клермонт прилежно трудился — его механический карандаш «Монблан-майстерштюк» так и летал по бумаге. Слыша шорох переворачиваемых страниц, я стискивала зубы и сызнова начинала чтение.

Мистер Джонсон иногда прогуливался по залу — посмотреть, не портим ли мы, часом, книги. Вампир продолжал строчить, я сверлила гневным взглядом их обоих.

В 10:45 знакомая щекотка предупредила меня о появлении Джиллиан Чемберлен. Она направилась прямо ко мне — видимо, собиралась поделиться впечатлениями от Мейбона, но при виде вампира уронила пакет с бумагой и карандашами. Клермонт поднял голову и смотрел на нее, пока она не ретировалась обратно в средневековое отделение.

В 11.10 я ощутила на шее легкий поцелуй — явился даймон-кофеман из зала с литературой о музыке. В руках он теребил белые наушники — сначала намотал на пальцы, потом раскрутил. Даймон заметил меня, кивнул Мэтью и уселся за один из библиотечных компьютеров в центре зала. «НЕИСПРАВЕН. ВЫЗВАТЬ ТЕХНИКА», — гласила приклеенная к экрану записка, но даймон просидел как ни в чем не бывало добрых несколько часов. Временами он оглядывался через плечо или смотрел в потолок, точно не мог понять, где он и как, собственно, здесь оказался.

Я углубилась в Рипли, чувствуя макушкой холодный взгляд Клермонта.

В 11.40 такой же ледяной взгляд уперся мне в спину.

Ну, это уже слишком. Сара всегда говорила, что на десять человек обязательно приходится одно создание, но сегодня в зале герцога Хамфри нелюдей собралось впятеро больше, чем людей. И откуда они только взялись?

Резко вскочив с места, я обернулась. Ангелоподобный вампир с охапкой средневековых служебников в руках и с тонзу-

[1] *Джордж Рипли* – знаменитый английский алхимик XV в.

рой втискивался в слишком маленькое для него кресло. Под моим яростным взглядом он испуганно пискнул. Потом увидел Клермонта, побледнел (выходит, вампиры тоже бледнеют), с виноватым видом откланялся и улизнул в темный угол.

За день Селден-Энд посетили несколько человек и еще трое созданий.

Две вампирши, по виду сестры, прошли мимо Клермонта к стоявшим подле окна полкам с литературой по местной истории. Взяли по книжке о первобытных жителях Бедфордшира и Дорсета и стали что-то писать по очереди в одном на двоих блокноте. Клермонт стремительно повернулся на шепот одной из них (у нормального существа от такого шея бы сразу сломалась). От его тихого шипения у меня волосы на затылке встали дыбом. Вампирши переглянулись и удалились столь же неслышно, как и вошли.

Третьим был пожилой мужчина. Он долго стоял на ярком солнце и восхищенно рассматривал свинцовые переплеты окон, а потом перевел взгляд на меня. Одет он был в обычном академическом стиле — коричневый твидовый пиджак с замшевыми заплатами на локтях, болотно-зеленые вельветовые брюки, хлопковая рубашка с чернильными кляксами на кармане. Сначала я приняла его за обычного оксфордского академика, но потом кожа покрылась мурашками, и я поняла, что это колдун. Мы не были знакомы, так что я снова углубилась в чтение.

Однако легкое давление в области затылка мешало сосредоточиться. Когда оно переместилось на уши и обручем обхватило лоб, внутри у меня все сжалось от страха. Это было уже не приветствие, а угроза, но с какой стати мне угрожает незнакомый колдун?

С показной непринужденностью он подошел к моему столу, и в разболевшейся голове послышался шепот. Слов я не разбирала. Ясно было, что шепчет колдун, — знать бы еще, кто он.

Дыхание мое участилось. *«Уйди из моей головы»*, — произнесла я мысленно, но яростно, взявшись за лоб.

Клермонт в одно мгновение оказался рядом — одна рука на спинке моего кресла, другая плашмя на столе. Его широкие плечи нависли надо мной, как крылья ястреба над добычей.

— У вас все в порядке?

— В полном, — пробормотала я, окончательно сбитая с толку. Зачем вампир защищает меня от такого же, как я, колдуна?

На галерее какая-то читательница вытянула шею посмотреть, что тут за шум. Она встала, нахмурилась — любой человек обратит внимание на колдунов и вампира, если они соберутся вместе.

— Оставьте меня в покое: люди нас заметят, — прошипела я.

Клермонт, выпрямившись во весь рост спиной к колдуну, загораживал меня от него, как ангел-хранитель.

— Извините, — промурлыкал колдун, — я думал, это место свободно...

Его шаги начали удаляться, и давление в моей голове постепенно прошло.

Вампир протянул было руку к моему плечу, но, помедлив, снова положил ее на спинку кресла. На меня повеяло прохладным ветерком.

— Вы так бледны, — тихо промолвил Клермонт. — Хотите, провожу вас домой?

— Нет. — Я потрясла головой, надеясь, что он уйдет и даст мне собраться.

Читательница с галереи все еще подозрительно наблюдала за нами.

— Доктор Бишоп, я думаю, мне следует проводить вас домой.

— Нет! — повторила я громче, чем нужно, а потом перешла на шепот: — Я не дам себя выжить из этой библиотеки — ни вам, ни кому-либо другому.

Клермонт наклонился чересчур близко ко мне и медленно вдохнул. На меня снова повеяло гвоздикой и корицей. Поняв по моему взгляду, что я не шучу, он сжал губы и вернулся на свое место.

Напряжение разрядилось. Я с грехом пополам добралась до второй страницы, Клермонт листал свои заметки и исписанные блокноты с видом судьи, выносящего приговор по крайне сложному делу.

К трем часам нервы у меня сдали окончательно. День пропал впустую.

Я собрала вещи, уложила рукопись в папку.

— Домой идете, доктор Бишоп? — мягко, но с огоньком в глазах спросил Клермонт.

— Да, — отрезала я.

Вампир принял невозмутимый вид.

Все создания проводили меня глазами — зловещий колдун, Джиллиан, вампир-монах, даже даймон. Библиотекаря, работавшего после обеда, я не знала, поскольку обычно никогда в это время не уходила. Мистер Джонсон слегка отодвинул стул, увидел, что это я, и удивленно посмотрел на часы.

Распахнув стеклянные двери библиотеки, я вышла вон и вдохнула полной грудью. Но чтобы прийти в себя, одного свежего воздуха было мало.

Четверть часа спустя, облачившись в растянутые легинсы, выцветшую майку с надписью «Лодочный клуб Нового колледжа», флисовый пуловер и кроссовки, я отправилась на пробежку.

У реки мне стало немного легче. Один из врачей, наблюдавших за мной, называл мои тревожные приступы адреналиновым отравлением. Они мучили меня с детства. Мой организм, объяснял врач, по каким-то непонятным причинам все время пребывает в настороженном состоянии. Другой специалист на полном серьезе сказал тете Саре, что это наследие предков — охотников-собирателей. Излишек адреналина в крови мне надлежало понижать с помощью бега — будто я убегающая ото льва горная коза.

К несчастью для того доктора, я побывала вместе с родителями в Серенгети и видела, как это происходит в реальности. Участь, постигшая козу, произвела на меня весьма сильное впечатление.

С тех пор я перепробовала и лекарства, и медитацию, но лучше всего снимала панику именно физическая активность. В Оксфорде я занималась греблей — по утрам, пока на узкую речку не вышли лодочные команды. Но сейчас, пока не начался учебный год, и днем народу не будет.

Под ногами хрустел гравий. Приблизившись к лодочным сараям, я помахала лодочнику Питу — он возился с разводным ключом и смазкой, исправляя причиненный спортсменами-студентами ущерб. Я остановилась у седьмого сарая, отдышалась, дожидаясь, пока не пройдет боль в боку, взяла ключ с фонаря у дверей.

Внутри стояли белые с желтым лодки: большие восьмерки для мужчин, чуть поуже для девушек и прочие, всевозможных форм и размеров. На носу совсем новой, не оснащенной пока лодки висела табличка: «ЛЮБОВНИЦУ ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА БРАТЬ ТОЛЬКО С РАЗРЕШЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КЛУБА». Имя лодки, названной в честь персонажа, которого придумал выпускник Нового колледжа[1], аккуратно вывели на борту викторианским шрифтом.

Позади висело на стропах суденышко менее двенадцати дюймов в ширину, но длиной добрых двадцать пять футов, висело низко — как раз на уровне пояса. Я мысленно поблагодарила Пита. На банке лежала записка: «В следующий понедельник лодка снова будет на стапеле: командная тренировка».

Я скинула кроссовки, взяла со стойки у двери весла с гнутыми лопастями, отнесла их на пристань и вернулась за лодкой.

Спустив ялик на воду, я поставила ногу на банку, чтобы он не уплыл, и вдела весла в уключины. Придерживая их одной рукой, как пару очень больших палочек для еды, осторожно ступила в лодку и оттолкнулась. Лодочка отошла от причала.

Гребля была для меня чем-то вроде религии: раз за разом повторяющиеся ритуалы и движения превратились в своего рода медитацию. Обряд начинался, когда я прикасалась к лодке, но настоящая магия крылась в точности, ритме и силе. Гребля еще со студенческих дней успокаивала меня, как ничто другое.

Весла погрузились в воду, скользнули вперед. Я набрала темп, напрягая ноги, чувствуя упругий напор воды при каждом гребке. Холодный ветер пронизывал меня насквозь при каждом рывке.

Когда ритм установился, я начала испытывать чувство полета. В такие блаженные минуты я парила в пространстве и во времени — невесомое тело на бегущей куда-то реке. Моя быстрая лодочка мчалась вперед, а я составляла с ней и веслами единое целое. Я закрыла глаза, расплылась в улыбке. Все сегодняшние происшествия утратили значение.

За сомкнутыми веками стало темно, над головой загрохотал транспорт: я шла под Доннингтонским мостом. Снова выныр-

[1] Имеется в виду писатель Джон Фаулз.

нув на солнце, я открыла глаза, и в грудь мне тут же уперся холодный вампирский взгляд.

На мосту стоял кто-то в длинном развевающемся пальто. Лица я не различала, но, судя по росту и ширине плеч, это был Мэтью Клермонт. Опять!

Выругавшись, я чуть не упустила весло. Городская пристань была недалеко. Так и захотелось нарушить судоходные правила, переправиться на тот берег и съездить вампира по прекрасной голове веслом или, скажем, багром. Обдумывая этот маневр, я увидела на причале стройную женщину в заляпанном краской комбинезоне. Она курила сигарету и говорила по мобильному телефону.

Не совсем обычное зрелище для пристани города Оксфорда.

Женщина подняла глаза, и я ощутила прикосновение. Даймон. Она, по-волчьи осклабившись, сказала что-то в свой телефон.

Просто ни в какие ворота. Сначала Клермонт, а за ним целый хвост нелюдей. Я отказалась от соблазнительного маневра и вложила тревогу в греблю, но все обретенное было спокойствие пропало.

Пройдя вниз по реке, я развернула лодку у паба «Айсис-таверн». У одного из столиков стоял Клермонт. Он добрался сюда от Доннингтонского моста — пешком, заметим себе, — быстрее, чем я на гоночном ялике.

Я сильно нажала на весла, и они приподнялись над лодочкой, словно два крыла. Ялик подошел к плавучему деревянному причалу возле паба. Когда я вылезла, Клермонт уже преодолел двадцать футов лужайки, разделявших нас. Под его тяжестью причал чуть качнуло, а вместе с ним качнулась и лодка.

— Какого черта? — Перешагнув весло, я подошла по дощатому пирсу к вампиру. — Зачем вы со своими друзьями преследуете меня?

Я запыхалась после гребли, щеки пылали.

— Они мне не друзья, доктор Бишоп, — нахмурился он.

— Правда? Я не видела стольких вампиров, колдунов и даймонов в одном месте с тринадцати лет — тогда тетушки вытащили меня на летний языческий фестиваль. Если это не ваши друзья, то почему за вами таскаются? — Я вытерла рукой лоб, откинув назад влажные волосы.

— Бог мой, — недоверчиво пробормотал вампир. — Выходит, слухи не лгут.

— Какие слухи? — нетерпеливо спросила я.

— Вы полагаете, что эти... создания во мне заинтересованы? — В голосе Клермонта, помимо брезгливости, слышалось еще и удивление. — Невероятно!

Я через голову стащила пуловер. Взгляд Клермонта скользнул по моим рукам от ключиц до пальцев, и я вдруг почувствовала себя голой в своей обычной спортивной одежде.

— Да, полагаю. Я училась в Оксфорде и бываю здесь каждый год. Единственный непривычный фактор в этот мой приезд — это вы. Как только вы появились вчера вечером, я лишилась возможности спокойно работать: меня выжили из библиотеки, на меня таращатся незнакомые вампиры и даймоны, мне угрожают неизвестные колдуны.

Клермонту, судя по непроизвольному жесту, захотелось взять меня за плечи и потрясти. Я тоже довольно высокая, почти пять футов семь дюймов, но при разговоре с ним мне приходилось запрокидывать голову. Сознавая, насколько он больше и сильнее меня, я отступила назад, скрестила руки на груди и приказала себе-ученому привести нервы в порядок.

— Их интересую не я, доктор, Бишоп, а вы.

— С какой это стати?

— Вы действительно не знаете, почему все даймоны, колдуны и вампиры к югу от Мидлендс ходят за вами следом? — недоверчиво спросил Клермонт, глядя на меня так, точно видел впервые.

— Нет. — Я оглянулась на двух мужчин, пьющих послеобеденную пинту за уличным столиком, — счастье, что они были заняты разговором. — В Оксфорде я читаю старые рукописи, занимаюсь греблей, готовлюсь к конференции и никуда не лезу. Ничего больше. У созданий нет никакого повода мною интересоваться.

— Подумайте хорошенько, Диана. — Когда он назвал меня по имени, я испытала нечто не совсем понятное, но не страх. — Что именно вы читали недавно? — Он приопустил веки, но от меня не укрылся жадный блеск его глаз.

Тетушки не ошиблись. Мэтью Клермонт чего-то от меня хочет.

Странные глаза, черные в сером ободе, снова уставились на меня.

— Они преследуют вас, потому что думают, что вы нашли нечто давно утраченное, — нехотя объяснил он. — Они хотят заполучить это назад и верят, что вы можете им помочь.

Я припомнила рукописи, которыми занималась последние несколько дней, и сердце у меня сжалось. Кандидат был только один.

— Откуда вы знаете, что им нужно, если они не ваши друзья?

— Слышал, доктор Бишоп, — терпеливо отозвался он, снова переходя к официальной манере обращения. — У меня очень хороший слух, и я довольно наблюдателен. В воскресенье вечером, на концерте, две колдуньи обсуждали третью, американку, — она нашла в Бодлианской библиотеке книгу, считавшуюся пропавшей. С тех пор я с беспокойством стал замечать, что в Оксфорде появились новые лица.

— Сейчас Мейбон, вот колдуны и съехались. — Я говорила спокойно, подражая ему, хотя он так и не ответил на мой последний вопрос.

— Дело не в Мейбоне, а в рукописи, — с насмешливой улыбкой возразил Клермонт и покачал головой.

— Что вы знаете об «Ашмоле-782»? — тихо спросила я.

— Меньше, чем вы. — Клермонт прищурился и еще больше сделался похож на опасного крупного хищника. — Я эту книгу не видел, а вы ее держали в руках. Где она теперь, доктор Бишоп? Надеюсь, у вас хватило ума не оставлять ее дома?

— Вы думаете, я украла ее? — ошеломленно ответила я. — Из Бодли? Да как вы смеете!

— В понедельник вечером ее у вас не было, сегодня в библиотеке тоже.

— Вы и впрямь наблюдательны, если углядели это со своего места, — съязвила я. — Если хотите знать, я сдала ее в пятницу. — Да ведь он, наверное, рылся у меня на столе, с опозданием дошло до меня. — Что же это за рукопись такая, побуждающая ученого совать нос в чужие заметки?

Он поморщился. Я поймала его на горячем, но к триумфу примешивался страх при мысли о том, что этот вампир подобрался ко мне так близко.

— Я это сделал из любопытства, — осклабился он.

Сара не обманывала меня: клыков нет.

— Вы не думаете, надеюсь, что я вам поверю.

— Хотите верьте, хотите нет, доктор Бишоп, только будьте настороже. Создания настроены весьма серьезно, а уж когда они поймут, что вы не совсем обычная колдунья... — покачал головой Клермонт.

— О чем вы? — Мне стало дурно, от лица отхлынула кровь.

— Для современного колдуна такой потенциал — редкость, — промурлыкал вампир. — Это пока еще не всем ясно, но я-то вижу. В моменты концентрации от вас исходит свечение, и когда вы сердитесь — тоже. Бывающие в библиотеке даймоны скоро это поймут, если еще до сих пор не поняли.

— Спасибо, что предупредили, но ваша помощь мне не нужна. — Я хотела уйти, но он схватил меня за руку выше локтя.

— Не будьте так уверены. Остерегайтесь, прошу вас. — Клермонт ненадолго замолчал, черты его исказились, утратив свою правильность, — в нем шла какая-то внутренняя борьба. — Особенно если снова увидите того колдуна.

Я многозначительно посмотрела на его руку. Он отпустил меня и снова опустил веки, прикрывая глаза.

Размеренная гребля на обратном пути не могла больше прогнать тревогу Время от времени на дорожке, шедшей вдоль реки, мелькало серое пятно, но в остальном ничего необычного — люди на велосипедах возвращались домой с работы, самая обыкновенная женщина выгуливала собаку.

Вернув лодку в сарай и заперев дверь, я размеренной трусцой побежала по дорожке.

За рекой перед университетской пристанью стоял Мэтью Клермонт.

Я прибавила темп и оглянулась через плечо, но его там больше не было.

Глава 5

После ужина, сев на диван у нерастопленного камина, я включила свой ноутбук. Зачем ученому такого масштаба, как Клермонт, понадобилась алхимическая рукопись, пусть даже и заколдованная? Понадобилась настолько, что он весь день просидел в библиотеке наискосок от колдуньи, читая чьи-то старые записи о морфогенезе? Я откопала в кармане сумки его визитную карточку и прислонила ее к экрану.

В Интернете, продравшись через новости о нераскрытом убийстве и неизбежные баннеры социальных сетей, я нашла сразу несколько упоминаний о нем: веб-страница с преподавателями, статья из Википедии, отсылки к Королевскому обществу.

Я кликнула на список преподавателей. Так-так. Мэтью Клермонт принадлежал к тем профессорам, которые не выставляют в Сети никаких сведений о себе, даже академического характера. На веб-сайте Йеля можно найти информацию, в том числе и адресную, практически о каждом профессоре, но в Оксфорде частная жизнь, видимо, охраняется куда строже. Неудивительно, что у них вампиры работают.

В связи с больницей он не упоминался вообще, хотя она фигурировала на визитке. Я набрала в поиске «неврологические исследования больница Джона Рэдклиффа», но на открывшемся сайте не было ни единой фамилии — только длинный перечень того, чем они там занимаются. Перебрав все ссылки, я в конце концов обнаружила Клермонта на странице, посвященной лобной доле. Только фамилию, ничего больше.

Википедия и сайт Королевского общества тоже не помогли. Чтобы узнать что-нибудь, помимо того, о чем говорилось на главной странице последнего, требовался пароль. Ни его, ни

имя пользователя я подобрать не сумела, и мне заблокировали доступ после шестой неудачной попытки.

Раздосадованная, я запустила поиск в научных журналах.

Есть!

Я довольно откинулась на спинку дивана.

В Интернете Мэтью Клермонт присутствовал лишь номинально, зато в научной периодике активно публиковался. Рассортировав полученные результаты хронологически, я получила картину его интересов в науке. Но торжество мое длилось недолго: картин было целых четыре.

Первая относилась к функциям мозга. Здесь я далеко не все понимала, но сделала вывод, что Клермонт завоевал себе репутацию в науке и в медицине исследованиями лобной доли — изучал, как она обрабатывает человеческие импульсы и желания. Он сделал несколько важных открытий, касающихся отложенного вознаграждения и префронтальной коры. Я открыла новое окно и посмотрела на схеме, о какой части мозга шла речь.

Говорят, что жизнь в науке — не что иное, как завуалированная автобиография. У меня участился пульс. Клермонт, будучи вампиром, должен был кое-что понимать в отложенном вознаграждении.

Вторая сфера интересов резко переключалась с головного мозга на волков — норвежских, если точнее. Их он, по-видимому, изучал в полярные ночи — для вампира это не проблема, учитывая температуру его тела и способность видеть в темноте. Я попыталась представить его на снегу, одетым в парку, с блокнотом в руках. Не получилось.

После волков начались первые упоминания о крови.

В Норвегии вампир стал анализировать кровь волков и определять семейные группы и наследственные механизмы. Он выделил четыре клана — три местных и четвертый, родоначальник которого пришел из Швеции или Финляндии. Волки из разных стай, согласно заключению Клермонта, спаривались на удивление часто, обмениваясь генетическим материалом и обеспечивая эволюцию вида.

В настоящее время Клермонт отслеживал наследственные признаки как у других видов животных, так и у человека. Многие из его недавних публикаций были весьма узкоспециализи-

рованными — он делился методами окрашивания образцов и работы со старой ломкой ДНК.

Я подергала себя за волосы, надеясь таким образом улучшить кровообращение и стимулировать усталые клетки мозга. Разве может ученый сделать столько всего в таком количестве дисциплин? На одно только приобретение квалификации жизни не хватит — человеческой жизни, конечно...

Вампиру проще — у него много десятилетий в запасе. Сколько по-настоящему лет Мэтью Клермонту, который выглядит на тридцать с хвостиком?

Я заварила свежий чай, откопала в сумке мобильник и, сжимая в одной руке дымящуюся чашку, другой набрала номер большим пальцем.

С учеными всегда легко: телефон у них всегда при себе и отвечают они, как правило, уже на втором гудке.

— Кристофер Робертс.

— Привет, Крис, это Диана Бишоп.

— Диана! — приветливо откликнулся он. Где-то на заднем фоне негромко играла музыка. — Я слышал, твоя книга опять получила премию. Поздравляю!

— Спасибо. — Я поерзала на диване. — Для меня это была неожиданность.

— А для меня нет. Как твой доклад, кстати? Уже написан?

— Где там, и близко нет. — Вот чем мне следует заниматься, а не выслеживать в Интернете вампиров. — Извини, что отрываю, ты явно в лаборатории... есть у тебя минутка?

— Конечно. — Он крикнул кому-то, чтобы убавили звук, — никакого эффекта. — Погоди, я сейчас. — (Приглушенные звуки и тишина.) — Ну вот, так-то лучше. Молодежь просто бурлит энергией в начале семестра. — смущенно пояснил Крис.

— Она всегда бурлит, Крис. — Мне стало немного грустно из-за того, что я пропущу начало года и не увижу новых студентов.

— Тебе видней. Ну, в чем проблема?

Мы с Крисом начали преподавать в Йеле одновременно. Штатная должность ему, как и мне, не светила, однако он обогнал меня на год, заработав стипендию Макартура за блестящую работу по молекулярной биологии.

Когда я нахально позвонила ему спросить, почему алхимики описывают две нагреваемые в перегонном кубе субстанции как ветви одного дерева, он не стал строить из себя надменного гения. Никто на всем химическом факультете не хотел мне помочь, а он отрядил двух аспирантов собрать нужный материал и пригласил меня на воссоздание эксперимента. Понаблюдав, как серое месиво в колбе распускается в красное дерево с сотнями веток, мы стали друзьями.

Набрав в грудь побольше воздуха, я сказала:

— Я тут на днях познакомилась кое с кем...

Крис, годами знакомивший меня с товарищами по тренажерному залу, издал радостный вопль.

— Не то, что ты думаешь, — торопливо пояснила я. — Он ученый.

— Прекрасно. Красавец-ученый — вот что тебе нужно. Тебе нужно заполучить интересную задачку... а еще наладить личную жизнь.

— Кто бы говорил. Ты во сколько вчера ушел из лаборатории? И потом, в моей жизни один красавец-ученый уже имеется.

— Ты тему-то не меняй.

— Оксфорд — город маленький, и мы с ним все время сталкиваемся. Он здесь, похоже, большая шишка. — Я скрестила пальцы — ничего, это ведь почти правда. — Я тут посмотрела в Интернете, чем он занимается, мне не все понятно, одно с другим как-то не сходится.

— Не говори только, что он астрофизик. В физике я слабоват, ты же знаешь.

— Тоже мне гений.

— Еще как гений! Но моя гениальность не распространяется на карточные игры и физику. Давай уже его фамилию. — Крис старался быть терпеливым, но рядом с ним трудно не казаться тугодумом.

— Мэтью Клермонт. — Его имя застряло у меня в горле, как запах гвоздики вчерашним вечером.

— Отшельник-невидимка? — присвистнул Крис. Мои руки покрылись мурашками. — Ты что, его взглядом околдовала?

Крис не знал, что я колдунья, и слово «околдовала» употребил чисто случайно.

— Ему понравилась моя работа о Бойле.

— Да уж... — усмехнулся Крис. — Ты на него смотришь своими сияющими синими с золотом глазами, а у него на уме закон Бойля? Он ученый, но не монах же все-таки. Кстати, он в самом деле большая шишка.

— Правда? — промямлила я.

— Ну да. Феномен вроде тебя — начал публиковаться еще аспирантом. Причем писал не лажу какую-нибудь, а такое, что маститому ученому опубликовать не стыдно.

Я сверилась со своими заметками в линованном желтом блокноте.

— Про нейронные механизмы и префронтальную кору?

— Подготовилась, молодец, — одобрил Крис. — За его ранними публикациями я не очень следил, он меня больше интересует как химик, но работы о волках вызвали сенсацию.

— Почему?

— Он столько о них знал: как выбирают место обитания, как формируют социальные группы и спариваются — как будто сам волком был.

— Может, так оно и есть. — Реплика, задуманная как непринужденная, вышла завистливой и резковатой.

Мэтью Клермонту сверхъестественные способности и вампирская жажда крови почему-то не мешали делать карьеру. У меня появилась уверенность, что уж он-то непременно потрогал бы иллюстрации в «Ашмоле-782».

— Это бы прекрасно все объясняло, — Крис не обратил внимания на мой тон, — но поскольку он не волк, остается признать, что он очень талантлив. Именно на основе этих работ его приняли в Королевское общество. Его называли вторым Аттенборо[1], но после этого он как-то скрылся из виду.

Еще бы ему не скрыться!

— А когда появился опять, занялся химией и теорией эволюции?

— Да, но эволюция — вполне естественный переход от волков.

---

[1] *Дэвид Аттенборо* (р. 1926) — натуралист и телеведущий. Много лет ведет естествен-нонаучные программы на Би-би-си.

— Почему он интересует тебя как химик?

— Ну... он ведет себя так, будто открыл нечто крупное.

— То есть? — нахмурилась я.

— Нервозно. Мы в таких случаях отсиживаемся в лабораториях и не ездим на конференции, боясь ляпнуть лишнее и навести на след кого-то другого.

— Как волки.

О волках я теперь многое знала. Собственническое настороженное поведение, которое описал Крис, было свойственно как раз норвежскому волку.

— Точно, — засмеялся Крис. — Он никого там не покусал? Или, может, на луну воет?

— Не слыхала. Он всегда был таким отшельником?

— Чего не знаю, того не знаю. Он имеет степень по медицине и должен, по идее, принимать пациентов, хотя как практик никогда не славился. Волки его тоже любили, но на симпозиумах он уже три года не появлялся. Погоди-ка... несколько лет назад что-то такое было.

— Что именно?

— Он делал доклад — тему не помню, — и какая-то женщина ему задала вопрос. Нормальный вопрос, умный, но он ей ничего толкового не ответил. А когда она проявила настойчивость, взбесился. Мой приятель там был — говорит, никогда не видел, чтобы вежливый, казалось бы, человек так быстро выходил из себя.

Я застучала по клавишам, разыскивая информацию об этом происшествии.

— Доктор Джекил и мистер Хайд? В Сети об этом ничего нет.

— Неудивительно. Химики не любят выносить сор из избы. Не хватало, чтоб бюрократы, решая вопрос о грантах, думали, что все мы буйнопомешанные. Это прерогатива физиков.

— А Клермонт получает гранты?

— Да-а. По уши в деньгах. За его карьеру можешь не беспокоиться. Репутация женоненавистника не мешает ему получать финансирование. Слишком уж он хорош как ученый.

— Ты с ним встречался когда-нибудь? — Я надеялась, что Крис сможет что-то сказать о его характере.

— Нет. Таких, кто его лично знает, наберется всего пара десятков. Зато рассказов о нем ходит много. Интеллектуальный сноб, лекций не читает, женщин не любит, на письма не отвечает, аспирантов не берет.

— Ты, похоже, думаешь, что все это чушь.

— Не то чтобы чушь, — задумчиво отозвался Крис, — просто это не так уж важно, если он раскроет тайны эволюции или вылечит болезнь Паркинсона.

— Послушать тебя, так он нечто среднее между Солком[1] и Дарвином.

— Неплохая аналогия, знаешь ли.

— Настолько гениален? — Мне вспомнилось, с какой сосредоточенностью Клермонт вгрызался в бумаги Нидема. Может, и гениален.

— Ага. Если б я делал ставки на деньги, — Крис понизил голос, — поставил бы сотню долларов, что он рано или поздно получит Нобелевку.

Крис и сам был гением, но он не знал, что Мэтью Клермонт — вампир. Никакой Нобелевки не будет: Клермонт позаботится о том, чтобы не нарушалась его тайна. Нобелевских лауреатов ведь фотографируют.

— Ладно, спорим, — засмеялась я.

— Начинай копить, Диана, потому что это пари ты не выиграешь, — усмехнулся Крис.

В прошлый раз проиграл он: я спорила на пятьдесят долларов, что ему дадут штатную должность раньше меня. Свою ставку он держал за рамкой фотографии, снятой в тот день, когда ему позвонили из фонда Макартура, — той, где он смущенно улыбается, запустив руки в черные кудри, темнокожее лицо так и сияет. Должность он получил спустя девять месяцев.

— Спасибо, Крис, ты мне очень помог, — сказала я искренне. — Возвращайся к своим ребятам, пока они чего-нибудь не взорвали.

— Да уж, пойду проверю. Пожарная тревога не включалась пока, уже хорошо. — Он помолчал и сказал: — Сознавайся,

[1] *Джонас Солк* (1914–1995) — американский исследователь и вирусолог. Известен как разработчик первой вакцины против полиомиелита.

Диана. Тебя ведь не то волнует, что ты можешь ляпнуть глупость Клермонту на вечеринке, — ясно, что дело касается твоей научной работы. Что в нем так тебя зацепило?

Иногда Крис, кажется, подозревал, что со мной не все ладно, но не могла же я сказать ему правду.

— У меня слабость к умным мужчинам.

— Ладно, можешь не говорить, — вздохнул он. — Врать ты совсем не умеешь. Только будь осторожна. Если он разобьет тебе сердце, мне придется надрать ему задницу, а у меня в этом семестре и так дел невпроворот.

— Не разобьет, — заверила я. — Просто коллега, у которого широкий круг чтения.

— Ты такая умница, но иногда ничегошеньки не понимаешь. Спорю на десятку, он еще до конца недели куда-нибудь тебя пригласит.

— Вижу, жизнь тебя ничему не учит, — опять засмеялась я. — Идет. Десятка или ее эквивалент в фунтах.

Мы распрощались. Знаний о Мэтью Клермонте у меня почти не прибавилось, зато определились вопросы. Первое место занимал следующий: почему некто, собирающийся совершить открытие в области эволюции, интересуется алхимией семнадцатого века?

Я рылась в Интернете, пока глаза не устали. К полуночи я вся обложилась заметками о волках и генетике, но так и не вычислила, зачем Клермонту мог понадобиться «Ашмол-782».

Глава 6

Следующее утро выдалось серым, куда более типичным для ранней осени. Хотелось одного: надеть на себя несколько свитеров и остаться дома.

Я дошла до пристани, но неспокойная река уж точно не манила, и я побежала в парк. Ночной консьерж, которому я помахала, сначала удивленно на меня посмотрел, а потом выразил свое одобрение, подняв большие пальцы.

Ноги, шлепая по тротуару, гнали напряжение прочь. Добравшись до гравийных дорожек университетского парка, я уже дышала всей грудью и готовилась просидеть в библиотеке целый день, сколько бы созданий туда ни сбежалось.

— Доктор Бишоп! — окликнул меня консьерж на обратном пути.

— Да?

— Извините, что не пустил вчера вашего гостя, но таковы правила. В следующий раз дайте знать, что ждете кого-то, и я сразу отправлю ваших друзей наверх.

Ясность духа, подаренная пробежкой, испарилась в одно мгновение.

— Мужчина, женщина? — резко спросила я.

— Женщина.

Мои вздернутые было плечи опустились.

— Очень милая. Вообще-то, мне нравятся австралийки. Они такие дружелюбные, но без того, чтобы, знаете... — Еще бы не знать. В австралийках нет американской настырности. — Мы, конечно, звонили вам...

Я нахмурилась. Конечно, отключила телефон, потому что Сара не способна вычислить разницу во времени между Мэдисоном и Оксфордом и постоянно звонит среди ночи.

— Спасибо, что сказали. Буду предупреждать вас обо всех посетителях.

Зеркало в ванной доказывало, что последних два дня не прошли даром. Круги, появившиеся вчера под глазами, теперь больше смахивали на синяки, но на руке, за которую меня так сильно ухватил Клермонт, следов, как ни странно, не было.

Приняв душ, я надела широкие брюки и водолазку. Чернота того и другого, подчеркивая мой рост и маскируя атлетическое сложение, попутно делала меня похожей на труп. Пришлось накинуть сиреневый свитерок, завязав спереди рукава. Он прибавлял синевы под глазами, но хотя бы давал понять, что я еще не отошла в мир иной. Волосы потрескивали и стояли практически дыбом — только и осталось, что собрать их кое-как в узел.

Тележка с заказами Клермонта была нагружена доверху. Приготовившись к очередному столкновению с ним, я храбро подошла к выдаче.

Заведующий и оба библиотекаря опять суетились, как всполошенные куры. На сей раз их активность сосредоточилась в треугольнике между выдачей, каталожными ящиками и кабинетом мистера Джонсона. Нагруженные тележки под пристальным взором горгулий распределялись по столам старого отделения.

— Спасибо, Шон, — прозвучал из его глубины баритон Клермонта.

С одной стороны, хорошо, что мне не придется сидеть с вампиром в одном зале. С другой — я не смогу ни выйти, ни заказать книгу без его ведома. К тому же сегодня он явился с помощницей: миниатюрная девушка в коричневом свитере до колен раскладывала бумаги и папки во второй нише.

Она обернулась, и я с удивлением отметила, что это вполне взрослая женщина. Глаза, черные с янтарем, прожигали холодом.

Но и без этого было понятно, что передо мной вампир: прозрачная кожа и ненатурально густые, блестящие волосы. Локоны обрамляли ее лицо, вились по плечам. Сделав шаг в мою сторону и даже не пытаясь скрыть своей вампирической грации, она смерила меня уничтожающим взглядом. Ее явно привели сюда против воли, и она винила во всем меня.

— Мириам... — Клермонт вышел в проход, вежливо улыбнулся и запустил пальцы в волосы, отчего они легли еще красивее. — Доброе утро, доктор Бишоп.

Я пригладила собственную прическу, заправила за ухо выбившуюся прядь.

— Доброе утро, профессор Клермонт. Снова здесь, как я вижу.

— Да, но не в Селден-Энде. Нас любезно устроили здесь, где мы никого беспокоить не будем.

Вампирша сердито водрузила на стол стопку бумаг.

— Позвольте представить мою коллегу, доктора Мириам Шепард. Мириам — доктор Диана Бишоп.

— Доктор Бишоп... — Мириам протянула руку. Пожав ее, я вздрогнула от контраста между ее маленькими ледяными пальцами и своими, большими и теплыми. Она сдавила мою ладонь как в тисках — высвободившись, я с трудом поборола желание ею потрясти.

— Доктор Шепард... — Настал неловкий момент. О чем, собственно, принято спрашивать утром вампира? Я ограничилась чисто человеческой банальностью: — Ну что ж, пора за работу.

— Успешного вам дня. — Клермонт держался ничуть не теплее Мириам.

Рядом возник мистер Джонсон с небольшой стопочкой моих папок.

— Возвращаем вас на А4, доктор Бишоп, — радостно сообщил он. — Сейчас отнесу.

Широкие плечи Клермонта загораживали от меня его стол. Так и не высмотрев, нет ли там каких-нибудь переплетенных в кожу рукописей, я подавила любопытство и отправилась в свой Селден-Энд.

Клермонт больше не сидел наискосок от меня, но я, вынимая карандаши и включая компьютер, все равно ощущала его присутствие. Усевшись спиной к пустому залу, я взяла верхнюю папку, достала книгу в кожаном переплете, положила на подставку.

Чтение, заметки — привычная рутина скоро захватила меня целиком, и с первой книгой я покончила быстро. На часах не было еще и одиннадцати — я решила посмотреть до обеда еще одну рукопись.

Следующая была тоньше первой, но в ней имелись интересные зарисовки алхимической аппаратуры и обрывочные описания опытов — нечто среднее между поваренными рецептами и пособием для отравителя. «Нагревайте вашу колбу с ртутью на огне в течение трех часов, — гласила одна инструкция, — при соединении же ее с Философским Младенцем снимите и предоставьте ей разлагаться, пока ее не унесет Черный Ворон». Мои пальцы, набирая скорость, порхали по клавишам ноутбука.

Я думала, что сегодня меня снова будут пожирать глазами разного рода создания — но вот уж час пробил, а я по-прежнему сидела в Селден-Энде почти одна. Единственным читателем, кроме меня, был аспирант в бело-красно-синем шарфе Кэбл-колледжа. Вперив взгляд в стопку закрытых книг, он довольно шумно грыз ногти.

Заполнив два новых бланка и убрав рукописи в папки, я, довольная утренними достижениями, вышла на обед. Джиллиан Чемберлен злобно глянула на меня с неудобного места под старинными часами, две вчерашние вампирши вогнали в кожу ледяные иголки, даймон из музыкального зала привел с собой двоих других. Все трое потрошили аппарат для чтения микрофильмов, на полу валялась размотавшаяся пленка.

Клермонт с ассистенткой сидели на прежних местах, у выдачи. Вчера он заявлял, что созданий притягиваю я, а не он, но сегодняшняя картина доказывала обратное.

Сдавая рукописи, я изо всех сил притворялась, будто не замечаю его холодного взгляда.

— С этими все? — спросил Шон.

— Да. Там на столе еще две. Если можно взять еще и эти, будет совсем хорошо. — Я подала ему бланки. — Пообедать не хочешь пойти?

— Валери пошла — придется сидеть тут, к сожалению.

— Ну ничего, в другой раз.

— Перерыв на обед, Мириам, — тихо сказал Клермонт у меня за спиной.

— Я не голодна, — ответила она мелодичным сопрано с гневными нотками.

— Вам полезно будет пройтись по свежему воздуху, — непререкаемым тоном настоял он.

Мириам шумно вздохнула, швырнула на стол карандаш и отправилась вслед за мной.

Днем я всегда перекусывала в кафе на втором этаже книжного магазина. Я улыбалась при мысли, что Мириам все эти двадцать минут придется торчать в «Блэкуэллсе» среди закупающих открытки туристов, оксфордских путеводителей и детективных романов.

Взяв сэндвич с чаем, я втиснулась в дальний угол переполненного кафе между смутно знакомым историком, читавшим газету, и студентом, занимавшимся попеременно MP3-плеером, мобильником и компьютером.

С чашкой в руках я выглянула в окно и нахмурилась. Давешний даймон из библиотеки, которого я не знала, болтался у ворот, глядя на окна кафе.

Ощутив на скулах поцелуйное прикосновение, я увидела перед собой другого даймона — женщину с красивым, но асимметричным лицом. Рот слишком велик, громадные карие глаза посажены слишком близко, волосы слишком светлые для медового цвета кожи.

— Доктор Бишоп?

От ее австралийского акцента у меня по спине прошел холодок.

— Да, — ответила я шепотом, глядя на лестницу. Мириам не показывалась. — Диана Бишоп.

— Агата Уилсон, — улыбнулась она. — Ваша приятельница внизу обо мне не знает.

Что за старомодное имя для женщины всего десятью годами старше меня? Весьма стильная дама. А имя знакомое — мне оно, кажется, встречалось в одном модном журнале.

— Можно присесть? — Она кивнула на только что освободившееся место, откуда ушел историк.

— Да, конечно, — промямлила я.

В понедельник — вампир, во вторник — колдун, пытающийся забраться мне в голову, в среду, видимо, день даймонов.

Они гоняются за мной по всему колледжу, а я о них знаю еще меньше, чем о вампирах. Их мало кто понимает: Сара на мои расспросы всегда отвечала невразумительно. Даймоны у нее выглядели какой-то криминальной прослойкой. Избыток ума

и творческих способностей побуждал их лгать, красть, мошенничать и даже убивать — они знали, что им любое преступление сойдет с рук. Обстоятельства их рождения казались Саре еще более возмутительными. Невозможно предсказать, где и когда появится на свет новый даймон, поскольку они обычно рождаются у людей. Для тетушки это лишь подкрепляло их маргинальное положение в мире нелюдей. Она ценила колдовские династии и традиции и не одобряла подобной непредсказуемости.

Агата Уилсон села, помолчала немного и разразилась потоком слов. С даймонами, по словам Сары, разговаривать невозможно — они всегда начинают откуда-то с середины.

— Такая энергия не могла не привлечь нас, — заявила она деловым тоном, словно я задала ей вопрос. — Колдуны собрались на Мейбон, это прекрасно, но нельзя же быть такими болтливыми. Вампиры все слышат. — Она сделала паузу и добавила: — Мы уже не чаяли увидеть ее еще раз.

— Кого? — тихо спросила я.

— Книгу, — доверительно сообщила она.

— Книгу, — повторила я тупо.

— Ну да. После всего, что с ней сделали колдуны. — Взгляд Агаты был устремлен куда-то в центр зала. — Вы тоже колдунья, и я, наверно, зря говорю с вами. Но мне кажется, только вы одна способны понять, как они это сделали. А теперь еще это. — Она с грустным видом протянула мне газету, оставленную историком.

Заголовок «ВАМПИР В ЛОНДОНЕ» сразу бросился мне в глаза.

«Столичная полиция, — торопливо прочитала я, — не может предложить новых версий относительно загадочного двойного убийства в Вестминстере. Тела двадцатидвухлетнего Дэниела Беннета и двадцатишестилетнего Джейсона Энрайта были обнаружены ранним воскресным утром позади паба „Белый олень“ на Сент-Олбан-стрит владельцем паба Регом Скоттом. У обоих жертв рассечены сонные артерии и наличествуют многочисленные мелкие раны на шее, руках и торсе. Смерть, согласно судебно-медицинской экспертизе, произошла от сильной потери крови, хотя на месте преступления следов крови нет.

Расследователи „вампирского убийства", как окрестили преступление местные жители, обратились за советом к Питеру Ноксу, автору бестселлеров на темы современного оккультизма: „Дьявол нашего времени" и „Магия воскресает: почему в эпоху науки нужна тайна". В случаях ритуальных убийств с ним консультируются полицейские всего мира.

„Здесь я не вижу указаний ни на ритуал, ни на серийное преступление", — заявил Нокс на пресс-конференции, хотя Кристиана Нильссон (прошлым летом в Копенгагене) и Сергей Морозов (осенью 2007 года в Санкт-Петербурге) были убиты таким же образом. Под нажимом журналистов Нокс, однако, признал, что в Лондоне могли действовать один или несколько подражателей.

Обеспокоенные жители квартала учредили круглосуточные дежурства. Местная полиция патрулирует район постоянно, отвечает на вопросы, дает советы по обеспечению безопасности. Всем лондонцам рекомендовано принимать дополнительные меры предосторожности, особенно по ночам».

— Обычная сенсация, — сказала я, вернув газету Агате. — Все средства массовой информации кормятся человеческим страхом.

— Мне думается, — она обвела взглядом зал, — что за этим кроется нечто большее. С вампирами никогда не знаешь наверняка, они ведь недалеко ушли от животных. А говорят, это мы дерганые, — поджала губы Агата, — но привлекать к себе человеческое внимание опасно для всех нас.

Слишком много разговоров о вампирах и колдунах в общественном месте — но студент за нашим столом не снимал наушников, а остальные, судя по всему, были заняты собой или собственными разговорами.

— Я ничего не знаю об этой рукописи и о том, что с ней сделали колдуны, мисс Уилсон. И у меня на руках ее нет. — Вдруг и она тоже думает, что я украла «Ашмол-782».

— Зовите меня Агатой. — Она уперлась взглядом в ковер. — Рукопись в библиотеке, я знаю. Это они велели вам сдать ее?

Кто «они» — колдуны, вампиры, библиотекари?

— Колдуны? — прошептала я.

Агата кивнула, продолжая наблюдать за посетителями кафе.

— Нет. Я попросту закончила с ней работать и вернула ее в хранилище.

— В хранилище, — со знанием дела повторила Агата. — Все думают, что библиотека — всего лишь зданис, но это не так.

Мне вспомнилось странное чувство, испытанное мной, когда Шон положил книгу на конвейер.

— Колдуны делают с библиотекой все, что хотят, — сказала Агата, — но эта книга не только ваша. Не колдунам решать, где ее хранить и кто ее может видеть.

— Да что в ней такого, в конце концов?

— Она объясняет наше существование. — В голосе Агаты послышались отчаянные ноты. — В ней заключена вся наша история — начало, середина, даже конец. Нам, даймонам, она нужнее, чем вампирам и колдунам: нам жизненно необходимо понять, какое место мы занимаем в мире.

Нет, она не в замешательстве, решила я. Она как несфокусированная камера: надо просто повернуть объектив в нужную сторону.

— Вы знаете, какое занимаете место, — осторожно сказала я. — Планету населяют четыре разумных вида — люди, даймоны, вампиры и колдуны.

— Но откуда мы взялись? Как были созданы? Зачем мы здесь? — Карие глаза моргнули. — Вот вы, например, знаете, откуда ваша сила берется?

— Нет, — покачала головой я.

— Никто не знает, а мы вот хотим знать. Сначала люди считали даймонов ангелами-хранителями. Потом богами, прикованными к земле и одержимыми страстями. Мы отличались от людей, и они ненавидели нас за это. Если ребенок рождался даймоном, родители от него отрекались. Говорили, что мы вселяемся в них и делаем их безумными. А ведь мы при всей своей одаренности не злые, не то что вампиры. — Она все время говорила, не повышая голоса, но гнев чувствовался. — И никогда никого не сводили с ума. Мы даже больше, чем колдуны, жертвы человеческого страха и зависти.

— О колдунах тоже много чего напридумывали. — Я вспомнила об охоте на ведьм и массовых казнях.

— Колдуны рождаются от колдунов, вампиров создают другие вампиры. В часы одиночества и растерянности вам прихо-

дят на помощь семейные предания и воспоминания, а у нас нет ничего, кроме человеческих сказок. Неудивительно, что столько даймонов сломлены духом. Наша единственная надежда — когда-нибудь встретить себе подобных. Натаниэлю, моему сыну, повезло, потому что я тоже даймон. Я вовремя заметила признаки и помогла ему понять, кто он. — Справившись немного с собой, она снова подняла на меня грустный взгляд. — Может быть, люди и правы, называя нас одержимыми. Я вижу то, чего не должна видеть, Диана.

Даймоны тоже бывают провидцами, но никому не ведомо, так ли достоверны их видения, как видения колдунов.

— Я вижу кровь и страх. Вижу вас. — Ее взгляд снова расфокусировался. — Вампира иногда тоже. Он очень давно желал получить эту книгу, а вместо нее нашел вас... разве не любопытно?

— Зачем книга нужна Мэтью Клермонту?

— Вампиры и колдуны с нами не делятся, — пожала плечами Агата. — Ваш вампир тоже молчит, хотя относится к даймонам лучше, чем большинство его сородичей. Сплошные секреты, а люди теперь куда как умны. Они быстро все разгадают, если не принять мер. Людям нравятся тайны, и власть они любят.

— Он вовсе не мой вампир, — вспыхнула я.

— Вы уверены? — проронила она, глядя в хромовую кофемашину «Эспрессо», как в волшебное зеркало.

— Да, — с нажимом сказала я.

— В книге, обыкновенной с виду, может содержаться тайна, способная изменить мир. Вы колдунья и знаете, какой силой обладают слова. Если бы ваш вампир знал эту тайну, вы бы ему не понадобились. — Карие глаза Агаты сделались теплыми и лучистыми.

— Мэтью Клермонт вполне может сам заказать эту рукопись. — При мысли о том, что сейчас он, возможно, как раз это и делает, мне вдруг стало холодно.

— Когда она снова будет у вас, — прошептала Агата, схватив меня за руку, — вспомните, пожалуйста, что не вам одним нужно знать ее содержание. Даймоны тоже участвуют. Обещайте, что не забудете нас.

Я запаниковала, когда она прикоснулась ко мне. В битком набитом кафе нечем было дышать. Глядя в сторону выхода, я подавляла в себе реакцию «бежать или драться».

— Обещаю, — неохотно протянула я, сама не зная, на что соглашаюсь.

— Хорошо. — Она отпустила мою руку, отвела взгляд. — Спасибо, что поговорили со мной. Мы еще увидимся, и помните, что слово нужно держать.

Я сунула чайник и чашку в пластиковый рукав для грязной посуды, выбросила пакет из-под сэндвича, оглянулась через плечо. Агата читала спортивный раздел в газете.

Выходя из «Блэкуэллса», я не видела Мириам, но чувствовала на себе ее взгляд.

Селден-Энд, пока меня не было, заполнили нормальные люди. Все они прилежно работали, не ведая о присутствии чуждых рас. Завидуя их незнанию, я попыталась сосредоточиться на очередной рукописи, но встреча в «Блэкуэллсе» и события последних дней мешали. Иллюстрации в «Ашмоле-782» как-то не очень совпадали с содержанием, о котором говорила Агата Уилсон. Кроме того, если ей и Мэтью Клермонту так нужна эта книга, почему они просто не закажут ее?

Я закрыла глаза, припоминая пресловутую рукопись и стараясь систематизировать то, что произошло после. Представила пазл, рассыпанный на белом столе, — стоит только уложить разноцветные кусочки в нужном порядке. Легко сказать... Я раздраженно отодвинула стул и направилась к выходу.

— Заказы будут? — спросил Шон, принимая у меня книги.

Я вручила ему пачку только что заполненных заявок. Оценив ее объем, он улыбнулся, но промолчал.

Оставалось сделать еще две вещи. Первой требовала обыкновенная вежливость. Вампиры непонятным для меня образом не дали прочим созданиям докучать мне в читальном зале. Колдунам и вампирам не часто представляется случай благодарить друг друга, но Клермонт за два дня уже дважды обеспечивал мне защиту. В конце концов, я не такая узколобая и нетерпимая, как Сара и ее подруги по мэдисонскому ковену.

— Профессор Клермонт?

Вампир поднял глаза.

— Благодарю вас, — сказала я просто, стойко выдержав его взгляд.

Он отвел глаза первым, с легким удивлением ответив:

— Не стоит.

Второе дело было связано с чистым расчетом. Мы с Мэтью Клермонтом обоюдно нуждались друг в друге: мне хотелось услышать, почему «Ашмол-782» привлекает к себе столько внимания.

— Вы можете обращаться ко мне по имени, — предложила я на волне нерастраченной смелости, и сердце мое на долю секунды остановилось. Это была не та легкая вежливая улыбка, к которой я успела привыкнуть: рот у него разъехался до ушей. Хорош, чтоб ему, в энный раз подумала я.

— Хорошо, но тогда и вы называйте меня по имени — Мэтью.

Я кивнула. Сердце не желало биться ровно. Что-то захлестнуло меня, размывая тревогу, оставшуюся после неожиданной встречи с Агатой Уилсон.

Ноздри Мэтью слегка раздулись, улыбка сделалась еще шире. Он чуял, что со мной происходит, — больше того, знал, в чем тут дело.

Я залилась краской.

— Приятного вечера, Диана. — Мое имя в его устах приобрело экзотическое звучание.

— Хорошего вечера, Мэтью, — ответила я и пустилась наутек.

Вечером я задержалась на реке дотемна, и смутный силуэт на буксирной дорожке всегда маячил чуть впереди наподобие темной путеводной звезды.

Глава 7

В четверть третьего меня разбудил кошмар. Я тонула, барахтаясь под одеялом, которое сон преобразил в гущу водорослей, и тщетно пыталась всплыть. Мне уже почти удалось, но тут кто-то схватил меня за лодыжку и потянул вниз.

Как всегда в таких случаях, я проснулась, так и не увидев, что меня держит, — вся в поту, с колотящимся о ребра сердцем. Полежала немного, отважилась сесть.

За окном плавало белое лицо с темными ямами глаз.

С опозданием сообразив, что это мое отражение, я еле добежала до ванной и после приступа рвоты еще полчаса пролежала, свернувшись клубком на холодном кафеле, проклиная Мэтью Клермонта и других виновников своего жуткого самочувствия. Потом опять залезла в постель, поспала и на рассвете, едва волоча ноги, отправилась на лодочную тренировку.

— В такой-то туман, доктор Бишоп? — удивился консьерж Фред. — Судя по виду, вы работаете без сна и отдыха. Прилегли бы, река до завтра никуда ведь не денется.

— Нет, пойду, — поразмыслив, сказала я. — В выходные ведь уже начнут съезжаться студенты.

Из-за мокрой мостовой и общего состояния я бежала медленнее обычного. Мой путь лежал мимо Ориель-колледжа к высоким железным воротам между Корпус-Кристи и Мёртоном. В темное время суток их запирали, чтобы не пускать народ на речные луга, но все оксфордские гребцы первым делом учились перелезать через них — что я и сделала.

Я спустила лодку на воду, и знакомый ритуал успокоил меня: отчаливая в туман, я почти пришла в норму.

В такую погоду гребля еще больше напоминает полет. Белая пелена приглушает птиц и шум автомобилей, усиливает тихий

плеск весел и поскрипывание сидений. Не видно ориентиров на берегу, и потому приходится продвигаться, полагаясь исключительно на инстинкты.

Я вошла в легкий привычный ритм, насторожив слух и зрение. Плеск весел предупредит меня, если я подойду чересчур близко к берегу, тень скажет о приближении другой лодки. Туман был таким густым, что я подумывала уже повернуть обратно, но слишком уж манил длинный прямой отрезок впереди.

Развернулась я у самого паба. Два голоса на воде оживленно спорили, как выиграть гонку со столкновениями — характерное для Кембриджа и Оксфорда развлечение.

— Хотите пройти вперед? — спросила я.

— Хотим! — откликнулась пара и пронеслась мимо.

Плеск их весел затих вдали. Я решила дойти до своей пристани и ограничиться этим. Маловато, конечно, но последствия третьей по счету полубессонной ночи я, в общем-то, ликвидировала.

Убрав все на место и заперев сарай, я медленно пошла к городу. Время и пространство в тумане утрачивали значение. Я закрыла глаза, воображая, что это не Оксфорд, что у этого места вообще нет имени.

Открыв их и увидев какую-то фигуру прямо перед собой, я ахнула от испуга и рефлекторно выставила вперед руки.

— Ох, извините, Диана. Я думал, вы меня видите. — Из тумана выплыло озабоченное лицо Мэтью Клермонта.

— Я шла с закрытыми глазами.

Я ухватилась за воротник своей флиски и, когда он немного отступил, прислонилась к дереву, выравнивая дыхание.

— Можете мне кое-что объяснить? — спросил Клермонт, как только я с этим справилась.

— Если хотите знать, почему я катаюсь на лодке в туман, когда за мной тащится хвост даймонов, колдунов и вампиров, то нет.

Этим утром я не была настроена выслушивать лекцию.

— Хороший вопрос, — с толикой яда заметил вампир, — но я хотел спросить о другом: зачем вы закрыли глаза?

— А вы никогда так не делаете? — засмеялась я.

— Нет. У вампиров только пять чувств, и мы, как правило, используем все.

— Никакой магии, Мэтью. В эту игру я играю с детства. Тетя ужасно злилась — когда я приходила домой, ноги у меня вечно были в синяках и царапинах.

Вампир, сунув руки в карманы грифельно-серых брюк, задумчиво устремил взгляд в туман. Сегодня он был без пальто, и его волосы из-за голубовато-серого свитера казались еще чернее. Легко что-то оделся, учитывая погоду. Я в своих лодочных легинсах с дырой на попе почувствовала себя замарашкой.

— Как прогулялись? — Можно подумать, он сам не знает — ведь он-то не на прогулку вышел.

— Отлично.

— В такой час здесь почти никого не встретишь.

— Мне нравится, когда на реке пусто.

— Но ведь это же риск — в такую погоду.

Не будь он вампиром, следящим за каждым моим шагом, я приняла бы это замечание за неловкую попытку завязать разговор.

— В чем риск?

— Никто не увидит, если с вами что-то случится.

На реке я никогда ничего не боялась и только плечами пожала, хотя он, в общем, был прав.

— В понедельник здесь будет полно студентов. Хочу насладиться последними спокойными днями.

— Разве семестр начинается на следующей неделе? — искренне удивился Клермонт.

— Что за вопрос для преподавателя? — хихикнула я.

— Я со студентами дел не имею, занимаюсь чисто исследовательской работой. — Он поджал губы — явно не любит, когда смеются над ним.

— Хорошо вам. — Я подумала о трехстах заполошных первогодках, которым читала вводный курс.

— Спокойно. Колбы с мензурками не против, когда я засиживаюсь допоздна, а доктор Шепард и доктор Уитмор, другой ассистент, скрашивают мое одиночество.

Я замерзла, отсырела, и обмен любезностями с вампиром в густом тумане представлялся мне чем-то не слишком естественным.

— Простите, но мне пора.

— Хотите, подвезу?

Четыре дня назад я бы ни за что не села в машину к вампиру, но сейчас эта идея буквально согрела меня. Кроме того, представился случай спросить, зачем биохимику понадобился алхимический трактат семнадцатого столетия.

— Да, спасибо.

Застенчивая радость Клермонта меня обезоружила.

— Машина здесь рядом. — Он показал в сторону колледжа Крайст-Чёрч.

Окутанная туманом странная пара, колдунья с вампиром, двинулась вперед. Он подстраивал шаг под меня и вообще держался свободнее, чем раньше, в библиотеке.

— Это ваш колледж?

— Нет, там я не числился никогда.

Напрашивался вопрос, в каких колледжах он состоял и сколько ему все-таки лет. Временами он казался мне ровесником самого Оксфорда.

— Не туда, Диана, — остановил он меня (я свернула к стоянке колледжа) и показал на маленькую огороженную площадку.

Под ярко-желтой вывеской «ПАРКОВКА СТРОГО ЗАПРЕЩЕНА» стоял черный «ягуар», на зеркале заднего вида болталось разрешение на парковку от больницы Джона Рэдклиффа.

— Ага! — подбоченилась я. — Паркуетесь где вздумается.

— Обычно я вполне законопослушен в этом отношении, — возразил Мэтью. — Сделал исключение только из-за тумана.

Потянувшись, он открыл дверцу, возле которой я стояла. «Ягуар» был старой модели, без всяких дистанционных пультов и навигационных систем, но выглядел так, словно только что выехал из салона. Я забралась внутрь и утонула в кожаном карамельного цвета сиденье.

Впервые я оказалась в столь шикарной машине. Она утвердила бы Сару в худших подозрениях насчет разъезжающих на «ягуарах» вампиров. У нее самой древняя «хонда-сивик», когда-то лиловая, но теперь выцветшая до бурого цвета.

Клермонт подъехал к воротам колледжа и остановился, дожидаясь просвета в утреннем потоке велосипедов, грузовиков и автобусов.

— Не хотите ли позавтракать? — спросил он, небрежно держа полированный руль. — Вы, наверное, сильно проголодались после занятий спортом.

Он уже второй раз приглашал меня поесть вместе с ним. Может, вампирам просто нравится смотреть, как едят другие?

Сами они, как всем известно, питаются человеческой кровью, но только ли ею? Начиная жалеть, что позволила вампиру себя подвезти, я застегнула молнию на флиске и подвинулась чуть ближе к двери.

— Диана?

— Хорошо бы, — призналась я нерешительно. — А за чашку чая просто убить могу.

— Я знаю подходящее место, — кивнул он, глядя на улицу.

Поднявшись на холм, машина свернула направо и вниз, на Хай-стрит. Мы проехали статую супруги Георга II под куполом Куинз-колледжа, покатили к ботаническому саду. Из тихо урчащего «ягуара» Оксфорд, с его башнями и шпилями, возникающими вдруг из тумана, выглядел еще более неземным, чем всегда.

Разговор прервался. Мне казалось, что я ерзаю, дышу и моргаю без всякой надобности. Сам Клермонт сидел очень тихо, не моргал вовсе, почти не дышал — даже машиной управлял так, будто всю свою долгую жизнь учился беречь энергию. Я снова спросила себя: сколько же ему лет?

Скоро он подъехал к маленькому кафе на одной из боковых улиц. Местные жители внутри уплетали завтрак, читали газеты, болтали с соседями и, как с удовольствием отметила я, поглощали чай из огромных кружек.

— Вот не знала, что здесь есть такое местечко.

— Оно засекречено, — шутливо заметил Клермонт. — Местные не хотят, чтобы университетские к ним вторгались.

Я потянулась к ручке, но Клермонт уже открывал дверцу снаружи.

— Вот это скорость, — съязвила я.

— Магия.

Женщин, открывающих автомобильные дверцы самостоятельно, Клермонт, видимо, не любил точно так же, как и несогласных с ним женщин.

— Я вполне способна сама открыть дверь, — сказала я, выбираясь наружу.

— Почему вы, современные женщины, так рветесь открывать двери сами? Доказываете силу своих мускулов?

— Нет, утверждаем свою независимость. — Я с вызовом скрестила руки на груди, вспоминая рассказ Криса о женщине, дерзнувшей задавать Клермонту вопросы на конференции.

Он молча захлопнул дверцу машины и открыл передо мной дверь кафе. Я осталась на месте, ожидая, когда войдет он. Изнутри пахнуло теплом, беконом, поджаренным хлебом. У меня потекли слюнки.

— Вы безнадежно отстали от века, — сдалась я со вздохом.

Если он намерен купить мне горячий завтрак, пусть себе открывает.

— После вас, — проронил он.

Лицо Клермонта, в гумане почти обычное, при ярком свете поражало бледностью. Несколько посетителей проводили нас взглядами, вампир напрягся. Плохая была идея, подумалось мне.

— Привет, Мэтью, — окликнула его женщина за стойкой. — Вдвоем сегодня?

— Вдвоем, Мэри, — просветлел он. — Как Дэн?

— Уже хорошо, раз жалуется, как ему надоело лежать. Я бы сказала, на поправку пошел.

— Замечательная новость. Не нальете ли при случае чая вот этой леди? Она убить за него грозится.

— Обойдемся без кровопролития, дорогуша. — Пухлая Мэри, улыбнувшись мне, выдвинулась из-за стойки, проводила нас к дальнему столику рядом с кухонной дверью, шлепнула на него два ламинированных меню. — Здесь вам никто не помешает, сидите сколько хотите. Сейчас пришлю Стеф с чаем.

Клермонт, посадив меня у стены, сел напротив, между мной и всем залом. Свернул трубочкой меню, потом развернул, весь будто ощетинился — он расслабился, пока мы были вдвоем, но на людях сразу занервничал.

Благодаря знакомству с повадками норвежских волков я поняла, что значит его поведение. Он меня охранял.

— Где вы видите угрозу, Мэтью? Я уже сказала, что могу сама о себе позаботиться. — Мой голос звучал чуть резче, чем хотелось бы.

— Не сомневаюсь, — с сомнением произнес он.

— Послушайте, — я старалась говорить ровно, — вы как-то сумели отогнать... их от меня, чтобы я могла поработать. — Со-

седние столики стояли слишком близко, и точнее выражаться было опасно. — Я вам благодарна, но здесь сидят одни только люди. Единственное, что нам грозит, — это обратить на себя внимание. Вольно, профессор.

— Вон тот мужчина, — Клермонт повел головой в сторону кассы, — сказал своему приятелю, что вы аппетитная. — Лицо у него потемнело, несмотря на шутливый тон.

Я подавила смешок:

— Не думаю, что он хочет меня укусить.

Вампир посерел.

— Насколько я понимаю современный британский сленг, «аппетитная» — не угроза, а комплимент.

Клермонт продолжал сердиться.

— Если вам не нравится то, что вы слышите, — перестаньте подслушивать. — Этот мужской протекционизм выводил меня из терпения.

— Легче сказать, чем сделать. — Он повертел в руках банку с пастой «Мармит».

Более молодая и стройная версия Мэри принесла нам громадный керамический чайник с двумя кружками.

— Молоко и сахар на столе, Мэтью, — сказала она, поглядывая на меня с любопытством.

— Это Диана, Стеф. Она приехала из Америки.

— Правда? Вы в Калифорнии живете? Умираю, хочу в Калифорнию.

— Да нет, в Коннектикуте.

— Маленький такой штат, да? — Я разочаровала ее.

— Да, и снег там бывает.

— Предпочитаю солнце и пальмы. — Снег заморозил в ней какой бы то ни было интерес ко мне. — Что закажем?

— Я в самом деле проголодалась, — сказала я виновато, заказав болтушку из двух яиц, четыре тоста и несколько ломтиков бекона.

Стеф, которая слышала, наверно, и не такое, записала все это без комментариев.

— Вам только чай, Мэтью? — спросила она, забирая меню.

Он кивнул.

Когда она отошла, я наклонилась к нему через стол:

— Они знают, кто вы?

Наши лица оказались на расстоянии фута. Сегодня от него тоже пахло гвоздикой, но свежей, только что срезанной. Я втянула в себя аромат.

— Знают, что я не совсем такой, как они. Мэри, возможно, подозревает, что совсем не такой, но не обращает внимания. Она полагает, что я спас Дэну жизнь.

— Спасли? Каким образом?

Вампиры обычно убивают, а не спасают.

— Я работал какое-то время в Рэдклиффе, когда там недоставало врачей. Мэри смотрела одну медицинскую передачу и потому распознала симптомы, когда у ее мужа случился инсульт, и обратилась к нам. Без нее он умер бы или стал инвалидом.

— Но она считает, что Дэна спасли вы? — Опьяненная его запахом, я сняла крышку с чайника и подышала парами танина, чтобы как-то переключиться.

— Сначала его спасла Мэри. Но в больнице у него проявилась аллергия на лекарства. Бдительная Мэри сказала об этом лечащему врачу, а тот отмахнулся. Я услышал... и принял меры.

— И часто вы лечите пациентов? — Я налила нам по кружке крепчайшего чая. Руки у меня немного дрожали при мысли о вампире, расхаживающем по больничным палатам.

— Нет. — Он поиграл сахарницей. — Только в экстренных случаях.

Я подвинула ему кружку, он передал мне сахар. Я положила себе ровно пол-ложечки, вылила половину маленького молочника. Именно такой чай я люблю — черный как деготь, разбавленный молоком и с намеком на сахар. Размешала напиток по часовой стрелке и попробовала, точно зная, что теперь он не обожжет мне язык. Превосходно.

Вампир улыбался.

— В чем дело? — спросила я.

— Я еще не видел, чтобы кто-то так скрупулезно подходил к чаепитию.

— Возможно, вы просто не имели дела с подлинными ценителями. Главное здесь — оценить крепость, прежде чем добавлять молоко и сахар. — Его кружка так и стояла нетронутая. — А вы, я вижу, любите натуральный, без ничего.

— Чай — не совсем мой напиток, — сказал он, немного понизив голос.

— Какой же ваш? — не подумав, брякнула я.

Его юмористический настрой тут же сменился яростью.

— Обязательно надо спрашивать? Даже люди знают какой.

— Извините, я не хотела...

— Надеюсь, что так.

Схватив кружку обеими руками, я стала молча пить чай. Стеф принесла тосты в специальной подставке и тарелку с яичницей и беконом.

— Мама велела еще овощей добавить, — пояснила она, когда я округлила глаза при виде жареных грибов с помидорами. — Говорит, краше вас в гроб кладут.

— Спасибо! — Критическое замечание Мэри ничуть не повлияло на мою благодарность.

Стеф ухмыльнулась, Клермонт одарил меня легкой улыбкой.

Я взяла вилку. Все было с пылу с жару, снаружи подрумяненное, внутри нежное. Я занялась тостами, намазывая их маслом. Вампир следил за мной так же пристально, как когда я заваривала чай.

— Почему биохимия и медицина? — Я набила рот хлебом, чтобы вынудить его хоть что-то сказать.

— Почему история?

«Э нет. Так просто ты от меня не отделаешься».

— Ваша очередь отвечать.

— Хотел, вероятно, понять, почему я здесь, — промолвил он, строя на столе замок из сахарницы и синих пакетиков с заменителем.

Совпадение его слов с тем, что говорила вчера Агата, поразило меня.

— Это вопрос для философа, не для ученого. — Я слизнула масло с пальца, скрывая растерянность.

— Вы думаете, ученые себе таких вопросов не задают? — снова разозлился он.

— Задавали когда-то. — Внезапные перемены в его настроении очень меня пугали. — Сейчас, по-моему, всех волнует не «почему», а «как». Как работает организм, как планеты движутся во Вселенной.

— Хорошие ученые мыслят иначе.

Люди у него за спиной встали, и он напрягся, словно готовясь отразить нападение.

— Такие, как вы?

Он промолчал.

— Когда-нибудь вам придется объяснить мне связь между строением мозга, исследованием ДНК, поведением животных и эволюцией. Как-то не очень это все сочетается. — Я откусила еще кусок тоста.

Левая бровь Клермонта вопросительно выгнулась.

— Вы, я вижу, прошерстили кучу научных журналов.

— Это только честно, — пожала плечами я. — Вы-то в курсе моих работ — надо было как-то уравнять шансы.

Он пробормотал что-то — кажется, по-французски — и сказал:

— У меня было достаточно времени на размышления. — Кольцо пакетиков с заменителем сахара образовало вокруг замка ров. — Никакой связи между тем, что вы перечислили, нет.

— Неправда.

Он, само собой, опять взбесился. Внезапный перепад настроения напомнил мне, что я завтракаю со смертельно опасным созданием.

— В чем же она, по-вашему? — процедил он сквозь зубы.

— Не знаю, — правдиво ответила я, — но что-то такое есть. Какой-то вопрос, соединяющий ваши интересы в одну цепочку и придающий им смысл. Иначе пришлось бы допустить, что вы интеллектуальная сорока и бросаетесь на все подряд, — но это, учитывая ваши работы, просто смешно. Или вы подвержены скуке, хотя никаких фактов в пользу этого нет.

Пауза затягивалась, а Клермонт все сверлил меня взглядом. Желудок начал протестовать против слишком обильного завтрака. Я подлила себе чая, положила сахара, добавила сливок.

— Для колдуньи вы весьма наблюдательны, — признал вампир.

— Не одни вампиры умеют охотиться, Мэтью.

— Верно. Все мы за чем-то охотимся, не так ли, Диана? Теперь ваш черед. Так почему же история?

— Вы еще не на все мои вопросы ответили. — Самый важный я так и не задала.

Но он покачал головой, и я, превратившись из следователя в допрашиваемую, перешла в оборону.

— Поначалу меня, вероятно, привлекла ясность. Прошлое выглядело таким предсказуемым, закономерным, неудивительным.

— Сразу видно, что вы в нем не жили, — сухо заметил вампир.

— Обратное выяснилось достаточно скоро, — со смехом признала я, — но на первых порах все представлялось именно так. Оксфордские профессора делали из истории связное повествование — начало, середина, конец. Все логично, все неизбежно. Это зацепило меня, как ни одна другая дисциплина. Я стала историком и ни разу не пожалела.

— Хотя и узнали, что человечество — ни в прошлом, ни в настоящем — не подчиняется логике?

— Утратив ясность, история стала еще привлекательнее. Каждый раз, беря в руки старый документ или книгу, я вступаю в бой с людьми, жившими много веков назад. Моя задача — вывести на свет тайны, которые они не могли или не хотели открыть.

— А если вам это не удается?

— Такого пока не случалось, — поразмыслив, сказала я. — Мне, по крайней мере, так кажется. Все, что нужно, — это умение слушать. Никто на самом деле не хочет, чтобы тайна так и осталась тайной, — никто, даже мертвые. Люди повсюду оставляют ключи, которые приводят внимательного исследователя к разгадке.

— Значит, вы не только историк, но и детектив тоже.

— Да, только в моей работе ставки гораздо ниже. — Я сочла, что допрос на этом окончен, — не тут-то было.

— А историей науки почему занялись?

— По зову великих умов, наверно. — Это, вопреки моему желанию, прозвучало чересчур бойко, да еще и с вопросительной интонацией.

Клермонт начал разбирать сахарный замок.

Здравый смысл советовал помолчать, но узелки моих собственных тайн норовили развязаться сами собой.

— Мне хотелось понять, как люди выработали мировоззрение, в котором почти нет магии. Как убедили себя, что магия не играет роли.

Вампир поднял на меня серый холодный взгляд:

— И вы это поняли?

— Как сказать. Я прониклась их логикой и проследила, как умирала под ножами экспериментаторов вера в то, что наш мир есть волшебное, необъяснимое место. Но экспериментаторы в конечном счете так и не победили. Магия никуда не делась: она ждала, что люди, разочаровавшись в науке, вернутся к ней.

— Отсюда алхимия, — сказал он.

— Нет, — возразила я. — Алхимия — одна из ранних форм экспериментальной науки.

— Возможно, но не станете же вы утверждать, что в алхимии отсутствует магия. Я читал вашу работу — даже вам не удалось это затушевать.

— Тогда это наука с примесью магии. Или магия с примесью науки, если вам так больше нравится.

— А вам?

— Не знаю точно.

— Что ж, спасибо. — Клермонт, судя по его взгляду, знал, как трудно мне говорить об этом.

— Пожалуйста. — Я отвела волосы с глаз, чувствуя легкий мандраж. — Можно еще вопрос? — (Он насторожился, однако кивнул.) — Почему предмет моей работы, алхимия, интересует и вас?

Он не хотел отвечать, но передумал — я-то ведь выдала ему свой секрет.

— Алхимики тоже хотели знать, почему мы здесь. — Я видела, что Клермонт говорит правду, но это не проясняло его интереса к «Ашмолу-782». Он посмотрел на часы. — Если вы закончили, я отвезу вас домой. Думаю, перед библиотекой вы захотите переодеться во что-нибудь теплое.

— Что мне нужно, так это душ. — Я встала и потянулась, распрямляя хронически сведенную шею. — И на йогу сегодня обязательно надо сходить. Сидячий образ жизни меня угнетает.

— Вы занимаетесь йогой? — встрепенулся вампир.

— Жить без нее не могу. Люблю все — упражнения и медитацию.

— Охотно верю. Ваша гребля — комбинация движения и медитации.

Я покраснела. На реке он следил за мной столь же неусыпно, как и в библиотеке.

Клермонт оставил на столе двадцать фунтов, помахал Мэри, которая ответила ему тем же, и направил меня, слегка придерживая за локоть, между столиками сильно опустевшего зала.

— Куда вы ходите на занятия? — спросил он, открыв передо мной дверцу машины.

— В студию на Хай-стрит. Я пока не нашла учителя, который бы меня устраивал, но это близко, а выбирать не приходится.

В Нью-Хейвене несколько секций йоги, а вот Оксфорд порядком отстал.

— Здесь вы не найдете того, что вам нужно, — конфиденциально сообщил Клермонт.

— Так вы тоже йогой занимаетесь? — Посмотреть бы, как выгибается это массивное тело.

— В каком-то смысле. Если хотите завтра со мной пойти, могу забрать вас у Хэртфорда в шесть. Сегодня придется еще помучиться в городской школе, зато завтра позанимаетесь как следует.

— А где ваша школа? Я бы позвонила — спросила, нет ли там сегодня занятий.

— Нет. Понедельник, среда, пятница и воскресенье.

— Вот оно что. Как там вообще?

— Трудно объяснить — увидите сами, — сказал он, сдерживая улыбку.

К моему удивлению, мы уже подъехали к воротам колледжа. Привратник Фред, увидев значок Рэдклиффа, вышел посмотреть, в чем дело.

Клермонт открыл мне дверцу. Я помахала Фреду и протянула вампиру руку.

— Чудесный завтрак. Спасибо за чай и компанию.

— Всегда пожалуйста. Увидимся в библиотеке.

— Машина что надо, — присвистнул Фред. — Это ваш друг, доктор Бишоп? — Это была его работа — знать о гостях как можно больше в целях безопасности, а любопытство — неотъемлемая черта всех привратников.

— Думаю, да, — задумчиво ответила я.

Поднявшись к себе, я взяла из пачки американских денег десятидолларовую бумажку, положила в конверт — просто так, без письма, — адресовала Крису, написала большими буквами «АЭРО», приклеила марки.

Крис в жизни не даст мне забыть, что выиграл это пари. Ни за что не даст.

Глава 8

— Эта ваша машина... банально, честное слово. — Волосы, которые я пыталась убрать с лица, трещали и липли к пальцам.

Клермонт непринужденно прислонился к своему «ягуару». Костюм для йоги, опять-таки серый с черным, на вид прямо из магазина, выглядел все же менее дорогим, чем его библиотечные туалеты.

Элегантный вампир у шикарного автомобиля меня почему-то злил. День выдался не так чтобы очень: в библиотеке сломался конвейер и своих рукописей я дожидалась целую вечность. Доклад пребывал в зачаточном состоянии; я с тревогой посматривала на календарь, воображая, как историки будут задавать мне заковыристые вопросы. Октябрь уже на носу, а конференция в ноябре.

— Думаете, мини лучше бы меня маскировала? — Он протянул руку за моим ковриком.

— Да нет, собственно...

В осенних сумерках на нем прямо-таки светилась надпись «вампир», но аспиранты и доны[1] проходили мимо как ни в чем не бывало. Если они в упор не чувствуют, да что там не чувствуют — не видят, кто он такой, то машина и вовсе не имеет значения. Во мне продолжала накапливаться злость.

— Я что-то сделал не так? — Серо-зеленые глаза смотрели невинно.

Клермонт открыл дверцу и потянул носом, когда я села в машину.

— Вы что, обнюхиваете меня? — не выдержала я.

[1] Преподаватели университета.

Еще вчера мне показалось, что мое тело снабжает его информацией без моего на то разрешения.

— Не искушайте, — промурлыкал он.

У меня мурашки побежали по шее, когда я вдумалась в смысл этих слов. Он захлопнул дверцу, положил в багажник мой коврик для йоги и одним плавным движением переместился за руль, впустив внутрь ночной воздух.

— Неважный день? — с деланым сочувствием спросил Клермонт.

Я ответила уничтожающим взглядом. Он прекрасно знал, как сложился мой день. Они с Мириам опять торчали в читальном зале герцога Хамфри, преграждая доступ другим сверхъестественным существам. Когда мы с ним ушли переодеться для йоги, Мириам осталась — проследить, чтобы за нами не увязались даймоны или кто-нибудь похуже.

Клермонт включил зажигание и поехал по Вудсток-роуд, не предпринимая дальнейших попыток завязать разговор.

— Куда мы едем? — спросила я подозрительно (по сторонам были только жилые дома).

— На йогу, — невозмутимо ответил он. — Я бы сказал, что в таком настроении она будет вам весьма кстати.

— И где она, эта йога?

Мы направлялись куда-то в сторону Бленема.

— Вы передумали? — с едва заметным раздражением спросил Мэтью. — Отвезти вас в студию на Хай-стрит?

Я содрогнулась, вспомнив о вчерашнем занятии.

— Нет.

— Тогда расслабьтесь. Это не похищение. Разве плохо, когда вами руководит кто-то другой? Притом вас ждет сюрприз.

— Хм...

Из стереосистемы полилось нечто классическое.

— Не думайте ни о чем. Слушайте! — приказал Мэтью. — Напрягаться под Моцарта попросту невозможно.

Не узнавая себя, я уселась поудобнее, закрыла глаза. «Ягуар» плавно покачивался, снаружи почти ничего не было слышно — я плыла над землей, несомая волнами музыки.

Скоро мы подъехали к высоким железным воротам — даже я при всей сноровке через них бы не перелезла. По обеим их

сторонам тянулись красные кирпичные стены причудливой кладки. Я выпрямилась.

— Отсюда не видно. — Клермонт, посмеиваясь, опустил стекло, набрал код. Раздался мелодичный сигнал, ворота открылись.

Хрустя гравием, мы проехали вторые ворота, еще древнее первых, — это была просто арка в кирпичной стене, намного ниже предыдущей. Ее венчала крохотная надстройка с окнами, похожая на фонарь. Слева от ворот стояла великолепная сторожка, тоже из кирпича, с витыми трубами и окнами в мелких свинцовых переплетах. «Олд-Лодж» — значилось на потускневшей медной табличке.

— Как красиво! — ахнула я.

— Я так и думал, что вам понравится, — сказал довольный вампир.

В парке уже стемнело. Стайка оленей, вспугнутая фарами и шумом мотора, скрылась в спасительном мраке. Мы поднялись на небольшой холм, сделали поворот. «Ягуар» едва полз.

— Ну вот, — показал вперед Клермонт.

Двухэтажный особняк в тюдоровском стиле с небольшим внутренним двориком. Мощные прожекторы освещали его фасад сквозь узловатые дубовые ветки.

Не сдержав эмоций, я выругалась. Клермонт сначала удивился, а потом усмехнулся. Он подкатил к дому и припарковался рядом с последней спортивной моделью «ауди». На площадке уже стояло с десяток машин, а на холме мелькали фары и других.

— Вы уверены, что я здесь буду на месте?

Я занималась йогой больше десяти лет, но это еще не значило, что я ас. Кто их знает — может, они тут стоят вверх ногами, опираясь на одну руку.

— Да, конечно. Состав у нас смешанный.

— Ну-ну. — Мое беспокойство, несмотря на его ответ, только усилилось.

Клермонт достал из багажника наши коврики, пропустил вперед новоприбывших, открыл дверцу машины и подал мне руку. Что-то новенькое, отметила я. Его прикосновения до сих пор вызывали у меня дискомфорт, разница наших температур поражала.

Он помог мне выйти и сжал напоследок руку, подбадривая. Наши взгляды встретились, и мы смущенно отвернулись друг от друга.

Во двор вели третьи ворота. Особняк изумительно сохранился — никому не дали пробить в нем симметричные георгианские окна или пристроить аляповатые викторианские оранжереи. Мы точно перенеслись в прошлое.

— Невероятно, — пробормотала я.

Клермонт, усмехаясь, провел меня в большую, подпертую стопором дверь. Я так и ахнула — интерьер ошеломил меня еще больше, чем внешний вид. Куда ни кинь взгляд — полированные стенные панели с орнаментом в стиле «льняные складки». В огромном камине горит огонь. Окруженный скамейками стол на козлах выглядел как ровесник самого дома — только электричество и напоминало, что мы в двадцать первом веке.

На темных дубовых скамейках лежали грудами свитеры с пиджаками, внизу рядами стояла обувь. Клермонт выложил на стол связку ключей, мы разулись и пошли дальше.

— Помните, я говорил, что состав у нас смешанный? — спросил он, подойдя к одной из дверей. Я кивнула. — Это правда, но войти в эту комнату могут только такие, как мы.

Он открыл дверь. Десятки любопытных взглядов защекотали меня, облобызали, обдали холодом. В комнате было полно даймонов, вампиров и колдунов. Сидя на ярких ковриках — кто поджав ноги, кто на коленях, — они ждали начала занятий. У некоторых даймонов в ушах торчали наушники, колдуны вполголоса сплетничали, вампиры держались спокойно, не проявляя эмоций.

У меня отвисла челюсть.

— Виноват, — сказал Клермонт. — Я боялся, что вы не пойдете, если я расскажу, но это действительно лучшая школа в Оксфорде.

К нам направлялась высокая колдунья с короткими иссиня-черными волосами и кожей цвета кофе со сливками. Все остальные отвернулись и возобновили медитацию. Клермонт, при входе слегка напряженный, почувствовал себя заметно свободнее.

— Здравствуй, Мэтью, — хрипловато, с индийским акцентом сказала колдунья.

— Здравствуй, Амира. Это Диана Бишоп, о которой я тебе говорил.

Амира, пристально всмотревшись в мое лицо, улыбнулась:

— Очень приятно, Диана. Йогой раньше занимались?

Новая волна тревоги захлестнула меня.

— Занималась, но здесь я впервые.

— Добро пожаловать в Олд-Лодж, — еще шире улыбнулась она.

Знает ли здесь кто-нибудь об «Ашмоле-782»? Знакомых лиц в зале я не видела, и атмосфера была открытая, без намека на всегдашние трения между разными созданиями.

Крепкая теплая рука охватила мое запястье, и сердце сразу же пришло в норму. Я с удивлением вскинула глаза на Амиру. Как она это сделала?

Она отпустила меня, но пульс остался ровным.

— Думаю, вам с Дианой будет удобнее здесь, — сказала она Клермонту. — Устраивайтесь, сейчас начинаем.

Мы расстелили коврики около двери. Соседей справа у меня не было; чуть подальше, закрыв глаза, сидели в позе лотоса двое даймонов. Щекотное ощущение на плече быстро прошло, и чей-то голос произнес в голове: *Извини*.

Он исходил откуда-то спереди, как и щекотка. Амира, с упреком взглянув на кого-то в первом ряду, попросила внимания.

Мое тело приняло привычную сидячую позу, Клермонт спустя пару секунд тоже сел.

— Закрывайте глаза. — Амира нажал кнопку на крошечном пульте, из стен и потолка полилась медитативная музыка. Музыка была средневековая, и кто-то из вампиров блаженно вздохнул.

Я отвлеклась, рассматривая лепной потолок бывшего главного зала.

— Закрывайте глаза, — мягко повторила Амира. — Трудно освободиться от своих тревог, своих забот, своих эго, но для этого мы здесь и собрались.

Формула, которую я не раз слышала в других классах, здесь имела специфическое значение.

— Мы собрались, чтобы поучиться правильно управлять своей энергией. Почти все свое время мы притворяемся кем-то другим. Отбросьте это. Воздайте честь своей подлинной сущности.

После легкой разминки мы стали на колени, разогрели позвоночник, приняли позу собаки, постояли в ней немного и поднялись.

— Врастите ногами в землю, — велела Амира. — Поза горы.

Я сосредоточилась на ногах и вздрогнула, ощутив неожиданный толчок.

Амира начала делать виньясы. Вслед за ней мы воздевали руки к потолку и опускали к самым ступням, тянулись и наклонялись. Когда ладони всех колдунов, вампиров и даймонов соприкоснулись над головой, Амира предоставила нам выполнять движения в собственном ритме. Она нажала кнопку на пульте, и в комнате зазвучал «Рокет мэн» Элтона Джона.

Эта музыка как-то очень подходила к знакомым мне упражнениям. Я проделывала их в такт, дышала, расслабляя напряженные мускулы, изгоняя из головы все мысли. На третьем повторе энергетика в зале изменилась. Трое колдунов поднялись над полом на добрый фут.

— Взлетать не надо, — попросила Амира.

Двое опустились спокойно, а один спикировал вниз головой.

В темп укладывались не все. Даймоны копошились как параличные, вампиры со своими мощными мускулами опережали остальных.

— Тихонько, — говорила Амира. — Спешить и напрягаться не стоит.

Постепенно энергия снова вошла в нужное русло. Когда начались стоячие позы, лидировали вампиры — они выдерживали минуту за минутой без всяких усилий. Я целиком отдалась движению, не думая больше о том, соответствует ли моя подготовка уровню этого класса.

Когда мы приступили к прогибам назад на полу, все уже взмокли, кроме вампиров — у этих даже испарины не было. Не-

которые, в том числе и Клермонт, делали невероятные стойки на руках и локтях. Один раз он вытянулся в струнку, и создалось такое впечатление, что вампир касается пола одним только ухом.

Заключительная савасана всегда давалась мне труднее всего. Долго вылежать на спине в позе трупа я не могла, и расслабленность всех остальных только добавляла мне дискомфорта. Я лежала, закрыв глаза, и старалась не дергаться.

— Диана, эта поза не для тебя, — шепотом сказала Амира, став между мной и вампиром. — Ляг на бок.

Мои глаза открылись сами собой. Как она умудрилась разгадать мой секрет?

— Свернись клубочком. — Заинтригованная, я подчинилась, и мне сразу же стало легче. Амира легонько потрепала меня по плечу. — И глаза закрывать не надо.

Я лежала лицом к Клермонту. Амира убавила свет, но я хорошо видела его сияющий профиль.

Он смотрелся как лежачее изваяние средневекового рыцаря на гробнице Вестминстерского аббатства: длинные руки и ноги, длинный торс, сильная лепка лица. В нем чувствовалось что-то древнее, хотя выглядел он не намного старше меня. Я мысленно прошлась пальцем по его выпуклому лбу от волос до густых бровей, погладила нос, обвела губы.

Когда я досчитала про себя до двухсот, он сделал вдох, а потом долго-долго не выдыхал.

Через некоторое время Амира предложила классу вернуться к жизни. Мэтью повернулся ко мне и открыл глаза. Его лицо стало мягким — с моим, насколько я чувствовала, произошло то же самое. Вокруг нас началось движение, но я, вопреки приличиям, так и лежала на боку, глядя в глаза вампиру. В той же позе оставался и он. Когда я наконец села, комната от резкого прилива крови закружилась вокруг меня.

Наконец вращение остановилось. Амира пропела финальную мантру, позвенела серебряными колокольчиками на пальцах. Все на сегодня.

Вампиры общались с вампирами, колдуны с колдуньями. Даймоны обсуждали, куда пойти вечером и в каком из оксфорд-

ских клубов джаз лучше. Да ведь их направляет энергия класса, с улыбкой подумала я, вспомнив, что говорила Агата об их беспокойных душах. Двое инвестиционных банкиров из Лондона, оба вампиры, обсуждали нераскрытые убийства в столице. Меня кольнула тревога — вспомнилось вестминстерское дело, о котором я читала в газете. Мэтью сердито глянул на них, и они сменили тему и стали обсуждать, куда завтра пойти на обед.

Двигаясь к выходу, все проходили мимо нас с Клермонтом. Колдуны кивали, с любопытством косясь; даймоны заглядывали нам в глаза и обменивались многозначительными взглядами и ухмылками, вампиры намеренно игнорировали меня, но в обязательном порядке здоровались с Мэтью.

Под конец в зале остались только мы и Амира. Она свернула свою циновку и подошла к нам:

— Хорошо позанимались, Диана.

— Спасибо, Амира. Йога была просто незабываемая.

— Приходи когда хочешь, с Мэтью или одна. — Она похлопала его по плечу. — Надо было сказать ей.

— Я боялся, что она не захочет пойти... и знал, что ей понравится, когда она окажется здесь. — Клермонт застенчиво глянул на меня.

— Выключите свет, когда будете уходить, ладно? — сказала напоследок Амира.

Я обвела взглядом безупречно спроектированный зал:

— Да... действительно сюрприз получился. — Мне хотелось, чтобы он еще немного помучился.

Мэтью бесшумно возник за моей спиной:

— Приятный, надеюсь. Понравилось?

Медленно обернувшись к нему, я запрокинула голову, глядя в его лицо:

— Да.

— Я рад. — Снова эта улыбка, от которой сердце замирает в груди.

Чтобы оторваться от его глаз, я нагнулась и стала скатывать коврик. Мэтью забрал свой, выключил свет. Мы обулись в комнате с камином, успевшим прогореть до углей.

— Не хочешь выпить чая перед отъездом? — спросил Мэтью, беря со стола ключи.

— Где бы это?

— В сторожке.

— Там что, кафе?

— Нет, но кухня имеется. И посидеть есть где. Я сам заварю.

— Мэтью, — осенило меня, — это твой дом?

Мы уже вышли во двор. Над входом значилась дата: 1536.

— Я его и построил, — ответил он, не сводя с меня глаз.

Итак, Мэтью Клермонту никак не меньше пятисот лет.

— Прелести Реформации, — продолжал он. — Генрих пожаловал мне поместье с условием, что я снесу стоявшее здесь аббатство. Я сохранил что мог, хотя это было трудно; король тогда пребывал в дурном настроении. Несколько ангелов, кое-где старая кладка — все остальное новое.

— Впервые слышу, чтобы здание, построенное в шестнадцатом веке, кто-то называл новым.

Я попыталась взглянуть на дом его глазами, больше того — увидеть его как часть Мэтью. Здесь он пятьсот лет назад собирался жить, а жилище может многое рассказать о своем хозяине. Дом был тихим, солидным и надежным, как Мэтью. Никаких архитектурных излишеств.

— Красиво, — просто сказала я.

— Теперь дом слишком велик для жилья, не говоря уж о том, как все износилось. Стоит открыть окно, и что-нибудь обязательно отваливается, несмотря на постоянный уход. Пару комнат занимает Амира, и несколько раз в неделю здесь проходят занятия.

— А ты, значит, живешь в сторожке? — спросила я, пока мы шли к машине по вымощенному булыжником двору.

— Всю неделю я в Оксфорде, а сюда приезжаю на выходные. Здесь спокойнее.

Да... нелегко, вероятно, вампиру жить в толпе шумных студентов, чьи разговоры он слышит помимо воли.

Мы доехали до сторожки. Ее, лицо усадьбы, в свое время украсили немного обильнее, чем большой дом. Я смотрела на витые трубы и замысловатую кладку.

— Знаю, — со стоном промолвил Мэтью. — Каменщик дорвался-таки до этих труб. Его кузен работал в Хэмптон-Корте у Вулси[1], и мой мастер просто не желал слышать «нет».

Мэтью щелкнул выключателем у двери. Золотой свет залил большую комнату с полом из каменных плит и очагом, где можно было быка зажарить.

— Замерзла?

Часть сторожки переделали в современную кухню, посреди которой возвышался огромный холодильник. Я старалась не думать о том, что Мэтью там держит.

— Немножко. — Я поежилась в своем свитере. На дворе было относительно тепло, но я продрогла из-за того, что вспотела.

— Тогда зажги камин, — предложил Мэтью.

Дрова были уже приготовлены. Я взяла из старинной оловянной кружки длинную спичку и подожгла их.

Мэтью поставил чайник, а я стала осматривать комнату. Хозяину явно нравились коричневая кожа и темное полированное дерево, они красиво смотрелись на фоне каменных плит. Цветным пятном выделялся старый ковер теплых красных, синих и желтых оттенков. Над камином висел огромный портрет второй половины семнадцатого столетия. Темноволосую красавицу в желтом платье писал определенно сэр Питер Лили[2].

— Моя сестра Луиза, — сказал Мэтью, заметив мой интерес (он как раз принес из кухни поднос с чайными принадлежностями). — Dieu[3], как прекрасна она была!

— Что же с ней сталось?

— Она уехала на Барбадос, намереваясь стать королевой Вест-Индии. Мы ей говорили, что на маленьком острове ее пристрастие к молодым джентльменам не пройдет незамеченным, но она не желала слушать. Ей нравилось жить на плантации, выращивать сахарный тростник и владеть рабами. — По лицу Мэтью пробежала тень. — Во время одного восстания соседи-

---

[1] *Томас Вулси* (1475–1530) — кардинал, лорд-канцлер при короле Генрихе VIII. Его загородный дворец Хэмптон-Корт после обвинения Вулси в измене перешел к королю.

[2] *Питер Лили* (1618–1680) — английский портретист голландского происхождения.

[3] Боже мой *(фр.)*.

плантаторы, разгадавшие ее тайну, решили покончить с ней. Отрубили Луизе голову, тело изрезали на куски, останки сожгли и свалили все на рабов.

— Мне очень жаль. — Глупые слова для такой тяжкой потери.

— Смерть, достойная жертвы, — чуть улыбнулся он. — Я любил сестру, но это нелегко мне давалось. Она усваивала пороки всех веков, в которые жила. Ни одна крайность для нее не была крайней. — Мэтью с трудом оторвал взгляд от холодного красивого лица на портрете. — Чай готов. — Он поставил поднос на низкий дубовый столик перед камином, между двумя кожаными диванами.

Я принялась разливать, ни о чем больше не спрашивая, хотя вопросов у меня хватило бы на несколько вечеров. Под взглядом больших черных глаз Луизы я старалась не пролить ни капли на полированную столешницу — вдруг этот стол когда-то принадлежал ей. Мэтью не забыл ни о молоке, ни о сахаре. Придав чаю нужный оттенок, я устроилась на мягком диване.

Мэтью вежливо взял свою чашку, но пить не стал.

— Не нужно делать что-то только из-за того, что я здесь, — сказала я.

— Я привык, — пожал плечами он. — А привычные движения действуют успокаивающе.

— Давно занимаешься йогой?

— Это совпало с отъездом Луизы. Я отправился в другую Индию, настоящую, и застрял на Гоа во время муссонов. Делать было нечего, кроме как пить и учиться всему индийскому. Тогдашние йоги были гораздо одухотвореннее большинства нынешних. Амиру я не так давно встретил в Мумбае, когда был там на конференции. Посмотрел, как она ведет класс, и понял, что она не уступает мастерством старым йогам. И не имеет предрассудков насчет дружбы с вампирами, как некоторые колдуньи. — В последней фразе чувствовалась горечь.

— Понял и пригласил сюда?

— Я рассказал ей об Англии, а она согласилась попробовать. Скоро уж десять лет, как она здесь, и в нашем классе всегда полно народу. Амира, конечно, еще и частные уроки дает, в основном людям.

— Никогда не видела, чтобы колдуны, вампиры и даймоны занимались чем-то вместе, хотя бы и йогой, — призналась я. Существовали строгие табу на общение с другими расами. — Скажи мне кто-нибудь, ни за что не поверила бы.

— Амира — оптимистка и любит преодолевать трудности. Поначалу все было совсем непросто. Вампиры отказывались находиться в одном помещении с даймонами, а первым колдунам и вовсе никто не доверял. — Я слышала по его голосу, что и он не свободен от предрассудков. — Теперь почти весь класс признает, что сходства у нас больше, чем отличий, и соблюдает правила вежливости.

— Мы, возможно, и кажемся похожими, — я подтянула колени к груди, — но определенно не чувствуем себя таковыми.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Мэтью.

— Мы всегда знаем, когда рядом... не человек. По легкому касанию, по холоду, по щекотке.

— Это, видимо, привилегия колдунов. Я, например, не знаю.

— Чувствуешь что-нибудь, когда я смотрю на тебя?

— Нет, а ты? — Его невинный взгляд тут же пустил мурашки по моей коже.

Я кивнула.

— Опиши свои ощущения. — Он подался вперед, и я почуяла западню.

— Холод, — начала я, не зная, стоит ли говорить как есть. — Как будто лед под кожей.

— Весьма неприятно, мне кажется. — Мэтью наморщил лоб.

— Нет, просто немного странно. Хуже всего даймоны — их взгляды я ощущаю как поцелуи, — скривилась я.

Мэтью со смехом поставил чашку на стол, уперся локтями в колени и наклонился ко мне:

— Значит, колдовскими способностями ты все-таки пользуешься.

Западня захлопнулась. Я потупилась, красная до ушей, меня охватила злость.

— В жизни бы не открывать «Ашмол-782» и не снимать с полки тот чертов журнал! Это было мое пятое колдовство за весь год. Стиральная машина вообще не считается — без моих чар она затопила бы квартиру внизу.

Мэтью поднял руки — сдаюсь, мол.

— Мне все равно, Диана, пользуешься ты магией или нет. Просто я поражен тем, на что ты способна.

— Не пользуюсь я ни магией, ни колдовством — называй как хочешь. Я не такая. — Щеки у меня пылали.

— Нет, такая. Это сидит у тебя в крови и в костях. Такое же генетическое наследие, как голубые глаза и светлые волосы.

У меня никогда не получалось объяснить, почему я чураюсь магии. Сара и Эм не понимали, где же Мэтью понять? Чай остыл. Я сжалась в комок под изучающим взглядом вампира.

— Не хочу я этого, — в конце концов процедила я. — Никогда не хотела.

— Но почему? Эмпатия Амиры, которая согрела тебя сегодня, — часть ее магии. Колдовской дар ничем не хуже музыкального или поэтического, просто он другой.

— А я не желаю быть другой! — взъярилась я. — Хочу жить обыкновенной жизнью, как нормальные люди. — Вот именно. Не опасаясь, что тебя разоблачат и убьют. Я стиснула зубы, чтобы не выпалить это вслух. — Вот тебе разве не хочется быть нормальным?

— Скажу тебе как ученый, Диана: никакой «нормальности» в природе не существует. — Его тон уже не был мягким. — Нормальность — это сказочка, которой люди успокаивают себя, сталкиваясь с неопровержимыми свидетельствами того, что почти все вокруг «ненормальное».

Пусть себе говорит, я останусь при своем убеждении. Опасно быть существом иного порядка в управляемом людьми мире.

— Диана, посмотри на меня.

Вопреки всем инстинктам я посмотрела.

— Ты отталкиваешь от себя магию. Точно так же, по-твоему, поступали ученые, о которых ты пишешь. Проблема в том, что у них ничего не вышло. Даже те из них, что были людьми, не сумели полностью изгнать магию из своего мира — это твои собственные слова. Она возвращалась снова и снова.

— Это совсем другое, — шепотом ответила я. — Сейчас я говорю о своей жизни. Ею я могу управлять.

— Не другое, а то же самое, — сказал он тихо и уверенно. — Ты будешь пытаться, но у тебя ничего не выйдет, как не вышло

у Роберта Гука и Исаака Ньютона. Они оба знали, что без магии мир не может существовать. Блестящий Гук, умевший мыслить в трех измерениях, изобретавший приборы и ставивший опыты, так и не раскрыл полностью свой потенциал именно из-за страха перед тайнами мироздания. А вот Ньютон... столь бесстрашного ума я никогда не встречал. Он не боялся того, что нельзя увидеть глазами и с легкостью объяснить. Он принимал все как есть. Ты, как историк, знаешь, что к теории притяжения он пришел через алхимию и веру в невидимые причины роста и перемен.

— Ну, значит, я Гук. У меня нет желания стать легендой наподобие Ньютона.

Или собственной матери.

— Страх сделал Гука желчным завистником. Он вечно оглядывался через плечо и критиковал чужие эксперименты. Так жить не годится.

— Я не буду строить свою работу на магии, — упрямилась я.

— Но ты и не Гук, — отрезал Мэтью. — Он был человеком, которому вражда с магией испортила жизнь, а ты колдунья. Тебя эта вражда уничтожит.

От этих заманчивых речей в меня закрадывался страх. Послушать Мэтью Клермонта, нечеловеком можно быть без всяких тревог и последствий. Но он вампир, ему нельзя доверять. И насчет магии он не прав. Не может быть прав. В противном случае получается, я всю жизнь сражалась с воображаемым врагом.

«Страшно тебе? Сама виновата. Приоткрыла магии дверь, вопреки собственным правилам, а следом пролез вампир со всей прочей компанией». Я вспомнила, как погибли мои родители, начала задыхаться и вся покрылась гусиной кожей.

— Я умею выживать только без магии, Мэтью.

Я дышала медленно, пытаясь не поддаться чувствам, но призраки отца и матери не желали уходить.

— Это твое выживание — ложь, к тому же неубедительная. Ты думаешь, что хорошо притворяешься, но обманываешь только себя. — Он точно диагноз ставил. — Я видел, как люди на тебя смотрят. Они знают, что ты другая.

— Чепуха.

— Шон теряет дар речи, стоит тебе на него поглядеть.

— Он был неравнодушен ко мне в аспирантуре.

— И до сих пор неравнодушен, но дело не в этом. Мистер Джонсон, надеюсь, не твой поклонник? Однако он вместе с Шоном трепещет при малейшей перемене твоего настроения и боится, когда не может посадить тебя на привычное место. И добро бы речь только о людях: Берно ты перепугала чуть ли не до смерти.

— Того монаха? — не поверила я. — Он тебя испугался, а не меня!

— Мы с Берно знаем друг друга с тысяча семьсот восемнадцатого года, — сухо сообщил Мэтью. — С какой стати он будет меня бояться? Познакомились на вечере у герцога Чандоса, где он пел Дамона в «Аците и Галатее» Генделя. Уверяю тебя, испугала его именно ты.

— Мы живем не в волшебной сказке, Мэтью, а в человеческом мире. Людей намного больше, и они действительно нас боятся. Человеческий страх сильнее и магии, и вампиров.

— Страх и отрицание — человеческий путь. Колдуну он заказан, Диана.

— Этого я как раз не боюсь.

— Еще как боишься! Пошли, я отвезу тебя в Оксфорд.

— Послушай... — Желание получить нужную информацию пересилило все остальное. — Мы оба интересуемся «Ашмолом-782». Между вампиром и колдуньей не может быть дружбы, но работать-то вместе мы можем?

— Не уверен.

Всю дорогу до Оксфорда мы молчали. Люди ошибаются, думая, что вампиров делает страшными жажда крови, — в Мэтью меня больше всего пугало это его отчуждение и внезапные вспышки гнева.

У ворот Нового колледжа он достал мой коврик из багажника и сказал без всякого выражения:

— Хороших тебе выходных.

— Спокойной ночи, Мэтью. Спасибо, что на йогу сводил, — сказала я столь же бесстрастно.

И не оглянулась ни разу, хотя чувствовала на себе его холодный взгляд.

Глава 9

Мэтью пересек Эйвон[1] по горбатому арочному мосту. Знакомые крутые утесы и темное небо Ланаркшира успокаивали его — суровая и контрастная красота этой части Шотландии соответствовала его настроению. Липовая аллея, остаток былой роскоши, некогда вела ко дворцу. Мэтью, сбросив скорость, подъехал по ней к черному входу в бывший охотничий домик. Необработанный бурый камень заднего фасада контрастировал с кремовой штукатуркой главного. Клермонт вылез из «ягуара», достал сумки из багажника.

Белая дверь гостеприимно распахнулась.

— Паршиво выглядишь. — Поджарый крючконосый даймон, темноволосый и кареглазый, смерил взглядом закадычного друга.

Хэмиш Осборн познакомился с Мэтью Клермонтом в Оксфорде лет двадцать назад. Их, как многих нелюдей, всю жизнь учили бояться представителей чуждого вида. Поначалу они не знали, как держаться друг с другом, но сходное чувство юмора и склад ума со временем сделали их неразлучными.

Гнев, отразившийся было на лице Мэтью, тут же угас.

— Я тоже рад тебя видеть, — проворчал он, ставя на пол сумки.

От дома пахло старой штукатуркой и деревом, от Хэмиша — лавандой и мятой. Вампир жадно вдохнул, силясь забыть про запах колдуньи.

Дворецкий Хэмиша Джордан (человек) принес с собой запахи лимонной политуры и накрахмаленного белья. Они не до

---

[1] *Эйвон* — река в Шотландии, приток Клайда.

конца перебили Дианины жимолость и белокудренник, но все-таки помогли.

— Рад вас видеть, сэр.

Джордан унес наверх багаж Мэтью. Дворецкий принадлежал к старой школе: ему хорошо платили, чтобы он не болтал о хозяйских секретах, но Джордан и без того ни одной живой душе не проговорился бы, что Осборн — даймон, у которого временами гостят вампиры. Или что на завтрак, скажем, здесь иногда просят подать сэндвичи с арахисовым маслом и бананом.

— Спасибо, Джордан. — Мэтью, избегая смотреть Хэмишу в глаза, обвел взглядом холл. — Ты, я вижу, приобрел очередного Гамильтона, — заметил он, разглядев на стене незнакомый пейзаж.

— Ты не часто замечаешь мои покупки. — Акцент у даймона, как и у Мэтью, был оксбриджский, но тоже со странными нотками — в данном проскальзывало глазговское «р».

— Кстати, о новых приобретениях: как там Душка Уильям?

Уильям (человек) был новым любовником Хэмиша, таким красивым и милым, что Мэтью наградил его именем цветка[1]. Прозвище прижилось: Хэмиш теперь так и называл возлюбленного, а Уильям скупал и дарил друзьям горшки с гвоздикой, которые попадались ему в цветочных лавках.

— Ворчит, — усмехнулся Хэмиш. — Я обещал ему тихие домашние выходные.

— Мог бы и не приезжать — я тебя не просил, — тоже ворчливо заметил Мэтью.

— Знаю, но мы с тобой давненько не виделись, а Кэдзоу в эту пору года очень хорош.

Мэтью недоверчиво уставился на друга:

— Ого, а я смотрю, тебе и вправду нужно поохотиться.

— Позарез, — отрывисто признался вампир.

— Выпьем сначала или сразу приступишь?

— Выпить мне бы не помешало — вяло признался Клермонт.

— Вот и отлично. Тебе вино, мне виски. — Хэмиш попросил Джордана достать бутылку из погреба сразу после раннего звон-

[1] *Душка Уильям* (sweet William) — английское название турецкой гвоздики.

ка Мэтью. Он терпеть не мог пить один, а вампир в рот не брал виски. — Заодно расскажешь, с чего тебе так приспичило поохотиться в этот чудный сентябрьский денек.

Они поднялись в библиотеку. Деревянными панелями ее обшили в девятнадцатом веке, нарушив первоначальный замысел архитектора: он планировал создать просторную, полную воздуха комнату, где дамы восемнадцатого столетия могли бы дожидаться с охоты мужей. Но белый потолок с лепными гирляндами и суетливыми ангелочками сохранился и бросал молчаливый укор современности.

Мужчины уселись в кожаные кресла рядом с камином, где уже плясал, разгоняя осенний холод, огонь.

— Превосходно, — одобрил Мэтью вино, которое показал ему Хэмиш.

— Я так и думал. У «Братьев Берри и Радд» меня заверили, что оно хоть куда. — Хэмиш налил Мэтью вина, а себе виски из графина.

Посидев некоторое время в уютном молчании, Мэтью сказал:

— Прости, что притащил тебя сюда. Сложилась трудная ситуация... сложно объяснить.

— У тебя просто и не бывает, — усмехнулся даймон.

В Хэмише Осборне Мэтью привлекали отчасти его прямота, отчасти несвойственные даймонам здравомыслие и ровный характер. Вампир на своем веку дружил со многими даймонами, в равной мере одаренными и безумными. С Хэмишем было гораздо проще: ни тебе кипучих споров, ни бешеных вспышек активности, ни периодов опасной депрессии. В их общении долгое молчание перемежалось остроумными беседами, и все окрашивало безмятежное отношение Хэмиша к жизни.

Особенности характера сказывались и в том, что областью своей деятельности Хэмиш избрал не искусство, как большинство даймонов, а сферу финансов. У него был талант не только наживать деньги, но и выискивать слабые места в международной системе. Креативность он вкладывал не в сонаты, а в финансовые таблицы. Осборн так замечательно разбирался в хитростях валютного рынка, что с ним советовались монархи, премьер-министры и президенты.

Мэтью это восхищало не меньше, чем та легкость, с которой Хэмиш общался с людьми. Осборн любил бывать в их обществе. Человеческие недостатки даймона скорее стимулировали, чем удручали. Он получил это в наследство от родителей (его отец был страховым брокером, а мать домохозяйкой). Мэтью был знаком с этой невозмутимой четой и понимал, отчего Хэмиш так любит людей.

Треск дров в камине и запах виски помогали вампиру расслабиться. Красная жидкость в его бокале мерцала в свете очага.

— Не знаю, с чего и начать...

— С конца, — посоветовал даймон. — Когда ты снял трубку и вздумал мне позвонить.

— Мне надо было уехать от одной колдуньи.

Хэмиш посмотрел на Мэтью, подмечая, насколько тот взвинчен:

— И что же в ней такого особенного?

Мэтью глянул на него из-под густых бровей:

— Всё.

— Неприятности, да? — сочувственно, но с иронией поинтересовался Хэмиш.

— Можно и так сказать, — с резким смешком признал Мэтью.

— А имя у нее есть?

— Диана. Историк, приехала из Америки.

— Богиня охоты, — протянул Хэмиш. — Что она такое, помимо имени, — обыкновенная колдунья?

— Вот уж нет.

— Ага. — Хэмиш видел, что Мэтью и не думает успокаиваться — наоборот, рвется в драку.

— Она Бишоп. — Мэтью знал по опыту, что даймон мигом ухватит суть любой его реплики.

Хэмиш порылся в памяти:

— Сейлем, штат Массачусетс?

Мэтью угрюмо кивнул:

— Последняя из тех Бишопов. Ее отец — Проктор.

— Дважды колдунья, — тихо присвистнул Хэмиш, — потомок двух славных родов. Да, ты ничего не делаешь наполовину. Сильна, вероятно.

— Мать у нее очень сильная. Об отце я мало что знаю, а вот Ребекка Бишоп — статья особая. В тринадцать лет колдовала так, как некоторые за всю жизнь научиться не могут. И с самого детства была провидицей.

— Ты ее знаешь, Мэтт?

С кем только не пересекался друг Хэмиша за множество своих жизней!

— Нет, но о ней много говорят — как правило, с завистью. Ты же знаешь, какие они, эти колдуны.

Хэмиш, давно знавший, что колдунов Мэтью не жалует, взглянул на него поверх своего бокала:

— Ну а Диана что же?

— Она утверждает, что магией не пользуется.

Эта короткая фраза давала сыщику сразу две нити. Хэмиш начал с той, что распутать было попроще.

— Совсем? А пропавшую сережку найти? Волосы покрасить?

— Не тот тип. Сережки не носит, волосы не красит. Трехмильная пробежка и час на реке в неустойчивой лодчонке.

— С ее-то происхождением как-то трудно поверить, что она обходится без магии. — Мечтатель в Хэмише уживался с прагматиком — именно поэтому даймон так хорошо управлялся с чужими деньгами. — Ты тоже не веришь, иначе не думал бы, что она врет. — Хэмиш потянул за вторую нить.

— По ее словам, она все же колдует, но очень редко, по разным пустяковым делам. — Мэтью, задумчиво взъерошив волосы, отпил вина. — Но я-то знаю, что это происходит куда как чаще. Я чую. — Он заговорил откровенно впервые с тех пор, как приехал. — Пахнет как летом перед грозой, а иногда это даже и видно. В моменты гнева или самозабвенной работы она светится. — «И когда спит тоже», — нахмурившись, добавил он про себя. — Да я иногда почти на вкус это чувствую.

— Светится, говоришь?

— Ты бы этого не увидел, хотя, возможно, почувствовал бы как-то по-своему. Chatoiement[1] — колдовское свечение — никогда не бывает ярким. Даже когда я был еще молодым вампи-

[1] Игра цветов, переливы *(фр.)*.

ром, его излучали лишь самые сильные колдуны, а теперь такое и вовсе редкость. Диана ничего об этом не знает и не осознаёт всей важности такого явления. — Мэтью, вздрогнув, сжал кулак.

Даймон посмотрел на часы на запястье. Было совсем еще рано, но он уже понял, зачем его друг приехал в Шотландию.

Еще немного, и Мэтью влюбится.

Вошел Джордан (он безупречно умел рассчитывать время):

— Егерь подогнал джип, сэр. Я сказал, что сам он сегодня вам не понадобится.

В самом деле: зачем егерь, когда в доме вампир.

— Отлично. — Хэмиш встал и допил виски. Повторить бы, да нельзя: сейчас нужно быть в здравом уме.

— Я предпочел бы пойти один, Хэмиш, — сказал вампир.

Он не любил охотиться с теплокровными, то есть с людьми, даймонами или колдунами. Для Хэмиша он, как правило, делал исключение, но разобраться с чувствами к Диане Бишоп ему хотелось наедине.

— Мы ведь только скрадывать будем, — лукаво заметил Хэмиш. Он задумал отвлечь и разговорить Мэтью, чтобы не тянуть из него каждое слово клещами. — Смотри, какой хороший денек. Пошли, будешь доволен.

Мэтью с мрачным видом забрался в старенький джип Хэмиша. Они почти всегда им пользовались, когда приезжали в Кэдзоу, хотя в больших охотничьих угодьях шотландцы предпочитают «лендровер». Мэтью не смущала поездка по холоду в открытой машине, а Хэмиш веселился, наблюдая за этим сверхчеловеком.

Переключая передачи — Мэтью каждый раз морщился от этого звука, — Хэмиш ехал в гору, на луг, где обычно паслись олени. Мэтью, увидев пару самцов, велел остановиться, вылез и присел у переднего колеса. Хэмиш с улыбкой присоединился к нему.

Даймон уже не раз скрадывал с Мэтью оленей и знал, что тому нужно. Вампир убивал не всегда, хотя сегодня, будь он один, наверняка заявился бы домой сытым и только к вечеру, а в имении стало бы двумя оленями меньше. Он не просто плотоядный, — он хищник. Именно охота, а не кровь, которую пьют

вампиры, делает их вампирами. Временами, когда Мэтью овладевало беспокойство, он просто гнался за первой попавшейся дичью, но не убивал ее.

Вампир следил за оленями, а даймон — за ним, нутром чувствуя, что в Оксфорде не все ладно.

Мэтью просидел возле джипа несколько часов кряду, решая, стоит ли пускаться в погоню. Пользуясь своими необычайно развитыми органами чувств, он вглядывался в животных, постигал их привычки, смотрел, как они реагируют на хрустнувшую ветку или вспорхнувшую птицу, — все это без малейших признаков нетерпения. Главным для Мэтью был тот момент, когда добыча признавала себя побежденной.

В сумерках он встал и кивнул Хэмишу. Достаточно для первого дня. Ему дневной свет не требовался, но Хэмишу впотьмах было бы затруднительно спуститься с горы.

Когда добрались, было уже совсем темно. Джордан зажег повсюду свет, и дом, светящийся как фонарь, выглядел в этой глуши чрезвычайно нелепо.

— Совершенно незачем было строить здесь такой дом, — заметил Мэтью светским, но несколько язвительным тоном. — Чистое безумие со стороны Роберта Адама[1].

— Ты уже не раз высказывался насчет моего маленького чудачества, — спокойно отозвался Хэмиш. — Ты, конечно, смыслишь в архитектуре больше меня, и Адам, вполне возможно, был не в своем уме, соглашаясь возвести в диком Ланаркшире эту, как ты выражаешься, эту «непродуманную причуду». Но я люблю этот дом, и твои слова ничего не изменят.

Этот разговор они вели с тех самых пор, как Хэмиш купил Кэдзоу-Лодж (вместе с меблировкой, егерем и Джорданом) у аристократа, у которого не было денег на содержание поместья. Мэтью тогда пришел в ужас, но для Хэмиша эта покупка была знаковым событием. Она показывала, что он оторвался от своих глазговских корней и мог себе позволить такие вот непрактичные траты — просто потому, что вещь ему нравилась.

— Хм... — нахмурился вампир.

---

[1] *Братья Адам, Роберт и Джеймс*, — шотландские архитекторы, декораторы, конструкторы мебели (XVIII в).

Ну ничего, пусть лучше дуется, чем лезет на стену. Хэмиш перешел к следующему этапу своего плана.

— Ужин в восемь, в столовой, — сказал он.

Мэтью терпеть не мог эту любимую комнату Хэмиша. Его раздражало все: высокие потолки, сквозняки, а больше всего — броская женственная отделка.

— Я не голоден, — проворчал он.

— Еще как голоден! — резко возразил Хэмиш — цвет лица вампира говорил ему о многом. — Когда в последний раз ел как следует?

— Несколько недель назад. — Мэтью, как всегда, не замечал времени. — Не помню уже.

— Так вот, сегодня угостишься супом и вином, а завтра сам о себе позаботишься. Хочешь побыть один или рискнешь сразиться со мной на бильярде?

Хэмиш, первоклассный бильярдист, лучше всего играл в снукер, которому обучился еще подростком. В Глазго он заработал на этом свои первые деньги и почти всегда побеждал. Мэтью отказывался играть с ним в снукер (заявляя, что проигрывать всякий раз, хотя бы и другу, не очень приятно) и пытался научить Хэмиша карамболю — старинной французской игре, в которой неизменно выигрывал сам. Английский бильярд был для них компромиссом.

— Сейчас, только переоденусь. — Против сражения, какого бы то ни было, Мэтью не мог устоять.

Обтянутый сукном стол стоял в комнате напротив библиотеки. Хэмиш пришел в брюках и свитере, Мэтью — в джинсах и белой рубашке. Обычно вампир избегал белого, ведь в нем он становился похожим на привидение, но больше ни одной приличной рубашки у него с собой не было. Клермонт собирался на охоту, а не на званый обед.

— Готов? — спросил он, взявшись за кий.

Хэмиш кивнул:

— Не больше часа, ладно? Потом сойдем вниз и выпьем. Смотри же, не обижай меня.

Они ударили по шарам. Те, срикошетив от дальнего борта, откатились назад.

— Белый, — объявил Мэтью, бросая желтый шар Хэмишу.

Даймон выставил красный на свою отметку и отошел.

Мэтью, как и на охоте, не спешил набирать очки. Он забил пятнадцать хазардов подряд, загоняя красный шар в разные лузы, и сказал:

— Прошу...

Хэмиш молча выставил свой желтый шар.

Мэтью перешел к более сложным ударам, карамболям, которые давались ему хуже. Здесь нужно было попасть одним ударом по желтому и красному шару, что требовало не только силы, но и умения.

— Где ты откопал эту колдунью? — спросил Хэмиш после успешного карамболя Мэтью.

— В Бодли. — Вампир взял белый шар и приготовился бить снова.

— В Бодли? — вскинул брови Хэмиш. — С каких это пор ты посещаешь библиотеку?

Белый шар перескочил через борт и упал.

— С тех самых, как подслушал двух колдуний на концерте. Разговор шел об американке, в чьи руки попал давно утерянный манускрипт. Не знаю, зачем он им вообще сдался. — Мэтью, раздраженный промахом, отошел от стола.

Хэмиш выполнил пятнадцать карамболей. Мэтью вернул белый шар на стол и взял мел, чтобы записать счет.

— И что же дальше? Просто так зашел и начал задавать ей вопросы? — Даймон загнал все три шара в лузу одним ударом.

— Пришел в библиотеку, чтобы ее отыскать. — Мэтью помолчал, дав Хэмишу обойти стол. — Любопытно же все-таки.

— А она тебе обрадовалась? — (Еще один сложный удар.)

Вампиры, колдуны и даймоны редко общаются между собой — обычно им вполне хватает тесного круга себе подобных. Такая дружба, как у Хэмиша с Мэтью, встречалась сравнительно редко; даймоны, друзья Осборна, считали, что подпускать к себе вампира так близко — просто безумие. В такие вот вечера он склонен был признать, что они в чем-то правы.

— Не совсем. Сначала она испугалась, хотя мой взгляд выдержала не дрогнув. У нее необыкновенные глаза — серо-зелено-синие с золотом. А потом так разозлилась, что чуть меня не ударила. От нее здорово пахло гневом.

Хэмиш сдержал смех:

— Ну что ж, вполне объяснимо, когда тебя в Бодли подкарауливает вампир. — Милосердно решив избавить Мэтью от необходимости отвечать, он намеренно пустил желтый шар на столкновение с красным. — Вот черт, промазал.

Мэтью после нескольких хазардов стал опять пробовать карамболи.

— А за пределами библиотеки вы виделись? — спросил Хэмиш, когда друг немного успокоился.

— Я ее и в библиотеке почти не вижу. Я в одном отделении, она в другом. Угостил ее завтраком как-то раз и свозил к Амире в Олд-Лодж.

У Хэмиша едва челюсть не отвисла от удивления. В Олд-Лодж Мэтью возил далеко не всех женщин, с которыми был знаком. И почему это они сидят в разных отделениях?

— Не проще было бы сесть рядом с ней, раз ты так ею интересуешься?

— Да не интересуюсь я ею! — Кий Мэтью со всей силы ударил в белый шар. — Мне нужна рукопись. Уже лет сто пытаюсь заполучить эту книгу, а она просто заполняет бланк, и ей приносят манускрипт!

— Что это за рукопись, Мэтт? — Хэмиш держался как мог, но и его терпение имело предел. Мэтью расставался с информацией, как скряга, отсчитывающий гроши. Иметь дело с существами, для которых наименьшая единица времени составляет десятилетие, — настоящая мука для даймонов-скородумов.

— Алхимический трактат из книг Элиаса Ашмола. Диана Бишоп — уважаемый историк алхимии.

Мэтью снова врезал по шару и промазал. Хэмиш расставил шары и стал набирать очки, давая другу остыть. Наконец пришел Джордан и сказал, что напитки поданы.

— Какой счет? — Хэмиш знал, что выиграл он, но джентльмен всегда должен спрашивать — так учил его Мэтью.

— Выигрыш за тобой, разумеется.

Джордан грустно проводил взором Мэтью, сбежавшего по лестнице с явно нечеловеческой быстротой.

— У профессора Клермонта трудный день, Джордан.

— Да, сэр, похоже на то.

— Принесите-ка еще бутылку красного: вечер обещает быть длинным.

Напитки подали в бывшем салоне. Окна комнаты выходили в сад — в классическом стиле и слишком большой для охотничьего домика — его разбивали при дворце[1], а не при архитектурной причуде.

Здесь, перед камином, с бокалом в руке, Хэмиш наконец-то повел наступление к сердцу тайны:

— Расскажи про эту рукопись, Мэтью. Что в ней такого? Описано, как создать философский камень, превращающий свинец в золото? Или, может, эликсир, дарующий бессмертие? — Встретившись взглядом с Мэтью, он оставил свой насмешливый тон и прошептал потрясенно: — Нет, ты серьезно?

Философский камень — всего лишь легенда вроде Атлантиды или Святого Грааля. Его не существует на самом деле... хотя вампиры, колдуны и даймоны тоже в принципе существовать не должны.

— По-твоему, я шучу?

— Нет, — вздрогнул Хэмиш.

Мэтью всегда искал научное объяснение тому, почему вампиры не подвержены смерти и разложению. Философский камень как нельзя лучше вписывался в эти исследования.

— Это та самая пропавшая книга. Я знаю.

Хэмиш, как и большинство созданий, слышал о ней. По одной версии, колдуны похитили у вампиров бесценную книгу, содержавшую в себе тайну бессмертия, по другой — вампиры ее украли у колдунов и потеряли. Поговаривали также, что это вовсе не колдовской трактат, а учебник, в котором описываются все четыре гуманоидных вида Земли.

У Мэтью на этот счет была собственная теория: в книге описывается много всего — не только разгадка того, почему вампиров так трудно убить, и предыстория мыслящих видов.

— Уверен, что это она? — Мэтью кивнул, Хэмиш перевел дух. — Неудивительно, что колдуньи сплетничали. Как они узнали, что Диана Бишоп ее нашла?

---

[1] Замок Кэдзоу, ныне разрушенный, был построен в XVI в. и принадлежал герцогу Гамильтону.

— Кому есть до этого дело? — взъярился Мэтью. — Проблема в том, что они не умеют держать язык за зубами.

Очередное свидетельство того, что Мэтью и весь его род не питают любви к колдунам.

— В то воскресенье их слышал не только я, но и другие вампиры. Даймоны тоже что-то почувствовали...

— И теперь Оксфорд прямо кишит созданиями, — закончил Хэмиш. — Скоро ведь семестр начнется? Еще и люди присоединятся.

— Все гораздо хуже. Рукопись не просто пропала, она была заколдована, а Диана эти чары сняла. А потом отправила книгу обратно в хранилище и больше ее не заказывает. Момента, когда она наконец это сделает, дожидаюсь не я один.

— Мэтью... уж не защищаешь ли ты ее от других колдунов?

— По-моему, она сама не сознает своего могущества. Это огромный риск. Я не могу допустить, чтобы они первые добрались до нее.

Мэтью вдруг показался другу обескураженным и уязвимым.

— Слушай, Мэтт, встревая между Дианой и ей подобными, ты сделаешь только хуже. И потом, ни один колдун не станет открыто враждовать с Бишопами. Слишком древний и славный у нее род.

В наше время нелюди убивают один другого разве что для самозащиты. На агрессию смотрят неодобрительно. Мэтью рассказывал, что раньше все было иначе: кровная месть, вендетты — все это привлекало к созданиям людское внимание.

— Даймоны — народ неорганизованный, вампиры не посмеют перечить мне, но колдунам доверять нельзя. — Мэтью подошел с бокалом к камину.

— Оставь ты эту Диану в покое, — посоветовал Хэмиш. — Если рукопись заколдована, ты все равно не сможешь ее прочесть.

— Смогу — с ее помощью, — нарочито беззаботно бросил Мэтью, глядя в огонь.

— Мэтью, — сказал даймон (таким голосом он обычно давал своим младшим партнерам понять, что они оказались в опасном положении), — оставь рукопись и колдунью в покое.

Вампир осторожно поставил бокал на каминную полку и отвернулся:

— Вряд ли это возможно, Хэмиш. Я... желаю ее.

Когда голод Мэтью обострялся так, как сейчас, даже кровь не могла его утолить. Вампиру требовалось нечто большее. Вкусить Дианы — вот единственное средство успокоить эту жгучую боль.

Хэмиш без удивления смотрел на напрягшиеся плечи Клермонта. Вампир, чтобы вступить в брак, должен пожелать другое существо больше всего на свете, а голод неразрывно связан с желанием. Хэмиш сильно подозревал, что Мэтью — вопреки своим пламенным заявлениям, что нужного человека он никогда не встретит, — готов вступить в брак.

— Значит, основная твоя проблема — не колдуны и не Диана. И уж конечно, не древняя рукопись, где будто бы содержатся ответы на все вопросы. — Хэмиш дал Мэтью время осмыслить все это и спросил: — Ты хоть сознаешь, что охотишься за ней?

Когда он сказал это вслух, вампир вздохнул с облегчением:

— Да, сознаю. Я лазил к ней в окно, пока она спала. Сопровождаю ее на пробежках. Она отвергает все попытки помочь ей, и чем дольше она это делает, тем сильнее мой голод.

У него был такой озадаченный вид, что Хэмиш прикусил губу, чтобы не улыбнуться. Все прежние женщины Мэтью сразу подпадали под его чары и делали все, что он говорил. Не диво, что его так прихватило на этот раз.

— Мне не ее кровь нужна. Физический голод я как-нибудь одолею. Быть с ней рядом не может быть так уж сложно. Нет, что это я, — поморщился Мэтью. — Нельзя нам быть рядом, нас тут же заметят.

— Не обязательно. Мы вот с тобой проводим много времени вместе, и никому дела нет.

На первых порах они, впрочем, маскировались, поскольку даже поодиночке привлекали к себе внимание. Когда эти двое перешучивались за ужином или сидели ранним утром во дворе колледжа среди пустых бутылок шампанского, не заметить их было попросту невозможно.

— Это не одно и то же, сам понимаешь.

— Ну да, совсем забыл! — вспылил Хэмиш. — На даймонов всем плевать, зато вампир с колдуньей — другое дело. Только вы и значите кое-что в этом мире.

— Хэмиш! Ты же знаешь, что я совсем так не думаю.

— Ты разделяешь вампирское презрение к даймонам, Мэтью. И к колдунам тоже, если уж на то пошло. Разберись как следует, что ты чувствуешь по отношению к другим видам, прежде чем уложить эту колдунью в постель.

— Я не собираюсь укладывать Диану в постель, — отчеканил Мэтью.

— Ужин подан, сэр. — Джордан уже некоторое время стоял на пороге.

— Слава богу, — выдохнул Хэмиш.

С вампиром гораздо легче управиться, когда он, помимо разговора, занят чем-то еще.

Они сели за дальний конец длинного, рассчитанного на кучу гостей стола. Хэмиш принялся за первое блюдо, а Мэтью поигрывал ложкой, ожидая, когда его суп остынет.

— Грибы и шерри? — спросил он, понюхав тарелку.

— Ага. Джордан хотел попробовать что-нибудь новенькое, и я ему разрешил — там нет ничего для тебя неприемлемого.

Мэтью, гостя в Кэдзоу-Лодж, не требовал для себя каких-то особых блюд, но Джордан был подлинным волшебником по части супов, а Хэмиш не любил ни пить, ни есть в одиночку.

— Извини меня, Хэмиш.

— Извиняю, — Хэмиш застыл с ложкой у рта, — но ты не представляешь себе, как трудно быть даймоном или колдуном. У вас это необратимо: вампирами становятся внезапно и сразу, без всяких вопросов, а мы, остальные, наблюдаем, ждем и колеблемся. Поэтому вампирское высокомерие для нас невыносимо вдвойне.

Мэтью вертел ложку, как дирижерскую палочку.

— Колдуны знают, что они колдуны, — хмуро заметил он. — Никакого сравнения с даймонами.

Мэтью со стуком положил ложку и отпил из бокала.

— Ты прекрасно знаешь, что родитель-колдун — это еще не гарантия. Может родиться вполне обычный ребенок, а может

младенец, который подпалит свою колыбельку. Никто не знает, где и как проявится твоя сила, если вообще проявится.

Хэмиш, в отличие от Мэтью, дружил с одной колдуньей. Джанин занималась его волосами (благодаря ей они лежали просто превосходно) и снабжала чудодейственным лосьоном собственного изготовления. Он подозревал, что она вкладывала в работу толику волшебства.

— Но все-таки для них это не полная неожиданность. — Мэтью зачерпнул ложкой суп. — За Дианой целые века семейной истории — совсем не похоже на то, через что ты прошел подростком.

— Мне еще повезло, — сказал Хэмиш, вспоминая истории других даймонов.

В двенадцать лет, буквально за один день, жизнь Хэмиша круто переменилась. Той долгой шотландской осенью ему стало ясно, что он умнее школьных учителей. Так думает большинство двенадцатилетних, но Хэмиш не просто думал, он знал, и это знание вселяло тревогу. Он притворялся больным и прогуливал школу, а когда это не помогло, стал выполнять задания молниеносно, даже не притворяясь нормальным. Классный руководитель, отчаявшись, обратился в университет города Глазго — пусть пришлют кого-нибудь проверить, почему Хэмиш за пару минут решает задачи, над которыми его одноклассники бьются неделями.

Молодой математик Джек Уотсон, рыжий и голубоглазый, с одного взгляда опознал в Хэмише Осборне такого же даймона, как он сам. После формальной процедуры, доказывающей, что Хэмиш — математический вундеркинд, Уотсон пригласил его на университетские лекции. И попутно объяснил директору школы, что такой мальчик, если оставить его в классе, неминуемо станет поджигателем или кем-нибудь в этом роде.

После этого Уотсон нанес визит в скромный домик Осборнов и поведал изумленным родителям, как на самом деле устроен мир и какие создания в нем обитают. Перси Осборн, воспитанный в строгих пресвитерианских традициях, долго отказывался признавать, что рядом с людьми живет столько разных существ. «Но в колдунов и ведьм же ты веришь, — возразила ему жена, — почему не поверить заодно в вампиров и дай-

монов?» Хэмиш, больше не чувствуя себя одиноким, залился слезами радости. «Я всегда знала, что ты особенный», — сказала мать, прижимая его к себе.

Пока Уотсон пил чай и ел шоколадное печенье, сидя возле электрического камина, Джессика Осборн решила заодно обсудить и другие особенности своего сына. Соседская девочка от Хэмиша без ума, сказала она, но вряд ли они поженятся. Хэмиша больше тянет к ее старшему брату, лучшему футболисту в квартале. Перси и Джек, услышав это, не удивились и нисколько не огорчились.

— Но семья Дианы с самого начала рассчитывала, что девочка станет колдуньей. — Мэтью попробовал чуть теплый суп. — И Диана ею стала — не важно, пользуется она своим дарованием или нет.

— Сдается мне, это ничуть не лучше, чем жить среди невежественных людей. Представляешь, какое давление испытывает ребенок? Не говоря уж о жуткой мысли о том, что твоя жизнь тебе не принадлежит? — Хэмиша передернуло. — Я предпочел бы совсем ничего не знать.

— Скажи... что ты почувствовал, когда впервые проснулся, зная, что ты даймон? — нерешительно спросил Мэтью. Вампиры обычно избегают личных вопросов.

— Я точно родился заново. Вспомни, как ты сам проснулся, обуреваемый жаждой крови, и услышал, как растет трава. Все другое. Я то улыбался как дурак, который выиграл в лотерею, то плакал у себя в комнате. И все-таки не верил по-настоящему, пока ты не затащил меня в клинику.

Когда они подружились, Мэтью подарил Хэмишу на день рождения бутылку «Крюга» и отвел его в больницу Джона Рэдклиффа. Пока Хэмишу делали магнитно-резонансную томографию, Мэтью задавал ему вопросы. Потом они, попивая шампанское (Хэмиш так и не снял операционную пижаму), сравнили полученный результат с энцефалограммой выдающегося нейрохирурга из этой же больницы. Даймон заставил Мэтью несколько раз показать ему томографию, глядя, как его мозг при ответе на самый простой вопрос загорается наподобие пинбольного автомата. Лучшего подарка он еще никогда не получал.

— Диана, насколько я понял с твоих слов, сейчас находится там же, где был я до этой твоей МРТ. Ей известно, что она колдунья, но она все еще чувствует, что ее жизнь — ложь.

— Именно, ложь. — Мэтью проглотил еще ложку супа. — Она притворяется человеком.

— Разве тебе не интересно, почему она это делает? И как ты вообще ее терпишь при своей нелюбви к лжецам?

Мэтью задумался.

— Слишком много у тебя секретов для такого ненавистника лжи, — продолжал Хэмиш. — Если эта колдунья тебе зачем-то нужна, заслужи для начала ее доверие. Тут единственный способ — рассказать ей то, что ты хочешь от нее скрыть. Побороть защитные инстинкты, которые она в тебе разбудила.

Пока Мэтью обдумывал ситуацию, Хэмиш перевел разговор на правительственный и финансовый кризис: политические интриги вампира всегда отвлекали.

— Слышал о двойном убийстве в Вестминстере? — спросил Хэмиш, когда Мэтью совсем успокоился.

— Да. Кто-то должен положить этому конец.

— Может быть, ты?

— Это не мое дело. Пока еще.

У Мэтью была своя версия, связанная с его научной работой.

— По-прежнему думаешь, что эти убийства свидетельствуют о вырождении вампиров?

— Да.

Мэтью был убежден, что популяция нечеловеческих видов понемногу уменьшается. Хэмиш сначала отмахивался, но теперь начал думать, что Мэтью прав.

Они вернулись к менее животрепещущим темам и после ужина опять поднялись наверх. Один из неиспользуемых салонов даймон разгородил на две гостевые комнаты — спальню и гостиную. В гостиной сразу бросался в глаза старинный шахматный столик с фигурами из слоновой кости и черного дерева — таким бы в музее стоять под стеклом, а не в продуваемом сквозняками охотничьем домике. Шахматы, как и та МРТ, были подарком Мэтью.

Их дружба окрепла в такие вот долгие вечера, проведенные за игрой в шахматы и разговорами о работе. Мэтью рассказывал Хэмишу о своем прошлом, и теперь даймон знал о Мэтью Клермонте почти все. Вампир же, единственный из всех созданий, известных Хэмишу, не страшился могучего интеллекта даймона.

Осборн, по заведенному обычаю, играл черными.

— Мы разве доиграли прошлую партию? — Мэтью с деланым удивлением воззрился на доску.

— Да. Ты выиграл. — Ответ Хэмиша вызвал на лице вампира редкую улыбку.

Игра началась. Мэтью не спешил, а Хэмиш ходил быстро и решительно. В тишине тикали часы и трещали поленья в очаге.

Через час Хэмиш приступил к заключительной части своего плана.

— У меня вопрос, — сказал он, пока Мэтью обдумывал следующий ход. — Колдунья нужна тебе ради нее самой или из-за ее власти над манускриптом?

— На кой мне сдалась ее магия! — Мэтью неосмотрительно пошел ладьей, чем Хэмиш тут же и воспользовался.

Вампир со склоненной головой как никогда напоминал ангела эпохи Возрождения, посвященного в тайны, которые смертным знать не дано.

— Господи, я сам не знаю, чего хочу.

— Думаю, знаешь, Мэтт, — тихо сказал Хэмиш.

Мэтью молча сделал ход пешкой.

— Все оксфордские нелюди скоро узнают — если уже не проведали, — что тебя интересует не только старая книга. Что в эндшпиле, Мэтт?

— Не знаю, — шепотом ответил вампир.

— Любовь? Ее кровь? Обращение?

Вампир зарычал.

— Очень страшно, — скучающим тоном отозвался Хэмиш.

— Я многого не понимаю, Хэмиш, но три вещи знаю точно. — Мэтью поднял бокал, стоявший на полу под столом. — Я не поддамся голоду и зову ее крови. Не хочу управлять ее силой. И определенно не имею желания делать ее вампиром. — Он содрогнулся при одной мысли об этом.

— Значит, остается любовь — вот тебе и ответ. Этого ты и хочешь.

— Хочу того, чего не должен хотеть, желаю ту, которую никогда не смогу получить.

— Боишься ей навредить? Но у тебя и раньше были связи с теплокровными женщинами, ни одной ничего плохого ты не сделал.

Ножка у массивного хрустального бокала надломилась, и красное вино брызнуло на ковер. Между пальцами вампира блеснуло стертое в порошок стекло.

— Ох, Мэтт... что ж ты молчал? — Хэмиш постарался, чтобы на его лице не отразилось ни грана от испытанного им шока.

— Не решался сказать. — Мэтью покатал в пальцах красную от крови стеклянную крошку. — Ты всегда так верил в меня...

— Кем она была?

— Ее звали Элинор. — Мэтью провел по глазам тыльной стороной ладони, тщетно пытаясь стереть образ из памяти. — Мы с братом повздорили, уже не помню о чем, — тогда-то мне хотелось его растерзать. Элинор стала меня урезонивать, бросилась между нами и... — Он обхватил голову руками, не трудясь стряхнуть с уже заживших пальцев стекло. — Я так любил ее — и убил.

— Когда это случилось? — шепотом спросил Хэмиш.

— Много лет назад, вчера... это не важно, — ответил Мэтью с чисто вампирским пренебрежением к ходу времени.

— Важно, если ты тогда был свежеиспеченным вампиром, не владеющим своими инстинктами.

— Я, видишь ли, убил еще одну женщину. Сесилию Мартен. Всего сто лет назад, когда был уже вполне зрелым вампиром. — Мэтью подошел к окнам. Раствориться бы в ночной тьме, убежать, не видеть ужаса в глазах Хэмиша.

— Это все? — резко осведомился Хэмиш.

— Вполне довольно и двух. Третьего раза быть не должно. Никогда.

— Расскажи, что у тебя вышло с этой Сесилией, — потребовал Хэмиш.

— Она была замужем за банкиром. Я увидел ее в опере и потерял голову. Все мы в Париже влюблялись тогда в чужих

жен. — Его палец очертил на оконном стекле портрет женщины. — Идя к ней домой, я ничего такого не замышлял, просто хотел отведать, какая она на вкус. Но когда начал, остановиться уже не смог. И умереть ей тоже не дал: она была моей, я не хотел от нее отказываться. Dieu, ей вампирская жизнь была ненавистна. Однажды она попросту вошла в горящий дом — я не успел ее удержать.

— Ты не убивал ее, Мэтт, — нахмурился Хэмиш. — Она покончила с собой, вот и все.

— Я выпил из нее чуть ли не всю кровь, насильно напоил ее своей и превратил в ходячего мертвеца, не спрашивая согласия. Из одного лишь страха и эгоизма. Разве это не значит убить? Я лишил ее тепла, личности, человеческой жизни. Это убийство, Хэмиш.

— Почему ты скрывал это от меня? — Хэмиш пытался скрыть, как он задет молчанием друга.

— Даже вампирам бывает стыдно. Я ненавижу себя — и вполне заслуженно — за то, что сотворил с этими женщинами.

— Вот почему не надо долго хранить тайны: они разъедают тебя изнутри. — И Хэмиш добавил, хорошо обдумав свои слова: — Ты не убийца. И с Элинор, и с Сесилией все произошло неумышленно.

Мэтью взялся за белую оконную раму, прижался лбом к стеклу и произнес безжизненным голосом:

— Я чудовище. Элинор меня хотя бы простила, а Сесилия нет.

Тон, которым Мэтью это сказал, обеспокоил Хэмиша.

— Ты не чудовище.

— Может быть, но все равно я опасен. — Вампир повернулся к другу. — Особенно для Дианы. Таких чувств я даже к Элинор не испытывал. — При одной мысли о колдунье у него внутри все свело от голода. Он потемнел лицом, пытаясь совладать с собой.

— Вернись, доиграем, — отрывисто предложил Хэмиш.

— Лучше уж я пойду. Ты не обязан терпеть меня под своим кровом.

— Не будь идиотом, — одернул его Хэмиш. — Никуда ты не пойдешь.

Мэтью сел.

— Не понимаю, как можно не возненавидеть меня, узнав об Элинор и Сесилии.

— Трудно даже представить, из-за чего бы я мог возненавидеть тебя. Я люблю тебя как брата и буду любить до последнего.

— Спасибо. Постараюсь оправдать, — торжественно произнес Мэтью.

— Ты не старайся, ты делай. Ты, кстати, сейчас потеряешь слона.

Понемногу друзья снова втянулись в игру. Ранним утром, когда Джордан принес кофе для Хэмиша и бутылку портвейна для Мэтью, они так и сидели за шахматами. Дворецкий молча убрал осколки бокала.

Хэмиш отослал его спать и сказал Мэтью:

— Шах и мат.

Клермонт откинулся в кресле и уставился на доску. Его ферзь стоял в окружении других белых фигур: пешек, коня и ладьи. Мат королю поставила одинокая черная пешка.

— В шахматах важно не только защищать королеву, — заметил Хэмиш. — Почему ты никак не запомнишь, что защищать надо как раз короля?

— Король ходит только на одну клетку, а королева свободна как ветер. Лучше уж проиграть, чем лишить ее свободы.

Хэмиш подозревал, что на уме у вампира не столько белая королева, сколько Диана.

— Стоит ли она того, Мэтью? — спросил он.

— Да, — без колебаний ответил тот, взяв королеву с доски.

— Понятно. Тебе повезло с ней, хотя сейчас ты, возможно, и думаешь по-другому.

— Мне повезло, а ей? Кому нужен такой поклонник? — криво усмехнулся вампир.

— Это зависит только от тебя. Помни одно: никаких секретов, если любишь ее.

Мэтью задумчиво посмотрел на безмятежное личико шахматной королевы.

Взошло солнце, Хэмиш давно отправился в постель, а Клермонт все так и сидел с резной фигуркой в руке.

Глава 10

Я открыла дверь, все еще силясь стряхнуть с себя лед, которым сковал меня Мэтью. Автоответчик приветствовал меня мигающей красной цифрой 13, в голосовой почте мобильника было девять вызовов. Звонила Сара — шестое чувство сигнализировало ей о неприятностях в Оксфорде.

Не в силах сталкиваться сейчас с двумя всевидящими тетками сразу, я убавила звук на автоответчике, отключила звонки на обоих телефонах и залезла в постель.

Утром, когда я отправилась на пробежку, Фред показал мне пухлую пачку принятых им сообщений.

— Потом заберу! — крикнула я, а он показал мне большой палец.

Ноги несли меня по знакомым тропинкам через поля и болота к северу от города. Пробежка временно вытеснила угрызения совести за то, что я не перезвонила в Америку, и воспоминания о холодном взгляде Мэтью.

Я забрала сообщения, выкинула их в корзину и, оттягивая неизбежный звонок домой, принялась за утешительный ритуал выходного дня — сварила себе яйцо, приготовила чай, собрала вещи в стирку, разгребла накопившиеся бумажки. Больше дел нет — придется звонить. Там совсем еще рано, но шансы, что в доме кто-то спит, нулевые.

— Что ты себе думаешь? — с ходу осведомилась Сара.

— Доброе утро, Сара. — Я устроилась в кресле у холодного камина, задрала ноги на ближайшую книжную полку. Разговор намечался долгий.

— Никакое оно не доброе. Мы тут места себе не находим. Что у тебя там происходит?

Эм взяла трубку на втором аппарате.

— Привет, Эм. — Я половчее приткнула ноги — разговор будет еще дольше, чем я полагала.

— Этот вампир тебе докучает? — с тревогой спросила она.

— Не слишком.

— Мы знаем, что ты там развлекаешься с вампирами и даймонами, — вмешалась Сара. — Либо ты не в своем уме, либо случилось что-то по-настоящему скверное.

— Я в своем уме, и ничего скверного со мной не случилось. — Я скрестила пальцы, надеясь на лучшее.

— Ты всерьез думаешь нас одурачить? Мы же тоже колдуньи! Говори правду, Диана.

Зря надеялась.

— Не наседай на нее, Сара, — сказала Эм. — Не забывай, мы доверяем Диане. Она способна принять правильное решение.

Судя по затянувшейся паузе, не все были с этим согласны.

Сара только набрала в грудь побольше воздуха, но Эм ее опередила:

— Где ты была вчера вечером?

— На йоге. — Отвертеться от допроса я не могла, но отвечать кратко и по существу было все-таки в моих силах.

— На йоге? — переспросила Сара. — Почему ты занимаешься йогой вместе с этими созданиями? Ты же знаешь, как опасно знаться с даймонами и вампирами.

— Класс вела колдунья! — завелась я, вспоминая милую ласковую Амиру.

— Это была его идея, так ведь? — вновь вступила Эм.

— Да. Мы занимались у него в доме.

Сара презрительно фыркнула.

— Я тебе говорила, что это он, — сказала ей Эм и опять обратилась ко мне: — Я вижу вампира, стоящего между тобой и чем-то... не знаю чем.

— А я говорю тебе, Эмили Метер, это чушь! Вампиры не защищают колдунов! — отчеканила Сара.

— Этот защищает, — призналась я.

— Что? — хором ахнули Эм и Сара.

— Уже несколько дней. — Я прикусила губу, обдумывая, как бы все объяснить, и перешла к делу: — Началось все в библиотеке. Я заказала рукопись, и оказалось, что она заколдована.

Пауза.

— Заколдована... Книга заклинаний, ты хочешь сказать? — Сара — эксперт в этой области; самое ценное ее достояние — старинный колдовской том, передаваемый Бишопами из поколения в поколение.

— Не думаю. В ней не видно ничего, кроме иллюстраций на тему алхимии.

— Дальше! — Сара знала, что видимое в заколдованных книгах — далеко не самое главное.

— Текст кто-то заколдовал. В глубине страницы скользят какие-то строчки, одни поверх других.

Сара в штате Нью-Йорк со стуком поставила на стол кофейную кружку.

— Мэтью Клермонт появился до того или после?

— После, — ответила я.

— А почему ты не упомянула об этом, рассказывая о встрече с вампиром? — Сара не скрывала своего гнева. — Нельзя же быть такой беспечной, Диана, клянусь богиней! Что это за чары? И не говори, что не знаешь.

— У книги странный запах. И ощущение какое-то... неправильное. Я не могла открыть ее, положила на переплет ладонь... — Я посмотрела на свою руку, вспоминая, как мы с книгой сразу узнали друг друга, и наполовину ожидая увидеть свечение, о котором говорил Мэтью.

— И?.. — поторопила Сара.

— Она пощекотала мне руку, вздохнула и... расслабилась, что ли. Я почувствовала это сквозь кожу и дерево переплета.

— Как же ты сняла чары? Сказала что-то? Или подумала? — Любопытство Сары разгоралось с каждой минутой.

— Я ничего не делала, Сара. Книга мне была нужна для работы — я положила на нее ладонь, вот и все. Потом открыла ее, сделала кое-какие записи, закрыла и вернула библиотекарю.

— Вернула?! — Сарин телефон грохнулся на пол.

Я отодвинула трубку подальше от уха, но от тетиных красочных выражений это меня не избавило.

— Диана, ты слушаешь? — слабо пискнула Эм.

— Слушаю, слушаю.

— Я тебе удивляюсь, Диана Бишоп! — негодовала Сара. — Вернуть волшебный предмет, не изучив его досконально!

Тетя учила меня распознавать волшебные и заколдованные объекты и рассказывала, как с ними следует поступать. Не надо прикасаться к ним или двигать их, пока не поймешь, что это за магия. Чары бывают хрупкими, а на многих еще и защита.

— Что мне было делать, Сара? — стала оправдываться я. — Сидеть в библиотеке до посинения? Был вечер пятницы, мне хотелось домой.

— Что случилось, когда ты ее вернула?

— Было что-то такое в воздухе, — созналась я. — Вся библиотека как будто вздрогнула.

— Ты вернула книгу, и чары восстановились. — Сара выругалась еще раз. — Очень немногие колдуны способны накладывать чары, которые восстанавливаются после того, как были нарушены. Ты явно не с любителем имеешь дело.

— Этот выброс энергии и привлек их всех в Оксфорд, — внезапно осенило меня. — Не когда я открыла книгу, а когда чары стали на место. Я сталкиваюсь с созданиями не только на йоге, Сара, — в Бодли меня тоже окружают вампиры и даймоны. Клермонт пришел туда в понедельник вечером — он подслушал разговор каких-то двух колдуний и надеялся увидеть то, о чем они говорили. А во вторник библиотека так и кишела всевозможными нелюдями.

— Приехали, — со вздохом сказала Сара. — Еще до конца месяца даймоны начнут разыскивать тебя в Мэдисоне.

— Обратись за помощью к колдунам. — Эм старалась говорить спокойно, но я чувствовала, как ей тревожно.

— Как же, за помощью! Один колдун в коричневом твидовом пиджаке пытался залезть мне в голову — хорошо, что Мэтью его отпугнул.

— Вампир вмешался в отношения между тобой и другим колдуном? — пришла в ужас Эм. — Неслыханно! Только один из нас имеет право на это.

— Лучше бы спасибо ему сказала. — Мне, возможно, больше и не хотелось слушать нотации Клермонта или завтракать с ним, но благодарности он все же заслуживал. — Не знаю, что было бы, не окажись он там. Еще ни один колдун не вторгался ко мне таким образом.

— Может, тебе уехать из Оксфорда на какое-то время? — предложила Эм.

— Из-за одного невоспитанного колдуна? Ну уж нет.

Эм и Сара пошептались, прикрыв свои трубки.

— Все это мне очень не нравится. — По тетиному тону можно было предположить, что настал конец света. — Какие-то заколдованные книги, даймоны преследуют тебя, вампиры приглашают тебя на йогу, колдуны угрожают одной из рода Бишопов. Даже люди неизбежно что-то заметят, если вы будете продолжать в том же духе.

— Если хочешь остаться в Оксфорде, постарайся не бросаться в глаза, — поддержала ее Эм. — А лучше всего было бы вернуться ненадолго домой и переждать, пока все не уляжется. Раз у тебя больше нет рукописи, они, возможно, потеряют к тебе интерес.

Никто из нас не верил в такую возможность.

— Нет. Не стану я убегать.

— Это не бегство! — заспорила Эм.

— Именно бегство. — Стать трусихой в глазах Мэтью Клермонта? Нет, спасибо.

— Не может же он дежурить при тебе неотступно, лапочка, — грустно заметила Эм, прочитав мои невысказанные мысли.

— Надо думать, — мрачно поддакнула Сара.

— Я не нуждаюсь в помощи Клермонта. Уж как-нибудь сама о себе позабочусь.

— Этот вампир оберегает тебя не по доброте душевной, Диана, — сказала Эм. — Ему что-то от тебя нужно — придется тебе разгадать, что именно.

— Может, он в самом деле интересуется алхимией... или ему попросту скучно.

— Вампиры никогда не скучают, — ввернула Сара. — Тем более когда колдовская кровь близко.

С тетиными предрассудками бесполезно бороться. Мне очень хотелось рассказать ей про йогу, когда я на целый час освободилась от страха перед созданиями другого вида, — да нет, она не поймет.

— Ну хватит, — твердо сказала я. — Можете не беспокоиться: сближаться с Мэтью Клермонтом и листать заколдованные рукописи я больше не буду, однако из Оксфорда не уеду. Точка.

— Как знаешь, — сказала Сара, — только, когда ты там, от нас в случае чего тебе будет мало пользы.

— Знаю, Сара.

— И если тебе снова попадется волшебный предмет, обращайся с ним как колдун, а не как человек. — Первое место в Сарином списке человеческих недостатков занимали упрямое невежество и неверие во все сверхъестественное. — Отнесись к нему с уважением, а если не знаешь, что делать, — спроси.

— Обещаю.

— Не думала я дожить до того дня, когда Бишоп будет полагаться на вампира, а не на собственный дар. Моя мать, должно быть, в гробу перевернулась. Ты отреклась от себя, Диана, и вот тебе результат. Вбила себе в голову, что о колдовской крови можно просто забыть, но так не бывает.

Я повесила трубку, но атмосферу моей квартиры Сара отравила надолго.

На следующее утро я сделала несколько йогических упражнений. Свежезаваренный чай, пахнущий цветами и ванилью, содержал в себе ровно столько кофеина, чтобы не дремать днем и нормально спать ночью. Я поставила белый фарфоровый чайник, обернутый полотенцем, у своего кресла для размышлений, поджала колени и стала вспоминать все, что произошло на этой неделе. Память упорно возвращала меня к последнему разговору с Клермонтом. Неужели все попытки помешать магии просочиться в мою жизнь и работу оказались напрасными?

В случае каких-либо умственных затруднений я всегда воображала себе белый блестящий стол с фактами, рассыпанными на нем, как кусочки головоломки. Это снимало напряжение и делало работу чем-то вроде игры.

Теперь я высыпала на стол события минувшей недели: «Ашмол-782», Мэтью Клермонта, Агату Уилсон, колдуна в твидовом пиджаке, ходьбу с закрытыми глазами, нелюдей в Бодли, «Ноутс энд квайериз», йогиню Амиру. Я крутила все это так и сяк, но в моем пазле недоставало многих частиц, и картинки не получалось.

Иногда выбранный наугад фрагмент помогал мне вычленить самое важное. Я взяла воображаемыми пальцами один из кусочков, ожидая увидеть «Ашмол-782», и на меня глянули темные глаза Мэтью Клермонта.

Чем он так важен, этот вампир?

Кусочки пазла начали двигаться сами собой, да так быстро — не уследишь. Я хлопнула по столу воображаемыми ладонями, кусочки замерли, а я ощутила знакомое покалывание.

Моя игра выдала свою магическую подкладку. Из этого следовало, что я пользовалась магией и в школе, и в колледже, и в научной работе, но мое сознание решительно отказывалось признать, что я нарушала собственные правила без своего ведома.

На следующий день я в свое обычное время явилась в библиотеку, поднялась по лестнице, приготовилась к встрече.

Клермонта не было.

— Вам что-нибудь нужно? — Мириам, раздраженно отодвинув стул, встала.

— А где же профессор Клермонт?

— На охоте, — бросила Мириам. — В Шотландии.

Охотится, значит, сглотнула я.

— И когда вернется?

— Он не сказал, доктор Бишоп. — Мириам скрестила руки и выставила крошечную ножку вперед.

— Я надеялась пойти с ним вечером на йогу в Олд-Лодж, — пролепетала я, чтобы как-то объяснить свой интерес к Мэтью.

Мириам швырнула мне пушистый черный комочек, который я едва успела поймать.

— Вы забыли это в его машине.

— Спасибо. — От моего свитера пахло гвоздикой и корицей.

— Вы должны лучше следить за своими вещами. Вы, доктор Бишоп, колдунья — позаботьтесь о себе сами и не ставьте Мэтью в столь невыносимое положение.

Я молча повернулась и пошла к Шону за рукописями.

— Все в порядке? — спросил он, хмуро глядя на Мириам.

— В полном. — Я назвала номер своего обычного места и одарила его улыбкой.

«Как она смеет так говорить со мной!» — кипятилась я, готовясь к работе. Пальцы чесались, как будто под кожей ползали насекомые, между пальцами проскакивали сине-зеленые искорки. Я плюхнулась на стул, сунув под себя руки.

Нехорошо. Я, как и все университетские, давала клятву не приносить в Бодли ничего, что способно воспламеняться. В последний раз со мной такое случилось в тринадцать лет, и пришлось вызывать пожарных, чтобы потушить нашу кухню.

Ну вот, кажется, проходит. В Селден-Энде я, к счастью, была одна, и моего фейерверка никто не видел. Вытащив руки, я обследовала их на предмет колдовской активности. Искры угасали, приобретая серебристо-серый оттенок.

Убедившись, что больше не являюсь огнеопасной, я открыла первую папку, но компьютер трогать боялась — как бы клавиши не расплавить.

Сосредоточиться, конечно, было трудно. К обеду я так и не закончила с первой рукописью, но надеялась, что чашка чая поможет мне успокоиться.

К началу семестра в читальном зале герцога Хамфри бывает довольно много людей, но сейчас в средневековом крыле сидел всего один человек, пожилая женщина. Она разглядывала в лупу иллюстрированную рукопись, зажатая между незнакомым мне даймоном и одной из вампирш, которых я видела на прошлой неделе. Джиллиан Чемберлен с четырьмя другими колдунами тоже присутствовала и смотрела на меня как на предательницу собственной расы.

Я остановилась у стола Мириам.

— Вам, полагаю, даны инструкции сопровождать меня на обеденный перерыв — идете?

Она с преувеличенной осторожностью положила свой карандаш:

— Иду.

Догнав меня на площадке, она показала на ступеньки с другой стороны:

— Сюда.

— Почему? В чем разница?

— Как хотите, — пожала она плечами.

Сойдя на один пролет, я заглянула в окошко на двери нижнего читального зала — и ахнула.

Создания, заполонившие зал, сидели строго по видам. Даймоны за одним длинным столом — хоть бы пару книжек перед собой положили! — немигающие вампиры за другим. Колдуны

как бы работали, но выглядели весьма сердитыми, поскольку две другие расы заняли ближайшие к двери столы.

— Вот почему нам нельзя собираться вместе. На такое любой человек обратит внимание, — промолвила Мириам.

— Что я сделала на этот раз?

— Ничего, просто Мэтью сегодня нет.

— Почему они его так боятся?

— Спросите его сами. Вампиры не сплетничают. Не волнуйтесь, со мной вам тоже ничего не грозит, — заверила Мириам, показав острые белые зубки.

Сунув руки в карманы, я сбежала по лестнице, пробилась во дворе через стайку туристов, сжевала в «Блэкуэллсе» сэндвич и запила его бутылкой воды. Мириам, когда я вышла, вернула на полку детективный роман и последовала за мной.

— Диана, что у вас на уме? — спросила она, когда мы прошли в ворота библиотеки.

— Не ваше дело.

Она вздохнула.

В читальном зале обнаружился твидовый колдун. Мириам, неподвижная как статуя, наблюдала за нами из центрального прохода.

— Главный здесь вы?

Он утвердительно склонил голову; я подала ему руку:

— Диана Бишоп.

— Питер Нокс. Я знаю, кто вы: дочь Ребекки и Стивена. — Он слегка дотронулся до моих пальцев.

На его столе лежали книга заклинаний, изданная в девятнадцатом веке, и стопка справочников.

Его фамилия мне показалась знакомой, а услышав из его уст имена родителей, я разволновалась и сглотнула.

— Пожалуйста, уберите из библиотеки ваших... друзей. Не нужно пугать первокурсников, которые приезжают сегодня.

— Если бы мы могли спокойно поговорить, доктор Бишоп, мы, я уверен, пришли бы к соглашению. — Нокс поправил очки.

От него определенно веяло опасностью: я начала ощущать зловещее покалывание под ногтями.

— Меня не надо бояться, — скорбно заверил он, — а вот вампир...

— Вы думаете, что я нашла нечто принадлежащее колдунам. Так вот, у меня этого больше нет. Если вам нужен «Ашмол-782», бланки заказов на столе перед вами.

— Вы не понимаете всей сложности ситуации.

— Не понимаю и не хочу понимать. Оставьте меня в покое, пожалуйста.

— Внешне вы очень похожи на свою мать, но и от упрямого Стивена в вас немало, я вижу.

Я почувствовала знакомую смесь зависти и раздражения — как всегда, когда кто-то из колдунов говорил о моих родителях или истории нашей семьи. Как будто они имели на это такое же право, как я.

— Я попытаюсь, — добавил Нокс, — но эти твари меня не слушаются. — Он показал на одну из вампирских сестричек, с интересом за нами следившую.

Поколебавшись, я подошла к ней:

— Уверена, вы слышали наш разговор. И должны знать, что меня уже опекают двое вампиров. Вы лично можете остаться, если не доверяете Мэтью и Мириам, только уберите из нижнего зала всех остальных.

— Колдуны редко стоят того, чтобы вампиры тратили на них время, но вы, Диана Бишоп, сегодня полны неожиданностей. Мне нужно поговорить с Клариссой, моей сестрой. — Ее выговор и манера растягивать слова свидетельствовали о безупречном происхождении и воспитании, зубы слабо поблескивали. — Чтобы такой ребенок, как вы, бросал вызов Ноксу? Будет о чем рассказать сестре.

Я не без усилия оторвалась от созерцания ее красоты и отправилась на поиски знакомого даймона.

Любитель кофе латте бродил у компьютеров в наушниках со свободно болтающимся проводом, мурлыча что-то себе под нос. Когда он сдвинул наушники, я попыталась обрисовать ему всю серьезность создавшегося положения.

— Здесь можете копаться в Сети сколько хотите, но у нас проблема внизу. Совсем ни к чему, чтобы за мной следили две дюжины даймонов.

— Это вы так думаете.

— А не могли бы они вести наблюдение из более отдаленного пункта? Из Шелдонского театра или «Белой лошади»? В противном случае у читателей-людей скоро возникнут вопросы.

— Мы не такие, как вы.

— И что это должно означать? Что вы не хотите помочь мне? Или не можете? — Я очень старалась не проявлять нетерпения.

— Это все равно. Мы тоже хотим знать.

Вот и поговори с ним.

— Короче: буду признательна, если вы хоть как-то поможете освободить места в нижнем зале.

Под неотступным взглядом Мириам я вернулась на свое место, а в конце крайне непродуктивного рабочего дня тихо выругалась и собрала вещи.

На следующее утро в Бодли стало куда свободнее. Что-то строчившая Мириам на меня даже и не взглянула. Клермонта по-прежнему не было, но все создания, соблюдая его негласные правила, держались подальше от Селден-Энда. Джиллиан со своими папирусами, обе сестрицы и несколько даймонов сидели в средневековом крыле. Все они, за исключением Джиллиан, работавшей по-настоящему, старательно притворялись. Заглянув в нижний читальный зал после утреннего чая, я увидела всего нескольких представителей чуждых видов, в том числе музыкального любителя кофе. Он сделал мне ручкой и подмигнул.

На этот раз я поработала плодотворно, хотя вчерашнее отставание все же не наверстала. Начала я с самого заковыристого, то есть с алхимических стихотворений. Одно из них приписывалось Мариам, сестре Моисея. *«Коль три часа задаче посвятишь, Все три в единый сплав соединишь»*. Смысл оставался тайной, хотя речь, скорее всего, шла о химической комбинации серебра, золота и ртути. Не мог бы Крис поставить эксперимент, описанный здесь? Я набросала несколько возможных его вариантов.

Следующий стих, анонимный, назывался «Тройственное пламя Софии». Вчера я видела иллюстрацию алхимической горы, изрытой ходами, где множество людей добывало драгоценные металлы и камни. Сходство ее с образами этого стихотворения бросалось в глаза:

Нашли два камня в недрах в давни годы.
Предивные создания Природы.
Познав их цену, силу, вес, объем,
Заставь бродить их вкупе с серебром
Иль золотом — за твой усердный труд
Они тебе сторицей воздадут.

Я подавила стон — мое исследование усложнялось по экспоненте. Помимо связи науки с изобразительным искусством, намечалась связь упомянутого искусства с поэзией.

— Трудно, должно быть, сосредоточиться, когда вампиры с тебя глаз не сводят.

Рядом, вперив в меня недобрый взор карих глаз, стояла Джиллиан Чемберлен.

— Чего тебе, Джиллиан?

— Да так, пообщаться. Мы ведь сестры, не забыла?

Ее блестящие черные волосы доходили до воротника. Гладкие какие — сразу видно, что у нее проблем со статическим электричеством нет. Она-то периодически избавляется от лишней энергии. Меня пробрала легкая дрожь.

— У меня нет сестер, Джиллиан. Я единственный ребенок в семье.

— Оно и к лучшему. С твоей семьей и так было немало хлопот. Вспомни, что случилось в Сейлеме, — а все из-за Бриджит Бишоп.

Ну вот, снова-здорово. Я закрыла книгу, которую читала. Бишопы, как *всегда*, *первостепенная* тема.

— О чем ты, Джиллиан? Бриджит Бишоп осудили за колдовство и казнили. Не она начала охоту на ведьм — она была жертвой, как и все остальные. Тебе это известно точно так же, как другим колдунам в этой библиотеке.

— Бриджит Бишоп обратила на себя внимание людей — сначала своими куклами, потом вызывающей одеждой и аморальным поведением. Без нее истерия не вспыхнула бы.

— Ее признали невиновной, — ощетинилась *я*.

— Да, в тысяча шестьсот восьмидесятом — только в это никто не поверил. Особенно когда в стене ее подвала нашли безголовых, проткнутых булавками кукол. А после Бриджит не сделала ничего, чтобы помочь другим колдуньям, попавшим под

подозрение. Такая вот независимая. — Джиллиан понизила голос. — Прямо как твоя мать.

— Прекрати, Джиллиан! — Воздух вокруг нас сделался неестественно холодным и чистым.

— Твои родители задирали нос, как и ты. Думали, что поддержка кембриджского ковена им ни к чему. Ну и поплатились.

Я зажмурилась, но образ, который я пыталась забыть всю свою жизнь, никуда не делся. Изувеченные, окровавленные тела отца и матери, лежащие в меловом кругу где-то в Нигерии. Тетя ничего не хотела рассказывать, и я пошла в городскую библиотеку, где впервые увидела эту фотографию и броский заголовок над ней. После этого меня много лет преследовали кошмары.

— Кембриджский ковен не смог бы предотвратить их смерть. Их убили перепуганные люди на другом континенте. — Я вцепилась в подлокотники кресла, надеясь, что Джиллиан не заметит, как побелели мои костяшки.

— Это были не люди, Диана, — с неприятным смешком сказала она. — Иначе их давно бы поймали. — Она нагнулась, приблизив свое лицо к моему. — Ребекка Бишоп и Стивен Проктор что-то скрывали от других колдунов. Нужно было выяснить, что именно. Жаль, что они погибли, но их смерть была неизбежна. Мы даже представить себе не могли, какой силой обладал твой отец.

— Не смей говорить о моих родителях так, будто они твои! Их убили люди. — В моих ушах стоял рев, холод вокруг усиливался.

— Уверена? — От шепота Джиллиан меня пробрал озноб. — Ты же колдунья — ты знала бы, если б я тебе солгала.

Я постаралась не выдать растерянности. То, что сказала Джиллиан, не могло быть правдой, но типичных признаков лжи — гнева или всепоглощающего презрения — я действительно не ощутила.

— Подумай о Бриджит Бишоп и своих родителях, прежде чем отвергать очередное приглашение ковена. — Дыхание Джиллиан щекотало мне ухо. — У колдуньи не должно быть секретов от других колдунов, ничего хорошего из этого не выйдет.

Она выпрямилась — теперь меня щекотал ее взгляд. Я упорно смотрела на закрытую книгу.

Она ушла. Температура снова стала нормальной, сердцебиение унялось, в ушах перестало шуметь. Я дрожащими руками уложила вещи и поспешила домой. Адреналин бушевал в крови — кто знает, скоро ли удастся совладать с паникой.

Библиотеку я покинула без происшествий, избежав зоркого взгляда Мириам. Если Джиллиан права, мне следует остерегаться не человеческого страха, а зависти других колдунов. После ее упоминания о скрытой отцовской силе в моей памяти зашевелилось что-то, но что — мне так и не удалось вспомнить.

Привратник Фред отдал мне почту. Сверху лежал кремовый конверт с витиеватой надписью: ректор приглашал меня выпить перед обедом.

Позвонить секретарю и сказаться больной? В таком состоянии я и капли шерри не проглочу.

С другой стороны, надо бы лично выразить благодарность за гостеприимство, оказанное мне колледжем. Чувство профессионального долга мало-помалу вытесняло тревогу. Я снова вошла в образ ученого и решила принять приглашение.

Служитель открыл мне дверь в квартиру ректора:

— Здравствуйте, доктор Бишоп.

Голубые глаза в лучистых морщинках, белоснежные волосы и круглые красные щеки делали Николаса Марша похожим на Санта-Клауса. Одетая в броню науки и ободренная теплым приемом, я улыбнулась:

— Профессор Марш... — Мы обменялись рукопожатиями. — Спасибо за приглашение.

— Боюсь, оно запоздало, но я был в Италии.

— Да, казначей мне сказал.

— Тогда вы, надеюсь, извините меня за столь долгое невнимание. Позвольте в порядке компенсации представить вас моему старому другу — он известный писатель, в Оксфорде всего на несколько дней. То, о чем он пишет, может быть вам интересно.

Марш посторонился, и я застыла на месте при виде твидового рукава и каштановой с проседью шевелюры.

— Питер Нокс. — Хозяин взял меня под локоток. — Ваши работы ему знакомы.

Колдун встал, и я наконец вспомнила, откуда знаю его фамилию. Она упоминалась в репортаже о вестминстерских убийствах: полиция обратилась к нему как к эксперту по оккультным вопросам. У меня зазудели пальцы.

— Доктор Бишоп, — протянул руку Нокс. — Я видел вас в Бодли.

— Я вас, кажется, тоже. — Искры, к счастью, из меня не посыпались.

После рукопожатия, длившегося долю секунды, Нокс слегка согнул и разогнул пальцы.

Этого не заметил бы ни один человек, но мне вспомнилось детство, когда мама таким же движением пекла блинчики или складывала глаженое белье. Зажмурившись, я приготовилась к вероятным последствиям.

Зазвонил телефон.

— Простите, надо ответить, — извинился ректор, — присаживайтесь.

Я устроилась подальше от Нокса на жестком деревянном стуле с прямой спинкой (на него обычно усаживали проштрафившихся молодых сотрудников).

Окончив разговор, ректор подошел ко мне с бокалом шерри в руке:

— Это вице-канцлер. У нас не хватает двух новеньких студентов. Прошу меня извинить — пойду разберусь, а вы пока поболтайте.

Вдалеке отворилась дверь, послышались голоса, и все стихло.

— Не хватает студентов? — повторила с ехидцей я.

Все это, конечно, работа Нокса — и переполох, и телефонный звонок.

— Неприятный случай, правда? Зато мы с вами сможем поговорить без помех.

— О чем? — Я вдыхала аромат шерри, молясь о скорейшем возвращении ректора.

— О многом.

Я покосилась на дверь.

— Николас будет занят все это время, — сообщил Нокс.

— Предлагаю поторопиться, чтобы ректор мог вернуться к своему шерри.

— Как пожелаете. Скажите, доктор Бишоп, — что привело вас в Оксфорд?

— Алхимия. — Так и быть, отвечу на его вопросы — хотя бы ради того, чтобы Марш поскорей вернулся, — но не скажу ни слова больше необходимого.

— Вы должны были сразу понять, что «Ашмол-782» заколдован. Это заметил бы всякий, в ком есть хоть капля крови Бишопов. Зачем же вы сдали его? — Карие глаза Нокса буквально сверлили меня. Рукопись была нужна ему не меньше, чем Мэтью Клермонту, — а может, и больше.

— Закончила с ним работать, вот и сдала, — напряженно-спокойным голосом ответила я.

— Значит, рукопись вас нисколько не заинтересовала?

— Нисколько.

Он скривил губы, прекрасно зная, что это ложь.

— Вы поделились своими наблюдениями с вампиром?

— Вы имеете в виду профессора Клермонта?

Любое создание, не называя по имени представителя чужого вида, дает понять, что не считает его равным себе.

Нокс опять шевельнул пальцами. Я подумала, что теперь он наставит их на меня, но он всего лишь взялся за подлокотники кресла.

— Мы все глубоко уважаем вашу семью и понимаем, что вам пришлось пережить, но ваши неортодоксальные отношения с этим созданием вызывают недоумение. Позволяя себе подобное, вы предаете свой древний род. Это следует прекратить.

— Профессор Клермонт — ученый и мой коллега, — сказала я, не желая говорить о своей семье, — а о рукописи мне ничего не известно. Она была в моем распоряжении всего несколько минут. Я действительно поняла, что она заколдована, но для меня это не имело значения — книгу я взяла, чтобы изучить ее содержание.

— Вампир уже больше ста лет жаждет заполучить эту книгу. Нельзя допустить, чтобы она попала к нему.

— В чем, собственно, дело? — Меня понемногу разбирал гнев. — Вампиры и даймоны не способны накладывать чары. Книгу заколдовали колдуны, и чары восстановились — из-за чего весь сыр-бор?

— Это выше вашего разумения, доктор Бишоп.

— Уж как-нибудь постараюсь понять, мистер Нокс.

Ему не понравилось, когда я указала на отсутствие у него академической степени. Сам он титуловал меня довольно ехидно, словно хотел подчеркнуть, что настоящий эксперт здесь он, а не я. Да, я не пользовалась своей силой и даже потерянные ключи вернуть не сумела бы, но его высокомерие меня крайне бесило.

— Меня беспокоит то, что одна из Бишопов связалась с вампиром. — Он поднял руку, когда я хотела было ответить. — Не будем говорить неправду, оскорбляя этим друг друга. Такая, как он, тварь должна вызывать у вас естественное отвращение, однако вы ему благодарны.

Я промолчала, хотя готова была взорваться.

— Вторая причина моего беспокойства — это люди, которые скоро начнут догадываться.

— Я пыталась убрать созданий из библиотеки.

— Дело не в одной библиотеке, согласны? Какой-то вампир оставляет по всему Вестминстеру обескровленные тела. А даймоны, и без того зависимые от вывихов собственной психики и колебаний энергии в мире, сейчас особенно неспокойны. Нам нельзя обращать на себя внимание.

— Вы сказали репортерам, что в этих смертях нет ничего сверхъестественного.

— А вы думали, я так все и выложу людям? — искренне удивился Нокс.

— В общем, да — они ведь вам платят.

— Вы не только распущенны, вы попросту глупы. Удивляюсь вам, доктор Бишоп: ваш отец славился здравым смыслом.

— Знаете, у меня был длинный день. Это все? — Я встала и направилась к двери. Я всегда терпеть не могла, когда кто-то, помимо Сары и Эм, заводил разговор о моих родителях, — теперь, после откровений Джиллиан, я находила такие разговоры почти непристойными.

— Нет, не все. Больше всего мне хотелось бы знать, как необученная колдунья сумела разрушить чары, устоявшие против других колдунов, до которых вам как до неба.

— Вот почему вы все следите за мной. — Я снова села, прислонившись к ребристой спинке жесткого стула.

— Не будьте о себе столь высокого мнения. Это вполне могло быть счастливой случайностью, — например, книга попала к вам в годовщину наложения чар. Время способно влиять на магию, а юбилеи — самые слабые звенья. Вы не пробовали снова заказать манускрипт, но во второй раз у вас, возможно, и не получится.

— И какую же годовщину нам положено праздновать?

— Шестисотую.

Интересно, зачем кому-то вообще понадобилось накладывать чары на эту рукопись? И для чего кто-то разыскивал ее столько лет? Я побледнела.

Все снова упиралось в Мэтью Клермонта.

— Поняли теперь, да? Спросите своего вампира, что он делал осенью тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Сомневаюсь, что он скажет всю правду, но его ответы приведут вас к собственным выводам.

— Я устала. Почему вы просто не скажете мне как колдун колдуну, зачем «Ашмол-782» нужен вам?

Даймон мне дал объяснение, даже Мэтью кое на что намекнул, интерес Нокса представлялся мне недостающим кусочком пазла.

— Это наша рукопись! — рявкнул Нокс. — Мы единственные из разумных созданий, способные разгадать ее тайны, и только нам можно эти тайны доверить.

— Что в ней содержится?! — наконец-то взорвалась я.

— Самые ранние заклинания, впервые произнесенные. Чары, хранящие в целости этот мир, — мечтательным тоном начал перечислять Нокс. — Тайна бессмертия. Рассказ о том, как колдуны создали первого даймона. Сведения о том, как раз и навсегда покончить с вампирами. — Он впился в меня глазами. — Это залог нашей силы, прошлой и будущей. Ни даймонам, ни вампирам, ни людям ее отдавать нельзя.

То, что произошло сегодня, обрело смысл. Я свела колени, чтобы они не дрожали.

— Никто не стал бы собирать все это в одной-единственной книге.

— Это сделала первая колдунья — и ее потомки на протяжении многих веков. Это история нашей расы, Диана. Не предназначенная для посторонних.

В комнату вошел ректор, не замечая накалившейся атмосферы.

— Много шума из ничего, — весело объявил он. — Студенты без спросу увели плоскодонку. Их нашли под мостом — навеселе и весьма довольных собой. Возможно, это приведет к романтическим отношениям.

— Рада, что все завершилось благополучно. — Пробили часы — я уже сорок пять минут находилась здесь. — Как же летит время... я приглашена на ужин.

— Я думал, вы отужинаете с нами, — нахмурился Марш. — Питер так хотел побеседовать с вами об алхимии...

— О, мы с доктором еще встретимся, — посулил Нокс. — Леди не ждала, что я здесь окажусь, и впереди у нее наверняка что-то более заманчивое, чем обед с двумя старичками.

Будьте осторожны с Клермонтом, прогремел его голос у меня в голове. *Он убийца.*

— Разумеется, — заулыбался Марш. — Очень надеюсь увидеть вас снова, когда проблемы с новенькими наконец утрясутся.

Спросите его насчет 1859 года. Посмотрим, раскроет ли он свою тайну колдунье.

Вряд ли это тайна, раз вы ее знаете.

Нокс заметно удивился, когда я ответила ему таким же телепатическим способом. Я прибегла к магии уже шестой раз за год — что поделаешь, чрезвычайные обстоятельства.

— С большим удовольствием, ректор. Еще раз благодарю, что разрешили мне пожить в колледже. Мистер Нокс...

Откланявшись, я отправилась в свое старинное убежище — в крытую аркаду и бродила среди колонн, пока пульс не пришел в норму. Сегодня ко мне подступили с угрозами сразу два колдуна, представители моего собственного вида. Что делать, терзалась я — и вдруг поняла что.

Я вернулась к себе, отыскала в сумке смятую карточку Клермонта, набрала первый номер.

После нескольких гудков механический голос предложил мне оставить сообщение.

— Мэтью, это Диана. Извини, что беспокою, но нам нужно поговорить. — Я чувствовала себя виноватой, собираясь ограничиться Ноксом, — о Джиллиан и родителях я говорить не хотела. — По поводу того колдуна из библиотеки, Питера Нокса. Пожалуйста, перезвони мне.

Я заверила Сару и Эм, что ни один вампир не войдет в мою жизнь, но Джиллиан Чемберлен с Питером Ноксом заставили меня передумать. Дрожащими руками я опустила шторы и заперла дверь. Угораздило же меня включить «Ашмол-782» в свой список.

Глава 11

Всю ночь я, не смыкая глаз, просидела сначала на диване, потом на кровати. Телефон лежал рядом. Ни чай, ни гора электронных писем не отвлекли меня от недавних событий. То, что моих родителей могли убить колдуны, не укладывалось в голове. Чтобы прогнать эти мысли, я стала складывать пазл из «Ашмола-782» и Нокса, жаждущего в него заглянуть.

На рассвете я приняла душ и переоделась. Завтракать, против обыкновения, совсем не хотелось. Кое-как промаявшись до открытия Бодли, я заняла свое обычное место в читальном зале. Телефон я положила в карман и поставила на вибрацию, хотя терпеть не могла, когда в библиотечной тиши начинали жужжать и подпрыгивать чужие мобильники.

В половине одиннадцатого на противоположном конце Селден-Энда устроился Питер Нокс. Якобы чтобы вернуть книгу, я пошла к выдаче взглянуть, на месте ли Мириам. Она была там, крайне рассерженная.

— Колдун уселся неподалеку от вас?

— Именно. И смотрит мне в спину, когда я работаю.

— Здесь нужен кто-то побольше меня.

— Его, мне кажется, одними габаритами не проймешь, — с кривой улыбкой заметила я.

Мэтью вошел в Селден-Энд внезапно и совершенно бесшумно. Ледяного прикосновения на лопатках я не почувствовала, но по волосам, плечам и спине запорхали снежинки, точно вампир наскоро проверял, цела ли я.

Я вцепилась в стол, не смея оглянуться: вдруг это только Мириам? Потом все-таки убедилась, и сердце у меня ушло в пятки.

Вампир смотрел не на меня, а на Питера Нокса.

— Мэтью, — тихо окликнула я, встав со стула.

Он отвернулся от колдуна и подошел. Я неуверенно нахмурилась, и на его гневном лице появилась успокаивающая улыбка.

— Как я понял, здесь возникли проблемы. — Веявшая от него прохлада освежала, как бриз в жаркий день.

— Ничего, мы бы справились, — сказала я с оглядкой на Нокса.

— Может быть, отложим разговор? Ненадолго, до вечера? — Мэтью потрогал бугорок под своим мягким свитером. Что он такое хранит у самого сердца? — Можно съездить на йогу.

Несмотря на бессонную ночь, поездка в Вудсток на машине с отменной звукоизоляцией и полтора часа медитативных движений показались мне заманчивой перспективой.

— С удовольствием, — искренне ответила я.

— Хочешь, поработаю здесь, с тобой рядом?

Его запах кружил мне голову.

— Спасибо, не надо.

— Если передумаешь, дай знать. Если нет, увидимся у Хэртфорда в шесть. — Он с отвращением глянул на Нокса и пошел к своему столу.

Когда я отправилась на обед, Мэтью кашлянул, и Мириам встала, раздраженно швырнув карандаш. Прекрасно: значит, в «Блэкуэллс» Нокс за мной не потащится.

День тянулся бесконечно. Я устала бороться со сном и в пять часов уже собралась. Нокс в компании нескольких человек так и сидел в Селден-Энде. Мэтью проводил меня вниз. Воспрянув духом, я мигом добежала до дому, переоделась, взяла коврик и встретила Мэтью у железной ограды Хэртфорда.

— Ты пунктуальна. — Он улыбнулся, положил коврик в багажник и втянул носом воздух, помогая мне сесть, — что за послание получил он от моего тела?

— Нам в самом деле надо поговорить.

— Это не к спеху, выберемся сначала из Оксфорда. — Он закрыл мою дверцу и сел за руль.

Движение на дороге в Вудсток усилилось из-за нашествия студентов и донов. Мэтью ловко маневрировал и часто шел на обгон.

— Как там Шотландия? — спросила я, когда мы выехали из города. Мне было все равно, о чем говорить, лишь бы он не молчал.

Посмотрев на меня, он снова обратил взгляд на дорогу.

— Превосходно.

— Мириам сказала, что ты ездил охотиться.

Он снова потрогал выпуклость у себя на груди.

— Напрасно сказала.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи не обсуждаются с другими созданиями. Не станут же колдуны рассказывать представителям другой расы, что четыре дня бормотали заклинания и варили летучих мышей.

— Колдуны не варят летучих мышей! — возмутилась я.

— Это так, к слову.

— Ты был там один?

Мэтью долго молчал и наконец сказал:

— Нет.

— Я тоже в одиночестве не осталась. Создания...

— Мириам мне говорила. — Его руки стиснули руль. — Знай я, что этого колдуна зовут Питер Нокс, ни за что бы не уехал из Оксфорда.

— Ты был прав, — торопливо вставила я: прежде чем переходить к Ноксу, требовалось сделать признание. — Магия никогда не уходила из моей жизни. Я использовала ее в работе, сама того не ведая. Обманывала себя долгие годы. — Мэтью молчал и смотрел на дорогу. — Теперь мне страшно.

— Знаю. — Холодные пальцы тронули меня за колено.

— Что же мне делать?

— Мы подумаем и решим. — «Ягуар» свернул к воротам Олд-Лодж. На подъеме и спуске Мэтью не сводил с меня глаз. — Йога тебе сегодня по силам?

Я кивнула. Мэтью открыл мне дверцу, но руку не стал подавать — вместо этого он взвалил на плечо оба наших коврика. Товарищи по классу, проходя мимо, с любопытством поглядывали на нас.

Мэтью подождал, когда мы останемся одни. Чувствуя, что в нем идет какая-то внутренняя борьба, я запрокинула голову

и посмотрела ему в глаза. Я только что призналась, что применяла магию без ведома для себя, — в чем же он-то никак не может признаться?

— В Шотландии я гостил у старого друга, Хэмиша Осборна, — вымолвил наконец он.

— У того самого? Которого газеты прочат в парламент? В канцлеры казначейства?

— Он не будет баллотироваться, — сухо заявил Мэтью, поправив на плече спортивную сумку.

— Значит, он все-таки гей. — Мне вспомнилась одна ночная телепрограмма.

Мэтью испепелил меня взглядом:

— Да. Больше того, он даймон.

При всем своем невежестве я знала, что созданиям запрещено состоять в политических и религиозных структурах человеческого общества.

— Вот как. Финансы — странноватая карьера для даймона, но теперь понятно, почему он так ловко управляется с такими деньжищами.

— Не только с ними. — Молчание затягивались, но Мэтью не спешил войти в дом. — Мне было необходимо уехать и поохотиться.

Я не знала, что на это ответить.

— Ты оставила в моей машине свитер, — добавил он, словно это о чем-то говорило.

— Мириам мне его вернула.

— Знаю. Я не мог его больше терпеть — понимаешь почему?

Я помотала головой. Он вздохнул и выругался по-французски.

— Моя машина пропахла тобой, Диана. Мне настоятельно требовалось уехать.

— Все равно не понимаю.

— Я не переставал думать о тебе. — Он запустил руку в волосы, отвел взгляд.

Мое сердце билось неровно, мозг из-за недостаточного притока крови работал плохо — но наконец до меня дошло.

— Ты боишься причинить мне вред?

Я с детства прониклась здоровым страхом перед вампирами, но Мэтью до сих пор вел себя образцово.

— Я ни в чем не уверен, — предостерегающим тоном ответил он.

— Значит, ты уехал не из-за того, что было в пятницу вечером. — У меня вырвался вздох облегчения.

— Нет. Никакой связи, — мягко заверил он.

— Эй, вы двое! Идете или будете делать упражнения прямо здесь? — осведомилась с порога Амира.

Мы пошли с ней и все занятие украдкой друг на друга посматривали. Первый честный разговор все переменил между нами: мы оба пытались предугадать, что будет дальше.

Когда занятие кончилось и Мэтью стал натягивать свитер, я заметила, что у него на шее на кожаном шнурке висит какая-то серебряная вещица. Ее-то он и трогал под свитером, как талисман.

— Что это у тебя?

— Памятка.

— Интересно о чем?

— О губительной силе гнева.

Питер Нокс предупреждал, чтобы я не доверяла вампиру.

— Знак пилигрима? — Экспонаты вроде этого я видела в Британском музее.

Мэтью кивнул и достал из-за ворота свой медальон. Тот был сделан в форме гробика и мог вместить разве что несколько капель святой воды.

— Привез из Вифании.

— Лазарь, — пробормотала я.

В Вифании Христос воскресил Лазаря. Меня воспитали язычницей, но я знала, для чего христиане совершают паломничество: искупить грехи.

Мэтью спрятал медальон обратно, чтобы другие создания не видели.

Попрощавшись с Амирой, мы вышли. Дом, освещенный прожекторами, казался островком в темном море.

— Теперь тебе лучше? — нарушил тишину Мэтью. Я кивнула. — Тогда рассказывай.

— Все из-за той самой рукописи. Нокс хочет ею завладеть, даймоны тоже — по словам Агаты Уилсон, которую я встретила в «Блэкуэллс». То же самое и вампиры. Сложность в том, что рукопись заколдована.

— Знаю.

Белая сова спикировала на нас откуда-то сверху. Я закрылась руками, уверенная, что она нападет, но птица улетела к растущим вдоль аллеи дубам.

Мэтью, открыв заднюю дверцу «ягуара», запихнул меня, охваченную паникой, внутрь.

— Пригни голову и подыши глубоко. — Сам он присел снаружи, положив руки мне на колени. К горлу подступила желчь — в желудке у меня не было ничего, кроме воды. Я зажала рот, Мэтью бережно заправил мне за ухо упавшую прядку. — Все хорошо, ты в безопасности.

— Извини. — Тошнота отступила. — Со вчерашнего дня, после встречи с Ноксом, я сама не своя.

— Не хочешь пройтись немного?

— Нет, — торопливо сказала я.

Не хватало еще гулять на резиновых ногах по этому огромному темному парку.

Мэтью всмотрелся в меня:

— Отвезу тебя домой. Поговорим как-нибудь потом.

Клермонт помог мне встать и пересадил вперед. Я закрыла глаза. Мы немного помолчали, а потом он включил зажигание.

— С тобой такое часто бывает?

— Нет, слава богу. В детстве бывало, теперь уже нет. Все дело в избытке адреналина.

— Я знаю. — Как только я пригладила волосы, Мэтью отпустил ручной тормоз и выехал на аллею.

— По запаху?

Мэтью кивнул:

— Он накапливался с самого твоего признания в пользовании магией. Бег, гребля, йога — все из-за этого?

— Да, чтобы лекарства не принимать. Плохо от них соображаю.

— Физическая активность в любом случае полезнее.

— Теперь и она не помогает. — Вспомнить хотя бы искрящие пальцы.

Мэтью выехал из ворот на дорогу. Меня приятно укачивало, но его вопрос нарушил блаженство:

— Почему ты мне позвонила?

— Из-за Нокса и «Ашмола-782». — Снова нахлынула паника.

— Да, знаю, но почему мне? Разве у тебя нет друзей среди людей или колдунов?

— Никто из людей, с которыми я дружу, не знает, что я колдунья. Человеку надо еще втолковать, что мы существуем на самом деле, — если он, конечно, сразу не сбежит. Друзей-колдунов у меня нет, а своих тетушек я не хочу в это впутывать. Они не виноваты, что я сглупила и сдала рукопись, так и не поняв, что к чему. — Я прикусила губу. — Не надо было звонить, да?

— Не знаю, Диана. В пятницу ты сказала, что колдунам с вампирами дружить невозможно.

— Я много чего наговорила тогда. — (Мэтью молчал, следя за дорогой.) — А теперь не знаю уже, что и думать. — Я тщательно обдумала свои следующие слова. — Хотя одно знаю точно: лучше делить библиотеку с тобой, чем с Ноксом.

— Вампирам, когда они находятся среди теплокровных, нельзя полностью доверять. — В меня на секунду уперся холодный взгляд.

— Теплокровные? — нахмурилась я.

— Люди, даймоны, колдуны — все, кто сам не вампир.

— Я согласна рискнуть — с условием, что Нокс не будет копаться в моих мозгах.

— А он пытался? — с явной угрозой осведомился Мэтью.

— Не то чтобы... Просто предупредил, чтобы не доверяла тебе.

— Правильно предупредил. Сути своей не изменишь, как ни старайся. Не романтизируй вампиров, Диана. Нокс, возможно, небескорыстен, но здесь он прав.

— Я никому не позволяю указывать, с кем мне дружить, — особенно ксенофобам вроде Нокса. — Пальцы закололо, я засунула ладони под себя.

— Выходит, мы друзья?

— Думаю, да. Потому что говорим друг другу правду, даже когда это трудно. — Я принялась теребить воротник свитера, смущенная серьезностью нашего разговора.

— Друзья из вампиров получаются так себе. — Судя по голосу, он опять был сердит.

— Если хочешь, чтобы я оставила тебя в покое...

— Нет, конечно. Просто отношения с вампирами... сложно построить. Мы можем быть протекционистами, даже собственниками. Не думаю, что тебе это придется по вкусу.

— Немного протекционизма будет как раз очень кстати.

В глазах Мэтью отразилось страдание, как будто я его ранила.

— Я тебе это припомню, когда начнешь жаловаться. — Страдальческое выражение сменилось насмешливым.

Он свернул с Холиуэлл-стрит под сводчатые ворота моего колледжа. Фред, ухмыльнувшись, скромно отвел глаза. Я убедилась, что на этот раз ничего не забыла, даже резинку для волос, — не то, чего доброго, Мэтью снова придется бежать в Шотландию.

— Но дело не только в Ноксе и рукописи, — торопливо сказала я, когда он вручил мне коврик.

Глядя, как спокойно он держится, никто бы и не подумал, что ко мне со всех сторон подбираются нелюди.

— С этим можно подождать. Не беспокойся: Питер Нокс к тебе больше и на пятьдесят футов не подойдет. — Он произнес это мрачно и потрогал медальон под свитером.

Нам настоятельно требовалось побыть наедине — не в библиотеке, а где-то еще.

— Придешь ко мне завтра ужинать? — спросила я. — Там и поговорим.

Мэтью замер. К растерянности на его лице примешивалось что-то еще, непонятное. Пальцы сомкнулись вокруг значка паломника.

— Буду рад, — выговорил он медленно.

— Ну и хорошо, — улыбнулась я. — В полвосьмого?

Он ответил кивком и застенчивой усмешкой. Поднявшись на две ступеньки, я спохватилась, покраснела и задала жизненно важный вопрос:

— А... что приготовить?

— Я всеядный. — От его улыбки мое сердце пропустило один удар.

— Значит, договорились. — Меня разбирал смех. — И вот еще что: освободи Мириам. Я вполне могу сама о себе позаботиться.

— Она мне говорит то же самое. Я подумаю, но завтра, как обычно, буду в читальном зале. — Мэтью сел в машину, помедлил, опустил стекло и сказал: — Я не уеду, пока ты не поднимешься.

— Вампиры, — пробормотала я, дивясь столь несовременным манерам.

Глава 12

Что приготовить вампиру на ужин, я не знала, ведь подобного со мной еще не приключалось.

В библиотеке я, отодвинув в сторону рукописи, рыскала по Интернету в поисках блюд из сырых продуктов. Вряд ли это правда насчет всеядности: в лучшем случае он сыроед, но из вежливости съест все, что я поставлю на стол.

Во второй половине дня я ушла. Мэтью сегодня оборонял крепость Бишоп в одиночестве — Мириам должна быть довольна. Питер Нокс и Джиллиан Чемберлен — о счастье! — тоже не показывались. Даже Мэтью, когда я шла сдавать книги, проявлял все признаки хорошего настроения.

Мимо купола Камеры Рэдклиффа[1], где обычно читают студенты, мимо средневековых стен колледжа Иисуса я отправилась за покупками на Оксфордский крытый рынок. Все по списку: сначала к мяснику за олениной и кроликом, потом к рыбному прилавку за шотландским лососем.

Едят ли вампиры зелень?

Я позвонила по мобильнику на факультет зоологии и спросила, чем питаются волки. Какие именно? — справились там. На школьной экскурсии в бостонский зоопарк я видела серых волков, и у Мэтью это любимый цвет. Скажу, что серые. Перечислив, каких именно они предпочитают млекопитающих, скучающий голос сообщил, что волки сдят еще семечки, орехи и ягоды.

— Только не вздумайте их кормить, это не ручные зверушки!

— Спасибо за совет, — стараясь не хихикать, ответила я.

---

[1] *Камера Рэдклиффа* — одно из зданий Бодлианской библиотеки.

Зеленщик с извинениями продал мне остатки черной смородины и лесной земляники. Напоследок в набитую едой сумку отправился пакетик каштанов.

Теперь винный магазин. Священнодействующий там эксперт спросил, знает ли джентльмен толк в винах. Я пришла в полное замешательство, после чего мне за бешеные деньги всучили несколько франко-немецких бутылок и посадили в такси, чтобы дать оправиться.

Дома я убрала бумажки со своего обеденного (а заодно и письменного) стола (восемнадцатый век), подвинула его ближе к камину и сервировала фарфором и серебром из буфета, поставила тяжелые хрустальные бокалы — остатки эдвардианского сервиза из гостиной колледжа. Мои милые кухарки снабдили меня белоснежной скатертью и салфетками, одну из которых я постелила на щербатый деревянный поднос, чтобы подавать блюда из кухни.

Сам ужин не должен был занять много времени, ведь стряпни как таковой он не требовал.

К семи я зажгла свечи, и все, кроме того, что надо сделать в последний момент, было у меня наготове. Осталось заняться собой.

Что мой гардероб может предложить по случаю ужина с вампиром? Ясно, что не костюм и не тот наряд, в котором я ходила к ректору в гости. Черных брюк и легинсов у меня, конечно, навалом, но они по большей части заляпаны чаем, лодочной смазкой или тем и другим. Ладно, возьмем вот эти штаны — пусть и похожие на пижамные, зато чуть более стильные.

В лифчике и штанах я понеслась в ванную расчесывать волосы. Они мало того что путались на концах, но еще и норовили встать дыбом и тянулись вслед за расческой. Если взять щипцы, до Мэтью я успею сделать только полголовы — я почему-то знала, что он придет вовремя.

Чистя зубы, я приняла волевое решение скрутить волосы в узел. Из-за этого мои нос с подбородком кажутся острее, зато создается иллюзия высоких скул, и в глаза космы не будут лезть. Я исполнила свой замысел, и одна прядь тут же вылезла. Тьфу ты!

Из зеркала на меня смотрело лицо моей матери, но она-то за столом всегда выглядела красавицей. Как она умудрялась так подчеркивать свои светлые ресницы и брови и почему ее большой рот выглядел совсем иначе, когда она улыбалась нам с папой? Часы не оставляли мне шансов добиться такого преображения путем макияжа, на поиски блузки осталось всего три минуты — иначе встречать выдающегося биохимика и невролога я буду в нижнем белье.

В гардеробе имелось два варианта — черная и темно-синяя. Темно-синяя была чистая, что и склонило меня в ее пользу. Кроме того, у нее был V-образный вырез и стоячий, с отворотами воротник. Довольно узкие рукава с манжетами доходили примерно до середины кисти. Стук в дверь застал меня за вдеванием серебряных серег в уши.

Зачем так вскидываться, ведь не свидание же у нас в самом деле.

Мэтью стоял в дверях, как сказочный принц. Вечером он оделся во все черное, что только прибавляло ему красоты... и вампиристости.

Он терпеливо ждал, когда я перестану его разглядывать.

— Ох, что ж это я... Входи, пожалуйста. Это достаточно официальное приглашение? — Мало я, что ли, фильмов видела про вампиров.

Его губы искривились в улыбке.

— Забудь все, что будто бы знаешь о вампирах, Диана. Пригласить гостя в дом — это обыкновенная вежливость, и никакого мистического барьера между мной и прекрасными девами нет. — Мэтью слегка нагнулся под притолокой. В руках он держал бутылку вина и букет белых роз. — Это тебе. — Окинув меня одобрительным взглядом, он протянул мне цветы. — Куда бы поставить вино до десерта?

— Спасибо, я люблю розы. Может, на подоконник? — Я пошла на кухню за вазой. У меня их было две, но вторая оказалась графином — сомелье из гостиной колледжа специально зашел ко мне и дал разъяснение (я сомневалась, есть ли у меня дома графин).

— Да, хорошо.

Когда я вернулась с цветами, Мэтью рассматривал гравюры на стенах.

— Знаешь, они у тебя совсем неплохие.

Я водрузила вазу на обшарпанный комод эпохи Наполеоновских войн.

— В основном охотничьи сцены, по-моему.

— Я заметил, — усмехнулся Мэтью.

Я покраснела.

— Ну как, проголодался? — Я совсем забыла, что перед ужином полагается предлагать напитки с закусками.

— В общем, да.

Я извлекла из холодильника две тарелки. Копченая лососина с укропом, сбоку горка каперсов и маринованных огурчиков. Сойдет за гарнир, если вампиры все-таки не едят зелени.

Мэтью уже стоял рядом со стулом. Вино он поместил в серебряное ведерко — я в нем держала мелочь, но тот же сомелье любезно объяснил мне, что оно предназначено для вина. Пока я откупоривала немецкий рислинг, мой гость сел. Я наполнила два бокала, ничего не пролив, и последовала его примеру.

Мэтью поднес бокал к своему длинному орлиному носу. Интересно, сколько в вампирских носах сенсорных рецепторов — как у собак или больше?

Мои познания о вампирах в самом деле оставляли желать много лучшего.

— Превосходно, — улыбнулся Мэтью, открыв глаза.

— Я тут ни при чем. — Я положила на колени салфетку. — Вина выбирал продавец — если они никуда не годятся, я не в ответе.

— Прекрасное вино, — повторил он. — И лососина выглядит замечательно.

Он подцепил ломтик на вилку. Опустив ресницы, я наблюдала, будет ли он есть рыбу, и тоже взяла лосося и каперсов.

— Меню не американское, — заметил он, пригубив вино.

— Да, — согласилась я, глядя на вилку в левой руке и нож в правой. — Наверно, я слишком много времени прожила в Англии. — И не выдержала: — Ты правда это ешь?

— Ем, — засмеялся он. — Копченая лососина мне как раз нравится.

— Но на самом деле ты не всеядный. — Я снова обратила взгляд на тарелку.

— Нет, но кусочек того-сего могу проглотить. Хотя вкус нахожу только в сырых продуктах.

— Странно. У вампиров такие обостренные чувства — вам все съестное должно казаться чудесным на вкус.

Взять хоть этого лосося — его вкус вызывал ассоциации с холодной чистой водой.

Мэтью смотрел на бледно-золотой рислинг в своем бокале.

— Чудесный вкус у вин. Все, что приготовлено на огне, для вампира не может быть вкусным.

Стало быть, я угадала. Уже легче.

— Если еда не доставляет тебе удовольствия, почему ты все время приглашаешь меня то ужинать, то завтракать?

Взгляд Мэтью, порхнув по моим глазам и щекам, уперся в губы.

— С тобой проще общаться, когда ты ешь. Меня тошнит от кухонных запахов... — Я моргнула, не понимая, к чему это он. — А тошнота убивает голод.

— А-а! — Пазл понемногу складывался. Я уже уяснила, что мой запах ему приятен... отсюда, значит, и голод. Я густо покраснела.

— Я думал, ты знаешь... думал, ты потому и пригласила меня на ужин.

Покачав головой, я снова ткнула вилкой в лосося.

— О вампирах я, наверно, знаю даже меньше, чем люди. Тетя Сара учила меня относиться к вам с большим подозрением и говорила, что вы питаетесь исключительно кровью, что она вам необходима для выживания... но ведь это не так?

Мэтью нахмурился и ледяным тоном сказал:

— Вам для выживания необходима вода, но вы как будто пьете не только воду?

— Я понимаю, об этом не принято говорить. — Обвив ногами ножки стула, я вспомнила, что забыла обуться и принимаю гостя босая.

— Отчего же, если тебе любопытно, — после долгой паузы сказал Мэтью. — Я пью вино и ем обычную пищу — предпочтительно сырую или холодную, когда неприятного запаха нет.

— Но она не насыщает тебя, — не унималась я. — Вы питаетесь кровью, всеми видами крови. — (Мэтью поморщился.) — И в дом вас не обязательно приглашать. В чем я еще заблуждаюсь?

Мэтью откинулся на спинку стула и, видимо, приготовился терпеть до последнего. Я перегнулась через стол, чтобы подлить ему вина, — раз уж мучаю его вопросами, так хоть поить надо вдоволь. Когда свечка чуть не подожгла мне рукав, Мэтью отобрал у меня бутылку:

— Позволь мне. — Он наполнил свой бокал, а заодно и мой. — Почти все, что ты знаешь обо мне — о вампирах, — выдумано людьми. Так им легче жить рядом с нами. Их пугают все нелюди, не только вампиры.

— Черные шляпы, летучие мыши и метлы. — Эту несвятую колдовскую троицу можно наблюдать каждый Хеллоуин.

— Вот-вот. В каждой из этих басен, впрочем, есть зерно истины — то, что пугает людей и помогает им отрицать факт нашего существования. Основная черта людей — их умение закрывать глаза. Я, к примеру, наделен большой физической силой и долголетием, ты — сверхъестественными способностями, даймоны — творческим даром, а у людей есть талант убеждать себя, что верх — это низ и черное — это белое.

— Возьмем поверье, что вампир не может войти в дом незваным, — что в нем правдивого? — Допросив его о пристрастиях в еде, я переключилась на этикет.

— Мы живем бок о бок с людьми. Они отрицают наше существование лишь потому, что мы не вписываемся в их ограниченный мир. Впустив нас — признав нас теми, кто мы есть в действительности, — они бы так легко от нас не отделались.

— То же и с солнечным светом, — протянула я. — Днем людям труднее не замечать вас, поэтому они внушают себе, что вы не переносите солнца.

— И продолжают не замечать нас, — кивнул Мэтью. — Но когда темнеет, им в нас легче поверить. Это и к вам относится: ты ведь ловишь на себе взгляды, когда идешь по улице или куда-нибудь заходишь?

Ну, это едва ли... у меня внешность самая заурядная. Мэтью усмехнулся, видя мои сомнения:

— Ты мне не веришь, знаю, но это правда. При свете дня создания вызывают у людей беспокойство. Мы для них слишком высокие, слишком сильные, слишком уверенные, слишком талантливые, слишком всемогущие, слишком другие. Днем они кое-как нас подгоняют под свои стандарты, а ночью просто относят к «странным».

Я убрала первую перемену блюд, радуясь, что Мэтью съел все, кроме гарнира. Он налил себе еще рислинга, я достала из холодильника две тарелки с тоненькими ломтиками сырой оленины — мясник уверял, что сквозь них можно читать «Оксфорд мейл». Раз с зеленью у нас не сложилось, попробуем корнеплоды и сыр. Я положила в середину каждой тарелки свеклу и посыпала ее пармезаном, а центр стола занял массивный графин с красным вином. Мэтью сразу обратил на него внимание.

— Можно мне? — Он явно опасался, как бы я не спалила колледж.

Налив понемножку в оба бокала, вампир поднес стакан к носу.

— «Кот-Роти», — удовлетворенно произнес он. — Одно из моих любимых.

— Определяешь по запаху?

— О вампирах иногда говорят и правду, — засмеялся он. — У меня превосходное обоняние — зрение и слух, впрочем, тоже. Но «Кот-Роти» даже человек способен определить. — Он на секунду закрыл глаза. — Две тысячи третий год?

— Да! — Телешоу, да и только. — А фирму унюхать можешь? — На этикетке виднелась маленькая корона.

— Только потому, что бывал на их виноградниках, — смущенно ответил он, словно боящийся разоблачения фокусник.

— Запах виноградников тоже чувствуется? — Я сунула нос в бокал — хорошо хоть, что навозом не пахнет.

— Иногда мне кажется, что я помню все запахи, которые когда-либо вдыхал. Возможно, это самообман, но каждый запах вызывает воспоминания. Помню, как впервые ощутил аромат шоколада — словно вчера это было.

— Неужели? — Я подалась вперед.

— Да. Тысяча шестьсот пятнадцатый год. Война еще не началась, французский король женился на испанской принцессе,

которая не нравилась никому — в первую очередь королю. — Он улыбнулся в ответ на мою улыбку, но его глаза смотрели куда-то вдаль. — Она и привезла в Париж шоколад. Горький, как грех, и столь же влекущий. Какао варили на воде и пили без сахара.

— Ужас какой! — засмеялась я. — Хвала тому, кто додумался подсластить шоколад.

— Боюсь, это был человек. Вампирам нравился густой и горький напиток.

Мы принялись за оленину.

— Еще одно шотландское блюдо, — заметила я, показывая на мясо ножом.

Мэтью попробовал:

— Благородный олень — молодой самец, судя по вкусу.

Я лишь изумленно помотала головой.

— Я же говорил — о вампирах не одни только сказки рассказывают.

— А летать ты умеешь? — На этот раз я знала ответ заранее.

— Нет, разумеется, — фыркнул он. — Это привилегия повелителей стихий — колдунов. Зато мы сильные, быстро бегаем и хорошо прыгаем — вот люди и решили, что вампиры могут летать. И КПД у нас тоже высокий.

— КПД? — Я отложила вилку: сырая оленина мне как-то не очень нравилась.

— Мы расходуем мало энергии — копим ее для особых случаев.

— По-моему, вы почти и не дышите. — Я вспомнила йогу.

— Верно. Сердце у нас бьется медленно, и в пище мы не так уж часто нуждаемся. Холодная кровь замедляет почти все обменные процессы — это объясняет, почему мы так долго живем.

— Как насчет гробов? Знаю: спите вы мало, но если уж спите, то мертвым сном.

— Ты начинаешь улавливать суть, — хмыкнул он.

Он съел все, кроме свеклы, я — все, кроме мяса.

Основное блюдо, единственное, нужно было готовить, но не так чтобы долго. Из молотых каштанов я уже слепила что-то вроде печенья, осталось только поджарить крольчатину с розмарином. В рецепте значился еще и чеснок, но я решила его ис-

ключить. При таком обонянии он напрочь перешибет всё прочее — вот она, правда этой выдумки о вампирах. Исключался и сельдерей — ясно, что вампиры не признают овощей. Думая, что со специями проблем не возникнет, я щедро посыпала сковородку розмарином и перцем.

Я чуть недожарила порцию Мэтью и немного передержала свою — авось отобьет вкус сырой оленины. Красиво все уложила и подала.

— Это, увы, поджарено, но не слишком.

— Уж не устроила ли некую проверку? — нахмурился Мэтью.

— Нет-нет... просто я впервые принимаю вампира.

— Рад слышать. — Он понюхал кролика. — Замечательно пахнет. — От близости к горячему блюду аромат корицы и гвоздики, присущий ему самому, усилился. Мэтью откусил кусочек каштанового «печенья», и его глаза округлились. — Каштаны?

— Только каштаны, оливковое масло и чуть-чуть разрыхлителя.

— Еще соль, вода, перец и розмарин, — уточнил Мэтью.

— Хорошо, что ты с такой точностью определяешь состав, учитывая твои вкусы в еде, — весело заметила я.

Ужин близился к концу, и я начала расслабляться. За разговором на разные оксфордские темы я убрала тарелки и подала сыр, ягоды, жареные каштаны. Мэтью, вдохнув аромат крохотных земляничинок, взял в руку каштан.

— Их действительно лучше есть теплыми. — Он легко расколол скорлупу пальцами — щипцы для орехов ему явно не требовались.

— А от меня чем пахнет? — осведомилась я, вертя свой бокал.

Молчание затягивалось — я думала, что вообще не дождусь ответа. Мэтью задумчиво посмотрел на меня, опустил веки и сделал глубокий вдох.

— Ивовым соком. Раздавленными ромашками. И жимолостью, и опавшими дубовыми листьями. Цветом гамамелиса и первыми весенними нарциссами. Еще стариной — белокудренником, ладаном, манжеткой. Я думал, что давно забыл эти запахи.

Его веки медленно поднялись. Я смотрела в глубину серых глаз, боясь дохнуть, боясь, что чары развеются.

— Теперь твоя очередь. Чем пахну я? — спросил он, удерживая мой взгляд.

— Корицей, — неуверенно ответила я. — И гвоздикой — как пряностью, так и цветами. Не теми, что продают флористы, а старомодными, растущими в английской деревне.

— Голландской гвоздикой, — подтвердил Мэтью, улыбка его из грустной сделалась лукавой. — Неплохо для колдуньи.

Я тоже взяла каштан и покатала в ладонях, грея внезапно похолодевшие руки.

Мэтью больше не смотрел на меня в упор, только бросал быстрые взгляды.

— Как ты составляла сегодняшнее меню?

— Без магии. Мне очень помогли на факультете зоологии.

Он опешил, но тут же расхохотался:

— Ты справлялась у них, что подать мне на ужин?

— Не совсем. В Интернете много рецептов для сыроедов, но, купив мясо, я не знала, как дальше быть. Вот и спросила, что едят серые волки.

Мэтью покачал головой и сказал просто:

— Спасибо. Давненько никто не задумывался о моем угощении.

— Пожалуйста. Труднее всего было с винами.

— Да, кстати... — Мэтью встал и свернул салфетку. — Теперь моя очередь.

Попросив меня принести пару чистых бокалов, он поставил на стол старинную кособокую бутылку, опять-таки с короной на пожелтевшей от времени этикетке.

Осторожно вытащив раскрошившуюся черную пробку, Мэтью раздул ноздри — в этот момент он напоминал кота, поймавшего аппетитную канарейку. Золотистое, мерцающее при свечах вино было густым, как сироп.

— Понюхай, — велел вампир, вручив мне бокал, — и скажи, что думаешь.

— Пахнет карамелью и ягодами, — отчиталась я, удивляясь, как может пахнуть чем-то красным напиток желтого цвета.

— Теперь отведай, — предложил Мэтью, пристально наблюдая за мной.

На вкус было похоже на абрикосы и ванильный крем от моих славных кухарок. Этот вкус не прошел и после того, как я проглотила волшебный, по всей видимости, эликсир.

— Что это?

— Вино, только очень старое. То лето выдалось жарким и солнечным. Крестьяне опасались дождей, но погода удержалась, и виноград собрали в самую пору.

— Да, в нем чувствуется вкус солнца, — ответила я и получила в награду очередную улыбку.

— Во время сбора над виноградниками пылала комета. Астрономы давно уже видели ее в свои телескопы, но в октябре она сделалась такой яркой, что в ее свете можно было читать. Виноградари сочли это доброй приметой.

— Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год? Комета Галлея?

— Нет, тысяча восемьсот одиннадцатый. — Я уставилась на двухсотлетнее вино в своем бокале, боясь, что оно испарится у меня на глазах. — Комету Хоули (он произносил «Галлей» именно так) наблюдали в тысяча семьсот пятьдесят девятом и тысяча восемьсот тридцать пятом годах.

— Где ты это достал?

В магазине у вокзала таких вин не было.

— Купил у Антуана-Мари, положившись на его слово. Он уверял, что это нечто особенное.

Я посмотрела на этикетку. «Шато-икем» — об этой марке даже я слышала.

— Купил и сохранил, — сказала я.

Он пил шоколад в Париже в 1615-м, получил разрешение на постройку дома от Генриха VIII в 1536-м — что ж удивительного, если в 1811-м он покупал вина. А из-под его ворота виден шнурок, на котором он носит древний знак паломника.

— Мэтью, — начала я осторожно, боясь его рассердить, — сколько тебе лет?

Он поджал губы, но ответил довольно непринужденно:

— Я старше, чем выгляжу.

— Это я знаю, — нетерпеливо сказала я.

— Почему мой возраст так много для тебя значит?

— Моя специальность — история. Если кто-то помнит комету тысяча восемьсот одиннадцатого года и как во Францию привезли шоколад, невольно возникает вопрос, какие еще события он застал. В тысяча пятьсот тридцать шестом ты уже жил на свете — я была в доме, который ты в то время построил. Может быть, ты знал Макиавелли? Пережил Черную Смерть? Учился в Сорбонне у Абеляра?

Мэтью молчал. У меня по шее побежали мурашки.

— Судя по твоему медальону, ты был в Святой земле. Участвовал в Крестовом походе? Видел комету Галлея, прошедшую в тысяча шестьдесят шестом году над Нормандией?

Молчание.

— Видел, как короновали Карла Великого, как пал Карфаген? Противостояли Аттиле, когда тот шел на Рим?

— О каком из падений Карфагена ты говоришь? — осведомился вампир.

— Тебе видней.

— Будь ты неладен, Хэмиш Осборн, — пробормотал он, комкая скатерть.

Не нашедшись с ответом уже второй раз за два дня, Мэтью медленно провел палец сквозь пламя свечи. Кожа вздулась красными пузырями и тут же опять побелела — боли, судя по лицу, он не успел испытать.

— Телу моему около тридцати семи лет. Я родился примерно в то время, когда Хлодвиг[1] перешел в христианство. Это я знаю со слов родителей — дни рождения у нас отмечались не каждый год. Для ровного счета можно взять пятисотый год. — Он бросил взгляд в мою сторону и опять уставился на свечу. — Как вампир я возродился в пятьсот тридцать седьмом году. За исключением Аттилы, который был еще до меня, ты, в общем, правильно расставила вехи тысячелетия, прошедшего между этой датой и той, когда я заложил в Вудстоке первый камень. Макиавелли, должен тебе сказать как историку, был фигурой

[1] *Хлодвиг I* (около 466–511) — король франков; правил в 481/482–511 гг., из династии Меровингов. Датой его крещения считается Рождество 496 г.

не столь уж значительной. Мелкий флорентийский политик, не особенно успешный. — В голосе Мэтью звучала усталость.

Выходит, ему больше полутора тысяч лет.

— Не стоило мне допытываться, — сказала я извиняющимся тоном, не зная, куда девать глаза.

И с чего я взяла, что, узнав биографию этого вампира, лучше его пойму? В голове всплыла строчка из Бена Джонсона — она говорила о Мэтью больше, чем коронация Карла Великого.

— «Ты временам принадлежишь — не веку»[1], — процитировала я.

— «Близ тебя не замечаю времени», — ответил он более поздней цитатой из Мильтона[2].

Мы снова посмотрели друг другу в глаза, но я разрушила начавшие создаваться чары:

— Что ты делал осенью тысяча восемьсот пятьдесят девятого года?

— Это Питер Нокс тебя подучил? — помрачнел Мэтью.

— Он сказал, что ты вряд ли поделишься своими секретами с колдуньей, — спокойно сказала я, хотя внутри у меня все сжалось.

— Неужели? — Мэтью сдерживал гнев — я видела это по его плечам и стиснутым зубам. — В сентябре тысяча восемьсот пятьдесят девятого я просматривал рукописи в Ашмоловском музее.

— Зачем? — «Скажи правду, — мысленно взмолилась я, скрестив под столом пальцы. Я вынудила его рассказать начало, но хотела, чтобы остальное он поведал сам. — Не надо игр, не надо загадок. Просто скажи».

— Незадолго до этого я прочел одну рукопись, написанную натуралистом из Кембриджа. Прочел перед тем, как ее отправили в типографию. — Мэтью поставил бокал на стол.

Я прижала руку к губам, вспомнив, какая в том году вышла книга.

— «Происхождение».

---

[1] Бен Джонсон (1573–1637) посвятил эти слова Шекспиру, своему современнику.

[2] Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод Арк. Штейнберга.

Ее, как и «Начала» Ньютона, не требовалось именовать полностью. «Происхождение видов» Дарвина известно всем, кто учил биологию в средней школе.

— Летом Дарвин опубликовал статью о своей теории естественного отбора, но книга сильно от нее отличалась. То, как он отследил известные всем явления и подвигал читателя к революционным открытиям, было подлинным чудом.

— У алхимии нет ничего общего с эволюцией. — Я схватила бутылку с драгоценным вином и плеснула себе еще, чувствуя настоятельную потребность подкрепить свои умственные способности.

— Ламарк[1] полагал, что все виды, происходя от различных предков, независимо эволюционировали к высшим формам существования. Это очень похоже на веру твоих алхимиков в то, что философский камень есть конечный продукт естественного превращения неблагородных металлов в медь, серебро и золото.

Мэтью тоже протянул руку к бутылке. Я подвинула ее через стол.

— Но Дарвин был не согласен с ним, хотя и пользовался сначала тем же термином — «трансмутация».

— С «линейной трансмутацией» он в самом деле не соглашался, однако его теорию естественного отбора можно рассматривать как серию связанных трансмутаций.

Может быть, Мэтью прав и магия действительно присутствует во всем, чего ни коснись. В теории гравитации Ньютона и теории эволюции Дарвина.

— В мире полно алхимических манускриптов. — Осваиваясь с картиной в целом, я старалась не упускать деталей. — Почему именно ашмоловские?

— Увидев, как Дарвин пересматривает в свете биологии алхимическую теорию трансмутации, я вспомнил рассказы о таинственной книге, объясняющей происхождение трех наших видов — колдунов, даймонов и вампиров. Раньше я всегда думал, что это фантазия. — Он отпил вина. — Говорили, что эта тайна скрыта от людских глаз в некоем алхимическом труде.

---

[1] *Жан-Батист Ламарк* (1744–1829) — французский естествоиспытатель, автор первого эволюционного учения.

Публикация «Происхождения» побудила меня заняться розысками. Если бы такая книга существовала, Элиас Ашмол ее бы непременно купил. У него был нюх на необычные рукописи.

— Ты разыскивал ее здесь, в Оксфорде? Сто пятьдесят лет назад?

— Да. И за сто пятьдесят лет до того, как ты заказала «Ашмол-782», мне сказали, что такой книги там нет.

Мое сердце учащенно забилось, и Мэтью встревожился.

— Дальше, — махнула я.

— С тех пор я все время пытаюсь ее найти. В прочих ашмоловских рукописях ничего интересного не было. Я проверил другие библиотеки: герцога Августа в Германии, Национальную французскую, Библиотеку Медичи во Флоренции, Ватиканскую, Библиотеку Конгресса.

Я моргнула, представив себе вампира в ватиканских покоях.

— Единственной рукописью, которую мне не удалось разыскать, был «Ашмол-782». Метод простого исключения подсказывал, что это и есть тайная книга — если она еще существует.

— Ты прочитал больше алхимических рукописей, чем я.

— Возможно, но это не значит, что я в них что-то понял. Общую черту я, правда, все-таки выделил: это абсолютная уверенность в том, что с помощью алхимика одна субстанция может превратиться в другую, создавая при этом новые формы жизни.

— Похоже на эволюцию.

— Очень, — мягко подтвердил Мэтью.

Мы встали из-за стола. Я свернулась калачиком на одном диване, Мэтью захватил вино и сел в угол другого, вытянув длинные ноги. Устроившись поудобнее, мы приступили к дальнейшим признаниям.

— На прошлой неделе в «Блэкуэллсе» я встретила даймона Агату Уилсон. В Интернете пишут, она знаменитый модельер. Даймоны, по ее словам, верят, что в «Ашмоле-782» содержится история всех рас, включая и человеческую. Питер Нокс считает иначе: он сказал мне, что это первая книга заклинаний, источник всей колдовской силы. Он думает найти там секрет бессмертия... и уничтожения вампиров. После двух этих версий, даймонской и колдовской, самое время послушать твою.

— Вампиры верят, что пропавшая рукопись объясняет тайну нашего долголетия и выносливости. Раньше мы боялись, что колдуны, завладев этой тайной, смогут нас истребить. Кое-кто полагает, что они были причастны к созданию нашего вида, а значит, способны и покончить с ним, обратив магию вспять. Видимо, это и есть та правда, которую можно найти в каждой легенде. — Эта мысль заметно обеспокоила Мэтью.

— Я все же не понимаю, откуда взялась уверенность, что книга о происхождении созданий спрятана в алхимической рукописи.

— Спрятать ее там столь же просто, как Питеру Ноксу замаскироваться под оккультиста. По-моему, именно вампиры узнали, что это труд по алхимии. Слишком все сходится для совпадения. Поиски философского камня помогали алхимикам человеческого происхождения понять, что значит быть вампиром — почти бессмертным, наверняка богатым и способным впитать невероятное количество знаний.

— Философский камень, ну да. — Параллель между этой мистической субстанцией и тем, кто сидел напротив меня, вызывала легкую оторопь. — Но представить, что такая книга существует в реальности, все-таки трудно. Рассказы о ней крайне противоречивы, и какой же дурак станет помещать столько информации в одну книгу?

— В рассказах об этой рукописи, как в сказках о вампирах и колдунах, определенно есть крупица истины. Наша задача вылущить ее из всего остального.

Он сказал «наша». Мэтью, судя по всему, не кривил душой, и я решила поделиться с ним еще кое-чем.

— Ты прав относительно «Ашмола-782». Книга, которую ты ищешь, спрятана в нем.

— Продолжай, — не скрывая любопытства, попросил Мэтью.

— С виду это настоящий алхимический опус, но иллюстрации в нем неправильные — не знаю, случайно это сделано или намеренно. — Я задумчиво прикусила губу, и выступившая на ней капелька крови приковала к себе взгляд Мэтью.

— Почему «с виду»? — Он поднес бокал с вином к самому носу.

— Это палимпсест, но чернила не были смыты — первоначальный текст скрыли с помощью магии. Я могла и не заметить его — так хорошо он спрятан, но свет упал на страницу под нужным углом, и я увидела, как в глубине шевелятся строчки.

— Сумела прочесть что-нибудь?

— Нет. Если в «Ашмоле-782» действительно сказано, кто мы есть, откуда взялись и как от нас можно избавиться, эта информация погребена надежно.

— В настоящий момент это к лучшему, но скоро она нам понадобится.

— Почему? Что за срочность?

— Проще показать тебе это, чем объяснить. Придешь завтра ко мне в лабораторию?

Я кивнула, заинтригованная.

— Можем пойти туда пешком после обеда. — Мэтью встал, потянулся. За разговором о тайнах и происхождении видов мы с ним прикончили всю бутылку. — Поздно уже, мне пора.

Когда он повернул ручку, дверь с грохотом распахнулась.

— У тебя что, замок неисправен? — нахмурился Мэтью.

— Не замечала... — Я принялась двигать защелку туда-сюда.

— Попроси персонал им заняться. Так она и не закроется, наверное. — По его лицу пробежала тень какого-то непонятного чувства. — Жаль, что чудесный вечер заканчивается на такой прозаической ноте.

— Ты правда доволен ужином? — Его желудок беспокоил меня больше всех тайн вселенной.

— Более чем.

Я загляделась на его древнюю красоту. Как это люди не падают, встречая его на улице? Поддавшись импульсу, я встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Собственные губы на холодной, гладкой как атлас коже показались мне очень горячими.

Что это мне взбрело в голову? Опустившись на всю ступню, я смущенно уставилась на злополучный замок.

Это длилось каких-то пару секунд — однако «Ноутс энд квайериз», волшебным образом снятые с библиотечной полки, доказывали, что пара секунд иногда меняет всю нашу жизнь.

Мэтью, убедившись, что я не собираюсь закатить истерику или сбежать, нагнулся и тоже поцеловал меня — в обе щеки, на французский манер, вдыхая аромат ивового сока и жимолости. Когда он выпрямился, взгляд у него был затуманившимся.

— Спокойной ночи, Диана.

Прислонившись к закрытой двери, я увидела мигающую на автоответчике цифру 1. Хорошо, что звонок выключен.

Сара собиралась задать мне тот же вопрос, который я сама себе задавала.

Но мне не хотелось отвечать.

Глава 13

Мэтью, единственный нечеловек среди читателей в Селден-Энде, зашел за мной после обеда. Пока мы шли под расписными потолками к выходу, он расспрашивал меня о работе и о прочитанных за день рукописях.

В Оксфорде сделалось серо и холодно. Я, поежившись, подняла воротник, но Мэтью не мерз, хотя шел без пальто. В пасмурный день он выглядел не столь сногсшибательно, но с фоном все-таки не сливался.

— На тебя обращают внимание, — сказала я, видя, как прохожие оглядываются и качают головой.

— Совсем забыл про пальто — и потом, это на тебя смотрят, не на меня.

Какая-то женщина при виде его улыбки раскрыла рот и пихнула свою спутницу локтем.

— Ошибаешься, — засмеялась я.

Направляясь к Кэбл-колледжу и Университетскому парку, мы повернули направо у Дома Родса и углубились в лабиринт современных лабораторий и компьютерных залов. Под сенью Музея естественной истории — краснокирпичного викторианского храма во славу науки — они представляли собой памятники незатейливой функциональной архитектуры.

Нашей целью был небольшой приземистый домик. Мэтью, пропустив свою пластиковую карточку через считывающее устройство, набрал два разных кода. Потом подвел меня к пропускному пункту, записал как гостя и вручил именной бейдж.

— Недурственный уровень безопасности для университетской лаборатории, — заметила я.

Мы шагали по бесконечным коридорам, как-то умещавшимся за скромным фасадом, а меры безопасности становились все строже. Мэтью воспользовался еще одним электронным пропуском, а потом прижал указательный палец к стеклянной панели у двери. Панель чирикнула и выдала сенсорную клавиатуру. Мэтью набрал код, дверь отворилась. Нас встретил легкий антисептический запах, присущий больницам и пустым ресторанным кухням. Всюду, куда ни глянь, были кафель, пержавеющая сталь и приборы.

В одном из помещений со стеклянными стенами я увидела круглый стол для заседаний, черный монолит монитора, компьютеры. В другом — старый деревянный письменный стол, кожаное кресло, громадный персидский ковер, явно стоивший целое состояние, телефоны, факсы и те же компьютеры с мониторами. В других отсеках стояли картотечные шкафы, микроскопы, холодильники, автоклавы, центрифуги и бог знает еще какие приспособления.

Признаков жизни не наблюдалось, но откуда-то доносились виолончельный концерт Баха и что-то до боли похожее на последний хит Евровидения.

— Мой кабинет, — пояснил Мэтью, махнув в сторону помещения с ковром, и повел меня в первую комнату слева, заставленную электроникой, контейнерами для образцов и картотеками. Один из ящиков был снабжен ярлыком «<o».

— Добро пожаловать в нашу эволюционную лабораторию. — Голубоватый свет подчеркивал бледность и черноту волос Мэтью. — Источниками образцов ДНК для нас служат древние захоронения, раскопки, окаменелости и живые существа. — Выдвинув ящик, Мэтью взял из него пачку папок. — Таких лабораторий в мире несколько сот — все они, пользуясь методами генетики, изучают вопросы происхождения и исчезновения видов. Отличие нашей в том, что люди — не единственный разумный вид, который мы здесь исследуем.

Его слова падали холодно и звонко, как льдинки.

— Вы занимаетесь также вампирской генетикой?

— И колдовской, и даймонской. — Мэтью подвинул ногой табурет на колесиках и усадил меня на него.

Из-за угла выскочил вампир в черных высоких кедах «Конверс» и чуть притормозил, натягивая резиновые перчатки. Голубоглазый блондин лет тридцати, похожий на калифорнийского серфера. Не слишком высокий и довольно щуплый по сравнению с Мэтью, но собранный и энергичный.

— Четвертая, резус отрицательный, — определил он, глядя на меня с восхищением. — Вот это находка! — Он зажмурился и втянул носом воздух. — Еще и колдунья к тому же!

— Маркус Уитмор — Диана Бишоп, историк из Йеля, — нахмурившись, представил меня Клермонт. — Она здесь в качестве гостьи, а не подушечки для иголок.

— А-а, — протянул Маркус разочарованно и тут же взбодрился: — Вы не против, если я все-таки возьму у вас кровь?

— Вообще-то, против. — Не хватало еще, чтобы мне пускал кровь лаборант-вампир.

— А вы здорово взвинчены, доктор Бишоп, — присвистнул он. — Адреналином как запахло.

— Что тут происходит? — осведомилось знакомое сопрано: к нам подошла Мириам.

— Доктора Бишоп поразила наша лаборатория.

— Извините, я не знала, что это вы. Пахнет по-другому... адреналин?

— Ага, — кивнул Маркус. — Вы всегда такая? Адреналин бьет ключом, а девать некуда?

— Маркус. — В устах Мэтью имя лаборанта прозвучало как предупреждение, леденящее до костей.

— Лет с семи, — ответила я, глядя в ослепительно-голубые глаза.

— Это многое объясняет, — снова присвистнул он. — Мимо такого ни один вампир не пройдет. — Маркус имел в виду явно не мою внешность.

— Мимо чего? — Мое любопытство возобладало над нервами.

Мэтью потер виски и глянул на Маркуса (от такого взгляда и молоко бы скисло). Молодой вампир, напустив на себя безразличие, хрустнул пальцами так, что я подскочила.

— Вампиры — хищные существа, Диана, — объяснил Мэтью. — Нас привлекает адреналин, выделяемый людьми и животными.

— Мы чувствуем его запах и вкус, — подхватил Маркус. — Пряная, шелковистая, сладкая кровушка. Вкуснотища.

Мэтью с рычанием обнажил зубы. Маркус попятился, Мириам взяла его за локоть.

— Вы чего? Я не голоден! — вырвавшись, крикнул он.

— Доктор Бишоп вполне может не знать, что вампиры чувствуют адреналин, даже когда не голодны. — Мэтью с видимым усилием взял себя в руки. — Мы всегда остаемся охотниками, Диана, а выброс адреналина характеризует добычу.

Теперь понятно, почему Мэтью то и дело приглашал меня на ужины и завтраки. Его будоражил не запах жимолости, а нечто другое.

— Спасибо за разъяснение, Мэтью. — Вчерашний вечер пополнил мои знания о вампирах, но до совершенства было еще далеко. — Постараюсь взять себя в руки.

— Не нужно. Это мы должны держать себя в руках. И соблюдать элементарную вежливость. — Сердито глянув на Маркуса, Мэтью выбрал одну из папок.

— Не начать ли нам с начала? — забеспокоилась Мириам.

— Лучше с конца.

— Им известно об «Ашмоле-782»? — спросила я, видя, что Маркус и Мириам не собираются уходить; Мэтью кивнул. — Ты сказал им, что я видела в книге?

Снова кивок.

— Вы об этом еще кому-нибудь говорили? — За вопросом Мириам скрывалась выпестованная веками подозрительность.

— Если вы имеете в виду Питера Нокса, то нет. Только тете и ее партнеру Эмили.

— В тайну посвящены три колдуньи и три вампира, — задумчиво сказал Маркус, глядя на Мэтью. — Как интересно...

— Будем надеяться, что ее мы сохраним лучше, чем эту. — Мэтью подвинул папку ко мне.

Все трое уставились на меня. Я открыла папку, и в глаза сразу бросился заголовок «ВАМПИР В ЛОНДОНЕ». Меня замутило. Под вырезкой из газеты обнаружилась другая, где говорилось еще об одном обескровленном трупе. Далее шла журнальная статья — по-русски я не читала, но фотография жертвы с растерзанным горлом говорила яснее слов.

Следом — еще дюжина убийств и репортажи на всех мыслимых языках. В одних случаях жертвы были обезглавлены, в других на месте преступления не осталось ни капли крови, в третьих смерть из-за жестоких ран на шее и торсе приписывали животным.

— Мы гибнем, — сказал Мэтью, когда я просмотрела всю папку.

— Вернее, не вы, а люди, — резко ответила я.

— Не только они. Вампиры, судя по этим статьям, проявляют все признаки вырождения.

— Ты хотел показать мне вот это? — Мой голос дрожал. — Какая здесь связь с «Ашмолом-782»? — Страшные картинки оживили в моей памяти зловещие слова Джиллиан.

— Выслушай меня, пожалуйста, — попросил Мэтью: похоже, он все-таки не стремился меня напугать.

Прижимая папку к груди, я села на свой табурет.

— Все эти смерти — результат неумелых попыток превратить человека в вампира. — Мэтью осторожно забрал у меня подборку. — То, что некогда мы делали инстинктивно, стало вызывать затруднения. Наша кровь утрачивает способность создавать из смерти новую жизнь.

Становясь неспособным к размножению, биологический вид вымирает. Но, судя по этим фотографиям, в мире и так вампиров многовато.

— У таких, как я, старых вампиров, питавшихся в молодости преимущественно человеческой кровью, это получается лучше, — продолжал Мэтью, — но старый вампир с годами теряет охоту создавать новых. Молодые — иное дело: рвутся создавать семьи, чтобы не быть одинокими в своей новой жизни. Находят себе партнера, пытаются завести детей и тут обнаруживают, что кровь у них недостаточно сильная.

— Ты говорил, что мы все вымираем, — напомнила я, еще не оправившись от страха и гнева.

— Современные колдуны тоже не столь сильны, как их предки, — как бы невзначай сообщила Мириам. — И детей у вас рождается меньше, чем в старину.

— Это не доказательство, а голословное утверждение.

— Доказательства нужны? Получите. — Мириам толкнула ко мне по блестящей столешнице еще две папки. — Не знаю только, что вы сможете здесь понять.

На одной наклейке, с лиловой каемкой, было напечатано «Бенвенгуда», на другой, с красной, — «Гуд, Беатрис». Внутри — сплошные графики: на первых листах — ярко раскрашенные синусоиды, далее прямые линии, черные и серые.

— Так нечестно, — запротестовал Маркус. — Ни один историк в этом не разберется.

— Вот это — строение ДНК, — показала я на черно-белую схему, — а разноцветные что демонстрируют?

— Это тоже результаты генетических тестов. — Мэтью опер-ся локтями на стол рядом со мной, придвинул к себе страницу с цветной синусоидой. — Здесь представлена митохондриальная ДНК женщины по имени Бенвенгуда, унаследованная ею от матери и других предков женского пола. Наследственность с материнской стороны, так сказать.

— А с отцовской?

Мэтью открыл черно-белый лист:

— Отец Бенвенгуды был человеком. Вот она, ее хромосомная ДНК — геном, в ней и человеческая составляющая, и колдовская. — Он снова взял цветную схему. — Митохондриальная ДНК, за пределами клеточного ядра, записывает только материнскую наследственность.

— Почему вы изучаете отдельно геном и материнскую ДНК? — Про геном я слышала, а про митохондриальную ДНК ничего толком не знала.

— Неповторимой личностью тебя делает хромосомная ДНК, комбинация отцовских и материнских генов. Благодаря этой комбинации у тебя голубые глаза, светлые волосы и веснушки. А митохондриальная ДНК представляет нам историю целого вида.

— И эта история записана в каждом из нас. В крови и каждой клетке нашего организма.

— И в ней, как в любой истории, — кивнул Мэтью, — значение имеет не столько начало, сколько конец.

— Что возвращает нас к Дарвину, — нахмурилась я. — К естественному отбору и вымиранию видов.

— В «Происхождении», можно сказать, говорится скорее о вымирании, — согласился Маркус, подъехав на своем стуле к другому концу лабораторного стола.

— Кто она была, Бенвенгуда? — спросила я, глядя на яркие синусоиды.

— Очень сильная колдунья, — сказала Мириам. — Бретань, седьмой век. Одно из чудес того изобилующего чудесами столетия. А Беатрис Гуд — одна из ее последних прямых потомков, известных нам.

— Семья Гуд, кажется, родом из Сейлема?

Да, точно: вместе с Бишопами и Прокторами там жили и Гуды.

— Среди предков Беатрис числятся Сара и Дороти Гуд из Сейлема, — подтвердил Мэтью, открыв папку Беатрис так, чтобы сравнить ее митохондриальный график с графиком Бенвенгуды.

— Они разные, — сказала я, сразу заметив различия в цвете и построении.

— Разница не столь велика, — уточнил Мэтью. — Просто в ядерной ДНК Беатрис меньше маркерных генов, характерных для колдунов. Это показывает, что ее предки в борьбе за выживание все меньше и меньше полагались на магию, что привело к вытесняющим магию мутациям.

Этот пассаж, хотя и вполне научный, был направлен прямо в мой огород.

— Род Беатрис обречен на гибель из-за того, что ее предки вытесняли магию из своих генов?

— Виновны не одни колдуны, но и природа, — погрустнел Мэтью. — Колдунам, как и вампирам, приходилось выживать во все более человеческом мире. То же относится и к даймонам. Они проявляют все меньше гениальности, по которой мы всегда отличали их от людей, и все больше безумия.

— А люди? Они-то не вымирают? — спросила я.

— Как сказать. У людей, по нашему мнению, приспособляемость выше. Во всяком случае, пока. Их иммунная система гибче наших, а стремление к воспроизводству сильнее, чем у вампиров и колдунов. Когда-то мы с людьми делили мир почти поровну, теперь создания составляют всего десять процентов от общего населения.

— Мир, когда в нем было столько же созданий, сколько и людей, был совсем иным, — посетовала на генетический расклад Мириам. — Но и людям придет конец — чувствительная иммунная система их как раз и погубит.

— Насколько мы, нелюди, от них отличаемся?

— Отличия значительные, по крайней мере на генетическом уровне. С виду мы очень похожи, но хромосомный состав у нас разный. — Мэтью набросал на обложке папки Беатрис Гуд диаграмму. — У людей в ядре каждой клетки двадцать три пары хромосом, закодированных в длинных последовательностях, а у вампиров и колдунов их двадцать четыре.

— Больше, чем у человека, винограда пино-нуар и свиньи, — подмигнул Маркус.

— А что насчет даймонов?

— У них двадцать три пары, как у людей, плюс одна лишняя хромосома. Как раз ей они, насколько мы знаем, обязаны своей природой... и нестабильностью.

Я склонилась над диаграммой Мэтью, нетерпеливо отбросив упавшую на глаза прядь.

— Что содержится в лишних хромосомах? — Поспевать за этими выкладками было не легче, чем зубрить биологию в колледже.

— Генетический материал, отличающий нас от людей, плюс материал, регулирующий функции клетки, — «бесполезная ДНК», как называют его ученые.

— На самом деле это не мусор, — вмешался Маркус. — Это либо результат предыдущего отбора, либо то, что будет использовано на следующем витке эволюции, — мы пока не знаем, что именно.

— Минутку. Колдуны и даймоны рождаются точно так же, как люди. Я родилась с двумя лишними хромосомами, твой друг Хэмиш — с одной. Но вампиры-то создаются из человеческой ДНК! Откуда же у вас эта лишняя пара?

— Создатель, превращая человека в вампира, удаляет из его организма всю кровь, останавливая работу внутренних органов, — а затем, перед самой смертью, поит возрожденного собственной кровью, — объяснил Мэтью. — Приток вампирской крови, насколько мы понимаем, вызывает спонтанные мутации в каждой клетке нового организма.

О возрождении Мэтью вчера говорил, но слово «создатель» применительно к вампирам я слышала в первый раз.

— Кровь создателя наполняет возрожденного новой генетической информацией, — добавила Мириам. — Иногда то же самое происходит при переливании крови одного человека другому, но вампирская кровь производит в ДНК сотни модификаций.

— Мы стали искать в геноме свидетельства таких взрывных перемен, — сказал Мэтью, — и нашли их. Все новые вампиры проходят спонтанную перестройку, чтобы выжить после приема крови создателя. Так у них появляются две лишние хромосомы.

— Большой генетический взрыв. Вы точно галактики, рождающиеся из умирающих звезд. Ваши гены за несколько мгновений превращают человека в нечто совершенно иное, — благоговейно сказала я.

— С тобой все в порядке? — спросил Мэтью. — Не сделать ли перерыв?

— Мне бы водички.

— Я принесу, — соскочил со стула Маркус. — В холодильнике с образцами должна быть вода.

— Люди первые дали понять, что острый клеточный стресс, вызванный бактериями или другими формами генетической бомбардировки, может привести к мутациям, ускоряющим процессы естественного отбора. — Мириам, достав из ящика еще одну папку, открыла черно-белый ее раздел. — Этот человек умер в тысяча триста семьдесят пятом году. С оспой его организм справился, но третья хромосома из-за болезни мутировала.

Маркус принес воду, которую я с жадностью выпила.

— В вампирской ДНК много подобных мутаций, вызванных борьбой с разного рода болезнями. Они-то, возможно, и приведут нас к исчезновению. — Голос Мэтью звучал тревожно. — Сейчас мы пытаемся понять, какой именно фактор вампирской крови порождает новые хромосомы. Думаю, что ответ кроется в митохондриальной ДНК.

— Нет, в ядерной ДНК, — возразила Мириам. — Организм, атакованный вампирской кровью, включает реакцию, позволяющую приспособиться к переменам.

— Возможно, но и к бесполезной ДНК надо присмотреться внимательно. В ней много всего, что может генерировать новые хромосомы, — заявил Маркус.

Пока вампиры спорили, я закатала рукав. Все трое уставились на мою голую, с проступающими венами руку.

— Что ты делаешь? — холодно вопросил Мэтью, взявшись за свой медальон.

— Надевайте перчатки, Маркус. — Я подняла рукав еще выше.

— Сейчас, — ухмыльнулся он.

— Это вовсе не обязательно, — севшим голосом произнес Мэтью.

— Знаю. Мне самой хочется. — При лабораторном освещении мои жилки голубели особенно ярко.

— Хорошие вены, — одобрила Мириам, и профессор тихо зарычал.

— Если тебе это трудно, Мэтью, выйди и жди снаружи, — спокойно сказала я.

— Подумай хорошенько. — Мэтью склонился надо мной, как в библиотеке, когда защищал от Питера Нокса. — Мы не можем предугадать, каким будет результат твоего анализа. Вся твоя жизнь, вся история твоего рода ляжет перед нами в черно-белом изображении — ты уверена, что тебе это нужно?

— Вся моя жизнь? Как это? — Я занервничала под его пристальным взглядом.

— Анализ нам скажет о многом, помимо цвета твоих глаз и волос. Покажет, какие свойства ты унаследовала от матери и отца, не говоря уж о твоих предках по женской линии.

— Потому я и хочу сдать этот анализ, — терпеливо растолковала я. — Всегда хотела знать, что вытворяет во мне кровь Бишопов, — всякий, кто слышал о моей семейке, заинтересовался бы этим. Вот наконец и узнаем.

Никакого подвоха я здесь не видела. Моя кровь откроет Мэтью то, что я отнюдь не хотела обнаружить случайно, начав поджигать мебель, взлетать в небо сквозь древесные кроны или наводить на кого-то смертельную хворь. Мэтью эта затея почему-то представлялась рискованной, мне — совершенно надежной.

— Вы говорили о вымирании колдунов. Я последняя в роду Бишопов, — возможно, моя кровь скажет вам, в чем причина.

Мириам и Маркус терпеливо ждали, кто кого переглядит — вампир колдунью или колдунья вампира. В конце концов Мэтью, испустив тяжкий вздох, сказал:

— Дай мне набор, Маркус.

— Я сам хочу, — возразил тот, натягивая перчатку и подступая ко мне со своим снаряжением.

— Маркус! — сказала Мириам, сдерживая его.

Мэтью, отняв набор у своего ассистента, пригвоздил Маркуса к месту тяжелым взглядом:

— Извини, Маркус, но кровь у Дианы, если уж она так решила, буду брать только я.

Обхватив мое запястье холодными пальцами, он несколько раз согнул мою руку, распрямил, уложил на нержавеющую поверхность стола. Жутко это все же, когда вампир собирается ввести иглу в твою вену. Мэтью затянул резиновый жгут выше локтя.

— Сожми кулак. — Он надел перчатки, приготовил полую иглу и пробирку.

Я сжала кулак, вены вздулись. Мэтью не стал предупреждать об уколе, как это обычно делают, — без церемоний вогнал иглу.

— У тебя легкая рука. — Я разжала кулак, кровь потекла свободно.

Мэтью, поджав губы, наполнил несколько пробирок, вынул иглу, выбросил в специальный контейнер. Маркус передал собранную кровь Мириам, а та надписала пробирки мелким разборчивым почерком. Мэтью зажал место укола марлей, оторвал другой рукой пластырь, приклеил тампон.

— Дата рождения? — спросила Мириам, приготовившись записать.

— Тринадцатое августа тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

— Тринадцатое августа? — повторила она.

— Да, а что?

— Просто уточняю.

— Обычно мы берем еще мазок изо рта. — Мэтью достал из упаковки две белые пластиковые лопаточки. Я без возражений

открыла рот. Мэтью взял соскобы с обеих щек, запечатал каждый в отдельный пакетик. — Готово.

При виде этой лаборатории, блистающей нержавеющей сталью и голубыми огнями, мне вспоминались алхимики, топившие печи углем, работавшие при тусклых светильниках, среди черепков разбитых глиняных тиглей. Они бы отдали все на свете за возможность работать в таком вот месте, где тайны мироздания раскрываются столь легко.

— Ищете первого вампира? — спросила я, кивнув на картотечные ящики.

— В том числе, — сказал Мэтью. — Большей частью стараемся проследить, как влияют на судьбу вида питание и болезни и по какой причине угасает тот или другой род.

— Наши четыре вида действительно развивались отдельно? Или у иных с людьми предки все-таки общие?

Мне всегда казалось, что заявления Сары о полнейшей самобытности колдунов основаны только на традиции и ее личных заблуждениях. Во времена Дарвина многие полагали, что одна пара общих предков не могла породить столько человеческих типов. Белые европейцы, глядя на черных африканцев, выдвигали теорию полигенизма, утверждая, что различные расы произошли от различных предков.

— Даймоны, люди, вампиры и колдуны значительно различаются на генетическом уровне. — Мэтью хорошо понимал, почему я задаю ему этот вопрос, но прямой ответ дать отказывался.

— Если вы докажете, что все мы ведем начало от одних предков, хотя и по разным линиям, будет переворот, — заметила я.

— Когда-нибудь мы узнаем, какая связь существует между четырьмя видами и есть ли она вообще, но до этого еще далеко. — Мэтью встал. — Хватит на сегодня науки.

Мы попрощались с Маркусом и Мириам. Проводив меня в Новый колледж, Мэтью отправился переодеться. В Вудсток на йогу мы ехали почти в полном молчании, погруженные в свои мысли.

В Олд-Лодж Мэтью, как обычно, открыл мне дверцу и достал из багажника наши коврики.

Когда я случайно соприкоснулась с одним из проходивших мимо вампиров, Мэтью молниеносно схватил меня за руку. На-

ши пальцы переплелись. Разница между его холодом и моим теплом пронизывала насквозь.

Он не отпускал меня, пока мы не вошли в дом. На обратном пути мы говорили об Амире и одном даймоне из нашей группы — что-то он такое сделал типично даймонское. У ворот Нового колледжа Мэтью, против обыкновения, вышел из машины вместе со мной.

Фред, оторвавшись от своих мониторов, приоткрыл стеклянную дверь привратницкой:

— Да?

— Я хочу проводить доктора Бишоп наверх. Можно оставить машину здесь? И ключи — вдруг вам понадобится ее переставить.

Фред кивнул, заметив на зеркале значок Джона Рэдклиффа. Мэтью бросил ему ключи.

— Здесь совсем близко, Мэтью. Не надо меня провожать.

— Ничего, пойдем. — Его тон не предусматривал возражений.

Выйдя из-под арки — здесь Фред больше не мог нас видеть, — он снова взял меня за руку. На этот раз прикосновение холодных пальцев затеплило нежелательный огонек у меня в животе.

У подножия лестницы я повернулась к Мэтью лицом:

— Спасибо, что снова свозил на йогу.

— Пожалуйста. — Он заправил мою надоедливую прядь за ухо, коснулся щеки. — Приходи завтра ко мне на ужин. Моя очередь готовить. Зайти за тобой в половине восьмого?

«Скажи „нет“», — приказала я себе вопреки затрепетавшему сердцу, а вслух сказала:

— Сделай одолжение.

— Ma vaillante fille[1], — прошептал он мне на ухо. Холодные губы прикоснулись сначала к одной моей щеке, потом к другой. Запах Мэтью окутал меня, как облако.

Днем с моим замком повозился слесарь, и открыть его ключом удалось не сразу. Автоответчик мигал — опять Сара. Я посмотрела в окно на Мэтью, он на меня. Я помахала. Он улыбнулся, сунул руки в карманы и растаял во тьме, как в родной стихии.

---

[1] Храбрая моя девочка *(фр.)*.

Глава 14

В половине восьмого Мэтью ждал меня внизу, как всегда безупречный — одежда в черно-сизых тонах, волосы зачесаны назад. Привратник, дежуривший по выходным, внимательно к нему присмотрелся (Мэтью это вынес безропотно) и со значением сказал мне:

— До скорого свидания, доктор Бишоп.

— Ты пробуждаешь в окружающих стремление тебя защищать, — сказал Мэтью, выходя со мной из ворот.

— Куда отправимся? — Машины на улице не было.

— Сегодня ужинаем в колледже. — Он показал куда-то в сторону Бодли.

Принимая его приглашение, я ориентировалась на Вудсток или квартиру в бывшем викторианском особняке Северного Оксфорда — мне и в голову не пришло, что Мэтью может жить в одном из колледжей.

— За общим столом?! — Чувствуя, что опять оделась несообразно, я нервно одернула черную шелковую блузку.

— Этого я избегаю, насколько возможно, — со смехом заверил Мэтью. — И уж конечно не стал бы усаживать тебя за сей Круглый стол на «гибельное седалище».

Когда мы миновали Камеру Рэдклиффа и вход в Хэртфорд-колледж, я придержала Мэтью за локоть. Есть в Оксфорде колледж, известный своей эксклюзивностью и строгим соблюдением протокола — как и своим блестящим составом.

— Быть того не может!

— Разве это так важно? Если ты хочешь быть среди людей... — сказал Мэтью, глядя куда-то вбок.

— Я не опасаюсь, что ты мною собрался поужинать, — просто никогда не была внутри.

Узорные ворота охраняли колледж, будто Страну чудес. Мэтью с нетерпеливым вздохом взял меня за руку и помешал туда заглянуть.

— Всего лишь старые здания и их обитатели. — Но никакие его слова не могли отменить того факта, что он один из примерно семидесяти профессоров в колледже, где студентов нет вовсе. — И мы сразу пройдем ко мне.

Мы вошли в низкую деревянную дверцу. С каждым шагом у Мэтью прибавлялось спокойствия. Привратник безмолвствовал, скамейки во дворике пустовали — настоящее обиталище «душ всех честных христиан, принявших свою кончину в университете города Оксфорда».

— Добро пожаловать в колледж Всех Душ, — с застенчивой улыбкой произнес Мэтью.

Колледж Всех Душ, шедевр поздней готики, своими воздушными шпилями и каменным кружевом напоминал плод любви собора и свадебного торта. Я восхищенно вздохнула, решив, что еще потребую объяснений от Мэтью.

Привратник кивнул нам, глядя поверх очков.

— Добрый вечер, Джеймс. — Мэтью показал ему старинный ключ на кожаной петле, болтавшийся на его указательном пальце. — Я на минутку.

— Да, профессор Клермонт.

Мэтью снова взял меня за руку:

— Пошли. Займемся твоим образованием.

Он походил на озорного мальчишку, играющего в поиски клада. За древней, почерневшей от возраста дверью он включил свет. Его белое лицо выступило из мрака — вампир, несомненный вампир.

— Хорошо еще, что я колдунья. Человека ты напугал бы до смерти.

Мы спустились по лестнице, и Мэтью набрал на пульте несколько цифр и звездочку. С тихим щелчком отворилась еще одна дверь. За ней было темно. Пахнуло чем-то древним, плесневелым, непонятным.

— А это уж совсем из готического романа. Куда ты меня ведешь?

— Потерпи еще немного, Диана.

Терпение, увы, никогда не было сильной стороной женщин из рода Бишопов.

Протянув руку над моим плечом, Мэтью нашел выключатель. Древние лампочки, болтающиеся на своих проводах, словно циркачи на трапеции, осветили нечто похожее на стойла для миниатюрных шетландских пони.

— После вас, — поклонился Мэтью, отвечая на мой вопросительный, мягко говоря, взгляд.

Я узнала запах: здесь пахло выдохшимся спиртным, как в пабе воскресным утром.

— Вино?

— Вино.

Бутылки хранились на полках, в ящиках, в штабелях. На грифельной дощечке у входа в каждую загородку был мелом надписан год. Мы шли мимо вин времен Первой и Второй мировых войн и мимо тех, которые, вполне вероятно, еще Флоренс Найтингейл[1] отправляла в Крым, мимо вин, разлитых в год постройки Берлинской стены и в год ее разрушения. В глубине подвала меловые даты сменились обозначением категорий вроде «старого кларета» или «винтажного портвейна».

В самом конце мы уперлись в дюжину запертых дверок. Мэтью отпер одну из них. Здесь электричества не было, но он уверенно зажег свечу в медном подсвечнике.

Внутри все могло бы посоперничать аккуратностью с самим Мэтью, если не считать слоя пыли. Бутылки лежали в деревянных гнездах, позволявших вынуть одну, не обрушив все остальные. На полу виднелись красные пятна от проливаемого год за годом вина. Пахло брожением, пробкой и чуть-чуть плесенью.

— Это твое? — спросила я недоверчиво.

— Мое. У некоторых членов есть свои погреба.

---

[1] *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) — родоначальница английских сестер милосердия.

— Что здесь есть такого, чего бы не было там? — Я оглянулась на большой погреб, рядом с которым лучший винный магазин Оксфорда выглядел убогим и каким-то стерильным.

— Много всего, — загадочно улыбнулся Мэтью.

Он прошелся по своему погребу, вытаскивая то одну, то другую бутылку, и наконец протянул мне тяжелую бутыль с проволочной сеткой на пробке и этикеткой в виде золотого щита. Шампанское «Дом Периньон».

За ней последовала другая, темно-зеленая, где на простой этикетке черным по белому значилось «1976».

— Год моего рождения!

Мэтью извлек еще две. Одна, с изображением французского замка на восьмиугольной наклейке, была запечатана красным воском, другая, черная и кособокая и без наклейки, — чем-то вроде смолы. К ее горлышку обрывком грязной бечевки был привязан ярлычок из желтой бумаги.

— Вот так, пожалуй. — Мэтью задул свечу и запер за нами дверь, держа обе бутылки свободной рукой. Мы выбрались наверх из пропахшего вином подвала. — Вечер обещает быть славным. — Нагруженный вином Мэтью прямо-таки сиял.

Его комнаты в чем-то превзошли мои ожидания, в чем-то недотянули до них. Они были меньше, чем моя квартира в Новом колледже, и помещались на самом верху одного из старейших корпусов колледжа Всех Душ. В них было полно скошенных углов, и, несмотря на высокие потолки, позволявшие Мэтью ходить не сгибаясь, комнаты казались низковатыми для него. Он все время наклонялся в дверях, а подоконники ему приходились не выше бедер.

Но обстановка щедро возмещала недостаток пространства. На выцветшем обюссонском ковре стояла настоящая морриссовская мебель. Архитектура пятнадцатого века, ковер восемнадцатого и грубо отесанный дуб девятнадцатого прекрасно сочетались между собой, придавая квартире атмосферу эдвардианского клуба для джентльменов.

В большой комнате стоял огромный обеденный стол. На одном его конце, помимо газет и книг, лежали аккуратными стопками разные академические бумажки: меморандумы, научные журналы, просьбы написать рецензию или статью. Каждую

стопку прижимал к столу свой груз: тяжелое стеклянное пресс-папье, древний кирпич, бронзовая медаль (не иначе, академическая награда), даже короткая кочерга. Другой конец застилала полотняная скатерть, уставленная роскошными георгианскими серебряными подсвечниками — я такие видела только в музеях. Сервировка состояла из простых белых тарелок, разнообразных винных бокалов и георгианского же столового серебра.

— Прелесть какая! — воскликнула я.

Ни единой вещи здесь не принадлежало колледжу — во всем чувствовался Мэтью, и только Мэтью.

— Присаживайся. — Он забрал бутылки из моих ненадежных рук и отнес их в крохотную комнатушку, напоминающую скорее стенной шкаф. — В колледже Всех Душ не поощряется еда в комнатах, — сказал он, видя, как я рассматриваю его скудную кухоньку, — так что не суди строго.

Я не сомневалась, что меня ждет изысканнейший ужин.

Поставив шампанское в серебряное ведерко со льдом, Мэтью сел в соседнее с моим уютное кресло у камина, который, конечно же, не горел.

— Жаль, что в Оксфорде огонь теперь под запретом. Раньше, когда все камины топились, здесь пахло как на пожаре.

— Давно ты в Оксфорде? — Я надеялась, что он не сочтет мой откровенный вопрос вторжением в его прошлые жизни.

— Последний приезд датируется тысяча девятьсот восемьдесят девятым годом. — Мэтью блаженно вытянул длинные ноги. — Поступил в Ориель как студент, потом стал аспирантом. Выиграл почетную стипендию в колледже Всех Душ и перешел сюда. Когда получил докторскую, меня избрали действительным членом.

Мэтью не переставал меня удивлять: почетная стипендия присуждалась всего двум аспирантам в год.

— В этом колледже ты впервые? — Я прикусила губу, он засмеялся.

— Давай посчитаем. — Он начал загибать пальцы. — Я состоял — по разу — в штате Мёртона, Магдалины, Университетского. Дважды — в Новом колледже и Ориеле. Колледж Всех Душ обратил на меня внимание только теперь.

Прибавим к этому Кембридж, Париж, Падую, Монпелье — уверена, что Мэтью Клермонт числился там под тем или другим именем. Сколько же ученых степеней он заслужил на своем веку? Что изучал и кем были его однокашники?

— Диана, ты меня слышишь? — весело вторгся он в мои мысли.

— Извини. — Я закрыла глаза, сжала руки на коленях. — Это как болезнь: не могу сдержать любопытства, когда ты предаешься воспоминаниям.

— Знаю. Это одна из сложностей, с которыми сталкивается вампир, общаясь с колдуньей и к тому же историком. — Мэтью насмешливо скривил губы, но глаза его мерцали, как черные звезды.

— Чтобы избежать этих трудностей в будущем, не ходи в палеографическую секцию Бодли, — съязвила я.

— Одного историка мне пока вполне хватит. — Мэтью плавно встал с места. — Я спрашивал, голодна ли ты.

И зачем он вечно спрашивает? Когда это у меня не было аппетита?

— Еще как! — Я попыталась выбраться из моррисовского кресла.

Мэтью подал мне руку и помог встать.

Мы стояли очень близко, почти вплотную. Я смотрела на вифанийский медальон под его свитером, его взгляд осыпал меня снежинками.

— Чудесно выглядишь.

Я наклонила голову, и неизбежная прядка тут же упала на лицо. Мэтью, привычным жестом поправив ее, приподнял волосы у меня на затылке и пропустил сквозь пальцы, как воду. Я вздрогнула от холодного дуновения.

— Мне так нравятся твои волосы. В них столько оттенков, даже рыжее с черным. — Он втянул в себя воздух, словно уловил новый запах.

— Чем пахнет? — сипло спросила я, по-прежнему не смея взглянуть на него.

— Тобой.

Я подняла глаза:

— Не приступить ли нам к ужину?

Сосредоточиться на еде, конечно, было трудновато, но я старалась. Мэтью пододвинул мне стул с тростниковым сиденьем. С этого места мне было видно всю его красивую комнату. Хозяин достал из миниатюрного холодильника две тарелки, где на подстилке из колотого льда лежало по шесть свежих устриц.

— Продолжаем работать над твоим образованием. Лекция номер один — устрицы и шампанское. — Подняв палец, как дон, рассуждающий на любимую тему, Мэтью достал из ведерка шампанское и одним движением вытащил пробку.

— У меня это не так легко получается, — сказала я, глядя на его сильные пальцы.

— Если хочешь, могу научить тебя извлекать пробки шпагой. Или ножом, когда шпаги под рукой нет, — ухмыльнулся он и плеснул немного в бокалы; шампанское запенилось, искрясь при свечах. — A la tienne[1].

— A la tienne. — Я подняла в ответ свой узкий бокал, глядя, как лопаются на поверхности пузырьки. — Почему они такие крошечные?

— Потому что вино старое. Шампанские вина, как правило, пьются гораздо раньше, но я люблю старое, люблю вспоминать его прежний вкус.

— Сколько же ему лет?

— Больше, чем тебе. — Мэтью вскрывал устриц голыми руками — обычно для этого требуется острый нож и большое умение — и кидал раковины в стеклянную чашу. — Это урожай тысяча девятьсот шестьдесят первого года. — Он протянул мне тарелку.

— Обещай, что ничего более древнего мы пить сегодня не будем.

У меня дома в бутылке, которую он принес на четверговый ужин, стояла на прикроватной тумбочке последняя из его белых роз.

— Если и будем, то ненамного древнее, — усмехнулся он.

Я опрокинула в рот содержимое первой раковины и выпучила глаза от вкуса Атлантики.

---

[1] Твое здоровье *(фр.)*.

— Теперь запей. — Мэтью смотрел на меня поверх своего бокала. — Как ощущение?

Вино и устрицы сочетались с морской солью абсолютно колдовским образом.

— У меня во рту океан. — Я отпила еще.

Доев устрицы, мы принялись за салат, содержащий всевозможные виды дорогой зелени, орехи и ягоды. Мэтью заправил его тут же на месте, смешав винный уксус с оливковым маслом. Салат украшали крошечные кусочки мяса — это оказалось мясо куропаток из угодий Олд-Лодж. Это блюдо мы запивали вином моего года. Пахнущее дымом и лимонной мастикой для пола, оно имело ирисочно-меловой вкус.

Следующим блюдом было жаркое — телятина с яблоками и сливками, под соусом, на гарнире из риса. Мэтью улыбнулся, когда я раскусила терпкий яблочный ломтик:

— Старый нормандский рецепт. Тебе нравится?

— Не нахожу слов. Сам готовил?

— Нет, шеф-повар из ресторана «Олд парсонейж». Дал мне подробные инструкции, как не сжечь это чудо, разогревая дома.

— Можешь всегда разогревать для меня еду. Но ты ничего не ешь?

— Потому что не голоден. — Немного понаблюдав за мной, он принес из кухни запечатанную красным воском бутылку, распечатал, откупорил, сказал «превосходно» и перелил алую жидкость в графин.

— Уже чувствуешь запах? — Я еще не до конца представляла, насколько сильны его обонятельные рецепторы.

— О да. Это особенное вино. — Он налил понемногу мне и себе. — Хочешь попробовать нечто волшебное? — (Я кивнула.) — «Шато-марго» знаменитого урожая. По мнению некоторых знатоков, лучшее из всех красных вин, когда-либо существовавших на свете.

Подражая Мэтью, я сунула нос в бокал. Запахло фиалками. В бархатном вкусе ощущались молочный шоколад с вишней — а еще, как ни странно, давние отголоски прокуренного отцовского кабинета и карандашной стружки в точилке. Самый последний оттенок напомнил мне Мэтью.

— У него вкус как у тебя! — объявила я.

— То есть?

— Пряный, — уточнила я, покраснев до корней волос.

— И только?

— Нет. Оно пахнет фиалками — я думала, что и вкус будет такой же, но после распробовала. А по-твоему как?

Его реакция занимала меня куда больше и смущала куда меньше, чем моя собственная. Мэтью понюхал вино, поболтал его в бокале, попробовал.

— Да, фиалки — тут я с тобой согласен. Пурпурные засахаренные фиалки, из любви к которым Елизавета Тюдор испортила себе зубы. — Он сделал еще глоток. — Дым хороших сигар — такие курили в клубе «Мальборо», когда там бывал принц Уэльский. Ежевика, собранная возле живых изгородей у конюшен Олд-Лодж. Красная смородина, настоянная на бренди.

Вампиры — сюрреалистические создания. Дело не только в том, что Мэтью способен видеть и слышать то, что мне недоступно, а в остроте и точности его восприятия. Не просто ежевика, а собранная тогда-то и там-то.

Пока Мэтью пил вино, я разделалась с мясным блюдом, подставила свой бокал под огни свечей и спросила шутливо:

— А какой, по-твоему, вкус у меня?

Мэтью, побелев еще больше, вскочил. Салфетка упала на пол, на лбу у него вздулась жилка.

Я брякнула что-то не то.

В мгновение ока он оказался рядом, схватил меня выше локтей и вздернул со стула.

— Мы не обсудили еще одну вампирскую байку, согласна? — Он смотрел странно, его лицо внушало страх. Я попыталась вырваться, но он держал крепко. — О вампире, который так влюбляется в женщину, что не может себя сдержать.

Да что же я такого сказала? Мы обменялись вкусовыми впечатлениями, а потом...

— Ой, Мэтью, — пискнула я.

— Хочешь знать, что я почувствую, отведав тебя на вкус? — Его голос стал до отвращения низким, почти утробным.

Он отпустил меня и тут же погрузил руки мне в волосы, упершись большими пальцами в основание черепа. От этих холодных прикосновений по мне разливалось оцепенение. Не

могла же я опьянеть от двух бокалов вина. Он, наверно, чем-то меня одурманил — как иначе это объяснить?

— Меня пленяет не только твой запах. Я слышу, как струится по жилам твоя колдовская кровь. — Мэтью приблизил холодные губы к моему уху, обдавая меня сладким дыханием. — Она поет — известно это тебе? Твоя кровь, подобно сирене, завлекающей моряка на скалы, может привести к гибели и меня, и тебя. — Его тихий доверительный голос проникал прямо в мозг.

Губы вампира коснулись моей скулы, двинулись дальше. Кожа под ними леденела и тут же вспыхивала огнем.

— Мэтью, — выдохнула я и закрыла глаза.

Горло перехватило. Я ждала, что он вот-вот вопьется мне в шею, но шевельнуться не могла, да и не хотела.

Вопреки ожиданиям его губы прижались к моим, руки обняли меня, пальцы бережно обхватили голову. Мой рот приоткрылся; ладони, прижатые к его груди, ощутили один-единственный удар сердца.

Когда оно ударило, поцелуй стал другим. Мэтью больше не нападал — его голод преображался в сладость и горечь. Он медленно взял в ладони мое лицо и нехотя отстранился. Я впервые услышала его дыхание, совсем не похожее на человеческое, — могучие вампирские легкие тихо и прерывисто пропускали через себя ничтожные порции кислорода.

— Я воспользовался твоим страхом. Каюсь, — прошептал он.

Я стояла, не открывая глаз, все еще чувствуя себя одурманенной. Его гвоздика с корицей разогнали запах фиалок.

— Тихо! — резко сказал Мэтью, когда я шевельнулась в его объятиях. — Я могу не совладать с собой, если ты начнешь вырываться.

В лаборатории он предупреждал меня об отношениях между охотником и добычей — теперь заставлял притворяться мертвой, чтобы хищник в нем потерял интерес.

Но я была живой, а не мертвой.

Открыв глаза, я увидела его лицо, выдававшее алчность и голод. Сейчас он повиновался инстинкту, но инстинкты были и у меня.

— Ты для меня не опасен, — выговорила я замерзшими и в то же время пылающими губами, не привыкшими к вампирскому поцелую.

— Вампир не опасен для колдуньи? Не будь так уверена. Здесь все решает мгновение. Если я нападу, то уже не остановлюсь, и ты меня тоже не остановишь. — Мы, не мигая, смотрели друг другу в глаза. — А ты смелая, — удивленно промолвил Мэтью.

— Отродясь такой не была.

— А кто сдавал кровь вампиру? Кто без страха смотрит ему в глаза? Кто выпроводил из библиотеки нелюдей и ходит туда день за днем, отказываясь подчиняться кому бы то ни было? Это все называется смелостью.

— Простое упрямство. — Сара давным-давно объяснила мне разницу.

— Я уже встречал такую отвагу — большей частью у женщин. Мужчины только бравируют, прикрывая этим свой страх.

Его взгляд порхал по мне, оставляя на коже тающие снежинки. Протянув палец, он снял с моей ресницы слезу, осторожно усадил меня и присел на корточки перед стулом. Его руки — одна на подлокотнике, другая на моем колене — обхватывали меня, как заветный круг.

— Обещай никогда не шутить с вампирами — даже со мной — о крови и о том, какова ты на вкус.

— Прости, — сказала я шепотом, заставив себя не отводить взгляд.

— За что? Я уже понял, что о вампирах ты почти ничего не знаешь. Запомни одно: ни у одного вампира нет иммунитета против такого соблазна. Совестливые вампиры почти все свое время стараются не думать о том, каковы на вкус их собратья по разуму. Если же ты встретишь бессовестного — которых полным-полно, — то помоги тебе Бог.

— Я сказала, не подумав. — Думать я не могла до сих пор — меня переполняла память о его поцелуе, его ярости, его почти осязаемом голоде.

Он прислонился головой к моему плечу. Вифанийский гробик выпал из-за ворота и закачался, блестя при свечах.

— Вампиры и колдуны не созданы для таких чувств, — заговорил он едва слышно. — Я ничего подобного еще...

— Знаю. — Я прижалась щекой к его волосам, на ощупь таким же шелковистым, как и на вид. — Со мной то же самое.

Руки Мэтью, ограждавшие меня, сомкнулись на моей талии. Холод пробрал меня сквозь одежду, но я не дрогнула и придвинулась еще ближе, положив руки ему на плечи.

Вампиры, очевидно, могут оставаться в такой позе сутками, но для простой колдуньи это не вариант.

— Совсем забыл, — смущенно сказал Мэтью, когда я зашевелилась, и встал.

Кровообращение понемногу восстанавливалось в моих затекших ногах.

Мэтью подал мне бокал. Когда он вернулся на место, я попыталась направить его мысли в другое русло — отвлечь от предположений, какова я могу быть на вкус.

— Когда ты сдавал на почетную стипендию, каким был пятый вопрос?

Кандидатам, умудрившимся ответить письменно на четыре немыслимо глубоких и сложных вопроса, задают знаменитый пятый. Это всего одно слово, например «отсутствие» или «вода». Кандидат сам решает, как отвечать, и лишь ответивший с блеском выигрывает стипендию.

Мэтью перегнулся через стол (не загоревшись при этом от пламени свечи), подлил мне вина и сказал, избегая смотреть в глаза:

— Желание.

Отвлекла, называется.

— И что же ты написал?

— Наш мир, как я полагаю, держится только на двух эмоциях. Одна — это страх, другая — желание. Так примерно и написал.

О любви он не упомянул. Довольно жуткая картина — словно перетягивают канат два противоположных, но равных по силе импульса. Однако похоже на правду, в отличие от расхожего штампа «миром правит любовь». Мэтью продолжал намекать, что желание — в его случае жажда крови — способно принести в жертву все остальное.

Но не только вампирам приходится перебарывать свои импульсы. Многое из того, что именуется магией, представляет собой желание, обращенное в действие. Колдовское искусство требует ритуалов и заклинаний, но чистая магия — это желание, нужда, мучительный голод.

И раз уж Мэтью готов открыть мне свои секреты, нечестно умалчивать о своих.

— Магия — это осуществленное желание. Помнишь тот вечер, когда мы с тобой впервые увиделись? Я тогда осуществила свое желание, достав «Ноутс энд квайериз» с полки. Колдун, сосредоточившись на том, чего хочет, и представив, как это можно осуществить, может добиться желаемого. Вот почему мне приходится соблюдать такую осторожность в работе. — Я подняла дрожащей рукой бокал, сделала глоток.

— Значит, ты, совсем как я, все время стараешься ничего не желать. По тем же, в общем, причинам. — Снежный взгляд Мэтью порхнул по мне.

— Хочешь сказать, что я боюсь не остановиться, если начну? Это верно. Не хочу, оглядываясь на прожитую жизнь, понимать, что получала незаслуженно все, что хотела.

— И потому заслуживаешь все это дважды. В первый раз — отказываясь что-то взять просто так, во второй — трудясь и прилагая усилия, — с невеселым смешком подытожил Мэтью. — Не так уж здорово быть сверхъестественным существом, выходит?

Предложив перейти к камину, он поставил на столик рядом с диваном ореховое печенье. Потом принес с кухни последнюю бутылку, уже откупоренную, и вручил мне бокал с янтарным напитком.

— Закрой глаза и понюхай, — распорядился он на манер университетского дона.

Я послушно зажмурилась. Вино показалось мне старым и в то же время живым. Пахло оно цветами, орехами, засахаренными лимонами и чем-то давним, минувшим, известным мне только из книг.

— Пахнет прошлым, но не мертвым, а полным жизни.

— Теперь открой глаза и попробуй.

С первым же глотком в мою кровь влилось нечто древнее и могущественное. У этого вина вкус вампирской крови, подумала я, но благоразумно не стала говорить это вслух.

— Скажи наконец, что это.

— Мальвазия, — усмехнулся Мэтью. — Очень старая.

— Насколько старая? — спросила с подозрением я. — Твоя ровесница?

— Нет, — засмеялся он. — Такую старину никто не захочет пить. Этот урожай был собран в тысяча семьсот девяносто пятом году на Мадейре. Мальвазия, когда-то столь популярная, теперь уже вышла из моды.

— Вот и хорошо, мне больше достанется.

Мэтью опять засмеялся и сел в моррисовское кресло.

Мы говорили о колледже Всех Душ, о Хэмише — ставшем вторым почетным стипендиатом в один год с Мэтью, — об их приключениях в Оксфорде. Я хохотала, слушая, как Мэтью, отужинав за общим столом, каждый раз сбегал в Вудсток, чтобы избавиться от вкуса тушеной говядины.

— У тебя усталый вид, — заметил он через час, после второго бокала мальвазии.

Я в самом деле устала, но перед уходом должна была сказать ему еще кое-что.

— Мэтью, я приняла решение. В понедельник попробую заказать «Ашмол-782» еще раз.

Мэтью, привставший было, так и упал в кресло.

— Я не знаю, как тогда сняла чары, но попытаюсь сделать это опять. Нокс не очень верит, что у меня получится, но откуда ему знать? Ему-то ни разу не удалось. А ты, возможно, сумеешь прочитать скрытый текст волшебного палимпсеста.

— Не знаешь, как сняла чары? — наморщил лоб Мэтью. — Но ты же что-то делала, произносила слова...

— Я сняла их, сама об этом не ведая.

— Господи боже, Диана! — Он вскочил на ноги. — Нокс знает?

— Если и знает, то не от меня. Разве это так важно?

— Да. Если ты не ломала чары сознательно, значит рукопись сама открылась тебе. Все создания сейчас следят за тобой

в надежде подглядеть твои заклинания, скопировать их и самим заполучить книгу. Сообразив, что ты ни к чему такому не прибегала, они не будут столь терпеливы.

В памяти всплыло сердитое лицо Джиллиан, вспомнились ее рассказы о колдунах, пытавшихся выведать секреты у моих родителей. Мне стало дурно, и я отмела эти образы в сторону и стала думать, что возразить Мэтью.

— Это невозможно. Чары наложили за целый век до того, как я родилась.

— Невозможно — не значит неверно. Ньютон хорошо это знал. Нельзя предугадать, что сделает Нокс, открыв связь между тобой и этими чарами.

— Нокс все равно не оставит меня в покое, закажу я рукопись или нет.

— Не оставит, — нехотя признал Мэтью. — И не задумываясь применит магию против тебя, даже у людей на глазах. Я могу не успеть вмешаться.

Да. Магия действует быстро, даже вампирам за ней не поспеть.

— Мы с тобой сядем поближе к выдаче. И увидим, как только рукопись доставят.

— Не нравится мне это, — хмурился Мэтью. — Есть граница между смелостью и безрассудством, Диана.

— Это не безрассудство, я просто хочу вернуть себе прежнюю, нормальную жизнь.

— А если для тебя нормальна как раз эта жизнь, новая? Если ты не в силах сдерживать свою магию?

— Придется кое с чем примириться. — Вспомнив поцелуй и ощущение бурлящей жизненной силы, я посмотрела ему прямо в глаза: пусть знает, что это относится и к нему. — Но терроризировать себя я не позволю.

Мэтью, все еще обеспокоенный, пошел меня провожать и не пустил на Нью-Колледж-лейн, к заднему входу.

— Ну уж нет. Видела, как на меня смотрел ваш портье? Он должен знать, что я благополучно доставил тебя домой.

Мы свернули на неровный тротуар Холиуэлл-стрит, миновали паб «Терф» и проследовали мимо бдительного портье рука об руку.

— Пойдешь завтра грести? — спросил Мэтью возле моей лестницы.

— Нет, — простонала я. — Надо написать тысячу рекомендательных писем. Буду сидеть дома и разделываться с долгами.

— А я поеду в Вудсток охотиться, — небрежно бросил он.

— Удачной тебе охоты, — с той же легкостью ответила я.

— Тебя не волнует, что я буду травить оленя? — опешил вампир.

— С чего бы? Я иногда ем куропатку, а ты — оленя. Не вижу особой разницы.

Мэтью медленно поднял мою руку к губам и поцеловал в ладонь, в самую ямку.

— Ну все, отправляйся спать. — Его глаза осыпали меня снегом с головы до ног.

— Спокойной ночи, — выдохнула я, пораженная чувственностью этого невинного поцелуя. — До понедельника.

Тот, кто ремонтировал мой замок, сильно поцарапал и дерево, и металл. Я включила свет — автоответчик, конечно, мигал, — помахала Мэтью в окно.

Когда я пару секунд спустя выглянула на улицу, его уже не было.

Глава 15

В понедельник, увидев за окном чудесное свежее осеннее утро, я натянула лодочный костюм и побежала вниз. Время как будто замерло.

Целый час я пробыла на реке одна. Взошло солнце и подсветило туман, так что я гребла через полосы белой дымки и розовые солнечные блики.

Мэтью ждал меня на ступеньках, ведущих к террасе нашей лодочной пристани. На шее у него болтался старый шарф в бело-коричневую полоску Нового колледжа.

Я вылезла из лодки, подбоченилась, окинула вампира недоверчивым взглядом:

— Где ты взял эту штуку?

— Имей уважение к старым выпускникам. — Он с озорной усмешкой перекинул шарф через плечо. — Я купил его, кажется, в двадцатом году — Первая мировая, во всяком случае, уже кончилась.

Качая головой, я отнесла в сарай весла, вернулась за лодкой. Мимо пронеслись две восьмерки. Мне стоило некоторого труда водрузить ялик себе на голову.

— Давай помогу, — предложил Мэтью сверху.

— Не надо.

Он проворчал что-то мне вслед. В виде компенсации я сразу согласилась позавтракать с ним в кафе Мэри и Дэна. Мы все равно собирались весь день сидеть рядом, а я после гребли сильно проголодалась. Мэтью, лавируя между столиками, крепче прежнего придерживал меня за локоть, а другой рукой обнимал за талию. Мэри отнеслась ко мне как к старому другу, а Стеф, не заморачиваясь с меню и не задавая вопросов, бросила «как

обычно». При виде яичницы с беконом, грибами и помидорами я порадовалась, что не настояла на чем-то менее плотном.

После завтрака — снова к себе, принять душ и переодеться. Фред выглянул посмотреть, чья машина стоит у ворот — Мэтью или кого-то другого. Оба привратника наверняка держали пари, как будут развиваться наши с ним до странности церемонные отношения. Сегодня я впервые уговорила своего провожатого высадить меня у колледжа.

— День на дворе, и у Фреда будет припадок, если ты заблокируешь ему ворота в доставочный час.

Мэтью нахмурился, но ради здоровья привратника согласился расстаться со мной напротив ворот.

Все привычные действия этим утром я совершала медленно и обдуманно. Долго стояла под душем, поливая усталые мышцы горячей водой. Потом все так же неспешно облачилась в удобные черные брюки, свитер с высоким воротом (в библиотеке день ото дня холодало) и среднепрезентабельный темно-синий кардиган, чтобы разбавить черноту. Волосы собрала в конский хвост на затылке, запихав за ухо вредную короткую прядь.

Напрасные усилия: в библиотеку я вошла взвинченная. Охранник, настороженный непривычной улыбкой, очень долго сверял мое лицо с фотографией на билете.

С Мэтью я рассталась всего час назад, но обрадовалась, увидев его на пыточном стуле в первых рядах средневекового отделения. Он поднял глаза, когда я поставила свой ноутбук на поцарапанный елизаветинский стол.

— Он здесь? — спросила я шепотом, не желая поминать Нокса вслух.

— В Селден-Энде, — сурово кивнул Мэтью.

— Вот пусть там и сидит. — Взяв из лотка на выдаче чистый бланк, я вписала «Ашмол-782», свою фамилию и читательский номер. — Две книги в резерве, — напомнила я с улыбкой.

Шон вынес мои рукописи, протянул руку за новым требованием, положил бланк в потертый картонный конверт.

— Можно тебя на минуту? — спросил он.

— Конечно. — Сделав Мэтью знак оставаться на месте, я вышла с Шоном через распашные воротца в Артс-Энд, расположенный, как и Селден-Энд, перпендикулярно старому залу.

Сквозь окна в мелком переплете проникал слабый солнечный свет.

— Он тебе сильно надоедает?

— Профессор Клермонт? Нисколько.

— Это, конечно, не мое дело, но мне он не нравится. — Шон тревожно посмотрел в его сторону, словно боясь, что Мэтью сейчас выпрыгнет из-за стола. — Последние пару недель нас просто осаждают разные странные личности.

Этого я отрицать не могла и пробурчала нечто сочувственное.

— Ты мне скажешь, если что-то пойдет не так?

— Обязательно, Шон, но с профессором Клермонтом все в порядке. Не беспокойся на его счет.

Моего старого приятеля это не убедило.

— Шон, похоже, чувствует, что я чем-то от него отличаюсь, но все-таки не настолько, как ты, — сказала я Мэтью, вернувшись к столу.

— Со мной трудно тягаться, — проронил он и вновь погрузился в чтение.

Я включила компьютер и попыталась сосредоточиться на работе, зная, что рукописи из хранилища придется ждать долго. Но какая уж тут алхимия, когда сидишь между вампиром и столом выдачи, вздрагивая каждый раз, как доставляют очередной заказ.

После очередной ложной тревоги кто-то направился к нам со стороны Селден-Энда. Мэтью напрягся.

— Доктор Бишоп, — поздоровался Питер Нокс, остановившись возле меня.

— Мистер Нокс, — с той же прохладцей ответила я, глядя в книгу.

Он подступил еще ближе.

— Я бы не советовал приближаться, пока доктор Бишоп сама не захочет с вами поговорить, — тихо произнес Мэтью, не поднимая глаз от бумаг Нидема.

— Я сейчас занята. — Лоб сдавило, а в голове послышался шепот. Вся моя энергия уходила на то, чтобы не пускать колдуна в свои мысли. — Слышите, мистер Нокс? Занята.

Мэтью положил карандаш и встал.

— Мистер Нокс сейчас уйдет, Мэтью. — Я напечатала на компьютере нечто бессвязное.

— Надеюсь, вы понимаете, что делаете, — процедил колдун.

Мэтью тихо зарычал, я коснулась его руки ладонью. Нокс, чьи подозрения сменились уверенностью, уставился на место соприкосновения.

Вы рассказали ему все, что вам известно о нашей книге, сказал его злобный голос у меня в голове. Он был сильнее меня — когда он сокрушил мою защиту, я только ахнула.

Встревоженный Шон поднял голову. Рука Мэтью чуть задрожала: из груди у него рвался глухой грозный рык.

— И кто же из нас привлекает к себе внимание? Люди смотрят, — прошипела я и стиснула руку Мэтью, давая понять, что его помощь мне не понадобится.

— О людях я бы на вашем месте не беспокоился, доктор Бишоп. К вечеру каждый колдун в Оксфорде будет знать о вашем предательстве.

Мэтью, напружинившись, взялся за свой медальон.

О господи, сейчас он убьет колдуна прямо в Бодли!

— Довольно! — сказала я, встав между ним и Ноксом. — Уходите, иначе я скажу Шону, что вы преследуете меня, и попрошу вызвать охрану.

— В Селден-Энде сегодня чересчур яркий свет — я, пожалуй, перейду в эту часть зала, — отозвался Нокс и ушел.

Мэтью убрал мою руку и стал собираться:

— Уходим.

— Э нет. Мы дождемся книги.

— Ты что, не слышала? Он тебе угрожал! Мне не нужен манускрипт, если...

Я усадила его на место. Шон держал руку над телефоном — я, улыбаясь ему, покачала головой.

— Сама виновата: не надо было прикасаться к тебе при нем.

Холодные пальцы Мэтью приподняли мой подбородок.

— Ты жалеешь о том, что ко мне прикоснулась, или о том, что это видел колдун?

— Вообще ни о чем. — (Серые глаза из грустных сделались удивленными.) — Хотя ты наверняка сочтешь меня безрассудной.

Нокс пришел из Селден-Энда и разместился через несколько столов от нас. Мэтью сжал мой подбородок чуть крепче:

— Если он скажет еще хоть слово, сразу уходим. Без споров, Диана.

Вот так — изволь после этого рассматривать алхимические картинки.

В голове без конца крутились слова Джиллиан насчет колдунов, утаивающих секреты от других колдунов, и обещание Нокса ославить меня предательницей. Когда Мэтью предложил пойти на обед, я отказалась. Рукопись до сих пор не принесли — ее могут доставить без нас, а Нокс тут как тут.

— Ты же видел, сколько я съела на завтрак, — сказала я. — Теперь долго не захочу.

В поле зрения появился мой даймон-кофеман, покручивающий наушниками на проводе.

— Привет! Рад вас снова видеть. Можно я почту проверю, раз колдун тут сидит?

— Как вас зовут? — спросила я, пряча улыбку.

— Тимоти. — Он покачался на каблуках разномастных ковбойских сапог — один черный, другой красный. Глаза у него тоже были разные: зеленый и голубой.

— Идите проверяйте, Тимоти.

— Класс! — Он щелкнул пальцами, развернулся и ушел.

Час спустя мое терпение лопнуло.

— Пора уже книге быть здесь. — Я преодолела шесть футов, отделяющие нас от стола выдачи. Острый ледяной взгляд Мэтью сверлил мои лопатки.

— Шон, посмотри, пожалуйста не пришла ли рукопись, которую я утром заказывала?

— Наверно, она на руках. Для тебя ничего не было.

— Проверь все-таки.

Шон порылся в заказах. К моему было пришпилено «нет на месте».

— Должна быть. Я брала ее пару недель назад.

— Сейчас разберемся. — Шон под взглядом Мэтью постучался в открытую дверь кабинета заведующего.

— Рукопись, заказанную доктором Бишоп, пометили как отсутствующую, — сказал он, показывая мой бланк.

Мистер Джонсон, раскрыв книгу, в которую вносили записи много поколений заведующих, провел пальцем по строчкам.

— А, да. «Ашмол-782». Отсутствует с тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, микрофильма нет.

Мэтью со скрежетом отодвинул от стола свой стул.

— Пару недель назад я видела ее собственными глазами!

— Быть того не может, доктор Бишоп. — Глаза мистера Джонсона моргнули за толстыми стеклами. — Никто ее не видел вот уже полтораста лет.

— Доктор Бишоп, можно вас на минутку? — спросил сзади Мэтью.

Я подскочила от неожиданности:

— Да... сейчас. Благодарю, мистер Джонсон.

— Уходим. Немедленно! — прошипел Мэтью.

Разношерстные создания в проходе — Нокс, Тимоти, две сестрицы-вампирши, Джиллиан и еще какие-то, незнакомые, — смотрели на нас крайне неодобрительно. Точно так же смотрели и короли, королевы и другие выдающиеся личности, чьи портреты украшали стены читального зала.

— Не может она пропасть, я ее видела, — бубнила я. — Пусть проверят.

— Ничего об этом не говори и даже не думай. — Мэтью молниеносно собрал мои вещи, сохранил файл, закрыл ноутбук.

Я послушно постаралась выкинуть рукопись из головы и стала перечислять в уме английских монархов, начиная с Вильгельма Завоевателя.

Мимо прошел Нокс, набирая какой-то текст на своем мобильном. За ним сестрицы, еще мрачнее обычного.

— Куда это они?

— Планы меняются — ты ведь так и не получила «Ашмол-782». — Он сунул мне пакет и компьютер, подхватил мои книги, свободной рукой направил меня к столу Шона.

Тимоти печально помахал нам из Селден-Энда, сделал знак «мир вам» и скрылся.

— Мы с доктором Бишоп уходим, Шон, — она согласилась помочь мне с проблемой, которую я обнаружил в бумагах Нидема. Книги ей до конца дня не понадобятся, я сегодня тоже к вам не вернусь.

Шон исподлобья взглянул на Мэтью, аккуратно сложил рукописи и унес их в свою комнатушку.

Мы не обмолвились ни словом, спускаясь по лестнице. Когда мы вышли через стеклянную дверь во двор, я готова была уже взорваться — столько в голове вертелось вопросов.

Питер Нокс прислонился к чугунной ограде вокруг памятника Уильяму Герберту. Мэтью резко остановился и загородил меня собой.

— Вот видите, доктор Бишоп, не получилось, — злорадно промолвил Нокс. — Счастливый случай, как я и предполагал. Даже Бишоп не может разрушить эти чары, не пройдя должного обучения. Разве что ваша мать, но вы, по всей видимости, ее талантов не унаследовали.

Мэтью оскалился, но промолчал, не желая встревать в конфликт между двумя колдунами. Ох, придушит он Нокса когда-нибудь.

— Книга пропала, а таланта ищейки у матери все же не было.

Мэтью приподнял руку, успокаивая меня.

— Она пропала, но вы ее все же нашли. Хорошо, впрочем, что вы не сумели разбить чары во второй раз.

— Почему это?

— Потому что нельзя отдавать нашу историю в руки таких вот животных. Есть причины, по которым колдуны не якшаются с вампирами, доктор Бишоп. Помните, кто вы есть, не то пожалеете.

«У колдуньи не должно быть секретов от других колдунов, ничего хорошего из этого не выйдет».

Я вновь услышала голос Джиллиан, и стены библиотеки сомкнулись вокруг меня. Большим усилием воли я подавила панику.

— Будете ей угрожать, убью на месте. — Голос Мэтью звучал спокойно, но эмоции, судя по испугу случайного туриста, отражались у него на лице.

— Не здесь, Мэтью, — сказала я.

— На колдунов перешли, Клермонт? — насмехался Нокс. — Вампиров и людей вам мало?

— Оставьте ее в покое. — Голос по-прежнему звучал ровно, но я чувствовала, что Мэтью бросится, если Нокс сделает хоть шаг в мою сторону.

— Даже и не надейтесь. Она наша, а не ваша. И рукопись тоже наша.

— Мэтью... — повторила я. Теперь его разглядывал прыщавый мальчишка лет тринадцати, с кольцом в носу. — Люди смотрят.

Он, не оглядываясь, схватил меня за руку. Меня пронизал шок от холода и от мысли, что отныне мы связаны.

— Вы не уберете ее, Клермонт, — с презрительным смехом заявил Нокс. — Мы уж позаботимся, чтобы она вернула нам рукопись.

Мэтью молча протащил меня через двор, вывел на булыжную мостовую рядом с Камерой Рэдклиффа. Коротко выругался при виде запертых ворот колледжа Всех Душ и направился дальше, к Хай-стрит.

— Потерпи еще немного. — Он повернул за угол, кивнул своему привратнику, и мы поднялись к нему в комнаты. Там, как и в субботу, было тепло и уютно.

Мэтью бросил ключи на буфет, бесцеремонно усадил меня на диван, принес из кухни стакан воды. Лицо у него было такое, что я чуть не поперхнулась.

— Почему я не смогла взять рукопись во второй раз? — Меня угнетало, что Нокс оказался прав.

— Зря я пошел против своих инстинктов. — Мэтью стоял у окна, сжимая и разжимая кулак, и не обращал на меня абсолютно никакого внимания. — Мы не знаем, как ты связана с этими чарами. Тебе грозит серьезная опасность с тех пор, как «Ашмол-782» попал к тебе в руки.

— Не слушай Нокса. Он ничего мне не сделает — слишком много вокруг свидетелей.

— Поживешь несколько дней в Вудстоке, чтобы не встретиться с ним случайно в колледже или в Бодли.

— Он был прав: я не могу получить рукопись. Значит, больше я ему не нужна.

— Если бы так, Диана. Нокс хочет проникнуть в тайны «Ашмола-782» не меньше, чем мы с тобой. — Мэтью, всегда такой

безупречный, взъерошил волосы и стал похож на огородное пугало.

— Почему вы оба так уверены, что там заключены какие-то тайны? Может, это самый обыкновенный алхимический труд.

— Алхимия — это история мироздания, зашифрованная в химических терминах, а мы, создания, — химия, спроецированная на биологию.

— Когда писался «Ашмол-782», про биологию еще не слыхали, да и про химию в твоем понимании тоже.

— Диана Бишоп, твоя ограниченность меня поражает! — взъярился Мэтью. — Нелюди, создавшие манускрипт, могли не знать, что такое ДНК, но где доказательство, что они не задавали себе тех же вопросов о мироздании, что и современные ученые?

— Алхимические тексты — это аллегории, а не инструкции по применению. — Я вымещала на Мэтью страх и досаду последних дней. — В них могут содержаться намеки, но полноценный эксперимент на них не построишь.

— Я и не говорил, что это возможно. Но тут потенциальные читатели — колдуны, даймоны и вампиры. У них имеются особые способности к чтению, сверхъестественные силы, давние воспоминания, чтобы заполнить пробелы, — они получат информацию, которую мы не хотим им отдавать.

— Ты не хочешь! — Я вспомнила обещание, которое дала Агате Уилсон. — Чем ты лучше Нокса? «Ашмол-782» нужен тебе, лишь чтобы удовлетворить любопытство. — Я схватилась за сумку. Руки сильно зудели.

— Успокойся!

Властная нотка в его голосе мне не понравилась.

— Хватит командовать! — Зуд усилился, и из моих пальцев посыпались искры — бенгальские огни, да и только.

Я уронила ноутбук и подняла руки вверх.

Мэтью, вопреки ожиданиям, не пришел в ужас.

— И часто с тобой такое? — спросил он самым нейтральным тоном.

— Нет! — Я бросилась на кухню, оставляя за собой огненный хвост, но Мэтью загородил мне дорогу!

— Только не водой. Они электрические, судя по запаху.

Теперь понятно, почему я иногда поджигаю кухни.

Я застыла, держа руки на весу. Через некоторое время огни померкли, и квартиру наполнила вонь сгоревшей проводки.

Мэтью прислонился к дверному косяку с видом позирующего для портрета вельможи времен Возрождения.

— Интересно. — Он смотрел на меня, как ястреб, готовый пасть на добычу. — Ты всегда искришь, когда злишься?

— Я не злюсь.

Мэтью схватил меня за руку и не позволил отвернуться:

— Не так быстро. — Он говорил спокойно, но все с теми же резкими нотками. — Я же вижу, что злишься. Одну дырку в моем ковре ты уж точно прожгла.

— Пусти! — Я сжала рот в, как выражается Сара, куриную гузку — моих студентов это всегда приводило в трепет, хорошо бы и Мэтью проникся или хотя бы отпустил мою руку.

— Я предупреждал, что с вампирами дружить сложно. Я при всем желании не могу тебя отпустить.

Я выразительно посмотрела на его руку. Мэтью, фыркнув, неохотно разжал ее, я потянулась за сумкой.

Никогда не поворачивайтесь спиной к вампиру, с которым вы в ссоре.

Он обхватил меня сзади и прижал к себе. Я чувствовала каждый напрягшихся на его груди мускул.

— А теперь поговорим как цивилизованные создания, — сказал он прямо мне в ухо. — Тебе не уйти от этого разговора — как, впрочем, и от меня.

— Пусти, Мэтью! — забарахталась я.

— Нет.

Ни один мужчина не отвечал мне так, когда я приказывала перестать — перестать ли сморкаться в библиотеке или шарить под моей блузкой после сеанса в кино. Руки Мэтью только крепче сжимались.

— Не бейся так, — беззлобно посоветовал он. — Устанешь гораздо раньше, чем я, уж поверь.

На уроках женской самозащиты нас учили, что делать, если тебя схватят сзади. Я приподняла ногу, но Мэтью быстро убрал свою, и я вогнала каблук в пол.

— Можем так весь день развлекаться, но я не советую: мои рефлексы куда быстрее твоих.

— Отпусти, тогда и поговорим, — процедила я.

Он засмеялся, щекоча мою шею своим пряным дыханием.

— Не выйдет, Диана. Будем говорить на моих условиях. Я хочу знать, как часто твои пальцы пылают синим огнем.

— Редко. — Инструктор показывал еще, как расслабиться и выскользнуть из рук нападающего, но Мэтью лишь крепче сжал объятия. — В детстве пару раз поджигала шкафы на кухне — может, как раз потому, что совала руки под кран и огонь разгорался еще сильнее. Пару раз занавески у себя в спальне. Дерево около дома — маленькое такое деревце.

— А потом, когда выросла?

— На прошлой неделе, когда я рассердилась на Мириам.

— Из-за чего рассердилась? — Мэтью прижался щекой к моему виску.

Приятное ощущение, если бы только не хватал меня против воли.

— Она сказала, чтобы я училась заботиться о себе сама, не полагаясь во всем на тебя. Практически обвинила в том, что я изображаю из себя кисейную барышню. — При одной мысли об этом кровь у меня закипела и в пальцах снова начался зуд.

— Кисейная барышня — это явно не про тебя. Итак, за неделю эта реакция повторилась у тебя дважды. Интересно...

— Не думаю.

— И все-таки интересно. Хорошо, сменим тему. — Я безуспешно попыталась убрать ухо от его губ. — Что это за чушь насчет того, что мне нужна только рукопись?

Я покраснела от стыда:

— Сара и Эм говорят, ты встречаешься со мной потому, что тебе что-то от меня нужно. «Ашмол-782», конечно, что же еще.

— Но ведь это неправда. — Он потерся щекой и губами о мои волосы. Теперь даже я услышала, как запела в ответ моя кровь. Мэтью довольно засмеялся. — Ни минуты не думал, что ты в это веришь, — просто хотел убедиться.

Я обмякла в кольце его рук:

— Мэтью...

— Сейчас я тебя отпущу, — сказал он и сдержал слово. — Только не бросайся во всю прыть к дверям, договорились?

Снова та же игра — добыча и хищник: если я побегу, инстинкты вынудят его гнаться за мной. Я кивнула. Он разжал руки, оставив меня без всякой опоры.

— Что же мне с тобой делать? — Мэтью подбоченился, скривил губы в улыбке. — В жизни еще не встречал такого создания.

— Это да. Никто еще не додумался, что со мной делать.

— Охотно верю. Хорошо, едем в Вудсток.

— Нет! Мне и здесь хорошо. — Мэтью был прав: вампирская забота меня не устраивала.

— Ничего хорошего! Кто-то пытался вломиться к тебе в квартиру.

— Что? — ужаснулась я.

— Замок разболтался, помнишь?

К тому же на нем появились царапины — но Мэтью об этом не надо знать.

— Останешься в Вудстоке, пока Питер Нокс не уедет из Оксфорда.

Вид у меня, должно быть, сделался крайне растерянный, потому что он добавил:

— Зато вся йога будет твоя.

Ну, раз уж Мэтью взял на себя роль телохранителя, деваться мне было некуда. К тому же он, вероятно, прав: кто-то проскочил мимо Фреда и пытался взломать мою дверь.

— Пошли. — Он взял мою сумку с компьютером. — Отвезу тебя в Новый колледж и подожду, пока не соберешься. Но разговор о связи «Ашмола-782» с твоими искрами еще не окончен, — предупредил он, посмотрев мне в глаза.

Мэтью забрал со стоянки «ягуар», стоявший между скромным синим «воксхоллом» и старым «пежо». Ехали мы, учитывая городские ограничения, вдвое дольше, чем шли бы пешком.

— Я быстро, — пообещала я у ворот своего колледжа, перекинув через плечо ремень компьютерной сумки.

— Почта, доктор Бишоп, — сообщил из привратницкой Фред.

Я забрала письма и помахала Мэтью пачкой конвертов. Голова просто раскалывалась от стресса.

В квартире я скинула туфли, потерла виски, посмотрела на автоответчик — он не мигал, к счастью. В почту в дополнение к счетам затесался большой коричневый конверт, адресованный мне. Без штемпеля — значит занес кто-то из университетских. Внутри пришпиленный к чему-то гладкому и блестящему листок с единственным словом:

«Помнишь?»

Дрожащими руками я отцепила записку. Знакомая фотография — только газеты печатали ее в черно-белом варианте, а эта была цветная. Краски остались такими же яркими, как в 1983 году, когда это сняли.

Тело моей матери, лежащее ничком в меловом кругу. Левая нога неестественно вывернута, правая рука тянется к отцу. Тот лежит лицом вверх, голова пробита, грудь и живот вспороты от горла до паха, внутренности частично валяются на земле.

У меня вырвалось нечто среднее между стоном и криком. Я упала на пол, вся дрожа, не в силах оторваться от страшной картины.

— Диана! — отчаянным голосом позвал издали Мэтью.

По лестнице затопали, в замке повернулся ключ, дверь распахнулась.

Надо мной нависли пепельно-серый Мэтью и встревоженный Фред.

— Доктор Бишоп?

Мэтью двигался слишком быстро — сейчас Фред поймет, что имеет дело с вампиром. Клермонт присел передо мной на корточки. Зубы у меня стучали друг о дружку.

— Не отгоните мою машину ко Всем Святым? — спросил он через плечо. — Доктору Бишоп нехорошо, я должен остаться с ней.

— Не беспокойтесь, профессор Клермонт, я ее поставлю на ректорскую стоянку.

Мэтью бросил Фреду ключи. Тот ловко поймал их, взглянул на меня напоследок и вышел.

— Сейчас стошнит, — прошептала я.

Мэтью отвел меня в ванную. Чтобы схватиться за унитаз, пришлось бросить фотографию на пол. После рвоты дрожь несколько унялась, но не прошла окончательно.

Закрыв крышку, я потянулась к смыву. Меня так шатало, что без Мэтью я непременно стукнулась бы о стену.

Он подхватил меня на руки, уложил на кровать, включил свет. Пульс под его прохладными пальцами стал биться медленнее. Я сфокусировалась на его лице, спокойном как всегда, если не считать трепещущей на лбу жилки.

— Сейчас принесу попить.

Он встал, и меня с новой силой охватила паника. Я вскочила. «Беги отсюда, — вопили инстинкты. — Скорей!»

Мэтью схватил меня за плечи, заглядывая в глаза:

— Тихо, Диана.

Желудок подкатывал к легким, воздуха не хватало.

— Пусти! — взмолилась я, упершись руками в грудь Мэтью.

— Диана, посмотри на меня. — (Я не могла долго противиться его голосу, лунному притяжению его глаз.) — В чем дело?

— Мои родители, — пропищала я тонким голосом. — Джиллиан говорит, что они погибли от рук колдунов.

Мэтью произнес что-то на неизвестном мне языке.

— Когда? Где? Эта колдунья что — оставила сообщение на автоответчике? Угрожала тебе? — Его пальцы впились в меня еще крепче.

— Это было в Нигерии. Она говорит, от Бишопов всегда одни неприятности.

— Я поеду с тобой — только сделаю пару звонков. — Мэтью прерывисто вздохнул. — Я глубоко сожалею, Диана.

— Поедешь куда?

— В Африку... на опознание тел.

— Моих родителей убили, когда мне было семь лет.

Он вытаращил глаза.

— Да, очень давно, но колдуны постоянно напоминают об этом — Джиллиан, Питер Нокс. — Меня колотило, в горле нарастал крик. Мэтью прижал меня к себе так крепко, что я ощутила его кости и мышцы, а крик перешел в плач. — С колдуньей, у которой есть секреты, может случиться плохое — так она говорит.

— Пусть себе говорит — я не позволю ни ей, ни Ноксу, ни другим колдунам обидеть тебя. — Он прижался щекой к моим волосам. — Диана, почему же ты мне не сказала?

В моей душе начала медленно разматываться ржавая цепь, долго ждавшая своего часа, ждавшая встречи с ним. Кулаки, которыми я упиралась в грудь Мэтью, разжались. Цепь, звено за звеном, ушла в безмерную глубину, где не было ничего, кроме мрака и Мэтью, и натянулась, прикрепив меня к вампиру незримым якорем. Я почувствовала себя в безопасности, несмотря на манускрипт, фотографии и свои руки-петарды.

Когда мои рыдания стихли, он отстранился.

— Сейчас попьешь водички и отдохнешь. — Его тон не допускал возражений. Он ушел и мигом вернулся со стаканом воды и двумя крошечными таблетками. — Вот, прими.

— Что это?

— Успокоительное. — Под его суровым взглядом я послушно проглотила обе таблетки. — Я стал носить их с собой, когда узнал о твоих панических приступах.

— Ненавижу транквилизаторы.

— У тебя шок, в организме избыток адреналина. Тебе нужен отдых. — Мэтью обмотал меня одеялом, сел на кровать, откинулся на подушки и привлек к себе кокон со мною внутри.

Я вздохнула, чувствуя его сквозь все слои пуха.

Транквилизатор поступал в кровь. Я задремала и вздрогнула, когда в кармане у Мэтью завибрировал телефон.

— Маркус, наверно. — Он прижался губами к моему лбу, и я успокоилась. — Поспи. Ты теперь не одна.

И я уснула, ощущая всем существом туго натянутую блестящую цепь, соединившую нас.

Глава 16

Когда Диана наконец уснула глубоким сном, за окнами уже стемнело. Мэтью замечал, как меняется ее запах, значит шок понемногу проходит. При мысли о Питере Ноксе и Джиллиан Чемберлен его охватывало холодное бешенство.

Он не помнил, когда в последний раз чувствовал себя таким ответственным за чью-то жизнь. Владели им и другие чувства, которые ему не хотелось бы называть.

«Она колдунья, — напомнил он себе, глядя на спящую. — Не про твою честь».

Но чем больше он это повторял, тем менее существенным это ему казалось.

Он осторожно высвободил руку, вышел из спальни, оставив дверь приоткрытой, и дал волю холодному гневу, бурлившему в нем уже не один час. С серебряным гробиком в руке он слушал, как дышит Диана, — только этот звук и удерживал его от немедленной расправы с колдунами.

Устало пробили восемь раз городские часы, и Мэтью вспомнил о пропущенном звонке. Он достал телефон и стал проверять сообщения. Несколько автоматических уведомлений от систем безопасности в Олд-Лодж и лабораториях и несколько вызовов от Маркуса. К панике он не склонен — что же у него стряслось? Мэтью хмуро набрал код прослушивания.

«Мэтью, — в знакомом голосе не было обычной игривости, — я проанализировал ДНК Дианы. Результат удивляет... Перезвони мне».

Он еще не договорил, а Мэтью, запустив руку в волосы, уже нажал кнопку быстрого вызова. Маркус ответил после первого же звонка:

— Мэтью. — В его голосе слышалось облегчение — он названивал шефу весь день, проверил даже Музей Питта Риверса, где тот частенько проводил время возле скелета игуанодона и статуи Дарвина.

«Ясное дело, он с ней, — огрызнулась наконец Мириам, которой он весь день не давал покоя. — Где же еще? Иди домой и жди его звонка там, раз все равно не работаешь. Ты мне мешаешь».

— Что там за результаты? — тихо, но с хорошо слышной яростью спросил Мэтью.

— А у тебя что?

Взгляд Мэтью упал на фотографию, валявшуюся на полу в ванной. Он поднял ее и злобно прищурился:

— Ты где?

— Дома, — с беспокойством ответил Маркус.

Мэтью по запаху обнаружил улетевшую под диван записку.

— Принеси результаты и мой паспорт в Новый колледж. Квартира Дианы во дворе с садиком, подъезд номер семь, наверху.

Через двадцать минут он открыл дверь — волосы дыбом, лицо свирепое. Молодой вампир, едва не попятившись, протянул ему паспорт с вложенным внутрь желтым конвертом. Переступать порог колдуньи без разрешения Мэтью Маркус не собирался.

Мэтью, помедлив, взял у него конверт и отступил в сторону — разрешение дано.

Он изучал результаты теста, а Маркус смотрел на него, вбирая запахи старого дерева, обветшалой ткани, Дианиного страха и едва сдерживаемого вампирского гнева. От такого сочетания волосы встали дыбом, а в горле рефлекторно перекатилось рычание.

С годами он научился ценить хорошие качества Мэтью — умение сострадать, чуткую совесть, терпение к близким. Знал он и его недостатки, главным из которых был скорый гнев. Эти вспышки имели столь разрушительные последствия, что Мэтью после них исчезал на месяцы, а то и на годы, чтобы как-то примириться с самим собой.

Но в таком состоянии, как сейчас, Маркус своего отца не видел ни разу.

Мэтью Клермонт вошел в жизнь Маркуса в 1777 году и бесповоротно ее изменил. На ферму Беннетов принесли носилки, где лежал раненный при Брендивайне[1] маркиз де Лафайет, а рядом с носилками шагал Мэтью. Он был на голову выше остальных и командовал ими, не различая чинов и званий.

Ему никто не перечил, даже маркиз, который держался стойко и не терял чувства юмора. Когда Лафайет предложил в первую очередь заняться солдатами, ранеными тяжелее, чем он, Клермонт разразился столь изощренной французской бранью, что солдаты разинули рты, а маркиз умолк.

Вслед за этим он, к изумлению Маркуса, напустился на главного армейского лекаря, знаменитого доктора Шиппена, обозвал его способы лечения «варварскими» и потребовал, чтобы Лафайета пользовал другой доктор, Джон Кокрен. Два дня спустя Клермонт и Шиппен, к восторгу всех медиков и генерала Вашингтона, завели дискуссию об анатомии на беглой латыни.

До поражения при Брендивайне Мэтью перебил целую кучу британцев. Раненые в полевом госпитале рассказывали невероятные истории о его доблести — он, мол, идет прямо на врага, и ни пули, ни штыки его не берут. Когда канонада затихла, Мэтью объявил, что за маркизом будет ухаживать Маркус.

Осенью, когда Лафайет смог снова сесть на коня, они с Клермонтом привели из пенсильванских и нью-йоркских лесов армию воинов онейда. Индейцы называли Лафайета Кайевла — искусный наездник, Мэтью же величали Атлутануном — вождем, воеводой.

Клермонт оставался в армии еще долго после того, как Лафайет вернулся во Францию. Маркус продолжил службу в качестве помощника полевого хирурга, ежедневно пользуя раны от клинков, мушкетов и ядер. Клермонт посылал за ним каждый раз, когда кто-то из его людей бывал ранен, — говорил, что у Маркуса настоящий дар к врачеванию.

В 1781 году под Йорктауном Маркус подхватил лихорадку. От собственного дара ему никакой пользы не было, а другие врачи занимались им лишь между делом. После четырех суток озноба и жара Маркус понял, что умирает. Клермонт — снова

[1] Одно из сражений Войны за независимость США.

в обществе Лафайета — пришел навестить кого-то из своих и увидел его. Маркус лежал на сломанной койке в углу, и от него пахло смертью.

Сев рядом с больным, Клермонт рассказал ему о себе. Маркус решил, что бредит. Вампир? Бессмертный? Похоже, он, Маркус, уже умер и попал в ад, где его мучает приспешник дьявола, — отец всегда говорил, что он туда угодит.

«Ты выживешь, — говорил вампир, — но за это придется заплатить. Сначала ты возродишься, а после будешь охотиться, убивать и пить кровь — возможно, и человеческую. Поэтому какое-то время тебе нельзя будет ухаживать за больными и ранеными, но потом, когда приспособишься к новой жизни, я тебя отправлю в университет».

Перед рассветом терзаемый болью Маркус решил, что хочет жить — даже такой ценой. Мэтью вынес его в лес, где ждали онейда, показавшие им тропу в горы. Там, в пещере, где никто не мог слышать криков страдальца, Мэтью выпил из Маркуса всю кровь. Маркус до сих пор помнил, какая жажда одолела его тогда: он с ума сходил — так хотелось чего-нибудь жидкого и холодного.

Тогда Мэтью вскрыл зубами свое запястье и напоил его. Могущественная кровь вампира вернула Маркуса к жизни.

Индейцы сидели у входа в пещеру и не пускали его на соседние фермы. Кто такой Мэтью, они знали давно — с тех пор, как он пришел в их деревню. Он подобен Дагваноеньент, бессмертной, носимой вихрем колдунье. Непонятно, зачем боги наделили таким даром французского воина, но пути богов, как известно, неисповедимы. Дело смертных — рассказать своим детям о таких колдунах и о том, как их можно убить: тело сжечь, а кости стереть в порошок и развеять на все четыре стороны.

Заново родившийся Маркус вел себя как настоящий ребенок: ревел и просил есть. Оленя, которого загнал для него отец, он высосал досуха и насытился, но древняя кровь Мэтью продолжала терзать его.

Неделю Мэтью носил добычу в их логово, а потом решил, что Маркусу пора охотиться самому. Вдвоем они шли при луне по оленьему или медвежьему следу. Мэтью учил, как следить, не

шевельнется ли что во мраке, ловить запахи, которые приносит переменившийся ветер, — словом, учил целителя убивать.

В те первые дни Маркус нуждался не только в звериной крови, но Мэтью не спешил с охотой на человека. Лишь когда Маркус научился убивать оленей быстро и аккуратно, он дал свое позволение. Женщины исключались: новорожденному вампиру трудно провести черту между ухаживанием и охотой, любовным актом и смертью.

Начали они с больных британских солдат. Некоторые из них молили Маркуса о пощаде, и Мэтью научил его питаться теплокровными, не убивая их. Затем перешли на преступников, которые милосердия не заслуживали. Мэтью каждый раз требовал от Маркуса объяснения, почему тот выбрал своей жертвой именно этого человека, и Маркус понемногу вырабатывал свою этику — как все вампиры, приспосабливающиеся к непростой новой жизни.

Мэтью был известен твердыми нравственными принципами — если и совершал ошибки, то исключительно в гневе. Маркусу говорили, что теперь его отец поддавался этому опасному чувству реже, чем в прошлом. Возможно, и так, но сейчас Мэтью, на взгляд Маркуса, злился не меньше, чем в день битвы при Брендивайне, — а поля боя, где он мог бы разрядиться, под рукой не было.

— Ты где-то ошибся, — заявил Мэтью, ознакомившись с результатами теста ДНК.

— Я дважды делал анализ крови, — возразил Маркус, — и анализ мазка, проведенный Мириам, все подтверждает. Я предупреждал, что результаты тебя удивят.

— Это дикость какая-то.

— У Дианы имеются почти все генетические маркеры, которые мы когда-либо наблюдали у колдунов, — Маркус, плотно сжав губы, перешел к последним страницам теста, — но главное — вот эти последовательности.

Мэтью просмотрел данные. Последовательностей было около двадцати — одни короче, другие длиннее. Мириам наставила на полях множество красных вопросительных знаков.

— Господи боже... — Мэтью бросил тест Маркусу. — Как будто у нас без того забот мало. Этот ублюдок Питер Нокс угро-

жает ей из-за рукописи. Диана пыталась взять ее еще раз, но «Ашмол-782» затаился в хранилище и выходить не желает. Нокс, к счастью, пока твердо убежден в том, что в первый раз она сняла чары вполне сознательно.

— А разве это не так?

— Нет. Диана не способна справиться с такой сложной задачей. Она совершенно не владеет своей силой. Прожгла дырку в моем ковре.

Маркус спрятал улыбку, зная, как дорожит отец своими вещами.

— Значит, будем держать Нокса на расстоянии, пока Диана не научится себя контролировать. Не так уж это и трудно.

— Дело не в одном Ноксе. Вот что ей сегодня пришло по почте. — Мэтью протянул сыну фотографию вместе с запиской, пояснив угрожающе ровным тоном: — Ее родители. Когда-то я слышал о двух американских колдунах, убитых в Нигерии, но не связал их с Дианой.

— Боже правый! — Маркус, глядя на фотографию, пытался представить, что почувствовал бы он сам при виде растерзанного, брошенного в грязь отцовского тела.

— И это еще не все. Диана, насколько я понял, всегда думала, что в смерти ее родителей повинны люди, потому и старалась не пускать магию в свою жизнь.

— Да только ничего у нее не вышло, — сказал Маркус, вспоминая о результатах теста.

— Не вышло, — угрюмо подтвердил Мэтью. — Но когда я был в Шотландии, другая американская колдунья, Джиллиан Чемберлен, сказала ей, что их убили не люди, а колдуны.

— Это правда?

— Не знаю, но дело здесь явно не только в колдунье, случайно обнаружившей «Ашмол-782». Ситуация гораздо сложнее, и я намерен в ней разобраться.

«Да он же надел свой знак из Святой земли», — понял вдруг Маркус, заметив серебряный медальон на темном свитере Мэтью.

У них в семье никогда не говорили об Элинор Сент-Леджер и обстоятельствах ее смерти, опасаясь вызвать у Мэтью новый

приступ гнева. В 1140 году Мэтью, насколько понимал Маркус, не имел никакого желания покидать Париж, где изучал философию, но своему отцу Филиппу подчинился беспрекословно. Глава семьи вызвал сына в Иерусалим как миротворца: раздоры в Святой земле не унимались и после завершения похода Урбана II. Там Мэтью встретил Элинор, подружился с ее многочисленным английским семейством и влюбился в нее без памяти.

Клермоны и Сент-Леджеры, однако, часто принимали разные стороны в том или ином вопросе. Старшие братья Мэтью — Хью, Годфри и Болдуин — уговаривали его отказаться от девушки и не мешать им разделаться с ее родней, но Мэтью не уступал. Однажды они с Болдуином, поспорив о чем-то связанном с Сент-Леджерами, утратили всякую власть над собой. Послали за Филиппом, но Элинор, не дождавшись его, попыталась сама урезонить братьев. Когда Мэтью и Болдуин пришли в себя, ее было уже не спасти — слишком много крови она потеряла.

Маркус до сих пор не мог понять, почему Мэтью, так любивший Элинор, позволил ей умереть, а Мэтью с того времени надевал знак пилигрима лишь в тех случаях, когда боялся кого-то убить или вспоминал Элинор. Может быть, сейчас обе эти причины совпали.

— Эта фотография — не пустая угроза. Хэмиш думает, что само имя Бишоп заставит колдунов поостеречься, я же боюсь обратного. Диана, каким бы ни был ее врожденный дар, защитить себя не способна и при этом слишком самонадеянна и отказывается просить о помощи. Побудь с ней немного. — Мэтью оторвал взгляд от злополучной фотографии. — Хочу побеседовать с Джиллиан Чемберлен.

— Нет полной уверенности, что фотографию послала она, — указал Маркус. — У снимка два разных запаха.

— Второй принадлежит Питеру Ноксу.

— Но ведь он — член Конгрегации.

В эпоху Крестовых походов даймоны, вампиры и колдуны образовали совет, куда вошли по три представителя каждого вида — итого девять. Задачей Конгрегации была безопасность

нелюдей, — другими словами, они следили, чтобы никто из них не привлек к себе внимания человека.

— Любой шаг в этом направлении могут расценить как выпад против властей. Не станешь же ты подставлять под удар всю семью ради мести какой-то колдунье?

— Сомневаешься в моей преданности? — промурлыкал Мэтью.

— Нет, в твоей способности судить здраво, — бесстрашно ответил Маркус. — Конгрегация и так уже вправе предъявить тебе претензии из-за этого нелепого романа — незачем давать им еще один повод.

Когда Маркус впервые приехал во Францию, бабушка-вампирша объяснила, что отныне он связан конвенцией. Нельзя вступать в близкие связи с другими разновидностями созданий, а также вмешиваться в человеческую политику и религию. Всех прочих отношений с людьми, включая сердечные, тоже следует избегать, но формально они не запрещены — лишь бы осложнений не возникало. Маркус всегда предпочитал общаться с вампирами и о конвенции до последнего времени практически не вспоминал.

— Теперь это никого уже не волнует. — Мэтью бросил взгляд на дверь в спальню Дианы.

— Она про конвенцию знать не знает, а ты ничего ей не говоришь. Хотя чертовски хорошо понимаешь, что вечно это скрывать от нее нельзя.

— Не станет Конгрегация настаивать на соблюдении правила, принятого чуть не тысячу лет назад, когда мир был совершенно другим. — Взгляд Мэтью остановился на старинной гравюре, где богиня Диана целилась из лука в охотника, убегающего от нее через лес. Вампиру вспомнилась фраза из книги, когда-то написанной его другом: «Становятся уже не охотниками, но преследуемой дичью», и он вздрогнул.

— Подумай, Мэтью, прежде чем что-то делать.

— Я уже все решил, — не глядя сыну в глаза, отозвался тот. — Ну так как — постережешь ее, пока я не приду?

Маркус кивнул, не в силах устоять против мольбы в голосе Мэтью.

Как только дверь за ним закрылась, Маркус вошел к Диане. Приподнял поочередно веки, пощупал пульс. Пахло страхом, шоком и легким наркотиком. Мэтью, по крайней мере, хватило ума дать ей транквилизатор.

Диана морщила лоб, будто во сне с кем-то спорила. Закончив осмотр, Маркус выпрямился. Он понял, во-первых, что никакие осложнения ей не грозят, — она пережила сильный шок и нуждается в отдыхе, вот и все. Во-вторых, от нее так и разило Мэтью: отец сделал это намеренно, чтобы каждый вампир знал, чья она. Дело, стало быть, зашло дальше, чем Маркус предполагал. Просто так отец от нее не отвяжется — но если бабушка говорила правду, разлуки не миновать все равно.

Мэтью пришел уже после полуночи — еще более сердитый, чем раньше, но, как всегда, безупречный. Он запустил пальцы в волосы и прошел прямо в спальню, ни слова не сказав Маркусу.

Тот благоразумно ни о чем не стал спрашивать. Когда Мэтью снова вышел к нему, Маркус задал только один вопрос:

— Ты ей расскажешь о результатах теста?

— Нет, — ответил Мэтью без малейшего чувства вины. — И про колдунов из Конгрегации тоже ничего не скажу. Ей и так уже досталось.

— Диана Бишоп не столь хрупка, как ты думаешь. Ты не имеешь права скрывать такую важную информацию, если по-прежнему намерен встречаться с ней.

Жизнь вампира измеряется не в часах и годах, а в тайнах — как сохраненных, так и раскрытых. Вампиры скрывают все: личные отношения, имена, которыми пользовались, подробности своих многочисленных жизней. У Мэтью секретов больше, чем у кого бы то ни было, и он, как это ни огорчительно, не посвящает в них даже собственную семью.

— Не лезь не в свое дело, Маркус, — проворчал он и теперь.

— Твои проклятущие тайны когда-нибудь погубят семью!

Мэтью сгреб сына за шиворот:

— Мои тайны, сынок, охраняют семью уже много веков. Где бы ты был без них, скажи-ка?

— Гнил бы, полагаю, в Йорктауне, в безымянной могиле, — прохрипел придушенный Маркус.

Много лет он без особого успеха пытался раскрыть хоть какие-нибудь отцовские секреты. Кто, например, рассказал Мэтью о художествах Маркуса в Новом Орлеане после того, как Джефферсон приобрел Луизиану у Франции? Маркус тогда сотворил буйную вампирскую семейку из одной молодежи, большей частью игроков и повес. Эта шайка даже не особенно скрывалась, выходя в город после наступления темноты, и местные колдуны дали понять, что вампирам лучше убраться из Нового Орлеана.

После этого к ним нежданно-негаданно прибыл Мэтью вместе с другим вампиром, красавицей-полукровкой Жюльет Дюран. Они понемногу укротили Маркусов выводок. А когда эти двое заключили союз с молодым французом-вампиром из квартала Гарден — белокурым фатом с нравом как у самой Миссисипи, — дело пошло всерьез.

За пару недель семья Маркуса загадочным образом сократилась — одни погибли, другие пропали без вести. Мэтью лишь воздевал руки и сетовал, какой опасный город Новый Орлеан. Жюльет, которую Маркус сразу возненавидел, тихо улыбалась и что-то ворковала отцу. Маркус еще не видывал такого умелого манипулятора, как она, и был очень рад, когда они с Мэтью расстались.

Под давлением уцелевших детей Маркус дал торжественное обещание вести себя хорошо, если Жюльет и Мэтью уедут.

Мэтью согласился и подробно разъяснил, как именно надлежит вести себя членам семьи де Клермонов. «Если непременно хочешь сделать меня дедом, уделяй больше внимания внукам», — сказал он Маркусу в присутствии старейших и сильнейших вампиров Нового Орлеана. Маркус до сих пор бледнел, вспоминая об этом.

Кто позволил Мэтью и Жюльет предпринять подобные действия, так и осталось тайной. Его сила, ее хитрость и блестящая репутация имени де Клермон могли, конечно, обеспечить им поддержку вампиров, но тут явно крылось и что-то еще. Все создания Нового Орлеана, даже ведьмы, относились к отцу как к августейшей персоне.

Не состоял ли он тогда в Конгрегации? Это бы многое объяснило.

— При всей ее храбрости, — вторгся в воспоминания Маркуса голос Мэтью, — Диане вовсе не обязательно узнавать сразу все. — Вампир отпустил сына.

— А о семье она знает? О других твоих детях? — «О твоем собственном отце», — добавил мысленно Маркус.

— Истории других вампиров я не рассказываю. — Мэтью слышал и то, что вслух не произносилось.

— Ты совершаешь ошибку. Диана не скажет тебе спасибо за это молчание.

— Это вы с Хэмишем так думаете. Расскажу ей все, когда она будет готова — не раньше. Сейчас мне нужно увезти ее куда-то из Оксфорда.

— В Шотландию? — Маркус сразу подумал об отдаленном поместье Хэмиша. — Там ее уж точно никто не найдет. Или в Вудсток до твоего отъезда?

— Какого еще отъезда?

— Ты сказал, чтобы я взял твой паспорт.

Мэтью всегда уезжал, когда впадал в гнев, и возвращался успокоенным.

— Я не собираюсь бросать Диану, — отрезал Мэтью. — Мы с ней поедем в Сет-Тур.

— Хочешь поселить ее под одной крышей с Изабо?! — вскричал потрясенный Маркус.

— Это и мой дом тоже, — заметил Мэтью, упрямо выпятив челюсть.

— Твоя мать открыто похваляется убитыми ею колдунами и в том, что случилось с Луизой и твоим отцом, винит всех колдунов без исключения.

Мэтью поморщился, и Маркус наконец понял. Фотография убитых родителей Дианы напомнила отцу о смерти Филиппа и о борьбе Изабо с безумием в последующие годы.

Он, словно стараясь придумать что-то еще, сжал ладонями голову:

— Диана не имеет к этому отношения. Изабо поймет.

— Ничего она не поймет, сам знаешь. — Маркус любил свою бабушку и не хотел ее огорчать. Если Мэтью, ее любимец, привезет домой колдунью, ей будет очень плохо.

— Сет-Тур — самое безопасное место. Колдуны дважды подумают, прежде чем связываться с Изабо в ее собственном доме.

— Бога ради, не оставляй их вдвоем.

— Не оставлю. Вы с Мириам тем временем поживете в сторожке — пусть все думают, что Диана там с вами. Потом, конечно, правда всплывет наружу, но несколько дней мы все-таки выиграем. Ключи у привратника. Через несколько часов, когда мы уедем, сними с кровати покрывало — на нем ее запах, — отправляйся в Вудсток и жди дальнейших распоряжений.

— Но сможешь ли ты защищать и себя, и колдунью?

— Смогу, — уверенно сказал Мэтью.

Маркус кивнул. Вампиры стиснули друг другу предплечья. Все, что требовалось сказать, было сказано.

Оставшись один, Мэтью сел на диван, стиснув ладонями виски, — его поразило, как яростно противостоял ему сын.

Гравюра с богиней, преследующей добычу, снова привлекла взгляд вампира.

Ее средь нимф у леса встретил я:
Охотилась за мной моя Диана, —

вспомнил он.

Диана Бишоп, хотя услышать его никак не могла, зашевелилась и вскрикнула. Мэтью бросился в спальню, обнял ее. Стремление защитить эту женщину вспыхнуло в нем с новой силой, и дальнейшие действия обозначились очень четко.

— Я здесь, я с тобой, — шептал он, прижавшись губами к ее пестрым волосам. Диана во сне стиснула губы, между бровей прорезалась глубокая складка. Мэтью всматривался в это лицо часами и хорошо его изучил, но не переставал дивиться его противоречивой натуре. — Ты околдовала меня? — спросил он вслух.

За эту ночь он понял, что нуждается в ней, как ни в чем другом. Семья и вкус новой крови отошли на второй план — лишь бы знать, что она в безопасности, рядом, что до нее можно дотронуться. Если это и значит быть околдованным, он пропал.

Клермонт обнял ее еще крепче — с бодрствующей Дианой он бы себе такого не позволил. Девушка вздохнула и прижалась к нему.

Мэтью, не будь он вампиром, ни за что бы не расслышал того, что она прошептала, ухватившись сквозь свитер за его медальон, упершись кулаком в его сердце.

— Ты не пропал, ты нашелся.

Не почудилось ли ему? Нет. Она способна читать его мысли.

Не постоянно, не в сознательном состоянии — пока еще нет. Но это лишь вопрос времени. Скоро Диана будет знать о нем все. Проникнет в его тайны, столь темные и ужасные, что даже у него не хватает смелости о них вспоминать.

— Смелости у меня достанет на нас обоих, — прошептала она.

— Хорошо, если так, — ответил Мэтью, склонившись к ней.

Глава 17

Одеяло обматывало меня, словно саван мумию, — когда я пошевелилась, старые пружины задребезжали. Во рту стоял вкус гвоздики.

— Щ-ш-ш, — прошептал на ухо Мэтью.

Мы лежали рядышком, и я прижималась спиной к его груди.

— Сколько сейчас времени? — хрипло осведомилась я.

Мэтью, слегка отстранившись, посмотрел на часы:

— Начало второго.

— А легла я когда?

— Вечером, часов в шесть.

Вечером...

В голове замелькали образы минувшего дня: алхимическая рукопись, угрозы Питера Нокса, искрящие пальцы, фотография мертвых родителей, рука матери, тянущаяся к отцу.

— Ты дал мне какую-то дрянь. — Я попыталась высвободить руки из одеяла. — Я не принимаю наркотических средств, Мэтью.

— Когда у тебя опять будет шок, мучайся сколько угодно. — Мэтью вернул мне свободу одним рывком.

Его резкий тон вызвал в памяти новые картины. Искаженное лицо Джиллиан Чемберлен, ее слова о том, как опасно секретничать, записка с вопросом: «Помнишь?» Мне снова было семь, и я не могла понять, как родители, такие живые, вдруг ушли куда-то из моей жизни. Я потянулась к Мэтью, а перед глазами неотвязно стояла рука матери в том меловом кругу. Детское горе от потери родителей слилось с новым, взрослым сочувствием к ее отчаянному усилию.

Я вырвалась из объятий Мэтью, подтянула колени к груди, сжалась в комочек.

Он хотел мне помочь, я это чувствовала, но мои смешанные чувства и его сбили с толку.

«Помните, кто вы есть», — ядовито прозвучал в памяти голос Нокса.

«Помнишь?»

Я снова рванулась к Мэтью. Родителей больше нет, зато он здесь. Приткнув голову под его подбородок, я дождалась следующего удара сердца. Медленное вампирское сердцебиение вскоре опять меня усыпило.

Когда я проснулась снова, было темно, и мое собственное сердце стучало вовсю. Откинув покрывало, я села. Мэтью включил лампу. Абажур все еще был повернут в сторону — так, чтобы свет не падал на кровать.

— Что с тобой? — спросил он.

— Магия нашла меня, как я ни пряталась. Магия и колдуны. Меня убьют за колдовство, как убили родителей. — Выпалив все это единым духом, я вскочила с кровати.

— Нет-нет, — сказал Мэтью, встав между мной и дверью. — Пора остановиться и посмотреть опасности в глаза, какой бы она ни была. Нельзя бегать вечно.

В глубине души я сознавала, что это правда. Но меня так и подмывало удрать во тьму, а попробуй убеги, когда на дороге стоит вампир.

Воздух внезапно взвихрился, я больше не чувствовала себя в западне. Холодные струйки забрались в штанины, приподняли волосы вокруг головы. Мэтью выругался и шагнул ко мне, протянув руку. Легкий бриз перешел в ветер, заколыхавший простыни и занавески.

— Все в порядке! — громко, чтобы перекричать шум, сказал Мэтью.

Меня это не успокоило. Ветер продолжал крепчать, и мои руки поднялись, воздвигая защитную колонну из воздуха, окутавшую меня, как одеяло. Мэтью так и стоял с простертой рукой, не сводя с меня глаз. Я хотела сказать ему «не подходи», но изо рта вырвалось лишь холодное дуновение.

— Все в порядке, — повторил он, глядя мне в глаза. — Я не сойду с места.

Лишь когда он произнес это вслух, я поняла, в чем, собственно, дело.

— Обещаю, — добавил он твердо.

Циклон вокруг меня превратился в нормальный ветер, потом в легкий ветерок, а потом затих окончательно. Я рухнула на колени.

— Что со мной происходит?

Каждый день я бегала, гребла, занималась йогой — но теперь мое тело, всегда такое послушное, начало вытворять что-то невообразимое. Я посмотрела вниз, желая удостовериться, что руки не бьются током и ветер не свищет около ног.

— Колдовской ветер, — пояснил Мэтью, по-прежнему не двигаясь с места. — Слышала о таком?

Я слышала о колдунье из Олбани, умевшей вызывать бурю, но термина «колдовской ветер» не знала.

— В общем-то, нет, — призналась я, оглядывая руки и ноги.

— Некоторые колдуны, в том числе и ты, от природы способны управлять воздушной стихией.

— Я ею не управляла.

— Ты проделывала это впервые. — Мэтью обвел рукой комнату: простыни и занавески на месте, разбросанные вчера вещи так и валяются на комоде и на полу. — Мы с тобой стоим на ногах, и непохоже, что здесь прошел торнадо, — для начала совсем неплохо.

— Но я ничего такого не собиралась делать. Неужели это происходит со всеми колдунами — электрический ток и ветер, возникающие сами по себе? — Я отбросила волосы с глаз. После всего, что случилось за последние сутки, меня пошатывало.

Мэтью подался ко мне, намереваясь подхватить, если я упаду.

— Искры и колдовской ветер — редкое явление в наши дни. Магия, заключенная в тебе, ищет выхода, хочешь ты того или нет.

— Я почувствовала себя загнанной в угол.

— Это я виноват, — устыдился Мэтью. — Иногда я просто не знаю, что с тобой делать. Ты как вечный двигатель — я хотел только, чтобы ты на миг остановилась и выслушала меня.

Вампира, который так редко дышит, моя неугомонность должна раздражать вдвойне. Расстояние между мной и Мэтью показалось мне слишком большим. Я поднялась на ноги.

— Я прощен? — спросил он, и я кивнула. — Можно? — Он указал себе под ноги. Я кивнула еще раз.

Вампир сделал три быстрых шага, и я упала ему на грудь, как в тот первый вечер, когда встретила его в Бодли. Но теперь я не спешила отпрянуть — идущий от него холод скорее успокаивал меня, чем пугал.

Мы простояли так несколько мгновений. Мое сердце угомонилось; его руки держали меня некрепко, и только прерывистое дыхание говорило о том, как непросто это ему дается.

— Ты тоже меня извини. — Я прижалась щекой к колючему свитеру. — Постараюсь держать свою энергию под контролем.

— Тебе не за что извиняться, и принуждать себя тоже не надо. Хочешь чая? — Он поцеловал меня в макушку.

За окном была кромешная темнота.

— Который час?

Он обнял меня за плечи и посмотрел на часы на запястье:

— Начало четвертого.

Я застонала:

— Чай был бы очень кстати.

— Сейчас заварю. — Он аккуратно разжал мои руки, обхватившие его талию, и пошел на кухню.

Мне не хотелось его отпускать, и я поплелась следом. Вампир рылся среди пакетиков и жестянок.

— Я предупреждала, что люблю чай.

Мэтью извлек очередной пакетик из-за кофейника, которым я редко пользовалась.

— Имеются предпочтения?

— Вон тот черный, с золотой надписью.

Зеленый чай — как раз то, что надо.

Он поставил чайник, залил кипятком душистые листья, подвинул мне щербатую кружку. Ароматы чая, ванили, лимона не сочетались с Мэтью, но все-таки успокаивали.

Мэтью налил и себе, раздул ноздри.

— Неплохо пахнет, — признал он и сделал глоток.

Раньше он при мне пил только вино.

— Где сядем? — спросила я, держа в ладонях горячую кружку.

— Вон там. — Он кивнул на гостиную. — Надо поговорить.

Он уселся в одном углу удобного старого дивана, а я в другом. Чайный парок щекотал мне лицо, напоминая о колдовском ветре.

— Никак не пойму, почему Нокс думает, будто именно ты сняла чары с «Ашмола-782».

Я пересказала ему наш разговор у ректора.

— Он говорит, в годовщину своего наложения чары делаются нестойкими. Другие колдуны — настоящие, владеющие магией — пытались снять их и не сумели. Я, по мнению Нокса, всего лишь оказалась в нужном месте в нужное время.

— Некий талантливый колдун наложил на книгу чары, которые, как я подозреваю, снять почти невозможно. До тебя рукопись не давалась никому, независимо от мастерства и времени года. — Мэтью смотрел в свою кружку. — А тебе почему-то далась. Вопрос в том — почему и как.

— В то, что я еще до рождения была как-то связана с этими чарами, поверить труднее, чем в обыкновенное совпадение. Если такая связь существует, почему рукопись не пришла ко мне снова? — Мэтью открыл было рот, но я заявила: — К тебе это отношения не имеет.

— Что ж, Нокс знает толк в своем деле... Возможно, эти чары действительно колеблются время от времени.

— Хотела бы я найти во всем этом какую-нибудь закономерность.

Перед моим мысленным взором возник белый стол с разложенными на нем кусочками головоломки. Я повертела туда-сюда некоторые из них — рукопись, Нокса, родителей, — но они отказывались складываться в картинку.

— Диана?

— Да?

— Что ты делаешь?

— Ничего, — быстро сказала я.

— Нет. Ты колдуешь. — Мэтью поставил чашку. — Я это чую. И вижу, потому что ты светишься.

— Я всегда так делаю, когда решаю какую-нибудь задачу, — потупилась я: говорить об этом было трудно. — Представляю, что собираю пазл на белом столе. Разноцветные кусочки движутся сами собой. Складываясь во что-то осмысленное, они останавливаются — значит я на верном пути.

— Как часто ты играешь в эту игру? — спросил после долгой паузы Мэтью.

— Постоянно, — неохотно призналась я. — Когда ты был в Шотландии, я поняла, что это тоже своего рода магия. Как когда я и не оборачиваясь знаю, кто на меня смотрит.

— Вот тебе и закономерность. Ты пользуешься магией бессознательно.

— То есть как? — Частицы пазла на белом столе пустились в пляс.

— Занимаясь, скажем, бегом, греблей и йогой, ты об этом не думаешь — по крайней мере, не прикладываешь сознательных усилий. Разум перестает сдерживать твой дар, и он выходит наружу.

— Но когда начался ветер, я думала.

— Тогда тобой владело сильное чувство. — Мэтью подался вперед, упершись локтями в колени. — Чувства всегда отодвигают интеллект на второй план. Когда твои пальцы заискрили, тоже так было — и с Мириам, и со мной. Твой белый стол — исключение из общего правила.

— Значит, эти силы включаются просто по настроению или когда я активно двигаюсь? Кто же захочет быть колдуном, если они вдруг просыпаются ни с того ни с сего?

— Многие, думаю, захотели бы. — Мэтью отвел глаза. Когда он снова поднял их на меня, диван скрипнул. — Хочу попросить тебя кое о чем — только ты подумай, прежде чем отвечать, хорошо?

— Ладно.

— Я хочу отвезти тебя домой.

— Обратно в Америку не поеду! — выпалила я, тут же нарушив обещание.

— Не к тебе домой, а к себе. Ты должна уехать из Оксфорда.

— Я же согласилась на Вудсток.

— В Олд-Лодж я просто живу, Диана. Мой родной дом во Франции.

— Во Франции? — Я убрала волосы с лица, чтобы лучше видеть его.

— Колдуны во что бы то ни стало хотят добыть «Ашмол-782» и скрыть его от прочих созданий. Их сдерживает лишь уверенность, что чары сняла ты, и уважение к твоему имени. Когда Нокс и другие обнаружат, что ты не пользовалась магией и чары тебе открылись сами собой, они захотят узнать, как это вышло.

Я зажмурилась, очень ясно увидев перед собой своих мертвых родителей.

— И в средствах они стесняться не будут.

— Думаю, нет. — На лбу у Мэтью запульсировала знакомая жилка. — Я видел фотографию, которую ты получила, и хочу увезти тебя подальше от библиотеки и Питера Нокса. Погости немного под моим кровом.

— Джиллиан сказала, что их убили колдуны. — Меня поразило, как сократились его зрачки, занимавшие обычно чуть ли не всю радужку. И бледность его этой ночью была не такой заметной, даже губы чуть-чуть покраснели. — Правда это?

— Точно не знаю, Диана. Нигерийские хауса верят, что сила колдуна заключена в камнях, которые лежат у него в желудке. Твоему отцу вскрыли живот, так что колдуны — самая правдоподобная версия.

Мой автоответчик тихо щелкнул и замигал. Я испустила стон.

— Твои тетушки звонят уже пятый раз, — сказал Мэтью.

Звук я убавила до предела, но вампир, вероятно, слышал все сообщения.

Я сняла трубку. Перекричать взволнованную Сару было не так-то просто.

— Мы думали, что тебя и в живых уже нет!

Меня вдруг поразила мысль о том, что мы с Сарой — последние в роду Бишопов. Я хорошо представляла, как она, растрепанная, сидит с трубкой на кухне. Сара стареет, хоть и бодрится, а я далеко и в опасности, и это подтачивает ее еще больше.

— Я живехонька, и у меня в гостях Мэтью. — Я улыбнулась ему, но он не ответил.

— Что происходит? — спросила Эм.

После смерти моих родителей она за несколько месяцев поседела, хотя ей тогда и тридцати не было. Так с тех пор и не восстановилась — того и гляди ветром ее унесет. Шестое чувство подсказало ей, что в Оксфорде дела плохи, вот она и тревожится постоянно.

— Да ничего особенного. Попыталась взять рукопись снова, правда на сей раз мне это не удалось. — Я отвернулась, чтобы не видеть неодобрительного взгляда Мэтью, но все равно чувствовала его ледяное прикосновение на лопатках.

— По-твоему, мы из-за книги тебе звоним? — вознегодовала Сара.

Холодные пальцы отобрали у меня трубку. Я потянулась за ней, но Мэтью сжал мне запястье и покачал головой.

— Это Мэтью Клермонт, мисс Бишоп. Диане угрожают другие колдуны. Один из них — Питер Нокс.

Не требовалось быть вампиром, чтобы услышать, как взвыла на том конце Сара.

Мэтью вернул мне трубку.

— Питер Нокс!

Мэтью зажмурился: Сарин крик терзал ему уши.

— И давно он там ошивается?

— С самого начала, — нерешительно призналась я. — Он и есть тот колдун, что пытался залезть ко мне в голову.

— Но ты его не пустила? — с испугом спросила Сара.

— Сделала что могла. Не могу дать точного отчета в том, что касается магии.

— У многих из нас были проблемы с Питером Ноксом, лапочка, — вмешалась Эм. — И отец твой ему не доверял ни на грош.

— Отец?! — Пол под ногами закачался, рука Мэтью обхватила меня за талию. Я провела рукой по глазам, но перед внутренним взором все равно маячил труп с разбитой головой и вспоротым животом.

— Что с тобой такое, Диана? — тихонько спросила Сара. — Питер Нокс может напугать кого угодно, это понятно, но ведь дело не только в нем?

Я вцепилась в Мэтью, ища поддержки.

— Кто-то прислал мне фотографию мамы с папой.

В трубке воцарилось молчание.

— Ох, Диана, — пролепетала наконец Эм.

А Сара мрачно осведомилась:

— Ту самую?

— Да, — прошептала я.

Сара выругалась.

— Пусть он опять возьмет трубку.

— Он тебя и так слышит, — заверила я. — С тем же успехом можешь сказать все мне.

Мэтью начал массировать затвердевшие мышцы на моей пояснице.

— Хорошо, тогда послушайте оба. Тебе надо уехать как можно дальше от Питера Нокса. Пусть твой вампир за этим проследит, если не хочет передо мной отвечать. Стивен Проктор был самым покладистым колдуном на свете — надо было очень постараться, чтобы он кого-нибудь невзлюбил. А Нокса он ненавидел. Возвращайся домой, Диана. Немедленно.

— Нет, Сара. Я еду во Францию с Мэтью. — Лучше уж так, чем к Саре.

Снова повисло молчание.

— Во Францию? — переспросила Эм.

Мэтью протянул руку.

— Мэтью хочет что-то тебе сказать. — Я вручила ему трубку, не дав Саре возразить.

— У вас есть определитель номера, мисс Бишоп?

Я фыркнула. Да у нее на стене в кухне висит старый коричневый телефонный аппарат, еще дисковый, со шнуром в милю длиной, чтобы Сара могла расхаживать по всему дому во время разговора. Номер, даже местный, набирать надо целую вечность — какой там определитель.

— Нет? Тогда запишите, пожалуйста. — Мэтью медленно продиктовал номер своего мобильника и другой, предположительно домашний. За этим последовала инструкция — как набирать международные коды. — Звоните в любое время.

Сара, судя по его озадаченному лицу, ответила нечто резкое.

— Я позабочусь о ней, — сказал он и передал трубку мне.

— Ну все, пойду собираться. Целую вас обеих. Не беспокойтесь.

— «Не беспокойтесь», — передразнила Сара. — Подумаешь тоже, единственная племянница.

— Как тебе втолковать, что у меня все в порядке? — вздохнула я.

— Для начала подходи иногда к телефону.

Повесив наконец трубку, я старалась не смотреть Мэтью в глаза.

— Сара права — это я во всем виновата. Веду себя точно какой-нибудь человек.

Он отошел от меня подальше, насколько позволяли размеры комнаты, и сел на диван.

— Ты определила место магии в своей жизни, когда была испуганным, одиноким ребенком. Теперь и шагу не можешь ступить, не подумав, правильно ли ставишь ногу как будто все твое будущее зависит от этого.

Я, к его изумлению, уселась рядом и взяла его руки в свои. Мне очень хотелось сказать ему, что все будет хорошо, но я подавила это желание.

— Когда будешь во Франции, попробуй просто жить, не боясь, что вот-вот совершишь ошибку, — продолжал он. — Мне хочется, чтобы ты отдохнула, — я ведь никогда не видел тебя спокойной. Ты даже во сне ворочаешься.

— Некогда отдыхать, Мэтью. — Я уже сомневалась, стоит ли уезжать из Оксфорда. — До симпозиума по алхимии осталось всего шесть недель. Я должна сделать вступительный доклад, а он у меня едва начат. Без доступа в Бодли ни за что не допишу его вовремя.

— Твой доклад, кажется, посвящен алхимической иллюстрации? — задумчиво прищурился Мэтью.

— Традиционной английской аллегории, если точнее.

— Тогда тебе, думаю, интересно будет посмотреть мой экземпляр «Aurora Consurgens». Четырнадцатый век, но иллюстрации французские, к сожалению.

Я вытаращила глаза. «Aurora Consurgens» — знаменитый труд о противоположных силах алхимической трансформации: золоте и серебре, мужском и женском началах, свете и тьме. С крайне сложными и загадочными иллюстрациями.

— Самая ранняя известная копия «Авроры» относится к тысяча четыреста двадцатому году.

— Моя написана в тысяча триста пятьдесят шестом.

— Тогда в ней не может быть иллюстраций, — заметила я.

Найти иллюстрированный алхимический труд ранее 1400 года? Да проще обнаружить «Форд-Т» на поле битвы при Геттисберге.

— И тем не менее они есть.

— Все тридцать восемь штук?

— Все сорок, — с улыбкой поправил Мэтью. — Похоже, твои предшественники кое в чем заблуждались.

Открытия такого масштаба случаются редко. Подержать в руках иллюстрированную «Aurora Consurgens» четырнадцатого века историку доводится только раз в жизни.

— Но текст тот же? Что изображено на дополнительных иллюстрациях?

— Вот приедешь и увидишь сама.

— Тогда поехали. — Может быть, я после долгих бесплодных усилий все-таки допишу свой доклад.

— Ради собственной безопасности ты не хотела ехать, а ради манускрипта готова? — Мэтью скорбно покачал головой. — Здравомыслящая женщина.

— Здравым смыслом я никогда не славилась. Когда отправляемся?

— Через час, если ты не против.

— Через час?

Выходит, он не вдруг принял это решение — спланировал все, пока я спала.

Мэтью кивнул:

— На старой американской базе ждет самолет. Сколько тебе нужно на сборы?

— Смотря что с собой брать. — Голова у меня пошла кругом.

— Ничего такого. Возьми теплые вещи — ну и беговые кроссовки, конечно. Мы там будем вдвоем, не считая матушки и ее экономки.

— Мэтью... я не знала, что у тебя есть мать.

— Матери есть у всех. — Серые глаза взглянули прямо в мои. — У меня их две: та, что родила, и Изабо, сделавшая меня вампиром.

Мэтью — одно дело, а полный дом незнакомых вампиров — совсем другое. Даже моя жажда научных открытий спасовала перед такой перспективой.

— Так я и думал, — огорчился Мэтью, заметив мои колебания. — У тебя, конечно, нет причин доверять Изабо, но она дала слово — за себя и за Марту, — что в ее доме тебе ничего не будет грозить.

— Если ты им доверяешь, то и я тоже. — К собственному удивлению, я сказала это от чистого сердца, хотя он ведь наверняка их спросил, не намерены ли они испить моей кровушки.

— Спасибо, — просто сказал Мэтью и перевел взгляд на мои губы, отчего меня пронизала сладкая дрожь. — Ты укладывайся, а я помою посуду и сделаю пару звонков.

Когда я проходила мимо него, он взял меня за руку, и я снова прочувствовала контраст его холода с моим ответным теплом.

— Ты поступаешь правильно, — тихо промолвил он и разжал пальцы.

Сборы, к несчастью, пришлись на канун стирки. В поисках чистого я откопала в шкафу несколько почти одинаковых черных штанов, сколько-то легинсов, с полдюжины водолазок и футболок с длинными рукавами. Сдернула сверху потрепанную йельскую сумку, синюю с белым. Уложила в нее все отобранное плюс пара свитеров и флиска, кроссовки, носки, белье, старый комплект для йоги. Буду в нем спать, поскольку приличной пижамы у меня нет. Памятуя о матери Мэтью, француженке какникак, я добавила выходную блузку и брюки.

Мэтью, поговорив по телефону с Фредом и Маркусом, вызвал такси. Я, с сумкой на плече, протиснулась в ванную, прихватила зубную щетку, щетку для волос, мыло, шампунь, фен, тюбик с тушью. Я ею редко пользуюсь, но авось пригодится.

Закончив, я вышла в гостиную. Мэтью просматривал сообщения на своем мобильнике, у ног его стоял мой ноутбук.

— Это все? — удивился он, взглянув на матерчатую дорожную сумку.

— Ты же сказал, что много не понадобится.

— Да, но женщины в этих делах меня никогда не слушают. Мириам, собираясь на выходные, везет столько, что Иностранный легион одеть можно, мать громоздит кучу кофров. Луиза с твоим багажом и через улицу переходить не стала бы, что уж говорить о выезде за границу.

— Высокий стиль, как и здравый смысл, к моим достоинствам не относится.

Мэтью одобрительно кивнул:

— Паспорт взяла?

— Он в сумке для ноутбука.

— Тогда выходим. — Мэтью в последний раз оглядел комнату.

— Где фотография? — Мне показалось неправильным бросать ее здесь.

— У Маркуса.

— Маркус сюда приходил? Когда? — нахмурилась я.

— Пока ты спала. Хочешь вернуть ее? — Палец Мэтью завис над кнопкой мобильника.

— Нет. — Если вдуматься, я не хотела снова на нее смотреть.

Мэтью взял сумки и без происшествий переправил их вниз вместе со мной. У ворот уже стояло такси. Наскоро переговорив с Фредом, Мэтью дал ему какую-то карточку и пожал руку. Мне явно не полагалось знать, какой договор они заключили. Мы сели в такси, и огни Оксфорда остались позади.

— Почему ты не взял свою машину? — спросила я.

— Чтобы Маркусу не пришлось ее забирать.

Меня укачивало от плавной езды. Привалившись к плечу Мэтью, я задремала.

Мы поднялись в воздух, как только у нас проверили паспорта, а пилот заполнил свои бумажки. Наши сиденья располагались друг против друга, их разделял низкий столик. Я все время зевала, и в ушах щелкало от перепада давления. Как только самолет набрал высоту, Мэтью отстегнул ремень и достал из шкафчика под окнами подушки и одеяло.

— Скоро будем во Франции. — Он положил подушки на мое сиденье (почти с двуспальную кровать шириной) и приготовился укрыть меня одеялом. — Поспи, пока мы летим.

Но мне не хотелось спать. Честно говоря, я боялась — проклятая фотография отпечаталась на изнанке моих век. Мэтью присел передо мной, не выпуская из рук одеяла:

— Что с тобой?

— Не хочу закрывать глаза.

Он сел рядом, положил одну подушку на колени, сбросив на пол все прочие, и похлопал по ней:

— Иди сюда.

Я вытянулась на мягком кожаном сиденье, положив голову на подушку. Меня тут же укрыло мягкое одеяло.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Пожалуйста. — Он коснулся своих губ, потом моих. Я ощутила вкус соли. — Спи, я с тобой.

И я уснула и спала глубоко и без сновидений. Мэтью разбудил меня, тронув холодными пальцами щеку, и сказал, что мы скоро пойдем на посадку.

— Который час? — Я еще толком не пришла в себя.

— Около восьми.

— И где мы сейчас находимся? — Я села, нашаривая ремень.

— В Оверни, недалеко от Лиона.

— В самом центре страны? — спросила я, представив себе карту Франции. Мэтью кивнул. — Ты здешний?

— Да, родился и возродился в этих краях. Мой дом — отчий дом — в паре часов езды. Будем там совсем скоро.

Мы сели на частном поле местного аэропорта. Скучающий чиновник, проверявший наши документы, мигом встрепенулся при виде фамилии Мэтью.

— Ты всегда так путешествуешь? — Это, конечно, куда проще, чем лететь через лондонский Хитроу и парижский Шарль-де-Голль.

— Да, — ничуть не смутившись, ответил Мэтью. — В эти моменты меня искренне радует, что я вампир и денег мне девать некуда.

Остановившись рядом с гигантским «рейнджровером», Мэтью достал из кармана ключи. Открыл заднюю дверцу, закинул внутрь мой багаж. «Рейнджровер», не столь шикарный, как «ягуар», искупал недостаток блеска солидностью. Настоящая бронемашина.

— По французским дорогам ни на чем другом не проехать? — поинтересовалась я.

— Погоди, ты еще не видела дом моей матери, — засмеялся Мэтью.

Мы поехали на запад через красивую местность, вверх-вниз по крутым горам, мимо великолепных шато. Куда ни глянь — поля и виноградники, эта земля даже под стальным небом играла всеми оттенками осени. Надпись на указателе «Клермон-Ферран» явно не была совпадением.

Мэтью свернул на боковую дорогу, притормозил, показал куда-то вперед:

— Ну, вот и Сет-Тур.

Среди круглых холмов возвышалась небольшая гора с плоской вершиной, увенчанная громадой из розового и желтого камня. Семь башенок по бокам, зубчатые стены, укрепленные ворота. Не просто декоративный замок, где в лунные ночи устраиваются балы. Крепость.

— Вот это называется домом?

— Ну да. — Мэтью набрал на мобильнике номер. — Maman? Мы почти приехали.

Ему что-то ответили и тут же повесили трубку. Мэтью, криво улыбаясь, тронулся с места.

— Она ждет нас? — Я сделала усилие, чтобы голос не дрогнул.

— Ждет.

— И что... все в порядке? — «Это ничего, что ты везешь домой колдунью?» — подразумевал мой завуалированный вопрос.

— Изабо, в отличие от меня, не любит сюрпризов.

Мэтью свернул на обсаженную каштанами дорожку, больше похожую на козью тропу, поднялся на холм, проехал между двумя из семи башен в мощеный двор перед главным зданием. Справа и слева тянулись газоны и сады, переходящие в лес.

— Готова? — спросил Мэтью, припарковавшись.

— Как нельзя более.

Он открыл дверцу, помог мне выйти. Одергивая черный жакет, я смотрела на мрачный фасад замка и думала: то ли еще будет внутри.

Дверь отворилась.

— Courage[1], — ободрил Мэтью, поцеловав меня в щеку.

---

[1] Мужайся *(фр.)*.

Глава 18

Величественная и холодная Изабо стояла в дверях своей твердыни и гневно взирала на сына.

Мы поднялись по ступеням, и Мэтью, чтобы поцеловать ее, согнулся на добрый фут.

— Войдем или будем знакомиться прямо здесь?

Изабо впустила нас в замок. Ее глаза прожигали меня насквозь. Пахло от нее чем-то похожим на лимонад с сарсапарелью и леденцы. Темный коридор был уставлен пиками, направленными прямо в голову гостю. Через него мы прошли в холл с высокими сводами. Роспись на стенах, явно относящаяся к девятнадцатому веку, изображала собой нечто средневековое — львы, лилии, змея, кусающая свой хвост, морские раковины. Винтовая лестница в дальнем углу вела на одну из башен.

Здесь я в полную силу ощутила на себе взгляд Изабо. Она служила воплощением той устрашающей элегантности, которая у француженок, похоже, в крови. Подобно сыну, выглядевшему чуть старше ее, она носила однотонные цвета, делавшие бледность не столь заметной, только ее гамма восходила от кремового к светло-коричневому. Все в этом ансамбле, от темно-желтых туфель из мягкой кожи до топазовых серег, было просто, но дорого. Расширенные зрачки окружала изумрудными кольцами поразительно яркая радужка, высокие скулы спасали ослепительно-белое лицо от пошлой красивости. Струящиеся волосы цветом напоминали мед, на шее был повязан шарф из золотистого шелка.

— Надо быть осторожнее, Мэтью. — Акцент придавал его имени старинное звучание; голос, мелодичный и завлекающий,

как у всех вампиров, напоминал далекий перезвон колокольчиков.

— Боишься сплетен, Maman? Ты же всегда гордилась своими радикальными взглядами, — снисходительно и в то же время нетерпеливо заметил Мэтью и бросил на отполированный столик ключи, которые, скользнув, замерли возле фарфоровой китайской чаши.

— Никогда не была радикалом, — ужаснулась Изабо. — Новшествам придают слишком большое значение.

Она оглядела меня с ног до головы, и ее прелестные губки сжались в тонкую линию.

Неудивительно, что увиденное ей не понравилось. Я попыталась взглянуть на себя ее глазами: песочные волосы, не очень густые и не слишком ухоженные, россыпь веснушек (слишком много времени я проводила на воздухе), длинноватый нос. Лучше всего у меня глаза, но недостаток стиля и они не могут восполнить. На фоне ее элегантности и всегдашней безупречности Мэтью я выглядела и чувствовала себя как неприметная мышка. Я снова одернула жакет. Хорошо хоть, что пальцы не искрят, — будем надеяться, что и свечения, о котором говорил Мэтью, нет.

— Диана Бишоп — моя мать Изабо де Клермон, — произнес Мэтью.

Изабо чуть заметно раздула ноздри:

— Не люблю, как пахнет от колдунов. Что-то сладкое и омерзительно зеленое, как весна. — Она в совершенстве владела английским.

Мэтью разразился речью на смеси французского, испанского и латыни. Голоса он не повышал, но гнев чувствовался безошибочно.

— Cela suffit[1]. — Изабо провела рукой по горлу, я, сглотнув, невольно потянулась к воротнику жакета. — Диана. — Она произнесла мое имя с непривычной интонацией и подала мне руку.

Я слегка пожала холодные белые пальцы. Мэтью держал меня за левую руку, и мы на миг образовали странный кружок из двух вампиров и одной колдуньи.

---

[1] Ну, довольно *(фр.)*.

— Encantada.

— Она рада с тобой познакомиться, — перевел Мэтью, выразительно посмотрев на нее.

— Да-да, — нетерпеливо бросила Изабо, повернувшись к нему. — Она, разумеется, говорит только на английском и новофранцузском. Теплокровные в наши дни получают плохое образование.

В этот момент в холл вошла пожилая женщина с белоснежным лицом и до странности темными волосами, уложенными в замысловатую корону из кос.

— Мэтью! — воскликнула она, протянув к нему руки. — Cossi anatz?

— Va plan, merces. E tu? — Мэтью обнял ее и расцеловал в обе щеки.

— Aital aital. — Она с гримасой схватилась за локоть. Мэтью посочувствовал, Изабо нетерпеливо воздела глаза к потолку.

— Марта, это Диана, мой друг.

Марта тоже была вампиром — одним из самых старых, которых я встречала. Она, видимо, возродилась уже на седьмом десятке: возраст, несмотря на отсутствие седины, выдавали многочисленные морщины, а узловатые пальцы не могла распрямить даже вампирская кровь.

— Добро пожаловать, Диана, — сказала она, глядя мне в глаза и беря меня за руку. Песок в ее голосе мешался с патокой. — Elle est une puissante sorciere, — объявила она Мэтью, раздувая ноздри.

— Она говорит, ты сильная колдунья, — пояснил он.

Его близость чуть уменьшала тревогу, вызванную тем, что меня обнюхивает вампирша.

Не зная, как ответить ей по-французски, я ограничилась вялой улыбкой.

— Да ты едва на ногах держишься, — сказал Мэтью, посмотрев на меня, и заговорил с обеими женщинами на незнакомом мне языке.

Разговор сопровождался энергичными жестами, вздохами и закатыванием глаз. Когда Изабо упомянула Луизу, Мэтью опять рассердился и отрезал что-то безапелляционным тоном.

— Хорошо, Мэтью, — пожала плечами его мать.

— Сейчас мы тебя устроим, — обратился он ко мне потеплевшим голосом.

— Я принесу еды и вина, — на неуверенном английском сказала Марта.

— Спасибо. И вам, Изабо, спасибо, что согласились меня принять.

Она фыркнула и оскалилась. Я, толкуя сомнение в ее пользу, сочла это за улыбку.

— И воды тоже, Марта, — попросил Мэтью. — Я, кстати, заказал кое-какие продукты.

— Часть уже привезли, — язвительно сообщила Изабо. — Листья какие-то, овощи, яйца. Нашел что заказывать.

— Диану надо чем-то кормить, Maman. Я же помню, какие у вас запасы. — События прошлого вечера и этот чуть теплый прием начинали подрывать терпение Мэтью.

— У меня вот свежая кровь вышла, но ее из Парижа среди ночи Виктуар и Ален не доставят.

У меня, к большому удовольствию Изабо, подкосились коленки.

Мэтью с безнадежным вздохом взял меня под руку и сказал, подчеркнуто игнорируя Изабо:

— Марта, не могла бы ты приготовить Диане яичницу, тост и чашечку чая?

Экономка, которая переводила взгляд с хозяйки на ее сына, как зритель на теннисном матче, засмеялась, кивнула и проговорила:

— О'кей.

— Увидимся за ужином, — сказал, уводя меня, Мэтью.

Ледяные взгляды Марты и Изабо уперлись мне в спину.

— Что тебе говорила Марта? — спросила я шепотом, хотя шептать в этом доме не было никакого смысла: все равно услышат.

— Что мы хорошо смотримся вместе.

— Не хочется, чтобы Изабо злилась все время, пока я буду здесь жить.

— Не обращай внимания. Лучше пусть лает, чем кусает.

Следующая комната была длинная, с большим количеством разномастных столов и стульев. Над одним из двух каминов скрестили копья два рыцаря в блестящих доспехах. Крови не

пролилось — фреску, очевидно, писал тот же сентиментальный энтузиаст, что украшал холл. В другой комнате сквозь открытую дверь виднелись шкафы с книгами.

— Библиотека? — воодушевилась я, мигом забыв о враждебности Изабо. — Нельзя ли посмотреть «Aurora Consurgens» прямо сейчас?

— Позже, — твердо ответил Мэтью. — Когда поешь и поспишь.

Он привычно лавировал в лабиринте старинной мебели, я же за недостатком опыта стукнулась бедром о пузатый комод, и на нем закачалась ваза.

— Подниматься долго, а ты устала, — сказал он, подведя меня к лестнице. — Может, взять тебя на руки?

— Вот еще! — возмутилась я. — Еще через плечо меня перекинь, как рыцарь — пленную горожанку. — (У Мэтью в глазах заплясали чертики.) — Что тут смешного?

Но он все-таки засмеялся. Благодаря эху мне показалось, что здесь собралась целая компания развеселых вампиров. Я осталась при своем мнении: по этой лестнице наверняка втащили множество женщин, но я пойду своими ногами.

На пятнадцатой ступеньке я сильно запыхалась. Лестницы в этом замке строились для вампиров вроде Мэтью, длинноногих и не знающих устали, но я стиснула зубы и продолжала взбираться. Лестница, как вскоре выяснилось, вела прямо в комнату.

Я в изумлении прижала руку к губам.

Сразу было понятно, чья это комната, — на ней лежал отпечаток Мэтью.

Мы находились в круглой башне на задней стороне дома — в той, что сохранила остроконечную медную крышу. В высоких узких окнах виднелись пестрящие осенними красками поля и деревья.

Книжные шкафы вдоль стен придавали комнате, тоже круглой, прямоугольные очертания. В стену, примыкавшую к центральному зданию, был вделан большой камин, чудом избежавший живописи девятнадцатого столетия. Кресла, кушетки, пуфы, столы были выдержаны в зеленых, коричневых и золотистых тонах, отчего комната, несмотря на свою величину и серые каменные стены, выглядела уютной и теплой.

Но самый большой интерес представляла коллекция, собранная хозяином за разные свои жизни. На полке рядом с морской раковиной стояла неизвестная картина Вермеера — все полотна этого художника я знала наперечет. Кажется, портрет Мэтью? Ужасно похож. Над камином висел меч, такой тяжелый и длинный, что только вампир и мог управляться с ним. В углу — доспехи (как раз на Мэтью), напротив подвешен человеческий скелет, скрепленный чем-то вроде фортепианной струны. На столе рядом два микроскопа старинной работы — семнадцатый век, судя по всему. В стенной нише около вырезанной из слоновой кости Девы Марии — резное распятие, украшенное красными, зелеными и синими камнями.

Снежный взгляд Мэтью тронул мое лицо.

— Твой музей, — произнесла я, чувствуя, что каждый экспонат здесь обладает своей историей.

— Кабинет всего-навсего.

— Где ты их... — начала я, показывая на микроскопы.

— Позже, — повторил он. — До тебя еще тридцать ступенек.

Очередная лестница поднималась куда-то в небо. Через тридцать трудных шагов я оказалась в другой круглой комнате, посредине которой возвышалась гигантская ореховая кровать с четырьмя столбиками, балдахином и тяжелым пологом. Наверху стропила, поддерживающие медную кровлю, у одной стенки стол, в другой камин и удобные кресла рядом. За приоткрытой дверью видна огромная ванна.

— Орлиное гнездо, — прокомментировала я, посмотрев в окно.

Мэтью любовался этим пейзажем начиная со Средневековья. Приводил ли он сюда других женщин? Наверняка приводил, но вряд ли их было много. В этом замке, по всей видимости, посторонних не привечали.

— Одобряешь? — спросил Мэтью из-за плеча, легонько дохнув мне в ухо.

Я кивнула и поинтересовалась, не удержавшись:

— Сколько лет?

— Башне-то? Около семисот.

— А деревне? Они про вас знают?

— Да. Вампирам, как и колдунам, безопаснее жить в общине, где о них знают, но вопросов не задают.

Бишопы поколениями жили в Мэдисоне, и никто шума не поднимал. Мы прятались на виду у всех, Питер Нокс тоже.

— Спасибо, что привез меня в Сет-Тур. Здесь в самом деле гораздо безопасней, чем в Оксфорде.

Несмотря на Изабо.

— А тебе спасибо, что не дрогнула перед матушкой. — Мэтью усмехнулся, точно подслушав мои невысказанные слова. — Она, как большинство родителей, чересчур меня опекает. — От него веяло свежей гвоздикой.

— Я чувствовала себя идиоткой, к тому же плохо одетой. Ни одна из моих вещей ее одобрения наверняка не заслужит. — Я прикусила губу и наморщила лоб.

— Коко Шанель тоже не заслужила. Больно высоко метишь.

Я со смехом обернулась к нему. Наши взгляды встретились, и у меня захватило дух. Взгляд Мэтью перешел на губы, пальцы тронули мою щеку.

— В тебе столько жизни, — проворчал он. — Тебе нужен кто-нибудь намного моложе.

Я привстала на цыпочки, он наклонился. Но не успели наши губы слиться, как кто-то с грохотом поставил на стол поднос.

— Vos etz arbres e branca, — с озорным видом сказала Марта.

— On fruitz de gaug s'asazona, — пропел в ответ Мэтью чистым баритоном.

— Что это за язык? — Мы с ним прошли к камину.

— Старинный, — ответила Марта.

— Окситанский[1]. — Мэтью снял серебряную крышку, в комнате запахло яичницей. — Марта прочла стихи, чтобы вызвать у тебя аппетит.

Хихикнув и шлепнув его по руке полотенцем, Марта указала мне стул напротив:

— Сюда, сюда. Садись ешь.

Я подчинилась. Марта налила Мэтью вина из высокого стеклянного кувшина с серебряной ручкой.

---

[1] *Окситания* — историческая область, включавшая в себя юг Франции (в том числе и Овернь), Монако, а также горные долины Италии и Испании.

— Merces, — сказал он, тут же сунув нос в кубок.

Из другого кувшина, точно такого же, Марта наполнила мой бокал ледяной водой, а потом налила в кружку горячего чая. Я определила его как парижский сорт «Марьяж Фрер». Мэтью основательно порылся в моих кухонных шкафах, прежде чем составить список покупок. Он не успел помешать Марте долить густых сливок, но я предостерегающе на него посмотрела — в этом доме мне требовались союзники, да и пить хотелось так, что сливки не имели значения. Он откинулся на спинку стула, смакуя свое вино.

Марта составила на стол соль, перец, масло, джем, тост и золотистый омлет с ароматными травами.

— Mercì, Марта, — от души промолвила я.

— Ешь! — велела она, замахнувшись на меня полотенцем.

Удовлетворенная моим послушанием, она принюхалась, сказала Мэтью что-то нелестное и чиркнула спичкой, растапливая камин.

— Марта, — Мэтью встал с места, — я сам могу.

— Ей холодно, а ты ней. Я зажгу.

Вскоре огонь разгорелся. В большой комнате не стало жарко, но значительно потеплело. Марта отряхнула руки и поднялась:

— Ей надо спать. Я носом чую, она сильно боялась.

— Она ляжет, как только поест, — пообещал Мэтью, торжественно подняв правую руку.

Марта погрозила вампиру пятнадцати сотен лет от роду, словно пятнадцатилетнему мальчишке, но все же поверила и удалилась, без труда преодолевая крутые ступени.

— Окситанский, кажется, язык трубадуров? — спросила я; Мэтью кивнул. — Не знала, что северяне тоже на нем говорили.

— Не такой уж у нас дальний север, — улыбнулся он. — Париж мы считали далекой пограничной провинцией, почти все говорили по-окситански. От северян вместе с их наречием нас защищали горы — здесь до сих пор не очень-то жалуют чужаков.

— Что вы друг другу сказали?

— «Ты ствол, она ветка, где зреет восторгов плод», — перевел Мэтью, устремив взгляд в окно. — Теперь Марта будет напевать это весь день и сведет Изабо с ума.

Комната нагревалась, и меня начало клонить в сон. Я с трудом доела омлет.

От очередного зевка я едва не вывихнула себе челюсть, и Мэтью подхватил меня на руки.

Я запротестовала.

— Хватит уже, ты еле сидишь. — Он посадил меня в ногах кровати, откинул покрывало. Белоснежные хрустящие простыни так и манили. Я уронила голову на груду пуховых подушек. — Спи! — приказал Мэтью, задвигая полог.

— Не уверена, что получится. — Я подавила очередной зевок. — Никогда не сплю днем.

— А по виду и не скажешь. Ты теперь во Франции, так что учись. Я буду внизу — зови, если что понадобится.

Учитывая расположение комнат, мимо Мэтью ко мне никто не пройдет; можно подумать, что он хотел отгородиться от собственного семейства.

У меня назревал вопрос, но Мэтью предотвратил его, плотно задернув полог. Свет не проникал сквозь тяжелую ткань, сквозняки тоже. Я согрелась и быстро заснула.

Разбудил меня шорох переворачиваемых страниц. Я рывком села, не понимая, кто меня так занавесил, и лишь потом вспомнила.

Я во Франции, в доме Мэтью.

— Мэтью? — тихо позвала я.

Он раздвинул полог и с улыбкой посмотрел на меня. В комнате горело чуть ли не сто свечей — одни на стенах, другие в канделябрах на полу и на столах.

— Для того, кто не спит днем, ты недурно вздремнула, — сказал он, довольный тем, что поездка во Францию начинает себя оправдывать.

— Который час?

— Надо подарить тебе часы, чтобы не теребила меня. — Он взглянул на свои старые «Картье». — Почти два часа дня, Марта вот-вот подаст чай. Не хочешь принять душ и переодеться?

При мысли о горячей воде я мигом сбросила одеяло:

— Да, пожалуйста!

Мэтью помог мне слезть — кровать оказалась выше, чем я ожидала, а каменный пол обжег ноги холодом.

— Твоя сумка в ванной, компьютер у меня в кабинете, полотенца приготовлены. Мойся сколько захочешь.

— Да это дворец! — воскликнула я, забежав в ванную.

Громадная белая ванна на ножках помещалась между двух окон, на длинной деревянной скамье стояла моя потрепанная дорожная сумка, в углу из стены торчала насадка для душа.

Я пустила воду, думая, что она не скоро нагреется, но меня — о чудо! — сразу окутал пар. Мыло, пахнущее медом и нектарином, помогло снять напряжение, мучившее меня все последние сутки.

Вымывшись, я натянула джинсы, носки, водолазку. Розетки для фена не было, поэтому я просто вытерла волосы и связала их в конский хвост.

— Марта принесла чай, — сообщил Мэтью, когда я вышла. — Налить тебе?

Я блаженно вздохнула, отпив глоток.

— Так когда же я увижу «Aurora Consurgens»?

— Когда я буду уверен, что ты не заблудишься на пути к ней. Готова к большой экскурсии?

— Да. — Я надела мокасины, сбегала в ванную за свитером. Мэтью терпеливо ждал, стоя у лестницы. — Может, чайник захватим вниз?

— Нет, Марта придет в ярость, если я позволю гостье убрать посуду. Подожди хотя бы денек.

Мэтью, похоже, мог ходить по этим стертым ступеням с завязанными глазами, но я шла осторожно, придерживаясь за стену.

У себя в кабинете он показал мне мой ноутбук — тот, уже подключенный, стоял на столе у окна. На первом этаже пахло дымком от разожженного Мартой камина.

— Начнем экскурсию с библиотеки, — взмолилась я.

Эту комнату тоже долгие годы заполняли мебелью и разными безделушками. У французского секретера времен Директории стоял итальянский стул «савонарола», а витрины на громадном дубовом столе, относящемся примерно к 1700 году, словно взяли из музея Викторианской эпохи. Но нескончаемые ряды переплетенных в кожу книг на ореховых полках и обюссонский ковер в золотисто-сине-коричневых тонах сглаживали разницу в стилях.

Книги, как в большинстве старинных библиотек, были расставлены по ранжиру. Толстые манускрипты стояли корешками внутрь и разукрашенными застежками наружу — названия были надписаны на обрезе. Инкунабулы и книжки карманного формата представляли историю книгопечатания от 1450-х до наших дней. Были тут и первые издания: «Шерлок Холмс» Артура Конан Дойла и «Меч в камне» Т. Х. Уайта. Еще один шкаф вмещал большие инфолио — атласы, гербарии, медицинские труды. Если все это хранится внизу, какие же сокровища можно найти в кабинете Мэтью?

Он позволил мне налюбоваться вдоволь. Вернувшись к нему, я не нашла слов — только головой покачала от изумления.

— Представь, что покупаешь книги веками. — Мэтью пожал плечами, напомнив мне Изабо. — Они накапливаются сами собой. Это притом, что от многих пришлось избавиться — иначе они бы и в Национальную библиотеку не влезли.

— Где же она?

— Вижу, твое терпение на исходе. — Мэтью снял с полки небольшую книжку в черном тисненом переплете и подал мне.

Я оглянулась в поисках подставки для чтения.

— Открывай смело, она не рассыплется, — засмеялся вампир.

Я привыкла относиться к таким книгам как к бесценным редкостям и потому приоткрыла томик очень осторожно. В глаза бросились переливы ярких красок, позолота и серебро.

— Ох! — Знакомые мне экземпляры «Aurora Consurgens» были далеко не столь великолепны. — Прелесть какая! Известно, кто ее иллюстрировал?

— Женщина, которую звали Бурго Ле Нуар. Пользовалась большой популярностью в Париже середины четырнадцатого века. — Мэтью взял у меня книгу и раскрыл полностью. — Вот, посмотри.

Первая иллюстрация изображала королеву, стоящую на пригорке. Под ее широко раскинутым плащом укрывались семеро малорослых созданий. Обрамляли картинку вьющиеся лозы с раскрывающимися бутонами и птицами на ветвях. Платье королевы, шитое золотом, сверкало на алом фоне. В самом низу страницы был нарисован щит, а на нем чернью и серебром —

герб. Сидящий на щите мужчина в черной мантии смотрел на королеву, с мольбой простирая к ней руки.

— Этому никто не поверит. Неизвестный экземпляр «Aurora Consurgens», иллюстрированный женщиной? Я даже сослаться на него не смогу.

— Я одолжу его на год Библиотеке Бейнеке, если это тебе поможет. Анонимно, само собой. Эксперты припишут рисунки отцу Бурго, но в действительности это ее работа. У нас должна быть купчая на эту книгу... надо спросить Изабо, где лежат вещи Годфри.

— Годфри? — Я рассматривала герб, где змея с хвостом во рту окружала кольцом цветок лилии.

— Мой брат, — сразу помрачнел Мэтью. — Погиб в тысяча шестьсот шестьдесят восьмом году на одной из проклятых войн Людовика Четырнадцатого. — Он осторожно закрыл книгу и положил на стол. — Потом заберу ее в кабинет, и ты посмотришь как следует. По утрам Изабо читает в библиотеке газеты, но в остальное время здесь пусто. Можешь рыться на полках сколько вздумается.

Он провел меня через салон в большой холл и, стоя у китайской чаши, показал галерею для менестрелей, люк, через который до изобретения каминов и труб выходил дым, а также дверь на сторожевую башню. Слазить туда мы решили завтра.

Цокольный этаж представлял собой лабиринт из кладовых, винных погребов, кухонь, людских и буфетных. Откуда-то, по локоть в муке, вышла Марта и вручила мне свежевыпеченную булочку. Пока я ее жевала, Мэтью рассказывал, в каких комнатах прежде хранили зерно, подвешивали оленьи туши и делали сыр.

— Но вампиры же ничего этого не едят, — заикнулась я.

— Зато наши арендаторы ели. Марта любит готовить.

Я, в восторге от булочки и омлета, пообещала обеспечить ее работой.

По дороге сюда мы спустились на целый марш, но в огород и сады вышли, не поднимаясь по лестнице. На грядках, прямиком из шестнадцатого столетия, росли травы и овощи. Бордюром служили розовые кусты, но заинтриговавший меня запах

исходил не от них. Я направилась к приземистой постройке неподалеку.

— Осторожно, Бальтазар кусается, — предупредил Мэтью, спеша следом за мной.

— Который из них Бальтазар?

Мэтью вошел следом за мной в конюшню:

— Тот самый, который об тебя чешется.

Я стояла спиной к огромному жеребцу, а ноги мне тем временем обнюхивали мастиф с волкодавом.

— Меня не укусит. — (Першерон, нагнув голову, потерся ушами о мое бедро.) — А кто эти джентльмены? — Я потрепала волкодава по шее. Мастиф облизывал мою руку.

— Тот, кого ты гладишь, — Фаллон, второй — Гектор. — Мэтью щелкнул пальцами. Собаки тут же подбежали к нему и уселись, ожидая дальнейших распоряжений. — Ты бы отошла от коня.

— Почему? Он хороший.

Бальтазар в знак согласия топнул и повел ухом, высокомерно глядя на Мэтью.

Когда летит на пламя мотылек,
Он о своем конце не помышляет,

продекламировал тот. — Когда ему делается скучно, он перестает быть хорошим. Отойди, пожалуйста, пока он не разнес свой денник в щепки.

— Твой хозяин так нервничает, что читает стихи безумного итальянского клирика. Завтра принесу тебе что-нибудь вкусное. — Я чмокнула Бальтазара в нос.

Он заржал, нетерпеливо перебирая копытами.

— Ты знаешь, кто автор? — искренне удивился Мэтью.

— Джордано Бруно.

Когда олень от жажды изнемог,
Спеша к ручью, он о стреле не знает;
Когда сквозь лес бредет единорог,
Петли аркана он не примечает[1].

[1] Цитаты из книги Дж. Бруно «О героическом энтузиазме» приведены в переводе Я. Емельянова, Ю. Верховского, А. Эфроса.

— Тебе знакомы труды Ноланца? — Знаменитый мистик шестнадцатого века именовал себя именно так.

Неужели Мэтью и его знал? Он, похоже, водился со всеми чудаками, которые когда-либо жили на свете.

— Он был последователем Коперника. История науки — моя специальность, а вот тебе его работы откуда известны?

— Читал, — уклончиво сказал Мэтью.

— Ты знал его! — заявила я прокурорским тоном. — Он что, был даймоном?

— И боюсь, из тех, что слишком часто переходят грань между безумием и гениальностью.

— Следовало догадаться. Он верил во внеземные цивилизации и проклинал инквизиторов по пути на костер.

— И хорошо понимал, что такое желание.

— «Желание шпорит, страх уздой берет». Он фигурировал в твоем эссе для колледжа Всех Душ?

— Отчасти. — Мэтью поджал губы. — Пойдем-ка отсюда. О философии поговорим в другой раз.

Я вспомнила еще кое-что. Бруно писал о Диане — богине Диане.

— Бальтазар как-никак не пони. — Мэтью взял меня за локоть и увлек прочь.

— Я вижу, но вполне могла бы с ним справиться. — «Aurora Consurgens» и итальянский философ мигом забылись при мысли о таком приключении.

— Ты и верхом ездишь? — Мэтью не переставал удивляться мне.

— Выросла, можно сказать, в деревне и езжу с детства. Выездка, барьеры и все такое.

Скачка на лошади еще больше напоминает полет, чем гребля.

— У нас есть другие лошади. Бальтазара оставь в покое, — решительно велел Мэтью.

Это мне награда за Францию — с лошадьми я даже Изабо как-нибудь вытерплю.

Мэтью повел меня к другому концу конюшни, где стояли еще шесть великолепных скакунов. Два крупных, почти с Бальтазара, черных коня, округлая рыжая кобылка, гнедой мерин и двое серых андалусиек с крутыми шеями и большими копы-

тами. Одна из них подошла к двери стойла посмотреть, что происходит в ее владениях.

— Нар Ракаса, Огненная Плясунья, — представил Мэтью, поглаживая ей морду. — Мы ее зовем просто Ракасой. Отличный скакун, только с норовом. Вы должны хорошо поладить.

Не клюнув на столь изящно предложенную наживку, я позволила Ракасе обнюхать мою голову.

— А сестру ее как зовут?

— Фиддат, Серебряная. — Фиддат, с добрыми темными глазами, тоже подошла к нам, когда услышала свое имя. — Это лошадь Изабо, а вон те, Дар и Саяд, — мои, — показал на вороных Мэтью.

— Что значат их имена?

— Дар по-арабски «время», Саяд — «охотник». Саяд любит гоняться за дичью и скакать через изгороди, а Дар — терпеливый, спокойный конь.

Продолжив экскурсию, Мэтью сообщил мне названия ближних гор и показал, в какой стороне город. Рассказал, как реконструировался замок, — строителям пришлось использовать другой камень, поскольку прежний больше не добывали. Я решила, что теперь не потеряюсь в усадьбе, ведь центральное здание видно отовсюду.

— Почему я чувствую такую усталость? — зевнула я, когда мы возвращались обратно к замку.

— Ты безнадежна, — вздохнул Мэтью. — Перечислить тебе, что произошло за последние тридцать шесть часов?

По его настоянию я согласилась опять прилечь. Мэтью остался в кабинете, а я поднялась наверх и рухнула на кровать — даже свечи не задула, до того утомилась.

Мне приснилось, что я скачу по темному лесу в подпоясанной зеленой тунике и сандалиях с ремешками до самых колен. Собаки лают, конские копыта топчут подлесок, за плечом у меня колчан со стрелами, в руке лук, позади слышна погоня, но мне не страшно — я знаю, что им меня не догнать.

«Лети», — приказала я лошади, и она полетела.

Глава 19

На следующее утро я только и думала что о конной прогулке.

Почистив зубы и кое-как причесавшись, я натянула черные легинсы — единственное, что могло у меня сойти за бриджи для верховой езды. Кроссовки в стременах не удержатся, придется надеть мокасины. Не совсем то, но сойдут. Наряд довершили футболка с длинными рукавами и флиска. Я собрала волосы в хвост, влетела в спальню и наткнулась на Мэтью.

Облаченный в темно-серые бриджи и черный свитер вампир стоял в дверном проеме, загораживая мне дорогу вытянутой рукой.

Следовало ожидать... Вчерашний ужин с Изабо прошел, мягко говоря, напряженно, и мой последующий сон пронизывали кошмары. Мэтью несколько раз за ночь поднимался ко мне.

— Давай покатаемся! Я в порядке, честное слово. Движения и свежий воздух — как раз то, что мне нужно.

Мэтью убрал руку, но смерил меня мрачным взглядом:

— Если хоть раз покачнешься в седле, поворачиваем домой. Понятно?

— Понятно.

Внизу я направилась в столовую, но Мэтью меня удержал:

— Поедим в кухне.

Значит, торжественный завтрак с Изабо, взирающей на меня поверх «Монд», отменяется? Уже хорошо.

Ели мы, однако, не в кухне, а в комнате экономки. Круглый, весь в царапинах стол возле пылающего камина был накрыт на двоих, хотя восхитительной стряпней Марты наслаждалась одна только я. Посредине высился большущий чайник, завер-

нутый в льняное полотенце. Марта сокрушалась по поводу моей бледности и темных кругов под глазами.

Когда я стала чуть медленнее орудовать вилкой, Мэтью водрузил на стол целую пирамиду коробок, увенчанную черным бархатным шлемом с эластичной подбородочной лентой.

— Это тебе.

Назначение похожего на бейсболку шлема было предельно ясным. Прочный, несмотря на бархатное покрытие, он помогает хрупкому человеческому черепу выдержать удар о землю. Я эти штуки терпеть не могла, но безопасность есть безопасность.

— Спасибо. А что в коробках?

— Открой — и увидишь.

В верхней лежали черные бриджи с замшевыми вставками, чтобы лучше держаться в седле. Судя по виду, они мне как раз, и в них, конечно, ездить куда удобней, чем в скользких легинсах. Не иначе, Мэтью сообщил кому-то по телефону мои размеры, пока я спала. Я улыбнулась ему.

В той же коробке обнаружился стеганый черный длиннополый жилет с металлическими защитными ребрами на швах. Настоящий черепаший панцирь, громоздкий и неудобный.

— Это мне не понадобится, — нахмурилась я.

— Понадобится, если собираешься ехать верхом, — ровным голосом сообщил Мэтью. — Ты говоришь, что у тебя большой опыт, значит приспособишься без проблем.

Я вспыхнула, пальцы подозрительно зазудели. Мэтью смотрел на меня с интересом, Марта, принюхиваясь, встала в дверях. Я сделала несколько глубоких вдохов, и зуд прекратился.

— Садясь в мою машину, ты пристегиваешься. Садясь на мою лошадь, надеваешь защитный жилет, — столь же ровным голосом заявил Мэтью.

Наши взгляды скрестились, но я сдалась первая, опасаясь лишиться прогулки. Марта от души веселилась: наши переговоры забавляли ее не меньше, чем стычки Изабо с Мэтью.

Покорившись, я пододвинула к себе нижнюю коробку, длинную и тяжелую. Когда я подняла крышку, запахло кожей.

Сапоги. Черные, до колен. Я в жизни не выступала на состязаниях и такой обуви при своих ограниченных средствах никогда не носила.

— Спасибо, — выдохнула я, трогая лоснящуюся кожу.

Мэтью заметно удивила моя реакция, и от этого у меня на сердце стало еще теплей.

— Мне кажется, они тебе будут впору.

— Иди переоденься, девочка, — позвала Марта.

Раздевалкой нам послужила прачечная. Я мигом содрала с себя хлопковые с лайкрой легинсы и влезла в бриджи. Марта взяла у меня вещи и покачала головой, глядя на мои мышцы.

— Раньше женщины не скакали верхом, как мужчины.

Мэтью, снова отдававший кому-то указания (теперь по телефону), посмотрел на меня с одобрением:

— Ну вот, так лучше. Здесь нет «холуя», чтобы сапоги снимать и надевать, придется идти до конюшни в туфлях.

— Нет, я хочу сейчас!

— Ладно, садись, — вздохнул он. — В первый раз ты их без посторонней помощи не наденешь.

Мэтью подвинул стул вместе со мной поудобнее и подставил правый сапог. Я сунула туда ногу по щиколотку и поняла, что он прав: сама я нипочем бы не продвинулась дальше. Мэтью, держа сапог за пятку и носок, осторожно его поворачивал, а я тянула за голенище. Через пару минут нога пролезла, Мэтью поднажал, и сапог стал на место.

Таким же манером мы надели второй. Я вытянула ноги, любуясь ими. Мэтью поддергивал, похлопывал и просовывал холодные пальцы за голенище, проверяя, нормально ли циркулирует кровь. Я встала — собственные ноги показались мне непривычно длинными, — сделала несколько пробных шагов, покрутилась на пятках.

— Спасибо. — Привстав на носках, я обхватила Мэтью за шею. — Они прелесть.

В Оксфорде Мэтью таскал мой ноутбук и коврик для йоги, здесь — шлем и жилет. Конюшня была открыта, внутри кто-то работал.

— Жорж, — позвал Мэтью.

Из-за угла вышел маленький жилистый конюх неопределенного возраста (но не вампир), со скребком и уздечкой. Бальтазар, когда мы прошли мимо, топнул и замотал головой, напоминая: ты обещала.

— На, малыш. — Я подала ему на ладони яблоко, которое стащила у Марты.

Бальтазар деликатно, одними губами, взял его и с торжеством посмотрел на хозяина.

— Да, сегодня ведешь себя словно принц, — сухо заметил Мэтью, — но это не значит, что при первом удобном случае ты не превратишься в черта.

Бальтазар сердито стукнул копытами.

Мы прошли в сбруйную: обычные уздечки и седла, а еще какие-то деревянные стульчики, снабженные с одного бока перильцами.

— Что это?

— Дамские седла. — Мэтью скинул ботинки и запросто натянул разношенные высокие сапоги: притопнул, подтянул, и готово. — Изабо предпочитает такие.

Дар и Ракаса в леваде с интересом прислушивались к беседе Мэтью и Жоржа, обсуждавших препятствия, которые могут нам встретиться. Я протянула Дару ладонь, жалея, что у меня больше нет яблок. Тот разочарованно фыркнул, учуяв сладкий фруктовый запах.

— В следующий раз обязательно. — Я нырнула под его шеей к Ракасе. — Здравствуй, красавица.

Она приподняла правую ножку и наклонила ко мне голову. Я огладила гладкие шею и плечи, приучая ее к своим рукам. Проверила, хорошо ли затянуты подпруги и нет ли складок на вальтрапе. Ракаса обнюхала меня, ткнулась в карман, где раньше лежало яблоко, и сердито мотнула головой.

— И тебе принесу, — со смехом пообещала я, положив руку на круп. — Давай-ка посмотрим.

Колдуны не любят, когда их макают в воду, а лошади — когда трогают их копыта, но я никогда не сажусь верхом, не убедившись, что в копытах ничего не застряло, — привычка такая и суеверие заодно.

Выпрямившись, я увидела, что мужчины пристально на меня смотрят. Жорж сделал какое-то одобрительное замечание, Мэтью, задумчиво кивнув, протянул мне шлем и жилет. Жесткий жилет сидел плотно, но был не так страшен, как я ожидала. Волосы, связанные в хвост, не помещались под шлем, и я неко-

торое время возилась с эластичной лентой под подбородком. Мэтью оказался рядом как раз вовремя, чтобы подсадить меня в стремя.

— Почему ты никогда не ждешь, чтобы тебе помогли? — проворчал он мне на ухо.

— Я вполне могу сама сесть на лошадь.

— Знаю, что можешь. — Он ухватил меня за ногу, подкинул в седло, проверил подпруги, длину стремян и лишь тогда отошел к своему коню. Его посадка доказывала, что он провел в седле не одну сотню лет. Король, да и только.

— Тихо, — шепнула я, прижав шенкеля к бокам нетерпеливо приплясывавшей Ракасы.

Она недоуменно качнула головой и стала прядать ушами.

— Пусти ее пока по леваде. Я сейчас, только седло проверю. — Мэтью, упершись коленом в левое плечо Дара, возился со стременем.

Я прищурилась. Седло тут, конечно, было ни при чем — он хотел посмотреть, как я езжу.

Я пустила Ракасу шагом. Она, оправдывая свое имя, действительно танцевала, поднимая и плавно опуская каждую ногу. Когда я сжала ее шенкелями, танцевальный шаг перешел в такую же плавную рысь. Мэтью больше не притворялся, что подтягивает стремя, Жорж широко улыбался, облокотившись на изгородь.

«Чудо-девочка», — произнесла я беззвучно.

Ракаса навострила левое ухо и слегка прибавила ходу. Я прижала шенкель чуть за стременем, и она, выбрасывая ноги и выгнув шею, пошла легким галопом. Сильно ли рассердится Мэтью, если мы сейчас перемахнем через изгородь?

Думаю, да.

— Ну-с? — спросила я, описав полукруг и опять перейдя на рысь.

Жорж кивнул и открыл нам ворота.

— Сидишь хорошо, — одобрил Мэтью, проинспектировав меня сзади, — и поводья хорошо держишь. — Кстати, — добавил он между делом, подъехав ближе, — на твоем предполагаемом прыжке через изгородь наша вылазка тут же бы и закончилась.

Старые садовые ворота вывели нас прямо в лес. Мэтью заметно расслабился, удостоверившись, что двуногих созданий рядом с нами не наблюдается.

Он послал Дара рысью, Ракаса послушно дожидалась моей команды. Я тронула ее шенкелями, не переставая дивиться плавному ходу.

— А какой породы твой Дар?

— Дестриер, я бы сказал. Его отличительные черты — быстрота и живость.

На таких лошадях ездили крестоносцы.

— Я думала, что дестриер — это огромный боевой конь.

Дар был крупнее Ракасы, но ненамного.

— Для того времени они и были огромными, но мужчин из нашей семьи, в доспехах и при оружии, все равно поднять не могли. Такие, как Дар, нам служили для удовольствия, а в бой мы ехали на першеронах наподобие Бальтазара.

Я смотрела между ушей Ракасы, набираясь мужества для следующего вопроса.

— Можно спросить про твою мать?

— Конечно. — Мэтью повернулся ко мне и уперся кулаком в бедро, держа поводья другой рукой.

Вот, значит, как ездили верхом средневековые рыцари.

— Почему она так ненавидит колдунов? Вампиры и колдуны — извечные враги, это понятно, но в ее неприязни ко мне я чувствую что-то личное.

— Того, что ты пахнешь весной, тебе мало?

— Да. Хотелось бы знать истинную причину.

— Она тебе завидует.

— Это еще почему?

— Давай разберемся. Во-первых, ты наделена волшебной силой и можешь заглянуть в будущее. Во-вторых, способна рожать детей и передавать свою силу им. В-третьих... тебе легко умереть.

— У Изабо есть ты и была Луиза.

— Да, она создала нас обоих, но это, вероятно, не то же самое, что родить.

— А почему она так завидует способности видеть будущее?

— Это связано с ее собственным обращением. Тот, кто создал ее, не спрашивал разрешения, — помрачнел Мэтью, — и сделал ее вампиром, чтобы взять в жены. До того она слыла ясновидящей и была достаточно молода, чтобы иметь детей. Став вампиром, она лишилась и того и другого. Изабо так и не смирилась с этой потерей, а колдуны постоянно напоминают ей об утраченном.

— Ну а легкая смерть здесь при чем?

— Она тоскует по отцу. — Мэтью замолчал, и я благоразумно воздержалась от новых вопросов.

Лес поредел, Ракаса нетерпеливо зашевелила ушами.

— Вперед, — махнул рукой Мэтью, показывая на лежащее за опушкой поле.

Ракаса по моей команде закусила мундштук и рванулась вперед. Взбираясь на холм, она чуть замедлилась, но на вершине принялась приплясывать и мотать головой, радуясь, что Дар внизу, а она наверху. Мы с ней описали восьмерку, ни разу не споткнувшись на поворотах.

Дар снялся с места в карьер и рванул к нам с невероятной быстротой — черный хвост так и стлался за ним. Я, раскрыв рот, придержала Ракасу. Вот, значит, в чем сила дестриеров: переходят от нуля сразу к шестидесяти, как хороший спортивный автомобиль. Мэтью не натягивал поводья — Дар сам остановился как вкопанный в шести футах от нас, слегка поводя боками.

— Ну вы даете! Мне ты даже через ограду не дал перепрыгнуть, а сам такое вытворяешь.

— Дару недостает нагрузки — это как раз то, что ему требуется. — Мэтью с ухмылкой потрепал скакуна по шее. — Поскачем наперегонки? Мы вам, разумеется, дадим фору, — с учтивым поклоном заверил он.

— Идет. Где финишируем?

Мэтью показал на одинокое дерево вдалеке на холме. На выбранной им дистанции не было никаких препятствий, — возможно, Ракаса не умеет так резко останавливаться, как Дар.

Я понимала, что вампира удивить трудно и что Ракаса, несмотря на все свои достоинства, ни за что не обскачет Дара, но

мне очень хотелось, чтобы она показала себя. Я нагнулась, на миг уперлась подбородком в ее теплую шею, закрыла глаза и мысленно приказала: *лети*.

Она рванулась вперед, как от хлыста. Теперь мною руководили только инстинкты.

Я привстала на стременах, завязала поводья в свободный узел. Когда Ракаса набрала скорость и выровнялась, я снова опустилась в седло, вынула ноги из бесполезных стремян, ухватилась за гриву. Позади, как в моем сне, грохотали копыта преследователей — Дара и Мэтью. С закрытыми глазами я сжала левую руку, словно удерживая что-то невидимое, и пригнулась к шее Ракасы.

Лети, повторил голос в моей голове — теперь он звучал как чужой. Ракаса помчалась еще быстрее.

Даже с закрытыми глазами я чувствовала, что дерево уже близко. Мэтью выругался по-окситански. В последний момент Ракаса свернула в сторону и перешла на легкий галоп, а после на рысь. Почувствовав, как натянулись ее поводья, я открыла глаза.

— Ты всегда скачешь на незнакомой лошади во весь опор, отпустив поводья, с закрытыми глазами и без стремян? — с холодной яростью спросил Мэтью. — Ты и гребешь с закрытыми глазами, я видел, и ходишь тоже. Я всегда подозревал, что здесь замешана магия. Выходит, ты и на скачках ею пользуешься, иначе убилась бы. Мне сдается, ты отдавала Ракасе команды мысленно, а не с помощью рук или ног.

Неужели правда? Мэтью соскочил с Дара, перекинув правую ногу через его шею, взял Ракасу под уздцы и приказал мне:

— Слезай.

Я хотела спешиться традиционным способом, через круп, но Мэтью сам сдернул меня с Ракасы. Теперь понятно, почему он предпочитает спрыгивать, не поворачиваясь спиной: так его сзади никто не схватит. Прижав меня к себе и уткнувшись губами в мои волосы, он прошептал:

— Dieu! Больше никогда так не делай, пожалуйста.

— Ты говорил, чтобы я делала, что получается, и не волновалась, для того сюда и привез.

— Извини. Я стараюсь не вмешиваться, но очень уж трудно смотреть, как ты совершенно бессознательно распоряжаешься неведомой тебе силой.

Мэтью подвязал поводья, чтобы лошади, не наступая на них, могли щипать редкую осеннюю травку, и с мрачным видом вернулся ко мне:

— Хочу кое-что тебе показать.

Мы расположились под деревом. Я вытянула ноги, чтобы голенища в них не впивались, Мэтью опустился на колени и достал из кармана бриджей несколько страниц с серыми и черными полосками на белом фоне. Видно было, что эту пачку много раз складывали.

Анализ ДНК.

— Мой? — спросила я.

— Твой.

— Когда ты его получил? — Я провела пальцем от одной полоски к другой.

— Маркус принес его мне в Новый колледж. Я не хотел говорить о нем сразу после того, как тебе напомнили о смерти родителей... Не знаю, правильно решил или нет.

Я кивнула, и Мэтью стало заметно легче.

— Что здесь сказано?

— Нам пока не все ясно... но Маркус и Мириам обнаружили в твоей ДНК уже известные нам маркеры.

Слева от полосок, часть которых была обведена красным, шли мелкие, но разборчивые примечания Мириам.

— Вот этот генетический маркер отмечает ясновидение, — палец Мэтью задержался на первой из обведенных полосок и двинулся дальше, — этот — способность летать по воздуху, этот — за способность найти потерянное. — От этого перечня у меня голова пошла кругом, а Мэтью меж тем продолжал: — Ты владеешь телекинезом, можешь разговаривать с мертвыми, менять облик, насылать чары и проклинать. Здесь у нас, в одной группе, чтение мыслей, телепатия и эмпатия.

— Быть не может!

Никогда не слышала, чтобы у колдуна было больше одного-двух талантов, а Мэтью перечислил уже с дюжину.

— Может, как видишь. Эти силы могут не проявиться, но генетическая предрасположенность к ним у тебя имеется. — На следующей странице тоже были красные кружки и примечания. — Это маркеры стихий. Земля присутствует почти у всех колдунов, некоторые демонстрируют пару земля-воздух или земля-вода, но у тебя в наличии все три элемента — такого нам еще не встречалось. Да еще и огонь — огромная редкость.

— Что означают эти маркеры? — спросила я, чувствуя неприятное покалывание в руках и ногах.

— Предрасположенность к управлению той или иной стихией. Судя по ним, ты способна вызывать не только колдовской ветер, но и колдовской огонь и колдовскую воду.

— Ты забыл про землю.

— Земля в ДНК означает обычно власть над растениями, но в сочетании с чарами и проклятиями — даже чем-то одним — показывает врожденный дар к ворожбе.

Тете Саре хорошо удаются заклинания. Эмили не очень, зато она летает на короткие расстояния и видит будущее. Всех колдунов различают по этому классическому принципу: одни ворожат, как Сара, другие пользуются магией. Иначе говоря, ты либо вызываешь что-то словами, либо просто обладаешь силой, которой пользуешься. Я закрыла лицо руками. С меня вполне бы хватило пророческого дара, которым владела мать, но власть над стихиями? Разговоры с мертвыми?

— Из этого списка у меня, кажется, проявились только четыре способности... ну пять.

— Думаю, больше. Ты передвигаешься с закрытыми глазами, подчиняешь себе Ракасу, пускаешь ток. У нас пока просто нет для всего этого названий.

— Но это, надеюсь, все?

— Не совсем. — Мэтью снова перевернул страницу. — Эти маркеры мы пока не можем идентифицировать. Обычно мы сверяем с анализом ДНК отчеты о деятельности соответствующего колдуна (иногда такого, который жил много сотен лет назад), но в нашем случае это не проходит.

— Анализ не объясняет, почему магия во мне активировалась только теперь?

— Для этого никакой анализ не нужен. Твоя магия пробуждается после долгого сна, вот и все. Ей надоело бездельничать, вот она и берет свое — кровь сказывается. — Мэтью грациозно поднялся на ноги и помог встать мне. — Простудишься, если будешь сидеть на земле, — не хватало мне еще перед Мартой оправдываться.

Он свистнул лошадям, и те, на ходу пережевывая травку, затрусили к нему.

Мы катались еще час, исследуя леса и поля вокруг Сет-Тура. Мэтью показал мне, где водятся кролики, — там отец когда-то учил его, как стрелять из арбалета, чтобы не выбить самому себе глаз. На обратном пути моя тревога относительно результатов анализа сменилась приятной усталостью.

— Завтра все будет болеть. Сто лет не выезжала верхом.

— По тебе не скажешь. — Впереди показались ворота замка. — Ты хорошая всадница, только одна не езди — здесь легко заблудиться.

Я понимала, что дело не в этом: Мэтью опасался, что меня могут найти.

— Хорошо, не буду.

Мэтью ослабил пальцы, стиснувшие поводья. Он привык к беспрекословному повиновению — просьбы и переговоры для него внове, — но ни единой вспышки гнева я сегодня не наблюдала.

Направив Ракасу впритирку к Дару, я взяла Мэтью за руку и коснулась губами его твердой холодной ладони.

Зрачки вампира расширились от изумления. Я отпустила его руку и повернула к конюшне.

Глава 20

После обеда, на котором Изабо, к счастью, отсутствовала, я хотела сразу взяться за «Aurora Consurgens», но Мэтью убедил меня сперва принять ванну, чтобы немного унять неизбежную боль в мышцах. На середине лестницы пришлось растирать сведенную ногу — впереди брезжила расплата за утренние восторги.

После божественно долгой ванны я надела свободные черные брюки, свитер, носки. В кабинете горел камин. Интересно, каково это — управлять огнем, подумала я, протянув к нему руки. Озаренные красно-оранжевыми отсветами пламени пальцы тут же засвербели в ответ, и я от греха подальше спрятала руки в карманы.

— Твоя рукопись рядом с компьютером, — сообщил Мэтью из-за письменного стола.

Черная обложка притягивала меня как магнит. Сев за стол, я осторожно раскрыла ее. Краски были еще ярче, чем мне запомнилось. Я полюбовалась королевой и перевернула страницу.

«Incipit tractatus Aurora Consurgens intitulatus» — «Сие есть начало труда, именуемого Восходом Зари». Слова мне были знакомы, но я все равно ощутила трепет, как при первом прочтении. «С нею приходит все доброе. Она известна как Мудрость Юга, взывающая к толпам на улицах града», — переводя с латыни, читала я. Книга изобиловала парафразами из Священного Писания и других текстов.

— У тебя здесь, случайно, Библии нет?

— Есть, только не помню где. — Мэтью привстал, не отрывая глаз от компьютерного экрана. — Сейчас поищу.

— Не надо, я сама.

Книги у Мэтью стояли не по размеру, а в хронологическом порядке. Первая полка была жутко древняя — дух захватывает, если подумать, что на ней может отыскаться. Утраченные труды Аристотеля?

Около половины книг было расставлено корешками внутрь — имена авторов или названия значились толстыми черными буквами на обрезе, — но на середине комнаты корешки уже были повернуты наружу, щеголяя золотым и серебряным тиснением.

Минуя рукописи с толстыми неровными страницами и греческими названиями, я искала толстую печатную книгу. Наткнувшись на том в коричневом переплете с позолоченной надписью, мой указательный палец замер.

— Мэтью, неужели это действительно «Biblia Sacra» тысяча четыреста пятидесятого года?

— Действительно, — машинально ответил Мэтью, чьи пальцы летали по клавишам с нечеловеческой быстротой.

Я оставила Библию Гутенберга на месте и продолжила поиски, надеясь найти менее редкостный экземпляр. На книге с надписью «Пиесы Уилла» мой палец опять застыл.

— Эти книги тебе дарили друзья?

— В основном, — пробормотал Мэтью.

Ну что ж, отложим на потом раннеанглийскую драматургию вместе с немецким книгопечатанием.

Почти все книги были в безупречном состоянии — неудивительно, если учесть, кто их владелец, — но попадались и потрепанные. У одной, большого формата, но тонкой, на углах сквозь кожу просвечивали деревянные доски. Любопытствуя, почему книгу так зачитали, я вытащила ее и открыла. «Анатомический атлас» Везалия[1] издания 1543 года — первый, представляющий человеческое тело в разрезе.

Я стала искать другие ключи к характеру хозяина библиотеки и нашла еще одну потрепанную книгу, толще и меньше форматом. «De motu»[2], — было написано на обрезе. Трактат Уильяма

[1] *Андреас Везалий* (1514–1564) — врач, основоположник научной анатомии.

[2] О движении (сердца и крови) *(лат.)*.

Гарвея о кровообращении и работе сердца, впервые опубликованный в 1620-х, — новинка в самый раз для вампиров, хотя о сердечно-сосудистой системе у них должны были сложиться свои представления.

Другие потрепанные книжки были посвящены электричеству, микроскопам, физиологии. Самая зачитанная стояла в разделе девятнадцатого века и являлась первым изданием дарвиновского «Происхождения видов».

Покосившись на Мэтью, я сняла ее с полки с ловкостью магазинного вора. Зеленый коленкоровый переплет с вытисненными золотом фамилией автора и заглавием. На форзаце Мэтью каллиграфическим почерком надписал свое имя.

Внутри лежало письмо.

Дорогой сэр!

Извините, что так промедлил с ответом на Ваше письмо от 15 октября. Я много лет собирал факты, относящиеся к изменчивости и происхождению видов. Очень рад, что мои выводы снискали у Вас одобрение, ведь моя книга скоро окажется в руках издателя.

Подпись — Ч. Дарвин, дата — 1859 г. Эти двое обменялись письмами перед самым выходом «Происхождения» в ноябре.

Страницы густо испещряли карандашные и чернильные заметки. Особенно много примечаний было в главах об инстинкте, гибридизации и родстве между разными видами.

Восьмая глава «Происхождения», посвященная инстинкту, должна была, как и труд Гарвея, пользоваться у вампиров большой популярностью. Мэтью подчеркивал в ней целые фразы и оставлял заметки как на полях, так и между строчками.

«Отсюда мы можем заключить, что при доместикации некоторые инстинкты были приобретены, природные же инстинкты были утрачены отчасти вследствие привычки и отчасти вследствие кумуляции человеком посредством отбора в ряде последовательных поколений таких своеобразных психических склонностей и действий, какие первоначально вызывались тем, что мы вследствие нашего незнания называем случайностью», — говорилось у Дарвина.

«Возможно ли, что мы сохранили в виде инстинктов то, что люди утратили вследствие случайности или привычки?» — вопрошал Мэтью на нижнем поле. Я, и не обращаясь к нему, понимала, что под словом «мы» он подразумевает созданий — не только вампиров, но и колдунов и даймонов.

В главе о гибридизации Мэтью интересовала проблема скрещиваний и стерильности.

«Первые скрещивания между формами, достаточно различными, чтоб считаться видами, и их гибриды весьма часто, но не всегда стерильны», — утверждал Дарвин. На полях рядом с этим абзацем было нарисовано генеалогическое древо с вопросительными знаками у корней и у четырех ответвлений. «Почему родственное скрещивание не привело к стерильности или безумию?» — написал Мэтью на стволе, а вверху страницы я прочитала: «1 вид или 4?» и «comment sont faites les daeos?».

Моя специальность — переводить каракули ученых на понятный всем язык. Мэтью писал это на смеси французского и латыни, а слово «даймоны» сократил на старинный лад, daeos, чтобы случайный читатель не понял, кто здесь упомянут.

«Как создаются даймоны?» Полтораста лет спустя Мэтью так и не нашел ответа на этот вопрос.

В том месте, где Дарвин обсуждал родство между видами, из-за пометок Мэтью почти не виден был оригинальный текст. В самом начале главы говорилось:

«Начиная с отдаленнейшего периода истории мира сходство между организмами выражается в нисходящих степенях, вследствие чего их можно классифицировать по группам, соподчиненным другим группам». Против этих слов большими черными буквами значилось «ПРОИСХОЖДЕНИЕ». Несколькими строчками ниже было дважды подчеркнуто: «Существование групп имело бы простое значение, если бы одна группа была приспособлена исключительно для жизни на суше, а другая — в воде, одна — к употреблению в пищу мяса, другая — растительных веществ и т. д.; но на самом деле положение совсем иное, так как хорошо известно, как часто члены даже одной подгруппы разнятся между собой по образу жизни».

Считал ли Мэтью вампирскую диету скорее привычкой, нежели определяющей характеристикой вида? В конце главы я

обнаружила следующее: «Наконец, различные группы фактов, рассмотренные в этой главе, по-моему, столь ясно указывают, что бесчисленные виды, роды и семейства, населяющие земной шар, произошли каждый в пределах своего класса или группы от общих предков и затем модифицированы в процессе наследования, что я без колебаний принял бы этот взгляд, если бы даже он не был подкреплен другими фактами или аргументами». Мэтью приписал на полях: «ОБЩИЕ ПРЕДКИ» и «ce qui explique tout»[1].

Он — по крайней мере, в 1859 году — верил, что моногенез объясняет все, что даймоны, люди, вампиры и колдуны произошли, возможно, от общих предков. Что наши существенные различия есть продукт наследования, привычки и отбора. В лаборатории, когда я спросила, *не представляем ли мы собой* один общий вид, он ушел от ответа, но здесь ему не уйти.

Мэтью прямо-таки прилип к компьютеру. Я закрыла «Aurora Consurgens», прекратила поиски Библии и села с Дарвином у огня на диване. Заметки, оставленные вампиром в книге, могли многое о нем рассказать.

Он все еще оставался для меня загадкой, которая здесь, в Сет-Туре, стала еще более неразрешимой. Мэтью во Франции сильно отличался от английского Мэтью: я никогда еще не видела, чтобы он работал с таким увлечением, слегка сгорбившись и закусив губу острым, чуть удлиненным клыком. У него даже морщинка обозначилась между глаз. Не замечая, что я на него смотрю, он вовсю молотил по клавишам, — видимо, ноутбуки с хрупкими пластмассовыми деталями живут у Мэтью недолго. Допечатав до точки, он откинулся на стуле, потянулся и зевнул.

Это я опять-таки видела в первый раз. Может, зевок, как и сутулые плечи, — признак отсутствия напряженности? В день нашей первой встречи он сказал, что хочет знать обо всем, что происходит вокруг, а здесь ему знаком каждый дюйм, все запахи, все живое. Две вампирши, живущие в доме, — это его семья, принявшая меня ради Мэтью.

Я вернулась к Дарвину, но после ванны меня разморило, а тепло и ритмичный стук клавиш и вовсе усыпляли. Проснu-

[1] Этим все объясняется *(фр.)*.

лась я укрытая одеялом; «Происхождение видов», заложенное бумажкой, лежало на полу рядом. От сознания, что меня поймали на подглядывании, я залилась краской.

— Добрый вечер. — Мэтью, сидевший на диване напротив, заложил книгу, которую читал сам. — Не выпить ли нам вина?

Меня это как нельзя более устраивало.

— Да, хорошо.

На столике восемнадцатого века около лестницы стояла бутылка без этикетки, уже откупоренная. Мэтью налил два бокала и один подал мне. Я понюхала напиток, предчувствуя его первый вопрос:

— Малина и леденец.

— Для колдуньи у тебя в самом деле хорошо получается, — одобрительно кивнул Мэтью.

Я пригубила:

— Что мы пьем? Нечто древнее и редкостное?

— Ни то ни другое, — расхохотался Мэтью. — Его разлили месяцев пять назад. Местное вино из винограда, что растет у дороги. Проще некуда.

Ну и пусть некуда, зато вкус приятный. Вино отдавало травой и лесом, как воздух вокруг Сет-Тур.

— Ты, вижу, предпочла Библии науку. Как тебе Дарвин?

— Ты по-прежнему веришь, что создания и люди происходят от общих предков? Что различия между нами могут быть чисто расовыми?

— Я уже говорил тебе, что не знаю, — с легким нетерпением сказал Мэтью.

— В тысяча восемьсот пятьдесят девятом ты был в этом уверен. И думал, что употребление крови в пищу — всего лишь привычка, а не видовой признак.

— Ты же знаешь, как далеко шагнула наука со времен Дарвина. Привилегия ученого — менять свое мнение в свете новой информации. — Мэтью выпил немного и поставил бокал на колено. Вино заиграло в отблесках пламени. — Кроме того, такое понятие, как расовые отличия, сегодня уже устарело. Это всего лишь слова, которыми человек привык обозначать хорошо заметную разницу между собой и кем-то другим.

— Тебя по-настоящему волнует вопрос, как и почему вы — мы все — здесь оказались. Это видно на каждой странице Дарвина.

— Вопрос, который стоит задать. И только.

Мэтью смотрел в свой бокал и говорил мягко, но профиль его был суров. Я промолчала, хотя мне очень хотелось, чтобы он улыбнулся. Он снова взялся за книгу.

Я смотрела на огонь. Когда часы на камине пробили семь, Мэтью прервал чтение:

— Пора ужинать. Спустимся в гостиную к Изабо?

— Только переоденусь сначала.

Мой гардероб не шел ни в какое сравнение с великолепием Изабо, но конфузить Мэтью больше необходимого я все-таки не хотела. На нем самом были простые черные брюки и очередной свитер из неисчерпаемого запаса, годящиеся, как обычно, и в пир и в мир. При близком знакомстве с его мягкими свитерами я стала подозревать, что все они кашемировые.

Наверху я извлекла из сумки серые брюки и тонкий бирюзовый свитер с широкими рукавами. Волосы после недавней ванны и естественной сушки сделались слегка волнистыми — порядок.

Кое-как приведя себя в порядок, я сунула ноги в мокасины и сошла вниз. Мэтью, чей острый слух уловил мое приближение, встретил меня на площадке и широко улыбнулся.

— В голубом ты мне нравишься не меньше, чем в черном. Красавица. — Он невинно поцеловал меня в обе щеки (к ним тут же прилила кровь), пропустил между пальцами мои волосы. — Не позволяй Изабо себя донимать, что бы она там ни говорила.

— Постараюсь. — У меня вырвался слабый смешок.

Изабо с Мартой были уже в гостиной. Хозяйка обложилась газетами на всех основных европейских языках, да еще на иврите и на арабском. Марта читала детектив в мягкой обложке, с завидной скоростью водя черными глазами по строчкам.

— Добрый вечер, Maman. — Мэтью наклонился и поцеловал мать; она, слегка раздув ноздри, сердито уставилась на меня.

Унюхала, что от Мэтью пахнет мной, поняла я.

— Садись, девочка. — Марта похлопала по дивану рядом с собой, предостерегающе глядя на Изабо.

Та на миг закрыла глаза. Когда они снова открылись, гнев в них сменился чем-то вроде покорности.

— Gab es einen anderen Tod, — сказала она сыну.

Мэтью с недовольной гримасой взял в руки «Вельт». Найден еще один обескровленный труп. Если Изабо хотела таким образом исключить из разговора меня, ее ожидало разочарование.

— Где? — спросила я.

— В Мюнхене, — ответил Мэтью, заслонившись газетой. — Когда же они в конце концов примут какие-то меры?

— Будь осторожен в своих желаниях, Мэтью. Как покатались, Диана?

Мэтью настороженно посмотрел на мать.

— Чудесно. Спасибо, что позволили взять Ракасу. — Я села и принудила себя смотреть в глаза Изабо не мигая.

— Она слишком своенравная, на мой вкус. — Изабо перевела взгляд на сына, который опять спрятался за газетой. — Фиддат гораздо послушнее. С годами я стала ценить в лошадях именно это качество.

«И в сыновьях тоже», — мысленно добавила я.

Марта, ободряюще улыбнувшись, принялась разливать вино. Изабо она подала большой кубок, нам с Мэтью бокалы нормальной величины.

— Спасибо, Maman, — сказал он, принюхавшись.

— Пустяки.

— Нет, не пустяки. Одно из моих любимых — спасибо, что помнишь.

— Другие вампиры тоже любят вино? — спросила я Мэтью, вдыхая перечный запах. — Ты пьешь его все время и ни чуточки не пьянеешь.

— Многие из них любят его куда больше, чем я, — усмехнулся Мэтью. — Наша семья всегда славилась воздержанностью, не так ли, Maman?

— Разве что по части вина, — весьма неэлегантно фыркнула она.

— Вам бы дипломатом быть, Изабо, — заметила я, — с вашим умением отвечать быстро и уклончиво.

Мэтью расхохотался:

— Dieu, вот уж не думал, что мою мать когда-нибудь назовут дипломатом — во всяком случае, не за ее язычок. Из всех видов дипломатии Изабо признает только меч.

Марта хмыкнула, подтверждая его правоту, а наше с Изабо общее негодование развеселило Мэтью еще сильнее.

Атмосфера за ужином была намного теплее, чем прошлым вечером. Мэтью сидел во главе стола, я справа от него, Изабо слева. Марта все время сновала между столовой и кухней, но иногда тоже присаживалась, выпивала глоток вина и принимала участие в разговоре.

Одно блюдо сменялось другим: грибной суп, куропатки, тонкие ломти говядины. Я вслух восхищалась тем, что повариха, которая сама ничего подобного не ест, так замечательно готовит. Марта смущалась, краснела и замахивалась на Мэтью, когда тот рассказывал о ее кулинарных неудачах.

— Помнишь пирог с живыми голубями? — хихикал он. — Никто тебе не сказал, что надо перестать их кормить за сутки до запекания, — ну, они и добавили в начинку... — Это стоило ему подзатыльника.

— Мэтью, — взмолилась Изабо, утирая слезы, — не дразни Марту. С тобой тоже всякое случалось.

— Я помню, — заверила Марта, чей английский улучшался час от часу. Она принесла салат, поставила между Изабо и Мэтью блюдо с орехами и начала загибать пальцы. — Однажды ты затопил замок, решив устроить бассейн на крыше. Потом забыл собрать подати. Была весна, ты заскучал и отправился в Италию на войну. Твой отец на коленях молил короля о прощении. А Нью-Йорк! — с торжеством вскричала она.

Вечер воспоминаний шел своим чередом, однако о прошлом Изабо никто и словом не поминал. Когда всплывало что-то касающееся ее, отца или сестры Мэтью, все искусно меняли тему. Заметив это, я не стала ничего говорить. Пусть все будет так, как удобно им. Я снова почувствовала себя членом семьи — хорошее чувство, даже если семья вампирская.

После ужина мы вернулись в гостиную, где огонь пылал жарче прежнего, — к вечеру в комнате стало почти тепло. Мэтью усадил Изабо, налил ей еще вина и стал возиться с проигрывателем. Мне Марта принесла чай.

— Пей, крепче спать будешь, — велела она, наблюдая за мной.

Изабо тоже смотрела, как я пью, а потом оглянулась на Марту.

Я, вообще-то, не люблю травяной чай, но этот был приятный, с легкой горчинкой.

— Вашего сбора?

— Да. Меня еще мать научила, а я научу тебя. — Она отвернулась от Изабо.

Зазвучала танцевальная музыка. Мэтью освобождал место, сдвигая кресла у камина.

— Voles dancar amb ieu? — спросил он мать, протягивая ей руки.

Сияющая улыбка сделала холодное лицо Изабо невыразимо прекрасным.

— О'кей. — Она вложила свои маленькие руки в его большие, и они дождались начала следующей мелодии.

Фред Астер и Джинджер Роджерс рядом с ними показались бы неуклюжими. Вампиры сходились и расходились, кружились и кланялись. Изабо отзывалась на малейшее прикосновение Мэтью, он воспринимал легчайшие намеки с ее стороны.

Под конец она присела в реверансе, а Мэтью поклонился.

— Что это за танец? — спросила я.

— Он начинался как тарантелла, но Maman любит разнообразие, — объяснил Мэтью, проводив Изабо на место. — Так что в середине мы перешли на вольту, а закончили менуэтом, не так ли?

Изабо кивнула и потрепала его по щеке.

— Ты всегда хорошо танцевал, — с гордостью сказала она.

— Не так хорошо, как ты, а до отца мне тем более далеко. — На лицо Изабо легла тень. Мэтью поцеловал ей руку, и она выдавила легкую улыбку. — Твоя очередь, — объявил он, повернувшись ко мне.

— Я не люблю танцевать, Мэтью, — заартачилась я.

— Не верю. — Он взял меня за правую руку. — Ты изгибаешься под немыслимыми углами, скользишь по воде в узенькой лодочке, скачешь быстрее ветра. Думаю, что танцы — это твое.

Оркестр заиграл нечто парижское из 1920-х годов — труба и ударные.

— Осторожней, Мэтью, — предостерегла Изабо.

— Ничего, Maman, не сломается.

Мэтью положил мне руку на талию и стал направлять. Я пыталась следить, куда ставлю ноги, но от этого получалось еще хуже.

— Расслабься, — шепнул Мэтью, сжав мою талию чуть крепче. — Не надо вести, предоставь это мне.

— Не могу. — Я вцепилась в его плечо, как в спасательный круг.

— Отлично можешь, — сказал он, кружа меня. — Закрой глаза, ни о чем не думай, положись на партнера.

В его руках это оказалось не так уж и трудно. Не видя кружащейся колесом комнаты, я в самом деле расслабилась и перестала беспокоиться, что мы на что-нибудь налетим. Мы двигались в темноте, и мне начинало это нравиться. Я сосредоточилась не на собственных па, а на подсказках его рук и ног. Танец колыхал меня, как вода.

— Мэтью, — снова позвала Изабо. — Le chatoiement[1].

— Я знаю, — ответил он и добавил, чувствуя, как напряглись мои плечи: — Не бойся ничего, я держу.

Я, не открывая глаз, счастливо вздохнула. Он покружил меня на вытянутой руке, привлек обратно, прижал к себе. Музыка смолкла.

— Открой глаза, — тихо сказал Мэтью.

Я повиновалась. Меня не покидало ощущение полета. Оказывается, танцевать не так уж и страшно — по крайней мере, с партнером, имеющим тысячелетний опыт и не наступающим даме на ноги.

Его лицо оказалось значительно ближе, чем я ожидала.

— Посмотри вниз, — предложил он.

---

[1] Свечение *(фр.)*.

Носки моих туфель болтались в нескольких дюймах над полом. Я осталась висеть в воздухе, даже когда Мэтью меня отпустил.

Вместе с осознанием этого ко мне вернулся и вес. Мэтью ухватил меня за локти, не дав рухнуть на пол.

Марта, сидевшая у огня, замурлыкала какой-то напев. Изабо резко обернулась к ней и прищурилась. Мэтью улыбался мне, я осваивалась с новыми ощущениями. Пол словно ожил — как будто тысячи крохотных ручонок шевелились под моими подошвами, готовые поймать меня или снова подкинуть вверх...

— Ну что, понравилось? — спросил Мэтью, когда Марта допела.

— Да, — засмеялась я, подумав немного.

— На это я и надеялся. Может, теперь перестанешь жмуриться, когда ездишь верхом.

Он обнял меня. От него так и веяло счастьем и будущим, полным возможностей.

Теперь уже Изабо запела Мартину песню:

Видя, как она в танце плывет,
Скажет всякий, что равных ей нет.
О, плыви, королева моя!
Прочь, завистники, прочь с моих глаз,
Мы хотим танцевать вдвоем,
Танцевать всю ночь напролет.

— «Прочь, завистники, прочь с моих глаз, — эхом повторил Мэтью, — мы хотим танцевать вдвоем».

— С тобой хоть сейчас, — опять засмеялась я, — но другим кавалерам придется подождать, пока я не пойму, отчего вдруг начала порхать.

— Ты парила, а не порхала, — уточнил Мэтью.

— Называй как хочешь, но с незнакомцами лучше этого не проделывать.

— Согласен.

Марта пересела в кресло рядом с Изабо. Мы с Мэтью, все еще держась за руки, тоже уселись.

— У нее это впервые? — спросила Изабо с искренним недоумением.

— Диана пользуется магией лишь в мелочах...

— Она очень сильна. Колдовская кровь поет в ее жилах. Ей далеко не одни мелочи по плечу.

— Это ее дело, — нахмурился Мэтью.

— Что за ребячество! Пора повзрослеть, Диана, пора взять на себя ответственность за свою истинную природу. А ты, Матье де Клермон, не рычи на меня! Ей нужно это услышать.

— Ты не вправе указывать ей, что делать.

— Как и ты.

— Прошу прощения! — (Оба де Клермона, привлеченные резким тоном, уставились на меня.) — Я, конечно, сама решу, пользоваться мне магией или нет, — продолжала я, обращаясь к Изабо, — но игнорировать ее больше нельзя — она так и выплескивается наружу. Мне, самое малое, нужно научиться как-то ее контролировать.

Изабо и Мэтью, не сводя с меня взглядов, кивнули — сначала она, потом он.

Мы сидели долго, пока в камине не прогорели дрова. Мэтью и Марту пригласил танцевать; оба они, вспоминая другие ночи у других очагов, то и дело принимались напевать. Я больше не танцевала, и Мэтью на меня не давил.

— Пойду уложу ту единственную, которая не может обходиться без сна, — заявил он под конец вечера.

Я поднялась вслед за ним, одергивая помятые брюки.

— Спокойной ночи, Изабо, спокойной ночи, Марта. Спасибо за чудесный ужин и удивительный вечер.

Марта улыбнулась в ответ, Изабо тоже попыталась, но вышла не улыбка, а скорее гримаса.

Мэтью пропустил меня вперед и поддерживал за талию, пока мы поднимались по лестнице.

— Я еще почитаю немного, — сказала я в кабинете.

Вампир стоял так близко, что я слышала его слабое прерывистое дыхание. Он взял в ладони мое лицо:

— Чем ты околдовала меня? Дело не только в глазах — хотя от них у меня в голове мутится — и не в том, что ты пахнешь медом.

Он уткнулся мне в шею, зарылся пальцами в волосы, прижал к себе мои бедра.

Наши тела слились так, будто я была создана для него.

— Всему виной твое бесстрашие, — шептал он, — и бессознательная плавность движений, и то, как ты светишься, когда размышляешь о чем-то — или когда летаешь.

Я запрокинула шею, подставляя себя его ласкам. Палец Мэтью обвел мои губы.

— Ты морщишь губы, когда спишь, знаешь? То ли сны тебе не нравятся, то ли ты хочешь, чтобы тебя кто-то поцеловал. Второе мне больше нравится. — С каждым словом он все больше офранцуживался.

Внизу ощущалось присутствие сердитой Изабо с ее острым вампирским слухом. Я попыталась отстраниться. Получилось неубедительно, и объятия Мэтью стали еще крепче.

— Мэтью, твоя мать...

Он не дал мне договорить, прижавшись своими губами к моим. Ощущая сладкий зуд не только в руках, но и во всем теле, я ответила на поцелуй. Мне казалось, что я попеременно взлетаю и падаю, и непонятно было, где кончаюсь я и начинается Мэтью. Он целовал мои щеки, веки, а когда коснулся уха, я приглушенно ахнула, и вампир с улыбкой снова приник к моим губам.

— Губы у тебя как маки, а волосы точно дышат...

— Нашел чем восхищаться, с твоей-то гривой. — Я запустила пальцы в его шевелюру. — У Изабо и у Марты волосы как шелк, а у меня как солома, пестрые и непослушные.

— За это я их и люблю. — Мэтью осторожно высвободился. — Они несовершенны, как сама жизнь, не то что вампирские. Хорошо, что ты не вампир, Диана.

— Хорошо, что ты вампир, Мэтью.

По его глазам пробежала мимолетная тень.

— Мне нравится твоя сила, — сказала я, целуя его так же пылко. — Твой ум. И даже иногда твои начальственные замашки. А больше всего, — я потерлась носом о его нос, — то, как ты пахнешь.

— Правда?

— Правда. — Я ткнулась носом в ямку между его ключицами — самое аппетитное местечко.

— Поздно уже. — Он неохотно разжал объятия. — Тебе нужен отдых.

— Пойдем со мной.

Он удивленно раскрыл глаза, а я покраснела.

Мэтью приложил мою руку к своему сердцу, которое отбило один сильный удар.

— Я поднимусь, но не останусь. У нас много времени впереди. И месяца не прошло, как мы познакомились, — не будем спешить.

Вампир — он и есть вампир.

Видя, что я приуныла, он снова поцеловал меня и сказал:

— Это тебе на будущее.

Я предпочла бы настоящее, но мои губы, попеременно леденеющие и вспыхивающие огнем, заставили усомниться в собственной готовности.

В спальне горели свечи и было тепло. Оставалось загадкой, когда Марта успела сменить столько свечей и как добилась, чтобы они горели до позднего часа, но я ей была благодарна вдвойне, поскольку ни одной розетки в комнате не имелось.

Пока я переодевалась в ванной за неплотно прикрытой дверью, Мэтью строил планы на завтра: работа и долгая прогулка пешком и верхом.

Я на все согласилась, благо работе уделялось первое место. Мне не терпелось получше рассмотреть рукопись.

Потом я забралась в кровать, а Мэтью укрыл меня и стал гасить свечи. Комната постепенно погружалась в темноту.

— Спой мне, — попросила я, глядя, как бесстрашно мелькают в огне его длинные пальцы. — Что-нибудь старинное, Мартино. — Ее пристрастие к любовным песням от меня не укрылось.

Он помолчал немного, продолжая свое занятие, и запел глубоким баритоном:

Ni muer ni viu ni no guaris,
Ni mal no-m sent e si l'ai gran,
Quar de s'amor no suy devis,
Ni no sai si ja n'aurai ni quan,
Qu'en lieys es tota le merces
Que-m pot sorzer o decazer.

В песне чувствовались страсть и печаль. Когда Мэтью допел ее, у кровати осталась гореть одна-единственная свеча.

— Что означают эти слова? — Я взяла его за руку.

— «Нет мне ни жизни, ни смерти, ни исцеления, но я не страдаю, пока ее любовь брезжит вдали». — Он наклонился и поцеловал меня в лоб. — «Не знаю, достигну ли цели, ведь и здоровье мое, и болезнь зависят от ее милости».

— Кто ее автор?

Эта песня подходит любому вампиру, подумалось мне.

— Отец посвятил ее Изабо, но лавры пожал другой.

Улыбающийся, веселый Мэтью продолжал напевать, спускаясь по лестнице. Я лежала в его постели одна и смотрела на последнюю догорающую свечу.

Глава 21

Первое, что я увидела утром после душа, был вампир с подносом — Мэтью принес мне завтрак.

— Я сказал Марте, что ты собираешься поработать, — пояснил он, снимая крышку.

— Вы с Мартой меня избалуете. — Я развернула приготовленную на стуле салфетку.

— Вряд ли это получится, с твоим-то характером. — Мэтью поцеловал меня. — Доброе утро. Хорошо спалось?

— Очень. — Я взяла у него тарелку, со стыдом вспоминая, как вчера зазывала его в постель.

Мне до сих пор было немного обидно, что он отверг мое приглашение, но этот сегодняшний поцелуй подтверждал, что наши отношения переросли дружбу и движутся в новом направлении.

После завтрака мы спустились в кабинет, включили компьютеры и взялись за работу. Рядом с моим манускриптом лежал самый обычный английский перевод Вульгаты[1], изданный в девятнадцатом веке.

— Спасибо, — сказала я через плечо, показав на книгу.

— В библиотеке нашел — моя, как видно, тебе не подходит.

— Решительно отказываюсь использовать Библию Гутенберга в качестве справочника, — назидательно, точно какая-нибудь школьная учительница, ответила я.

— Библию я знаю вдоль и поперек — можешь обращаться ко мне.

---

[1] От латинского *Vulgata versio* — «общепринятая версия», «общедоступная». Латинский перевод Библии, восходящий к трудам блаженного Иеронима. Библия Гутенберга — первопечатный вариант той же Вульгаты.

— Ты тоже не нанимался давать мне справки.

— Ну, как хочешь, — пожал он плечами.

Вскоре я с головой ушла в чтение, анализ текста и записи — только в начале отвлеклась и попросила у Мэтью какой-нибудь груз прижимать страницы. Он нашел мне бронзовую медаль с портретом Людовика XIV и маленькую деревянную ступню — от немецкого ангела, как он сказал. Отдавать их без залога он не хотел, но согласился на несколько поцелуев.

«Aurora Consurgens» — одна из самых замечательных алхимических книг. Мудрость предстает в женском образе, враждующие природные силы примиряются благодаря химии. Текст экземпляра Мэтью почти не отличался от тех «Aurora Consurgens», которые я изучала в Цюрихе, Глазго и Лондоне, но иллюстрации были совершенно другие.

Бурго Ле Нуар была настоящим мастером своего дела, и проявлялось это не только в технике, четкости и красоте рисунка. Она иначе подходила к женским персонажам. В Мудрости, например, сочетались сила и мягкость. На первой картинке, где она укрывала под плащом воплощения семи главных металлов, ее лицо светилось подлинной материнской гордостью.

Две иллюстрации, как и говорил Мэтью, ни в один известный экземпляр не входили. Обе они помещались в заключительной части, где речь шла о химической свадьбе золота и серебра. Первая помещалась рядом со словами, произносимыми женским началом. Обычно женский принцип в алхимии изображали как королеву, одетую в белое и украшенную эмблемой луны (чтобы показать связь с серебром). Бурго преобразила символическую женщину в прекрасную и устрашающую фигуру с серебряными змеями вместо волос и лицом, затененным, как луна во время затмения. Переводя латинский текст с листа, я читала: «Обратись ко мне всем своим сердцем. Пусть темный мой лик не страшит тебя. Солнечный огнь преобразил меня, моря вместили меня, земля подверглась порче из-за меня. Ночь пала на землю, когда я опустилась в топь, и сущность моя была скрыта».

Лунная Королева держала в простертой руке звезду. «Из глубины вод я взывала к тебе, из глубин земли стану взывать к про-

ходящим мимо. Отыщите меня. Узрите меня. И если вы найдете другого, подобного мне, я вручу ему утреннюю звезду».

На лице Лунной Королевы, в полном соответствии с текстом, страх быть отвергнутой смешивался с застенчивой гордостью.

Другая иллюстрация помещалась рядом со словами мужского начала, золотого Короля Солнце. Меня пробрала дрожь при виде тяжелого саркофага с приподнятой крышкой и золотистого тела внутри. Король мирно покоился, смежив веки, и его исполненное надежды лицо наводило на мысль, что ему снится освобождение. «Восстану и отыщу пречистую жену на улицах града. Лик ее прекрасен, тело прекрасней, всего прекраснее одеяние. Она отвалит камень от двери моего гроба и дарует мне крылья голубицы, дабы взмыл я с ней в небеса, в жизнь вечную и вечный покой».

Мне вспомнился серебряный гробик, который Мэтью носил на груди. Я потянулась к Библии.

— Марк 16; Псалмы 55; Второзаконие 32, стих 40, — отрапортовал Мэтью.

— Откуда ты знаешь, что именно я читаю? — Я повернулась на стуле.

— А ты губами шевелишь, — ответил он, не переставая печатать.

Я стиснула губы. Автор использовал все библейские сюжеты, укладывающиеся в алхимическую концепцию смерти и сотворения, перефразировал их и смешал в одну кучу. Я открыла черный с золотым крестом переплет. Евангелие от Марка, 16: 3. «И говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?»

— Нашла? — спросил Мэтью.

— Нашла.

— Хорошо.

После паузы я спросила:

— А где найти стих про утреннюю звезду? — Языческое воспитание порой сильно затрудняло мою работу.

— Откровение 2, стих 28.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Приглушенный смешок.

Я снова углубилась в рукопись.

Проведя два часа над готическим шрифтом, я с большой охотой согласилась на перерыв. В награду Мэтью обещал рассказать, как познакомился с физиологом семнадцатого века Уильямом Гарвеем.

— История не из занимательных, — предупредил он.

— Для тебя, может, и так, но для историка науки? Только через тебя я и могу встретиться с человеком, открывшим, что сердце — это насос.

Солнца мы не видели с самого приезда в Сет-Тур, но нас это не угнетало. Мэтью стал гораздо спокойнее, я, как ни странно, тоже радовалась, что сбежала из Оксфорда. Угрозы Джиллиан, фотография родителей, даже Питер Нокс — все это с каждым часом отступало все дальше.

Мы вышли в сад. Мэтью оживленно рассказывал о своей текущей проблеме: то, что должно было присутствовать в чьем-то анализе крови, почему-то отсутствовало. Он рисовал в воздухе хромосому и показывал, где дефектный участок. Я кивала, не совсем понимая, почему это так важно. Продолжая рассказывать, Мэтью обнял меня за плечи.

За изгородью, у ворот, через которые вчера проезжали, прислонившись к стволу каштана, стоял мужчина в черном. Изящный, словно леопард, — явно вампир.

Мэтью отодвинул меня назад, себе за спину.

Незнакомец двинулся к нам. То, что он вампир, больше не оставляло сомнений: неестественно белая кожа и огромные темные глаза. Кожаный пиджак, джинсы и ботинки — все черное — подчеркивали это еще сильнее: он, как видно, не боялся выделиться в толпе. Ангельское лицо, обрамленное длинными темными вьющимися волосами, портило хищное, как у волка, выражение. Меньше ростом и субтильнее Мэтью, он излучал силу даже на расстоянии. От его взгляда у меня под кожей разлился холод.

— Доменико, — спокойно, но чуть громче обычного произнес Мэтью.

— Мэтью, — с неприкрытой ненавистью откликнулся тот.

— Сколько лет. — По тону Мэтью можно было предположить, что этот вампир бывает здесь чуть ли не каждый день.

— Где же это было, в Ферраре? Мы оба боролись с папой, хотя, помнится, по разным причинам. Я пытался спасти Венецию, а ты — тамплиеров.

— Кажется, да, — кивнул Мэтью, не сводя с него взгляда.

— А после этого ты, друг мой, исчез куда-то. Сколько приключений мы пережили вместе, и на море, и в Святой земле. Да и в Венеции для таких, как ты, всегда было полно всевозможных развлечений. — Доменико с показной скорбью покачал головой. Итальянец, конечно же, — или кощунственный гибрид черта с ангелом. — Отчего ты ни разу не навестил меня, следуя из Франции в другую берлогу?

— Если я чем-то невольно тебя обидел, не стоит вспоминать об этом столь долгое время спустя.

— Возможно, но одно осталось неизменным за все эти годы: если где-то смута, ищи де Клермона. А это, должно быть, та самая колдунья, о которой я столько слышал. — Он бросил на меня алчный взгляд.

— Вернись в дом, Диана, — приказал Мэтью.

Я остро чувствовала опасность, но медлила, не желая оставлять его одного.

— Ступай! — бросил он еще резче.

Непрошеный гость улыбнулся, глядя куда-то поверх моего плеча. Сзади повеяло холодом, и твердые ледяные пальцы взяли меня под локоть.

— Доменико, — пропела мелодичным голосом Изабо. — Нежданно-негаданно.

— Рад видеть вас в столь добром здравии, госпожа моя, — поклонился итальянец. — Как вы узнали?

— По запаху, — презрительно молвила Изабо. — Ты явился без приглашения ко мне в дом — что сказала бы твоя мать о таком поведении?

— Будь она жива, мы спросили бы, — с плохо скрываемой злобой проговорил Доменико.

— Уведи Диану домой, Maman.

— Да, конечно. Поговорите с глазу на глаз. — Изабо повернула к дому, увлекая меня за собой.

— Чем раньше ты позволишь мне высказаться, тем скорей я уйду, — сказал Доменико. — И если должен буду вернуться,

то приду уже не один. Сегодняшний визит — дань уважения вам, Изабо.

— Книги у нее нет, — заявил Мэтью.

— Я здесь не ради проклятой колдовской книги. Пусть колдуны оставят ее себе. Я послан сюда Конгрегацией.

Изабо испустила вздох, такой долгий, словно несколько дней удерживала дыхание. На языке вертелся вопрос, но ее взгляд заставил меня промолчать.

— Превосходно, Доменико, — процедил Мэтью. — Удивляюсь, как это ты при своих новых обязанностях находишь время для старых друзей. Зачем понадобилось посещать де Клермонов, когда люди по всей Европе находят оставленные вампирами трупы?

— Вампирам не запрещено питаться людьми, хотя предосторожности, конечно, соблюдать следует. Смерть, как тебе известно, сопровождает вампиров повсюду. — Доменико пожал плечами, демонстрируя, как мало для него значит хрупкая теплокровная жизнь. Я содрогнулась. — А вот связь между вампиром и колдуньей конвенция решительно запрещает.

— Что? О чем это вы? — воскликнула я.

— Смотрите-ка, она говорить умеет! — Итальянец всплеснул руками. — Почему бы и ей не принять участие в нашей беседе?

Мэтью потянул меня к себе, Изабо не отпустила — получилась колдунья в окружении двух вампиров.

— Диана Бишоп, — с низким поклоном сказал Доменико. — Знакомство с представительницей столь древнего и славного рода — большая честь. Так мало осталось старых семейств. — Каждое его слово при всей формальной учтивости содержало в себе угрозу.

— Кто вы? — спросила я. — И почему вас так волнует, с кем я провожу время?

Итальянец с интересом посмотрел на меня и вдруг засмеялся:

— Мне говорили, что вы такая же упрямая, как ваш отец, но я не верил.

Я ощутила легкий зуд в пальцах. Изабо чуть крепче сжала мой локоть.

— Я, кажется, рассердил вашу колдунью? — спросил Доменико, глядя на ее руку.

— Говори, зачем пришел, и убирайся с нашей земли, — вполне светским тоном предложил Мэтью.

— Мое имя Доменико Микеле. Я знаю Мэтью с самого своего возрождения, Изабо почти столько же. Прелестную Луизу я, конечно, знал куда ближе, но не будем поминать мертвых. — Он благочестиво перекрестился.

— Да, уж постарайся. — Мэтью говорил спокойно, но на Изабо, побелевшую еще больше, было страшно смотреть.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — заметила я.

Доменико окинул меня оценивающим взглядом.

— Диана! — пророкотал Мэтью. Раньше он никогда на меня не рычал.

Из кухни в сад вышла встревоженная Марта.

— Вижу, вижу — она горячее большинства своих соплеменниц. Ты из-за этого рискнул всем? Она тебя забавляет? Или ты намерен сосать ее, пока не наскучит, а после выкинуть, как остальных своих теплокровок?

Мэтью, впервые с приезда в Сет-Тур, потянулся к серебряному медальону под свитером.

Доменико, тоже заметивший это, мстительно улыбнулся:

— Вину свою чувствуешь?

Я, взбешенная его нападками, открыла рот, но высказаться мне не позволили.

— Диана, вернись в дом немедленно! — «Мы с тобой после поговорим», — подразумевал приказ Мэтью.

Он подтолкнул меня к Изабо и еще более недвусмысленно заслонил нас обеих от итальянца. Марта стояла рядом, сложив руки на груди — совсем как Мэтью.

— Пусть сначала выслушает. Я пришел предостеречь вас, Диана Бишоп. Личные отношения между колдунами и вампирами строго запрещены. Покиньте этот дом и никогда больше не общайтесь ни с де Клермоном, ни с его родственниками. В противном случае Конгрегация сочтет вас правонарушительницей и примет соответствующие меры.

— Я с вашей Конгрегацией не знакома и ваши законы соблюдать не обязывалась. Не говоря уж о том, что конвенция — это добровольное соглашение.

— Вы у нас не только историк, но еще и юрист? Удивительно, какими образованными стали современные женщины. Только богословие вам не по уму, потому вас в свое время и не допускали к наукам. Думаете, мы, заключая эту конвенцию, руководствовались идеями еретика Кальвина? Соглашение обязательно для всех вампиров, колдунов и даймонов — в прошлом, настоящем и будущем. Нравится это вам или нет.

— Ты уже сказал все, что хотел, Доменико, — слейным голосом вставил Мэтью.

— Колдунье, но не тебе.

— Значит, Диана может уйти. Уведи ее в дом, Maman.

Изабо на сей раз повиновалась мгновенно. Марта последовала за нами.

— Нет! — прошипела Изабо, когда я оглянулась.

— Откуда эта тварь сюда явилась? — спросила Марта, как только мы вошли в дом.

— Не иначе, из преисподней. — Изабо дотронулась до моей пылающей щеки и тут же отдернула руку. — Ты девочка храбрая, но безрассудная. Нельзя спорить с Доменико и его сторонниками, если ты не вампир, — это очень рискованно. Держись от них подальше.

Не дав мне ответить, она провела меня через кухню, столовую и гостиную, а в холле потянула к лестнице на самую высокую из замковых башен. При мысли о подъеме у меня свело икры.

— Так надо, — сказала Изабо. — Мэтью будет искать нас именно там.

Страх и гнев помогли мне подняться до середины — вторую половину я одолела на одной силе воли. С плоской крыши открывался вид на многие мили вокруг. Легкий бриз растрепал заплетенную утром косу и окутал меня туманом.

Изабо подняла на высоком флагштоке раздвоенное черное знамя с серебряной змеей, глотающей собственный хвост. Я подбежала к зубчатому парапету, Доменико тут же посмотрел вверх.

Пару секунд спустя такой же флаг подняли и в деревне. Зазвонил колокол. Мужчины и женщины, выходя из домов, магазинов и баров, смотрели в сторону замка, где полоскался на ветру символ вечности и возрождения.

— Эмблема нашего рода, — ответила Изабо на мой немой вопрос. — Мы подаем деревне знак быть начеку. Нас они не боятся, ведь мы очень долго живем бок о бок, — флаг поднимается лишь в случае приезда других вампиров. Многим из них, в том числе и Доменико Микеле, нельзя доверять.

— Это я уже уяснила. Кто он такой, черт возьми?

— Один из самых старых друзей Мэтью — иначе говоря, очень опасный враг.

Мэтью и Доменико, держась на точно выверенном расстоянии, продолжали разговор. Миг спустя итальянец метнулся обратно к каштану, у которого я его впервые увидела. Послышался громкий треск.

— Отлично, — пробормотала Изабо.

— А Марта где? — оглянулась я.

— В холле. На всякий случай. — Изабо не сводила глаз с сына.

— Доменико действительно может подняться сюда и вцепиться мне в горло?

Мерцающие черные глаза Изабо уставились на меня.

— Это было бы слишком просто. Сначала он с тобой поиграет, как кошка с мышкой. Он всегда играет — и любит это делать на публике.

— Я способна сама себя защитить, — сглотнув, заверила я.

— Да, способна, если твоя сила так велика, как думает Мэтью. Я на опыте знаю, что колдуны хорошо защищаются. Небольшое усилие и немного отваги — вот все, что им нужно.

— Что это за Конгрегация, о которой говорил Доменико?

— Совет девяти. По трое от вампиров, колдунов и даймонов. Учреждена во времена Крестовых походов, чтобы спасти нас от разоблачения перед людьми. Мы были тогда беспечны — постоянно вмешивались в политику и прочие человеческие безумства. Честолюбие, гордыня и создания вроде Микеле, которым всегда всего мало, и заставили нас принять упомянутую конвенцию.

— Вы согласились на какие-то условия? — Мне казалось нелепым, что договор, подписанный в Средневековье, может повлиять на нас с Мэтью.

Изабо, кивнув, поправила золотистые волосы.

— Смешение наших видов, как и вмешательство в дела человека, слишком бросалось в глаза. Люди всегда находили нас чересчур умными — сами они, бедняжки, не отличаются умом, но и полными дураками их не назовешь.

— Смешение — это, надо полагать, не танцы и не званые вечера?

— Нам запретили всё: танцы, обеды, пение, поцелуи. И то, что бывает после танцев и поцелуев, тоже. До конвенции наше высокомерие не знало границ. Нас было гораздо больше, и мы брали что хотели, не считаясь с ценой.

— Что еще входит в конвенцию?

— Запрет на участие в политических и религиозных структурах. Слишком уж много созданий было среди пап и князей. А с тех пор как люди придумали летописи, нам, вампирам, стало все трудней переходить из одной жизни в другую — обязательно кто-нибудь да сунет свой нос.

Я взглянула на Мэтью и Доменико — они продолжали беседовать.

— Значит, так. — Я принялась загибать пальцы. — Никакого смешения между разными видами, никаких вмешательств в политику и религию... еще что-нибудь?

Ксенофобия моей тетушки и ее нежелание видеть меня юристом проистекали, как видно, из не совсем точного понимания этого древнего документа.

— Да. Если кто-то из созданий нарушает конвенцию, Конгрегация обязана это пресечь и восстановить должный порядок.

— А если созданий будет двое?

Воцарилась тишина.

— На моей памяти такого никогда не случалось, — призналась наконец Изабо. — Хорошо еще, что вы двое ничего пока не нарушили.

Прошлой ночью я предложила Мэтью простую вещь — но он-то знал, что все совсем не так просто. Это не было неуверенностью во мне или в собственных чувствах. Он хотел знать, как далеко может зайти, прежде чем вмешается Конгрегация.

Ответ не заставил себя ждать: недалеко, очень недалеко.

Мне стало легче, когда я все это поняла, но облегчение быстро сменилось гневом. Если бы не чья-то жалоба, Мэтью мог бы

мне вообще ничего не сказать о Конгрегации и конвенции и его молчание имело бы самые нежелательные последствия для наших семей. Я сошла бы в могилу с убеждением, что Сара с Изабо — ханжи и расистки, в то время как они попросту соблюдали данное некогда слово. Понять это мне было трудно, но простить я вполне могла.

— Напрасно ваш сын от меня что-то скрывает, — сказала я с жаром, пальцы зудели. — Я до него еще доберусь — это вас должно волновать больше, чем Конгрегация.

— Как бы он сам до тебя не добрался, — фыркнула Изабо. — За то, что проявляла непослушание при Доменико.

— Я не обязана слушаться Мэтью.

— Тебе, моя милая, предстоит еще многое узнать о вампирах, — снисходительно проронила она.

— А вам предстоит еще многое узнать обо мне. И вам, и Конгрегации.

Изабо вцепилась мне в плечи:

— Это не игрушки, Диана! Мэтью готов рассориться с созданиями, которых знал много веков, ради амбиций, которые ты лелеешь в своей коротенькой жизни. Умоляю, не позволяй ему. Его убьют, если он будет упорствовать.

— Он сам себе хозяин, Изабо. Я не могу руководить им.

— Верно, но прогнать его в твоей власти. Скажи, что отказываешься нарушать конвенцию ради него. Что не чувствуешь к нему ничего, кроме любопытства, которое так свойственно колдунам. — Она оттолкнула меня. — Если любишь — найдешь что сказать.

— Он уезжает! — крикнула Марта с лестницы.

Мы бросились к парапету. Всадник на вороном коне перемахнул через изгородь и скрылся в лесу.

Глава 22

Мы втроем сидели в гостиной. Смеркалось, а Мэтью все не было. Человека громадный Бальтазар измотал бы до полусмерти, но события этого утра вновь напомнили мне, что Мэтью — не человек, а вампир. С многочисленными тайнами, непростым прошлым и наводящими страх врагами.

Где-то наверху хлопнула дверь.

— Вернулся, — сказала Изабо. — Теперь, как всегда в трудные минуты, пойдет в отцовскую комнату.

Молодая и прекрасная мать Мэтью смотрела в огонь. Я, зажав руки между колен, отказывалась от всего, что ставила передо мной Марта. Я не ела с самого завтрака, но пустота у меня внутри не имела ничего общего с голодом.

Вокруг валялись обломки прежней упорядоченной жизни — оксфордская степень, штатная должность в Йеле, толково написанные книги. Все это раньше придавало существованию смысл, но никак не могло поддержать меня в странном новом мире, населенном грозными вампирами и нагоняющими страх колдунами. Я стояла перед ним беззащитная; нечто хрупкое связывало меня теперь с вампиром, а по венам, сколько ни отпирайся, текла колдовская кровь.

Мэтью вошел в гостиную вымытый и переодетый. Порхнул по мне холодным взглядом, убедился, что я невредима, и плотно сжатые губы чуть смягчились — единственный намек на нашу недавнюю близость.

Вампир, вошедший в гостиную, был не тот Мэтью, какого я знала. Не обаятельный ухажер, насмешливо улыбающийся и приглашающий на завтрак. Не ученый, поглощенный работой

и мучимый вопросом о своем месте в мире. Не мужчина, обнимавший и страстно целовавший меня прошлой ночью.

Холодный, бесстрастный. Прежняя мягкость в глазах, губах, очертаниях пальцев сменилась твердыми линиями. И выглядел он старше прежнего: усталость вкупе с отчужденностью делала явными все полторы тысячи лет.

В камине треснуло полено, осыпав решетку рыжими искрами.

Поначалу все застила сплошная рыжина, потом она обрела фактуру, запестрела золотом и серебром и начала превращаться в волосы, Сарины волосы. Я сбросила рюкзачок и кинула на пол коробку для завтрака — с грохотом, как отец, бросавший у двери свой кейс.

— Я пришла! — звонко уведомил мой детский голос. — Есть что-нибудь вкусненькое?

Оранжевая, сверкающая на солнце голова Сары повернулась ко мне.

Волосы рыжие, а лицо белое-белое.

Белизна затопила все остальное, обрела серебряный блеск, засверкала рыбьей чешуей — нет, кольчугой. Кольчуга облегала знакомое мускулистое тело. Мэтью.

— С меня довольно. — Белые руки разодрали черную накидку с серебряным крестом на груди, швырнули к чьим-то ногам. Мэтью повернулся и зашагал прочь.

Видение растаяло, сменившись теплыми тонами гостиной, но осталось у меня в голове. Скрытый дар, как и в случае с колдовским ветром, опять проявился без предупреждения. Неужели и маму видения посещали с той же внезапностью? Я обвела глазами комнату и увидела обеспокоенное лицо Марты: только она, кажется, и заметила, что со мной не все ладно.

— Я сожалею, Maman, — сказал Мэтью, поцеловав Изабо в обе щеки.

— Hein, он всегда был свиньей. Ты в этом не виноват. — Изабо ласково стиснула руку сына. — Хорошо, что ты дома.

— Он ушел — до завтра можно не беспокоиться. — Мэтью запустил руку в волосы.

— Выпей. — Марта, справлявшаяся с невзгодами своими средствами, налила ему виски, а мне в очередной раз подсунула чашку. От нетронутого чая струился пар.

— Спасибо, Марта. — Мэтью, сделав глоток, встретился со мной глазами и тут же отвернулся. — Телефон. — Вернувшись из кабинета, он протянул свой мобильник, не коснувшись меня даже пальцем. — Это тебя.

Я знала, кто мне звонит.

— Привет, Сара.

— Я до тебя восемь часов дозваниваюсь. Что у вас там стряслось? — Сара знала, что случилась беда, иначе не стала бы звонить вампиру. Ее голос напомнил мне белое лицо из видения — испуганное лицо.

— Да ничего. — Мне не хотелось пугать ее снова. — Я с Мэтью.

— Все твои беды начались как раз из-за того, что ты с Мэтью.

— Сара, я сейчас не могу говорить. — Мне только спора с теткой и не хватало.

Она перевела дыхание.

— Ты должна узнать кое-что, прежде чем окончательно связаться с вампиром.

— В самом деле? — вспылила я. — Пришло время рассказать мне про конвенцию, да? Ты, случайно, не знаешь, кто из колдунов состоит сейчас в Конгрегации? Хотелось бы сказать им пару слов! — Кончики пальцев у меня горели ярко-синим пламенем.

— Ты пренебрегала своей силой, Диана. Не желала говорить о магии. Зачем бы я стала соваться к тебе с конвенцией? — оправдывалась Сара.

От моего горького смеха синее пламя поблекло.

— Что толку в твоих оттоворках. После смерти папы и мамы вы с Эм должны были сразу мне все рассказать, а не ограничиваться намеками. Ты несколько запоздала. Мне нужно поговорить с Мэтью — пока, перезвоню тебе завтра. — Я бросила телефон на кушетку и закрыла глаза, унимая разряды в пальцах.

Все три вампира смотрели на меня — я это чувствовала.

— И что же теперь, ждать новых визитеров из Конгрегации? — спросила я в тишине.

— Нет, — сказал Мэтью.

Ответ хоть и односложный, но именно тот, какой я хотела услышать. За эти несколько дней я успела отвыкнуть от вне-

запных перемен в настроении Мэтью и забыла, какую тревогу они нагоняют. Но следующие его слова убили мою надежду на то, что и эта черная полоса скоро пройдет:

— Визитов не будет, потому что здесь не нарушают конвенцию и не намерены ее нарушать. Мы побудем еще пару дней и вернемся в Оксфорд. Ты не против, Maman?

— Нет, конечно. — У Изабо вырвался вздох облегчения.

— Флаг спускать не будем, — деловым тоном добавил Мэтью. — Пусть деревенские остерегаются.

Изабо кивнула, ее сын отпил вина. Я посмотрела на нее, потом на него, но они не вняли моему немому призыву выложить карты на стол.

— Всего пару дней назад ты вывез меня из Оксфорда, — заметила я.

— А теперь ты туда вернешься, — спокойно ответил Мэтью. — И никаких прогулок за пределами замка, никаких выездов в одиночку. — Его холодность пугала меня больше, чем все сказанное Доменико.

— Что еще?

— Никаких танцев. — Судя по его тону, под «танцами» подразумевалось много всего. — Если будем строго соблюдать правила Конгрегации, они отвяжутся и займутся чем-нибудь поважнее.

— Понятно. Я должна притвориться мертвой, а ты — отказаться от своей работы и «Ашмола-782»? Что-то не верится. — Я встала и направилась к двери.

Мэтью грубо схватил меня за руку. Быстрота, с которой он преодолел расстояние между нами, противоречила всем законам физики.

— Сядь, Диана! — так же грубо приказал он, но это проявление эмоций меня только порадовало.

— Почему ты сдался? — спросила я шепотом.

— Чтобы избежать разоблачения и спасти твою жизнь. — Он протащил меня через комнату и опять пихнул на диван. — У нас тут демократии нет, особенно при таких обстоятельствах. Ты делаешь то, что говорю я, без промедления и без вопросов, ясно?

— Или что? — поддразнила я.

Свечи отразились в его хрустальном бокале, и я опять стала падать — на этот раз в пруд.

Пруд превратился в каплю, капля — в слезу на белой щеке.

Сара плакала навзрыд, глаза у нее распухли и покраснели. Из кухни к нам вышла Эм, тоже заплаканная.

— *Что случилось? — У меня от страха свело живот.*

Сара утерла слезы. Ее пальцы, желтые от зелий и трав, удлинились и побелели.

— *Что случилось? — вскричал Мэтью, смахивая кровавую слезу с чьей-то, такой же белой щеки.*

— *Твой отец. Колдуны забрали его, — дрожащим голосом ответила Изабо.*

Видение пропало. Я отыскала глазами Мэтью, ища в нем спасения от этой новой напасти. Он тут же подошел и встал передо мной, но я не испытала привычного успокоения от его близости.

— Лучше я убью тебя сам, чем отдам в руки кому-то другому... — Голос у него сорвался. — Пожалуйста, не доводи меня до такой крайности — делай, что я говорю.

— Вот, значит, как, — сказала я, когда вновь обрела дар речи. — Подчинимся без борьбы замшелому уставу тысячелетней давности. Дело закрыто.

— Тебе никак нельзя попасть под колпак Конгрегации. Ты не владеешь магией, не понимаешь, какое отношение к тебе имеет «Ашмол-782». В Сет-Туре ты защищена от Питера Нокса, но уберечь теплокровного от вампиров попросту невозможно — я тебе уже говорил.

— Ты меня не тронешь. — В этом я, несмотря ни на что, была абсолютно уверена.

— Ты продолжаешь смотреть на вампиров в романтическом свете, но я, как бы ни сдерживался, все-таки пью кровь.

— Я знаю, ты убивал людей, — отмахнулась я. — Ты живешь на свете не одну сотню лет, — думаешь, я поверю, что ты всегда довольствовался одними животными?

Изабо пристально наблюдала за сыном.

— Знать, что я убивал людей, и понимать, что это значит, — разные вещи, Диана. Ты понятия не имеешь, на что я способен. — Мэтью потрогал свой талисман и отошел от меня.

— Я знаю, кто ты. — В этом я тоже была абсолютно уверена. Сама не знала, откуда взялось это инстинктивное доверие к Мэтью вопреки всем фактам, говорящим о злодеяниях не только вампиров, но даже и колдунов.

— Но себя ты не знаешь, а три недели назад даже не ведала, что я существую. — Взгляд Мэтью блуждал, руки дрожали, как у меня.

Подавшаяся вперед Изабо внушала еще больше беспокойства. Помешав угли в камине, Мэтью отшвырнул кочергу в сторону, и на камне осталась вмятина, как на масле.

— Мы справимся с этим, только дай нам немного времени. — Я старалась, чтобы голос звучал тихо и успокаивающе.

— Нет, не справимся. — Мэтью начал расхаживать взад-вперед. — В тебе слишком много необузданной силы. Это как наркотик, опасный и вызывающий привыкание, — к нему тянутся все создания. Ты все время под угрозой, пока рядом с тобой вампир или колдун.

Я не успела ответить: Мэтью, мгновенно переместившись, взял меня ледяными пальцами за подбородок и поднял на ноги.

— Я хищник, Диана. — Он говорил это так, словно признавался в любви. От гвоздичного аромата кружилась голова. — Я должен охотиться и убивать, чтобы жить. — Он повернул мою голову, охолодил взглядом горло.

— Отпусти Диану, Мэтью. — В голосе Изабо не было страха, и моя вера в Мэтью не дрогнула.

Он просто хотел отпугнуть меня — настоящая опасность, вроде той, что исходила от Доменико, мне не грозила.

— Она думает, что знает меня, Maman, — промурлыкал он. — Откуда ей знать, как жажда теплой крови скручивает желудок, доводя до безумия. Какое наслаждение мы испытываем, когда чужая кровь пульсирует в наших жилах. Как трудно мне быть так близко и не отведать ее.

Изабо поднялась с места:

— Сейчас не время давать ей уроки.

— Убить тебя сразу — не единственный вариант, — продолжал он, не обращая внимания. Чернота его глаз завораживала. — Я мог бы пить тебя медленно, день за днем, давая крови восстановиться. — Он обхватил рукой мою шею. Большой палец

поглаживал пульс, словно Мэтью прикидывал, куда вонзить зубы.

— Перестань! — резко сказала я: сцена запугивания слишком уж затянулась.

Мэтью бросил меня на ковер и тут же оказался на другом конце комнаты. Повернувшись спиной ко мне, он склонил голову.

Узор на ковре закружился перед глазами. Листья на синем небе — зеленые, золотые, коричневые.

— Твоих маму и папу убили, — говорила Сара. — Их больше нет, милая.

Оторвав взгляд от ковра, я уперлась им в спину вампира:

— Нет!

— В чем дело, Диана? — Тревога за меня вытеснила хищника прочь.

Снова водоворот красок — зеленое, коричневое, синее, золотое. Листья кружились на воде, падали сверху. Выгнутый отполированный лук лежал рядом со стрелами и полупустым колчаном. Я протянула руку, и натянутая тетива врезалась в ладонь.

— Мэтью! — предостерегла Изабо, нюхая воздух.

— Да, я тоже чую, — проворчал он.

«Он твой, — сказал чей-то голос. — Не отпускай его».

— Знаю, — нетерпеливо бросила я.

— Что ты знаешь, Диана? — Мэтью сделал шаг в мою сторону, но Марта опередила его.

— Оставь ее, — прошипела она. — Дитя не на этом свете.

Не на этом и не на том. Я терзалась между горем от потери родителей и осознанием того, что Мэтью скоро тоже уйдет.

«Будь осторожна», — предупредил голос.

— Поздно. — Я с размаху ударила по луку, переломив его надвое. — Слишком поздно.

— Что поздно?

— Я в тебя влюбилась, вот что.

— Быть не может, — проговорил Мэтью. Было очень тихо, только огонь трещал. — Так быстро?

— И почему вампиры так странно воспринимают время? — пробормотала я. Прошлое мешалось с настоящим и морочило меня, но собственническое слово «любовь» показало дорогу

в нужное место и время. — У нас, колдунов, нет в запасе ваших столетий, вот мы и спешим. Сара говорит, что мама полюбила отца с первого взгляда, а я тебя полюбила с тех самых пор, как чуть не огрела веслом на городской пристани Оксфорда.

Кровь в жилах начала тихонько гудеть. Марта, видимо, тоже услышала это и напугалась.

— Ты не понимаешь. — Казалось, что Мэтью вот-вот переломится пополам, как мой лук.

— Нет, понимаю. Конгрегация будет чинить мне препятствия, но не им указывать, кого я должна любить.

Когда у меня отняли родителей, я была ребенком и поневоле слушалась взрослых. Теперь я взрослая и буду драться за Мэтью.

— Угрозы Доменико — ничто по сравнению с тем, чего можно ждать от Питера Нокса. Сегодняшний визит был попыткой наладить отношения, дипломатической миссией. Ты не готова к борьбе с Конгрегацией, какие бы мысли тебя ни посещали на этот счет. Если даже начнешь войну, что за этим последует? Старая вражда вспыхнет с новой силой и выдаст нас людям. От этого может пострадать и твоя семья. — Мэтью резал по живому, чтобы заставить меня одуматься, но ничто не могло перевесить моего чувства к нему.

— Я люблю тебя и не собираюсь сдаваться. — В этом я тоже была уверена.

— Ты меня не любишь.

— Я сама решаю, кого, когда и как мне любить. Хватит командовать, Мэтью. Если мои представления о вампирах грешат романтизмом, то и твое отношение к женщинам нужно решительно пересмотреть.

Не успел он ответить, на кушетке завибрировал телефон. Мэтью выругался по-окситански (должно быть, весьма забористо, потому что его слова ошарашили даже Марту) и схватил свой мобильник.

— В чем дело? — спросил он, не сводя с меня глаз.

На том конце что-то забормотали. Изабо и Марта обменялись встревоженными взглядами.

— Когда? — грянул, как из ружья, Мэтью. — Взяли что-нибудь? — Я наморщила лоб, слыша, как он разгневан. — Ну слава богу. Повреждения есть?

В Оксфорде что-то случилось — видимо, кража. Хоть бы не Олд-Лодж ограбили.

Выслушав ответ, Мэтью провел рукой по глазам:

— Еще что?

Новая пауза. Мэтью отошел к очагу и взялся за каминную полку.

— Вот тебе и дипломатия. — Он тихо выругался и добавил: — Через несколько часов буду. Сможешь приехать за мной?

Значит, мы возвращаемся в Оксфорд прямо сейчас. Я встала.

— Отлично. Позвоню, когда пойдем на посадку. И вот еще, Маркус: узнай, кто входит в Конгрегацию, помимо Питера Нокса и Доменико Микеле.

Питер Нокс? Кусочки пазла начали складываться. Неудивительно, что Мэтью мигом вернулся из Шотландии, узнав, кто тот колдун в твидовом пиджаке. И что теперь так старается меня оттолкнуть. Мы собрались нарушить закон, за соблюдением которого Нокс как раз и следит.

Мэтью закончил разговор и сжал руку в кулак, точно намереваясь как следует задать каминной полке.

— Это Маркус. Кто-то пытался проникнуть в лабораторию. Надо лететь в Оксфорд. — Глаза у него были совершенно мертвые.

— Все в порядке, надеюсь? — Изабо бросила на меня обеспокоенный взгляд.

— Нашу систему безопасности они не одолели, но нужно поговорить с руководством и позаботиться, чтобы новая попытка не увенчалась успехом.

Я не видела смысла в его словах. Ведь это хорошо, что взломщики не попали внутрь? Зачем же так сокрушенно качать головой?

— Кто это был? — спросила я.

— Маркус точно не знает.

Странно, учитывая вампирское обоняние.

— Люди?

— Нет.

Снова односложные ответы. Досадно.

— Пойду соберу вещи. — Я пошла к лестнице, но остановилась, услышав от Мэтью:

— Ты остаешься здесь.

— Я хочу в Оксфорд. С тобой.

— В Оксфорде сейчас небезопасно. Когда ситуация изменится, я вернусь.

— Ты только что сказал, что мы возвращаемся! Определись, наконец, Мэтью. Чего я, собственно, должна опасаться? Манускрипта и колдунов? Питера Нокса и Конгрегации? Доменико Микеле и вампиров?

— Ты что, не слышала? Меня, вот кого.

— Слышала, но ты что-то скрываешь. Раскрывать тайны — работа историка, и у меня это хорошо получается. Нет, — прервала я открывшего было рот Мэтью, — не надо оправданий и уклончивых объяснений. Лети в Оксфорд, я остаюсь здесь.

— Принести тебе что-нибудь сверху? — спросила Изабо. — Возьми пальто — люди будут удивляться, если полетишь в одном свитере.

— Только ноутбук. Паспорт у меня в компьютерной сумке.

— Сейчас принесу. — Я, желая передохнуть немного от де Клермонов, взлетела по лестнице и обвела взглядом комнату, насквозь пропитавшуюся Мэтью.

Серебристые доспехи мерцали в отсветах очага. Я смотрела на них, и в голове у меня с быстротой комет проносились какие-то лица. Бледная женщина с огромными голубыми глазами и милой улыбкой. Еще одна — решительная, плечистая, с твердо очерченным подбородком. Мужчина с ястребиным носом, терзаемый болью. И другие, много других, но среди них всех я узнала только Луизу де Клермон. Она держала руку перед глазами, с пальцев капала кровь.

Усилием воли я прогнала видение. Меня била дрожь. Анализ ДНК свидетельствовал, что такие явления вполне вероятны, но очень уж неожиданно они случились. Совсем как полет в объятиях Мэтью прошлым вечером. Будто кто-то вытащил пробку, и освобожденная наконец магия вырвалась из бутылки.

Я вытащила вилку из розетки, засунула ноутбук в сумку. Паспорт, как и сказал Мэтью, лежал в наружном кармане.

Марта, что-то бормоча, расхаживала по холлу, а Мэтью, в замшевой куртке, ждал один в гостиной.

Я отдала компьютер и встала подальше, чтобы не так тянуло притронуться к Мэтью напоследок. Он, спрятав в карман ключи, сказал чужим приглушенным голосом:

В Оксфорде что-то случилось — видимо, кража. Хоть бы не Олд-Лодж ограбили.

Выслушав ответ, Мэтью провел рукой по глазам:

— Еще что?

Новая пауза. Мэтью отошел к очагу и взялся за каминную полку.

— Вот тебе и дипломатия. — Он тихо выругался и добавил: — Через несколько часов буду. Сможешь приехать за мной?

Значит, мы возвращаемся в Оксфорд прямо сейчас. Я встала.

— Отлично. Позвоню, когда пойдем на посадку. И вот еще, Маркус: узнай, кто входит в Конгрегацию, помимо Питера Нокса и Доменико Микеле.

Питер Нокс? Кусочки пазла начали складываться. Неудивительно, что Мэтью мигом вернулся из Шотландии, узнав, кто тот колдун в твидовом пиджаке. И что теперь так старается меня оттолкнуть. Мы собрались нарушить закон, за соблюдением которого Нокс как раз и следит.

Мэтью закончил разговор и сжал руку в кулак, точно намереваясь как следует задать каминной полке.

— Это Маркус. Кто-то пытался проникнуть в лабораторию. Надо лететь в Оксфорд. — Глаза у него были совершенно мертвые.

— Все в порядке, надеюсь? — Изабо бросила на меня обеспокоенный взгляд.

— Нашу систему безопасности они не одолели, но нужно поговорить с руководством и позаботиться, чтобы новая попытка не увенчалась успехом.

Я не видела смысла в его словах. Ведь это хорошо, что взломщики не попали внутрь? Зачем же так сокрушенно качать головой?

— Кто это был? — спросила я.

— Маркус точно не знает.

Странно, учитывая вампирское обоняние.

— Люди?

— Нет.

Снова односложные ответы. Досадно.

— Пойду соберу вещи. — Я пошла к лестнице, но остановилась, услышав от Мэтью:

— Ты остаешься здесь.

— Я хочу в Оксфорд. С тобой.

— В Оксфорде сейчас небезопасно. Когда ситуация изменится, я вернусь.

— Ты только что сказал, что мы возвращаемся! Определись, наконец, Мэтью. Чего я, собственно, должна опасаться? Манускрипта и колдунов? Питера Нокса и Конгрегации? Доменико Микеле и вампиров?

— Ты что, не слышала? Меня, вот кого.

— Слышала, но ты что-то скрываешь. Раскрывать тайны — работа историка, и у меня это хорошо получается. Нет, — прервала я открывшего было рот Мэтью, — не надо оправданий и уклончивых объяснений. Лети в Оксфорд, я остаюсь здесь.

— Принести тебе что-нибудь сверху? — спросила Изабо. — Возьми пальто — люди будут удивляться, если полетишь в одном свитере.

— Только ноутбук. Паспорт у меня в компьютерной сумке.

— Сейчас принесу. — Я, желая передохнуть немного от де Клермонов, взлетела по лестнице и обвела взглядом комнату, насквозь пропитавшуюся Мэтью.

Серебристые доспехи мерцали в отсветах очага. Я смотрела на них, и в голове у меня с быстротой комет проносились какие-то лица. Бледная женщина с огромными голубыми глазами и милой улыбкой. Еще одна — решительная, плечистая, с твердо очерченным подбородком. Мужчина с ястребиным носом, терзаемый болью. И другие, много других, но среди них всех я узнала только Луизу де Клермон. Она держала руку перед глазами, с пальцев капала кровь.

Усилием воли я прогнала видение. Меня била дрожь. Анализ ДНК свидетельствовал, что такие явления вполне вероятны, но очень уж неожиданно они случились. Совсем как полет в объятиях Мэтью прошлым вечером. Будто кто-то вытащил пробку, и освобожденная наконец магия вырвалась из бутылки.

Я вытащила вилку из розетки, засунула ноутбук в сумку. Паспорт, как и сказал Мэтью, лежал в наружном кармане.

Марта, что-то бормоча, расхаживала по холлу, а Мэтью, в замшевой куртке, ждал один в гостиной.

Я отдала компьютер и встала подальше, чтобы не так тянуло притронуться к Мэтью напоследок. Он, спрятав в карман ключи, сказал чужим приглушенным голосом:

— Это трудно, я знаю, но придется потерпеть. Предоставь все мне. Мне необходимо знать, что ты в безопасности.

— Я в безопасности, когда мы вместе.

— Нет. Я думал, что одно мое имя способно тебя защитить, но вышло иначе.

— Расстаться со мной тоже не выход. Я не все понимаю из того, что случилось сегодня, но ненависть Доменико касается не только меня. Он хочет уничтожить вашу семью и вообще все, что тебе дорого, но он вроде бы согласен повременить со своей вендеттой, а вот Питер Нокс вызывает у меня большие сомнения. Ему нужен «Ашмол-782», и он полагает, что может получить книгу через меня. С ним договориться будет не так просто. — Меня передернуло.

— Если я предложу ему сделку, он согласится.

— Что именно ты хочешь ему предложить?

Молчание.

— Мэтью?

— Рукопись, — ровным голосом произнес он. — Я оставлю ее — и тебя — в покое, если он пообещает мне то же самое. «Ашмол-782» пролежал нетронутым полтора века — пусть себе и дальше лежит.

— С Ноксом нельзя заключать сделки! — ужаснулась я. — Ему нельзя доверять. И потом, ты-то можешь дожидаться рукописи сколько угодно, а Нокс — нет. Его это не устроит.

— Предоставь Нокса мне, — недовольно сказал Мэтью.

— Доменико, Нокса... а мне что прикажешь делать? — не выдержала я. — Сам сказал, что я не кисейная барышня, вот и относись ко мне соответственно.

— Я, вероятно, заслужил это, — глаза у него сделались совсем черными, — но тебе предстоит еще многое узнать о вампирах.

— Точно так же говорит твоя мать, но и вы далеко не все знаете о колдунах. — Я откинула волосы с глаз, скрестила руки. — Поезжай в Оксфорд, узнай, что там произошло, — (мне ты все равно ничего не расскажешь!), — только, бога ради, не вступай в переговоры с Питером Ноксом. И определись со своим чувством ко мне, не оглядываясь при этом на конвенцию, Конгрегацию и даже на Питера Нокса с Доменико Микеле.

Мой любимый вампир, лику которого мог бы позавидовать ангел, скорбно на меня посмотрел:

— Ты знаешь, какое чувство я испытываю к тебе.

— Нет, не знаю, — покачала головой я. — Сам скажешь, когда будешь готов.

Казалось, Мэтью что-то хочет сказать, но он справился с собой и зашагал к двери. Остановился, окинул меня снежным взглядом и вышел вон.

Поцеловав Марту в холле, вампир быстро проговорил что-то по-окситански.

— Compreni, compreni, — закивала она, глядя на меня в открытую дверь.

— Merces amb tot meu cor, — сказал он тихо.

— Al rebeire. Mefi.

— T'afortissi. Ты тоже обещай мне, — Мэтью повернулся ко мне, — быть осторожной и слушаться Изабо.

И ушел, не оглянувшись, так и не прикоснувшись ко мне.

Я закусила губу, но слез не сдержала. Сделала три медленных шага к лестнице, а потом помчалась бегом на сторожевую башню, рыдая в три ручья. Марта посмотрела понимающим взглядом и не стала меня останавливать.

Наверху было сыро и холодно. Надо мной развевался стяг де Клермонов, луну застили облака. Тьма подступала со всех сторон; тот единственный, кто мог ее отогнать, покинул меня и унес с собой свет.

Мэтью, стоя у «рейнджровера», ссорился с Изабо. Она, потрясенная, ухватила его за рукав, словно хотела помешать сесть в машину.

Он высвободился — белая рука мелькнула в темноте и стукнула по крыше автомобиля. Я так и подскочила: при мне он применял силу разве что к устрицам и каштанам. На машине осталась страшная вмятина.

Мэтью печально склонил голову. Изабо погладила его по щеке. Сев в машину, он сказал ей еще несколько слов. Она кивнула и посмотрела на башню. Я отпрянула, надеясь, что вампиры меня не заметили. Машина развернулась, тяжелые шины захрустели по гравию, и вскоре задние огни исчезли вдали. Я сползла по каменной стене и дала волю слезам.

Именно в этот вечер я узнала, что такое колдовская вода.

Глава 23

До встречи с Мэтью я думала, что в моей жизни уже нет места значительным изменениям, и уж точно не предполагала, что таким изменением окажется полуторатысячелетний вампир. Но он как-то умудрился незамеченным проскользнуть в пустой, мне самой неведомый уголок моей души.

А теперь он уехал, и я поняла, как сильно мне его не хватает. Слезы немного смягчали мою решимость не отдавать его без борьбы. Воды все прибывало, и вскоре я уже сидела в луже, которая с каждой минутой становилась все глубже.

Дождя, несмотря на облака, не было — воду источала я сама.

Слезы, вытекая из глаз, неимоверно разбухали и звонко плюхались на камень. С волос тоже стекала вода. Я открыла рот, потому что дышать носом из-за струящихся по лицу потоков было невозможно, и изо рта тоже хлынула соленая струйка.

Сквозь водную пелену на меня смотрели Изабо с Мартой. Марта была мрачна, губы Изабо шевелились, но слова заглушал рев тысячи морских раковин.

Я встала, надеясь, что потоп прекратится, — не тут-то было. «Оставьте меня, пусть вода унесет прочь меня, и мое горе, и память о Мэтью...» Попытка произнести это вызвала новый морской прилив. Я протянула руки, и тут же потекло с кончиков пальцев. Мне вспомнилась материнская рука, простертая к отцу, и напор усилился.

Я утратила всякую власть над тем, что со мной творится. Внезапное появление Доменико напугало меня сильнее, чем я готова была признать; Мэтью уехал; я поклялась драться за него с неизвестным и непонятным врагом. Теперь уже ясно, что его жизнь складывается не из одних домашних радостей —

камин, вино и книги. И протекает она не только в лоне семьи. Темные намеки Доменико говорили о вражде, опасностях, смерти.

Я изнемогала, меня заливала вода. Изнеможение это сопровождалось каким-то странным восторгом: во мне, смертной, таилась могущественная стихия, сулившая невообразимую власть. Если отдаться на ее волю, Дианы Бишоп больше не будет. Я стану водой и буду существовать везде и нигде, избавлюсь от тела, от боли.

— Прости меня, Мэтью, — пробулькала я.

Шаг, который сделала ко мне Изабо, отозвался в мозгу громким треском. Я хотела предостеречь ее, но слова потонули в реве прибоя. От моих ног поднялся ветер, превращая потоп в ураган. Я воздела руки к небу, окруженная крутящимся водяным столбом.

Марта схватила Изабо за локоть и что-то ей втолковывала. Та пыталась вырваться, по губам было видно, что она говорит «нет», но Марта не уступала. Изабо покорилась и вдруг запела — завораживая, призывая, возвращая меня в этот мир.

Ветер начал стихать: бешено рвавшийся с флагштока штандарт де Клермонов снова едва колыхался. Неистовые потоки, бьющие из пальцев, превратились сначала в реки, потом в слабые ручейки и наконец иссякли. То же самое происходило с водой, лившейся с волос. Рот вместо прибоя исторг удивленный вздох — только гигантские слезинки, с которых все и началось, еще некоторое время падали из глаз. Вода убегала через отверстия в парапете и с шумом падала на гравий далеко внизу.

Когда она сошла окончательно, я почувствовала себя выдолбленной, как тыква, и окоченевшей. Подкосившиеся колени больно ушиблись о камень.

— Слава богу, — промолвила Изабо. — Мы чуть не потеряли ее.

Они подняли меня, трясущуюся от холода и изнеможения, на ноги и увлекли вниз по лестнице с ошеломительной скоростью. В холле Марта повернула к лестнице в комнаты Мэтью, но Изабо потянула в другую сторону:

— Ко мне ближе.

— Ей будет спокойнее рядом с ним.

Изабо, сердито фыркнув, уступила, но возле винтовой лестницы разразилась гневной тирадой. Столь цветистые фразы плохо сочетались с ее прелестными губками. Она бранила силы природы, вселенную и сынка Мэтью и поминала по матушке строителей башни.

— Я отнесу ее наверх, — заявила она наконец и легко подняла меня, хотя я была значительно крупнее ее самой. — О чем он только думал, закручивая ступени таким винтом? И зачем ему целых два пролета? Ума не приложу.

Марта, приткнув мои мокрые волосы в сгиб ее локтя, пожала плечами:

— Да чтобы труднее было. Он всегда осложнял жизнь и себе, и всем остальным.

Свечи никто не потрудился зажечь, но в камине еще тлел огонь, и спальня не успела остыть. Марта сразу же скрылась в ванной. Услышав шум льющейся воды, я с тревогой уставилась на свои пальцы. Изабо отломила от большого полена щепку, разворошила угли, подкинула дров, засветила той же щепкой с десяток свечей и оглядела меня с головы до ног.

— Он мне никогда не простит, если ты заболеешь.

Ногти у меня опять посинели — не от электричества, а от холода, — пальцы сморщились. Изабо принялась растирать мои руки в ладонях. Я, клацая зубами, отняла их и обхватила себя. Тогда она без церемоний сгребла меня в охапку и отнесла в ванную, где клубился пар.

— В ванну ее! — скомандовала Изабо.

Вдвоем они раздели меня и, ухватив холодными руками под мышки, опустили в горячую воду. Контраст при соприкосновении с моим заледеневшим телом получился такой, что я взвыла и попыталась вылезти.

— Ш-ш-ш... — Изабо собрала мои волосы, а Марта усадила обратно. — Тебе необходимо согреться.

Марта стояла на страже в изножье ванны, Изабо — в изголовье, шепча и напевая нечто успокоительное. Меня еще долго продолжала сотрясать дрожь.

Марта сказала что-то по-окситански, упомянув Маркуса.

— Нет, — хором произнесли мы с Изабо.

— Все будет хорошо. Не надо говорить Маркусу. Мэтью пока не должен ничего знать об этом, — стуча зубами, добавила я.

— Нужно тебя согреть, — сказала Изабо ровным голосом, хотя вид у нее при этом был озабоченный.

Постепенно я стала отходить от воздействия колдовства. Тело было таким холодным, что вода быстро остывала, но Марта все время подбавляла горячей, Изабо полила мне голову из помятого жестяного кувшина, замотала ее полотенцем и заставила меня сесть чуть пониже.

— Сиди и грейся.

Марта сновала между ванной и спальней с одежками и полотенцами в руках и сетовала, что у меня нет пижам (старый костюм для йоги, в котором я спала, она находила недостаточно теплым).

Изабо, потрогав мои щеки и макушку, выпустила меня из воды.

Стекающие по телу потоки напомнили мне о магических водопадах. Я вдавила в пол пальцы ног, сопротивляясь зову стихии.

Меня завернули в полотенца, согретые у огня и пахнущие дымом, и растирали, пока я вся не заполыхала. Марта вытерла волосы, заплела их в тугую косу. Изабо кинула мокрые полотенца на стул, ничуть не заботясь о старом дереве и красивой обивке.

Одевшись, я села и уставилась на огонь. Марта притащила снизу малюсенькие сэндвичи и свой травяной чай.

— Ешь!

Я надкусила сэндвич.

— Ешь, — повторила Марта, недовольная внезапной пропажей моего аппетита.

Желудок тоже требовал еды, но вкус у нее был как у опилок.

Когда я с трудом одолела два бутербродика, Марта сунула мне в руки горячую кружку. Тут меня уговаривать не пришлось: чай быстро смыл осевшую в горле соль.

— Это и есть колдовская вода? — Я содрогнулась, вспомнив о струившихся из меня реках.

Изабо, оторвавшись от созерцания темноты за окном, села напротив:

— Да. Давненько мы такого не видывали.

— Слава богу, что так бывает не всегда, — пробормотала я, глотая чай.

— Почти все современные колдуны недостаточно сильны для таких, как у тебя, проявлений. Разве что волны вызовут на пруду или дождик в ненастный день — сами в воду не превращаются. — Изабо смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

Итак, я превращалась в воду. Узнав, что в наши дни это явление исключительное, я почувствовала себя уязвимой и еще более одинокой.

Раздался звонок. Изабо достала из кармана красный мобильник, смотревшийся чересчур ярко и современно на фоне бледной кожи и коричневато-желтой гаммы костюма.

— Oui? А, хорошо. Рада, что ты добрался благополучно. — Из любезности она перешла на английский. — Да, все хорошо. Пьет чай. — Изабо передала мне мобильник. — Мэтью хочет поговорить с тобой.

— Диана? — Слышно было очень плохо.

— Да, — осторожно, опасаясь сболтнуть лишнее, сказала я.

В трубке послышался слабый вздох облегчения.

— Просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке.

— Изабо с Мартой хорошо обо мне заботятся. — (И за́мок я, к счастью, не затопила.)

— Ты, похоже, устала. — Беспокоясь обо мне, он чутко вслушивался в мой голос.

— Так и есть. Длинный был день.

— Ложись тогда спать, — с неожиданной мягкостью посоветовал он.

Я зажмурилась, отгоняя слезы. Вряд ли мне этой ночью удастся заснуть — буду волноваться, что он там выкинет ради моей безопасности.

— Ты уже был в лаборатории?

— Нет, только еду. Маркус хочет, чтобы я сам все проверил, — в усадьбе, по словам Мириам, все в порядке. — Говорил он вполне убедительно, но я знала, что это не вся правда.

Молчание затягивалось и становилось неловким.

— Пожалуйста, Мэтью, не затевай никаких торгов с Ноксом.

— До твоего возвращения я должен быть уверен, что тебе здесь ничего не грозит.

— Значит, больше и говорить не о чем. Ты принял свое решение, я — свое. — Я вернула телефон Изабо.

Та, нахмурившись, попрощалась с сыном — я не слышала, что он ей ответил.

— Спасибо, что не рассказала ему про потоп.

— Это не мое дело — расскажешь сама, если захочешь. — Она отошла к камину.

— Трудно говорить о том, что тебе непонятно. Почему сила стала проявляться только сейчас? Сначала ветер, потом видения, теперь еще и вода, — поежилась я.

— Что за видения? — встрепенулась Изабо.

— Разве Мэтью тебе не сказал? Вся эта... магия содержится в моей ДНК. Тест предупреждал о возможности видений, и они начались.

— Мэтью никогда бы не стал говорить, что открыла ему твоя кровь. Без твоего разрешения — определенно нет, да и с разрешением — вряд ли.

— Это случилось сегодня — здесь, в замке. — Я помедлила и спросила: — Как научиться управлять ими?

— Значит, тебе Мэтью раскрыл мой секрет? Сказал, что я была провидицей до того, как стала вампиром? Напрасно.

— Ты была колдуньей? — Это могло бы объяснить ее неприязнь ко мне.

— Колдуньей? Нет. Мэтью подозревает во мне даймоническое начало, но сама я уверена, что была простым человеком. Среди них тоже случаются провидцы — не одним созданиям достается этот благословенный и проклятый дар.

— Ты умела управлять своим даром? Знала, когда тебя посетит видение?

— Со временем это становится проще. Существуют знаки — неявные, но со временем учишься распознавать их. Да и Марта мне помогала.

Единственный намек на прошлое Марты. Я не впервые задалась вопросом, сколько лет этим женщинам и какой каприз судьбы свел их под одной кровлей.

— Да, — подтвердила Марта, скрестив руки на груди и с нежностью взглянув на Изабо. — Будет легче, если не сопротивляться тому, что видишь.

— Я слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться.

— Шок — тоже своего рода сопротивление, — заметила Изабо. — Попробуй расслабиться.

— Трудновато расслабиться, когда рыцари в доспехах и незнакомые женщины вторгаются в твои собственные воспоминания, — сказала я, зевнув во весь рот.

— Ты устала, отложим это на будущее, — поднялась Изабо.

— Все равно не засну. — Новый зевок, я успела прикрыть рот рукой.

Она посмотрела на меня, как сокол на мышь-полевку, и в ее глазах зажегся озорной огонек.

— Ложись, а я расскажу тебе, как создала Мэтью.

Соблазн был слишком велик. Я улеглась, Изабо придвинула стул к кровати, Марта принялась убирать посуду и полотенца.

— Начать придется издалека, — предупредила рассказчица, задумчиво глядя в пламя свечей, — с того самого времени, как он появился на свет — здесь, в деревне. Я ведь его с младенчества помню. Его родители пришли сюда, когда Филипп решил строиться на этой земле при короле Хлодвиге. Потому-то рядом и возникло селение: в нем жили крестьяне и ремесленники, строившие церковь и замок.

— Почему твой муж выбрал именно это место? — Я опер-лась на подушки, поджала укрытые одеялом колени.

— Хлодвиг обещал ему землю в надежде, что Филипп будет воевать против врагов короля. Но муж всегда жил по принципу «и нашим и вашим», — Изабо печально улыбнулась, — на чем его ловили очень немногие.

— Отец Мэтью был крестьянином?

— Крестьянином? — удивилась Изабо. — Нет, он был плотником — и Мэтью тоже, пока не сделался каменщиком.

Каменщиком... Кладка башни, где камни пригнаны так, будто и раствор не понадобился. Причудливые дымовые трубы в сторожке Олд-Лодж, воздвигнутые якобы неким древним выдумщиком. Пальцы, запросто раскалывающие скорлупу каштанов

и раковины устриц. Еще один кусочек пазла встал на место, без зазора примкнув к воину, ученому и придворному.

— Так они оба работали на строительстве замка?

— Другого замка, не этого. Этот мне подарил Мэтью, когда я вынуждена была покинуть любимые стены. Он снес крепость, построенную отцом, и построил другую. — Глаза Изабо, зеленые с черным, весело заискрились. — Филипп пришел в ярость — но что делать, перемены неизбежны. Первый замок был деревянным; его, конечно, подлатывали, но он все равно понемногу разваливался.

Я попыталась расположить события в хронологическом порядке. Первый замок и деревня строились в шестом веке, башня Мэтью — *в тринадцатом.*

— Потом он приткнул на задах эту башню, — Изабо неодобрительно сморщила нос, — чтобы жить подальше от нас, когда здесь бывает. Мне эта романтическая причуда не нравилась никогда, но он так хотел, и я разрешила. Для обороны она бесполезна — Мэтью и так уже налепил много больше башен, чем нам было нужно.

Мэтью рос умным, любознательным мальчиком, — продолжала она, перенесшись мыслями куда-то далеко от двадцать первого века. — Отца своего сводил с ума — бегал за ним в замок, играл его инструментами, сам строил что-то из чурочек и камней. Дети тогда рано учились ремеслам, но Мэтью всех обогнал. Когда освоил плотницкий топор, его сразу поставили на работу.

В моем воображении возник восьмилетний Мэтью, длинноногий, зеленоглазый.

— Да, — улыбнулась Изабо, словно в ответ на эти фантазии, — он был красивый ребенок. Красивый юноша. Необычайно высокий для того времени — хотя, став вампиром, еще больше подрос. И пошутить любил. Всегда прикидывался, что-де балка или стена вышла плохо, — ему, мол, неправильные указания дали. Филипп всякий раз попадался на его удочку. Родной отец Мэтью умер, когда мальчику не было еще двадцати, а мать — и того раньше. Нам очень хотелось, чтобы сирота нашел себе подходящую женщину, остепенился, завел семью. И вот ему встретилась Бланка. Ты должна понимать, что он все-

гда пользовался успехом у женщин. — Это было утверждение, не вопрос, но в голосе ее не было издевки.

Марта сердито глянула на хозяйку, но промолчала.

— Да, конечно, — с тяжелым сердцем ответила я.

— Бланка приехала в деревню недавно. Прислуживала каменных дел мастеру, из тех, кого Филипп выписал из Равенны строить первую церковь. Беленькая, как и полагается при таком имени, глаза как весеннее небо, волосы как золотая пряжа.

Когда я отправилась за ноутбуком Мэтью, мне привиделась красивая бледная женщина, очень похожая на ту, что описывала Изабо.

— И улыбка у нее была славная, — добавила я.

— Да, — удивилась Изабо.

— Я увидела ее, когда огонь камина отразился в доспехах Мэтью.

— Она казалась такой хрупкой — того и гляди сломается, таская воду из колодца или работая на огороде, — возобновила рассказ Изабо, несмотря на многозначительное покашливание Марты. — Это, полагаю, и привлекло Мэтью — хрупкие создания всегда ему нравились. — Она оглядела мои далеко не хрупкие стати. — Когда Мэтью стал зарабатывать достаточно, чтобы обеспечить семью, они поженились. Ему было двадцать пять, ей девятнадцать. Красивая пара — чернявый Мэтью и бледная белокурая красавица Бланка. Очень любили друг друга, и брак у них был счастливый. Вот только детей никак не могли родить — один выкидыш за другим. Даже представить не могу, каково им было видеть гибель стольких надежд. — (Я не знала, способны ли вампиры плакать, хотя и помнила кровавую слезу на щеке Изабо в своем первом видении, — но ее лицо и без слез выражало глубокое горе.) — И вот после множества неудач Бланка вновь забеременела. Пятьсот тридцать первый был знаменательным годом. На юге появился новый король, и снова вспыхнула война. Мэтью ходил счастливый, лелея надежду сохранить наконец дитя, и надежда его не обманула. Люка́ родился осенью, его крестили в недостроенной церкви, которую воздвигал, наряду с другими, его отец. Роды были тяжелые: повитуха сказала, что больше у Бланки детей не будет, но Мэтью

и одного Люка было довольно. Тем более что мальчик был вылитый отец — чернокудрый, длинноногий, с острым подбородком.

— Что же случилось с Люка и Бланкой? — спросила я.

Нам оставалось всего шесть лет до превращения Мэтью в вампира. Что-то должно было случиться, иначе он никогда бы на это не согласился.

— Мальчик подрастал, все шло хорошо. Мэтью научился работать по камню и пользовался большим спросом у знати отсюда и до Парижа. А потом в деревню пришла горячка. Она косила всех подряд, но Мэтью уцелел, а Бланка и Люка — нет. Было это в пятьсот тридцать шестом году. В прошлом, пятьсот тридцать пятом, мы почти не видели солнца, и зима была очень студеная, а с весной нагрянула эта хворь.

— Деревенские не удивлялись, почему вас с Филиппом болезнь не тронула?

— Конечно удивлялись, но в те времена объяснить это было проще. Легче думать, что Бог прогневался на деревню или что замок проклят, чем признать, что рядом с тобой живут manjasang.

— Manjasang? — Я попыталась скопировать выговор Изабо.

— Кровопийцы — так на старом языке называли вампиров. Некоторые подозревали правду и шептались о ней, но в ту пору возвращение остготов волновало людей куда больше, чем сеньор-manjasang. Филипп обещал защитить деревню в случае повторных набегов, и мы никогда не охотились в окрестностях замка.

— Как жил Мэтью, когда Люка и Бланки не стало?

— Он был безутешен. Перестал есть, исхудал как скелет. Деревенские обратились за помощью к нам. Я носила ему еду, — Изабо улыбнулась Марте, — кормила его и ходила с ним по округе, пока горе немного не притупилось. Когда он не мог уснуть, мы шли в церковь и молились за упокой душ Бланки и Люка. Мэтью в те дни был глубоко верующим. Мы рассуждали о рае и аде, и он очень беспокоился, куда попали их души и увидится ли он с ними вновь.

Мэтью был нежен со мной, когда я просыпалась после кошмара, — быть может, ему вспомнились те бессонные ночи?

— Вслед за осенью, когда он стал чуть спокойнее, настала тяжелая зима. Люди голодали, болезнь продолжала свирепствовать, повсюду царила смерть. Даже приход весны не рассеял мрака. Филипп беспокоился, что церковь до сих пор не достроена, и Мэтью работал усерднее прежнего. В начале второй недели июня его нашли на полу — он сломал себе спину и ноги.

Я ахнула, представив, как летит с лесов хрупкое человеческое тело.

— Спасти его было невозможно — он умирал. Одни каменщики говорили, что он поскользнулся, другие — что он стоял на краю и вдруг то ли упал, то ли прыгнул. Заявляли, что в церкви его, как самоубийцу, нельзя хоронить. Я не могла допустить, чтобы он умер в отчаянии. Он так хотел воссоединиться с женой и сыном — каково ему было думать в последний час, что он будет вечно разлучен с ними?

— Ты поступила правильно.

Я бы тоже ни за что его не покинула, что бы Мэтью там ни думал про свою душу. Если бы его могла спасти моя кровь, я бы ею воспользовалась.

— В самом деле? Никогда не была в этом уверена до конца. Филипп предоставил мне самой решать, вводить Мэтью в семью или нет. Мне уже случалось создавать вампиров, и Мэтью был не последний, но все равно выделялся. Я любила его и знала, что боги даровали мне случай стать матерью, воспитать его для новой жизни.

— Мэтью не оказал сопротивления? — не удержавшись, спросила я.

— Нет, он слишком страдал. Мы с Филиппом всем вслели уйти, сказали, что приведем священника, и объяснили Мэтью, что можем подарить ему вечную жизнь, без страданий, без боли. После он рассказывал, что принял нас за Богоматерь с Иоанном Крестителем, которые сошли к нему, чтобы взять на небо, к жене и сыну. А когда я предложила ему свою кровь, он подумал, что это священник причащает его перед смертью.

В комнате было тихо, лишь трещали дрова в камине да я дышала тихонько. Так хотелось вызнать у Изабо подробности, но страшно было спросить — вдруг для вампиров эта тема слиш-

ком личная или слишком болезненная. Но она все рассказала сама.

— Он принял мою кровь так просто, словно был рожден для нее. Его, в отличие от многих людей, не пугали ее запах и вид. Я вскрыла зубами запястье, сказала, что моя кровь его исцелит, — и он стал пить без малейших признаков страха.

— А потом? — прошептала я.

— Потом было... трудно. Все новорожденные вампиры очень сильны и одержимы голодом, но с Мэтью справиться было почти невозможно. Его обуревала ярость — нам с Филиппом приходилось охотиться целыми сутками, чтобы насытить его. И физически он изменился больше, чем мы ожидали. Мы все после возрождения становимся выше, стройнее, сильнее — я в своем прежнем существовании была куда ниже ростом. Но Мэтью из тощего долговязого мужчины развился в поистине великолепное существо. Мой муж был крупнее нашего нового сына, но при первом же глотке моей крови тот стал ему достойным соперником.

Стараясь не ежиться при мысли о яростном, бунтующем Мэтью, я смотрела на его мать. «Вот чего он боялся, — поняла я. — Что пойму его подлинную сущность и почувствую отвращение».

— Как же вы его успокоили? — спросила я.

— Положившись на то, что Мэтью не будет убивать каждого встречного, Филипп взял его на охоту. Это захватило сына целиком, как телесно, так и духовно. Вскоре охота стала ему нужна больше, чем кровь, — хороший признак для молодого вампира. Это означает, что новичком движет не один только голод, что он вновь способен мыслить. Со временем и совесть в Мэтью пробудилась — он стал думать, прежде чем убивать. После этого мы боялись только тех черных полос, когда он вспоминал о своей потере и принимался охотиться на людей.

— Что помогало в таких случаях?

— Иногда я пела ему — и ту песню, что сегодня пела тебе, и другие. Это смягчало его горе. Иногда он просто уходил — Филипп запрещал мне следить за ним и расспрашивать его, когда он возвращался. — Черный взгляд Изабо подтвердил мое

подозрение: Мэтью искал утешения в крови и ласках других женщин.

— Он так хорошо владеет собой, — заметила я, — трудно представить, что он на это способен.

— Мэтью очень глубоко чувствует. Это и достоинство, и тяжкое бремя — уметь любить так, что утрата любви превращает тебя в жестокое чудовище.

Расслышав угрозу в этих словах, я вскинула подбородок и ощутила зуд в пальцах.

— Постараюсь, чтобы мою любовь он никогда не утратил.

— Это каким же образом? Хочешь стать вампиром и охотиться с нами? — В смехе Изабо не было ни радости, ни веселья. — Не сомневаюсь, что Доменико именно это и предлагал. Выпить твою кровь, заменить ее нашей — и у Конгрегации больше не будет повода вмешиваться в ваши с Мэтью дела.

— Что ты такое говоришь? — пролепетала я.

— А ты не понимаешь? — огрызнулась Изабо. — Если тебе непременно нужно быть с Мэтью, стань одной из нас. Выведи из-под удара и его, и себя. Колдуны, возможно, не захотят тебя отпускать, но против отношений между двумя вампирами и они ничего возразить не смогут.

Марта тихо зарычала.

— Мэтью из-за этого уехал? Конгрегация приказала ему сделать меня вампиром?

— Он ни за что не сделал бы тебя manjasang! — гневно заявила Марта.

— Верно, — подтвердила Изабо с легким ехидством. — Я же говорила, он всегда любил хрупких женщин.

Вот, значит, что от меня скрывал Мэтью. Если я стану вампиром, перестану быть собой, запрет Конгрегации больше не будет нас касаться.

Эту перспективу я, как ни странно, рассматривала без особой паники или страха. Мы с Мэтью будем вместе. Может даже, стану повыше ростом. Изабо охотно меня обратит — вон как сверкнули ее глаза, когда моя рука потянулась к шее.

Но как же быть с видениями? С водой? С ветром? Я еще не осознала полностью свой магический дар — если стану вампиром, мне никогда не разгадать тайну «Ашмола-782».

— Я обещала ему, что Диана останется тем, кто она есть, — колдуньей, — хрипло сказала Марта.

Изабо, слегка оскалив зубы, кивнула.

— Что на самом деле произошло в Оксфорде? Он ведь не брал с вас обещания об этом молчать?

— Спроси его самого, когда он вернется, — смерив меня внимательным взглядом, ответила Изабо. — Не мое это дело.

У меня имелись еще вопросы — вдруг не все они подпали под вето Мэтью?

— Почему вас так взволновало, что в лабораторию пытался проникнуть не человек?

— Умница, — после долгой паузы похвалила меня Изабо. — Правила этикета, в конце концов, не секрет. Среди созданий такие поступки считаются недопустимыми — остается надеяться, что это был шаловливый даймон, не сознающий всей серьезности подобного проступка. Такое Мэтью простил бы.

— Даймонам он всегда все прощал, — мрачно пробормотала Марта.

— А если не даймон?

— Со стороны вампира это тягчайшее оскорбление. Мы существа территориальные. Вампир не вторгается без разрешения в дом или на землю другого вампира.

— Смог бы Мэтью простить такое? — Я сомневалась в этом, помня, как он стукнул кулаком по крыше машины.

— Возможно, — с неменьшим сомнением ответила Изабо. — Ничего не пропало, все в целости... но Мэтью, мне думается, все же потребует удовлетворения.

Меня снова отбросило в Средневековье, когда честь и репутация имели первостепенную важность.

— А если это был колдун?

Изабо отвернулась:

— Со стороны колдуна это было бы явным проявлением враждебности. Здесь никакие извинения не помогут.

Встревоженная, я откинула одеяло:

— Это сделали специально, чтобы спровоцировать Мэтью, а он надеется на честную сделку с Ноксом. Его надо предупредить.

Изабо удержала меня за плечо и колено, не дав спрыгнуть с кровати:

— Он уже знает, Диана.

— Вот оно что... Мэтью не взял меня в Оксфорд, потому что сам в опасности?

— Конечно в опасности, — отрезала Изабо, — но сделает все, чтобы с нею покончить. — Она закинула мои ноги обратно на постель и плотно подоткнула одеяло.

— Мне надо туда.

— Ты ему только помешаешь. Он велел тебе оставаться здесь.

— А меня что, не спрашивают? — в сотый уже, наверное, раз осведомилась я.

— Нет, — хором ответили обе женщины, а Изабо с легким сожалением добавила:

— Ты в самом деле не знаешь еще многого о вампирах.

Да, не знаю... но кто меня просветит? И когда?

Глава 24

«И узрел я вдали черную тучу, укрывшую землю. Землю и душу мою покрыла она, и нахлынуло море, ставшее зловонным в ожидании ада и смертной тени, и буря разразилась надо мною».

Прочитав вслух это место из «Aurora Consurgens», я набрала на компьютере заметку. Так мой анонимный автор описывал нигредо — одну из стадий алхимической трансформации, когда ртуть и свинец испускают пары, опасные для здоровья алхимика. Горгулья с рисунка Бурго Ле Нуар весьма выразительно зажала нос.

— Одевайся, поедем верхом.

Я подняла голову от рукописи.

— Я обещала Мэтью тебя выгуливать. Он сказал, тебе это нужно для здоровья.

— Ты не обязана, Изабо. Доменико и колдовская вода вывели из меня весь адреналин, если ты об этом.

— Мэтью наверняка тебе говорил, как взвинчивает вампира запах паники.

— Маркус говорил, — уточнила я. — С его слов я знаю, какой у паники вкус, — а запах какой?

— Такой же, как и вкус, — пожала плечами Изабо. — Может быть, чуть экзотичней, с оттенком мускуса. Меня он не особенно привлекает — предпочитаю убивать на охоте, — но склонности у всех разные.

— Приступы паники у меня теперь случаются редко. Тебе совсем не обязательно ездить со мной верхом.

— А почему, ты думаешь, они стали реже?

— Если честно, не знаю, — вздохнула я.

— Как давно они у тебя?

— С семи лет.

— Причина тебе известна?

— Смерть родителей. Их убили в Нигерии.

— Ты получила фотографию... из-за нее Мэтью тебя и привез сюда.

Я кивнула, и губы Изабо сжались в знакомую жесткую линию.

— Свиньи.

Их можно было обозвать и похуже, но «свиньи» тоже годились. Хорошо бы и Доменико Микеле включить в эту категорию.

— Паника паникой, — решительно добавила Изабо, — но гулять мы с гобой будем, потому что так хочет Мэтью.

Я выключила компьютер и пошла переодеваться. Бриджи, аккуратно сложенные Мартой, лежали в ванной, а жилет, сапоги и шлем я оставила на конюшне. Надев теплые носки, мокасины, бриджи и водолазку, я сошла вниз.

— Я здесь, — позвала Изабо из небольшой комнаты, окрашенной в теплый терракотовый цвет.

На стенах висели рога и тарелки, в старинном буфете с успехом поместилась бы вся посуда какой-нибудь сельской гостиницы. Изабо, читавшая «Монд», оглядела меня с головы до ног:

— Марта говорит, ты хорошо спала.

— Да, спасибо. — Я переминалась с ноги на ногу, как в кабинете директора школы.

Марта, очень вовремя подоспевшая с чайником, тоже меня проинспектировала.

— Так-то лучше, — изрекла она, протягивая кружку, и удалилась, лишь когда Изабо отложила газету.

На конюшне Изабо помогла мне натянуть сапоги и стояла рядом, пока я надевала шлем и жилет. Мэтью, видимо, оставил ей четкие указания. На ней самой была только стеганая куртка — для вампиров с их относительной несокрушимостью все куда проще.

В леваде бок о бок стояли Фиддат и Ракаса — совершенно одинаковые, включая дамские седла.

— Жорж неправильно заседлал Ракасу, — сказала я. — Я боком не езжу.

— Что, страшно? — поддразнила Изабо.

— Нет! — Я подавила гнев. — Просто мужские седла мне больше нравятся.

— Откуда тебе знать? — Изумрудные глаза светились лукавством.

Ракаса топнула и посмотрела через плечо — поедем, мол, или лясы будем точить?

«Потерпи», — мысленно ответила я, вскинув себе на колено ее переднюю ногу.

— Жорж все проверил, — скучающим тоном обронила Изабо.

— Я сама проверяю всех лошадей, на которых сажусь. — Я осмотрела копыта, подергала за узду, просунула пальцы под седло.

— Филипп тоже так делал, — с невольным уважением вспомнила Изабо.

Едва дождавшись, когда я закончу, она подвела Фиддат к лесенке, помогла мне забраться в странное седло и села сама. При одном взгляде на нее я поняла, что меня ждут занимательные впечатления. Изабо держалась в седле лучше Мэтью, лучше всех известных мне конников.

— Пройдитесь-ка шагом, — скомандовала она. — Хочу убедиться, что ты не убьешься.

— Капельку веры, Изабо.

«Не дай мне упасть, — взмолилась я мысленно, — и всю жизнь будешь получать по яблоку в день». Ракаса в ответ запрядала ушами и тихонько заржала. Мы дважды объехали леваду и остановились прямехонько перед хозяйкой.

— Ну что, довольна?

— Ты ездишь лучше, чем я думала, — признала она. — Возможно, ты и барьеры берешь, но я обещала Мэтью, что этого мы делать не будем.

— Много же обещаний он с тебя взял, — пробормотала я, надеясь, что она не услышит.

— Да, и некоторые из них не так легко выполнить.

Мы выехали в открытые ворота левады. Жорж взял под козырек и закрыл их за нами, улыбаясь и качая головой.

Изабо старалась ехать по ровной местности, пока я привыкала к седлу. Весь фокус был в том, чтобы держаться прямо, как бы ни сносило вбок.

— В общем, не так уж и плохо, — сказала я минут через двадцать.

— Теперь, когда у дамских седел две луки, стало легче. Раньше наших лошадей мужчинам приходилось водить под уздцы, — с отвращением в голосе пояснила Изабо, — но потом королева-итальянка ввела луку и стремя, чтобы править самой. Любовница ее мужа ездила по-мужски и сопровождала короля повсюду, а Екатерина сидела дома — какая жена это стерпит? — Она смерила мня гневным взглядом. — Шлюха Генриха[1], между прочим, была твоей тезкой.

— Я бы с Екатериной Медичи связываться не стала.

— Эта фаворитка, Диана де Пуатье, была опасной женщиной, — помрачнела Изабо. — Колдуньей.

— Фигурально или в прямом смысле?

— И то и другое. — Таким голосом только старую краску сдирать.

Я засмеялась, и она, удивившись немного, присоединилась ко мне.

Вскоре Изабо приподнялась на седле и принюхалась.

— Что там? — Я в тревоге натянула поводья.

— Кролик. — Она пустила Фиддат легким галопом, я старалась не отставать (у меня не было никакого желания проверять, так ли трудно выследить в лесу колдуна, как говорил Мэтью).

Через перелесок мы выбрались в поле. Изабо придержала Фиддат, я — Ракасу.

— Видела когда-нибудь, как вампир убивает? — спросила она, следя за моей реакцией.

— Нет, — спокойно ответила я.

— Кролики маленькие, с них и начнем. Жди здесь. — Она легко соскочила с седла, Фиддат послушно стояла на месте. — Диана, — сказала Изабо резко, не сводя глаз с добычи, — ко мне нельзя подходить, когда я охочусь и когда ем. Понятно?

---

[1] Имеется в виду Генрих II Французский (XVI в.).

— Да.

Изабо хочет затравить кролика и выпить его кровь у меня на глазах? Тогда у меня нет ни малейшего желания к ней приближаться.

Вампирша понеслась по траве с такой быстротой, что превратилась в размытое пятно. Замедлив на одно мгновение бег — так сокол замирает, прежде чем пасть на добычу, — она сгребла испуганного кролика за уши, торжествующе воздела над головой и вонзила зубы прямо ему в сердце.

Кролики, может, и маленькие, но крови в них, если пожирать живьем, на удивление много. Это было ужасно. Изабо досуха высосала зверька, который быстро перестал дергаться, вытерла рот его шкуркой, швырнула тушку в траву и три секунды спустя снова очутилась в седле. Щеки у нее слегка зарумянились, глаза сверкали ярче обыкновенного.

— Ну что? Поищем что-нибудь посытнее или вернемся домой?

Изабо де Клермон испытывала меня на прочность.

— Поезжай, я следом, — сказала я угрюмо, посылая Ракасу вперед.

Время прогулки для меня измерялось не движением солнца, которое все так же пряталось за тучами, а кровью, которой проливалось все больше и больше. Изабо кормилась сравнительно аккуратно, но заказывать стейк с кровью я бы еще долго не стала.

После кролика охотница убила здоровенного зверя вроде белки (сурок, пояснила она), лису и дикую козу (кажется). Когда она выбрала новую цель, молодую олениху, я решила, что с меня хватит.

— Изабо, неужели ты до сих пор не наелась? Оставь ее.

— Богиня охоты не желает, чтобы я травила ее оленей? — В голосе насмешка, в глазах любопытство.

— Не желает.

— А я вот не желаю, чтобы ты охотилась за моим сыном. И что же? — Она спрыгнула с лошади.

У меня руки чесались вмешаться, но я понимала, что к Изабо сейчас приближаться и впрямь опасно. После каждого уби-

того животного ее глаза говорили мне, что она не вполне владеет собой и отвечает за свои действия.

Олениха попыталась скрыться в кустах, но Изабо снова выгнала ее на открытое место, где и настигла. У меня все переворачивалось внутри. Изабо убила ее быстро, животное не страдало, но я прикусила губу, чтобы сдержать крик.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала вампирша, вернувшись к лошади. — Теперь домой.

Я молча повернула Ракасу в сторону замка, но Изабо перехватила поводья. На ее кремовой рубашке остались капельки крови.

— Что ты думаешь о вампирах теперь? Все еще хочешь остаться с моим сыном, зная, что он вынужден убивать, чтобы жить?

Для меня слова «Мэтью» и «убивать» с трудом укладывались в одно предложение. В один прекрасный день я поцелую его после охоты, а на губах останется вкус крови. А ведь дни вроде этого должны у них повторяться довольно часто.

— Если хочешь меня отпугнуть, Изабо, придумай что-то другое. Этого мне недостаточно.

— Марта тоже так говорила, — призналась Изабо.

— Правильно говорила. Ну что, испытание окончено? Едем в замок?

Как только мы въехали в лес, еще густой и зеленый, Изабо спросила меня:

— Поняла, почему нельзя спорить с Мэтью, когда он что-то тебе приказывает?

— Я думала, на сегодня уроки кончились.

— По-твоему, наши кровавые привычки — это единственное, что вас разделяет?

— Ладно, выкладывай. Почему же я должна слушаться Мэтью?

— Потому что он самый сильный вампир в нашем замке. Глава семьи.

Я вытаращила глаза:

— Я должна его слушаться, потому что он — вожак стаи?

— А ты кого вожаком считаешь — уж не себя ли? — фыркнула Изабо.

— Нет.

Я не считала вожаком ни себя, ни ее. Она повиновалась Мэтью во всем. И Маркус тоже, и Мириам, и все прочие вампиры из Бодли. Даже Доменико в конце концов отступил.

— Так принято в стае де Клермонов?

Изабо кивнула, сверкнув зелеными глазами:

— Послушание необходимо для твоей же — и общей — безопасности. Это тебе не игрушки.

— Ясно, Изабо, ясно, — нетерпеливо бросила я.

— Ничего тебе не ясно. И не будет ясно, пока не покажут на примере, как сегодня с охотой. Для тебя это лишь слова. Ты вспомнишь их, лишь когда заплатишь за собственное упрямство жизнью — своей или чужой, все равно.

До замка мы больше не разговаривали. Марта вышла из кухни навстречу нам. Я ужаснулась при виде цыпленка в ее руках, она — при виде пятнышек крови на обшлагах Изабо.

— Она должна знать, — прошипела та.

Марта, выбранив ее по-окситански, сказала мне:

— Пойдем со мной, девочка. Я покажу тебе, как завариваю свой чай.

Теперь в бешенство пришла уже Изабо. В кухне Марта приготовила мне попить и дала тарелку крошащегося орехового печенья. О цыпленке не могло быть и речи.

Добрых несколько часов мы с ней разбирали сухие травы и учили, как что называется. К середине дня я стала различать их даже с закрытыми глазами по запаху.

— Петрушка, — перечисляла я. — Имбирь. Пиретрум. Розмарин. Шалфей. Семена дикой моркови. Полынь. Мята болотная. Дягиль. Рута. Пижма. Корень можжевельника.

— Еще раз, — потребовала Марта, вручая мне пустые муслиновые мешочки.

Я разложила их на столе, развязала тесемки и снова назвала все травы по очереди.

— Хорошо. Теперь бери мешочки и клади в них по щепотке от каждой травы.

— Почему бы просто не смешать их и не наполнить мешочки? — Я взяла щепоть мяты, морща нос от ее сильного запаха.

— А вдруг что пропустим. В каждом мешочке должны лежать все двенадцать трав.

— Разве что-то зависит от одного семечка? — Я зажала двумя пальцами крошечное семя дикой морковки.

— По щепотке от каждой, — решительно повторила Марта.

Ее вампирские пальцы уверенно раскладывали травы и завязывали тесемки. Когда мы закончили, она заварила мне чай из мешочка, который я наполняла сама.

— Восхитительно, — произнесла я, смакуя собственноручно приготовленный напиток.

— Возьми его с собой в Оксфорд, пей по чашке в день — и будешь здорова. — Марта стала укладывать мешочки в жестяную коробку. — А когда весь запас выйдет, приготовишь себе новый чай.

— Не обязательно отдавать мне все, Марта.

— По чашечке в день. За Марту. Договорились?

— Договорились. — Это было самое меньшее, что я могла сделать для своей единственной союзницы в этом доме, которая к тому же готовила мне еду.

Я поднялась в кабинет, включила ноутбук, перенесла его вместе с рукописью на письменный стол Мэтью. Руки после верховой езды ломило, и я надеялась, что там мне будет удобнее, чем за своим столом у окна. Кожаное кресло, рассчитанное на вампирский рост, было мне слишком высоко, и ноги не доставали до пола, но за столом Мэтью я чувствовала себя ближе к нему.

Пока компьютер загружался, я заметила на верхней полке темный предмет. При беглом взгляде он сливался с книжными корешками и деревом — я разглядела его только теперь, заняв место хозяина.

Не книга — деревянный брусочек. Восьмигранный, с вырезанными на каждой стенке окошечками. Черный, весь в трещинах, покоробившийся от времени.

Детская игрушка, с болью в сердце поняла я.

Мэтью сделал ее для Люка, когда еще не был вампиром и строил церковь в деревне. Теперь она лежит там, где ее никто не заметит, а он сам видит каждый раз, усаживаясь за стол.

Когда Мэтью был рядом, мне легко верилось, что в мире нас только двое. Ни угрозы Доменико, ни охота Изабо не поколебали моего убеждения, что наши отношения не касаются никого, кроме него и меня.

Но эта деревянная башенка, любовно сделанная в незапамятные времена, разом покончила с моими иллюзиями. Мы должны думать о детях, живых и мертвых. О семьях, в том числе и моей, где генеалогия запутанна, а предрассудки укоренялись веками. Сара и Эм до сих пор не ведают, что я полюбила вампира, — пора им сказать.

Изабо в гостиной ставила цветы в высокую вазу на бесценном бюро эпохи Людовика XIV. Можно было не сомневаться, что весь здешний антиквариат обладает самой убедительной родословной и хозяин у него был только один.

— Изабо, — нерешительно начала я, — есть здесь телефон, по которому я могу позвонить?

— Он сам позвонит, когда захочет поговорить, — сказала она, пристраивая стебель с листьями среди белых и золотистых роз.

— Я не Мэтью собираюсь звонить. Своей тете.

— Колдунье, которая звонила вчера? Как ее звали?

— Сара, — нахмурилась я.

— И живет она с женщиной — другой колдуньей, верно?

— Да, с Эмили. Для тебя это проблема?

— Нет. — Изабо бросила на меня взгляд поверх вазы. — Они обе колдуньи, это главное.

— И любят друг друга.

— Хорошее имя — Сара, — задумчиво произнесла Изабо. — Ты ведь знаешь эту легенду?

Я помотала головой. Быстрота, с которой она меняла темы, ошарашивала почти так же, как смена настроений у ее сына.

— Мать Исаака сначала звали Сарай, что означает «сварливая», но, когда она понесла, Бог дал ей имя Сарра — «владычица».

— Тетушке как раз подошло бы имя Сарай. — Может, Изабо наконец скажет мне, где телефон?

— Эмилия тоже хорошее имя. Сильное, римское. — Она подрезала стебель розы острым ногтем.

— А что оно означает? — Хорошо, что у меня так мало родственников.

— «Трудолюбивая». А Ребекка, как звали твою мать, значит «узы», «оковы». — Изабо придирчиво осмотрела свою композицию со всех сторон. — Занимательное имя для колдуньи.

— А твое как перевести? — Мое терпение подходило к концу.

— Меня не всегда так звали. Изабо — «обещанная Богом» — так выбрал Филипп. — Она помедлила и сказала: — Мое полное имя — Женевьева Мелисанда Элен Изабо Од де Клермон.

— Красиво. — За каждым из этих имен скрывалась своя история.

— Имена нужно давать со смыслом, — слегка улыбнулась она.

— У Мэтью тоже много имен? — Я взяла из корзины белую розу и подала ей.

Поблагодарив, Изабо ответила:

— Да, конечно. Мы давали по нескольку имен всем своим детям. То, под которым он к нам пришел, он пожелал сохранить. Христианство тогда было новой религией, и Филипп счел для нашего сына полезным называться в честь евангелиста Матфея.

— Какие же имена он получил от вас?

— Полностью он именуется Матье Габриель Филипп Бертран Себастьян де Клермон. В свое время он был превосходным Себастьяном и вполне сносным Габриелем. Имя Бертран он терпеть не может, на Филиппа не откликается вовсе.

— Почему?

— Это любимое имя его отца. — Руки Изабо застыли над вазой. — Филиппа, как тебе известно, нет в живых — его убили нацисты за участие в Сопротивлении.

В моем видении она говорила Мэтью, что его отца схватили колдуны.

— Нацисты? Не колдуны? — спросила я, опасаясь худшего.

— Тебе Мэтью сказал? — ужаснулась она.

— Нет. Вы с ним явились мне во вчерашнем видении. Ты плакала.

— Его убили колдуны вместе с нацистами, — помолчав, сказала она. — Боль еще свежа, но с годами она поутихнет. После

его смерти я охотилась только в Германии и Аргентине — это помогло сохранять рассудок.

— Мне очень жаль, Изабо. — Мои слова, хоть и недостаточно сильные, шли от чистого сердца.

Услышав это, она ответила нерешительной улыбкой.

— Ты ни в чем не виновата. Тебя там не было.

— Какие имена ты бы мне добавила? — Я подала Изабо новый цветок.

— Мэтью прав — тебе вполне хватает одной Дианы. — Она произнесла мое имя на французский лад, как всегда. — Вся твоя суть заключена в ней. Телефон там. — Изабо указала пальцем на библиотеку.

Я включила лампу и набрала код штата Нью-Йорк, надеясь застать обеих тетушек дома.

— Диана, — с облегчением откликнулась Сара. — Эм сразу сказала, что это ты.

— Извини, что не перезвонила вчера, — тут много всего случилось... — начала я, вертя в руках взятый со стола карандаш.

— Хочешь поговорить об этом?

Я чуть трубку не выронила. Чтобы Сара — да спрашивала моего согласия!

— Эм на месте? Не хотелось бы все повторять потом.

— Привет, Диана, — тут же ответил теплый, родной голос Эм. — Ты где?

— В гостях у матери Мэтью, недалеко от Лиона.

— У его матери? — Эм очень интересуется родословными — как своей, длинной и крайне запутанной, так и чужими.

— Изабо де Клермон. — Я постаралась произнести это, как сама Изабо, растягивая гласные и глотая согласные. — Эм, она просто нечто, прямиком из волшебной сказки. Иногда мне кажется, что это из-за нее люди так боятся вампиров.

Пауза.

— Мелисанда де Клермон, ты хотела сказать? Когда ты говорила о Мэтью, я даже и не подумала, что он из тех де Клермонов. Ты уверена, что ее зовут Изабо?

— Вообще-то, она Женевьева, — нахмурилась я. — Мелисанда, кажется, тоже упоминалась, но предпочитает она Изабо.

— Будь осторожна, Диана. У Мелисанды де Клермон дурная слава. Она ненавидит колдунов — после Второй мировой загрызла чуть ли не всех в Берлине.

— У нее есть веская причина их ненавидеть. Удивляюсь, как она еще пустила меня к себе.

Если бы все было наоборот и в смерти моих родителей были виновны вампиры, я бы такого всепрощения не проявила.

— А что там насчет воды? — вмешалась Сара. — Эм видела какую-то бурю.

— После отъезда Мэтью из меня полился дождь. — Брр! Ничего себе дождик.

— Колдовская вода, — выдохнула тетушка. — С чего все началось?

— Не знаю, Сара. Мэтью уехал, внутри стало пусто... и слезы, которые я сдерживала с самого появления Доменико, вдруг хлынули разом.

— Какого Доменико? — встряла Эм, у которой всегда наготове список легендарных созданий.

— Микеле, из Венеции. Если будет приставать ко мне снова, я ему голову оторву, хоть он и вампир!

— Он опасен! — вскричала Эм. — Всегда играл не по правилам.

— Мне это уже говорили. Стерегут меня здесь круглые сутки, так что не беспокойтесь.

— Будем беспокоиться, пока не перестанешь знаться с вампирами, — заявила Сара.

— Тогда беспокоиться придется долго. Я люблю Мэтью, Сара.

— Это невозможно, Диана. Вампиры и колдуны...

— Доменико рассказал мне про конвенцию. Я не прошу других ее нарушать и сознаю, что вы, возможно, не сможете или не захотите иметь со мной ничего общего, — только выбора у меня нет.

— Конгрегация сделает все, чтобы прекратить вашу связь. Это ее обязанность, — поспешно вставила Эм.

— Об этом мне тоже говорили, но раньше им придется меня убить. — Я обдумывала это с прошлого вечера, но сейчас впер-

вые сказала вслух. — От Мэтью избавиться трудно, а вот со мной почти никаких хлопот.

— Но нельзя же так! — сдерживая слезы, крикнула Эм.

— Куда мать, туда и дочка, — сказала Сара.

— О чем ты? — При упоминании о матери мой голос дрогнул, а с ним и самообладание.

— Ребекка бросилась в объятия Стивена, хотя ей говорили, что двум колдунам с таким даром не стоит жить вместе. И от поездки в Нигерию ее тоже отговаривали, но она не послушалась.

— Тем больше у Дианы причин выслушать нас теперь. Ты с ним всего-то месяц знакома — приезжай домой и постарайся его забыть.

— Забыть?! — Смешно, честное слово. — Это ведь не какая-нибудь интрижка. У меня такое чувство впервые.

— Оставь ее, Эм. Пустой разговор, которых и так в нашей семье хватало. Я не смогла забыть тебя, она не забудет его. — Тяжкий вздох Сары долетел через океан до самой Оверни. — Я бы, возможно, не такой жизни тебе пожелала, но каждый решает сам за себя. Твоя мать решила по-своему, я по-своему — бабушке твоей, между прочим, тоже не по душе это пришлось. Теперь вот твоя очередь — и знай, что ни одна Бишоп никогда не повернется спиной к другой.

На глаза навернулись слезы.

— Спасибо, Сара.

— И если вся Конгрегация состоит из таких, как Доменико Микеле, — тетя распалялась все больше, — пусть катятся к чертям!

— А что говорит Мэтью на этот счет? — спросила Эм. — Удивляюсь, как он мог от тебя уехать, только что решив порвать с тысячелетней традицией.

— Мэтью ничего не говорил мне о своих чувствах, — призналась я, старательно разгибая скрепку.

— Чего же он ждет? — прервала томительную паузу Сара.

— Ты все время твердила, чтобы я от него держалась подальше, — рассмеялась я, — а теперь огорчаешься, что он не хочет подставлять меня под удар?

— Мне до него дела нет. Главное, что ты хочешь быть с ним.

— Сара, я его не привораживаю. Я свое решение приняла, теперь пусть решает он. — Фарфоровые часики на столе показывали, что он уехал ровно сутки назад.

— Если уж решила остаться с ними, то не теряй бдительности, — предупредила на прощание Сара. — А захочешь вернуться домой — возвращайся.

Часы пробили половину. В Оксфорде уже стемнело.

А, к черту. Я сняла трубку и набрала его номер.

— Диана? — В голосе слышалась тревога.

— Ты меня узнал или французский номер? — засмеялась я.

— Стало быть, все хорошо. — Тревога сменилась облегчением.

— Да. Твоя мамочка развлекает меня что есть сил.

— Этого я и боялся. Что она тебе наплела?

Я решила пока не вдаваться в детали.

— Чистую правду. Что ее сын являет собой адскую помесь Ланселота и Супермена.

— Похоже на Изабо, — подтвердил он с намеком на смех. — Отрадно узнавать, что она не изменилась, переночевав под одним кровом с колдуньей.

Расстояние, бесспорно, помогало мне привирать в разговоре, но перед внутренним взором отчетливо всплыла его квартира при колледже Всех Святых. Мэтью что-то читает, сидя на моррисовском стуле. Лицо у него при электрическом свете как отшлифованный жемчуг, между бровями сосредоточенная морщинка.

— А что ты пьешь? — Единственное, что оказалось не под силу моему воображению.

— С каких это пор ты интересуешься винами? — искренне удивился он.

— С тех самых, как для меня открылась эта обширная область знания. — «С тех самых, как узнала, что ими интересуешься ты, дуралей!»

— Сегодня пью испанское, «Вега Сицилия».

— Сколько ему?

— Урожай тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

— Совсем крошка?

— Младенец, — весело подтвердил Мэтью.

Я и без шестого чувства знала, что он улыбается.

— Как у тебя прошел день?

— Отлично. Мы усилили безопасность, хотя взлом и не удался. Наши компьютеры тоже пытались взломать, но Мириам уверяет, что ее систему не расколет ни один хакер.

— Когда домой собираешься? — вырвалось у меня. Молчание затягивалось, но я внушала себе, что это связь барахлит.

— Не знаю, — суховато ответил он. — Вернусь, как только смогу.

— С мамой не хочешь поговорить? Я ее позову. — Его холодность меня задела, но я заставила себя говорить спокойно.

— Не надо. Скажи ей только, что в лаборатории и в доме все цело.

Мы распрощались. Грудь стеснило так, что трудно было дышать. Встав и оглянувшись, я увидела в дверях Изабо.

— Мэтью. Говорит, лаборатория и дом не пострадали. Я что-то устала, Изабо, и есть не хочется — пойду лягу, пожалуй.

Было около восьми — вполне уже можно и лечь.

— Да, конечно. — Изабо, сверкнув глазами, отошла в сторону. — Спокойной ночи, Диана.

Глава 25

Пока я говорила по телефону, Марта принесла в кабинет чай с сэндвичами и воду. Дров в камине должно было хватить до утра, свечи лучились золотым светом. В спальне, я знала, тоже тепло и светло, но спать мне пока не хотелось. «Aurora Consurgens» ждала меня на столе Мэтью. Стараясь не смотреть на мерцающие доспехи, я села, включила старомодную настольную лампу времен космической гонки.

«Скажи мне кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой. Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой, как ничто пред Тобою»[1].

Это вновь напомнило мне о Мэтью.

Поняв, что на алхимии сосредоточиться не смогу, я решила составить список вопросов по уже прочитанному тексту — для этого не требовались бумага и ручка.

Стол черного дерева походил на своего хозяина основательностью и серьезностью. По обе стороны — тумбы на круглых ножках с ящиками, вокруг столешницы — резной орнамент с листьями аканта, тюльпанами, свитками и геометрическими фигурами. Не то что мое бедственное рабочее место в Оксфорде, заваленное бумагами и книгами и загроможденное недопитыми чашками: здесь лежали только эдвардианский бювар, разрезной нож в виде меча и стояла лампа. Такая же причудливо-гармоничная смесь старины и современности, как и сам Мэтью.

И никаких канцелярских принадлежностей. Потянув за круглую медную шишечку, я открыла правый верхний ящик стола.

[1] Пс. 38: 5–6.

Все там было разложено в строгом порядке: отдельно ручки «Монблан», отдельно карандаши «Монблан», отдельно скрепки (по размерам). Я выбрала ручку и попробовала открыть прочие ящики, но все они оказались заперты. Под скрепками ключа не было — я для пущей уверенности их высыпала на стол.

Обнаружив в бюваре бледно-зеленый промокательный лист, я решила обойтись им. Пододвинула ноутбук и, конечно, смахнула ручку.

Она закатилась под тумбу. Я просунула туда руку, нащупала ручку и увидела под столешницей еще один ящик.

Как я ни нажимала на детали орнамента, открыть его не смогла. В этом весь Мэтью — держать самое необходимое в ящике, который нельзя открыть. В отместку изрисую всю его промокашку.

Я проставила на бумаге цифру 1 и замерла.

Ящик не видно с обычного места, потому что он потайной.

Я знала, что у Мэтью есть секреты. Мы были знакомы чуть больше месяца, и я отдавала себе отчет, что даже самые близкие отношения не гарантируют совершенной искренности, но эти его тайны все равно меня раздражали. Он огородился ими, как крепостными стенами, чтобы не подпускать к себе никого — то есть меня.

Мне всего-то и было нужно что лист бумаги. Мэтью тоже рылся в моих вещах, разыскивая «Ашмол-782», а мы тогда едва познакомились. А потом бросил меня здесь одну.

Совесть была неспокойна, но обида помогла утихомирить ее.

Я снова принялась нажимать на все выпуклости орнамента с переднего края — без всякого толка. Может, удастся вытащить ящик ножом для бумаги? Историк во мне, памятуя о возрасте стола, вопил куда громче, чем совесть. Неэтичное поведение и вторжение в личную жизнь Мэтью еще можно как-то извинить, но портить старинную мебель?

Я снова залезла под стол. Там было слишком темно, чтобы как следует разглядеть днище ящика, но пальцы нащупали что-то круглое и холодное с крестообразной насечкой, вроде головки болта или шляпки гвоздя. Длиннорукий вампир мог дотянуться до этого кружка, не вставая со стула.

Я нажала на него, и над головой что-то щелкнуло.

Выдвинувшийся ящик, не глубже четырех дюймов, был выстлан черным бархатом. В трех углублениях лежало по одной бронзовой медали или монете.

На самой большой, диаметром около четырех дюймов, было изображено какое-то здание. Четыре ступени вели к двери между двумя колоннами, на пороге стояла фигура в саване. Четкие линии местами замазаны черным воском, по краю слова: «militie Lazari a Bethania».

Рыцари Лазаря из Вифании.

Держась за ящик, я рухнула на стул.

Это не монеты и не медали. Это печати — такими скрепляли сделки и запечатывали письма. Капали на бумагу воском, прижимали печать, а внутри могло быть что угодно: приказ отойти с поля битвы или объявление о продаже имения.

И одной из этих печатей пользовались, судя по следам воска, совсем недавно.

Трясущимися пальцами я извлекла вторую, помельче. Те же колонны, та же фигура в саване. Лазарь, житель Вифании, воскрешенный Христом через четыре дня после похорон. На этом диске он выходил из неглубокого гроба, а гробницу вместо девиза окружала змея с хвостом во рту.

Точно такая же, как на знамени де Клермонов на башне.

Держа печать на ладони, я попыталась разгадать ее тайну с помощью новообретенного ясновидения — но магия, на которую я старательно не обращала внимания больше двадцати лет, отвечала мне тем же.

Раз так, обратимся к истории. Я тщательно изучила реверс второй печати. Крест с расширенными концами, как тот, что я видела вторым зрением на плаще Мэтью, делил круг на четверти. В правом верхнем квадранте — полумесяц рогами кверху с шестиконечной звездой. В левом нижнем — цветок лилии, символ Франции.

По краю после даты MDCI — 1601 год — шли слова «secretum Lazari», «тайна Лазаря».

То, что Лазарь, подобно вампиру, перешел через смерть в новую жизнь, явно не было совпадением. А крест вкупе с легендарной фигурой из Святой земли и упоминанием о рыцарях наводил на мысль, что печати в ящике Мэтью принадлежали

одному из орденов рыцарей-крестоносцев. Самым известным из них были тамплиеры, которые загадочно исчезли в начале четырнадцатого века после обвинения в ереси и еще более тяжких преступлениях, — но о рыцарях Лазаря я не слышала никогда.

Поворачивая печать под лампой, я сосредоточилась на дате. Для средневекового рыцарского ордена поздновато. Что же в том году произошло примечательного? Елизавета I обезглавила графа Эссекса, датский астроном Тихо Браге умер при куда менее романтических обстоятельствах... не подходит.

И тут меня осенило. Это не римские цифры, а буквы, и последняя из них L, а не I; MDCL — аббревиатура имени Matthew de Clermont.

Я крепко зажала печать в ладони.

Второй диск был, вероятно, личной печатью Мэтью. Эти символы власти во избежание фальсификаций обычно уничтожались после смерти или отставки владельца, а владеть и большой, и личной печатью мог лишь один рыцарь: глава ордена.

Но почему он держит печати в тайнике? Кто сейчас помнит о рыцарях Лазаря и о том, кто возглавлял их когда-то? И этот воск на большой печати...

— Не может быть, — прошептала я, качая головой.

Рыцари в блестящих доспехах — достояние прошлого, в нашем времени им нечего делать.

Доспехи Мэтью мерцали при свечах, возражая мне.

Я с грохотом бросила печать в ящик. На ладони отпечатались крест, полумесяц со звездой, цветок лилии.

Тайник с печатями и свежий воск на одной из них имели только одно объяснение: рыцари Лазаря продолжают существовать.

— Диана, у тебя все в порядке? — окликнула снизу Изабо.

— Да! — отозвалась я, глядя на отпечаток. — Смотрю свою почту, много всего накопилось.

— Можно Марте забрать поднос?

— Нет, я еще не доела!

Она ушла в гостиную. Я перевела дух и, стараясь двигаться как можно тише, продолжила осмотр.

Третья печать мало чем отличалась от второй — только полумесяц в правом верхнем квадранте реверса был без звезды, а надпись по краю гласила: «Philippus». Некогда ею владел отец Мэтью, — стало быть, рыцари Лазаря были семейным предприятием де Клермонов.

Уверенная, что больше никаких подсказок здесь не отыщу, я перевернула печати гробницей кверху, задвинула ящик на прежнее место и перенесла столик, на котором Мэтью держал вино, к книжным полкам. Он ведь не запрещал мне смотреть его книги, правильно? Я скинула мокасины. Столик угрожающе заскрипел, когда я на него взгромоздилась, однако выстоял.

Деревянный брусок в правом углу верхней полки оказался прямо у меня перед глазами. Затаив дыхание, я взяла первую с противоположного края книгу. Такой древней рукописи я еще не держала в руках... Переплет жалобно заскрипел, страницы обдали меня запахом старой овечьей кожи.

«Carmina qui quondam studio florente peregi, / Flebilis heu maestos cogor inire modos». К моим глазам подступили слезы. Боэций, «Утешение философией», шестой век. Это писалось в тюрьме, где автор ожидал казни. «Радостные песни некогда сочинял я, / К печальным ныне вынужден обратиться». Я представила себе, как Мэтью, потерявший жену и сына, еще не привыкший к вампирской жизни, читает строки приговоренного к смерти. Мысленно поблагодарив того, кто хотел утешить его таким образом, я поставила книгу на место.

Следующей была библейская Книга Бытия с красивыми иллюстрациями — красные и синие краски ничуть не потускнели с момента создания. Рядом стояла книга Диоскорида[1] о растениях, тоже иллюстрированная. Далее шли другие разделы Библии, юридические труды, рукопись на древнегреческом.

Полкой ниже помещался примерно тот же набор: библейские тексты, медицинский трактат и одна из самых ранних энциклопедий. Попытка Исидора Севильского[2] охватить все зна-

[1] *Неданий Диоскорид* (ок. 40 — ок. 90) — военный врач, фармаколог, один из основоположников ботаники.

[2] *Исидор Севильский* (560–636) — архиепископ Севильи в вестготской Испании, основатель средневекового энциклопедизма. В 1598 г. был канонизирован Римской католической церковью.

ния, накопленные в седьмом веке, как нельзя более отвечала неуемному любопытству Мэтью. На форзаце первого тома он написал свое имя, MATHIEU, и добавил «meus liber» — «моя книга».

Мне снова, как и с «Ашмолом-782», захотелось потрогать страницу, но я, как и тогда, не решалась. В Бодли я опасалась библиотекарей и собственной магии, здесь боялась узнать о Мэтью что-нибудь неожиданное. Но библиотекарей поблизости не было, а стремление проникнуть в прошлое пересилило страх. Я провела пальцем по его имени и сразу же без всякого зеркала или заклинания увидела перед собой его четкий образ.

Мэтью, точно такой же, как теперь, сидел за столом у окна с тростниковым стило в руке и сосредоточенно кусал губы. На испещренных кляксами листах пергамента он пытался изобразить свое имя и скопировать избранные места из Библии. Следуя совету Изабо, я не боролась с видением и не старалась его удержать — вышло гораздо лучше, чем вчера.

Когда картинка пропала, я вернула книгу на место и стала просматривать другие тома на полке. История, право, медицина, оптика, греческая философия, счетные книги, работы раннехристианских авторов наподобие Бернара Клервоского, рыцарские романы (в одном говорилось о рыцаре, который раз в неделю оборачивался волком). Никакой информации о рыцарях Лазаря. Раздосадованная, я слезла со столика.

Мои знания об орденах крестоносцев были весьма поверхностными. Формировались они в основном как воинские части, известные своим мужеством и дисциплинированностью; тамплиеры первыми вступали на поле боя и последними покидали его. Их военные действия не ограничивались Палестиной: они сражались также в Европе и подчинялись зачастую исключительно папе, а не королям и другим светским владыкам.

В сферу их деятельности входили не только войны. Они строили церкви, школы, больницы для прокаженных. Поддерживали Крестовые походы в духовном, военном и финансовом смысле. Вампиры — собственники, ревниво оберегающие свою территорию, — идеально подходили для такой роли.

Обретенное орденами могущество в конце концов привело их к гибели. Сила и богатство орденов внушали зависть монар-

хам и папам. В 1312 году папа и французский король разогнали тамплиеров, избавившись от угрозы со стороны крупнейшего и самого уважаемого братства. Другие ордены постепенно угасли сами собой.

Существовали, конечно, разнообразные теории заговора. Поскольку огромную международную организацию трудно разогнать за одну ночь, внезапное исчезновение тамплиеров породило множество фантастических историй о подпольной деятельности рыцарей ордена. Баснословные богатства тамплиеров до сих пор разыскивают — никому ведь так и не удалось выяснить, на что их потратили.

Деньги. Одна из первых заповедей историка гласит: иди по следу денег, так что я решила сменить направление.

Первый из толстенных гроссбухов стоял на третьей сверху полке, между «Оптикой» Ибн ал-Хайсама[1] и французской героической поэмой. На его форзаце кто-то написал чернилами греческую буковку «альфа». Предположив, что это порядковый номер, я нашла следующую книгу и обнаружила на ней букву «бета». Далее на полках нашлись «гамма», «дельта» и «эпсилон». Я не сомневалась, что при более тщательном осмотре отыщу и все остальные.

Чувствуя себя Элиотом Нессом, который, размахивая пачкой налоговых квитанций, преследует Аль Капоне, я протянула руку, и первая бухгалтерская книга упала в нее. Зачем тратить время и лазить по полкам?

Книга начиналась 1117 годом, и заполняли ее разные люди. Ведя пальцем по строчкам, я видела их всех на пергаменте. Некоторые повторялись: Мэтью, брюнет с ястребиным носом, рыжий, некто с ласковыми карими глазами, очень серьезный.

Мой палец замер на полученной в 1149 году сумме. «Eleanor Regina, 40 000 marks». Деньги огромные, больше полугодового дохода английского королевства. За какие такие заслуги королева Англии пожаловала столько военному ордену, управляемому вампирами? Не будучи специалистом по Средним векам, я захлопнула книгу и принялась за шестнадцатый и семнадцатый века.

---

[1] *Ибн ал-Хайсам*, или Alhazen (965–1039), — великий арабский ученый-универсал.

Том, обозначенный лямбдой, стал настоящим открытием. Рыцари Лазаря на его страницах щедро оплачивали войны, товары, услуги и дипломатию. Они снабдили приданым Марию Тюдор, когда та выходила за Филиппа Испанского. Обеспечили пушки для сражения при Лепанто. Подкупом заставили французов отправиться на Тридентский собор[1]. Финансировали почти все военные действия Шмалькальденской лиги[2]. Политические и религиозные соображения явно не влияли на их инвестиции. В одном и том же году они вернули Марию Стюарт на шотландский трон и выплатили немалый долг Елизаветы I Антверпенской бирже.

Я двинулась вдоль полок, высматривая буквы греческого алфавита. На блекло-синем коленкоровом корешке в разделе девятнадцатого века стояла рогатая «пси». Внутри меня снова встретили астрономические суммы — как они, например, умудрились тайно скупить чуть ли не все фабрики Манчестера? Знакомые имена, обозначенные в соседней графе, принадлежали августейшим особам, аристократам, президентам, генералам времен Гражданской войны в США. Попадались, впрочем, и более мелкие отчисления: плата за образование, лечение, одежду и книги, приданое, просроченная рента. Рядом со всеми незнакомыми мне именами неизменно значилось «MLB» или «FMLB».

Недостаточно хорошо владея латынью, я все же была уверена, что это обозначает «Рыцари Лазаря из Вифании» — «militie Lazari a Bethania», а также «filia militia» или «filius militia» — сыновья и дочери этих рыцарей. Если орден продолжал функционировать в середине девятнадцатого века, то и теперь, возможно, функционирует. Очень возможно, на каких-нибудь ку́пчих и других документах еще оттискивается в черном воске большая печать... и делает это не кто иной, как Мэтью.

Несколько часов спустя я, вернувшись в средневековую секцию, открыла последнюю счетную книгу — с конца трина-

[1] *Тридентский собор* — XIX Вселенский собор, заседавший в Тренто (*лат.* Tridentum) с 1545 по 1563 г. Целью собора было дать ответ на движение Реформации.

[2] *Шмалькальденская лига* — оборонительный союз, заключенный 27 февраля 1531 г. германскими протестантскими князьями и городами против религиозной политики императора Карла V.

дцатого века по первую половину четырнадцатого. Немыслимые суммы больше меня не удивляли, но около 1310 года как выплаты, так и поступления значительно возросли, а некоторые имена были помечены красным крестиком. В 1313-м рядом с одним таким крестиком я прочитала «Жак де Молэ». Последний Великий магистр тамплиеров.

Его сожгли на костре за ересь в 1314-м, а за год до казни он передал все свое имущество рыцарям Лазаря.

Крестиков было несколько сот. Может, ими метили тамплиеров? Если так, то их тайна разгадана. Рыцари и их деньги никуда не пропали — те и другие попросту влились в орден Лазаря.

Нет, невозможно. Такую операцию надо очень долго готовить, и кто-нибудь неминуемо проболтается. В это так же трудно поверить, как... как в истории о вампирах и колдунах.

Рыцари Лазаря столь же неправдоподобны, как я сама.

Главная слабость теорий заговора — это масштабность задачи. Никакой жизни не хватит, чтобы собрать нужную информацию, установить связи между отдельными компонентами и запустить всю систему — если, конечно, заговорщики не вампиры. Вампирам — или, еще лучше, целому семейству вампиров — о времени можно не беспокоиться. Я это уже поняла, когда исследовала научную карьеру Мэтью.

Возвращая гроссбух на полку, я заново осознавала, что значит любить вампира. Дело не в возрасте или в том, что он пьет кровь, а еще убивал людей и вполне способен убить в будущем. Все дело в тайнах.

Мэтью копил их добрую тысячу лет — важные, наподобие рыцарей Лазаря или своего сына Люка, и не столь значительные, вроде знакомства с Уильямом Гарвеем и Чарлзом Дарвином. Мне за всю жизнь их не выслушать.

Впрочем, не одни вампиры хранят секреты. Так делают все создания, боясь разоблачения или желая сберечь что-то исключительно для себя в нашем клановом, чуть ли не племенном мире. Мэтью не просто охотник, убийца, ученый, вампир — он, как и я, таит в себе целую паутину секретов. Если мы хотим быть вместе, нам надо решить, какими из них поделиться, а какие похоронить навсегда.

Когда я нажала на кнопку, ноутбук проиграл свои несколько нот. Чай остыл, сэндвичи засохли. Я сжевала парочку, чтобы не обижать Марту, села и уставилась на огонь.

Рыцари Лазаря взбудоражили меня как историка, а колдовские инстинкты шептали, что через них я могу понять Мэтью. Хотя орден — не главный его секрет. Ревнивее всего он охраняет свое тайное «я».

Каким сложным и тонким делом будет любовь к нему! Мы, персонажи сказок — вампир, колдунья, рыцарь в блестящих доспехах, — живем в непростой реальности. В Бодли создания следили за мной, угрожали мне, желая заполучить книгу, о которой никто ничего толком не знает. Лабораторию Мэтью пытались взломать. Наши с ним отношения угрожают нарушить непрочное, хотя и долгое перемирие между людьми, вампирами, даймонами и колдунами. Передо мной открывался новый мир, где нелюдей стравливают с нелюдями, а оттиск бронзовой печати на черном воске может задействовать тайную армию. Неудивительно, что Мэтью держит меня на расстоянии.

Я задула свечи, поднялась в спальню и скоро заснула. Мне снились рыцари, печати и бухгалтерские книги.

Проснулась я от прикосновения к плечу тонких холодных пальцев.

— Мэтью? — Я рывком села.

В темноте белело лицо Изабо.

— Тебя к телефону. — Она протянула мне свой красный мобильник и вышла.

— Сара? — Уж не случилось ли чего с ними, в ужасе подумала я.

— Нет, это я. — Мэтью.

— В чем дело? — Мой голос дрожал. — Ты заключил сделку с Ноксом?

— Нет, с этим не вышло. В Оксфорде мне больше нечего делать — через несколько часов буду дома, с тобой. — Он говорил как-то странно, точно охрип.

— Может, я еще сплю?

— Нет, не спишь. И знаешь что? Я люблю тебя.

Эти слова мне хотелось услышать больше всего на свете. Забытая цепь завела внутри нежный звон.

— Скажешь это снова, когда приедешь. — На глазах выступили радостные слезы.

— Значит, не разлюбила пока?

— Еще чего! — возмутилась я.

— Опасность грозит и тебе, и твоим родным. Ты готова пойти на это ради меня?

— Я уже сделала выбор.

Мы нехотя простились, боясь тишины, которая неизбежно следует за признаниями.

Все время, проведенное без него, я будто стояла на распутье, не различая дороги.

Моя мать славилась пророческим даром. Достало бы у нее силы увидеть, что ждет нас на первых порах?

Глава 26

Едва закончив разговор, я уже прислушивалась, не зашуршат ли колеса по гравию.

Когда я вышла из ванной с мобильником Изабо, который не оставляла ни на минуту, на столе обнаружился свежезаваренный чай с булочками. Быстренько все умяла, напялила первое, что попалось под руку, и с мокрой головой побежала вниз. Для Мэтью было еще слишком рано, но я намеревалась встретить его, когда он приедет.

Для начала я села на диван у камина и принялась гадать, что могло заставить Мэтью так скоро уехать из Оксфорда. Марта принесла полотенце и бесцеремонно вытерла мне волосы, видя, что сама я этого делать не стану.

Когда он уже вот-вот должен был приехать, я вскочила и начала мерить шагами холл. Пришла Изабо и встала подбоченившись, но я не обращала на нее внимания и продолжала ходить. В конце концов Марта поставила у входной двери стул и уговорила меня присесть, а Изабо удалилась в библиотеку. Резное сиденье явно придумали для того, чтобы доставлять людям адские муки.

Я ринулась наружу, как только «рейнджровер» въехал во двор. Мэтью впервые за время нашего знакомства не оказался у двери первым — он еще разминал длинные ноги, когда я повисла у него на шее, едва касаясь носками земли.

— Больше никогда так не делай, — шептала я, жмурясь от подступивших слез. — Никогда-никогда.

Он обнял меня, уткнулся в мою шею. Потом осторожно поставил на ноги, и ледяные ладони знакомым жестом обхватили

мое лицо. Я вбирала в себя то, что замечала впервые, — легкие морщинки в уголках глаз, впадинку под нижней губой.

— Dieu, — произнес он. — Как же я ошибался...

— Ошибался? — запаниковала я.

— Думал, знаю, как сильно соскучился по тебе. Ничего я не знал.

— Скажи это снова. — Мне надо было услышать то, что он сказал тогда по телефону.

— Я люблю тебя, Диана. Я боролся с собой и проиграл, да поможет мне Бог!

Мое лицо в его ладонях стало мягким как воск.

— Я тоже люблю тебя, Мэтью. Всем сердцем.

Его тело откликнулось мне. Пульс, конечно, не участился, и кожа не утратила приятной прохлады, но в горле зародился звук, слабый рокот, пронзивший меня желанием. Мэтью, все замечавший, впился в меня ледяным поцелуем.

Я вся вспыхнула, как костер, руки скользнули вниз по его спине. Он хотел отстраниться. «Куда!» — подумала я и притянула удивленного Мэтью к себе. Мои руки собственнически скользнули еще ниже, в горле у него зарокотало чуть громче.

— Диана! — предостерегающе сказал он.

«Что не так?» — невинно осведомился мой поцелуй.

В ответ он снова приник ко мне губами, нежно погладил пульсирующую жилку на шее, потом левую грудь, где билось сердце, обнял еще крепче.

— Теперь ты моя, — сказал он чуть погодя, немного ослабив объятия.

Губы у меня онемели — я только кивнула, крепко обнимая его ниже поясницы.

— И никаких сомнений? — уточнил он.

— Ни малейших.

— С этого момента мы с тобой одно, понимаешь?

— Кажется, да. — Я понимала это так, что никто и ничто не сможет оторвать меня от него.

— Она понятия не имеет, о чем ты толкуешь, — заявила Изабо, и Мэтью напрягся и покрепче обхватил меня, будто защищая. — Этот ваш поцелуй нарушил все законы, которые не дают

нашему миру развалиться и защищают нас. Ты, Мэтью, пометил эту колдунью как свою, а ты, Диана, предложила свою кровь и свою силу вампиру. Вы оба повернулись спиной к родичам и дали клятву созданию враждебной расы.

— Мы всего лишь целовались, — изумленно возразила я.

— Вы дали клятву и тем самым стали преступниками, да помогут вам боги.

— Значит, мы теперь вне закона. Нам уйти, Изабо? — Голосом мужчины говорил ранимый мальчик, и у меня дрогнуло сердце из-за того, что я заставила его выбирать между нами.

Мать, подойдя, отвесила ему пощечину:

— Да как у тебя язык повернулся?

Они оба застыли как громом пораженные. След от руки на его щеке в мгновение ока покраснел, посинел и исчез.

— Ты мой самый любимый сын, — стальным голосом заговорила она, — а Диана отныне становится моей дочерью — я отвечаю за нее, как и ты. У нас общая война, общие враги.

— Ты не обязана укрывать нас, Maman. — Голос Мэтью звенел, как натянутая тетива.

— Хватит молоть чепуху. Вас будут травить из-за этой любви. Мы семья и будем драться все вместе, и ты, дочка, тоже — как обещала. Ты безрассудна, как все настоящие храбрецы, но в твоем мужестве я не сомневаюсь. Кроме того, тебе он нужен как воздух, а он хочет тебя, как никого не хотел со дня своего возрождения. Так что дело это решенное, а там поглядим.

Изабо неожиданно привлекла меня к себе и поцеловала — в одну щеку, потом в другую. Я жила в ее доме уже несколько дней, но приняла она меня по-настоящему только сейчас.

— Для начала неплохо бы Диане сделаться наконец из жалкого человечишки колдуном, — перешла она к сути дела. — Женщины де Клермонов сами защищают себя.

— Я позабочусь о ней, — ощетинился Мэтью.

— Вот почему ты всегда проигрываешь в шахматы, — погрозила пальцем Изабо. — Сила королевы, как и сила Дианы, почти безгранична, а ты защищаешь ее, ставя под удар себя самого. Но здесь у нас не игра, и слабость Дианы может нам дорого стоить.

— Не трогай ее, Изабо. Я никому не позволю ее переламывать.

— А разве она, притворяясь человеком, не переламывает себя? — красноречиво фыркнула мать. — Она колдунья, ты вампир — вся каша заварилась как раз из-за этого. Как может колдунья, у которой достало храбрости тебя полюбить, бояться собственной силы, mon cher?[1] Ты мог бы ее растерзать — и те, кто явится сюда, узнав, что вы наделали, тоже на это способны.

— Она права, Мэтью, — вставила я.

— Пойдемте в дом — ты замерзла, — решил он, не сводя настороженного взгляда с матери. — Поговорим сначала об Оксфорде, а потом уж перейдем к магии.

— Я тоже должна кое-что тебе рассказать.

Теперь самое время раскрыть часть наших секретов — например, что я в любой момент могу превратиться в бурный поток.

— У тебя будет на это время, — сказал Мэтью, ведя меня к замку.

Марта стиснула его в объятиях так, точно он вернулся с войны, и усадила нас всех перед жарко натопленным камином в гостиной.

Мэтью, пока я пила чай, то и дело прикасался ко мне — клал руку на колено, разглаживал свитер на плечах, поправлял выбившуюся прядь. Как будто возмещал то, чего лишился за время нашей короткой разлуки. Я начала свои расспросы хитро — спросила, как прошел перелет, и только потом перевела разговор на Оксфорд.

— Маркус и Мириам были в лаборатории во время попытки взлома?

— Да, были. — Мэтью отпил вина, которое подала ему Марта. — Но им ничего не грозило, поскольку далеко воры не прошли.

— Слава богу, — тихо сказала Изабо, глядя в огонь.

— Что им, собственно, было нужно?

— Информация о тебе, — неохотно сознался Мэтью. — В твою квартиру при Новом колледже они тоже проникли.

---

[1] Дорогой *(фр.)*.

Так. Одним секретом меньше.

— Фред в ужасе. Сказал, что колледж врежет в твою дверь новый замок и поставит на лестнице камеру наблюдения.

— Фред ни при чем. В начале учебного года можно просто пройти мимо портье уверенным шагом, повязав на шею шарф нужного колледжа, — всех новых студентов он знать не может. Но что там взять-то, в моей квартире? Черновики?

Да нет, это смешно. Зачем взломщику историческая алхимия?

— Черновики у тебя с собой, в ноутбуке. — Мэтью чуть сильнее сжал мои руки. — Взломщики искали не их — они перевернули вверх дном твою спальню и ванную. Мы думаем, они охотились за образцами твоей ДНК — волосами, частицами кожи, обрезанными ногтями. В лабораторию им проникнуть не удалось, поэтому они пришли к тебе в квартиру.

Я попыталась высвободиться, не желая показывать, что от этого известия меня проняла дрожь.

— Помни: ты не одна, — сказал Мэтью, не отпуская меня.

— Стало быть, это не просто воры. Это создания, знающие про нас с тобой и про «Ашмол-782».

Мэтью кивнул.

— Вряд ли они что-то нашли, — заявила я. — Мать учила меня чистить щетку для волос перед уходом в школу, а волосы спускать в унитаз. И ногти тоже. Эта привычка у меня с детства.

Мэтью опешил, а вот Изабо, похоже, нисколько не удивилась.

— Я все больше жалею, что так и не познакомлюсь с твоей матерью, — тихо сказала она.

— Ты не помнишь, что она говорила при этом? — спросил Мэтью.

— Смутно. — Утром и вечером я сидела на бортике ванны, наблюдая за мамой. Я нахмурилась, стараясь вспомнить давно забытое. — Я кружилась, считая до двадцати... и что-то произносила.

— Хотелось бы мне знать, что было у нее на уме. Ногти и волосы содержат много генетической информации.

— Мать, как известно, была провидицей — и Бишоп к тому же. Все Бишопы немного с приветом.

— Твоя мать не была сумасшедшей, Диана, — вмешалась Изабо, — и твоя наука, Мэтью, далеко не все объясняет. Колдуны издревле верили, что волосы и обрезки ногтей имеют большую силу.

Марта согласилась с ней и закатила глаза, сетуя на невежество молодежи.

— Колдуны пользуются ими при заговоре, — добавила Изабо. — К примеру, для приворота.

— Ты же говорила, что не была колдуньей.

— Но знала многих. Ни одна не оставила бы на виду свои ногти и волосы из страха, что ими воспользуется другая.

— Мать мне об этом не говорила.

Интересно, какие еще у нее были секреты?

— Матери, как правило, не спешат открывать детям некоторые истины. — Изабо взглянула на сына.

— Так кто же эти воры? — спросила я, вспомнив, что рассказывала Изабо о созданиях.

— В лабораторию хотели проникнуть вампиры, но насчет твоих комнат полной уверенности нет. Маркус думает, что вампиры работали там вместе с колдунами, а по моей версии, колдуны провернули это дело одни.

— Ты из-за этого так рассердился? Потому что они вторглись на мою территорию?

— Да.

Значит, мы вернулись к односложной системе? Я ждала продолжения.

— Вторжение на собственные земли или в лабораторию я бы еще стерпел, но не стерплю, когда кто-то угрожает тебе. Это была угроза, я просто... не могу. О твоей безопасности я забочусь на инстинктивном уровне. — Мэтью взъерошил волосы так, что они встали дыбом.

— Я не вампир и ваших правил не знаю — придется тебе объяснить, как это работает. — Я пригладила его черную гриву. — Ты решил не бросать меня потому, что кто-то вломился ко мне в квартиру?

Мэтью тут же взял в руки мое лицо:

— Меня не нужно было заставлять быть с тобой. Ты сказала, что полюбила меня, когда чуть не огрела веслом, а я тебя — еще раньше. — Я еще не видела его таким беззащитным. — Когда ты колдовским способом достала книгу с библиотечной полки. Ты обрадовалась и тут же почувствовала себя виноватой.

— Я вас оставлю. — Изабо было неловко видеть откровенную влюбленность сына.

Марта торопливо принялась собирать со стола. На кухне у нее, несомненно, готовился пир из десяти блюд.

— Нет, Maman. Ты еще не все слышала.

— Значит, дело не только в конвенции. — Изабо тяжело опустилась на стул.

— Между созданиями, особенно между вампирами и колдунами, всегда были трения. То, что мы с Дианой сделали их особенно явными, всего лишь предлог. Конгрегацию по-настоящему беспокоит не это.

— Перестань говорить загадками, Мэтью, — отрезала Изабо, — терпения моего больше нет.

Мэтью виновато посмотрел на меня и начал рассказывать:

— Конгрегация интересуется «Ашмолом-782» и тем, как Диане удалось взять его из хранилища. Колдуны следили за этой рукописью столько же, сколько и я, если не дольше, но никак не думали, что получишь ее ты и что я доберусь до тебя раньше их.

В душе снова всколыхнулись старые страхи, твердившие, что со мной что-то не так.

— Если бы не Мейбон, — продолжал Мэтью, — в библиотеке дежурили бы сильные колдуны, сознающие важность этого документа. Но они готовились к празднику и оставили там молодую колдунью, и она проворонила и рукопись, и тебя.

— Бедная Джиллиан. Вот уж, наверно, кому досталось от Нокса.

— Досталось, — подтвердил Мэтью, поджав губы. — Но Конгрегация следила и за тобой. Это связано уже не с книгой, а с твоим даром.

— Давно?

— Возможно, всю твою жизнь.

— Начиная со смерти родителей. — Детские воспоминания нахлынули волной: щекочущий взгляд колдуна, когда я сидела на школьных качелях, холодные глаза вампира на дне рождения у подруги. — С тех самых пор.

Изабо хотела что-то сказать, но перехватила взгляд сына и промолчала.

— Для них ты как-то связана с книгой — они надеются получить ее через тебя. Я пока не понял, что это за связь, и не думаю, что они понимают.

— Даже Питер Нокс?

— Маркус поспрашивал кое-кого — у него это хорошо получается. Нокс, по его сведениям, в полном недоумении.

— Не хочу, чтобы Маркус подвергался из-за меня риску. Не надо его впутывать, Мэтью.

— Он вполне способен за себя постоять.

— Я тоже должна кое-что рассказать тебе. — Нужно сделать это прямо сейчас, ведь моя решимость таяла с каждой минутой.

Мэтью, держа меня за руки, слегка раздул ноздри:

— Ты устала, проголодалась. Не подождать ли с этим до обеда?

— У моего голода есть запах? — не поверила я. — Так нечестно.

Мэтью расхохотался и развел мои руки в стороны, точно крылья:

— И это говорит колдунья, которая при желании могла бы читать мои мысли как с телеграфной ленты. Диана, дорогая, я знаю, когда ты меняешь о чем-то мнение, знаю, когда замышляешь что-то вроде прыжка через изгородь, и, уж конечно, знаю, что ты голодна. — Он поцеловал меня, чтобы поставить точку.

— Кстати, о моих скрытых талантах, — начала я, не успев отдышаться. — В генетическом тесте упоминалась колдовская вода.

— Что? — заволновался Мэтью. — Когда это случилось?

— Как только ты уехал из замка. При тебе я не давала воли слезам, а после... расплакалась.

— Ты и раньше плакала. — Опять сведя мои руки вместе, он стал разглядывать ладони и пальцы. — Вода струилась из рук?

— Отовсюду. — (Он тревожно вскинул брови.) — Из рук, из ног, из глаз, из волос, даже изо рта. Я словно растворилась в этом потоке, превратилась в воду. Думала, во рту навсегда останется вкус соли.

— Ты была одна в это время? — резко спросил он.

— Нет-нет, с Изабо и Мартой, — поспешно сказала я. — Они просто не могли подобраться ко мне из-за всей этой воды — а тут еще и ветер поднялся.

— Что же остановило бурю?

— Пение Изабо.

Мэтью прикрыл глаза:

— Когда-то она все время пела. Спасибо, Maman.

Я ждала, что он расскажет о том, как Изабо пела ему, и о том, как она изменилась после смерти Филиппа, но Мэтью только стиснул меня в объятиях, а я постаралась не обижаться из-за того, что он по-прежнему о многом умалчивает.

Он так радовался, что вернулся домой, что и меня заразил. После обеда мы поднялись в его кабинет. На полу у камина Мэтью отыскал почти все мои чувствительные местечки, но к своим секретам меня ни разу не подпустил.

Раз я попыталась проникнуть за крепостную стену сама.

— Ты что-то сказала? — удивленно посмотрел он.

— Нет. — Я быстро убрала невидимый щуп.

Ужинали мы с Изабо, печально наблюдавшей за сыном. Облачившись в свою псевдопижаму, я приготовилась пожелать Мэтью спокойной ночи. Потом он, наверно, спустится в кабинет. А что, если в тайнике с печатями остался мой запах?

Он явился ко мне в комнату босиком, в полосатых пижамных штанах и выцветшей черной футболке.

— Ты где больше любишь спать — справа или слева? — спросил он как бы между делом, скрестив руки на груди.

Иногда и я могу крутить головой так же быстро, как и вампиры.

— Если тебе все равно, то я лягу слева, — серьезно сказал он. — Мне будет спокойнее между тобой и дверью.

— Да, в общем-то, все равно, — промямлила я.

— Тогда подвинься... — Я подвинулась, и он с довольным вздохом улегся рядом.

— Самая удобная постель в этом доме. Мы спим очень мало, и мать хорошими матрасами пренебрегает. Ее кроватям самое место в чистилище.

— Ты собираешься спать со мной? — пискнула я, тщетно стараясь, чтобы голос звучал как ни в чем не бывало.

Он обнял меня одной рукой, примостив мою голову себе на плечо.

— Да, но спать в буквальном смысле я не буду.

Я приложила ладонь к его сердцу, чтобы слышать каждый удар.

— Что ж ты тогда будешь делать?

— Тебя караулить. А когда надоест — если надоест, — он коснулся моих век губами, — почитаю. Тебе свечи не мешают?

— Нет, я крепко сплю. Пушкой не разбудишь.

— Да ну? Если мне станет скучно, я придумаю, как тебя разбудить.

— А часто тебе бывает скучно? — Я зарылась пальцами в его волосы.

— Подожди немного — и увидишь сама.

Его холодные объятия, близость убаюкивали лучше всякой колыбельной.

— Это кончится когда-нибудь?

— Ты о Конгрегации? Не уверен.

— Конгрегация меня волнует меньше всего, — встрепенулась я.

— О чем же ты в таком случае?

Я поцеловала его.

— О чувстве, которое испытываю рядом с тобой, — как будто впервые живу полной жизнью.

— Надеюсь, что не кончится, — улыбнулся он с несвойственной ему милой застенчивостью.

Довольная, я уронила голову ему на грудь и уснула крепко, без сновидений.

Глава 27

Утром мне пришло в голову, что наши с Мэтью дни делятся на две категории: либо он все предусматривает, охраняет меня, не дает никому нарушить свои точные планы, либо все идет кувырком. А ведь еще совсем недавно я сама планировала собственное время, составляя списки и графики.

Сегодня я тоже вознамерилась взять все в свои руки. Сегодня Мэтью введет меня в свою вампирскую жизнь.

Мое решение, к несчастью, грозило испортить так хорошо начавшийся день.

На рассвете желание пронзило меня с не меньшей силой, чем вчера во дворе, — лучше любого будильника. Мэтью тут же ответил мне поцелуем.

— Уж думал, ты никогда не проснешься, — ворчал он. — Хотел в деревню посылать за оркестром, хотя единственный трубач, умевший играть побудку, умер в прошлом году.

Я заметила, что у него на шее нет медальона.

— А где твой значок пилигрима?

Ему представилась замечательная возможность рассказать мне о рыцарях Лазаря, но он ею не воспользовался.

— Он мне больше не нужен. — Мэтью намотал на палец прядку моих волос, отвел в сторону и стал целовать за ухом.

— Почему не нужен? — слегка отстранилась я.

— После скажу. — Его губы спустились к месту, где шея переходит в плечо.

От дальнейших разговоров мое тело решительно отказывалось. Мы ласкали друг друга сквозь тонкую ткань, замечая малейшие признаки наслаждения — дрожь, гусиную кожу, тихий стон. Я перешла было к более смелым ласкам, но Мэтью сказал:

— Не спеши. Время у нас есть.

— Вампиры... — только и успела я вымолвить до того, как он закрыл мне рот поцелуем.

Полог оставался задернутым, когда вошла Марта. Она с громким стуком поставила на стол поднос и буквально метнула, словно шотландский горец на состязаниях, два полена в огонь. Мэтью выглянул, отметил, что утро прекрасное, и сказал, что я умираю с голоду.

Марта разразилась длинной речью на окситанском и вышла, напевая какую-то песенку. Мэтью отказался перевести ее, заявив, что подобная лексика не для моих нежных ушек.

Когда я принялась за еду, он пожаловался, что ему скучно. В глазах у него при этом мерцал озорной огонек.

— Поедем верхом после завтрака, — предложила я, запивая яичницу обжигающим чаем. — Работа подождет.

— Не поможет, — промурлыкал Мэтью.

Помог ему в итоге поцелуйный сеанс. У меня распухли губы, и я много чего узнала об устройстве собственной нервной системы, но тут Мэтью согласился ехать.

Он отправился одеваться, я — в душ. Марта пришла за подносом, и я, заплетая косу, посвятила ее в свои планы. Она удивилась, но согласилась отправить на конюшню сэндвичи и бутылку воды — пусть Жорж уложит их в седельную сумку Ракасы.

Оставалось только уведомить Мэтью.

Он работал на компьютере, что-то напевая себе под нос и одновременно набирая сообщения на мобильнике.

— Ну наконец-то, — ухмыльнулся он. — Я уж собирался доставать тебя из воды.

От нахлынувшего желания у меня ослабли коленки. Понимание того, что мои последующие слова неминуемо сотрут улыбку с его лица, делало чувства еще острее.

«Пожалуйста, пусть все будет хорошо», — мысленно помолилась я, кладя руки Мэтью на плечи. Он запрокинул голову, прислонившись к моей груди, и приказал с улыбкой:

— Целуй.

Я повиновалась без задней мысли, изумляясь пониманию между нами. Совсем не так, как в книгах и фильмах, где любовь

изображается как сплошная нервотрепка. Любовь к Мэтью гораздо больше напоминала прибытие в порт, чем отплытие в шторм.

— Как это у тебя получается? — спросила я, сжимая его лицо в ладонях. — Мне кажется, я знаю тебя целую вечность.

Он со счастливой улыбкой стал закрывать многочисленные программы, а я упивалась его пряным запахом и приглаживала ему волосы.

— Знаешь, это очень приятно, — сказал он, подставляя мне голову.

Самое время все испортить. Я уперлась подбородком в его плечо:

— Возьми меня на охоту.

— Это не смешно, Диана, — отрезал он, весь напружинившись.

— А я и не смеюсь. — Он попытался стряхнуть меня, но я устояла — смотреть ему в глаза у меня не хватало смелости. — Так надо, Мэтью. Ты должен убедиться, что можешь мне доверять.

Он вскочил, и мне поневоле пришлось отступить. Его рука легла туда, где раньше висел медальон, — недобрый знак.

— Вампиры не берут теплокровных на охоту, Диана.

Опять плохой знак: он мне лжет.

— Неправда. Ты охотишься вместе с Хэмишем.

— Это другое дело. Я давно его знаю и не сплю с ним в одной постели. — Мэтью, отвернувшись от меня, смотрел на книжные полки.

Я медленно шагнула к нему:

— Со мной можно охотиться точно так же, как с Хэмишем.

— Нет! — Напряженные плечи рельефно обрисовались под свитером.

— Я уже ездила. С Изабо.

В комнате стояла полная тишина. Мэтью прерывисто вздохнул и дернул плечом. Я приблизилась еще на один шаг.

— Нет! — остановил он. — Не подходи ко мне, когда я сердит.

Напомнив себе, что сегодня не он командует, я подошла еще ближе. Теперь ему некуда было деться от моего запаха и от стука моего сердца, которое билось ничуть не чаще обычного.

— Злить тебя не входило в мои намерения.

— Я злюсь не на тебя, а вот матери придется ответить. Она веками испытывала мое терпение, но брать тебя на охоту — просто непростительно.

— Она спрашивала, не хочу ли я вернуться домой.

— Она не должна была тебе предлагать! — рявкнул он, повернувшись ко мне лицом. — Вампиры на охоте не владеют собой — плохо владеют. На мать, когда она чует кровь, уж точно нельзя полагаться. Если бы ветер донес до нее твой запах, она бы, не раздумывая, кинулась на тебя.

Он реагировал хуже, чем я ожидала. Ну что ж — коготок увяз, всей птичке пропасть.

— Твоя мать действовала в твоих интересах. Я не понимала, на что иду, и ее это беспокоило. Ты сделал бы то же самое для Люка.

Снова молчание — глубокое, продолжительное.

— Она не имела права рассказывать тебе о Люка. Он был мой, не ее. — Мэтью говорил тихо, но такой злобы я в его голосе еще не слышала; он нашел на полке глазами деревянную башенку.

— Твой — и Бланки, — так же тихо сказала я.

— Историю вампира не вправе рассказывать никто, кроме него самого. Мы, может, с тобой и преступники, но мать за последние дни тоже нарушила пару законов. — Он снова потрогал то место, где висел медальон.

Я преодолела короткое расстояние между нами спокойно и уверенно, словно имела дело со зверем, способным броситься на меня и тут же пожалеть о содеянном. Подошла и взяла его за руки.

— Изабо и о твоем отце рассказала. Назвала мне все твои имена, любимые и нелюбимые. Свои тоже. Я не совсем понимаю, почему это так важно, но первой встречной она бы не стала этого говорить. Рассказала, как тебя создала. Песня, остановившая мою колдовскую воду, была та самая, которую она пела тебе в твоем вампирском младенчестве. — «Когда ты пожирал все на своем пути», — мысленно добавила я.

Мэтью поднял на меня глаза, беззащитные, полные боли, так тщательно скрываемой раньше. У меня сердце сжалось.

— Я не могу рисковать, Диана. Так, как тебя, я еще никого не хотел — и физически, и духовно. Если я хоть ненадолго отвлекусь на охоте, запах оленя может смешаться с твоим, а влечение к добыче — с влечением к тебе.

— Я и так уже твоя. — Я держалась за него руками, глазами, умом и сердцем. — На меня незачем охотиться.

— Это не сработает. Ты никогда не будешь моей до конца. Я всегда буду хотеть больше, чем ты можешь мне дать.

— Утром в постели я этого не заметила. — Я покраснела, вспомнив о его недавнем отказе. — Я была куда как готова, а ты сказал «нет».

— Я не сказал «нет». Я сказал «позже».

— Ты и охотишься так? Соблазняешь, медлишь, вынуждаешь капитулировать?

Он содрогнулся. Другого ответа мне и не требовалось.

— Покажи мне.

— Нет.

— Покажи!

Он заворчал, но я не дрогнула. Это было предостережением, не угрозой.

— Я знаю, тебе страшно. Мне тоже. — Мимолетное раскаяние в его глазах я проводила нетерпеливым вздохом. — Повторю еще раз: я тебя не боюсь, но боюсь собственной силы. Ты не видел моего колдовского потопа, Мэтью. Я могла бы смести все вокруг, не испытывая ни малейшего раскаяния. Ты не единственное опасное существо в этой комнате. Нам надо учиться быть вместе вопреки тому, кто мы есть.

— Возможно, потому вампирам с колдунами и запрещают быть вместе, — с горьким смехом ответил он. — Возможно, эти границы не так легко одолеть.

— Ты же сам в это не веришь. — Я прижала его ладонь к своей щеке. Контраст тепла и холода пронизал меня восхитительным трепетом, сердце, как обычно, отозвалось гулким ударом. — То, что мы чувствуем друг к другу, не может быть дурно.

— Диана... — Он покачал головой и хотел отнять руку.

Я повернула ее ладонью вверх, провела пальцами по длинной гладкой линии жизни. Вены под белой кожей казались чер-

ными. Мэтью вздрогнул, когда я коснулась их, — страдание еще тлело в его глазах, но ярость почти прошла.

— Не может. Ты знаешь, что мы ничего дурного не делаем, — осталось научиться мне доверять. — Я переплела его пальцы со своими и дала ему время подумать.

— Хорошо, — помолчав, сказал он. — Я возьму тебя на охоту, если пообещаешь не приближаться ко мне и не слезать с Ракасы. Если вдруг увидишь, что я смотрю на тебя — даже просто почувствуешь, что я думаю о тебе, — поворачивай лошадь и скачи домой к Марте.

Приняв решение, он тут же двинулся вниз, стараясь не слишком меня обгонять. Изабо, сидевшая в гостиной, поднялась с места, но Мэтью взял меня за локоть и потащил дальше, к лестнице.

Изабо шла по пятам за нами, Марта стояла в дверях кладовой — происходящее, похоже, заменяло ей дневной сериал. Ощущение угрозы висело в воздухе.

— Когда вернемся, не знаю, — бросил через плечо Мэтью.

Я только и успела, что оглянуться и одними губами сказать Изабо: «Прости».

— Elle a plus de courage que j'ai pens[1], — заметила она Марте.

Мэтью, резко остановившись, оскалил зубы:

— Да, мать, мужества у Дианы больше, чем мы заслуживаем. Если вздумаешь еще раз его испытать, больше нас не увидишь, ясно?

— Конечно, Мэтью, — как обычно, промурлыкала та.

По дороге Мэтью раз пять порывался вернуться назад. У самой конюшни взял меня за плечи и осмотрел с головы до ног, ища признаки страха.

— Пойдем? — спросила я, вздернув подбородок.

С тяжким вздохом он позвал Жоржа. Бальтазар раскатисто заржал и поймал на лету брошенное мной яблоко. С сапогами мне, к счастью, помощи не потребовалось, хотя натягивала я их дольше, чем Мэтью свои. Проследив, чтобы я застегнула жилет и ремешок на шлеме, он подал мне хлыст.

---

[1] Она храбрее, чем я думала *(фр.)*.

— Не нужно.

— Возьми хлыст, Диана.

Я взяла, решив при первой возможности закинуть его в кусты.

— Выбросишь — сразу домой.

Он что, всерьез полагает, что я смогу его ударить? Я сунула хлыст за голенище и вышла в леваду.

Лошади нервно заплясали, увидев нас: они не хуже Изабо чувствовали, как наэлектризована атмосфера. Я дала Ракасе яблоко, огладила ее, пошептала ей. Дар от своего всадника таких нежностей не дождался: Мэтью молниеносно проверил сбрую и столь же быстро подкинул меня в седло, не желая, чтобы на нем оставался мой запах.

В лесу он проверил, торчит ли хлыст из моего сапога, и сказал, что правое стремя надо укоротить. Все это делалось на случай моего бегства. Я хмуро придержала Ракасу и подтянула стремя.

Перед нами открылось знакомое поле. Мэтью, все еще гневный, принюхался и взял под уздцы Ракасу.

— Там кролик, — показал он.

— Кролик для меня — пройденный этап, — спокойно сказала я. — А также сурок, коза и олень.

Мэтью выругался, и я понадеялась, что Изабо на таком расстоянии нас не слышит.

— Ату его — так ведь принято говорить?

— Я охочусь на оленя не так, как это делает мать. Не пугаю его сначала до полусмерти. Кролика и даже козу могу убить, но оленя при тебе скрадывать не намерен.

— Доверься мне наконец. — Я похлопала по сумке с припасами. — Я могу ждать, сколько нужно.

— Не при тебе, — упрямо повторил он.

— Все приятные стороны вампирской жизни ты мне продемонстрировал. Еда для тебя играет утонченнейшими оттенками вкуса. Ты помнишь то, о чем я только читала в исторических книгах. Чуешь, когда я меняю о чем-то мнение или собираюсь поцеловать тебя. Открыл мне мир ощущений, о которых я и мечтать не могла.

Я сделала паузу, чтобы проверить, добилась ли чего-нибудь своей речью. Увидела, что не добилась, и продолжила:

— Возьмем теперь меня. Меня при тебе тошнило, я подожгла твой ковер, совсем расклеилась, получив неприятное письмо. Еще я фонтанирую, но это ты как раз пропустил. И взамен прошу лишь одного: посмотреть, как ты ешь. Без этого нельзя, Мэтью. Если ты этого не можешь вынести, нам лучше осчастливить Конгрегацию и прекратить все это.

— Dieu! Перестанешь ли ты когда-нибудь меня удивлять? — Взгляд Мэтью устремился вдаль, где пасся на холме молодой олень.

Ветер дул в нашу сторону, и он нас еще не учуял.

«Благодарю», — произнесла я мысленно. Не иначе как сами боги послали оленя именно в этот момент. Мэтью не сводил глаз с добычи — его гнев прошел, уступив место сверхъестественно сильным инстинктам охотника. Я пыталась угадать, что он сейчас думает или чувствует, но тщетно.

«Не шевелись!» — мысленно приказала я норовившей дернуться Ракасе, и та послушно замерла.

Видя, что ветер вот-вот переменится, Мэтью взял ее под уздцы и направил вместе с Даром вправо. Олень поднял голову, посмотрел вниз и снова принялся щипать травку. Мэтью оглядывал местность, замечая все: кролика, выглянувшую из норы лису, сокола, ныряющего в небе, как серфер на волнах. Я начинала понимать, почему все создания в Бодли подчинялись этому вампиру: вокруг не было ни единой живой твари, которую он не увидел бы, не опознал, не приговорил к смерти. Он направил лошадей к лесу, пряча меня среди разнообразных звериных запахов.

К соколу присоединилась еще одна птица. Кролик скрылся в норке, но вместо него вылез другой. И все это мой спутник подмечал. Мы вспугнули пятнистого зверя вроде кошки, с длинным полосатым хвостом. Мэтью, как мне показалось, хотел погнаться за ним — и погнался бы, не будь здесь меня.

Мы двигались по опушке вдоль поля не меньше часа. Ближе к вершине холма Мэтью перекинул ногу через шею коня, спрыгнул, хлопнул Дара по крупу, и тот затрусил домой.

Ракасу, чьи поводья он так и не выпустил, Мэтью подвел к самому краю леса и, принюхавшись, молча завел в низкий березнячок.

А сам часа на два замер на полусогнутых — человек в такой позе не выдержал бы и пяти минут. Я разминала затекшие ноги, крутя лодыжками в стременах.

Мэтью не преувеличивал: он и впрямь охотился совсем не так, как его мать. Изабо в первую очередь удовлетворяла биологическую потребность. Ей нужна была кровь, и она забирала ее у животных, не испытывая никаких угрызений совести по этому поводу. Для ее сына все явно обстояло куда сложнее. Он тоже нуждался в живой крови, но чувствовал себя сродни своей добыче — это напомнило мне его статьи о волках, написанные, можно сказать, с уважением. Для Мэтью охота была прежде всего стратегией, он противопоставлял собственный хищный разум существам, которые думали и воспринимали мир так же, как он.

Я вспомнила о наших утренних играх и закрыла глаза от внезапно нахлынувшего желания. Здесь, в лесу, когда он готовился убить, я хотела его не меньше, чем утром в постели. Мне стало ясно, почему он так не желал брать меня на охоту. Только теперь я открыла, как тесно связаны смертельная опасность и секс.

Мэтью тихо выдохнул, отошел от меня и без предупреждения взлетел на холм. Олень поднял голову.

Исходящую от Мэтью угрозу он понял не сразу — я и то сообразила бы раньше. Я сочувствовала этому зверю не меньше, чем убитой Изабо оленихе. Олень поскакал вниз, но Мэтью перехватил его, не дав добежать до меня, и снова погнал наверх. Страх, охвативший животное, нарастал с каждым мгновением.

«Знаю, тебе страшно, — говорила я мысленно, надеясь, что олень услышит меня. — Он делает это не для забавы, не для того, чтобы причинить тебе боль. Ему это необходимо для выживания».

Ракаса, нервно повернув голову, посмотрела на меня. Я потрепала ее по шее, продолжая взывать к оленю:

«Успокойся. Не убегай. От этого создания даже тебе, быстроногому, не уйти».

Олень замедлил бег, споткнувшись на какой-то ямке, и направился ко мне, точно шел на молчаливый зов.

Мэтью сгреб его за рога, свернул ему голову — было это футов за двадцать от моего убежища. Олень повалился на спину, тяжело поводя боками, попытался вскочить, Мэтью упал на колени рядом.

«Не борись, — печально сказала я. — Это конец. Он убьет тебя».

Олень дернулся в последний раз и затих. Мэтью смотрел ему в глаза, как будто ждал разрешения прервать его жизнь. Потом я разглядела лишь черно-белый блик на шее животного.

Жизненная энергия оленя переливалась в Мэтью. В воздухе стоял железистый запах, но крови не пролилось ни капли. Выпив все, Мэтью склонил голову и остался стоять на коленях рядом со своей жертвой.

Я тронула Ракасу с места. Мэтью застыл, но потом поднял на меня светлые, сияющие глаза. Я достала из-за голенища хлыст и зашвырнула его подальше в заросли дрока. Мэтью наблюдал за мной с интересом и за лань меня явно не принимал.

Я демонстративно сняла шлем и спешилась, повернувшись к Мэтью спиной. Я доверяла ему даже теперь, когда он не доверял сам себе. Легонько коснувшись его плеча, я тоже опустилась на колени и положила шлем у оленьей головы с остекленевшими глазами.

— Твоя охота мне нравится больше, чем охота Изабо. И оленям, думаю, тоже.

— Мать убивает настолько иначе, чем я? — Французский акцент Мэтью усилился, пахло от вампира чуть иначе, и голос стал еще более гипнотическим.

— Она утоляет голод, — просто ответила я, — а ты охотишься, чтобы ощутить себя живым. Вы с ним, — я показала на оленя, — пришли к согласию. Он, мне думается, отошел с миром.

Снег на моей коже под пристальным взглядом Мэтью превращался в лед.

— Ты говорила с ним так же, как с Ракасой и Бальтазаром?

— Я ни во что не вмешивалась, если ты об этом, — торопливо сказала я. — Ты убил его без моей помощи.

Может быть, для вампиров это имеет значение.

— Я не подсчитываю очки. — Мэтью вздрогнул, одним слитным движением поднялся на ноги — так, как это делают только вампиры, — и подал мне руку. — Вставай. Земля холодная.

Я встала, размышляя, что же будет с оленьей тушей — тут понадобится помощь Жоржа и Марты. Ракаса преспокойно паслась рядом с убитым зверем, и я вдруг ощутила, что страшно проголодалась.

«Ракаса!» — мысленно позвала я. Она подошла, и я нерешительно спросила:

— Можно я поем?

Мэтью насмешливо скривил губы:

— Сделай милость. Учитывая, что ты только что наблюдала, посмотреть, как ты жуешь сэндвич, — это самое меньшее, что я могу сделать.

— Не вижу разницы.

Я расстегнула сумку и мысленно возблагодарила Марту, приславшую мне сэндвичи с сыром. Поела, отряхнула руки от крошек.

— Ты не против? — спросил вдруг Мэтью, следивший за мной как ястреб.

— Против чего?

Я ведь уже сказала, что олень у меня возражений не вызывает.

— Бланки и Люка. Что у меня когда-то были жена и ребенок.

Природу моей ревности к Бланке он вряд ли бы понял. Собравшись с мыслями, я нашла понятный и в то же время правдивый ответ:

— Я совсем не против того, что раньше ты любил других женщин, живых или мертвых, лишь бы в эту самую минуту ты не любил никого, кроме меня.

— Только в эту минуту? — Его бровь выгнулась, словно знак вопроса.

— Остальное не важно. — Все это было, по-моему, очень просто. — У каждого, кто прожил такую долгую жизнь, есть прошлое, Мэтью. Ты не был монахом и, конечно же, порой грустишь о тех, кого потерял. Разве могли они не *любить* тебя так же сильно, как люблю я?

Мэтью прижал меня к себе. Я подчинилась с радостью, счастливая, что охота закончилась благополучно и что он подобрел.

Гнев еще тлел в нем — я видела это по лицу и напряженным плечам, — но больше не грозил захлестнуть нас. Мэтью привычным жестом приподнял мой подбородок:

— А если я тебя поцелую? — Он на миг отвел взгляд, задавая этот вопрос.

— Целуй. — Я привстала на цыпочки. Он все еще медлил, и я обхватила его за шею. — Целуй же, не будь идиотом.

И он поцеловал — быстро, но крепко. На губах еще осталась кровь, но это не вызвало у меня ни страха, ни отвращения. Мэтью как Мэтью.

— Ты знаешь, что у нас с тобой не будет детей. — Мы стояли все так же, лицом к лицу. — Вампир не может стать отцом в традиционном смысле этого слова. Что ты на это скажешь?

— Ребенка можно завести разными способами. — Раньше я, по правде сказать, о детях вообще не задумывалась. — Ты принадлежишь Изабо не меньше, чем Люка принадлежал вам с Бланкой. Да и сирот в мире полным-полно. — Я хорошо помнила, как Сара и Эм сказали мне, что родители ушли навсегда. — Можем усыновить хоть целый приют, если захотим.

— Я давно уже не создавал новых вампиров. Наверно, у меня бы еще получилось, но тебе ведь не нужна большая семья?

— К моей семье и так уже прибавились ты, Изабо и Марта — больше как будто и не требуется.

— Добавь сюда еще одного.

— Кого это? — удивилась я.

— Вампирская генеалогия гораздо сложнее генеалогии колдунов, — сухо заметил он. — Наша кровь течет не по двум, а по трем линиям, но этого члена нашей семьи ты знаешь.

— Маркус? — Мне живо вспомнился молодой американский вампир в кедах «Конверс».

Мэтью кивнул:

— Он сам расскажет тебе свою биографию. Я не такой нечестивец, как моя мать, хотя и влюбился в колдунью. Маркуса я создал больше двухсот лет назад и горжусь тем, как он распорядился дарованной ему жизнью.

— Однако ты не хотел, чтобы он брал у меня кровь на анализ, — нахмурилась я. — Почему ты ему не веришь, раз он твой сын?

Родители как-никак обязаны доверять своим детям.

— Он создан из моей крови, милая. — В терпеливом тоне Мэтью слышались и собственнические нотки. — А вдруг он возжелал бы тебя так же, как желаю я? Ты ведь помнишь, как на нас действует теплая кровь. Ему я, возможно, доверяю все-таки больше, чем первому встречному, но мне всегда неспокойно, когда с тобой рядом оказывается другой вампир.

— Даже Марта? — ужаснулась я.

Уж ей-то я доверяла на сто процентов.

— Даже Марта, — твердо ответил он. — Ты, правда, не в ее вкусе — она предпочитает более откормленную добычу.

— Марта или Изабо не должны тебя беспокоить, — не менее твердо сказала я.

— Ты поосторожнее с матерью. Отец учил меня никогда не поворачиваться к ней спиной и был прав. Ее всегда влекло к колдуньям — может быть, потому, что она им завидовала. В определенном настроении и при определенных обстоятельствах... — Он покачал головой.

— Не говоря уж о том, что случилось с Филлипом.

Мэтью замер.

— У меня открылось ясновидение. Я видела вас с Изабо — она говорила, что твой отец попал в руки колдунов. Изабо приняла меня в своем доме, хотя имеет все основания не доверять мне. Конгрегация, вот кого нам следует опасаться. Эта опасность была бы меньше, если бы ты меня обратил.

— У меня с матерью будет долгий разговор, — помрачнел Мэтью. — Относительно того, о чем следовало бы помолчать.

— Ты не можешь закрыть от меня мир вампиров — свой мир. Не забывай, что я уже в нем и потому должна понимать его законы. — Ярость, пробежав от плеч к пальцам, зажгла их синим огнем. — Ты тут не один такой страшный, знаешь ли. — Я помахала искрящимися руками перед изумленным вампиром. — Поэтому перестань геройствовать и позволь мне разделить с тобой жизнь. Я хочу жить не с сэром Ланселотом, а с тобой, Мэтью Клермонтом. Не исключая твоих острых зубов, жуткой маменьки, пробирок с кровью, анализов ДНК, начальнических замашек и потрясающего чутья.

Когда я выпалила все это, пальцы погасли. Электричество отступило куда-то к локтям и выжидало там на случай, если снова понадобится.

— Если я подойду ближе, ты опять заискришь? — деловым тоном осведомился Мэтью.

— Думаю, пока нет.

— Думаешь? — Его бровь снова взлетела вверх.

— Я полностью себя контролирую, — заверила я, с сожалением вспомнив о прожженном ковре, и Мэтью меня тут же обнял.

— Уф! — простонала я, когда мои локти вдавились в ребра.

— А я из-за тебя поседею скоро — хотя до сих пор считалось, что с вампирами такого не бывает. Из-за твоей отваги, электрических рук и неслыханных изречений. — Чтобы обезопаситься от последнего, он меня поцеловал.

Надолго лишившись способности что-либо изрекать после поцелуя, я прижалась ухом к груди Мэтью и дождалась, когда стукнет сердце. Оно не обмануло ожиданий, значит не у одной меня сердце полно до краев.

— Ты победила, ma vaillante fille, — прошептал Мэтью. — Я постараюсь — постараюсь — меньше опекать тебя, а ты не должна забывать, что вампиры могут быть очень опасны.

В его объятиях было трудновато усвоить эту истину. Ракаса с пучком травы во рту снисходительно смотрела на нас.

— Ты на сегодня закончил? — спросила я, задрав голову.

— Охотиться? Да.

— Ракаса скоро лопнет, и нас обоих ей не увезти.

Мои руки переместились на бедра Мэтью и ниже. У него перехватило дух, и он замурлыкал совсем по-другому — не так, как когда сердился.

— Ты поезжай, а я пойду рядом, — предложил он после еще одного долгого поцелуя.

— Пойдем пешком оба. — Я и так слишком долго просидела в седле.

Когда мы вошли в ворота, уже смеркалось и в Сет-Туре светились все окна.

— Вот мы и дома, — обрадовалась я.

— Вот мы и дома, — с улыбкой повторил Мэтью, глядя не на замок, а на меня.

Глава 28

Мы поужинали в комнате экономки перед жарко натопленным очагом.

— А где Изабо? — спросила я Марту, налившую мне горячего чая.

— Вышла, — коротко ответила она и пошла обратно на кухню.

— Вышла куда?

— Марта, — вмешался Мэтью, — не надо ничего скрывать от Дианы.

Я не знала, на кого она больше сердита — на меня, на него или на отсутствующую хозяйку.

— В деревню пошла. Повидать священника с мэром. — Марта помолчала и добавила: — А потом проверит, все ли там чисто.

— Где это — там?

— В лесу. На холмах. В пещерах. — Она явно полагала, что этим все сказано.

— Похоже, Maman хочет посмотреть, нет ли в округе других вампиров, — пояснил Мэтью.

Огонь играл в резных гранях его тяжелого кубка. То молодое вино, но пил он меньше обычного.

— Она имеет в виду кого-то определенного?

— Доменико и еще одного вампира из Конгрегации, Герберта. Он тоже овернец, из Орийака. Изабо на всякий случай заглянет в кое-какие его укрытия.

— Тот самый Герберт из Орийака? Папа римский, живший в десятом веке?[1] Это ведь ему, по преданию, принадлежала медная голова, наделенная речью и пророческим даром?

---

[1] Папа Сильвестр II (946–1003). Был понтификом с 999 г.

Репутация Герберта как ученого и мага интересовала меня куда больше, чем его папско-вампирское прошлое.

— Постоянно забываю, как хорошо ты знаешь историю — даже вампира пристыдить можешь. Да, тот самый Герберт. Пожалуйста, держись от него подальше, а если все-таки встретишь, не расспрашивай об арабской медицине и астрономии. Он жаден до колдунов и магии.

— Изабо его знает?

— О да. В свое время это была неразлучная парочка. Если он где-то здесь, она непременно его отыщет. Не беспокойся, в замок он не придет: знает, что ему тут не рады. Не выходи одна, вот и все.

— Хорошо, не стану. — На Герберта из Орийака я хотела бы наткнуться меньше всего.

— Изабо, полагаю, хочет искупить свои прегрешения. — Я видела, что Мэтью еще таит гнев против нее.

— Ты должен ее простить. Она прежде всего о тебе заботилась.

— Я не ребенок, Диана, и не хочу, чтобы мать меня защищала. Особенно от жены, — сказал он, крутя в руках бокал.

Слово «жена» на некоторое время так и повисло в воздухе.

— Не припоминаю, чтобы мы с тобой поженились.

— Это произошло, когда я вернулся домой и признался тебе в любви. В суде, возможно, этот брак сочтут недействительным, но, по вампирским обычаям, мы женаты.

— Значит, мое признание, а потом твое, по телефону, были не в счет? Ты должен был сказать мне все лично?

Тут требовалась некоторая точность. Я собиралась завести в компьютере новый файл «С вампирского на колдовской».

— Вампиры вступают в брак так же, как львы или волки. — Мэтью вещал, как голос за кадром документального фильма. — Самка выбирает себе партнера, и если он согласен, то дело сделано. Они заключают союз на всю жизнь, и все сообщество признает их супругами.

— Вот как, — вяло откликнулась я.

Выходит, мы опять вернулись к норвежским волкам.

— Мне только слово «партнер» не нравится — безликое какое-то, будто выбираешь носки или туфли. — Мэтью отставил

бокал, поставил локти на исцарапанный стол и сцепил пальцы. — Послушаем, что скажешь ты. Вампирские законы тебе не указ — как ты смотришь на то, что я тебя считаю своей женой?

В голове у меня слегка закрутилось. Я пыталась соотнести свою любовь к Мэтью с самыми опасными хищниками животного мира и с институтом брака, никогда не вызывавшим у меня особого энтузиазма, — пыталась и не находила ни одной подсказки.

— Когда два вампира вступают в брак, — выдавила я наконец, — самка обязывается подчиняться самцу? Как и прочая стая?

— Боюсь, что так, — потупился Мэтью.

— Ага, — прищурилась я. — Ну а я-то что получаю?

— Я буду любить тебя, почитать и защищать. — Он отважился взглянуть мне в глаза.

— Ужасно похоже на средневековый обряд венчания...

— Ту часть литургии, где обмениваются обетами, составил как раз вампир. Но служить мне ты не должна, — добавил он торопливо. — Эти слова были рассчитаны на людей.

— На мужчин, если точнее. Не думаю, что это доставило особую радость женщинам.

— Да, пожалуй. — Он усмехнулся, но улыбка быстро увяла, и Мэтью снова уставился на свои руки.

Прошлое без Мэтью представлялось мне холодным и серым, будущее с ним — куда более занимательным. Наше знакомство, не говоря уж об ухаживании, было недолгим, но я определенно чувствовала, что мы связаны. А законы вампирской стаи вряд ли позволят мне заменить послушание чем-нибудь более современным, будет он меня звать женой или нет.

— Должна, муженек, заметить, что мать тебя защищала не от жены. — «Муж» и «жена» звучали в моих устах как-то странно. — Я тогда еще была не жена, а просто женщина, которую ты ей подкинул ни с того ни с сего. И как таковая легко отделалась.

В уголках его губ зародилась улыбка.

— Думаешь? В таком случае придется тебя уважить и простить Изабо. — Он взял мою руку и легонько коснулся ее губами. — Я сказал, что ты моя, помнишь? Теперь ты знаешь, что я имел в виду.

— Вот почему Изабо так расстроилась, когда мы поцеловались. — Да, этим объяснялось все: ее гнев и внезапная капитуляция. — После этого пути назад уже нет.

— Да, для вампира.

— Для колдуньи тоже.

Мэтью разрядил атмосферу, выразительно посмотрев на мою пустую тарелку. Я слопала три порции жаркого, хотя уверяла, что не голодна.

— Наелась?

— Да, — пробурчала я, злясь, что меня вывели на чистую воду.

Было еще рано, но я уже зевала вовсю. Мы пожелали спокойной ночи Марте, намывавшей огромный кухонный стол горячей водой с лимоном и морской солью.

— Изабо скоро вернется, — сказал ей Мэтью.

— Ее не будет всю ночь, — мрачно проронила она. — Подожду здесь, пока не придет.

— Как хочешь, Марта. — Мэтью положил ей руку на плечо.

На лестнице Мэтью рассказывал, как приобрел Анатомический атлас Везалия и какое впечатление произвели на него иллюстрации. Слишком устав для «Aurora Consurgens», я взяла упомянутую книгу, плюхнулась на диван и стала радостно разглядывать изображения лишенных кожи человеческих тел. Мэтью отвечал на электронные письма. Потайной ящик его стола, к моему облегчению, был плотно задвинут.

Час спустя, решив принять ванну, я поднялась и размяла затекшие мышцы. Мне требовалось побыть одной, чтобы обдумать как следует свой новый статус жены. Мысль о браке приводила меня в немалое замешательство. Учитывая вампирские собственнические инстинкты и мое полное невежество в этой области, поразмыслить обо всем этом хотелось безотлагательно.

— Я скоро поднимусь к тебе, — не глядя пообещал Мэтью.

Горячей воды, как всегда, было вдоволь, и я с блаженным стоном погрузилась в ванну. Марта уже сотворила свое ежевечернее волшебство с камином и свечками — в комнате было уютно, хотя не сказать чтобы очень тепло. Я довольно проигрывала в памяти дневные события: планировать все самой лучше, чем полагаться на волю случая.

Продолжая отмокать, свесив волосы за край ванны, я услышала легкий стук в дверь. Мэтью вошел, не дожидаясь ответа, и я, привстав было, тут же нырнула обратно.

— Ложись в постель, — скомандовал он, держа наготове полотенце.

Я полежала еще пару секунд, вглядываясь в его затуманенные глаза. Он терпеливо ждал. Сделав глубокий вдох, я встала. Зрачки Мэтью резко расширились. Он посторонился, чтобы я могла выйти из ванны, и завернул меня в полотенце.

Под его немигающим взглядом я дала полотенцу упасть. Свет свечей играл на мокрой коже. Мэтью медленно оглядел меня с пог до головы — от порхающих снежинок вдоль позвоночника пробежала дрожь предвкушения, — привлек к себе, поцеловал шею и плечи, вдохнул мой запах, собрав мои волосы в горсть. Я затаила дыхание, когда его большой палец прижался к пульсирующей жилке на горле.

— Dieu, какая же ты красивая, — шептал он. — Какая живая...

Он снова стал целовать меня, а я просунула теплые пальцы под его футболку. Он вздрогнул всем телом — я реагировала на его первое ледяное прикосновение примерно так же. Почувствовав, как мой рот расплылся в улыбке, Мэтью вопросительно взглянул на меня.

— Здорово, когда мое тепло встречается с твоим холодом?

Его смех был таким же томным, как взгляд. Я стащила с него футболку и принялась складывать, но он тут же скомкал ее и швырнул в угол.

— Потом.

Наши тела, теплое и холодное, впервые встретились по-настоящему.

Теперь уже смеялась я, восторгаясь тем, как идеально они совпали. Мои пальцы блуждали у него по спине, его губы нашли ямку на моем горле и спустились к соскам.

У меня подкосились ноги, и я ухватилась за Мэтью. Вот оно, неравноправие. Я развязала тесемку пижамных штанов, без колебания встретила испытующий взгляд вампира и позволила материи соскользнуть с его бедер.

— Ну вот, теперь мы на равных.

— Ничего подобного. — Он переступил через сброшенные штаны.

Кое-как сдержав изумленный возглас, я широко распахнула глаза. То, что мне открылось теперь, не уступало совершенством тому, что я созерцала прежде. Обнаженный Мэтью напоминал оживщую античную статую.

Он молча взял меня за руку, подвел к постели и, раздвинув полог, уложил на перину. Лег рядом, опершись головой на руку, и укрыл нас. Сейчас он, как в конце урока йоги, походил на погребальное изваяние средневекового рыцаря в одной из английских церквей.

Убитая собственным несовершенством, я натянула простыню до самого подбородка.

— Что с тобой? — нахмурился он.

— Так, нервничаю немного.

— С чего вдруг?

— Секса с вампиром у меня еще не было.

— Этой ночью и не будет, — заявил откровенно изумленный Мэтью.

Я, сразу перестав стесняться, приподнялась на локтях:

— Ты заходишь ко мне в ванную, смотришь, как я голая вылезаю из воды, позволяешь себя раздеть и говоришь, что мы не будем заниматься любовью?

— Повторяю еще раз: нам незачем торопиться. Современные создания только и делают, что спешат. — Мэтью сдвинул мою простыню до талии. — Считай меня старомодным, если угодно, но я хочу как можно больше продлить период ухаживания, наслаждаясь каждым его мгновением.

Я попыталась прикрыться покрывалом, но он мне не дал.

— Какое еще ухаживание? Цветы и вино ты мне уже приносил — теперь мы, по твоим же словам, муж и жена. — Я сорвала простыню с него самого, и мой пульс опять участился.

— Как историк, ты должна знать, что многие браки консумировались не сразу. — Под его взглядом мои бедра застыли и тут же согрелись — очень приятное ощущение. — Ухаживание порой длилось годами.

— Что приводило в основном к слезам и кровопролитию.

Он погладил мою грудь легкими как перышко пальцами и довольно заурчал, услышав легкий вздох.

— Обещаю не лить кровь, если ты пообещаешь не плакать.

Его ласки было труднее игнорировать, чем слова.

— Принц Артур и Екатерина Арагонская![1] — воскликнула я, гордясь, что способна вспомнить подходящий исторический факт даже в таких обстоятельствах. — Ты знал их?

— Только Екатерину — я в то время жил во Флоренции. Она была почти такой же храброй, как ты. Раз уж речь о прошлом, — Мэтью провел по моей руке тыльной стороной ладони, — что может сказать именитый историк о «женихе в мешке»?

Я, повернувшись на бок, медленно очертила пальцем его подбородок.

— Мне знаком обычай «спать в мешках», но ты ведь не англичанин и не из эмишей. Хочешь сказать, что укладывать пару в постель так, чтобы они только разговаривали ночь напролет, тоже вампиры придумали? Заодно с брачными обетами?

— Современные создания зачастую сводят любовь к половому акту. По-моему, это слишком узколобое и медицинское определение. Секс для меня — это близость, стремление познать тело любимой столь же хорошо, как свое.

— Ты мне не ответил. — Изволь тут мыслить ясно, когда целуют твое плечо. — «Спать в мешках» выдумали вампиры?

— Нет. — Он прикусил мой палец, но крови, как и обещал, не пролил. — Когда-то это делалось повсеместно. Голландцы и англичане разделяли кровать с помощью доски, нас же по старинке просто заворачивали в одеяла и запирали в комнате до утра.

— Ужас, — сурово молвила я.

Он принялся за мою руку и живот. Я хотела отползти, но меня не пустили.

— Мэтью!

---

[1] *Принц Артур* — старший сын английского короля Генриха VII. Скончался в возрасте пятнадцати лет, будучи женат на Екатерине, которую затем отдали в жены его младшему брату Генриху. Споры о том, был ли консумирован брак Артура, послужили королю Генриху VIII предлогом для аннулирования собственного брака.

— Так, помнится, очень приятно было скоротать долгую зимнюю ночь. Самое трудное — сохранять наутро невинные лица.

Он продолжал гладить меня, отчего сердце бешено колотилось о ребра. Я тоже выбрала себе цель и припала губами к его ключице, а ладонь опустила на плоский живот. Чуть погодя он отвел мою руку.

— Сон, думаю, тоже входил в программу. — Я приникла к нему всем телом, и он откликнулся на прикосновение так, как хотелось мне. — Разве можно проговорить всю ночь напролет?

— Ну, вампиры-то во сне не нуждаются, — напомнил он, целуя меня чуть ниже груди.

Я приподняла его голову:

— В этой постели только один вампир. Ты вот так собрался не давать мне спать?

— Мечтал об этом с первой минуты, как тебя увидел.

Когда я выгнулась навстречу его губам, он решительно уложил меня на спину, пригвоздив обе руки к подушке, и покачал головой:

— Никакой спешки, помнишь?

Я привыкла утолять желание без проволочек и особых эмоциональных сложностей. Как спортсменка, проводящая много времени с другими спортсменами, я хорошо знала свое тело вместе с его потребностями, и кто-то всегда помогал мне удовлетворять их. Мои связи нельзя было назвать случайными, но почти все мои партнеры относились к ним так же просто, как и я. После нескольких страстных свиданий мы, как ни в чем не бывало возвращались к дружеским отношениям.

Мэтью давал мне понять, что те времена ушли безвозвратно и простого прямолинейного секса у нас не будет. Поскольку другого я не знала — с тем же успехом могла бы быть и девственницей. Чувства к нему переплетались с физическими реакциями и затягивались под его губами и пальцами в хитрые мучительные узлы.

— Времени у нас столько, сколько нужно, — повторял он, поглаживая мне руки с нежной внутренней стороны, пока тело не напряглось, охваченное любовью и физическим желанием.

Мэтью изучал меня с дотошностью картографа, высадившегося на неизвестный берег. Я порывалась ответить тем же, но

одна его рука все так же прижимала мои запястья к подушкам. Когда я начинала жаловаться на такое неравенство, он затыкал мне рот весьма эффективным способом. Холодные пальцы прокрались между бедрами в последнюю неисследованную область.

— Мэтью, — выдохнула я, — это как-то не похоже на «жениха в мешке».

— Ну, мы же во Франции.

Глаза у него лукаво блестели. Мэтью отпустил мои руки, резонно полагая, что я больше не стану увертываться. Я тут же притянула его к себе. От затяжных поцелуев мои ноги раскрылись, как переплет книги, и наконец дразнящая пляска его пальцев вызвала во всем теле дрожь. Мэтью дал ей уняться. Когда сердце чуть успокоилось и я набралась сил посмотреть на него, он был доволен, как наевшийся сливок кот.

— Что историк скажет теперь?

— В специальной литературе это выглядело иначе. — Я дотронулась до его губ. — Если эмиши занимаются ночью такими делами, неудивительно, что телевизоры им не нужны.

Он самодовольно хмыкнул:

— Может, поспишь теперь?

— Ну уж нет. — Я опрокинула его на спину. Он, заложив руки за голову, смотрел на меня с той же ухмылочкой. — Теперь моя очередь.

Я исследовала его не менее тщательно, чем он меня. Вскоре мое внимание привлекла метка в виде белого треугольника на бедре. Присмотревшись, я обнаружила на груди другие странные знаки — одни напоминали снежинки, другие крестики. Все они таились глубоко под кожей и потому не сразу бросались в глаза.

— Что это, Мэтью? — Я потрогала особенно крупную снежинку под левой ключицей.

— Шрам. — Он вытянул шею, чтобы посмотреть. — Этот от меча. На Столетней войне, что ли, — не помню уже.

Я скользнула повыше, согревая его собой.

— Шрам, говоришь? Повернись-ка.

Он, постанывая от удовольствия, лег на живот.

— Ох, Мэтью.

Мои худшие опасения подтвердились: на спине и на ногах я нашла десятки, если не сотни отметин.

— Что? — Он повернул голову, увидел мое лицо и сел. — Ничего страшного, mon coeur[1]. Всего лишь выносливое вампирское тело.

— Их так много!

Вот еще один шрам, у плеча.

— Вампира, как я уже говорил, убить трудно, но разных созданий отчего-то так и тянет попробовать.

— Тебе было больно?

— Ты знаешь, что я испытываю удовольствие, значит и боль тоже. Но все быстро зажило.

— Почему я их раньше не видела?

— Смотреть нужно пристально, при верном освещении. Тебе неприятно это зрелище?

— Шрамы? Нет, что ты! Просто очень хочется добраться до тех, кто тебя ими наградил.

Тело Мэтью, как и «Ашмол-782», представляло собой палимпсест — под гладкой поверхностью скрывалось богатое прошлое. Я содрогнулась при мысли обо всех тех войнах, на которых сражался Мэтью, как явных, так и тайных.

— Довольно тебе воевать! — Мой голос дрожал от гнева и жалости. — Хватит!

— Ты немного опоздала, Диана. Я воин.

— Нет! Ты ученый.

— Воином я был дольше, и убить меня трудно — вот тебе доказательство. — Шрамы, как свидетельство его несокрушимости, и впрямь успокаивали. — И почти все мои противники давно умерли, так что успокойся.

— Чем же тогда прикажешь заняться?

Я натянула простыню на голову, как палатку. Какое-то время тишину нарушали только редкие вздохи Мэтью и треск поленьев в камине, а потом раздался его счастливый стон. Я прижалась к вампиру, закинула на него ногу. Он посмотрел на меня, прикрыв один глаз:

— Вот, значит, чему теперь учат в Оксфорде?

---

[1] Сердце мое *(фр.)*.

— Магия. Я от рождения знала, как тебя осчастливить.

Я инстинктивно чувствовала, где и как прикоснуться к нему, когда быть нежной и когда дать волю страсти.

— Ну, если магия, то я еще больше рад провести остаток своих дней с колдуньей, — промурлыкал он.

— Моих дней, ты хочешь сказать.

Мэтью подозрительно притих. Я приподнялась, чтобы видеть его лицо.

— Сегодня я чувствую себя на все тридцать семь — а на будущий год мне, боюсь, исполнится тридцать восемь.

— Не понимаю, о чем ты.

Он прижался подбородком к моей макушке:

— Больше тысячи лет я жил вне времени, но после нашей встречи стал замечать его ход. Вампиру легко забыть о таких вещах. Вот почему Изабо так одержима газетами — ей нужно знать, что вокруг нее, неизменной, что-то постоянно меняется.

— Раньше ты этого не испытывал?

— Несколько раз, мимолетно. В бою, например, — когда боялся, что могу умереть.

— Значит, это чувство возникает не только из-за любви. — От всех этих разговоров о войне и о смерти мне становилось не по себе.

— Моя жизнь обрела начало, середину и конец. Все минувшее было лишь вступлением. Теперь у меня есть ты. Когда-нибудь ты уйдешь, и моя жизнь будет кончена.

— Не выдумывай, — поспешно сказала я. — У меня в запасе всего-то несколько десятилетий, а у тебя вечность.

— Посмотрим, — сказал он, поглаживая мое плечо.

Его будущее начинало сильно меня волновать.

— Ты будешь осторожен, ведь правда?

— Безрассудный не прожил бы столько веков. Я всегда настороже — теперь больше, чем когда-либо, потому что мне есть что терять.

— Лучше одно это мгновение с тобой, чем века с кем-то другим, — процентала я.

Мэтью поразмыслил.

— Раз уж я сделался тридцатисемилетним всего за пару недель, то, пожалуй, когда-нибудь тоже смогу почувствовать, что

мне довольно одного мгновения с тобой. — Он прижал меня к себе еще крепче. — Но это чересчур серьезные материи для брачного ложа.

— Я думала, смысл «спанья в мешке» как раз в беседе и состоит, — скромно заметила я.

— Это смотря кого спросишь — тех, кто в мешках, или тех, кто их укладывал. — Его губы спустились от моего уха к плечу. — Кроме того, я хочу обсудить с тобой еще один элемент средневекового брачного обряда.

— В самом деле, муж мой? — Я легонько куснула его за ухо.

— Не делай этого, — одернул он с насмешливой строгостью. — Не кусайся в постели. — (Я сделала это еще раз, назло ему.) — Так вот, невеста во время венчания обещала «быть хорошей женой на ложе и в доме». Как ты намерена исполнить этот обет? — Он уткнулся лицом в мою грудь, словно надеялся найти ответ именно там.

После нескольких часов таких разговоров я стала по-новому относиться к церковным обрядам и народным обычаям. В такие близкие отношения я не вступала еще ни с кем из созданий.

Успокоенная и счастливая, я свернулась калачиком рядом с таким знакомым теперь мужчиной. Моя голова лежала у него на груди, и он перебирал мои волосы, пока я не уснула.

Проснулась я на заре от странного звука, точно кто-то пересыпал гравий по железной трубе. Рядом со мной храпел спящий вампир. Сейчас он еще больше напоминал изваяние рыцаря на могильной плите — не хватало только собаки у ног и меча за поясом.

Я укрыла его, пригладила ему волосы — он даже не шелохнулся. Поцеловала в губы — и тут никакой реакции. Глядя на своего красавца, спящего мертвым сном, я чувствовала себя самой везучей колдуньей на свете.

Тучи все еще застилали небо, но на горизонте брезжили красные проблески, — глядишь, и развиднеется днем. Я встала, потянулась и оглянулась на Мэтью. Скорее всего, проснется он не скоро. Ощущая себя бодрой и странно помолодевшей, я быстро оделась и прошептала, целуя его:

— Я мигом, ты даже и не заметишь.

Мне хотелось ненадолго выйти в сад и почувствовать себя самой собой. Ни Изабо, ни Марты не было видно. Я надкусила яблоко, взятое на кухне из лошадиной миски. Вкусно.

В саду пахло травами и белыми розами. Разгорался рассвет. Если бы не моя современная одежда, я подумала бы, что перенеслась в шестнадцатый век — вокруг сплошные квадратные грядки и ивовые загородки для защиты от кроликов, — хотя обитатели замка наверняка отпугивают вредителей лучше этих несчастных прутиков.

Нагнувшись, я потрогала растущие у дорожки травы. Одна из них входила в Мартин чай — рута, с удовлетворением вспомнила я.

Порыв ветра бросил мне на глаза всегдашнюю непослушную прядку. Не успев поправить ее, я вдруг оторвалась от земли и помчалась в небо, точно ракета. Уши заложило.

По легкой щекотке я уже поняла, кого увижу, открыв глаза.

Глава 29

У женщины, захватившей меня в плен, были ярко-голубые глаза, высокие скулы и копна платиновых волос. Одежда ее состояла из джинсов в обтяжку и толстого свитера ручной вязки — никакой черной мантии и метлы, но это, несомненно, была колдунья.

Я хотела было закричать, но она небрежно щелкнула пальцами, и из горла не вырвалось ни звука. Высоту мы, как видно, уже набрали и теперь летели горизонтально.

Скоро Мэтью проснется и увидит, что меня нет. Он не простит себе, что уснул, а мне — что ушла без спросу. Вот идиотка!

— Точно, идиотка, Диана Бишоп. — Похитительница говорила с незнакомым акцентом.

Я захлопнула невидимую дверку позади глаз — обычно этого хватало, чтобы остановить телепатические поползновения колдунов и даймонов.

Ее серебристый смех пробрал меня холодом до самых костей. Перепуганная и влекомая неизвестно куда в сотнях футов над Овернью, я полностью опустошила сознание на случай, если защита окажется недостаточной. Не успела я это сделать, как колдунья меня выпустила.

Во время падения все мои мысли сконцентрировались вокруг одного слова — Мэтью.

Колдунья поймала меня перед самой землей.

— Тебя легко нести — значит летать умеешь. Чего ж не летаешь? — осведомилась она.

Я перечисляла в уме королей и королев Англии.

— Я тебе не враг, Диана, — вздохнула она. — Мы с тобой обе колдуньи.

Ветер переменился. Мы удалялись на юго-запад от Сет-Тура, и я потеряла ориентацию. Россыпь огней вдали была, вероятно, Лионом, но мы летели в другую сторону, углубляясь в горы — не похожие на те, что показывал Мэтью.

Вскоре мы спустились в какой-то кратер, окруженный ущельями и густыми лесами. Вблизи оказалось, что это развалины средневекового замка с высокими стенами и глубоко врытым в землю фундаментом. В руинах росли деревья. Эту уродливую древнюю крепость строили с одной-единственной целью: отпугнуть всякого, кто пожелает войти, и с внешним миром ее связывали лишь горные тропы. Сердце у меня упало.

Колдунья распрямила ноги, вытянула носочки и снова прищелкнула пальцами, заставив меня повторить тот же маневр. Косточки заныли под невидимым давлением. Мы скользнули над дырявыми черепичными крышами к небольшому внутреннему двору. Мои ступни внезапно вздернулись, и я приземлилась на брусчатку. Удар болью отозвался в ногах.

— Со временем научишься приземляться мягко, — утешила колдунья.

Все происходило слишком быстро, и я не успела ничего осмыслить. Совсем недавно я, сонная и довольная, лежала в постели с Мэтью — и вдруг оказалась в разрушенном замке с какой-то колдуньей.

При виде двух бледных мужчин, выступивших из мрака, моя растерянность тут же сменилась ужасом. Один из них был Доменико Микеле, другой, судя по леденящему взгляду, тоже вампир. Я опознала его по смешанному запаху серы и благовоний: Герберт из Орильяка, вампир-понтифик.

С виду он не казался грозным, но от него веяло таким злом, что я съежилась. Темно-карие глаза угрюмо смотрели из глубоких глазниц, кожа туго обтягивала скулы. Нос крючковатый, тонкие губы искривились в жестокой улыбке. Даже Питер Нокс казался по сравнению с ним не таким уж и страшным.

— Хорошее место, Герберт, — похвалила колдунья, удерживая меня рядом с собой. — Ты был прав, здесь меня никто не побеспокоит. Спасибо.

— Рад служить, Сату. Могу я обследовать эту колдунью? — Герберт обошел меня, словно выискивая удачный угол для на-

блюдения. — Когда она была с де Клермоном, я затруднялся определить, чем пахнет она и чем он.

— Диана Бишоп теперь на моем попечении. — Незнакомку явно рассердило упоминание Мэтью. — В твоем присутствии больше нет надобности.

Герберт, все так же не сводя с меня глаз, приблизился маленькими шажками — эта нарочитая медлительность только увеличивала страх, который он мне внушал.

— Странная книга, правда, Диана? Тысячу лет назад я получил ее от великого толедского волшебника, а когда привез во Францию, на ней уже наросла настоящая колдовская броня.

— И ты при всех своих познаниях в магии не смог раскрыть ее тайны. — В голосе колдуньи явственно слышалось презрение. — Манускрипт как был заколдован, так и остался. Предоставь это нам.

— Мою ведьму звали Меридиана, почти как тебя. — Вампир все так же приближался. — Она, конечно, не хотела помогать со снятием чар, но я поработил ее, потчуя своей кровью. — Он подошел уже так близко, что меня сковывал исходивший от него холод. — Каждый раз, когда я пил из нее, частицы ее магии и знаний переходили ко мне — ненадолго, увы, приходилось делать это все чаще. В итоге она ослабела, и управлять ею стало легко. — Он притронулся пальцем к моей щеке. — У вас и глаза похожи. Поделишься со мной тем, что видела, а, Диана?

— Довольно, Герберт! — с недвусмысленной угрозой произнесла Сату.

Доменико оскалился.

— Не думай, Диана, что избавилась от меня, — предостерег Герберт. — Когда колдуны тебя выдрессируют, Конгрегация решит, как с тобой поступить. — Его глаза впились в мои, палец ласково гладил щеку. — Когда-нибудь ты будешь моей, а пока, — он отвесил Сату легкий поклон, — отдаю ее в твои руки.

Вампиры зашагали прочь. Доменико все время оглядывался, будто не хотел уходить, Сату ждала с бесстрастным видом. Услышав, что они покинули замок, она внимательно поглядела на меня голубыми глазами и сняла чары немоты.

— Кто ты? — прохрипела я, получив обратно дар речи.

— Сату Ярвинен.

Она медленно обошла меня по кругу, отставив назад руку. Это пробудило во мне давнее воспоминание. Как-то раз Сара тоже так же ходила на мэдисонском дворе и звала пропавшую собаку домой. Но руки из воспоминания были не Сарины.

Таланты тетушки не шли ни в какое сравнение с одаренностью этой колдуньи — один наш полет чего стоил. Помимо магической силы, она владела и заклинаниями — безмолвно опутывала меня паутиной чар, не оставляя надежды на побег.

— Зачем ты меня похитила? — спросила я, пытаясь отвлечь ее от работы.

— Мы старались объяснить, как опасен для тебя Клермонт, но ты не желала слушать — пришлось пойти на крайние меры, — вполне дружелюбно сказала Сату. — На Мейбон ты не пришла, слова Питера Нокса оставила без внимания. Вампир все больше подчинял тебя своей воле, но теперь тебе ничего не грозит.

Мои инстинкты включили сигнал тревоги.

— Ты не виновата. — Сату тронула меня за плечо, и я ощутила щекотку. — Вампиры — такие умелые соблазнители. Он поработил тебя, как Герберт Меридиану. Мы тебя не виним. Воспитание, которое ты получила, ни к чему такому не могло тебя подготовить.

— Мэтью меня не порабощал. — Я не совсем понимала, что Сату имеет в виду, но твердо знала, что ничего насильственного он со мной не проделывал.

— Ты уверена? Он не давал тебе попробовать свою кровь?

— Разумеется, нет!

Как бы меня ни воспитывали, полной дурой я все-таки не была. Вампирская кровь — мощная субстанция, меняющая жизнь всякого, кто выпьет хоть каплю.

— Ты не чувствовала сильного привкуса соли? Не испытывала беспричинной усталости? Не засыпала внезапно в его присутствии?

В самолете Мэтью коснулся своих губ, а после моих. Во рту стало солоно, и я вдруг как-то сразу очутилась во Франции. Моя уверенность дрогнула.

— Вот видишь, он все-таки тебя угостил, — покачала головой Сату. — Это нехорошо, Диана. Мы опасались этого, когда он в канун Мейбона последовал за тобой и забрался в твое окно.

— Что ты такое говоришь?

Меня обдало холодом. Не мог Мэтью поить меня своей кровью или вторгаться на мою территорию. Если бы он это сделал, то непременно объяснил бы мне почему.

— В тот вечер, когда вы встретились, Клермонт следовал за тобой до колледжа. Потом влез в открытое окно и несколько часов пробыл в твоей квартире. Раз ты не проснулась, он должен был усыпить тебя своей кровью — другого объяснения нет.

Я зажмурилась, вспомнив вкус гвоздики во рту.

— Эти ваши отношения — сплошной обман. Мэтью Клермонту нужно было только одно — пропавшая рукопись. Все, что он делал, и все, о чем тебе врал, — лишь для этого.

— Неправда! — То, что происходило между нами минувшей ночью, точно не ложь.

— Правда, Диана, правда. Неприятно все это тебе говорить, но выбора ты нам не оставила. Мы пытались вас разлучить, но ты так упряма.

Совсем как мой отец, подумала я.

— Откуда мне знать, — может, это ты лжешь?

— Колдуньи друг другу не лгут. Мы с тобой сестры.

— Сестры? — Мои подозрения усилились. — Ты как Джиллиан — с видом нежной сестры вынюхиваешь мои секреты и настраиваешь меня против Мэтью.

— Так ты знаешь?

— Что она следила за мной? Да, знаю.

— А что ее в живых больше нет? — с внезапной злобой спросила Сату.

— Как — нет? — Земля пошатнулась под ногами.

— Ее убил Клермонт — потому он так срочно тебя и увез. Еще одна смерть, которую мы не смогли скрыть от прессы. «Молодая американка, историк по специальности, рассталась с жизнью вдали от родины», — процитировала Сату с горькой усмешкой.

— Нет. Мэтью бы не стал.

— Еще как стал! И несомненно, допросил ее перед смертью. Вампиры, как видно, до сих пор не усвоили, что гонца убивать бессмысленно.

— Фотография с телами моих родителей.

Да... Мэтью, пожалуй, мог убить того, кто принес мне ее.

— Это было жестоко со стороны Питера, и о Джиллиан он не подумал. Улик, разумеется, нет — Клермонт слишком умен. Инсценировал самоубийство и оставил тело под дверью Питера в «Рэндольфе», как визитную карточку.

Я не дружила с Джиллиан Чемберлен, но то, что она никогда больше не будет изучать переложенные стеклом листы папируса, опечалило меня больше, чем я ожидала.

И убил ее Мэтью. В голове все плыло. Как мог он говорить о любви, скрывая от меня нечто подобное? Секреты секретами, но убийство, даже из мести, — это уж слишком. Он сам постоянно предупреждал, что ему нельзя доверять, а я только отмахивалась. Может, и это входило в план — внушить мне доверие, двигаясь от противного?

— Позволь помочь, — с прежней мягкостью попросила Сату. — Это зашло слишком далеко, и ты в смертельной опасности. Я научу тебя пользоваться собственной силой, чтобы ты могла сама защищаться от Клермонта и других вампиров вроде Доменико и Герберта. Когда-нибудь ты станешь такой же великой колдуньей, как твоя мать. Верь мне, Диана, ведь мы же одна семья.

— Семья, — повторила я тупо.

— Каково было бы твоим родителям видеть, что ты запуталась в вампирских силках? — *как ребенку, втолковывала мне* Сату. — Уж они-то знали, как важно колдунам держаться вместе.

— Что ты сказала?

Я вдруг начала мыслить с кристальной ясностью и почувствовала такую щекотку, словно на меня уставились сразу сто колдунов. В памяти барахталось что-то касающееся отца с матерью — все, что сказала Сату, ложь.

Звук, который я услышала в следующий момент, напоминал трение веревки о камень. Ко мне по плитам ползли толстые бурые корни.

— Родители, — продолжала Сату, будто не видя их, — хотели бы увидеть тебя настоящей колдуньей, делающей честь роду Бишопов.

— В самом деле? — Я отвлеклась от корней, вдумываясь в ее слова.

— Не Мэтью Клермонту ты должна быть верна, а мне и другим колдунам, своим братьям и сестрам. Вспомни об отце с матерью — что бы они подумали о твоих шашнях с вампиром?

По спине пробежала ледяная дрожь. «Эта ведьма опасна», — подсказывали инстинкты. Корни, уже доползшие до моих ног, ушли куда-то под землю, сплетаясь там в невидимую прочную сеть.

— Джиллиан сказала, что они погибли от рук колдунов. Правда это? Расскажи, что случилось в Нигерии.

Молчание Сату было равносильно признанию.

— Так я и думала! — вырвалось у меня.

Она шевельнула рукой. Я грохнулась на спину, задрав ноги, проехала по холодному камню двора и оказалась в каком-то зале с высокими окнами и дырявой крышей.

Спину жгло, но еще больнее было сознавать, что Сату может вытворять со мной все, что хочет. Права была Изабо: из-за своей слабости и неумения защищаться я попала в серьезную переделку.

— Ты снова отказываешься прислушаться к голосу разума. Не хочу причинять тебе боль, Диана, но придется, раз по-другому не понимаешь. Забудь Мэтью Клермонта и покажи нам, как завладела рукописью.

— Мужа я не брошу и вам помогать не стану. Эта книга — не наша собственность.

Раздался душераздирающий вопль, а потом началась такая какофония, что у меня чуть не лопнула голова. Стоя на коленях, я зажала руками уши.

— Не наша?! — Сату снова распластала меня на камне. — Вылезла из вампирской постели, и тебе еще наглости хватает называться колдуньей?

— Я и есть колдунья. — Неприятие Сату, как ни странно, сильно меня задело.

— Ты такой же выродок, как и Стивен, — прошипела она. — Упрямая, непокорная. И не желаешь делиться своими секретами.

— Да, Сату, я вся в отца. Он ничего бы вам не сказал, и я не скажу.

— Еще как скажешь! Вампиры могут открыть колдовские тайны лишь капля за каплей.

Она опять щелкнула пальцами. Когда-то такой же жест другой колдуньи залатал мою разбитую коленку лучше всякого пластыря, но на этот раз эффект был обратный. Сату как ножом вспорола мне правую руку и уставилась будто завороженная на хлынувшую из раны кровь.

Я зажала порез. Боль, удивительно сильная, усилила панику.

Нет, сказал мне чей-то знакомый голос. *Не поддавайся боли.*

— Но у меня есть и другие способы отыскать скрытое, — заверила Сату. — Я вскрою тебя, Диана, и дознаюсь, что у тебя внутри. Посмотрим, надолго ли у тебя хватит упрямства.

Кровь отлила от головы, в глазах мутилось. *От кого мы должны скрывать наши тайны, Диана?* — спросил тот же голос.

Ото всех, машинально ответила я, словно мне каждый день задавали такие вопросы. В тот же миг за моим ненадежным барьером, которым я раньше вполне успешно отгораживалась от любопытных сородичей, закрылись другие, куда более крепкие двери.

Сату улыбнулась, сверкая глазами:

— Один секрет есть — посмотрим, на что еще ты способна.

Повинуясь ее чарам, я сделала оборот в воздухе и снова упала на пол, теперь ничком. От удара из груди вышибло дух. Вокруг кольцом вспыхнуло ядовито-зеленое пламя.

Что-то раскаленным железом прошлось от плеча к плечу, спустилось до талии, повернуло обратно. Я, скованная чарами, не могла даже пошевелиться. Желанная тьма, окутавшая было меня, скоро отступила, и чудовищная боль вспыхнула с новой силой.

«Она вскрывает меня, как и обещала, — с ужасом поняла я. — Чертит магический круг прямо на мне».

Держись. Будь храброй, приказал голос.

Я поползла на этот голос вдоль корней, снова проступивших из-под земли. За огненным кольцом сидела под яблоней моя мать.

— Мама! — Я тянулась к ней, но чары Сату держали крепко.

Мать, впившись в меня глазами — они были темнее, чем мне запомнилось, но в остальном совсем как мои, — поднесла к губам призрачный палец. Вложив в кивок все оставшиеся силы, я успела подумать о Мэтью. После этого не было уже ничего, кроме боли, страха и смутного желания уснуть навсегда.

Прошло, должно быть, много часов, прежде чем раздосадованная Сату швырнула меня в дальний угол. Она терзала мою спину, бередила рану на руке и подвешивала меня за лодыжку, издеваясь над моей неспособностью улететь. Напрасно старалась — к моим секретам она не приблизилась ни на шаг.

Сату металась по залу, рыча от ярости и стуча каблучками по камню. Я приподнялась на локте, силясь догадаться, что она замышляет теперь.

Держись. Мать, заливаясь слезами, все так же сидела под яблоней. «В ней больше мужества, чем я думала», — говорила Изабо Марте. «Храбрая моя девочка», — шептал на ухо Мэтью. Я улыбнулась, чтобы утешить мать, и Сату взбесилась еще сильнее:

— Почему ты не защищаешься? Ведь ты же можешь, я знаю! — Она выбросила руки вперед, бормоча что-то, и я свернулась клубком.

Живот пронзила острая боль, и я вспомнила о выпотрошенном теле отца.

«Так и со мной будет», — подумала я, и мне почему-то сделалось легче.

От очередного заклинания меня поволокло по полу, по неровным плитам и изогнутым корням. Я вскинула руки, безуспешно пытаясь остановиться. Пальцы сжались, словно бы силясь прикоснуться к Мэтью.

Точно так же выглядело тело матери в меловом нигерийском кругу.

Диана, послушай меня, отозвалась она на мой крик. *Тебе будет казаться, что ты осталась совсем одна.* Я снова была ре-

бенком и сидела на качелях под яблоней на заднем дворе нашего дома в Кембридже. Стоял август. Лужайка пахла скошенной травой, духи матери — ландышем. *Можешь выдержать это, если я попрошу?*

Я кивнула, оцарапав щеку о камень.

— Нам не хочется этого делать, сестра, — сказала Сату, перевернув меня на спину, — но приходится. Ты все поймешь, когда забудешь своего Клермонта, — поймешь и простишь меня.

«Черта с два! — подумала я. — Мой призрак будет являться тебе до конца твоих дней, если Мэтью не убьет тебя раньше».

Сату подняла меня с пола и осторожно направила по воздуху вниз по лестнице, в подземелье. Услышав позади шорох, я оглянулась.

Десятки призраков, испуганных и печальных, следовали за нами погребальной процессией. Сату, несмотря на все свои таланты, их, похоже, не видела, как и мою мать.

Заметив, как она двигает тяжелый деревянный люк, я закрыла глаза и приготовилась падать, но колдунья схватила меня за волосы и сунула носом в темную дыру. Оттуда пахнуло смертью, призраки застонали.

— Знаешь, что это такое, Диана?

Я молча помотала головой — страх и изнеможение сдавили мне горло.

— Каменный мешок. — (Призраки принялись повторять эти слова друг другу, одна морщинистая старушка расплакалась.) — Место забвения. Люди, которых бросали сюда, сходили с ума и умирали от голода, если не разбивались сразу. Без помощи сверху отсюда не выбраться, а помощи не будет.

Призрачный юноша с раной на груди кивнул, подтверждая ее слова и сказал: «Не падай, милая».

— Ты, однако, не будешь забыта. Я отправляюсь за подкреплением. Ты не поддалась одной из колдуний Конгрегации — посмотрим, что ты сможешь против трех колдунов. Мы уже проделывали такой опыт с твоими родителями. — Сату, не отпуская моих волос, спланировала вместе со мной на шестьдесят футов вниз — на такой глубине даже стены были другого цвета.

— Пожалуйста, не оставляй меня здесь! — взмолилась я, когда Сату бросила меня на пол. — Нет у меня никаких секретов. Я не умею пользоваться собственной магией и не знаю, как получить рукопись.

— Ты дочь Ребекки Бишоп. Сила у тебя есть, я чувствую — она только и ждет, чтобы ее выпустили на волю. Твоя мать, окажись она здесь, попросту улетела бы. — Сату посмотрела наверх в темноту. — Но ты не в нее пошла, верно? Разве что внешне.

Она согнула колени, вскинула руки, оттолкнулась и взмыла вверх, превратившись в расплывчатое бело-синее пятно. Высоко надо мной затворился деревянный люк.

Здесь меня Мэтью никогда не найдет. Мой след давно остыл, запах развеялся по ветру. Придется выбираться самой, пока сюда не прибыли Сату, Питер Нокс и третий колдун из Конгрегации.

Я перенесла вес на одну ногу, согнула колени, подняла руки и оттолкнулась от пола, как Сату. Никакого эффекта. Тогда я закрыла глаза и стала вспоминать, как танцевала с Мэтью в гостиной, — может, это поможет взлететь? В итоге я снова начала думать о тайнах, которые Мэтью скрывал от меня. Всхлипнула, закашлялась, вдохнув сырой воздух темницы, и упала на колени.

Мне удалось немного поспать, хотя призраки неумолчно болтали. Зато они немного светились, перемещаясь с места на место. Молодая женщина в лохмотьях напевала что-то, глядя на меня пустыми глазами. Монах, рыцарь в доспехах и мушкетер разглядывали еще более глубокую яму в центре подземелья — она наводила такую жуть, что я не решалась к ней приблизиться. Монах при этом читал заупокойную службу, а мушкетер будто пытался достать что-то снизу.

Мой разум искал забвения, устав бороться со страхом, болью и холодом. Чтобы сохранить рассудок, я стала повторять вслух последние страницы «Aurora Consurgens»:

— «Я есмь связующее звено — я посредничаю меж элементами, приводя их в согласие, — бормотала я немеющими губами. — Я увлажняю то, что сухо, и сушу то, что влажно, делаю твердое мягким и мягкое твердым. Я — конец, возлюбленный мой — начало. Я вмещаю в себе весь труд созидания, и все знание сокрыто во мне».

Рядом со стеной что-то замерцало, — видимо, пришел поздороваться очередной призрак. Зажмурившись, я продолжала:

— «Кто посмеет разлучить меня с моею любовью? Никто, ибо она крепка как смерть».

Поспи лучше, моя маленькая колдунья, прервала меня мать.

В памяти возникла спальня на чердаке мэдисонского дома. Родители перед отъездом в Африку привезли меня к Саре.

— Не хочу спать, — сказала я голосом упрямого ребенка и открыла глаза.

У сырой стенки каменного мешка сидела мама. Призраки собирались вокруг нее, и я тоже придвинулась, боясь, как бы она не исчезла. Она улыбалась мне со слезами на глазах, а ее пальцы так и мелькали в воздухе. Я свернулась клубочком поближе к ней.

Рассказать тебе сказку?

— Это твои руки я видела, когда ворожила Сату.

От ее тихого смеха даже лежать на жестких камнях было не так больно.

Ты вела себя очень храбро.

— Я так устала, — вздохнула я.

Самое время послушать сказку. Жила-была колдунья, звали ее Диана. Когда она была совсем маленькая, фея-крестная опутала ее невидимыми волшебными лентами всех цветов радуги.

Я вспомнила эту сказку, и розовую пижаму со звездочками, и волосы, заплетенные в две косички. Уголки души, стоявшие пустыми и заброшенными после смерти родителей, наполнялись воспоминаниями.

— Зачем она это сделала? — спросила я детским голосом.

Диана любила ворожить, и у нее это очень хорошо получалось. Но крестная знала, что другие колдуны будут завидовать ей. «Ты сбросишь ленты, когда будешь готова, — сказала она девочке. — Пока они на месте, ты не сможешь летать и магия тебе не откроется».

— Так нечестно, — запротестовала я, по обычаю всех семилетних девочек. — Почему она связала меня, а не тех, других?

Мир несправедлив, правда?

Я мрачно кивнула.

Диана не могла сбросить ленты, как ни старалась. Со временем она забыла и про них, и про магию.

— Я не забывала про магию, — заспорила я.

Забыла, нахмурившись, ответила мать. *Но вот Диана выросла и встретила прекрасного принца, который жил между заходом солнца и восходом луны.*

Ага, вот оно, мое любимое место. Иногда в детстве я спрашивала, как его звали, иногда заявляла, что глупые принцы мне ни к чему. Больше всего меня занимал вопрос, зачем понадобилась принцу колдунья, которая ничего не умеет.

Принц полюбил Диану, хотя летать она пока не умела. Только он один видел, что она связана волшебными лентами. Он все время думал, для чего они нужны и что будет, если их снять, но ни о чем Диану не спрашивал, боясь смутить ее нескромным вопросом. Я-ребенок кивнула, отдавая должное деликатности принца, и тут же стукнулась головой о стену каменного мешка. *И все-таки он не понимал, почему колдунья, способная летать, не летает.*

Однажды в городе появились три колдуна, гладя меня по голове, продолжала мать. *Они тоже видели ленты и подозревали, что Диана сильнее их, поэтому похитили ее и унесли в темный замок. Но ленты, как колдуны ни дергали их, не желали спадать с Дианы. И колдуны заперли бедняжку в темнице, чтобы она от страха сбросила ленты сама.*

— Диана была там одна?

Одна, подтвердила мать.

— Что-то мне не очень нравится эта сказка.

Я натянула на себя яркое лоскутное одеяльце, которое Сара специально купила в Сиракьюсе перед моим приездом, и устроилась на холодном полу каменного мешка. Мать заботливо укрыла меня.

— Мама?

Что, детка?

— Я сделала, как ты сказала. Сохранила свои секреты.

Это было трудно, я знаю.

— А у тебя они есть?

Мне представилось, что я лань и бегу по полю, а мать гонится за мной по пятам.

Конечно.

Она щелкнула пальцами. Я поднялась в воздух и упала ей на колени.

— Скажешь мне хоть один?

Да, прошептала она в самое мое ухо. *Самый большой мой секрет — это ты.*

— Но вот же я! — Я соскочила с ее колен и побежала к яблоне. — Как я могу быть секретом, если всем меня видно?

Мать с улыбкой приложила палец к губам и ответила:

Волшебство.

Глава 30

— Где же она? — Мэтью бросил на стол ключи от «рейнджровера».

— Мы найдем ее, Мэтью.

Ради сына Изабо старалась оставаться спокойной, но с тех пор, как они нашли в саду под рутой недоеденное яблоко, прошло уже десять часов. Они вдвоем прочесали всю округу (Мэтью методично обозначил на карте районы поиска).

Диана исчезла, не оставив следов.

— Ее похитил кто-то из колдунов. — Мэтью запустил пальцы в волосы. — Я сам говорил ей, что на территории замка она в безопасности, — не думал, что у них хватит дерзости явиться сюда.

Изабо поджала губы: она нисколько не удивилась, что Диану похитили колдуны. Мэтью уже командовал, как генерал на поле сражения:

— Продолжим искать. Я еду в Бриуд, Изабо — в Обюссон и Лимузен. Марта останется здесь на случай, если вернется Диана или кто-нибудь позвонит.

«Звонить сюда некому, — подумала Изабо. — Будь у Дианы доступ к телефону, она давно бы уже вышла на связь. Мэтью ломится к цели напрямик, круша препятствия на пути, но эта его стратегия не всегда приводит к успеху».

— Давай подождем, Мэтью.

— Ждать? Какой в этом смысл?

— Болдуин вылетел из Лондона час назад.

— Ты сказала ему? Что ты наделала?

Мэтью хорошо знал, чего ожидать от старшего брата. Всю свою жизнь Болдуин только и делал, что губил чьи-нибудь жизни — в физическом, моральном и финансовом смысле. К по-

следнему способу он пристрастился, обнаружив, что отнимать у людей деньги не менее увлекательно, чем жечь деревни.

— Я решилась на это, когда в конюшне и в лесу Дианы не оказалось. Болдуин берет след лучше, чем ты.

— Да, добычу он выслеживает отменно — но мне совсем не нужно, чтобы очередной его добычей стала моя жена. — Мэтью взял ключи со стола. — Дождись его. Я поеду один.

— Он не тронет Диану, узнав, что она твоя. Болдуин, как глава семьи, должен знать, что у нас здесь происходит.

Такие слова из уст матери, знавшей, как мало он доверяет старшему брату, показались Мэтью довольно странными.

— Явившись без спросу в твой дом, они оскорбили прежде всего тебя, — сказал он, пожав плечами. — Ты вправе предпринимать все, что сочтешь нужным.

— Болдуина я вызвала не ради себя, а ради Дианы. Ее нельзя оставлять в руках колдунов, хотя она сама колдунья.

Марта принюхалась.

— Вот и он, — объявила хозяйка замка, сверкнув глазами, хотя все и так было понятно.

Хлопнула парадная дверь, по плитам загремели тяжелые шаги. Мэтью вскинулся, Марта закатила глаза.

— Сюда, — негромко позвала Изабо.

Даже в чрезвычайных обстоятельствах она не желала повышать голос: вампирам ни к чему устраивать сцены.

Болдуин Монклер — в финансовых кругах его знали под этим именем — уже шагал по коридору. Медно-рыжие волосы сверкали в электрическом свете, под кожей играли мускулы прирожденного атлета. Его с детства учили владеть мечом; он и в бытность свою человеком внушал почтение, а уж как вампиру ему мало кто осмеливался перечить. Средний из трех сыновей Филиппа де Клермона родился во второй раз во времена Древнего Рима и был любимцем отца. Оба они были вылеплены из одного теста: любили войну, женщин и вино — именно в этом порядке. Славные, казалось бы, ребята, но из тех, кто сходился с ними в бою, в живых оставались очень немногие.

Сейчас гнев Болдуина готовился пасть на голову Мэтью. Они невзлюбили друг друга с первого взгляда и были такими разными, что даже Филипп отчаялся подружить их.

— Мэтью, ты где? — заревел он, почуяв присущий брату запах корицы с гвоздикой.

— Здесь, Болдуин.

Старший тут же схватил его за горло. Двое сцепившихся вампиров — один рыжий, другой темноволосый — пронеслись через холл и разнесли в щепки дверь.

— Как ты мог связаться с колдуньей после того, что они сделали с отцом!

— Она еще не родилась, когда это случилось. — Голос Мэтью звучал по очевидной причине сдавленно, но страха Клермонт не выказывал.

— Вина лежит на всех колдунах. Они знали, что нацисты его пытают, но не помешали им.

— Болдуин, — вмешалась Изабо, — Филипп оставил четкие указания не мстить за него.

Она твердила это Болдуину годами, но гнев его все не унимался.

— Без колдунов эти твари его бы не схватили. Нацисты ставили на нем эксперименты — проверяли, сколько может вынести вампир. А мы из-за проклятых колдовских чар так и не сумели найти его и спасти.

— Тело Филиппа им не удалось сокрушить, но душу они сгубили, — безжизненным голосом сказал Мэтью. — С Дианой может случиться то же самое, Болдуин.

Физические страдания не так страшны по сравнению со сломленным духом. Мэтью закрыл глаза при мысли о том, что могут сделать мучители с его непокорной упрямой колдуньей.

— А мне-то что! — Болдуин швырнул брата на пол и занес кулак, но медный звон грохнувшей о стену кастрюли привел его в чувство. Братья вскочили на ноги.

— Она жена ему! — резко бросила Марта, уперев руки в бока.

— Ты повязался с ней?! — не поверил Болдуин.

— Диана теперь член семьи, — подтвердила Изабо. — Мы с Мартой приняли ее, и ты тоже должен.

— Ну уж нет! Ни одна колдунья не будет носить фамилию де Клермон и не войдет в этот дом. Брачный инстинкт, конечно, сильная вещь, но смерть сильнее. Если Бишоп не убьют колдуны, я сам ее убью.

Мэтью ринулся на брата.

— Ты укусил меня! — взвыл тот, зажимая разодранное горло рукой.

— Будешь грозить моей жене — еще и не то увидишь, — заявил, тяжело дыша, Мэтью, глаза у него сделались бешеные.

— Довольно! — крикнула Изабо. — Я потеряла мужа, дочь и двух сыновей — не хватало еще, чтобы вы вцепились в глотки друг другу. Колдуны не смеют никого забирать из моего дома, и я не стану тратить время на споры, пока враги держат в плену мою невестку.

— В сорок четвертом ты говорила, что война с колдунами ничего не решит, — проворчал Болдуин, — а сейчас — нате вам!

— Это другое дело, — отрезал Мэтью.

— Другое, потому что с этой колдуньей ты спишь — даже гнев Конгрегации не побоялся навлечь на нашу семью, чтобы лечь с ней а постель.

— Решение о начале кампании против колдунов мог принять только твой отец, а он категорически не желал затягивать мировую войну. — Изабо стояла за спиной Болдуина, дожидаясь, когда тот повернется к ней лицом. — Пойми наконец, что за такие преступления наказываем не мы, а люди.

— Ты, помнится, тоже наказывала, — кисло заметил сын. — Скольких нацистов ты скушала на обед? — Болдуин совсем разошелся и говорил непростительные вещи.

— Вернемся к Диане, — продолжала Изабо, грозно посмотрев на него. — Будь твой отец жив, Люциус Сигерик Бенуа Кристоф Болдуин де Клермон, — будь он жив, он сам бы занялся ее розысками, колдунья она или нет. И стыдился бы, видя, как ты сводишь старые счеты с братом. — Каждое имя, которое дал сыну Филипп, звучало как пощечина, и Болдуин вздрагивал, слыша их.

— Спасибо за совет, Изабо, и за урок истории, — сказал он, выслушав мать. — Теперь, к счастью, решения принимаю я. Мэтью эта девка не достанется — все, конец. — Облегчив таким образом душу, он пошел к дверям.

— Ты не оставляешь мне выбора, — сказал ему вслед Мэтью.

— Какого еще выбора? — фыркнул Болдуин. — Твой долг — делать то, что велю я.

— Я, может, и не глава семьи, но это дело выходит за рамки семейного. — Мэтью наконец уловил смысл материнских слов.

— Прекрасно, — пожал плечами Болдуин. — Отправляйся в свой дурацкий крестовый поход, ищи свою колдунью. И Марту возьми — она, похоже, влюблена в нее не меньше твоего. Хотите разозлить колдунов и навлечь на всю семью гнев Конгрегации — дело ваше. Я в случае чего от вас отрекусь как глава семьи.

Он не успел дойти до двери, когда младший брат выложил свой главный козырь:

— Я освобождаю де Клермонов от всякой ответственности за то, что они давали Диане Бишоп приют. Отныне ее делом, как уже бывало с другими в прошлом, займутся рыцари Лазаря.

Изабо отвернулась, скрывая гордость за сына.

— Неужели? — прошипел Болдуин. — Мобилизация братства равносильна объявлению войны.

— Да, и тебе известно, что это значит. Я бы казнил тебя за неподчинение, да времени нет. Твои земли и прочее имущество подлежат конфискации. Покинь этот дом, сдай печать. В течение недели вместо тебя будет назначен новый французский магистр. Ты больше не пользуешься защитой ордена и должен подыскать себе новое жилье в течение семи дней.

— Попробуй только отнять у меня Сет-Тур! Пожалеешь!

— Замок не твой — он принадлежит рыцарям Лазаря. Изабо живет здесь с позволения ордена. А тебе я дам последний шанс. Призываю тебя, Болдуин де Клермон, исполнить присягу, выступить на войну и повиноваться моим приказам, пока я не освобожу тебя.

Мэтью хорошо помнил эти слова, хотя давным-давно не произносил и не писал их. Орден, как и Диана, был у него в крови. Оживали позабытые умения и таланты.

— Рыцари не станут помогать своему магистру в несчастливой любви. Мы сражались при Акре[1], помогали альбигойским еретикам в борьбе против северян. Пережили падение тамплиеров, пережили победу англичан при Креси и Азенкуре. Нанес-

[1] Город Акра (ныне Акко, в Израиле) крестоносцы в XII в. завоевывали несколько раз.

ли поражение Оттоманской империи в морском сражении при Лепанто. Когда мы отказались сражаться, закончилась Тридцатилетняя война. Миссия братства — сделать так, чтобы вампиры сумели выжить в мире, где господствует человек.

— На заре ордена мы защищали тех, кто не мог сам себя защитить. Героическая репутация не была нашей главной целью.

— Отец поступил необдуманно, передав орден тебе. Ты идеалист — солдат, а не командир. Тебе духу недостает принимать трудные решения. — В словах Болдуина, несмотря на презрительный тон, сквозила тревога.

— Диана искала у меня защиты от своих соплеменников, и орден обеспечит ей эту защиту, как обеспечивал некогда Иерусалиму, Германии и Окситании.

— Все сразу поймут, что тобой руководят личные интересы. То же самое было в сорок четвертом, но ты тогда сказал «нет».

— Это было моей ошибкой.

Видя, как поражен Болдуин, Мэтью испустил долгий прерывистый вздох.

— Тогда тоже надо было действовать, не опасаясь последствий. Я сдержался, боясь выдать наши семейные тайны и вызвать гнев Конгрегации. Наши враги сочли это слабостью и нанесли удар снова, но теперь, когда дело коснулось Дианы, я своей ошибки не повторю. Колдуны вторглись в наш дом и похитили ее — это гораздо хуже того, как они поступили с Филиппом. Он в их глазах был всего лишь вампир, а Диана принадлежит к их племени. Они готовы на все, лишь бы понять, насколько велика ее сила.

Мэтью с нарастающей тревогой ждал, что ответит брат.

— Болдуин, — поторопила Изабо.

Глава семьи кивнул в знак согласия.

— Спасибо тебе. Какой-то колдун унес ее прямо из сада — когда мы ее хватились, все следы уже ветром сдуло. — Мэтью достал из кармана смятую карту. — Вот здесь мы еще не искали.

— А там, где отмечено, все обыскали? — спросил Болдуин, глядя на карту.

— Конечно же.

— Ты научишься когда-нибудь думать, а потом уже действовать? Пошли в сад.

Изабо и Марту не взяли, чтобы их запах не примешивался к следам Дианы. Как только сыновья вышли, Изабо затрясло.

— Это выше моих сил, Марта. Если они с ней что-нибудь сделали...

— Мы с тобой всегда знали, что рано или поздно что-нибудь подобное случится. — Марта погладила хозяйку по плечу и ушла на кухню, оставив Изабо сидеть у нетопленного камина.

Сверхъестественно зоркие глаза Болдуина вглядывались в надкушенное яблоко под листьями руты. Изабо поступила разумно, оставив его на месте, — оно помогло Болдуину увидеть то, что ускользнуло от внимания его брата. Слегка примятые стебельки руты привели его к другой грядке.

— Откуда утром дул ветер?

— С запада. — Мэтью, как ни старался, не мог понять, что обнаружил Болдуин. — Мы попусту тратим время — давай разделимся. Хочу еще раз проверить пещеры.

— В пещерах искать незачем. — Болдуин выпрямился, стряхивая с рук запах трав. — Колдуны не пользуются пещерами, в отличие от вампиров. Кроме того, ее унесли на юг.

— Но на юге ничего нет!

— Теперь нет, — согласился Болдуин. — Но что-то должно было остаться. Спросим Изабо.

Семья де Клермонов продержалась так долго, потому что каждый из них был одарен по-своему. Филипп, прирожденный вождь, умел сплотить вампиров, людей и иногда даже даймонов в борьбе за общее дело. Брат Хью усаживал враждующие стороны за стол переговоров и мог уладить самые непримиримые противоречия. Годфри, младший из трех сыновей Филиппа, был совестью де Клермонов и рассматривал каждый вопрос с этической точки зрения. Болдуин, семейный стратег, ясно видел достоинства и недостатки любого военного плана. Луиза, в зависимости от ситуации, исполняла роль наживки или шпиона.

Мэтью, как ни парадоксально, был среди них самым свирепым воином. На первых порах он сводил Филиппа с ума полным отсутствием дисциплины, но со временем образумился. Теперь, берясь за оружие, он сохранял полное хладнокровие, а упорство, с которым он шел к цели, делало его непобедимым.

Изабо недооценивали все, кроме Филиппа, который называл ее генералом и своим «тайным оружием». Она ничего не упускала из виду и помнила больше, чем Мнемозина.

В кухне Болдуин высыпал на стол горсть муки, начертил грубую карту Оверни, обозначил ямкой Сет-Тур.

— Куда могли унести колдунью, если похититель направлялся на юго-запад?

— Смотря с какой целью ее похитили, — наморщила лоб Изабо.

Мэтью и Болдуин обменялись безнадежными взглядами. Единственная проблема с «тайным оружием» состояла в том, что Изабо никогда не отвечала на вопрос, не задав перед этим своего.

— Подумай, Maman, — умоляюще сказал Мэтью. — Ее хотели забрать у меня, вот и вся цель.

— Нет, дитя мое. Разлучить вас можно было разными способами, но они нагло явились в мой дом и похитили мою гостью. Нанесли непростительное оскорбление нашей семье. Это как в шахматах. — Изабо провела пальцами по щеке сына. — Колдуны показывают нам, что они сильнее, и похищают Диану, чтобы ты уже не смог оставить их вызов без внимания.

— Пожалуйста, Изабо. Куда они ее дели?

— Между нами и Канталем только горы да козьи тропы.

— Канталь? — резко повторил Болдуин.

— Да, — подтвердила шепотом Изабо, поняв смысл этого восклицания.

В Кантале родился Герберт из Орильяка. Это его территория — если де Клермоны вторгнутся на нее, против них ополчатся не только колдуны.

— В шахматах это означало бы, что нам поставили шах, — мрачно заметил Мэтью. — Рановато как будто.

Болдуин кивнул:

— Значит, должно быть что-то еще.

— Только руины, — припомнила Изабо.

— Почему эта колдунья не смогла себя защитить? — сердито вздохнул Болдуин.

— Elle est enchantée, — вытирая руки, буркнула Марта, которая как раз вошла на кухню.

— Девочку околдовали, — переглянувшись с ней, нехотя согласилась Изабо. — Мы с Мартой в этом уверены.

— Околдовали? — нахмурился Мэтью.

Наведение чар на кого-то из своих у колдунов считалось столь же тяжким преступлением, как нарушение чужих границ у вампиров.

— Да. Она не намеренно отказывается от магии. Ей не дают ею воспользоваться.

— Зачем это нужно? — недоумевал Мэтью. — Все равно что вернуть в джунгли тигра, вырвав ему зубы и когти. Зачем лишать кого-то способности защищаться?

— Желающих найдется много, как и причин, — пожала плечами Изабо, — а я не слишком хорошо ее знаю. Спроси у ее родных. Позвони им.

Мэтью достал из кармана мобильник. Мэдисон, как отметил Болдуин, значился у него в «быстрых вызовах», и трубку сняли на первом же гудке.

— Где она, Мэтью? Ей очень больно, я чувствую!

— Мы знаем, где искать ее, Сара, — заверил вампир, — но сначала я должен спросить у вас кое-что. Диана не использует свою магию.

— Она ею не пользуется со дня смерти родителей! При чем тут это? — Сара вопила так, что Изабо зажмурилась.

— Есть хоть малейший шанс, что Диану околдовали?

— Околдовали? — изумленно повторила после краткого молчания Сара. — Еще чего!

Раздался щелчок, и к разговору присоединилась другая колдунья.

— Я обещала Ребекке, что никому не скажу. Не спрашивайте, что и как она сделала, — я не знаю. Ребекка увидела что-то напугавшее ее до смерти. Она знала, что они со Стивеном не вернутся из Африки, и сказала, что обеспечит Диане защиту.

— Защиту от чего? — ужаснулась Сара.

— Не «от чего», а «до каких пор». — Эм еще больше понизила голос. — Ребекка сказала, что Диана будет под надежной защитой, пока не встретит своего возлюбленного из тени.

— Возлюбленного из тени? — повторил Мэтью.

— Да. Как только Диана сказала, что встречается с вампиром, я подумала, что вы и есть тот самый возлюбленный, но все происходило так быстро...

— Эмили, вы видите что-нибудь, способное нам помочь? Хоть что-то?

— Нет. Только мрак, в котором пребывает Диана. Она жива, — поспешно сказала Эм, — но сильно мучается и находится где-то не совсем в нашем мире.

Болдуин, прищурившись, взглянул на Изабо. Мать, хотя и могла вывести из себя любого, всегда задавала правильные вопросы. Отвернувшись, он переговорил с кем-то по собственному мобильнику и чиркнул пальцем по горлу, глядя на Мэтью.

— Я отправляюсь ее искать. Позвоню, когда будут новости, — заторопился тот и быстро повесил трубку, пресекая многочисленные вопросы Сары и Эм. — Где ключи?

— Успокойся и сядь! — приказал Болдуин, загораживая брату дорогу и пинком ноги пододвигая к нему табурет. — Назови мне все за́мки отсюда и до Канталя. Нам нужны только древние — те, с которыми Герберт хорошо знаком.

— О господи, Болдуин, не помню я. Дай пройти.

— Подумай как следует. Колдуны не утащили бы ее на территорию Герберта без веской причины. Раз Диану околдовали, то она и для них загадка. — Болдуин впервые назвал жену брата по имени. — Им понадобится время, чтобы эту загадку разрешить, и укромное место, чтобы вампиры не вмешивались. В Кантале пришлось бы отвечать перед Гербертом — значит они расположились где-то у самой границы. Думай. Ну, Мэтью! Ведь ты же почти все их строил!

Мэтью быстро перебрал в уме свои былые проекты, отбрасывая соседние или разрушенные до основания замки.

— Ла-Пьер, — выдохнул он.

Изабо стиснула губы, Марта встревожилась. Ла-Пьер считался самым неприступным замком в округе. Он покоился на несокрушимом базальтовом фундаменте, а стены могли выдержать любую осаду.

Громкий стрекот над головой заставил всех вздрогнуть.

— Вертолет ждал меня в Клермон-Ферране, чтобы отвезти обратно в Лион, — пояснил Болдуин. — Твой сад немного пострадает, Изабо, но тут уж не до сада.

Вертолет понес братьев через овернскую ночь, где единственными проблесками света были огни в окнах ферм. До старого замка пришлось лететь тридцать с лишним минут.

— Тут негде сесть! — прокричал пилот, с трудом различая очертания древних стен.

— А если там? — Мэтью, пытаясь разглядеть что-нибудь на стенах замка, показал на заброшенную дорогу.

Пилот, получивший от Болдуина указание садиться, повиновался не без опаски.

Футах в двадцати над землей Мэтью спрыгнул и помчался к воротам. Болдуин, испустил вздох, наказав пилоту ждать сколько потребуется, и прыгнул следом.

Мэтью был уже в замке и звал Диану.

— Господи, какого же страху она натерпелась, — прошептал он, не получив ответа.

— Есть два способа, Мэтью, — сказал Болдуин, крепко схватив его за руку. — Разделиться и обыскать все сверху донизу или остановиться на секундочку и подумать, где могли спрятать пленницу.

— Пусти! — Мэтью оскалился и хотел вырваться, но Болдуин не пустил.

— Думай! — приказал он. — Уверяю тебя, так будет быстрее.

Мэтью представил в уме план замка. Мысленно прошел парадные покои, башню, опочивальни, зал для аудиенций, главный зал, спустился в кухню, в подвал, в темницы...

— Каменный мешок, — ужаснулся он.

— Dieu! — изумился Болдуин, глядя в спину устремившегося к подземельям брата.

Что же в ней такого? Зачем колдуны, ее кровные родичи, упрятали Диану в шестидесятифутовый каменный мешок?.. Но если она им так нужна, они непременно за ней вернутся.

Болдуин ринулся вслед за Мэтью — он надеялся успеть и не дать колдунам завладеть сразу двумя заложниками.

Глава 31

Диана, пора вставать, тихо, но настойчиво твердил мамин голос.

Я свернулась клубочком и натянула лоскутное одеяло на голову, надеясь, что так она меня не найдет. Почему же так больно?

А ну, просыпайся, соня! — потянул за одеяло папа.

От радости я на мгновение даже забыла про боль. Отец зарычал, изображая медведя. Повизгивая и хихикая, я вцепилась в одеяло, но он его мигом сдернул.

Что-то было не так. Я открыла один глаз, ожидая увидеть свою комнату в Кембридже, с яркими плакатами и плюшевыми зверями, но увидела серые мокрые стены.

Отцовские глаза улыбались мне. Растрепанные волосы у него, как всегда, чуть завивались на концах, рубашка сидела криво. Я хотела обнять его за шею, но руки почему-то не слушались. Папа сам обнял меня, заслонив, как щитом, своим призрачным телом.

Какая приятная встреча, мисс Бишоп.

Он всегда говорил так, когда я забиралась к нему в кабинет или удирала из спальни, чтобы выпросить еще одну сказку.

— Я так устала.

Его нематериальная рубашка каким-то образом сохранила запах сигаретного дыма и шоколадных карамелек, которые он вечно таскал в кармане.

Знаю, но больше спать не годится. Папины глаза больше не улыбались.

Просыпайся живо! — вмешалась мать, пытаясь оторвать меня от отца.

— Сначала доскажи сказку, — потребовала я. — Только про хорошее, про плохое не надо.

Так не получится, сказала она.

Погрустневший отец передал меня матери.

— Мне нездоровится, — заныла я.

Я не могу не рассказывать про плохое, вздохнула мать, *придется тебе послушать. Выдержишь, моя маленькая колдунья?*

Подумав немного, я кивнула.

На чем мы остановились вчера? Мама села посередине каменного мешка рядом с призрачным монахом, и тот в изумлении отодвинулся в сторону.

Отец, прикрывая улыбку рукой, смотрел на мать так, как я смотрела на Мэтью.

Да, вспомнила. Диану заперли в темнице совсем одну. Она сидела там час за часом и думала, как ей выбраться. Вдруг кто-то постучал в окно — это был принц. «Я не могу выйти! Меня схватили колдуны!» — закричала Диана. Принц хотел выбить окно, но волшебное стекло даже не треснуло. С волшебным замком он тоже не сладил и прочную дверь не смог выломать.

— А он что, был не сильный? — Хилый принц меня мало устраивал.

Очень сильный, просто не волшебник. Тогда Диана увидела в потолке маленькую, только-только протиснуться, дырочку. «Взлети на крышу и вытащи меня», — сказала она принцу, но принц не умел летать.

— Потому что не был волшебником.

Монах крестился при всяком упоминании магии и волшебства.

Правильно, но сама-то Диана помнила, что когда-то умела летать. Увидев на себе краешек серебряной ленты, она потянула за него. Лента сразу размоталась. Диана подкинула ее к потолку и взлетела следом, протиснулась в дырочку и поднялась прямо в ночное небо. «Я знал, что у тебя получится», — сказал принц.

— И они жили долго и счастливо, — уверенно завершила я.

Да, мама, улыбаясь грустно и ласково, посмотрела на папу — смысл таких взглядов доступен лишь взрослым, но не детям.

Я счастливо вздохнула, не обращая внимания на саднящую спину и прозрачных дяденек с тетеньками.

Пора, сказала мать отцу.

Он кивнул. Наверху кто-то грохнул деревянной крышкой о камень, и голос Мэтью позвал:

— Диана!

Облегчение нахлынуло на меня вместе с адреналином.

— Мэтью! — прохрипела я еле слышно.

— Я сейчас спрыгну к тебе!

Эхо от его голоса больно отдавалось у меня в голове. Я стерла со щеки что-то липкое — в темноте не было видно что.

— Нет, — возразил чей-то голос, довольно грубый. — Если спрыгнешь, я не смогу тебя вытащить. Надо действовать быстро, пока они за ней не вернулись.

Я пыталась разглядеть, кто это говорит с Мэтью, но видно было только бледный кружок в вышине.

— Послушай, Диана, — уже не столь громко крикнул Мэтью, — ты должна взлететь наверх из этой дыры. Сможешь?

Сделай это, сказала мать. *Пора тебе проснуться — не нужно больше скрывать, что ты колдунья.*

— Думаю, да. — Я попыталась встать, но правая нога подкосилась. — Там Сату точно нет?

— Здесь только мой брат, Болдуин. Взлетай, и мы тебя заберем.

Он и его спутник о чем-то сердито заговорили. Какой еще Болдуин? Хватит с меня незнакомцев — я и Мэтью-то не совсем доверяла после того, что наговорила мне Сату. Мне захотелось спрятаться.

От Мэтью не спрячешься, сказала мать, печально улыбаясь отцу. *Он всегда тебя найдет. Доверься ему — он тот самый, кого мы ждали.*

Отец обнял ее, и я вспомнила, как мы обнимались с Мэтью. Нет, не мог он мне лгать.

— Ну давай же, Диана, — звал Мэтью сверху.

Серебряной ленты, нужной, чтобы взлететь, не обнаруживалось. Я посмотрела на родителей — их образы бледнели у меня на глазах.

Что же ты? — промолвила мать. *Лети!*

Магия у тебя в сердце, Диана, добавил отец. *Помни об этом.*

Закрыв глаза, я вообразила себе эту ленту, ухватилась за край, подкинула ее к далекому люку. Лента размоталась и ушла вверх, увлекая меня за собой.

Мать улыбалась, отец светился от гордости — совсем как в тот день, когда снял с моего детского велосипеда страховочные колесики. Мэтью и его брат склонились над дырой. Вокруг них толпились призраки, удивляясь, что кто-то умудрился выйти живым из каменного мешка.

— Слава богу! Держись. — Мэтью протягивал мне свою длинную руку.

Схватившись за нее, я снова обрела вес, и нанесенная Сату рана открылась.

— Ой! — взвыла я, но оба вампира подхватили меня и вытащили наверх.

На миг я припала к Мэтью, цепляясь за его свитер.

— Я знал, что у тебя получится, — прошептал он, как принц из маминой сказки.

— Нежности после! — крикнул, выбегая в коридор, его брат.

Мэтью быстро оглядел меня, морща нос от запаха крови.

— Идти сможешь?

— Хватай ее и неси, иначе малой кровью дело не обойдется! — скомандовал Болдуин.

Взвалив меня на плечо, как мешок, Мэтью помчался к выходу. Я закрыла глаза — проносящиеся под нами плиты напомнили мне о полете вместе с Сату. Легкие наполнились свежим воздухом, и меня тут же заколотило.

Мэтью побежал еще быстрее прямо к вертолету, стоящему на проселочной дороге за стенами замка. Болдуин запрыгнул внутрь вслед за нами; зеленые огоньки на приборной панели осветили его медно-рыжие волосы.

Он уставился на меня, когда я случайно задела его бедро. В его глазах, помимо ненависти, читалось также и любопытство. Я уже видела его: тогда, в блестящих доспехах Мэтью, и потом, когда я коснулась печатей тайного ордена.

— Я думала, ты умер, — пролепетала я, прижимаясь к Мэтью.

Болдуин удивленно посмотрел на меня.

— Взлетай! — крикнул он.

Мы поднялись в воздух. Я снова вспомнила Сату и затряслась еще пуще.

— У нее шок, — сказал Мэтью. — Может эта штука лететь быстрее?

— Выруби ее, — нетерпеливо откликнулся его братец.

— У меня нет с собой успокоительного.

— Есть, — возразил тот. — Хочешь, чтобы я это сделал?

Мэтью, глядя на меня, силился улыбнуться. Дрожь, немного унявшаяся, возвращалась при каждом рывке машины.

— Боги, Мэтью, она не в себе от ужаса, — проворчал Болдуин. — Действуй.

Мэтью до крови прикусил губу и нагнулся поцеловать меня.

— Нет! — отшатнулась я. — Я знаю, что ты хочешь сделать, Сату мне рассказала. Ты используешь свою кровь, чтобы утихомирить меня.

— Ты в шоке, Диана, а у меня больше ничего нет. Позволь мне помочь тебе.

Видя его страдающее лицо, я сняла пальцем выступившую на губе капельку:

— Я сама.

Пусть больше не сплетничают, что он полностью подчинил меня своей воле. Я слизнула соленую каплю с онемевшего пальца и отключилась.

А очнулась уже в саду Сет-Тура, пахнущем травами Марты. Мэтью держал меня на руках, моя голова лежала у него на плече. Рядом светились окна замка.

— Все, мы дома, — сказал он, когда я шевельнулась.

— Изабо и Марта в порядке? — спросила я.

— В полном. — Он прижал меня к себе еще крепче.

Свет в кухонном коридоре резал глаза, один из которых стал почему-то меньше другого. Прищурив тот, что побольше, я увидела впереди вампиров: любопытствующего Болдуина, разъяренную Изабо, встревоженную Марту. Когда Изабо сделала шаг в нашу сторону, Мэтью зарычал.

— Надо позвонить ее родным, Мэтью, — сказала она, глядя на меня с материнской заботой. — Где у тебя телефон?

Я даже не пыталась поднять голову — все равно не сумею.

— Думаю, в кармане, — предположил Болдуин, — но руки у него заняты колдуньей, а тебя он не подпустит. Вот, возьми мой.

Его взгляд прошелся по мне — словно к ранам прикладывали холодные примочки.

— Она точно в бою побывала, — с невольным восхищением признал он.

Марта сказала что-то по-окситански.

— О'кей, — кивнул Болдуин.

А Мэтью прорычал:

— Не сейчас.

— Скажи номер, Мэтью, — попросила Изабо и принялась нажимать на кнопки.

— Все нормально, — выговорила я, когда Сара ответила. — Поставь меня, Мэтью.

— Нет, это Изабо де Клермон. Диана здесь, с нами. — Теперь я чувствовала на себе ее льдистый взгляд. — Ее ранения не опасны для жизни, но Мэтью все же следует отвезти ее домой, к вам.

— Нет! Сату от меня не отстанет. Не хочу, чтобы пострадали Сара и Эм! — прокричала я, вырываясь.

— Уйми ее, Мэтью. Или пусти к ней Марту.

— Не вмешивайся, Болдуин. — (От прикосновения холодных губ Мэтью мой пульс замедлился.) — Мы ни к чему не станем тебя принуждать.

— От вампиров мы можем ее защитить, от колдунов — нет. — Голос Изабо будто уплывал куда-то. — Нужно, чтобы рядом был тот, кто на это способен.

Сознание растворилось в сером тумане и вернулось ко мне в башне Мэтью. Все свечи горели, в камине ревел огонь. Было почти тепло, но я все равно дрожала от шока и избытка адреналина. Мэтью сидел на корточках, а я привалилась к нему спиной. Он осматривал мою правую руку. Вспоротый рукав пропитался кровью, и теперь по нему расплывалось новое пятно.

Изабо с Мартой маячили в дверях, словно пара ястребов.

— Я сам о ней позабочусь, Maman, — заявил Мэтью.

— Конечно, Мэтью, — привычно ответила Изабо.

Он оторвал рукав и выругался.

— Принеси мою сумку, Марта.

— Нет, — отрезала та. — Девочку надо вымыть.

— Пусть залезет в ванну, — поддержала ее Изабо. — Она замерзла, и ран толком не видно под грязью.

— Никаких ванн.

— Почему это?

Марта по знаку Изабо спустилась вниз.

— Болдуин учует в воде ее кровь.

— Мы не в Иерусалиме, Мэтью. Он не заходил в эту башню со дня ее постройки.

— А что случилось в Иерусалиме? — Я потрогала свитер Мэтью там, где раньше висел серебряный медальон.

— Мне нужно посмотреть твою спину, любовь моя.

— Ладно.

В голове все плыло. Где же яблоня и мама?

— Ляг, пожалуйста, на живот.

Я сразу же представила себе холодный каменный пол в замке, где меня пытала Сату.

— Нет, Мэтью. Ты думаешь, я что-то скрываю, но я в самом деле не знаю, как работает моя магия. Сату сказала...

Мэтью снова выругался.

— Ее здесь нет, а меня твоя магия не волнует. Просто обопрись на мою руку, вот так. — Рука была такой же твердой, как его взгляд.

Я согнулась пополам, сидя у него на колене. Кожа на спине болезненно натянулась, но уж лучше так, чем лежать на полу. Мэтью застыл точно каменный.

— Свитер прилип к коже, ничего не видно. Придется-таки посадить тебя в ванну, чтобы его отмочить. Изабо, пусти, пожалуйста, воду.

Она послушно отправилась в ванную и открыла кран.

— Не слишком горячую, — попросил он.

— Так что же было в Иерусалиме? — спросила я.

— После. — Он осторожно помог мне встать.

— Хватит уже тайн, — сказала Изабо. — Скажи ей. Она твоя жена и вправе все это знать.

— Должно быть, что-то ужасное — иначе ты не носил бы на шее гроб Лазаря. — Я снова потрогала его свитер чуть выше сердца.

И Мэтью с отчаянным видом выпалил:

— В Иерусалиме я убил женщину. Она вмешалась в спор между мной и Болдуином. Было много крови. Я любил ее, и она...

Значит, он убил кого-то еще. Не колдунью, но обычную женщину. Я приложила палец к его губам:

— Достаточно. Это было давно. — Меня опять затрясло — я не была готова выслушивать новые откровения.

Мэтью поднес к губам мою левую руку и поцеловал костяшки. Его взгляд говорил обо всем без слов.

— Если волнуешься из-за Болдуина, сделаем по-другому. Приложим компресс или поставим тебя под душ.

Я представила, как льется на спину вода, как к коже прижимают что-то мокрое и тяжелое. Придется рискнуть.

— Лучше ванна.

Мэтью посадил меня в теплую воду прямо в одежде и в кроссовках. Я села так, чтобы не прикасаться к бортику спиной, и постаралась хоть немного расслабиться. Но нервы и мускулы не желали так просто отходить, и ноги под водой продолжали дергаться.

Пока я мокла, Мэтью легонько ощупал скулу. Марта принесла его черную докторскую сумку. Мэтью, плотно сжав губы, посветил мне в глаза фонариком.

— Я ударилась лицом об пол. Что-нибудь сломано?

— Не думаю, mon coeur. Просто сильный ушиб.

Марта вскрыла пакет, и в нос пахнуло чем-то спиртовым. Мэтью приложил тампон к липкому пятну на моей щеке. Я вцепилась в края ванны, из глаз потекли слезы. Отнятый тампон был весь красный.

— Рассекла о камень. — Я говорила деловым тоном, стараясь не думать о Сату.

Пальцы Мэтью прошлись вдоль ссадины до самых волос.

— Ничего страшного, зашивать не понадобится. — Он нанес на рану мазь, пахнущую мятой и другими лечебными травами. — У тебя есть аллергия на какие-нибудь лекарства?

Я помотала головой.

Когда Марта принесла полотенца, он продиктовал ей список медикаментов. Она кивала, позвякивая связкой ключей. Из всего перечня я знала только одно название.

— Морфин? — Сердце забилось как бешеное.

— Это от боли. А другие лекарства снимут опухоль и не дадут развиться инфекции.

Ванна немного умерила шок, но бурая вода вызывала у меня тошноту, а боль только усилилась. Поэтому я поддалась искушению и неохотно согласилась на морфин. Прежде чем выпустить меня из ванны, Мэтью осмотрел мою правую ногу. Когда он упер подошву себе в плечо, я охнула.

— Изабо, зайди к нам, пожалуйста.

Его мать, как и Марта, ждала в спальне на случай, если понадобится ее помощь. Пока Мэтью, без труда порвав мокрые шнурки, снимал с больной ноги кроссовку, Изабо удерживала меня в ванне за плечи.

Видя, что я заливаюсь слезами от боли, он оставил эту затею и просто разорвал кроссовку — аккуратно, по швам. Содрал носок, разодрал брючину легинсов. На щиколотке осталась полоска, точно от кандалов, — черная, вспухшая, с какими-то белыми пятнами.

— Откуда это? — сердито спросил Мэтью.

— Сату подвесила меня вверх ногами. Проверяла, способна ли я летать.

Я отвернулась. Почему же все так злятся на меня за то, в чем я совсем не виновата?

Мэтью, осторожно передав Изабо мою ногу, стал на колени. Его одежда пропиталась водой и кровью, черные волосы прилипли ко лбу. Он повернул к себе мое лицо, глядя с болью и с гордостью:

— Ты родилась в августе, да? Под знаком Льва? — Он говорил совсем как француз, оксбриджского акцента как не бывало.

Я кивнула.

— Ты у меня настоящая львица, la lionne. Настоящий борец. Но защитники нужны даже львице. — (Я так цеплялась за ванну,

что рана на правой руке снова начала кровоточить.) — Лодыжка растянута, это не столь серьезно. Потом забинтую ее, а сейчас займемся рукой и спиной.

Мэтью вынул меня из ванны. Я опиралась на Изабо и Марту, чтобы не ступать на правую ногу, а он тем временем срезал с меня легинсы вместе с бельем. Их лишенное предрассудков отношение к наготе передалось и мне — я ничуть не стеснялась. На животе под мокрым свитером обнаружился багровый кровоподтек.

— Господи! — Мэтью ощупал его. — А это откуда?

— Сату вышла из себя. — Я застучала зубами, вспомнив, как она надо мной издевалась.

Мэтью обмотал мою талию полотенцем и сказал:

— Давай снимем свитер.

— Что ты делаешь? — Я извернулась, почувствовав прикосновение холодного металла к спине.

После того, что со мной проделала Сату, пугало любое присутствие за спиной, даже если это был Мэтью. Дрожь усилилась.

— Перестань, Мэтью, — сказала Изабо. — Ей страшно.

— Все нормально. — Об пол звякнули ножницы, Мэтью прислонился ко мне сзади и обнял. — Попробуем спереди.

Когда дрожь чуть унялась, он встал передо мной и снова принялся резать ткань — судя по холодку на коже, ее и на спине не так много осталось. Вампир раскроил надвое лифчик, снял остатки свитера.

Когда со спины упали последние лоскуты, Изабо так и ахнула, а Марта пробормотала:

— Maria, Deu maire...

— Что там такое?

Комната раскачивалась, как люстра во время землетрясения. Мэтью повернул меня лицом к Изабо, на лице которой были написаны горе и жалость, и тихо сказал:

— La sorciere est morte[1].

Задумал убить еще одну колдунью. Я похолодела, в глазах потемнело, но Мэтью не дал мне упасть.

---

[1] Эта ведьма — покойница *(фр.)*.

— Крепись. Не теряй сознания, Диана.

— Тебе непременно надо было убивать Джиллиан? — всхлипнула я.

— Да, — жестко ответил он.

— Почему я должна была услышать об этом от кого-то другого? Сату сказала, что ты был у меня в квартире и одурманивал меня своей кровью. Почему ты мне не сказал?

— Боялся тебя потерять. Ты так мало обо мне знаешь, Диана. Я скрытен и способен на все, чтобы защитить своих близких. Вплоть до убийства. Таков я.

Я снова повернулась к нему, сложив руки на обнаженной груди. В душе боролись страх, гнев и еще более темное чувство.

— Ты и Сату убьешь?

— Да. — Мэтью не извинялся и ничего не желал объяснять, но я видела по темно-серым глазам, что он едва сдерживается. — Ты гораздо храбрее меня, я тебе уже говорил. Хочешь посмотреть, что она с тобой сделала? — спросил он, держа меня за локти.

Я подумала и кивнула.

Изабо запротестовала по-окситански, но он зашипел на нее:

— Она это пережила, Maman, значит и посмотреть может.

Женщины отправились за зеркалами, а Мэтью принялся промокать мой торс полотенцем.

— Терпи, — говорил он, когда я ежилась.

Изабо и Марта принесли зеркала: одно из гостиной, в ажурной позолоченной раме, второе высокое, во весь рост, — только вампир мог втащить такое на башню. Мэтью поставил высокое у меня за спиной, а другое Изабо и Марта держали передо мной.

Я хорошо видела и собственную спину, только это была не моя спина — кожу с нее содрали и выжгли на красном какие-то черные круги и знаки.

— Сату сказала, что вскроет меня, мама, — прошептала я, точно в трансе. — Но я запрятала свои тайны глубоко-глубоко, как ты и велела.

Я увидела в зеркале, как Мэтью бросился меня подхватить, — и все заволокло мраком.

Сознание вернулось у камина в спальне. Я сидела на стуле с алой узорчатой обивкой; напротив стоял еще один такой же

с горкой подушек, на которые я опиралась грудью. На спину кто-то накладывал мазь — Марта. Ее энергичные движения отличались от прохладных прикосновений Мэтью.

— Мэтью, — просипела я, повернув голову.

В поле зрения тут же возникло его лицо.

— Что, милая?

— Почему совсем не больно?

— Магия, — подмигнул он, изобразив ради меня улыбку.

— Морфин, — вспомнила я.

— А я что говорю? Все, кто испытывал боль, знают, что он сродни магии. Теперь, когда ты очнулась, мы тебя перевяжем. Это ускорит заживление, — объяснил он, перебрасывая Марте широкий бинт.

Ну что ж, заодно и грудь прикрост, поскольку лифчик мне в ближайшем будущем носить не придется.

Меня обмотали невероятным количеством марли — из-за воздействия наркотика я наблюдала за этим как бы со стороны. Но когда Мэтью стал рыться в своем саквояже и говорить что-то про швы, отрешенности как не бывало. Ребенком я нечаянно наткнулась бедром на длинную вилку, на которой жарят маршмэллоу, и месяцами потом мучилась кошмарами. Тогда тоже накладывали швы. Я рассказала об этом Мэтью, но он не смягчился:

— Порез на руке придется зашить, иначе не заживет.

Пока меня одевали, Мэтью пил вино, держа бокал дрожащими пальцами. Ни одна из моих вещей не застегивалась спереди, поэтому Марта притащила снизу охапку одежды и меня облачили в одну из рубашек Мэтью. Она болталась на мне, зато была приятной на ощупь. Сверху осторожно надели его же черный кашемировый кардиган. Черные брюки стретч завершили туалет, и Мэтью усадил меня на диван, в подушки.

— Переоденься, — сказала Марта, подтолкнув его к ванной.

Он принял душ, вышел к нам в чистых брюках, подсушил у огня волосы и надел все остальное.

— Ничего, если я схожу вниз на минутку? Изабо и Марта побудут с тобой.

Я кивнула, решив, что он хочет поговорить с братом. Действие морфина еще не прошло.

Изабо то и дело бормотала себе под нос на каком-то неведомом языке, не окситанском и не французском. Марта суетилась вокруг меня. Они убрали из комнаты почти все мои окровавленные лохмотья, и тут пришел Мэтью. Рядом с ним трусили, высунув языки, Фаллон и Гектор.

— Собакам не место в доме, — выговорила ему Изабо.

Псы с интересом переводили взгляд с нее на Мэтью. Тот прищелкнул пальцами, показал на пол, и они улеглись, обратив морды ко мне.

— Они останутся с Дианой, пока мы не уедем.

Изабо вздохнула, но спорить не стала.

Мэтью положил мои ноги себе на колени. Марта подала ему вино, а мне кружку с чаем, а потом они с Изабо ушли.

Морфин и ласковые пальцы Мэтью погрузили меня в полудрему. Я перебирала в памяти все, что произошло, пытаясь отделить реальное от воображаемого. Видела ли я в каменном мешке призрак матери или просто вспоминала то, что она мне говорила перед поездкой в Африку? Может быть, воображение помогало мне бороться со стрессом?

— Что с тобой, ma lionne?[1] — спросил Мэтью, когда я нахмурилась. — Тебе больно?

— Нет, просто задумалась. — Постепенно я выбиралась из тумана на твердую землю. — Как называется то место?

— Ла-Пьер. Это старый замок, где давно никто не живет.

— Я познакомилась с Гербертом. — Мысли скакали, не желая задерживаться на чем-то одном.

— Он там был? — замер Мэтью.

— Недолго. Они с Доменико ждали нас в замке, но Сату их прогнала.

— Он к тебе прикасался?

— Один раз, к щеке, — вздрогнула я. — Рукопись когда-то была у него — он хвастался, что привез ее из Испании. Когда выяснилось, что она заколдована, он подчинил себе какую-то колдунью, надеясь, что та сумеет снять чары.

— Не расскажешь, что с тобой было?

[1] Моя львица *(фр.)*.

И я рассказала, хотя сначала мне казалось, что все слишком свежо и еще не время. На том месте, где Сату пыталась вскрыть меня и отыскать спрятанную магию, Мэтью пересел так, чтобы я вместо подушек опиралась на него.

Рассказ скоро прервался слезами. Откровения Сату на его счет не вызвали у Мэтью никаких заметных эмоций, и он ни о чем не спрашивал — даже когда дело дошло до матери и до яблони, чьи корни ползли по каменным плитам Ла-Пьера.

Я умолчала об отце, о сказках и о том, как бежала через поле за домом Сары. С этим можно и повременить — главное, что начало положено.

— Что будем делать теперь? — спросила я. — Нельзя допустить, чтобы Конгрегация взялась за Сару и Эм — или за Изабо с Мартой.

— Это зависит от тебя. Если ты скажешь, что с тебя довольно, я все пойму.

Я повернула голову, но он смотрел в темное окно, а не на меня.

— Ты сказал, что наш брак заключен на всю жизнь.

— Мои чувства к тебе останутся неизменными, но ты — другое дело. Ты не вампир. После того, что случилось с тобой сегодня... Если ты стала иначе ко мне относиться, только скажи.

— Нет, не стала. Даже Сату при всех своих стараниях ничего не добилась. Моя мать, когда я взлетала к тебе из темницы, твердо сказала, что ты тот самый, кого я ждала.

Не совсем так — она сказала «тот самый, кого мы ждали», но я утаила это, не понимая, что она имела в виду.

Мэтью запрокинул мне голову и всмотрелся в мое лицо:

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Его страдальческая гримаса немного разгладилась. Мэтью хотел поцеловать меня, но раздумал.

— Губы — единственное, что у меня не болит, — заверила я.

Хотелось убедиться, что не каждый, кто к тебе прикасается, причиняет боль.

Его рот приник к моему. Аромат гвоздики смыл память о Ла-Пьере. На миг я забылась в объятиях вампира, но тут же встрепенулась:

— Так что же дальше?

— Изабо права, нужно ехать к тебе домой. Вампиры не помогут тебе овладеть магией, а колдуны не оставят в покое.

— Когда отправляемся?

Моя покорность, зародившаяся после Ла-Пьера, явно застала Мэтью врасплох.

— Полетим с Болдуином на вертолете в Лион. Его самолет уже заправлен и ждет нас. Сату и другие колдуны из Конгрегации непременно вернутся сюда — не сразу, но вернутся.

— А Изабо с Мартой не опасно оставаться здесь без тебя?

Мэтью от души рассмеялся:

— Они пережили почти все главные войны в истории. Кучка вампиров и колдуны-ищейки их вряд ли напугают. До отъезда я должен кое-что сделать, а ты отдохни, хорошо? Я пришлю к тебе Марту.

— Мне нужно уложить вещи.

— Марта уложит. Изабо тоже поможет, если ты не против.

Я охотно согласилась — мысль о присутствии Изабо почему-то успокаивала.

Мэтью поправил подушки и позвал женщин. Собаки по его знаку перешли к лестнице и легли там в позе львов возле Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Тихие шаги и разговоры обеих женщин скоро меня усыпили. Когда я проснулась, дорожная сумка стояла перед камином, а Марта запихивала в нее жестяную коробочку.

— Что это? — спросила я.

— Твой чай. По чашке в день, помнишь?

— Помню, Марта. — Я снова прилегла на подушки. — Спасибо тебе за все.

Ее скрюченная рука погладила мои волосы.

— Он тебя любит, знаешь? — грубовато спросила она.

— Знаю, Марта. Я тоже его люблю.

Гектор и Фаллон повернули головы к лестнице, услышав кого-то. Вошел Мэтью — пощупал мой пульс, кивнул, подхватил меня на руки и понес вниз. Благодаря морфину я чувствовала только легкое потягивание в спине. Собаки замыкали маленькую процессию.

Свечи в кабинете не горели, огонь в камине отбрасывал тени на книжные полки. Мэтью нашел глазами игрушечную башенку, безмолвно прощаясь с Люка и Бланкой.

— Мы вернемся, как только сможем, — пообещала я.

Мэтью улыбнулся — одними губами.

Болдуин ждал в холле, Изабо никак не могла подойти из-за крутящихся под ногами собак.

Мэтью отогнал их, и ее холодные руки легли мне на плечи.

— Будь храброй, дочка, и слушайся Мэтью, — наказала она, целуя меня в обе щеки.

— Прости, что навлекла беду на твой дом.

— Hein, этот дом не такое видывал.

— Если что пойдет не так, дай мне знать.

— Хорошо, Болдуин. Счастливо тебе.

Когда Болдуин поцеловал мать и вышел, Мэтью быстро проговорил:

— В отцовском кабинете лежат письма, семь штук. За ними зайдет Ален; он знает, что делать.

— Итак, все начинается сызнова, — кивнула его мать. — Отец гордился бы тобой, Мэтью.

Вся честная компания — вампиры, собаки и одна колдунья — проследовала к стоящему на газоне вертолету. Лопасти понемногу раскручивались. Мэтью подсадил меня в кабину и залез сам.

Взлетев, мы ненадолго зависли над замком, а потом устремились на восток, к горящим на темном предутреннем небе огням Лиона.

Глава 32

Я не открывала глаз до самого аэропорта. Пройдет еще немало времени, прежде чем воздушные перелеты перестанут напоминать мне о Сату.

В Лионе все уладилось в мгновение ока. Мэтью, видимо, всем распорядился из Сет-Тура и уведомил власти, что самолет нужен для медицинских целей. Служащие, увидев его удостоверение и мою потрепанную особу, тут же запихнули меня, вопреки протестам, в кресло-каталку и повезли к самолету. Следом поспешал иммиграционный офицер с моим паспортом, куда уже поставили штамп. Болдуин шагал впереди, и все уступали ему дорогу.

Самолет де Клермонов походил на роскошную яхту. Раскладывающиеся кресла мгновенно превращались в кровати, всюду стояли диванчики и столики, на бортовой кухне ждал наготове стюард в форме, с бутылкой красного вина и охлажденной минералкой. Мэтью усадил меня, обложил подушками и сел рядом. Болдуин разложил бумаги на длинном — впору совещания проводить — столе, включил два компьютера и начал бесконечные телефонные переговоры.

Сразу после взлета Мэтью велел мне спать. Я заартачилась, и он пригрозил вкатить еще одну дозу морфина. Пока мы препирались, у него в кармане зажужжал телефон.

— Это Маркус. — Мэтью нажал зеленую кнопку, а его брат поднял голову от своих бумаг. — Привет. Я в самолете, лечу в Нью-Йорк с Болдуином и Дианой. — Он говорил быстро, не давая Маркусу вставить слово.

После отбоя на дисплее появилось сразу несколько сообщений. Эсэмэски, как видно, придумали специально для скрытных

вампиров. Быстро напечатав что-то в ответ, Мэтью скупо мне улыбнулся.

— Все в порядке? — спросила я, зная, что при Болдуине он все равно ничего не скажет.

— Да. Он просто спрашивал, где мы.

Сомнительно что-то, учитывая ранний до неприличия час.

Мне и правда хотелось спать — Мэтью не пришлось особенно уговаривать.

— Спасибо, что нашел меня, — сказала я, закрывая глаза.

Он молча положил голову мне на плечо.

Я проспала до самой Ла-Гуардии, где мы приземлились на поле для частных самолетов. То, что мы прибыли сюда, а не в более крупный и людный аэропорт на другом конце города, лишний раз подчеркивало волшебную легкость вампирских перемещений. Мэтью, показав свое удостоверение, продлил волшебство, и мы быстро прошли паспортный контроль и таможню.

— Ну и видок у вас обоих, — сказал Болдуин брату, везущему меня в кресле.

— Ta gueule[1], — процедил Мэтью с фальшивой улыбочкой.

Даже мое знание французского позволило понять, что при матери он бы не стал так выражаться.

— Молодец, — широко улыбнулся Болдуин. — Рад видеть, что ты еще не растерял боевой дух, — он тебе скоро понадобится. — Он взглянул на часы, вполне вписывающиеся в его образ, — модель для дайверов и пилотов-истребителей, устойчивая к перегрузкам и со множеством шкал. — Через пару часов у меня встреча, но я еще успею дать вам совет.

— Обойдусь как-нибудь, Болдуин, — сладким голосом сказал Мэтью.

— Не обойдешься — и вообще я не с тобой разговариваю. — Он присел на корточки так, чтобы его светло-карие глаза пришлись вровень с моими. — Знаешь, что такое гамбит, Диана?

— Смутно. Шахматный термин.

— Правильно. Гамбит внушает противнику чувство ложной безопасности: ты сознательно жертвуешь чем-то, чтобы получить преимущество.

---

[1] Заткни пасть *(фр.)*.

Мэтью тихо зарычал:

— Принцип мне понятен.

— Так вот, в Ла-Пьере они, по-моему, разыграли гамбит, — продолжал Болдуин, не сводя с меня глаз. — Конгрегация позволила тебе уйти по непонятной для нас причине. Сделай свой ход до того, как они сделают свой. Не жди очереди, как хорошая девочка, и не думай, что если ты пока на свободе, то и бояться нечего. Подумай, что нужно сделать, чтобы остаться в живых, и сделай это.

— Спасибо.

Его близость, хоть он и был Мэтью братом, нервировала меня. Я протянула ему забинтованную правую руку.

— Родственники, сестренка, не так прощаются. — Не дав мне опомниться, Болдуин схватил меня за плечи и поцеловал в обе щеки, демонстративно вдыхая мой запах.

Я расценила это как угрозу, — возможно, Болдуин того и хотел.

— Мэтью, abientot[1], — сказал он, поднявшись.

— Погоди. — Мэтью, насколько я могла видеть из-за его широкой спины, вручил брату пакет, запечатанный черным воском. — Ты сказал, что не станешь подчиняться моим приказам, но после Ла-Пьера мог передумать.

Болдуин скривился, взял пакет, склонил голову и произнес:

— Je suis a votre commande, seigneur[2].

Искренности в его голосе я не почувствовала. Болдуин был рыцарем, Мэтью — его командиром. Старший брат подчинялся младшему по традиции, хотя ему это явно не нравилось. Он поднес пакет ко лбу шутовским жестом, притворяясь, что отдает честь.

Мэтью, проводив его взглядом, покатил меня к выходу. Там нас ждал «рейнджровер», заказанный еще над Атлантикой. Человек в униформе молча отдал Мэтью ключи, погрузил наши чемоданы в багажник и ушел. Мэтью взял сзади голубую парку, предназначенную скорее для арктических экспедиций, чем для нью-йоркской осени, и устроил мне пуховое гнездышко на переднем сиденье.

---

[1] Пока *(фр.)*.

[2] Сеньор, я в вашем распоряжении *(фр.)*.

Движение с утра было не слишком оживленное, и мы скоро выбрались за город. Навигатор, запрограммированный на мэдисонский адрес, сообщил, что мы там будем примерно через четыре часа. Небо понемногу светлело. Я беспокоилась, как отнесутся к Мэтью Сара и Эм.

— Хорошо, что прибытие ожидается после завтрака. — Сара, чтобы прийти в норму, нужно хорошенько напиться кофе. — Надо бы позвонить им, предупредить, что мы едем.

— Я уже позвонил. Из Сет-Тура.

Вот что значит быть в надежных руках. Я устроилась поудобнее, все еще в легком тумане от усталости и морфина.

В спальнях и на кухнях небогатых ферм светились огни, вокруг красными и золотыми факелами сияли деревья. Октябрь — лучшее время в штате Нью-Йорк: когда листья опадут, Мэдисон и его окрестности будут стоять серо-бурыми, пока их не укроет первый белый снег.

Мы свернули на проселок, ведущий к Бишопам. Добротный квадратный дом, построенный в конце восемнадцатого века, стоял на пригорке чуть поодаль от дороги в окружении кустов сирени и старых яблонь. Белые дощатые стены отчаянно нуждались в покраске, штакетник местами рухнул, но из обеих труб приветственно поднимался белый дымок.

Мэтью, хрустя ледком на замерзших лужах, поставил машину рядом с заслуженным, некогда бордовым автомобилем Сары. Заднее стекло украшали новые наклейки. Рядом со старой доброй «У МЕНЯ ЕЩЕ И МЕТЛА ЕСТЬ» появились «ЯЗЫЧНИЦА С ПРАВОМ ГОЛОСА» и «ВИККАНСКАЯ АРМИЯ: МЫ НЕ УЙДЕМ В НОЧЬ БЕЗМОЛВНО». Я вздохнула.

— Это мне полагается волноваться, — заметил Мэтью, выключив зажигание.

— А ты разве не волнуешься?

— Меньше, чем ты.

— Когда приезжаю домой, всегда превращаюсь в подростка. Никаких желаний, кроме телевизора и мороженого. — Я напустила на себя веселость ради него, хотя не предвидела ничего хорошего от возвращения в родные края.

— Думаю, это мы тебе обеспечим, а пока перестань притворяться, будто ничего не случилось. Меня ты не обманешь, и своих тетушек тоже.

Оставив меня в машине, он перенес к двери наш багаж, на удивление внушительный: две компьютерные сумки, мою непрезентабельную йельскую и элегантный кожаный чемодан, по виду викторианский. А также свой докторский саквояж, длинное серое пальто, мою новую парку и ящик с вином. Мэтью поступил мудро: Сара предпочитала напитки покрепче, а Эм в рот не брала алкоголя.

После этого он извлек из машины меня. Встав на крыльцо, я осторожно оперлась на правую ногу. Сквозь окошечки по бокам от красной парадной двери был виден холл. К нашему приезду в доме зажгли все лампы.

— Чую кофе, — улыбнулся мне Мэтью.

— Значит, уже встали. — Знакомая щеколда на двери открылась сразу. — Не заперто, как всегда. — Я ступила внутрь, стараясь не растерять храбрости. — Сара? Эм?

К столбику лестницы был пришпилен листок, исписанный решительным тетиным почерком:

«Решили, что вам надо побыть наедине с домом. Не спешите. Мэтью может занять бывшую комнату Эм, твоя тоже готова».

Эм приписала внизу свой постскриптум:

«Селитесь в родительской спальне».

Наверху было тихо. Все двери, даже в гостиную, стояли открытые и держались спокойно, не болтаясь на петлях.

— Хороший знак, — заметила я.

— То, что они оставили нас вдвоем?

— Нет, тишина. Дом способен выкинуть какой-нибудь номер при появлении незнакомца.

— У вас тут нечисто? — Мэтью с интересом оглядывался по сторонам.

— Ясно, что нечисто, раз мы все колдуньи. Но дело не только в этом. Дом, он... живой и реагирует на гостей по-своему. Чем больше внутри Бишопов, тем хуже себя ведет, — вот почему ушли Эм и Сара.

На периферии зрения подрагивал световой блик. У камина в гостиной сидела в незнакомом кресле-качалке моя давно усопшая бабушка — я уже не застала ее в живых. Она улыбалась мне — молодая и красивая, как на свадебной фотографии, что висела у нас на лестнице.

— Бабуля? — сказала я робко, невольно улыбнувшись в ответ.

Красавчик, а? — подмигнула она, ее голос напоминал шелест вощеной бумаги.

Да уж, согласилось еще одно привидение, просунув голову в дверь. *Неживой только.*

Что ж делать, Элизабет. Привыкать надо.

— Там кто-то есть, — сказал Мэтью, заглядывая в гостиную. — Я что-то чую и слышу тихие звуки, но никого не вижу.

— Призраки. — Вспомнив Ла-Пьер, я стала искать глазами отца и мать.

Их здесь нет, с грустью сказала бабушка.

Я разочарованно перевела взгляд с покойных родственниц на неживого мужа.

— Давай занесем вещи наверх — пусть дом с тобой познакомится.

Навстречу нам с душераздирающим воем вылетел угольно-черный меховой шар. Остановившись в футе от меня, он преобразился в шипящую, вздыбившуюся кошку.

— Я тоже рада тебя видеть, Табита. — Мы с тетиной кошкой питали друг к другу обоюдную неприязнь.

Табита, перестав выгибаться дугой, стала подкрадываться к Мэтью.

— С собаками вампирам как-то спокойнее, — сказал он, когда она потерлась об его ноги.

Табита, вознамерившись, видимо, изменить его мнение о семействе кошачьих в лучшую сторону, мурлыкала как заведенная.

— Черт меня побери, — удивилась я такому непривычному поведению. — Самая извращенная кошка в мировой истории, это факт.

Табита зашипела на меня, не прекращая тереться о лодыжки гостя.

— Не обращай внимания, — посоветовала я, ковыляя к лестнице.

Мэтью последовал за мной с багажом, приспосабливаясь к моему медленному шагу.

Его, кажется, совсем не тревожило, что дом его изучает, зато меня переполняли дурные предчувствия. Картины, падающие

гостям на голову, хлопающие окна и двери, внезапно гаснущий свет. Я перевела дух, когда мы без происшествий добрались до второго этажа.

— Мало кто из моих друзей здесь бывал, — призналась я. — Встречались обычно в Сиракьюсе, в торговом центре.

Верхние комнаты располагались на все четыре стороны от лестничной площадки: впереди спальня Сары и Эм, выходившая на подъездную аллею, сзади спальня родителей с видом на поля и старый яблоневый сад, переходящий в густой лес с дубами и кленами. Дверь в комнату была открыта. Постояв нерешительно в приветливом золотистом прямоугольнике света, падавшем из-за нее, я переступила порог.

Здесь было тепло и уютно, хотя о сочетании красок и гармонии интерьера никто и не думал. Простые белые занавески на окнах, широкая кровать с горкой подушек и лоскутных одеял, в щели между широкими сосновыми половицами свободно может провалиться расческа. В ванной направо щелкал и шипел радиатор.

— Ландыш, — принюхавшись, определил Мэтью.

— Любимые мамины духи.

На письменном столе стоял старый флакон из-под «Диориссимо» с черно-белой ленточкой вокруг горлышка.

Мэтью скинул поклажу на пол.

— Не грустно тебе здесь будет? Может, займешь свою старую комнату, как предлагает Сара?

— Ну уж нет. Она на чердаке, без ванной, и вдвоем мы на девичьей кровати никак не уместимся.

— Я думал, мы... — отвел взгляд Мэтью.

— Будем спать врозь? Не пойдет. Мы женаты не только по-вампирски, по-колдовски тоже. — Я притянула его к себе.

Дом с легким вздохом присел на фундаменте, словно устраиваясь поудобнее для долгой беседы.

— Да, но врозь было бы легче...

— Для кого?

— Для тебя. Ты нездорова, тебе лучше спать одной.

Я знала, что без него ни за что не усну, и, не желая лишний раз его волновать, предложила попросту:

— Поцелуй меня.

Он стиснул губы в знак отказа, но глаза говорили «да». Я прижалась к нему, и он поцеловал меня — нежно и ласково.

— Я думал, ты потеряна для меня навсегда, — бормотал он, прислонившись своим лбом к моему. — А теперь боюсь, что ты разобьешься на кусочки из-за того, что натворила Сату. Случись с тобой что-нибудь, я бы спятил.

Мой запах немного успокоил его, руки легли мне на бедра. Эта часть моего тела почти не пострадала, поэтому его ласка и расслабляла, и заводила. После всех испытаний я желала Мэтью еще сильнее.

— Чувствуешь? — Я прижала его руку к середине груди.

— Что?

Я не была уверена, что это доступно даже его сверхъестественным чувствам, но сосредоточилась на той невидимой цепи, которая развернулась после нашего первого поцелуя. Когда я мысленно тронула ее пальцем, она отозвалась тихим и ровным гулом.

— Да, чувствую. Что это? — Удивленный Мэтью приложил мне к груди ухо.

— Это ты — там, внутри. Ты держишь меня, как якорь на конце длинной серебряной цепи, — потому я, должно быть, так в тебе и уверена. — Мой голос дрогнул. — Только благодаря этому я смогла вытерпеть все, что делала и говорила Сату.

— Вот так же звучит твоя кровь, когда ты мысленно говоришь с Ракасой или вызываешь колдовской ветер. Теперь, зная, к чему прислушиваться, я это явственно слышу.

Изабо говорила, что слышит, как поет моя колдовская кровь. Я попыталась усилить музыку, и вибрация наполнила все мое тело.

— Изумительно, — улыбнулся мне Мэтью.

Гул сделался громче — я теряла контроль над пульсирующей внутри энергией. Над головой брызнули во все стороны звезды.

— Ой-ой:

Спину мне защекотали десятки призрачных глаз, но дверь захлопнулась и отгородила меня от предков, собравшихся поглазеть на фейерверк, словно в День независимости.

— Это ты сделала?

— Нет. Петарды мои, а дверь закрыл дом. У него пунктик насчет личного пространства.

— И слава богу. — Мэтью поцеловал меня так, что призраки за дверью зашептались.

Фейерверк сплошной аквамариновой полосой завис над комодом.

— Я люблю тебя, Мэтью Клермонт, — сказала я при первой же возможности.

— Я люблю тебя, Диана Бишоп, но Сара и Эмили, вероятно, закоченели. Покажи мне остальную часть дома, чтобы они могли вернуться в тепло.

Мы прошлись по другим комнатам на втором этаже — они почти не использовались и были завалены разнообразным хламом: что-то привезла с собой Эм — любительница гаражных распродаж, с чем-то Сара никак не могла расстаться — а вдруг пригодится.

Мэтью помог мне подняться на чердак, где протекало мое трудное отрочество. На стенах между постерами с музыкальными группами еще сохранились лиловые и зеленые мазки — детские попытки оживить интерьер.

Нижние помещения — кабинет, большая и маленькая гостиные, редко используемая столовая — предназначались в основном для приема гостей. Сердцем дома служила еще одна комната, примыкавшая к кухне, так называемая семейная, — тетушки ели и смотрели телевизор именно там.

— Эм, кажется, опять села на иглу. — Я взяла в руки незаконченную вышивку с изображением цветочной корзинки. — А Сара взялась за старое.

— Она курит? — принюхался Мэтью.

— Только когда у нее стресс. Эм выгоняет ее на улицу, но в доме все-таки пахнет. Тебе неприятно? — Конечно, он ведь так чувствителен к запахам.

— Dieu, мне и худшее случалось терпеть.

В просторной кухне сохранились сложенные из кирпича печи и камин, в котором можно было стоять, но современные удобства тоже имелись. Каменный пол за два с лишним века по-

видал всякое: на него роняли кастрюли, по нему ходили мокрые лапы и грязные башмаки, не говоря уж о разных колдовских штучках. Я показала Мэтью Сарину мастерскую-буфетную — бывшая отдельно стоящая летняя кухня теперь слилась с домом, но крюки для котлов и вертела для мяса остались. На потолке висели травы, на полке хранились сушеные фрукты и банки с зельями. Здесь наша экскурсия закончилась, и мы вернулись на кухню.

— Все такое коричневое, — сказала я, включая и выключая на крыльце свет — давний сигнал Бишопов, означающий «можно войти».

Коричневый холодильник, коричневые шкафы, красно-коричневый кирпич, коричневый дисковый телефон, ветхие коричневые обои.

— Не помешал бы хороший слой белой краски.

Мэтью в ответ показал глазами на заднюю дверь.

— Если уж возьмешься, то лучше это делать в феврале, — послышалось из прихожей.

Появилась румяная от холода Сара, в джинсах и клетчатой рубашке слишком большого размера, рыжие волосы были растрепаны.

— Здравствуй, Сара. — Я попятилась к раковине.

— Здравствуй, Диана. — Она уставилась на синяк у меня под глазом. — А это, я полагаю, вампир?

— Да. — Я снова ступила вперед, чтобы всех представить, и тетушка тут же обратила внимание на мою ногу. — Сара — Мэтью Клермонт. Мэтью — моя тетя Сара Бишоп.

— Сара, — протянул руку Мэтью, глядя ей в глаза.

Она поджала губы. Ее бишоповский подбородок, такой же как у меня, сегодня выглядел еще длиннее обычного.

— Мэтью. — Они обменялись рукопожатием, и Сара, поморщившись, сказала через плечо: — Да, Эм, — точно вампир.

— Спасибо, Сара. — Вошла Эм с охапкой дров.

Она выше меня и Сары, и шапка серебряных волос почему-то не старит ее, а, наоборот, молодит. Ее узкое лицо при виде нас расплылось в улыбке.

Мэтью подскочил, чтобы забрать у нее дрова. Табита, почтившая нас своим присутствием как раз в этот момент, принялась

выписывать вокруг его ног восьмерки, но он умудрился дойти до камина, не наступив на нее.

— Спасибо, Мэтью. И за это, и за то, что привезли Диану домой, — мы так волновались, — сказала Эм, отряхивая руки и свитер.

— Не за что, Эмили.

Эм он, похоже, очаровал сразу, с Сарой придется сложнее, хотя Сара и наблюдала с изумлением за ластившейся Табитой.

Я попыталась отойти в тень, пока Эм не разглядела меня как следует, но она уже разглядела.

— Диана!

— Сядь! — приказала Сара, выдвинув табуретку.

Мэтью скрестил руки, подавляя желание вмешаться. Волчий инстинкт, побуждающий его меня защищать, никуда не делся и в Мэдисоне. Мэтью реагировал, когда кто-то из созданий подходил чересчур близко ко мне, и относилось это не только к вампирам.

— Давай снимем рубашку, — предложила тетя, обведя меня взглядом.

Я послушно взялась за пуговицы.

— Может быть, посмотрим ее наверху? — Эм с беспокойством взглянула на Мэтью.

— Он это все уже видел. Вы, случайно, не голодны? — не оглядываясь, бросила Сара.

— Нет, — сухо ответил Мэтью, — поел в самолете.

Взгляды обеих тетушек защекотали мне шею.

— Сара! Эм! — возмутилась я.

— Просто на всякий случай, — мягко заверила Сара, рассматривая мою забинтованную руку, обмотанный, как у мумии, торс и прочие повреждения.

— Мэтью меня уже смотрел. Он врач, помнишь?

Она нажала пальцами на ключицу, и я сморщилась.

— Вот это он пропустил. Тоненькая, но трещина. А с ногой что?

Как всегда, от Сары ничего не удалось скрыть.

— Сильное растяжение плюс поверхностные ожоги первой и второй степени. — Мэтью не сводил глаз с рук Сары, готовый вмешаться, если она сделает мне очень уж больно.

— Откуда могли взяться одновременно ожоги и растяжение? — Сара обращалась с ним как со студентом-первогодком на обходе больных.

— Это случается, когда тебя вверх ногами подвешивает колдунья-садистка, — ответила я, продолжая морщиться: Сара ощупывала лицо.

— Что с рукой? — будто не слыша, осведомилась она.

— Глубокий порез — пришлось наложить швы, — терпеливо ответил Мэтью.

— Что вы ей давали?

— Обезболивающее, диуретик против отеков, антибиотик широкого спектра. — В его голосе начинало сквозить раздражение.

— А торс почему забинтован? — спросила, прикусив губу, Эм.

Я почувствовала, что бледнею.

— Подождем с этим, Эм, — сказала Сара, испытующе посмотрев на меня. — Начнем с главного: кто это сделал, Диана?

— Колдунья по имени Сату Ярвинен. Шведка, наверно. — Я инстинктивно прикрыла руками грудь.

Мэтью отвлекся, чтобы подложить дров в огонь.

— Не шведка, финка. Очень сильная, но, когда я снова ее увижу, она пожалеет, что на свет родилась.

— После меня от нее не так много останется, — вставил Мэтью, — так что поспешите, если хотите ее застать. Я обычно с такими делами не затягиваю.

Сара взглянула на него по-новому, почувствовав в этих словах не просто угрозу, как у нее, но твердое обещание.

— Кто лечил Диану, помимо вас?

— Моя мать и Марта, ее экономка.

— Им известны хорошие старые зелья, но я могу чуть больше, — засучила рукава Сара.

— Рановато для колдовства. Вы уже пили кофе? — Мой взгляд молил Эм о помощи, но та сказала, сжав мою руку:

— Не спорь, детка. Чем скорей Сара закончит, тем скорей ты поправишься.

Сара уже шевелила губами; Мэтью следил за ней как завороженный. Она легонько прикоснулась к моей скуле. Кость прошило током, и трещина тут же срослась.

— Ой! — Я схватилась за щеку.

— Сейчас пройдет. Раз стерпела такие издевательства, лечение и подавно вытерпишь. — Сара, обследовав щеку, принялась за ключицу — эта более толстая кость потребовала более сильного разряда. — Снимите с нее ботинок, — распорядилась она, уходя в буфетную.

Врач высочайшей квалификации подчинился без единого звука: когда Сара вернулась с мазью, моя нога уже покоилась у него на колене.

— В моем чемоданчике наверху есть ножницы, — сказал он, принюхиваясь к открытой банке. — Принести?

— Не надо. — Сара произнесла несколько слов, и бинт на лодыжке стал разматываться сам собой.

— Здóрово, — позавидовал Мэтью.

— Рисуется она, — буркнула я.

Бинт свернулся в рулон, и все уставились на мою ногу. Выглядела она скверно и начинала гноиться. Сара спокойным голосом забормотала заклинания, но, судя по красным пятнам на щеках, ее одолевала ярость. Черные и белые отметины скоро пропали; воспаленное кольцо вокруг щиколотки осталось, но опухоль заметно спала.

— Спасибо, Сара. — Я пошевелила ногой, которую она мазала.

— Неделю без йоги и три без бега, Диана. Надо, чтобы нога отдохнула и зажила.

По ее велению лодыжку обмотал чистый бинт.

— Потрясающе, — покачал головой Мэтью.

— Не возражаете, если я и на руку взгляну?

— Нисколько. Там немного повреждена мышца — можете залечить?

— Посмотрим, — чуть самодовольно ответила Сара.

Четверть часа спустя после нескольких заклинаний на коже остался лишь тонкий красный рубец.

— Отличная работа. — Мэтью поворачивал руку туда-сюда, восхищаясь мастерством Сары.

— Вы тоже хорошо швы наложили. — Сара выпила залпом стакан воды.

Я потянулась за рубашкой, но Мэтью сказал:

— Посмотри́те еще и спину.

— Спина подождет, — огрызнулась я. — Сара устала, я тоже.

— Что там, Мэтью? — спросила она.

Мне в их иерархии отводилось последнее место.

— Надо и спину вылечить, — твердо повторил вампир, не сводя с меня глаз.

— Нет! — Я судорожно прижала к груди рубашку.

Мэтью присел, положил руки мне на колени:

— Ты же видишь, что может Сара. С ее помощью ты вылечишься гораздо быстрее.

Нет. Никакое колдовство не излечит меня от Ла-Пьера.

— Пожалуйста, mon coeur. — Мэтью осторожно забрал у меня скомканную рубашку.

Я нехотя согласилась. Спина зудела под взглядами Сары и Эм, инстинкт приказывал бежать, Мэтью держал меня за руки.

— Я с тобой, — сказал он, когда бинты, повинуясь Саре, разделились надвое вдоль позвоночника.

Эм судорожно вдохнула, Сара молчала.

— Это взрезающие чары, неприменимые к живым существам! — гневно сказала она после паузы. — Она чуть не убила тебя.

— Добывала из меня магию, как из пиньяты[1]. — Я истерически хихикнула, представив, как вишу на дереве, а Сату с завязанными глазами лупит по мне палкой.

— Я не тороплю вас, Сара, но лучше все-таки поскорее, — сказал Мэтью, видя, что со мной творится (вот, наверное, ласковым взглядом наградила его тетя). — О Сату поговорим после.

Я о Сату не забывала ни на миг — неудивительно, когда у тебя за спиной две колдуньи. Я старалась уйти поглубже в себя, полностью отключить мысли. Новую дозу колдовства мой организм уже не мог вынести.

— Заканчиваете уже? — напряженно спросил Мэтью.

— С двумя знаками я ничего не могу поделать — останутся шрамы. — Сара обвела пальцем звезду между лопатками и обращенную книзу дугу под ней.

---

[1] *Пиньята* — мексиканская кукла из папье-маше с игрушками и сластями внутри. В конце праздника ее с завязанными глазами разбивают палкой.

В мозгу тут же возникла картинка — звезда с полумесяцем.

— Они что-то подозревают, Мэтью! — застыв от ужаса, крикнула я.

Печати были надежно укрыты в потайном ящике, и сам орден, я чувствовала это, тоже существовал под покровом тайны. Но Сату знала о нем, и другие колдуны из Конгрегации, скорее всего, тоже.

— Что ты говоришь, милая? — Мэтью обнял меня, но я его оттолкнула.

— Когда я отказалась выдать тебя, Сату меня заклеймила твоей печатью.

Он осторожно, стараясь не обнажать больше необходимого, повернул меня спиной к себе и тоже остолбенел.

— Это уже не подозрения. Теперь они знают точно.

— О чем вы? — недоумевала Сара.

— Дайте мне Дианину рубашку, пожалуйста.

— Шрамы не такие уж и глубокие, — пробормотала тетка, будто оправдываясь.

— Рубашку, — ледяным тоном повторил Мэтью.

Получив ее от Эм, он продел мои руки в рукава. Глаза он прятал, но жилка на лбу пульсировала.

— Прости, — прошептала я.

— Ты ни в чем не виновата. — Он взял в руки мое лицо. — Вампиры и без клейма на спине будут знать, что ты принадлежишь мне, — Сату хотела только, чтобы об этом знали и все остальные создания. Во времена моего возрождения женщинам, отдававшимся врагу, стригли волосы; она в принципе проделала с тобой то же самое. Это Изабо тебе рассказала?

— Нет. Я искала бумагу и обнаружила твой тайник.

— Какого черта здесь происходит? — рявкнула Сара.

— Не нужно мне было туда заглядывать, — шептала я, цепляясь за руки Мэтью.

Он недоверчиво посмотрел на меня и прижал к себе, не обращая внимания на мои раны. Боли я, благодаря Саре, почти не чувствовала.

— Господи, Диана! Вспомни, что я тоже украдкой проник в твои комнаты, — Сату тебе говорила. Ты случайно нашла то,

о чем я сам должен был тебе рассказать, и ничего преступного я в этом не вижу.

По кухне прокатился гром, от которого задребезжали кастрюльки и сковородки.

— Если вы немедленно не объясните, в чем тут дело, я тут все разнесу! — пригрозила Сара.

Пальцы у меня зачесались, в ногах задул ветер.

— Притормози, Сара. — Я заслонила Мэтью от бормочущей заклинание тетки.

— Не зли ее, — с тревогой вмешалась Эм, положив руку ей на плечо. — Она собой не владеет.

В левой моей руке появился лук, в правой стрела — тяжелые, но странно знакомые. Не колеблясь я взяла на прицел Сару. Она замолкла на полуслове, изумленно поглядела на Эм и промямлила:

— Вот дерьмо-то.

— Погаси огонь, детка! — взмолилась Эм.

Какой еще огонь?

— Только не в доме. Если хочешь зажечь колдовской огонь, сделай это на улице.

— Успокойся, Диана. — Мэтью прижал мои локти к бокам, и невидимые стрела и лук пропали.

— Я не потерплю, чтобы она тебе угрожала, — сказала я чужим, гулким голосом.

— Сара не угрожала мне. Просто хотела знать, о чем речь, и мы ей сейчас расскажем.

— Так ведь это тайна, — растерялась я.

Мы с ним всегда что-нибудь да скрывали: мои способности, его рыцарей.

— Хватит с нас тайн, — заявил он, дохнув мне в шею. — Они не принесли пользы ни мне, ни тебе. — Колдовской ветер улегся, и Мэтью снова прижал меня к груди.

— Она всегда так буйствует? — спросила Сара.

— Ваша племянница — настоящее чудо, — ответил Мэтью, обнимая меня и глядя ей прямо в глаза.

— Ну-ну, — пошла она на попятный, поняв, что вампир не уступит. — Могла бы сказать нам, что владеешь огнем, Диана. Это, знаешь ли, не часто встречается.

— Ничем я не владею. — Я вдруг почувствовала, что не могу стоять на ногах, и Мэтью решительно распорядился:

— Договорим наверху.

После очередной дозы обезболивающего и антибиотика он уложил меня в родительскую кровать и объяснил тетушкам, что за знак оставила на мне Сату. Табита соизволила устроиться у меня в ногах, чтобы быть поближе к нему.

— Это символ одной... ну, скажем, организации, которую много лет назад основала наша семья. Теперь о ней почти все забыли, а те, кто помнит, думают, что ее больше не существует. Мы стараемся поддерживать эту иллюзию. Сату, заклеймив вашу племянницу звездой с полумесяцем, пометила ее как мою собственность и дала заодно понять, что колдунам наша тайна известна.

— Название у этой тайной организации есть? — спросила Сара.

— Не обязательно говорить им все, Мэтью. — Я взяла его за руку.

Тем, кто знает слишком много о рыцарях Лазаря, грозила опасность, и я буквально чувствовала ее — будто над головой висела темная туча. Нельзя, чтобы под нее попали и Сара с Эм.

— Рыцари Лазаря из Вифании, — выпалил он, точно боясь передумать. — Древний рыцарский орден.

— Впервые слышу, — фыркнула Сара. — Это что-то вроде «Рыцарей Колумба»?[1] У них в Онейде филиал.

— Не совсем. — Губы Мэтью дрогнули. — Орден Лазаря образовался в эпоху Крестовых походов.

— Помнишь, мы же передачу смотрели? — вставила Эм. — Там говорилось о рыцарях-крестоносцах.

— Да, о тамплиерах, только эти теории заговора — полная чушь. Тамплиеры давным-давно перестали существовать.

— Колдунов и вампиров, по идее, тоже не существует, — заметила я.

Пальцы Мэтью обхватили мое запястье, нащупали пульс.

---

[1] *«Рыцари Колумба»* — всемирная католическая организация, основанная в 1882 г.

— Пора заканчивать разговор, — сказал он твердо. — У нас еще будет время обсудить, существуют ли рыцари Лазаря на самом деле.

Как только он выставил из комнаты упирающихся тетушек, дом взял дело в свои руки и захлопнул дверь. Щелкнул замок.

— От этой комнаты у меня нет ключа, — сообщила Сара с той стороны.

Мэтью, ничуть не обеспокоенный этим, влез на кровать и примостил мою голову у себя на груди.

— Потом, все потом, — повторял он, когда я пыталась что-то сказать.

Я насчитала два удара его сердца и уснула, не дождавшись третьего.

Глава 33

Усталость, лекарства и родной дом надолго меня усыпили. Проснулась я, лежа на животе — одно колено согнуто, рука вытянута. Мэтью рядом не было.

Не находя в себе силы сесть, я повернула голову к двери. В замке торчал ключ, из коридора слышались голоса, делающиеся четче по мере моего пробуждения.

— Возмутительно! — кипятился Мэтью. — Не понимаю, как вы это допустили!

— Мы не представляли себе всей мощи ее силы, — с неменьшим жаром ответила Сара. — Она, конечно, обещала стать выдающейся колдуньей, учитывая родителей, но колдовского огня я, признаться, не ожидала.

— Эмили, как вы узнали, что она готовится его вызвать? — смягчился Мэтью.

— В детстве я видела, как это делает одна колдунья с Кейп-Кода. Ей тогда было лет семьдесят. Никогда не забуду тогдашние ощущения.

— Колдовской огонь — это смерть. Его не отвести никакими чарами, и ничто не может излечить ожоги, причиненные им, — объяснила Сара. — Мать учила меня распознавать его признаки — запах серы, движения колдуна. Вместе с таким огнем приходит богиня, говорила она. Не думала, что когда-нибудь увижу его, и, уж конечно, не ожидала, что родная племянница захочет сжечь меня в собственной кухне. Еще и колдовская вода в придачу!

— Я надеялся, что колдовской огонь окажется рецессивным геном, — признался Мэтью. — Расскажите мне о Стивене Прокторе.

Раньше его командный тон казался мне отголоском военного прошлого — теперь, зная о рыцарях Лазаря, я поняла, что он и в настоящем остается военачальником.

— Стивен был скрытным, — ощетинилась Сара, не привыкшая, чтобы ей приказывали, — и никогда силой не хвастался.

— Неудивительно в таком случае, что колдуны так старались ее отыскать.

Я зажмурилась, вновь увидев перед собой тело отца, вспоротое от шеи до паха. Меня чуть было не постигла такая же участь.

Мэтью чуть передвинулся, и дом заскрипел под непривычным весом.

— При всем своем опыте он не смог их победить. Диана, наверное, унаследовала его способности — и Ребеккины, царствие ей небесное, тоже. Но без их знаний она беспомощна: с тем же успехом на ней можно намалевать мишень.

Я продолжала подслушивать без зазрения совести.

— Она не транзистор, Мэтью, — защищалась Сара. — Инструкция и батарейки к ней не прикладывались. Мы старались, но после смерти Ребекки и Стивена Диана стала совершенно другим ребенком. Ушла в себя так глубоко, что никто не мог достучаться. Что нам было делать? Силой навязывать то, от чего она так упорно отказывалась?

— Не знаю, — с некоторым отчаянием произнес Мэтью, — но и так тоже нельзя было оставлять. Та колдунья больше двенадцати часов продержала ее в плену.

— Мы научим ее всему, что ей следует знать.

— И как можно скорее.

— На это уйдет вся ее жизнь, — огрызнулась Сара. — Магия не макраме, знаете ли.

— Времени у нас нет, — прошипел Мэтью; Сара, судя по скрипу половиц, попятилась от него. — Конгрегация больше не станет играть с нами в кошки-мышки — это доказывает клеймо на спине Дианы.

— По-вашему, то, что сделали с моей племянницей, — это игра?! — возмутилась Сара.

— Ш-ш-ш, разбудишь! — одернула ее Эм.

— Эмили, нужно узнать, какими чарами связали Диану, — зашептал Мэтью. — Перед отъездом в Африку Ребекку и Стивена что-нибудь беспокоило?

Связали чарами!

Я медленно села. В уме эхом раздавались эти два слова. С колдунами это делают лишь в крайнем случае — смертельная опасность, безумие, не поддающееся обузданию зло. Даже угроза кого-нибудь околдовать заслуживает сурового порицания.

Связали чарами?

Мэтью подскочил ко мне, не успела я встать.

— Тебе что-нибудь нужно? — нахмурился он.

— Да. Поговорить с Эм.

Пальцы на руках и ногах начинали потрескивать. Когда я протиснулась мимо Мэтью, бинт на правой лодыжке зацепился за торчащий из пола гвоздь.

Возле лестницы стояли перепуганные Сара и Эм.

— Что со мной не так?

— Да ничего, все в порядке, — пролепетала Эм, прячась под крылом у Сары.

— Ты сказала, что я околдована. Что меня околдовала родная мать.

Я чудовище, не иначе! — другого объяснения нет.

— Нет, детка, ты не чудовище! — воскликнула Эм, как будто я произнесла это вслух. — Ребекка сделала это, потому что боялась за тебя.

— Боялась меня, ты хочешь сказать.

Мои сыплющие синими искрами пальцы привели бы в ужас кого угодно. Куда бы их спрятать? Чтобы не прожечь рубашку Мэтью, я взялась за перила, рискуя спалить весь дом.

Осторожно с ковриком, девочка! Призрак высокой женщины, обитавший в гостиной, указывал пальцем на пол.

Я приподняла ногу.

— Не выдумывай. Никто тебя не боится. — Взгляд Мэтью холодил мне спину: вампир хотел, чтобы я повернулась к нему лицом.

— Да? Посмотри, что творится с ними. — Я наставила на теток искрящийся перст.

Я тоже боюсь, признался еще один из почивших Бишопов — обряженный в рваные штаны парнишка с выступающими вперед зубами и корзинкой ягод в руке.

Под моим гневным взглядом тетушки сделали шаг назад.

— Ты имеешь полное право обижаться. — Мэтью подошел ближе, почти вплотную, его снежный взгляд холодил мне низ спины, а поднимавшийся снизу ветер — лодыжки. — Ветер начинается, когда ты чувствуешь себя загнанной в угол, видишь? — Он встал еще ближе, и ветер слегка усилился.

Да, во мне, пожалуй, бурлила скорее обида, чем гнев. Я повернулась к Мэтью, чтобы обсудить, почему же все-таки появляется ветер. Искры понемногу бледнели, треск прекратился.

— Постарайся понять, — умоляла Эм. — Ребекка и Стивен уехали в Африку, чтобы тебя уберечь, и околдовали тебя по той же причине. Их заботило только одно — твоя безопасность.

Дом заскрипел всеми своими суставами и затаил дыхание, а меня охватил холод.

— Выходит, это я виновата в их гибели? Их убили из-за меня? — Я бросила на Мэтью полный ужаса взгляд и заковыляла вниз, не дожидаясь ответа, не обращая внимания на боль в ноге, — нужно бежать, бежать.

— Пусть идет, Сара! — резко произнес Мэтью.

Дом раскрывал свои двери передо мной и захлопывал позади. Через холл, столовую и семейную я прошла в кухню, всунула босые ноги в резиновые Сарины сапоги. Всякий раз, когда родные меня донимали, я уходила в лес и сейчас делала то же самое.

Не останавливаясь, я прошла мимо корявых яблонь в гущу белых дубов и сахарных кленов. Меня колотило от ужаса и полной потери сил. Вот оно, громадное необхватное дерево. Ветви нависают над самой землей, красно-пурпурные резные листья ярко горят на фоне серой коры.

Все свое одинокое детство и отрочество я приходила сюда со своими печалями. Здесь же, судя по инициалам на стволе, искали утешения многие поколения Бишопов. Я выцарапала свои буквы перочинным ножиком рядом с материнскими «РБ». Обведя пальцем те и другие, я свернулась калачиком и начала раскачиваться как маленькая.

Волосы овеяло холодом. Мэтью закутал меня в голубую парку и сел рядом, прислонившись к стволу.

— Сказали они тебе, что со мной не в порядке? — пробормотала я в собственные коленки.

— С тобой все в порядке, mon coeur.

— Ты еще многого не знаешь о колдунах. — Не глядя на него, я уткнулась подбородком в колени. — Просто так никого не околдовывают, причина должна быть чертовски веской.

Мэтью молчал. Украдкой покосившись, я увидела его ноги — одну вытянутую, другую согнутую — и свисающую с колена длинную белую кисть.

— Твои родители сделали это по чертовски веской причине — спасали жизнь дочери. — За ровным, спокойным тоном скрывались сильные чувства. — Я бы на их месте поступил так же.

— Ты знал, что я околдована? — Я не сумела справиться с обвинительными нотами в голосе.

— Изабо и Марта предположили это перед самым нашим рейдом в Ла-Пьер, а Эмили подтвердила их подозрения. Мне просто не представилось случая сказать об этом тебе.

— Но Эм-то почему молчала все эти годы? — Я почувствовала себя преданной и брошенной всеми — совсем как тогда, когда Сату изобличала Мэтью.

— Ты должна простить своих родителей, и Эмили тоже. Они делали это ради тебя.

Я упрямо помотала головой:

— Тебе не понять, Мэтью. Мать связала меня, как злобную маньячку, которой нельзя доверять. Связала, а сама отправилась в Африку.

— Твои родители опасались Конгрегации.

— Чушь! — Пальцы опять зачесались, но я постаралась отодвинуть электричество ближе к локтям. — Не приплетай ко всему эту проклятую Конгрегацию, Мэтью.

— Ко всему не надо — но к твоему случаю точно. Всякому, даже не колдуну, ясно: без нее тут не обошлось.

Передо мной без предупреждения возник белый стол с фрагментами прошлого и будущего. Кусочки головоломки складывались сами собой. Мать ловит меня, когда я, хлопнув в ладоши,

взлетаю над полом нашей кембриджской кухни. Отец кричит на Питера Нокса у себя в кабинете. Сказка про фею-крестную и волшебные ленты. Я лежу на своей кровати поверх одеяла, а родители читают надо мной заклинания. Все встало на место, картинка сложилась.

— Сказка, которую рассказывала мне мать, — удивленно сказала я. — Она не могла поделиться своими страхами напрямую и потому сочинила историю про злых колдунов, фею-крестную и волшебные ленты. Рассказывала ее каждый вечер, чтобы я хоть что-то запомнила.

— А больше ничего не помнишь?

— Перед тем как на меня наложили чары, к отцу приходил Питер Нокс. — Я снова слышала дверной колокольчик, видела лицо открывшего дверь отца. — Он был у нас в доме, прикасался ко мне. — Я вспомнила странное ощущение, которое испытала, когда Нокс опустил руку на мою голову. — Отец велел мне идти к себе, и они начали ссориться. Мать почему-то оставалась на кухне и не выходила к ним. Потом отец надолго ушел куда-то, а мать перепугалась и позвонила Эм.

Воспоминания нахлынули волной.

— По словам Эмили, чары Ребекки должны были продержаться до прихода «возлюбленного из тени», — помрачнел Мэтью. — Твоя мать думала, что я сумею защитить тебя от Нокса и Конгрегации.

— Защитить себя могу только я сама. Сату права: я не колдунья, а пародия на нее. — Я снова уткнулась в коленки. — Ничего общего с матерью.

Мэтью встал, протянул мне руку и приказал:

— Поднимайся.

Я думала, вампир прижмет меня к себе и утешит, но он просунул мои руки в рукава парки и строго сказал:

— Ты колдунья. Пора научиться самой заботиться о себе.

— Не сейчас, Мэтью.

— К сожалению, мы не можем позволить тебе раздумывать. Конгрегации нужна твоя сила — или по крайней мере информация о том, на что ты способна. За полтора века «Ашмол-782» открылся только тебе.

— Ты и рыцари Лазаря им тоже нужны. — Я отчаянно старалась отвлечь его внимание от себя и своей злополучной магии.

— Конгрегация давно могла уничтожить братство — возможностей было хоть отбавляй. — Мэтью оглядывал меня с ног до головы, взвешивая мои немногие сильные и многие слабые стороны; от этого взгляда мне стало не по себе. — Они к этому не стремятся — им нужна либо рукопись, либо ты.

— У меня хватает защитников. Ты со мной, а еще Сара, Эм.

— Мы не можем быть с тобой неотступно. И потом, неужели ты хочешь, чтобы Сара и Эм рисковали жизнью ради тебя?

Вопрос был задан в лоб. Прищурившийся Мэтью попятился и присел.

— Ты пугаешь меня.

Адреналин поступал в кровь, унося последние остатки морфина.

— Нет. — Со своей вздыбленной гривой он так походил на волка. — Я почуял бы, если б ты боялась по-настоящему. Ты просто растеряна.

В горле у него нарастал грозный рокот — от удовольствия он рычал совсем по-другому. Я, в свою очередь, тоже попятилась.

— Но хотя бы знаешь, когда надо бояться, — уже хорошо.

— Что ты делаешь? — прошептала я, но он внезапно исчез, и я сморгнула. — Мэтью?

Я ощутила макушкой его ледяной взгляд. Мэтью висел на дереве, как летучая мышь, — ногами зацепился за ветку, руки распростер словно крылья.

— Я не твой коллега, и это не академический диспут. Речь идет о жизни и смерти.

— Ладно, слезай, я все поняла!

Я не видела, как он спрыгнул. Холодные пальцы ухватили меня за подбородок, запрокинули голову.

— Будь я Гербертом, ты бы уже умерла.

— Перестань, Мэтью. — Я стала вырываться — куда там!

— Э нет. Ты уходишь от боя, потому что Сату пыталась тебя сломать. Ничего не выйдет: надо бороться.

— Я и борюсь. — Доказывая это, я снова дернулась.

— Не как человек. Как колдунья. — Сказав это, он снова пропал.

На дереве его не было, холодного взгляда я тоже не чувствовала.

— Я устала, пойду домой.

Не успела я сделать и трех шагов, как он меня перекинул через плечо и потащил в обратную сторону.

— Нет, не пойдешь.

— Если будешь продолжать в том же духе, Сара и Эм сами сюда придут.

Кто-то из них должен почуять неладное — не они, так Табита. Кошка уж непременно поднимет шум.

— Не придут. — Мэтью поставил меня на землю. — Они обещали сидеть дома, как бы ты ни вопила.

Я пыталась скрыться от его черных глаз, бросалась из стороны в сторону, но он каждый раз оказывался прямо передо мной. Щиколотки обдало ветерком.

— То-то же! — Мэтью принял позу охотника, скрадывающего оленя, и опять зарычал.

Ветер налетал порывами, но крепчать не желал. Зато щекотка опустилась от локтей к рукам, и на этот раз я не стала ее подавлять. Между пальцами заискрились синие дуги.

— Пользуйся своей силой, если хочешь меня побороть, — рыкнул Мэтью.

Не придумав ничего лучшего, я взмахнула руками. Мэтью налетел на меня, завертел волчком и скрылся в лесу.

— Опять убита, — донеслось справа.

— Ничего не выходит, как ни старайся! — крикнула я в ту сторону.

— Сзади, — промурлыкал он на ухо.

— Уйди! — взвизгнув, завопила я.

Меня окутал свистящий ветер, но Мэтью, не страшась, двинулся вперед, протягивая руки. Я инстинктивно выбросила навстречу свои, и его откинуло прочь. Удивление пробудило в нем хищника. Вампир снова попытался преодолеть ветровой барьер, а я приготовилась отразить атаку, но на сей раз воздух не подчинился мне.

— Не пытайся себя заставить, — велел Мэтью, бесстрашно ухватив меня чуть выше локтей. — Магия, связанная чарами твоей матери, отвергает любое принуждение, в том числе и твое.

— Как же мне тогда вызывать ее? И как сдерживать, когда она не нужна?

— Сама мне скажи.

Взгляд Мэтью блуждал по моей шее, отмечая расположение вен и артерий.

— Откуда мне знать! — выкрикнула я в панике. — Я не колдунья!

— Не говори так — ты же знаешь, что это неправда. — Он вдруг выпустил меня. — Закрой глаза и иди.

— Что?

— Диана, я наблюдаю за тобой много недель. — Мэтью двигался совсем по-звериному, от аромата гвоздики у меня заложило горло. — Тебе нужно двигаться и при этом ограничить сенсорику, только чувствовать, но не видеть. — Он толкнул меня и пропал.

Я обвела взглядом лес. Все живое притихло, чуя крупного хищника.

Закрыв глаза, я начала глубоко дышать. Что-то пронеслось мимо, туда и обратно — это Мэтью дразнил меня. Сосредоточившись на дыхании и постаравшись стать такой же спокойной, как лес вокруг, я сделала первый шаг.

Что-то будто сгустилось между глазами. Я подышала через это что-то, вспоминая инструкции Амиры и совет Марты позволить видениям струиться свободно. Ощущение перешло в щекотку, и впервые в жизни открылся мой колдовской третий глаз.

Он замечал все вокруг: растения, токи земли и движение вод под ней. Все имело свой цвет и свои оттенки. Я видела укрывшихся в дупле кроликов, слышала, как колотятся их сердца в страхе перед вампиром. Видела сов, чей дневной сон нарушило то же опасное существо, прыгающее с ветки на ветку, словно пантера. И кролики, и совы знали, что спасения от него нет.

— Царь зверей, — прошептала я и услышала в ответ тихий смех.

Никто из обитателей леса не победил бы его в бою.

— Кроме меня, — сказала я вслух.

Вампир — существо не вполне живое, его трудно было найти среди кипящей повсюду жизни. Но я все же нашла — скопление мрака наподобие черной дыры. Оно светилось красным по краям — там, где сверхъестественная энергия встречалась с природными силами. Когда я инстинктивно повернулась к нему, он встревожился и ускользнул, растворившись в тенях между стволами.

Не открывая двух телесных глаз и пользуясь третьим, я пошла через лес. Чернота с красными краями отделилась от клена и последовала за мной, как я и надеялась.

— Мэтью, я тебя вижу, — не оборачиваясь больше, сказала я.

— В самом деле? И что же дальше, ma lionne? — Он продолжал красться следом, выдерживая дистанцию.

С каждым моим шагом третий глаз становился все зорче. Слева росли кусты, и я повернула направо, потом переступила через торчащий из земли камень.

Легкое дуновение подсказало, что впереди небольшая поляна. Теперь со мной говорил не один лес. Все четыре стихии — воздух, вода, земля и огонь — посылали указания, покалывали кожу словно иголками.

Теневая энергия Мэтью налилась темнотой, приобрела глубину и взметнулась в прыжке, которому позавидовал бы любой лев. Руки тянулись, чтобы схватить меня.

Лети, приказала я мысленно. Ветер и земля подбросили меня вверх. Мысль, как и говорил Мэтью, с легкостью управляла телом — воображаемая лента, за которую я держалась, вела меня за собой.

Мэтью перекувырнулся и приземлился на ноги там, где только что была я.

Я парила над лесом. Все три широко раскрывшихся глаза полнились морем, далью, солнцем и звездами. Волосы, струясь по ветру, превращались в языки пламени и лизали лицо, не обжигая его, а лишь согревая. Ворон, летящий мимо, при виде этого явления сильно удивился.

Мэтью запрокинул голову и улыбнулся, встретившись со мной взглядом.

Ничего прекраснее этой улыбки мне еще не случалось видеть. Желание и гордость за то, что он мой, пронзили меня насквозь.

Я стала снижаться, но он ощерился, боясь, что я его атакую.

Чуть замедлившись, я повисла в воздухе на уровне его головы, сзади болтались ноги в резиновых сапогах. Ветер швырнул в сторону Мэтью прядь моих горящих волос.

Не троньте его, велела я. Воздух и огонь тут же повиновались, третий глаз впивал вампирскую черноту.

— Погоди немного, — проворчал Мэтью, перебарывая желание броситься на меня.

Царь зверей не любил, когда его в чем-то превосходили.

Не обращая внимания, я опустила ноги к земле, зависла в нескольких дюймах от нее и вытянула раскрытую ладонь. Моя собственная энергия наполнила внутренний глаз мерцающими серебряными, золотыми, зелеными и синими вихрями, которые сияли подобно утренней звезде. Я почерпнула из нее, глядя, как сила перетекает из сердца в руку.

На ладонь лег пульсирующий шар, сотканный из моря, неба, земли и огня. Древние философы назвали бы его микрокосмом — маленький мир, где частицы меня перемешивались со вселенской материей.

— Это тебе, — сказала я, протягивая Мэтью волшебную сферу.

Он поймал ее на лету. Шар прилип к его холодной ладони и застыл, подрагивая, как ртуть.

— Что это? — спросил он, позабыв об охоте при виде этого дива.

— Я.

Чернота зрачков в устремленных на меня глазах Мэтью захлестнула зелено-серую радужку.

— Ты не тронешь меня, и я тебя тоже.

Он держал мой микрокосм бережно, опасаясь пролить хоть каплю.

— Я все равно не умею драться, — констатировала я с грустью. — Могу только улететь.

— Колдунья, это же самое важное, чему учится воин. — Пренебрежительное для вампира «колдунья» у него прозвучало

ласково. — Выбирать битвы с умом и откладывать те, в которых пока не победить.

— Ты боишься меня? — спросила я, вися над землей.

— Нет.

Третий глаз подтвердил, что он говорит правду.

— Хотя внутри у меня вот это? — Я кивнула на колеблющийся в его руке свет.

— Я уже видел могущественных колдунов, но мы до сих пор не знаем, что там у вас внутри. Надо это исследовать, — осторожно отозвался Мэтью.

— Мне никогда не хотелось знать.

— Почему, Диана? Как можно отказываться от таких чудесных даров? — Мэтью сжал пальцы, словно боясь, что у него отнимут столь ценный для науки материал.

— Страх и желание? — тихо предположила я, касаясь пальцами его скул.

Заново пораженная своей любовью к нему, я процитировала слова, написанные его другом-даймоном Бруно в шестнадцатом веке:

— «Желанье шпорит, страх уздой берет». Разве не этим объясняется все, что происходит в мире?

— Все, кроме тебя, — ответил он хрипло. — Ты в эти рамки не умещаешься.

Коснувшись ногами земли, я отняла пальцы от щеки вампира и медленно раскрыла ладонь — тело словно помнило этот плавный жест, хотя разум отметил его как странный. Частица меня, которую я подарила Мэтью, перескочила из его руки в мою. Я сжала пальцы, и энергия быстро впиталась обратно. Привычная щекотка на сей раз свидетельствовала о моей собственной силе. Меня пугало создание, в которое я превращалась.

Палец Мэтью отвел в сторону мои волосы.

— Ничто не укроет тебя от магии — ни наука, ни сила воли. Она найдет тебя всюду. И от меня ты тоже не спрячешься.

— Так говорила мне мама — там, в Ла-Пьерс. Она знала про нас.

Третий глаз испуганно закрылся, чтобы не видеть каменного мешка. Я вздрогнула, и Мэтью привлек меня к себе. Его

объятия, хотя и не были теплыми, вселяли ощущение безопасности.

— Может быть, им было легче, потому что они знали — ты не будешь одна.

Холодные, твердые губы нашли мои, а потом Мэтью уткнулся мне в шею, шумно вдыхая мой запах. Отстранился он нехотя, приглаживая мне волосы и запахнув парку у меня на груди.

— Научишь меня драться? Как своего рыцаря?

— Рыцари умели драться задолго до того, как приходили ко мне, но мне доводилось обучать других воинов — людей, вампиров и даймонов. Маркуса я тоже учил, а он, видит Бог, был твердым орешком. Вот только с колдунами я ни разу не упражнялся.

— Пошли домой.

Лодыжка болела, я едва держалась на ногах от усталости. Мэтью взвалил меня на спину и понес.

— Еще раз спасибо за то, что нашел меня, — прошептала я, держась за его шею, — и он понял, что на этот раз я имела в виду не Ла-Пьер.

— Я давно уже перестал искать — и тут вдруг ты. В библиотеке, в самый Мейбон. Историк и колдунья к тому же! — Он недоуменно покачал головой.

— Это и называется магией. — Я чмокнула Мэтью в шею.

Он замурлыкал, ссадил меня на заднем крыльце и пошел за дровами, предоставив мне мириться с тетками в одиночку.

— Я понимаю, почему ты хранила эту тайну, — я обняла Эм, и та облегченно вздохнула, — но мама сказала мне, что время тайн прошло.

— Ты видела Ребекку? — спросила белая как мел Сара.

— Да, в Ла-Пьере. Она пришла, когда Сату запугивала меня и пыталась переманить. — Я помолчала и добавила: — Пришла вместе с папой.

— Она... они были счастливы?

За плечом Сары стояла взволнованная бабушка.

— Они были вместе, — ответила я и выглянула в окно — не идет ли Мэтью.

— И с ними была ты, — со слезами вставила Эм. — Это и есть счастье.

Тетя хотела сказать что-то, но передумала.

— Что, Сара? — спросила я, взяв ее за руку.

— Ребекка... говорила с тобой?

— Она рассказала сказку. Ту же самую, что и в детстве, — про колдунью, принца и фею-крестную. Мама очень старалась, чтобы ее околдованная дочка не забывала о магии, но я все равно забыла, потому что хотела забыть.

— В то последнее лето, когда они уехали в Африку, Ребекка спросила меня, что производит на ребенка самое сильное впечатление. Сказки, ответила я, — сказки, которые вы ей читаете на ночь. В них есть все, что нужно: надежда, сила, любовь. — Эм утирала хлынувшие из глаз слезы.

— Ты правильно говорила, — сказала я.

Хотя мы трое и заключили мир, Сара тут же набросилась на принесшего дрова Мэтью:

— Больше не проси, чтобы я сидела спокойно, когда Диана зовет на помощь! И не смей больше ей угрожать, хотя бы и с самыми благими намерениями. Не послушаешься — пожалеешь, что возродился. Понял, вампир?

— Конечно, Сара, — пробормотал он — точно как Изабо.

Ужинали мы в семейной. Напряженное перемирие едва не перешло в открытый конфликт, когда тетя увидела, что на столе нет мяса.

— Ты ж дымишь как паровоз, — стала увещевать ее Эм, когда Сара пожаловалась на отсутствие «нормальной» еды. — Твои артерии спасибо мне скажут.

— Ты не для меня стараешься, а для него. Чтоб он Диану не покусал.

Мэтью с улыбкой откупорил взятую из «рейнджровера» бутылку:

— Бокал вина, Сара?

— Импортное, что ли? — подозрительно спросила она.

— Французское. — Он налил немного в ее стакан для воды.

— Не люблю французов.

— Не верь всему, что о нас пишут. Скоро увидишь, какие мы славные.

Сара соизволила улыбнуться, а Табита вскочила на плечо Мэтью и просидела там до конца обеда, как попугай.

Мэтью пил вино и расспрашивал хозяек о доме, о его истории, о состоянии дел на ферме. Я уплетала чили с кукурузным хлебом и смотрела на этих троих созданий — самых дорогих и любимых.

Отправившись наконец спать, мы забрались в постель голые.

— Тепленькая, — заурчал Мэтью, прижимаясь ко мне.

— А от тебя так хорошо пахнет. Он на столе лежал? — спросила я, услышав, как повернулся в замке ключ.

— Его дом прислал. — В груди у Мэтью зарокотал смех. — Ключ вылетел из-под пола рядом с кроватью, стукнулся о стенку над выключателем и съехал вниз. Я не подобрал его сразу, так он пролетел по комнате и шлепнулся мне на колени.

Я тоже засмеялась. Пальцы Мэтью блуждали по моей талии, старательно избегая оставленного Сату клейма.

— Теперь и у меня есть боевые шрамы, не у тебя одного.

Он безошибочно нашел в темноте мои губы. Одна рука коснулась месяца на пояснице, другая легла на звезду между лопатками. Боль и сожаление Мэтью чувствовались и без магии — в ласках, в словах, которые он шептал, в том, как он прижимался ко мне — такой надежный. Постепенно его гнев и ярость растаяли. Мы медлили, давая волю губам и пальцам, не спешили утолить желание, продлевая радость своего воссоединения.

На пике моего наслаждения над нами вспыхнули звезды. Несколько штук еще долго догорали под потолком, пока мы лежали, обнявшись, и ждали, когда придет утро.

Глава 34

На рассвете Мэтью поцеловал меня в плечо и ушел вниз. Меня всю ломило от непривычного сочетания истомы и боли в мышцах. Спустя какое-то время я все-таки поднялась и пошла искать его, но нашла только Сару и Эм.

Они стояли у заднего окошка с чашками кофе в руках. Оглянувшись на тетушек, я отправилась набирать воду в чайник: Мэтью мог подождать, а чай — нет.

— На что это вы там смотрите?

Может, редкая птица сидит на ветке?

— На Мэтью.

Я чуть попятилась к окошку.

— Столько времени стоит как вкопанный, хоть бы раз шелохнулся. Ворона на него чуть не села, — объяснила Сара, глотнув кофе.

Мэтью стоял обеими ногами на земле, раскинув в стороны руки и сосдинив указательные и большие пальцы. В серой футболке и черных штанах для йоги, он действительно походил на добротное, хорошо одетое воронье пугало.

— Нормально ли это? — беспокоилась Эм. — Он ведь босой — замерз, вероятно.

— Вампир может сгореть, Эм, но уж никак не замерзнуть. Придет, когда сам захочет.

Заварив чай, я присоединилась к тетушкам у окна. Когда я допивала вторую чашку, он наконец опустил руки и согнулся в поясе. Сара и Эм поспешно отошли вглубь кухни.

— Он и так знает, что мы смотрим, — вампир как-никак.

Натянув Сарины сапоги на шерстяные носки и старые легинсы, я вышла наружу.

— Спасибо за терпение. — Мэтью обнял меня и звучно поцеловал.

Я чуть не облила ему спину чаем из кружки.

— Медитация — единственный отдых, который тебе доступен. Я не стала бы ее прерывать. Давно ты здесь?

— Как рассвело. Надо было подумать.

— Это из-за дома. Столько голосов, так много всего происходит. — Я поежилась в своей флиске с выцветшей бордовой рысью на спине.

— Ты еще не совсем пришла в норму. — Мэтью потрогал темные круги у меня под глазами. — Медитация и тебе бы не повредила.

Во сне я дергалась, вспоминала алхимические стихи, спорила с Сату. Бабушка разволновалась и стояла у комода, пока Мэтью не помог мне уснуть покрепче.

— Мне запретили йогу на неделю.

— Такая послушная племянница? — поднял бровь Мэтью.

— Не всегда, — засмеялась я, увлекая его к дому.

Он с молниеносной быстротой взял кружку из моих пальцев, вынул меня из сапог, поставил на землю.

— Глаза у тебя закрыты?

— Теперь да.

Я уперлась подошвами в холодную землю. В голове, словно непослушные котята, резвились разные мысли.

— Не думай, — нетерпеливо скомандовал Мэтью. — Просто дыши.

Я постаралась выполнить обе команды. Мэтью, обойдя кругом, распростер мои руки, прижав большие пальцы к безымянным и мизинцам.

— Ну вот, теперь и я стала пугалом. Почему пальцы надо держать именно так?

— Это прана мудра. Она стимулирует жизненные силы и способствует исцелению.

Я стояла с обращенными к небу ладонями, чувствуя, как измученное тело наполняют тишина и покой. Минут через пять открылся третий глаз, а внутри словно тихо накатывали на берег волны. С каждым вздохом на ладонях выступали капли холодной воды. Сознание при этом оставалось совершенно

спокойным, я ничуть не страшилась возможного колдовского потопа.

Третий глаз настраивался на резкость. Я видела под полями синие жилки, по которым струилась вода. Яблони тянулись к ним своими корнями, водная паутинка поблескивала на шелестящих листьях. Вода под ногами стремилась ко мне, пытаясь понять, каким образом я с нею связана.

Капли на ладонях увеличивались и уменьшались в такт медленному дыханию, в такт прибою во мне и подо мной. Почувствовав, что не могу больше, я распрямила пальцы. Мудры открылись, вода хлынула вниз. Я стояла посреди двора с открытыми глазами между двух луж.

Мой вампир с гордым видом обретался футах в двадцати, тетушки диву давались на заднем крыльце.

— Впечатляет, — Мэтью нагнулся за кружкой с остывшим чаем. — Колдунья из тебя обещает выйти такая же хорошая, как и ученый. Магия проявляется не только эмоционально и мысленно — физически тоже.

— Можно подумать, тебе уже доводилось тренировать колдунов.

Я снова влезла в Сарины сапоги. В животе громко урчало.

— Ты у меня единственная, — засмеялся он. — И голодная к тому же. Успеем поговорить после завтрака.

Мы взялись за руки и пошли к дому.

— Можешь на этом неплохо подзаработать, — сказала Сара. — В городе нужны новые колодцы, а старого Гарри схоронили в прошлом году вместе с лозой.

— Мне лоза не нужна — я сама лоза. Если тебе тоже нужен колодец, копай вон там. — Я показала на яблони, выглядевшие здоровее прочих.

Мэтью, снова вскипятив воду для чая, взялся за «Сиракьюс пост стэндард». Не «Монд», конечно, но он остался доволен. Я уминала горячие тосты, Сара и Эм пили кофе и подозрительно смотрели, как я работаю с электроприборами.

— Придется сегодня в третий раз заваривать. — Сара вытряхнула из кофеварки отходы.

Большей частью без кофеина, молча передала Эм в ответ на мой обеспокоенный взгляд. *Уже много лет так мухлюю.*

Телепатия для секретных разговоров в таком доме подходила так же хорошо, как и эсэмэски.

Улыбаясь, я наскребла для очередного тоста остатки масла — интересно, есть ли оно еще в холодильнике, — и увидела рядом новую упаковку.

Эм, которую я хотела поблагодарить, была на другом конце кухни, Сара тоже. Мэтью поднял взгляд от газеты.

Холодильник был открыт. Банки с джемом и горчицей на верхней полке сплотили ряды, и дверца закрылась.

— Дом? — спросил Мэтью небрежно.

— Нет, Диана, — с интересом глядя на меня, ответила Сара.

— Что это было? — удивленно выдохнула я, уставившись на масло.

— Это ты нам скажи. Когда ты намазала девятый по счету тост, холодильник открылся и из него выплыло масло.

— Я просто подумала, есть у нас еще или нет.

Эм захлопала в ладоши, радуясь еще одному проявлению моей силы, а Сара попросила извлечь из холодильника еще что-нибудь, но у меня больше не получалось.

— Попробуй шкафы: их легче открыть, — предложила Эм.

— Ты просто подумала, и все? — спросил Мэтью.

Я кивнула.

— А вчера, когда летала, ты приказывала что-нибудь воздуху?

— Я подумала «лети» и тут же взлетела. Тут, правда, дело было более важное — ведь ты грозился меня убить. Не в первый раз, между прочим.

— Она летала? — ахнула Сара.

— А сейчас тебе нужно что-нибудь? — продолжал Мэтью.

— Сесть. — У меня подгибались коленки.

Сзади ко мне любезно подъехала табуретка.

— Так я и думал. — Мэтью, удовлетворенно улыбнувшись, вернулся к газете, но Сара тут же ее отняла.

— Перестань ухмыляться, будто Чеширский Кот. Что ты такое «так и думал»?

При упоминании о коте со двора через кошачью дверцу вошла Табита и благоговейно сложила к ногам Мэтью задушенную мышь-полевку.

— Merci, ma petite[1], — сказал он серьезно, — но я пока не хочу.

Табита, досадливо мяукнув, утащила добычу в угол и принялась гонять по полу.

— Так что ты там подумал? — повторила вопрос Сара.

— Ребекка и Стивен все устроили так, чтобы Дианину магию нельзя было вызвать насильно. В случае необходимости она срабатывает сама. Очень умно. — Мэтью разгладил смятую газету и снова в нее углубился.

— Умно, но нереально, — проворчала Сара.

— Отчего же, вполне реально. Попытаемся мыслить так, как ее родители. Ребекка видела то, что когда-то случится в Ла-Пьере. Она, пусть не во всех подробностях, знала, что некая колдунья захватит в плен ее дочь и что дочь сумеет спастись. В магии не было необходимости, вот чары и устояли.

— Как же нам учить Диану управлять своей магией, если она и вызвать-то ее не способна?

Дом не дал нам продолжить дискуссию. Вслед за грохотом, похожим на пушечный выстрел, по полу застучала чечетка.

— Вот черт! — застонала Сара. — Чего ему опять надо?

Мэтью отложил газету:

— Что-то не так?

— Ему нужны мы. Он хлопает в гостиной дверьми и двигает мебель, чтобы привлечь внимание. — Я облизнула пальцы и зашлепала к выходу.

Свет в холле мигал.

— Ладно, идем уже, идем, — пробурчала Сара.

В гостиной ко мне заскользило кресло.

— Диана, вот кто ему понадобился, — сказала Эм; впрочем, это и так было ясно.

Появления быстрого вампира, который меня защищал, дом, однако, не предусмотрел: Мэтью выставил ногу и не дал креслу подсечь меня под коленки. Старое дерево затрещало, наткнувшись на крепкие кости.

— Не волнуйся, Мэтью, — он просто хочет, чтобы я села.

— Ему не мешало бы поучиться хорошим манерам, — заметил вампир, когда я плюхнулась в кресло.

---

[1] Спасибо, малютка *(фр.)*.

— Откуда тут мамина качалка? — поинтересовалась Сара, оглядев комнату. — Мы давным-давно от нее избавились.

— Вместе с качалкой вернулась бабушка, — сообщила я. — Поздоровалась с нами, когда мы приехали.

— А Элизабет с ней была? — спросила Эм, усаживаясь на диван. — Высокая такая, серьезная?

— Была, но все больше за дверью пряталась. Я ее толком не рассмотрела.

— Привидения теперь нечасто являются, — сказала Сара. — Мы думаем, что Элизабет — это дальняя родственница Бишопов, умершая в тысяча восемьсот семидесятых.

В камин из печной трубы вывалился зеленый клубок с двумя вязальными спицами.

— Дом предлагает мне заняться вязанием?

— Это мое. Начала несколько лет назад свитер, а тот исчез. Дом постоянно что-то утаскивает. — Эм подобрала свое рукоделие и показала Мэтью на диван с жуткой цветастой обивкой. — Присядем. Дом не сразу припоминает, что хотел сказать. У нас числятся пропавшими кое-какие фотографии, телефонная книга, блюдо для индейки и мое любимое зимнее пальто.

Мэтью, явно побаиваясь, как бы фарфоровое блюдо не снесло ему голову, сел рядом с Эм. Сара с сердитым видом заняла виндзорское кресло.

— Ну давай же! — выпалила она пару минут спустя. — У меня еще дел полно.

Из щели в зеленой стенной обшивке рядом с камином выполз толстый коричневый конверт, пролетел через всю комнату и приземлился у меня на коленях.

«Диане» было написано на нем синими чернилами. Мелкий женственный почерк матери я знала по школьным запискам и открыткам на день рождения.

— От мамы. Что это может быть?

— Понятия не имею, — ответила Сара, удивленная не меньше меня.

Внутри обнаружился еще один конверт и что-то обернутое в папиросную бумагу. Конверт был бледно-зеленый, с более темной каймой по краю. Мы с папой купили этот почтовый набор

маме в подарок — на каждом листике ландыш, белый с зеленым. К глазам подступили слезы.

— Хочешь побыть одна? — привстал Мэтью.

— Нет. Останься.

Вся дрожа, я вскрыла конверт. Под ландышем стояла дата: 13 августа 1983 г.

Мой седьмой день рождения. Всего за несколько дней до отъезда папы и мамы в Нигерию.

Я пробежала глазами первую страницу, и она выпала у меня из рук и опустилась на пол.

— Диана? — Страх Эм был буквально осязаем.

Отложив письмо, я схватила пакет, который дом так долго хранил для меня. Под папиросной бумагой ощущалось что-то плоское, странно тяжелое, заряженное уже знакомой мне силой.

Услышав, как запела моя кровь, Мэтью встал за спинкой кресла, положил руки мне на плечи.

Я развернула первый слой упаковки. На самом верху лежал обыкновенный листок белой бумаги с побуревшими от времени краями, с тремя затейливыми рукописными строчками.

— «В начале всего — отсутствие и желание... — У меня перехватило горло. — В начале всего — кровь и страх».

— «В начале всего — открытие колдунов», — закончил Мэтью.

Едва дождавшись, когда я передам листок ему, он понюхал его и молча вручил Саре. Я развернула последний слой.

У меня на коленях лежала недостающая страница «Ашмола-782».

— Боже! — выдохнул Мэтью. — Это то, что я думаю? Откуда твоя мать ее взяла?

— Надо письмо прочесть, — пробормотала я, глядя на яркую картинку.

Мэтью, подобрав упавший листок, стал читать вслух: «Дорогая Диана! Сегодня тебе исполнилось семь — очень важный для колдуньи возраст. В семь лет пробуждается и начинает формироваться сила, но твоя пробудилась сразу после рождения. Ты с самого начала была особенной».

Странно тяжелый пергамент давил на мои колени.

«Если ты это читаешь, значит нам с отцом удалось внушить Конгрегации, что им нужен он, а не ты. Не вини себя: другого решения просто не было. Мы надеемся, ты теперь достаточно взрослая и поймешь это...»

Мэтью, легонько сжав мое плечо, продолжил чтение: «...а потому продолжишь начатую нами после твоего рождения охоту — охоту за информацией о тебе и твоей силе. Эту страницу вместе с запиской мы получили, когда тебе было три. Они пришли в конверте с израильским штемпелем. Обратного адреса и фамилии отправителя, по словам факультетского секретаря, не было — записка и рисунок, ничего больше.

Последние четыре года мы, лишенные возможности задавать кому-то вопросы, пытались разгадать смысл послания. И пришли к выводу, что на рисунке изображена свадьба».

— Да, это свадьба — химическая свадьба ртути и серы. — Мой голос после богатых обертонов Мэтью прозвучал резкой нотой. — Решающий шаг в создании философского камня.

Такое красивое изображение химической свадьбы мне редко случалось видеть. Златовласая женщина в белоснежном наряде держала в руке белую розу в знак того, что она чиста и достойна своего жениха. Он, бледный, темноволосый, в черных с красным одеждах, тоже стоял с розой, но алой, как свежая кровь — символ любви и смерти. Позади взявшейся за руки пары на фоне деревьев и скал собрались под видом свадебных гостей металлы и неметаллы. Присутствовали здесь и животные: орлы, вороны, жабы, зеленые львы, павлины и пеликаны. Волк с единорогом занимали центральное место, сразу за новобрачными. Над сценой простирал крылья наблюдатель-феникс с пламенеющими по краям перьями.

— Что это значит? — спросила Эм.

— Что кто-то давно уже ждет, когда мы с Мэтью найдем друг друга.

— При чем тут вы, спрашивается? — Сара вытянула шею, разглядывая рисунок.

— На невесте его девиз.

Обруч из золота и серебра на ее голове был в самом деле украшен полумесяцем со звездой.

Мэтью взял из кресла остальные страницы письма:

— Не возражаешь, если я дочитаю?

Эм и Сара оставались на местах, вполне резонно остерегаясь незнакомого заколдованного объекта.

«Мы думаем, что в образе невесты представлена ты. Относительно жениха у нас нет уверенности, хотя я и видела его в твоих снах. Присутствующий и в прошлом, и в будущем, он держится в тени и никогда не выходит на свет. Он опасен, но не для тебя. Надеюсь, что сейчас он с тобой, и сожалею, что с ним не встретилась. Мне так много хотелось бы рассказать ему о тебе».

Мэтью запнулся, но потом стал читать дальше: «Быть может, вдвоем вы сможете разгадать, откуда взялся этот рисунок. Твой отец полагает, что его вырвали из одной древней книги. Иногда в глубине пергамента появляется текст. Строчки двигаются, но тут же и пропадают на несколько недель или месяцев».

— Дай-ка мне эту картинку, — вскочила Сара.

— Это из той оксфордской книги — я тебе говорила. — Я неохотно отдала Саре пергаментный лист.

— Тяжелый какой. — Она отошла с ним к окну. — Никаких слов не вижу, но оно и понятно. Раз лист вырвали из книги, магия значительно пострадала.

— Не потому ли слова, которые видела я, мелькали так быстро?

— Вполне возможно. Они ищут недостающую страницу и не могут найти.

— Страницы! — поправила я.

— Что значит «страницы»? — Взгляд Мэтью забросал меня снежинками — об этой детали я упомянула впервые.

— Из «Ашмола-782» удалена не одна страница.

— А сколько же?

— Три. В самом начале книги. Я видела корешки, но тогда это не показалось мне важным.

— Три, — повторил Мэтью с таким видом, точно хотел срочно кого-нибудь растерзать.

— Какая разница, три или триста? — Сара все еще пыталась обнаружить скрытые слова. — Магия все равно пострадала.

— Такая, что создания подразделяются именно на три вида. — Мэтью погладил мою щеку, давая понять, что не злится.

— И если одна страница у нас... — начала я.

— То у кого остальные? — закончила Эм.

— Тьфу ты черт! Почему Ребекка нам ничего не сказала? — Саре, судя по всему, тоже хотелось разорвать кого-нибудь на клочки.

Эм забрала у нее рисунок и бережно положила на чайный столик.

«Отец говорит, без долгих странствий вам эту тайну не разгадать, — снова принялся читать Мэтью. — Об остальном умолчу из опасения, что письмо попадет в чужие руки. Ты все равно придешь к разгадке, я знаю».

Мэтью отдал мне листок и перешел к следующему: «Дом передаст тебе письмо, когда будешь готова, не раньше. Если ты читаешь его, то должна, помимо прочего, знать, что мы с отцом околдовали тебя. Сара придет в ярость, но это был единственный способ уберечь тебя от Конгрегации до прихода спутника из тени, который поможет тебе вновь обрести твою магию. Сара будет говорить, что это не его дело, поскольку он не Бишоп, — но ты не слушай».

Сара пронзила чтеца убийственным взглядом.

«Я связала чары с твоей любовью к нему, но никто, кроме тебя самой, их не снимет. Извини за приступы паники — ничего другого я не придумала. Иногда ты бываешь чересчур храброй. Успехов тебе с учебой: Сара — настоящий перфекционист».

— Я всегда чувствовал что-то странное в этих твоих припадках, — улыбнулся Мэтью.

— Почему странное?

— После нашей встречи в Бодли я у тебя почти ни одного не мог вызвать.

— А когда ты возник из тумана у пристани?

— Это от неожиданности. Каждый раз, как я подходил к тебе, инстинкт должен был кричать тебе «беги прочь», а ты ничего подобного не делала. — Мэтью поцеловал меня в макушку и приступил к последней странице: «Не знаю, как закончить, — столько всего на сердце. Эти семь лет были самыми счастливыми в моей жизни. Я не отдала бы ни мгновения этого драгоцен-

ного времени за самую долгую и благополучную жизнь без тебя. Мы не знаем, за что богиня доверила тебя нам, но благодарим ее каждый день».

Я подавила рыдание, но слез не сдержала.

«Я не могу оградить тебя от горя и опасностей, которые тебе предстоят, но, кроме них, тебя ждет и великая радость. Если усомнишься в себе, вспомни: ты встала на этот путь, как только появилась на свет. Родившись в сорочке, ты заняла свое место между мирами. Это твоя судьба — следуй ей, не слушая ничьих уговоров».

— Что значит «в сорочке»? — спросила я.

— Когда ребенок родился с остатками околоплодного пузыря, — объяснила Сара. — Таких детей считают везунчиками.

— Не только. — Рука Мэтью легла мне на затылок. — В старину верили, что в сорочке рождаются провидцы, а также будущие колдуны, вампиры и оборотни.

— А где же она? — задала непонятный вопрос Эм.

— Кто? — хором отозвались мы с Мэтью.

— Такие «сорочки» обладают большой силой. Стивен и Ребекка должны были ее сохранить.

Мы все посмотрели на щель, из которой вылез конверт. В камин, подняв облако пепла, хлопнулась телефонная книга.

— Как их вообще хранят? — поинтересовалась я. — В чехольчике?

— Обычно к головке ребенка прижимали листок бумаги или кусочек ткани. Сорочка прилипала к нему и после на нем и хранилась.

Наши взгляды обратились к странице из «Ашмола-782». Сара взяла ее и стала рассматривать, что-то приговаривая.

— Чудна́я картинка, — сообщила она через некоторое время, — но Дианиной сорочки тут нет.

Уже легче — и так странностей с избытком.

— Ну все уже? — ворчливо осведомилась Сара. — Или сестра приберегла для нас еще что-то? — (Мэтью нахмурился.) — Ох, извини, Диана.

— Осталось совсем немного. Справишься, mon coeur?

Я кивнула, взявшись за его руку. Мэтью присел на подлокотник кресла, скрипнувший под его тяжестью.

«Щади себя, совершая путешествия в будущее. Старайся мыслить здраво и доверяйся инстинктам — вот и все, что может тебе посоветовать твоя мать. Нам больно расставаться с тобой, но это, увы, неизбежно — в противном случае мы рискуем потерять тебя навсегда. Прости нас за все: мы поступаем так из любви к тебе. Мама».

В комнате стало очень тихо — даже дом затаил дыхание. Где-то в глубине моего существа зародилась скорбь. Из глаза на пол скатилась слеза размером с теннисный мячик, ноги будто сделались жидкими.

— Начинается, — предупредила Сара.

Мэтью, уронив письмо, подхватил меня, вынес через парадную дверь и поставил на подъездную дорожку. Колдовская вода уходила в землю, никому не причиняя вреда. Спустя несколько мгновений Мэтью обнял меня за талию, надежно ограждая от всего мира. Я расслабилась, прислонившись к его груди.

— Не сдерживайся, пусть себе течет, — прошептал он мне на ухо.

Потоп шел на убыль, оставляя за собой горькое чувство утраты, которое останется теперь со мной навсегда.

— Почему, почему их нет? — говорила я со слезами. — Они бы знали, что делать.

— Знаю, ты тоскуешь по ним, но не думай, что они были всеведущими. Просто делали все, что от них зависело, как любые родители.

— Мать знала о тебе. Знала, что замышляет Конгрегация. Она была великой провидицей.

— И ты когда-нибудь будешь, а пока будем обходиться без подсказок из будущего. Помни, что ты не одна. Нас двое.

Мы вернулись в дом, где Сара и Эм все еще изучали страницу из рукописи. Я объявила, что заварю чаю и кофе. Мэтью, косясь на рисунок, последовал за мной на кухню.

Там, как всегда, царил полный бардак — все было заставлено посудой. Сделав кофе, я засучила рукава и взялась за уборку. У Мэтью в кармане зазвонил телефон, но он продолжал подкладывать дрова в и так уже доверху набитый камин.

— Ответь, — сказала я, прыснув средством для мытья в раковину.

Звонок, судя по его лицу, был не из приятных.

— Oui?

Изабо, наверно. Что-то пошло не так, кто-то не оказался вовремя в нужном месте — Мэтью говорил слишком быстро, и я не успевала понять, но видела, что он сердит. Пролаяв какие-то распоряжения, вампир завершил разговор.

— Изабо в порядке? — Я погрузила пальцы в теплую воду, надеясь, что не приключилось ничего страшного.

Мэтью, взяв меня за плечи, стал разминать напряженные мускулы.

— В полном, но звонила не она. Это Ален. У него там возникла непредвиденная ситуация.

— Это касается рыцарей Лазаря? — спросила я, орудуя губкой.

— Да.

— Кто такой этот Ален? — Я поставила в сушилку вымытую тарелку.

— Бывший отцовский оруженосец. Филипп не мог без него обойтись ни в военное, ни в мирное время, поэтому Марта обратила его в вампира. Он в курсе всех дел ордена. Когда отец умер, Ален присягнул мне. Он звонил сказать, что Маркус не в восторге от моего послания.

Я повернулась к Мэтью лицом:

— Такого же, которое ты вручил Болдуину в Ла-Гуардии?

Он кивнул.

— От меня твоей семье одни хлопоты.

— Это больше не наше семейное дело, Диана. Рыцари Лазаря должны защищать беззащитных — Маркус знал об этом, когда вступал в орден.

Телефон зажужжал снова.

— А вот и он, — мрачно произнес Мэтью.

— Поговори с ним наедине, — предложила я.

Он поцеловал меня в щеку, нажал зеленую кнопку и вышел во двор.

— Привет, Маркус, — услышала я, прежде чем Мэтью закрыл дверь.

Я продолжала мыть посуду — монотонные движения успокаивали.

— Где Мэтью? — В кухню, держась за руки, вошли Сара и Эм.

— Во дворе. Звонок из Англии.

Сара, взяв с полки чистую кружку — четвертую за утро, насколько я помнила, — налила себе кофе, Эм взяла газету, но видно было, что тетушек разбирает любопытство. Дверь со двора хлопнула, я приготовилась к худшему.

— Ну что?

— Маркус и Мириам вылетели в Нью-Йорк. Хотят кое-что с тобой обсудить, — сообщил мрачный как туча Мэтью.

— Со мной? Что, интересно?

— Мне он не сказал.

— Вероятно, не хочет оставлять тебя в компании одних колдуний. — От моей улыбки Мэтью немного смягчился.

— Будут здесь к ночи. Остановятся в городской гостинице, которую мы проезжали. Я к ним наведаюсь сразу, а разговор с тобой вполне может подождать до утра. — Мэтью с беспокойством оглянулся на Сару и Эм.

— Перезвони ему, пусть едут прямо к нам. — Я снова взялась за посуду.

— Они никого не хотят стеснять.

Все ясно: Мэтью не желал навязывать Саре и остальным Бишопам еще двух вампиров, но мать ни за что бы не допустила, чтобы Маркус после такого перелета остановился в отеле.

Маркус — сын Мэтью, а значит, и мой.

Пальцы зачесались, и чашка, которую я мыла, булькнулась на дно раковины.

— Мой сын в гостинице жить не будет. Он остановится здесь, у своих родственников, и Мириам мы тоже одну не бросим. Оба приедут сюда, и точка.

— Сын? — испуганно повторила Сара.

— Маркус — сын Мэтью, а значит, и мой. Иначе говоря, он Бишоп и вправе жить в этом доме точно так же, как ты, я или Эм. — Я повернулась к ним, ухватив рукава рубашки мокрыми трясущимися руками.

Из холла явилась бабушка — посмотреть, что у нас тут за шум.

— Бабуля, ты меня слышала?

Думаю, не я одна — все остальные тоже, прошелестела она.

— Вот и отлично. Это касается всех Бишопов, как живых, так и мертвых.

Дом радушно распахнул переднюю и заднюю двери, устроив сильный сквозняк.

— Где же они спать-то будут? — проворчала Сара.

— Нигде, Сара. Они вампиры. — Покалывание в пальцах усилилось.

— Отойди-ка от раковины, mon coeur, — ты искришь, — велел Мэтью.

Пальцы в самом деле уже потрескивали. Я еще крепче сжала рукава.

— Мы все поняли, — поспешно вставила Сара. — Один вампир у нас уже есть, пусть будет еще двое.

— Приготовлю им комнаты, — вызвалась Эм с искренней вроде бы улыбкой. — Будем рады познакомиться с твоим сыном, Мэтью.

Он отошел от старинного буфета, к которому прислонялся, отвел меня в сторону, уткнулся подбородком в мою макушку.

— Хорошо, будь по-твоему. Сейчас позвоню Маркусу.

— Не говори только, что я называла его своим сыном, — мачеха ему вряд ли нужна.

— Об этом вы с ним сами договоритесь, — отозвался Мэтью с затаенным весельем.

— Что тебя так насмешило? — спросила я, запрокинув голову.

— После всех утренних событий ты беспокоишься, нужна ли Маркусу мачеха. Ходячий сюрприз, вот ты кто. Это всем колдунам свойственно, Сара? Или одним только Бишопам?

— Только Бишопам, — подумав, решила она.

Я благодарно улыбнулась, а тетушек обступила толпа согласно кивающих призраков.

Глава 35

Когда я домыла посуду, мы с Мэтью разложили в столовой все содержимое пакета: письмо матери, таинственную сопроводительную записку и страницу из «Ашмола-782». Большой обшарпанный стол теперь почти не использовали — какой смысл сидеть за ним вдвоем, если стол рассчитан на дюжину едоков. К нам присоединились тетушки с дымящимися кружками кофе в руках.

— Почему же он такой тяжелый? — Сара снова взяла в руки пергамент.

— Тяжести я не чувствую, — признался Мэтью, — а вот пахнет он странно.

— Почему странно? — принюхалась Сара. — Старостью пахнет.

— Не только. Запах старости я уж как-нибудь различу.

Меня и Эм больше интересовала записка.

— Что это, по-твоему, значит? — Я придвинула себе стул.

— Не знаю. Кровь обычно символизирует род, войну или смерть, а вот отсутствие? Может быть, имеется в виду пропавшая из книги страница? Или кто-то предупреждает твоих родителей, что их уже не будет, когда ты вырастешь?

— Ну а последняя строчка? Может, они совершили какое-то открытие в Африке?

— А тебе не кажется, что открытие колдунов — это ты?

— Скорее всего, это значит, что Диана открыла «Ашмол-782», — предположил Мэтью, отвлекшись от алхимической иллюстрации.

— У тебя на уме только я и эта несчастная рукопись. Здесь, между прочим, упоминается тема твоего эссе для колледжа Всех Душ — страх и желание. Любопытно, не правда ли?

— Не более любопытно, чем мой герб, украшающий невесту. — Мэтью пододвинул ко мне страницу.

— Она олицетворяет ртуть, символ летучего начала в алхимии.

— Ртуть? — Это его позабавило. — Вечный двигатель в семействе металлов?

— Вот-вот. — Я тоже улыбнулась, вспомнив, как вручила ему сгусток своей энергии.

— А жених?

— Постоянный и привязанный к земле. Еще предполагается, что это солнце, но на других рисунках его, как правило, одевают не в красное с черным, а исключительно в красное.

— Он — не обязательно я, а она — не обязательно ты. — Мэтью обвел пальцем лицо нарисованной невесты.

— Возможно. — «Придите ко мне, все живущие в этом мире, — медленно процитировала я, — и внемлите: мой багряный возлюбленный воззвал ко мне. Он искал меня и нашел. Я есмь цвет полевой, лилия, что растет в долине. Я есмь матерь любви истинной, и страха, и разумения, и благословенной надежды».

— Что это? — Теперь Мэтью коснулся моего лица. — Похоже на Библию, только слова не те.

— Описание химической свадьбы из «Aurora Consurgens». — Наши глаза встретились, воздух сгустился, и я поменяла тему разговора. — Почему отец говорил, что мы должны отправиться в далекое путешествие?

— Штемпель на конверте был израильский. Может быть, Стивен хотел, чтобы мы туда съездили.

— В Иерусалиме, в Еврейском университете, хранится много алхимических манускриптов. Многие принадлежали Исааку Ньютону.

Учитывая прошлое Мэтью и рыцарей Лазаря в придачу, я отнюдь не стремилась посетить этот город.

— Израиль в глазах Стивена не заслуживал определения «дальние странствия», — заметила Сара, усаживаясь напротив, к ней тут же присоединилась Эм.

— А что заслуживало? — спросил Мэтью, перечитывая письмо.

— Задворки Австралии. Вайоминг. Мали. Любимые его места для путешествий во времени.

Эти «путешествия во времени» поразили меня не меньше, чем известие о наложенных на меня чарах. Я знала, что некоторые колдуны способны на это, но даже вообразить не могла, что нечто подобное практиковалось и в нашей семье. Редкостный дар — почти не уступающий редкостью колдовскому огню.

— Стивен Проктор перемещался во времени? — произнес Мэтью с нарочитой невозмутимостью — он часто говорил так, когда речь заходила о магии.

— Да, не менее раза в год — обычно после декабрьской антропологической конференции.

— Смотрите, на обороте письма что-то есть, — заметила вдруг Эм.

Мэтью перевернул последний листок:

— Точно. Я не заметил сразу, потому что спешил вынести тебя из дому до начала потопа. Но писала не твоя мать — почерк другой.

Написанный карандашом постскриптум изобиловал завитушками и острыми углами:

«Запомни эти слова, Диана: „Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, — это ощущение тайны. Оно лежит в основе всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то, во всяком случае, слепым“».

Я уже где-то видела этот почерк, но никак не могла вспомнить где.

— Кто мог приписать эйнштейновскую цитату на обороте маминого письма? — Я повернула текст к Саре и Эм.

— Не иначе как твой отец. Он брал уроки каллиграфии, а Ребекка над ним за это посмеивалась. Потому почерк и кажется таким старомодным.

Вот именно. Так писали бодлианские каталогизаторы викторианских времен. Я присмотрелась и помотала головой:

— Не может быть.

Не мог отец служить в Бодли в девятнадцатом веке. Подзаголовок «Ашмола-782» написан кем угодно, но только не им.

Однако путешествовал же он во времени... и слова Эйнштейна точно предназначались мне. Я бросила листок на стол, обхватила руками голову.

Мэтью сел рядом и жестом остановил нетерпеливо сопевшую Сару. Как только в голове немного прояснилось, я сказала:

— На первом листе «Ашмола-782» имелось две надписи. Одну, чернильную, сделал Элиас Ашмол: «Антропология, или Описание двух начал Человека». Ниже кто-то другой карандашом приписал «анатомического и психического».

— Эта надпись была сделана много позже, — констатировал Мэтью. — Во времена Ашмола термины «психика» и «психический» еще не употреблялись.

— Я думала, что она появилась в девятнадцатом веке... но похоже, это действительно работа отца.

В комнате воцарилась тишина.

— Потрогай эти слова, — прервала долгое молчание Сара. — Вдруг еще что-нибудь узнаешь.

Я послушалась и тут же увидела папу в сюртуке с широкими лацканами и в черном шейном платке. На столе, за которым он работал, высились стопки книг. Эту картинку сменила другая: папа в вельветовом пиджаке сидит в своем кабинете у нас дома и что-то пишет карандашом № 2, а мама заглядывает ему через плечо и плачет.

— Да, это он. — Я отняла от бумаги дрожащие пальцы, и Мэтью тут же завладел ими.

— На сегодня ты проявила достаточно храбрости, ma lionne.

— Если твой отец не вырывал рисунок из рукописи, то что он делал в библиотеке? — спросила Эм.

— Стивен Проктор заколдовал «Ашмол-782» так, чтобы никто, кроме его дочери, не мог взять манускрипт из хранилища, — уверенным голосом предположил Мэтью.

— Вот почему его чары «узнали» меня. Но отчего же тогда я не смогла взять книгу во второй раз?

— Оттого что необходимости не было. — Я хотела было возразить, но Мэтью пояснил с кривой усмешкой: — Конечно, ты хотела ее получить, но это другое дело. Твою магию заколдовали так, чтобы никто не мог вызвать ее насильно, — точно так же заколдован и манускрипт.

— Заказывая «Ашмол-782» в первый раз, я хотела всего лишь поставить галочку в списке. Не верится, что столь невинное намерение породило такую реакцию.

— Твои родители не могли предвидеть всего — например, того, что темой твоих исследований станет алхимия и ты будешь регулярно работать в Бодли. Ребекка тоже владела тайной путешествий во времени?

— Нет, — сказала Сара. — Такой дар — большая редкость, и большинство путешественников также умеют хорошо колдовать. Без нужных чар можно, несмотря на всю свою силу, оказаться совсем не там, где надо.

— Да, — сухо подтвердил Мэтью, — нежелательных времен, а также и мест я мог бы перечислить предостаточно.

— Ребекка иногда отправлялась со Стивеном, но ему приходилось ее нести. Помнишь, Эм, как ему вздумалось повальсировать с ней в Вене? И он целый год решал, какую ей шляпку надеть.

— Чтобы не заблудиться в прошлом, нужны три предмета, относящиеся к тому месту и времени, — добавила Эм. — А вот переносясь в будущее, колдун полагается только на магию.

— При чем тут единорог? — снова вернулась к рисунку Сара.

— Забудь о единороге, — нетерпеливо бросила я. — Неужели папа хотел, чтобы я отправилась в прошлое и стащила рукопись до того, как ее заколдовали? А если бы я случайно наткнулась на Мэтью? Это бы нарушило пространственно-временной континуум.

— Не все можно объяснить теорией относительности, — пренебрежительно бросила Сара.

— Стивен говорил, что путешествовать во времени — это как пересаживаться с поезда на поезд, — вспомнила Эм. — Сходишь с одного, дожидаешься, когда будет место в следующем. Отправляешься из пункта «здесь и сейчас» и ждешь вне времени, когда освободится место где-то еще.

— Похоже на то, как меняют свои жизни вампиры, — сказал Мэтью. — Мы инсценируем смерть, исчезновение, переезд и занимаем место кого-то другого. Вы удивились бы, как легко можно сменить дом, семью и работу.

— Но должен же кто-то заметить, что его сосед Джон Смит стал выглядеть совсем по-другому, — усомнилась я.

— А вот это самое удивительное. Если правильно выбрать, никто и слова не скажет. Несколько лет в Святой земле, тяже-

лая болезнь, угроза потери наследства — и ни у людей, ни у созданий вопросов не возникает.

— Так или иначе, я для путешествий во времени не гожусь. В анализе ДНК на этот счет ничего не сказано.

— Еще как годишься! С самого детства этим занимаешься, — самодовольно заверила Сара, гордясь тем, что удалось посрамить науку и Мэтью. — В первый раз это с тобой случилось в три года. Родители перепугались до смерти, полицию вызвали — то-то было представление. А четыре часа спустя ты как ни в чем не бывало сидела на своем стульчике и ела свой именинный торт. Проголодалась, наверно, вот и вернулась. Так что твои последующие исчезновения нас уже не пугали, а исчезала ты постоянно.

Сначала я перепугалась, вообразив себе маленького ребенка, самостоятельно странствующего во времени, но потом повеселела, сообразив наконец, что все загадки истории теперь в моей власти.

Мэтью уже подумал об этом и ждал, когда дойдет до меня.

— Что бы там ни замышлял твой отец, в тысяча восемьсот пятьдесят девятый я тебя не пущу, — заявил он, развернув меня на стуле лицом к себе. — С такой категорией, как время, фокусничать нельзя, понятно?

Несмотря на все заверения, что у меня ничего такого и в мыслях нет, глаз с меня больше не спускали. Либо кто-то из тетушек, либо Мэтью неотступно следовали за мной по пятам, будто бродвейский кордебалет за солистом. Эм пошла со мной наверх посмотреть, есть ли чистые полотенца, хотя я прекрасно знала, где находится бельевой шкаф. Мэтью, когда я вышла из ванной, лежал на кровати и будто бы куда-то звонил. Отправляясь вниз приготовить себе еще чая, я уже знала, что Сара и Эм несут вахту в семейной.

Я чувствовала вину перед Мартой за то, что нарушила слово и не заварила ее зелье еще вчера. Поставила чайник, открыла черную жестянку. Запах руты живо напомнил мне похитительницу Сату, и я сосредоточилась на других ароматах. Я скучала по Сет-Тур, по саду, по Марте и Ракасе — даже по Изабо.

— Откуда ты это взяла, Диана? — спросила Сара.

— Мы с Мартой делали этот чай вместе.

— С экономкой его матери? Которая изготовила мазь для твоей спины?

— Да. Марта — домоправительница Изабо, — произнесла я с легким нажимом. — У вампиров, как и у колдунов, есть имена — постарайся их запомнить.

— Я думала, ты за этим обращаешься к доктору, а не травки пьешь, — фыркнула Сара.

— Доктор Фаулер мог бы тебе помочь, — поддержала ее Эм. — Даже Сара не слишком верит в народные контрацептивные средства.

Я, умело скрывая замешательство, опустила в кружку мешочек с чаем.

— Обойдемся как-нибудь без доктора Фаулера.

— Вот и я говорю: зачем это надо, если ты спишь с вампиром? Главное, чтобы он к шее твоей не присасывался.

— Знаю, Сара.

Знаю ли? Зачем Марта столько времени учила меня готовить совершенно ненужный чай? Мэтью ясно дал понять, что отцом, как это понимают теплокровные, быть не может. Я вылила недозаваренный чай в раковину, выкинула мешочек, а жестянку упрятала на верхнюю полку.

Под вечер, даже после всех разговоров о записке, письме и рисунке, мы ничуть не приблизились к разгадке тайны «Ашмола-782» и не поняли, как был связан с ней мой отец. Тетушки готовили ужин — то есть Эм жарила курицу, а Сара пила бурбон и ворчала, что слишком уж много овощей. Мэтью расхаживал по кухне в необычайном беспокойстве.

— Пошли, — сказал он наконец, — тебе нужно подышать воздухом.

Свежий воздух требовался скорее ему, но я не сопротивлялась. В чулане отыскались мои старые кроссовки — в них было удобнее, чем в Сариных сапогах.

Как только мы дошли до первых яблонь, Мэтью прижал меня к корявому стволу. Из дома нас благодаря низко нависшим веткам не могли видеть.

Колдовской ветер не спешил подниматься, зато других эмоций было хоть отбавляй.

— Ну и народу же в этом доме, — сказал Мэтью и тут же прильнул к моим губам.

Мы слишком редко оставались наедине с тех пор, как он вернулся из Оксфорда, — казалось, это было очень давно, хотя на самом деле прошло всего несколько дней. Одна его рука забралась ко мне в джинсы, другая ласкала грудь. Я ежилась от холодящего наслаждения, наши тела прижимались друг к другу — до полной близости оставался всего один шаг.

Мэтью, похоже, вознамерился консумировать наш брак старым добрым способом — на природе, стоя, в полном затмении разума, — но в следующий миг опамятовался и прохрипел:

— Нет, так нельзя. — Чернота полностью залила его радужку.

— Мне все равно. — Я снова притянула его к себе.

— А мне нет, — раздался тихий вампирский вздох. — Хочу, чтобы мы в это время были совершенно одни. Хочу тебя надолго, не на пару ворованных мгновений.

— Я тоже хочу тебя, и терпение не моя сильная сторона.

Он с улыбкой погладил мое горло большим пальцем, прижал губы к пульсирующей артерии, поднялся выше.

— Мне ужасно нравится отыскивать твои чувствительные местечки. Вот тут, — он поцеловал меня за ухом, — и тут, — губы коснулись век, и я застонала от удовольствия, — и тут, — палец прошел под нижней губой.

— Мэтью! — с мольбой прошептала я.

— Что, mon coeur? — Кровь, приливающая к коже от нежных прикосновений, завораживала его.

Я прижала покрепче его к себе, не обращая внимания на холод, густеющую темноту и грубую кору, впивающуюся в израненную спину. Так продолжалось, пока Сара не закричала с крыльца:

— Как-то недалеко вы забрались. Что, не надышались еще?

Чувствуя себя школьницей, которую застукали с мальчиком, я одернула флиску и направилась к дому. Мэтью, посмеиваясь, шел следом.

— Вид у тебя довольный, — заметила Сара, когда мы вошли.

В ярком свете Мэтью выглядел совершенным вампиром (и притом действительно весьма довольным), но беспокойство, к счастью, перестало его мучить.

— Оставь его в покое, — неожиданно резко осадила Сару Эм, вручая мне миску с салатом. — Мы сами немало времени провели под той яблонькой, пока Диана была маленькой.

— Хм... — Сара взяла бокалы. — Вчерашнее винцо еще есть, Казанова?

— Я француз, а не итальянец и к тому же вампир — вино у меня есть всегда. Маркус скоро еще привезет. Он, к сожалению, не француз и даже не итальянец, но воспитание получил правильное.

Три колдуньи принялись уминать курицу с картошкой, которую приготовила Эм. Табита устроилась около Мэтью, кокетливо задевая его хвостом, он подливал вино в наши с Сарой бокалы, Эм все время предлагала ему отведать то того, то другого.

— Спасибо, Эмили, я не хочу, — повторял он.

— Ты вообще хоть что-нибудь ешь? — Эм не привыкла, чтобы от ее стряпни кто-то отказывался.

— Орехи, — твердо сказала я. — Купи ему орехов.

— А... сырое мясо, к примеру?

Мэтью стиснул мне руку, не дав ответить.

— Если непременно хотите меня накормить, сырое мясо подойдет. И бульон — чистый, без овощей.

— Твой сын тоже это ест? И коллега?

Я начинала понимать, почему мои вопросы о вампирском образе жизни так раздражали Мэтью.

— Все вампиры, находясь среди теплокровных, едят примерно одно и то же. — Он налил себе снова.

— Выпивка, орешки — в барах, наверное, болтаешься постоянно, — вставила Сара.

Эм, положив вилку, выразительно на нее посмотрела.

— Эй, ты чего?

— Попробуй только осрамить нас при гостях, Сара Бишоп! Никогда тебе не прощу.

Мое сдавленное хихиканье перешло в откровенный хохот. Сара присоединилась первая, за ней Эм. Мэтью ограничивался вежливой улыбкой — что ж, мол, поделаешь, раз попал в сумасшедший дом. Когда мы отсмеялись, он спросил Сару:

— Можно я оборудую лабораторию в вашей кладовой? Анализ красок, которыми сделан рисунок, может подсказать нам кое-что о месте и времени его появления.

— Рисунок трогать нельзя. — Во мне проснулся (и ужаснулся) историк.

— С ним ничего не случится, — мягко сказал Мэтью. — Мне нужны только микроскопические частицы.

— Нет. Пока мы не поймем, с чем имеем дело, нельзя его трогать.

— Поздновато суетишься, Диана, — ведь это ты вернула рукопись в библиотеку. — Сара поднялась, вдохновившись новой идеей. — Может, в поваренной книге что-то найдется.

— Ну-ну, — пробормотала Эм. — Тебя приняли в семью, Мэтью.

Принесенная Сарой книга в кожаном переплете размерами не уступала семейной Библии. В ней содержались все знания, которые Бишопы передавали из поколения в поколение на протяжении почти четырехсот лет. Сверху на первой странице было затейливо выведено «Ребекка» и дата — 1617. Далее двумя колонками следовали другие имена — каждое написано другими чернилами и со своей датой. На обороте продолжались всевозможные Сюзанны, Элизабет, Маргарет, Ребекки и Сары. Тетя не показывала этот том никому, даже другим колдунам, — видеть «поваренную книгу» могли только члены семьи.

— Что это, Сара? — Мэтью вбирал в себя запахи старой бумаги, трав, дыма.

— Колдовская энциклопедия Бишопов. Начата Ребеккой Дэвис, бабкой Бриджит Бишоп, и Ребеккой Плейфер, ее матерью. Бриджит передала книгу своей старшей, внебрачной дочери, которую родила еще в Англии около тысяча шестьсот пятидесятого года. Самой Бриджит тогда еще не было и двадцати; она назвала дочь в честь своих бабки и матери, а потом отдала одной английской семье, потому что не могла сама ее воспитать. До конца жизни ей тыкали в нос этой ее «безнравственностью». Дочь Ребекка, когда выросла, приехала в Америку и стала работать в трактире у матери. Бриджит тогда уже вышла замуж во второй раз, у нее появилась другая дочь, Кристиан.

— От этой Кристиан Бишоп вы и ведете свой род? — спросил Мэтью.

— Ее звали Кристиан Оливер: Эдвард Бишоп у Бриджит был третьим мужем. Нет, мы ведем род от старшей, Ребекки. Когда Бриджит казнили, она официально поменяла фамилию на Бишоп. Она тогда уже овдовела, так что возражать было некому. Бросила, так сказать, вызов обществу.

Мэтью посмотрел на меня долгим взглядом, думая, видно, что поступки такого рода — черта наследственная.

— Предыдущие фамилии Бриджит мало кому известны — все помнят только последнюю, под которой ее признали виновной в колдовстве и казнили. Все наши женщины с тех пор оставляют за собой фамилию Бишоп независимо от того, какую фамилию носят их отцы и мужья.

— Я прочел о казни Бриджит вскоре после того, как это случилось, — стал вспоминать Мэтью. — Для созданий это были темные времена. Новая наука беспощадно разоблачала тайны мира, но люди все еще верили, что вокруг них полно невидимых сил, — и, разумеется, были правы.

— Расхождения между наукой и здравым смыслом стоили жизни сотням колдунов, — заметила Сара, листая страницы.

— Что ты, собственно, ищешь? — нахмурилась я. — Если кто-то из Бишопов не был специалистом по древним рукописям, книга заклинаний тебе ничем не поможет.

— Откуда тебе-то знать, что есть в этой книге? Ты ее в жизни не открывала.

— Манускрипт трогать не дам, — процедила я.

— Ага, вот оно! — торжествующе воскликнула Сара. — Этими заклинаниями пользовалась Маргарет Бишоп в тысяча семьсот восьмидесятых. Сильная была колдунья. «Как убрать темные пятна на бумаге и ткани» — с него и начнем.

— Если ты испортишь...

— Можешь не повторять, Диана. Здесь используются пары — твой драгоценный пергамент никто и пальцем не тронет. Хватит шипеть.

— Сейчас принесу его. — В награду за свою услужливость Мэтью получил от меня злобный взгляд.

Он принес из столовой рисунок, и они с Сарой удалились в буфетную. Тетка тарахтела без умолку, а Мэтью внимал.

— Кто бы мог подумать, — покачала головой Эм.

Когда мы с ней, вымыв посуду после ужина, начали прибирать комнату, которая более всего сейчас походила на место преступления, подъездную дорожку осветили автомобильные фары.

— Приехали. — Сердце у меня екнуло.

— Все хорошо, детка, ведь это родные Мэтью. — Эм ободряюще сжала мой локоть.

Когда я открыла парадную дверь, Маркус и Мириам как раз выходили из машины. В коричневом свитерке с закатанными рукавами, мини-юбке и коротких сапожках вампирша выглядела как-то нелепо. Темные глаза недоверчиво оглядывали ферму и все вокруг. Маркус, в джинсах и майке с рекламой чьих-то гастролей 1982 года, любовался домом и принюхивался. Пахло, несомненно, кофе и колдуньями.

— Привет, мам, мы дома! — поприветствовал он меня, подмигнув голубым глазом.

— Значит, он тебе сказал? — Пренебрежение, с которым Мэтью отнесся к моей просьбе, меня разозлило.

— Что сказал? — наморщил лоб Маркус.

— Да ничего. Привет, Маркус, привет, Мириам.

— Здравствуй, Диана. — На лице Мириам появилось привычное неодобрительное выражение.

— Какой славный дом!

Маркус держал в руке темную бутылку. Его золотистые волосы и белая кожа прямо-таки светились под фонарем.

— Проходите, пожалуйста.

Хоть бы никто не проехал мимо и не увидел, что у нас гостит вампир.

— Ты как, Диана? — Маркус беспокойно принюхивался ко мне: Мэтью и про Ла-Пьер ему рассказал.

— Отлично. — (Наверху громко хлопнула дверь.) — Не дури, я же просила!

— О чем это? — Мириам застыла на пороге, ее черные локоны вились по плечам, точно змеи.

— Так, пустяки.

Благополучно впустив в себя обоих вампиров, дом перевел дух.

— Пустяки, говоришь? — вскинула брови Мириам.

— Дом немного волнуется, когда приезжают гости.

Мириам, задрав голову, принюхалась:

— Сколько тут народу живет?

На этот простой вопрос ответить было не так-то просто.

— Не знаю точно. — Я потащила сумку к лестнице. — Что у вас там?

— Это вещи Мириам — дай-ка мне. — Маркус поднял багаж одним пальцем.

Мы поднялись на второй этаж. Эм сразу спросила Мэтью, будут ли эти двое спать вместе. Сначала Мэтью поразился такому непристойному вопросу, а потом расхохотался и сказал, что, если этих двоих поселить вместе, к утру одним вампиром станет меньше. Весь день после этого он хмыкал и бормотал: «Маркус и Мириам... что за мысль».

Маркусу в итоге выделили бывшую спальню Эм, а Мириам — мою комнату на чердаке. На кроватях лежали стопками пушистые полотенца, ванную я гостям показала. С вампирами хлопот не так много — их ведь не надо ни кормить, ни укладывать. Дом, к счастью, не подсылал к ним привидений и не сыпал штукатуркой.

Мэтью, конечно, знал, что они приехали, но Сара, сидя в достаточно уединенной буфетной, могла и не знать. Когда мы втроем шли мимо гостиной, Элизабет выглянула оттуда и вытаращила глаза, как сова.

— Иди поищи бабушку, — сказала я ей. — Извините, у нас тут привидения водятся.

Маркус замаскировал смешок кашлем.

— Все ваши предки с вами живут?

Я покачала головой, думая о родителях.

— Жаль.

Эм с искренней теплой улыбкой встретила нас в семейной.

— Вы, должно быть, Маркус. — Она протянула руку. — Эмили Метер.

— А это коллега Мэтью, Эм. Мириам Шепард.

Мириам даже рядом с хрупкой Эм выглядела как фарфоровая статуэтка.

— Добро пожаловать, Мириам. Хотите чего-нибудь выпить? Мэтью открыл бутылку вина. — Эм держалась совершенно естественно, как будто вампиры захаживали сюда каждый день.

Гости от угощения отказались.

— А где же он? — Мириам сразу перешла к делу. — Я его слышу.

Мы показали вампирам дверь, ведущую в Сарину святая святых. Они продолжали осваиваться со здешними запахами — дерево, старые ткани, колдуньи, кофе, кошка.

Табита с воплем выскочила из мрака, нацелившись прямо на Мириам.

Та зашипела, Табита, уже подобравшаяся для прыжка, замерла. В поединке двух хищниц победила Мириам: Табита первая отвела глаза и начала прихорашиваться — что же еще делать, когда у тебя отняли пальму первенства.

— Знакомьтесь, Табита, — промямлила я. — Она очень любит Мэтью.

Увлеченные делом Мэтью и Сара склонились над горшком, стоявшим на старой электроплитке. С потолка свисали травы, заброшенные печки ждали с железными крючьями наготове.

— Очанка прежде всего, — голосом школьной учительницы вещала Сара. — Она проясняет зрение.

— Фу, как скверно пахнет! — сморщила носик Мириам.

Мэтью помрачнел.

Они с сыном обменялись приветствиями.

Сара разглядывала новоприбывших. В полутемной буфетной их ненатуральная бледность и расширенные зрачки были еще заметнее.

— Помилуй богиня, как это вы умудряетесь сходить за людей?

— Для меня это тайна. — Мириам с неменьшим интересом разглядывала хозяйку. — Вы, знаете ли, тоже весьма выделяетесь, с вашими-то рыжими волосами, и белены от вас просто разит. Меня зовут Мириам Шепард.

Мы с Мэтью переглянулись, спрашивая себя, как Мириам и Сара уживутся под одной крышей.

— Добро пожаловать в дом Бишопов, Мириам. — Сара прищурилась, Мириам тоже. — А ты, значит, его сынок. — Тетушку, как обычно, светские условности не стесняли.

— Сын Мэтью, да. — Маркус с таким видом, будто привидение увидел, протянул Саре свою коричневую бутылку. — Ваша тезка тоже была целительницей. Сара Бишоп после битвы на Банкер-Хилле учила меня вправлять переломы — я до сих пор пользуюсь ее методом.

С полки свесились две ноги в грубых башмаках, и женщина, вылитая Сара, сказала:

Будем надеяться, силенок у него теперь побольше, чем было в ту пору.

— Виски! — Сара посмотрела на моего сына гораздо благосклоннее.

— Она любила выпить — я подумал, вы, может быть, тоже.

Обе Сары Бишоп кивнули.

— Правильно подумал, — сказала живая.

— Как твое зелье? — Я едва сдерживалась, чтобы не чихнуть.

— Ему надо настаиваться девять часов. Потом снова вскипятим, подержим рисунок над паром и посмотрим, что выйдет.

— Вот и хорошо, сделаем перерыв. Если хотите, я открою вам виски, — предложил Мэтью.

— Я и сама могу. — Сара завладела бутылкой. — Спасибо, Маркус.

Она выключила плитку, прикрыла горшок крышкой. На кухне Мэтью налил себе вина — Маркус и Мириам опять отказались, — а Саре виски. Я заварила себе чай, обыкновенный «Липтон» из магазина. Мэтью спрашивал своих, как они долетели и что слышно в лаборатории, — приезд сына, судя по всему, его нисколько не радовал.

Маркус, понимая это, переминался с ноги на ногу. Чтобы разрядить атмосферу, я предложила посидеть в семейной, но Сара, отсалютовав стаканом догадливому внучатому племяннику, сказала:

— Пойдемте лучше в столовую, письмо им покажем. И Дианину картинку тоже захвати, Мэтью.

— Маркус и Мириам долго здесь не задержатся, — с легким упреком ответил он. — Скажут Диане, что хотели, и улетят назад в Англию.

— Они родственники.

Висящее в воздухе напряжение Сару ничуть не беспокоило: она забрала рисунок, и мы все потянулись за ней в столовую. Мы с Мэтью и Эм расположились на одной стороне стола, Маркус, Мириам и Сара — напротив. Тетя тут же начала рассказывать о том, что случилось утром. Мэтью, к которому она порой обращалась, отвечал кратко и строго по существу — все, кроме Сары, понимали, что он не хочет посвящать присяжных в подробности. Пока она беззаботно читала вслух мамино письмо вместе с папиным постскриптумом, Мэтью крепко держал меня за руку.

Мириам, внимательно изучив рисунок, сказала:

— Твоя мать не ошиблась: здесь изображены вы — ты и Мэтью.

— Знаю. — Мы с ней смотрели друг другу прямо в глаза. — Тебе известно, что это значит?

— Мириам! — резко вмешался Мэтью.

— Подождем с этим до завтра, — всполошился Маркус. — Поздно уже.

— Она и так уже знает, — тихо сказала Мириам. — Что происходит, когда заключается брак, Диана? Что в алхимической трансмутации следует за conjunctio?[1]

Комната пошатнулась перед глазами. Я вспомнила запах Мартиного чая.

— Conceptio[2].

Я сползла по спинке стула и потеряла сознание.

---

[1] Союз *(лат.)*.

[2] Зачатие *(лат.)*.

Глава 36

Очнулась я, уткнувшись носом в коленки! — Мэтью удерживал мою голову, так что мне оставалось лишь любоваться потертым ковром. Вокруг царила неразбериха. Маркус втолковывал Саре, что ко мне сейчас соваться не надо: отец может и разорвать ненароком.

— Мы, вампиры, очень серьезно подходим к защите своих супругов.

— Когда ж это они поженились? — недоумевала Сара.

Мириам гораздо менее убедительно успокаивала Эм.

— Мы называем это заслоном, — звенел ее голосок. — Видели, как ястреб накрывает добычу крыльями?

— Но ведь Мэтью не смотрит на Диану как на добычу? Он... он ее не укусит?

— Не думаю, — поразмыслив, сказала Мириам. — Он не голоден, кровь у нее не идет... если опасность и есть, она минимальна.

— Помолчи, Мириам, — одернул ее Маркус. — Не волнуйтесь, Эмили, все в полном порядке.

— Я уже могу и сесть нормально, — подала голос я.

— Подожди. Пусть кровь прильет к голове как следует. — Мэтью старался не рычать, но это плохо ему удавалось.

Сара, давно подозревавшая, что он неусыпно следит за моим кровообращением, издала сдавленный стон.

— Как по-твоему, пропустит он меня? Хочу принести Дианин анализ, — сказала Мириам.

— Зависит от того, насколько он зол, — усомнился Маркус. — Если б ты вот так вырубила мою жену, я бы слопал тебя на завтрак. Сиди-ка лучше на месте.

— Рискну, пожалуй.

Ножки стула, на котором сидела Мириам, чиркнули по полу, и вампирша ураганом пронеслась по комнате.

— Черт! — вырвалось у Сары.

— Она даже по вампирским меркам шустрая, — объяснил Маркус.

Мэтью помог мне сесть прямо. От этого легкого усилия голова чуть не лопнула. Я закрыла глаза, открыла опять, увидела тревогу на лице Мэтью.

— Все хорошо, mon coeur?

— Просто я потрясена немного.

Мэтью нащупал пульс на моем запястье.

— Извини, Мэтью, — пробормотал Маркус. — Я не знал, что Мириам так себя поведет.

— Тебе есть за что извиняться, — согласился его отец, не поднимая головы. — Говори, зачем приехали. Быстро! — На лбу у Мэтью вздулась знакомая жилка.

— Мириам...

— Я не с Мириам говорю, а с тобой.

— В чем дело, Диана? — Сара, которую обнимал за плечи Маркус, выглядела порядком ошарашенной.

— Мириам думает, что на рисунке изображены мы с Мэтью. А еще там изображена одна из стадий создания философского камня, — осторожно начала я. — На латыни она называется conjunctio, то есть брак. Следующая стадия — это conceptio.

— Conceptio? Это то, о чем я думаю?

— Возможно. По-латыни это «зачатие», — перевел Мэтью.

— В буквальном смысле? — вытаращила глаза Сара, но я уже думала о другом.

— Лист с conceptio тоже удален из книги. Conjunctio у нас, а оно у кого-то другого.

В этот самый момент появилась Мириам с пачкой листков:

— Кому?

Взгляд, который метнул на нее Мэтью, я предпочла бы никогда больше не видеть. Мириам, сделавшись из белой жемчужно-серой, торопливо вручила ему результаты.

— Ты перепутала анализы, Мириам, — тут же заявил он. — Этот мужской.

— Все верно, — сказал Маркус. — Она химера, Мэтью.

— Что такое «химера»? — спросила Эм.

Мифическое чудовище, вспомнила я. Львиные голова и шея, козье туловище, драконий хвост. Я посмотрела — хвоста у меня вроде бы не было.

— Особь, в чьих клетках содержится два или больше генетических профиля. — Мэтью недоверчиво уставился на первую страницу анализа.

— Быть не может. — У меня гулко стукнуло сердце.

— Такое встречается, хоть и редко, — мрачно сказал Мэтью, обняв меня.

— Моя версия — СИБ, — сказала Мириам, не обращая внимания на предостерегающе нахмурившегося Маркуса. — Для анализа взяли ее волосы — их много было на одеяле, которое мы увезли в Олд-Лодж.

— Синдром исчезающего близнеца, — объяснил Маркус. — Скажите, Сара: у Ребекки были проблемы на ранних сроках беременности? Кровотечение, угроза выкидыша?

— Вроде бы нет... Впрочем, они со Стивеном тогда были в Африке. Сюда вернулись уже в конце ее первого триместра.

Никто никогда не говорил, что родители зачали меня в Африке.

— Ребекка ничего бы не поняла, — сурово заметил Мэтью. — Большинство женщин еще не знают, что беременны, когда у них случается СИБ.

— Значит, у меня был близнец и мама его потеряла?

— Да. Брат. Жизнеспособный зародыш в таких случаях поглощает кровь и ткани другого, нежизнеспособного. Происходит это совсем рано — от исчезнувшего близнеца не остается, как правило, никаких следов. Не проявились ли в этом анализе какие-нибудь способности, которых не показал предыдущий?

— Да, есть кое-что. Перемещения во времени, трансформация, ясновидение — к Диане все это перешло почти целиком.

— Это мой брат должен был путешествовать во времени, а не я...

Бабушка фосфоресцирующим облачком проплыла по комнате, тронула меня за плечо и села за дальний конец стола.

— Колдовской огонь, вероятно, тоже его наследие, — кивнул Маркус. — В волосах из всех видов стихийной магии обнаружился только огонь.

— Думаете, что мать не знала о несостоявшемся сыне? — Я провела пальцем по серым, черным, белым полоскам на странице.

— Конечно знала, — уверенно заявила Мириам. — Ты родилась в день богини, и она тебя назвала Дианой.

— Ну и что же?

Я вздрогнула, стараясь не вспоминать, как в тунике и сандалиях скакала верхом через лес. И как ощутила лук и стрелу у себя в руках при вспышке колдовского огня.

— У богини луны был близнец, Аполлон. «И Солнце-царь, по воле Льва одной, брак заключит с сестрой своей Луной», — многозначительно процитировала Мириам.

— Вижу, тебе знакома «Охота на Зеленого Льва»[1].

— Следующие строчки я тоже помню: «И волей Льва от царственной четы родится плод чудесной красоты».

— О чем она толкует? — сердито осведомилась Сара.

Мириам хотела ответить, но Мэтью покачал головой, и она промолчала.

— Царь-солнце и царица-луна — философские сера и ртуть — женятся и зачинают ребенка, — стала объяснять я. — В алхимическом толковании это гермафродит, символ смешения двух субстанций.

— Другими словами, Мэтью, — перебила Мириам, — в «Ашмоле-782» говорится не только о происхождении, эволюции и вымирании видов. О воспроизводстве там тоже написано.

— Чепуха, — нахмурилась я.

— Называй это как хочешь, Диана, — мне лично все ясно. У вампиров и колдунов, как и у других смешанных пар, все-таки могут быть дети, — торжествующе произнесла Мириам, словно бросая вызов Мэтью.

— Но вампиры биологически не способны к деторождению, — заспорила Эм. — Это известный факт, как и то, что браки между разными видами невозможны.

— Виды меняются, приспосабливаясь к новым условиям, — заметил Маркус. — Этому способствует могущественный инстинкт продолжения рода.

---

[1] Анонимное алхимическое стихотворение.

— Послушать вас, так мы все скоро вымрем, — нахмурилась Сара.

— Вполне возможно. — Мэтью положил мой анализ рядом с прочими лежащими на столе документами. — Сила колдунов идет на убыль, и детей у них рождается все меньше. Вампирам все труднее обращать теплокровных, нестабильность даймонов сильно выросла.

— Но как все это связано с детьми, которых будто бы могут иметь вампиры и колдуны? — не сдавалась Эм. — Если перемены и происходят, почему они должны начаться с Дианы и Мэтью?

— Мириам тоже задавала себе этот вопрос, наблюдая за ними в библиотеке, — сказал Маркус.

— Вампиры часто проявляют протекционизм по отношению к своим партнерам и жертвам, но охотничий инстинкт оказывается сильнее желания защищать. В случае с Мэтью все было наоборот: его стремление защищать Диану с каждым днем только крепло. Вскоре он к тому же начал, скажем, на вампирский лад распускать перья, чтобы отвлечь от нее внимание, — пояснила Мириам.

— Хищники все это делают только ради потомства, — вставил Маркус.

— Эмили права, — резко возразил Мэтью. — У вампиров и колдунов слишком много различий — никаких детей у нас с Дианой не может быть.

— Нельзя утверждать это с абсолютной уверенностью. — Маркус, поставив локти на стол, с хрустом переплел пальцы. — Вспомни о жабах-чесночницах.

— Жабы-чесночницы? — Сара взяла в руки рисунок. — Так кто же у нас Диана — лев, жаба или невеста?

— Невеста — и, может быть, единорог тоже. — Маркус осторожно забрал у Сары картинку. — Самка жабы-чесночницы в определенных ситуациях спаривается с самцами других, хотя и родственных видов жаб. Ее потомство в таких случаях развивается быстрее и обладает повышенной выживаемостью.

— Вампиры и колдуны — не жабы, — холодно возразил Мэтью. — И результаты такого спаривания не во всем положительны.

— Почему ты так упорствуешь? — нетерпеливо вмешалась Мириам. — Межвидовое скрещивание — следующий этап эволюции.

— Генетические суперкомбинации – например, рождение ребенка у вампира и колдуньи — ведут к ускоренному эволюционному развитию, — сказал Маркус. — Все виды совершают такие скачки. Да что я тебе рассказываю, ты сам пришел к таким выводам.

— Вы оба упускаете из виду высокую смертность, сопутствующую таким комбинациям. И если вы задумали провести эксперимент на Диане, забудьте об этом сразу, — с обманчивой мягкостью произнес Мэтью.

— Она химера, и группа крови у нее четвертая с отрицательным резусом — это уменьшает вероятность отторжения полувампирского плода. Она универсальный реципиент и уже имела опыт поглощения чужой ДНК. Возможно, ее, как жабу-чесночницу, привел к тебе инстинкт выживания.

— Чертовски много предположений, Маркус.

— Диана не такая, как другие колдуны, Мэтью. Ты еще не видел ее мтДНК — посмотри.

Мэтью с тихим шипением стал рыться в бумагах. Нужный ему листок был весь покрыт разноцветными кольцами. «Неизвестный клан» — красными чернилами надписала вверху Мириам, добавив к этому напоминающий воротца знак.

— Зная, что ты будешь оспаривать результаты, я приложила материал для сравнения, — пояснила она.

— Что такое «клан»? — Я всматривалась в Мэтью, пытаясь понять, какие он испытывает чувства.

— Генетическая родословная. Митохондриальная ДНК всех обследованных нами колдунов неизменно приводит нас к одной из четырех женщин, ваших общих родоначальниц.

— Всех, кроме тебя, — вставил Маркус. — Вы с Сарой происходите от кого-то другого.

— Что это за знак? — показала я на воротца.

— Хей, еврейская цифра пять. Насколько стар этот клан? — спросил Мэтью у Мириам.

— Его древность не вызывает сомнений, какой бы митохондриальной теории ты ни придерживался.

— Старше, чем клан Гимель?

Я знала, что так называется еврейская цифра 3.

— Старше. Предвидя твой следующий вопрос, здесь есть два варианта. Либо клан Хей — еще одна линия, ведущая к мито-Лилит... — Сара хотела что-то спросить, но я покачала головой, — либо он происходит от сестры мито-Лилит. Во втором случае прародительница Дианы является матерью клана, но не колдовским эквивалентом мито-Евы. В обоих случаях существует вероятность, что клан Хей, если Диана не оставит потомства, угаснет в нынешнем поколении.

— Может быть, нарисуешь? — Я пододвинула к Мэтью коричневый пакет, в котором хранилось послание моей матери.

Без графического изображения понять это все было трудно.

Мэтью начертил две диаграммы — одна как змея, другая — как таблица спортивного турнира.

— Вот семь известных нам дочерей митохондриальной Евы — для краткости мито-Евы. — Он показал на «змею». — Ученые считают их ближайшими общими прародительницами всего человеческого населения Западной Европы. Все эти женщины, ДНК которых была зарегистрирована в разные исторические периоды в разных регионах земли, происходят, в свою очередь, от общей праматери.

— То есть мито-Евы, — сказала я.

— Верно. — Мэтью перешел к «турнирной таблице». — А это сведения, которые мы сумели собрать по женским линиям колдовских родов. Таких линий, или кланов, всего четыре. Номера мы присваивали по мере обнаружения, хотя родоначальница первого открытого нами клана, Алеф, жила немного позже других.

— Насколько позже? — спросила Эм.

— Около семи тысяч лет назад.

— Семь тысяч! — ахнула Сара. — Мы, Бишопы, прослеживаем свою женскую родословную всего лишь до тысяча шестьсот семнадцатого года.

— Клан Гимель, к примеру, зародился сорок тысяч лет назад, — продолжал Мэтью. — Если клан Хей, как говорит Мириам, еще старше, то ваш род следует считать очень древним.

— Вот черт! — поразилась Сара. — А кто такая Лилит?

— Первая колдунья. — Я придвинула диаграммы к себе и вспомнила, что, когда я в Оксфорде спросила Мэтью, не первого ли вампира он ищет, он ответил крайне загадочно. — По крайней мере, первая, на кого современные колдуны могут сослаться как на родоначальницу.

— Маркус обожает прерафаэлитов, а Мириам — большой знаток мифологии. Имя выбирали они, — объяснил Мэтью.

— Прерафаэлиты Лилит просто обожали. Данте Габриель Россетти описывал ее как колдунью, ставшую женой Адама еще до Евы.

Юнца ты манишь, взгляд его живой
Пустеет, бедный никнет головой,
И сердце жмет удавка золотая[1], —

мечтательно процитировал Маркус.

— Песнь Песней, — пояснил Мэтью. — «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста; пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей»[2].

— Это и в «Aurora Consurgens» есть, — вспомнила я. — Алхимики часто цитировали Песнь Песней.

— Не все отзываются о Лилит столь восторженно. — Сухой тон Мириам вернул нас к действительности. — В древних преданиях она описывается как порождение ночи, богиня луны и ветра, жена ангела смерти Самаэля.

— И что, у ангела с богиней рождались дети? — поинтересовалась Сара.

Сходство старых легенд и алхимических текстов с историей моей собственной любви заново поразило меня.

— Да. — Мэтью забрал у меня пачку листов и аккуратно подровнял странички.

— Вот о чем беспокоится Конгрегация! — догадалась я. — Они боятся межвидовых браков, от которых могут родиться дети смешанной крови.

— Интересно, сколько было в истории таких пар, как вы с Мэтью? — сказал Маркус.

— И сколько их сейчас, — добавила Мириам.

---

[1] Сонет 78, «Красота тела».

[2] Песн. 4: 9.

— Об этом анализе Конгрегация ничего, слава богу, не знает — однако и он еще не доказывает, что Диана может родить от меня ребенка.

— Зачем же тогда экономка твоей матери дала ей рецепт своего чая? — спросила Сара. — Она-то, видно, не исключает такой возможности.

Ой-ой-ой, что сейчас будет, посочувствовала бабушка.

— Не понял. — От напрягшегося Мэтью запахло как никогда пряно.

— Я про чай, который Диана и как ее там... Марта собирали во Франции. Это контрацептивный сбор — как только Диана открыла жестянку, я сразу учуяла.

— Ты знала? — побелел от ярости Мэтью.

— Нет... — прошептала я. — Да и вреда ведь от него никакого.

— Прошу меня извинить. — Мэтью достал телефон и, не глядя на меня, вышел из комнаты.

— Сара, как ты могла? — вскричала я, как только он закрыл за собой парадную дверь.

— Он имеет право знать, и ты тоже. Нельзя пить зелье, не ведая, для чего оно служит.

— Все равно ты не должна была ему говорить.

— Верно, — заметила Мириам, — сказать должна была ты.

— А ты не вмешивайся! — Руки у меня подергивались от злости.

— Уже вмешалась, Диана. Ваши с Мэтью отношения опасны для всех в этой комнате. Независимо от того, будут у вас дети или нет, в нашей жизни произойдут необратимые перемены — а он еще и рыцарей Лазаря в это втянул. — Мириам злилась не меньше меня. — Чем больше созданий вас поддержит, тем вероятнее, что будет война.

— Не смеши. Какая еще война? — Клеймо, оставленное Сату, отозвалось на эти слова зловещим жжением. — Войны не завязываются из-за того, что вампир с колдуньей полюбили друг друга.

— То, что проделала с тобой Сату, было вызовом. И Мэтью откликнулся именно так, как они и рассчитывали: призвал к оружию братство. С тех пор как ты появилась в Бодли, он просто спятил. Я хорошо знаю, что за этим может последовать: ко-

гда он в последний раз потерял голову из-за женщины, я потеряла мужа.

В комнате стало тихо как в могиле — даже бабушка и та испугалась.

«Мэтью не убийца, — твердила я себе снова и снова. — Он убивает, чтобы есть, убивает в приступе гнева... но я, несмотря на это, люблю его. Кто же тогда я, если продолжаю любить его?»

— Успокойся, Мириам, — велел Маркус.

— Нет, — ощерилась она. — Это моя история, не твоя.

— Хорошо, рассказывай. — Я ухватилась за край стола.

— Мой Бертран был его лучшим другом. Смерть Элинор Сент-Леджер привела к конфликту между англичанами и французами: Иерусалим был на грани войны, а Мэтью, призвав на помощь рыцарей Лазаря, едва не разоблачил нас перед людьми. — Голос у Мириам срывался. — Сент-Леджеры требовали, чтобы убийца Элинор был наказан, а убийцей был Мэтью, Великий магистр. Мой муж, спасая его и орден, взял вину на себя, и сарацинский палач отрубил ему голову.

— Мне жаль, Мириам, очень жаль. Но я не Элинор Сент-Леджер, и здесь не Иерусалим. Это было очень давно. Мэтью с тех пор стал другим.

— Для меня это было словно вчера, и Матье де Клермон нисколько не изменился: снова желает того, что ему недоступно.

В комнате опять стало тихо. На лице Сары был написан ужас: рассказ Мириам укрепил ее худшие подозрения насчет вампиров в целом и Мэтью в частности.

— Возможно, ты останешься с ним, даже когда узнаешь самое скверное, — безжизненным голосом добавила Мириам, — но скольких еще созданий он уничтожит из-за тебя? Думаешь, Сату Ярвинен избежит участи Джиллиан Чемберлен?

— Джиллиан? — переполошилась Эм. — А что с ней такое?

Ответить Мириам не успела: я инстинктивно согнула пальцы правой руки и выставила средний с указательным в ее сторону. Она, схватившись за горло, издала булькающий звук.

Нехорошо так, Диана! — погрозила бабушка. *Держи себя в руках.*

— Отстань, бабушка, — и ты, Мириам, тоже не лезь. Джиллиан мертва, Эм. Это они с Питером Ноксом прислали мне африкан-

скую фотографию мамы с папой. Мэтью меня защищал: для него это так же естественно, как дышать. Постарайся простить его.

— Он убил ее за то, что она прислала тебе фотографию?! — побелела Эм.

— Не только, — вступился Маркус. — Она годами шпионила за Дианой. Джиллиан с Ноксом искали в оксфордской квартире Дианы образцы ДНК. Если бы им удалось узнать то, что теперь знаем мы...

«...Меня ожидала бы судьба пострашнее смерти», — мысленно закончила я. Но почему же Мэтью сам не сказал мне? Я затворила ставни позади глаз — незачем тетушкам знать, что муж не во всем со мной откровенен.

Закрыться от бабушки было труднее.

Ох, Диана, прошептала она, *знаешь ли ты, что делаешь? Ты уверена?*

— Убирайтесь из моего дома, вот что. — Сара отодвинулась от стола. — Тебя, Диана, это тоже касается.

Где-то в погребе зародилась глубинная дрожь, пробежала по половицам. Задребезжали оконные стекла, стул Сары прижал тетку к столу, хлопнула дверь.

Дом не любит, когда Сара начинает командовать, прокомментировала бабушка.

Мой собственный стул бесцеремонно вывалил меня на пол, а незримые руки, не успела я встать, схватили и потащили вон. Дверь столовой снова захлопнулась, заперев внутри двух колдуний, двух вампиров и одно привидение. Из-за нее слышались глухие возмущенные звуки.

Из гостиной вышло какое-то незнакомое привидение и поманило меня — женщина в расшитом корсаже и пышной темной юбке до самого пола. Вся в морщинах, но бишоповские нос и подбородок ни с чем не спутаешь.

Будь осторожна, дочка, тихо и с хрипотцой сказала она. *Ты из тех, кто стоит на перекрестке, а это место опасное.*

— Кто ты?

Женщина молча посмотрела на парадную дверь, и та открылась бесшумно, без привычного скрипа.

Я знала, что он когда-нибудь придет за тобой. Моя мать мне сказала.

Я разрывалась между Бишопами и де Клермонами, между столовой и Мэтью. Привидение улыбнулось, видя мои терзания.

Ты всегда была странной, не такой, как все колдуны. Но будущего без него у тебя нет — он стоит на твоем пути, куда бы ты ни пошла.

Женщина исчезла, оставив слабый светящийся след. В темноте за открытой дверью мелькали руки и лицо Мэтью.

Решение мне далось без труда. Я опустила закатанные рукава, сделала шаг... и очутилась в самом конце подъездной дорожки.

Мэтью, стоя ко мне спиной, быстро и яростно говорил по-окситански — скорей всего, с Изабо.

— Мэтью, — сказала я тихо, не желая пугать его.

Он мгновенно обернулся ко мне:

— Я не слышал, как ты подошла.

— Ты и не мог. Дай мне, пожалуйста, поговорить с Изабо.

— Лучше не надо.

Наши родственники сидели, запертые в столовой, Сара грозилась вышвырнуть всех вон — неподходящий момент, чтобы ссориться вдобавок с Изабо и Мартой.

— Помнишь, что сказал Авраам Линкольн о домах?

— «Дом разделившийся ждет большая беда», — недоуменно процитировал Мэтью.

— Вот именно. Дай-ка телефон.

Он нехотя выполнил мою просьбу.

— Диана? — с нехарактерным для нее волнением воскликнула Изабо.

— Не знаю, что тебе наговорил Мэтью, но я на вас не сержусь. Ничего плохого вы мне не сделали.

— Спасибо, — выдохнула она. — Я пыталась ему сказать... мы действовали по наитию, руководствуясь тем, что смутно помнили с давних пор, когда Диана была богиней плодородия. Твой запах напомнил мне о тех временах и о жрицах, помогавшим женщинам забеременеть.

Взгляд Мэтью коснулся меня в темноте.

— И Марте тоже передай, хорошо?

— Непременно, Диана. — Изабо помолчала. — Мэтью поделился со мной результатами твоего анализа и теориями Мар-

куса по этому поводу. Раз уж он рассказал кому-то чужую тайну, значит она сильно поразила его, а я не знаю, от чего плакать — от горя или от радости.

— Может, от всего вместе на первых порах?

— Мои дети не впервые доводят меня до слез, — тихо засмеялась она. — Я и от горя не отрекаюсь, если оно сулит радость.

— Дома все хорошо? — неожиданно вырвалось у меня.

Взгляд Мэтью смягчился.

— Дома? — Значение этого слова и от Изабо не укрылось. — Да, все хорошо... только очень тихо после вашего отъезда.

Слезы навернулись мне на глаза. В Изабо, несмотря на все ее острые грани, чувствовалась порой настоящая материнская ласка.

— От колдунов, боюсь, шуму больше, чем от вампиров.

— А счастье громче печали. В этом доме давно уже недостает счастья. Ну что ж... Мэтью уже сказал мне все, что хотел, — будем надеяться, он хоть немного излил свой гнев. Берегите друг друга. — Изабо не сомневалась, что я выполню ее просьбу, — и в ее, и в моей семье женщины всегда защищали любимых.

— Хорошо.

Глядя на своего вампира, я нажала красную кнопку. Лунный свет, пробиваясь сквозь облака, серебрил покрытые инеем поля.

— Ты тоже подозревал, да? Потому и не хотел заниматься со мной любовью?

— Я ведь уже говорил. Любовь — это близость, а не просто удовлетворение физической потребности. — Мэтью раздражало, что он вынужден повторяться.

— Если ты не хочешь иметь от меня детей, я пойму, — сказала я не совсем чистосердечно, но твердо.

Он схватил меня за плечи:

— Господи, Диана! Как ты могла подумать, что я не хочу детей от тебя? Но это опасно — и для тебя, и для них.

— Беременность — всегда риск. Природе даже ты не можешь указывать.

— Мы понятия не имеем, какие они получатся. Может, пойдут в меня и захотят крови.

— Все младенцы — вампиры, Мэтью, все питаются материнской кровью.

— Это не одно и то же, сама понимаешь. От надежды на детей я давным-давно отказался, но тобой рисковать не готов. — Он смотрел мне в глаза, будто уверяясь, что между нами все осталось по-прежнему.

«И потери ребенка я бы не вынес». Эти невысказанные слова я слышала столь же ясно, как крик совы над головой. Потерять Люка ему было больнее, чем Бланку или Элинор, — эта боль никогда его не оставит. Вместе с сыном Мэтью потерял часть себя, и восстановить ее невозможно.

— Значит, ты уже все решил? Никаких детей. — Я положила руки ему на грудь, дожидаясь следующего удара сердца.

— Я ни в чем не уверен. У нас не было времени все это обсудить.

— Ладно, буду принимать меры. Пить Мартин чай.

— Чаем ты не отделаешься. Современная медицина ушла далеко вперед от этого зелья, хотя человеческие контрацептивные средства вполне могут оказаться непригодными для колдунов и вампиров.

— Ничего, я и таблетки заодно буду пить.

— Ну а ты? — Он взял меня за подбородок, чтобы я не отводила глаза. — Ты-то хочешь рожать от меня детей?

— Я как-то не представляла себя в роли матери...

По его лицу прошла тень.

— ...но нашим с тобой детям, мне кажется, судьбой предназначено родиться на свет.

Мы стояли молча — он обнял меня за талию, я прислонилась к нему головой. В воздухе буквально ощущалась выпавшая на долю Мэтью ответственность — за семью, за свое прошлое, за рыцарей Лазаря, а теперь вот и за меня.

— Ты боишься, что не сможешь их уберечь, — внезапно поняла я.

— Я и тебя уберечь не смог. — Он провел пальцами по клейму на моей спине.

— Не будем пока ничего решать. У нас и без детей есть о ком позаботиться.

Тяжесть частично легла и на мои плечи. Я всегда жила для себя, избегала традиций и семейных обязанностей и теперь чуть тосковала по былой независимости и отнюдь не горела желанием брать на себя новое бремя.

Мэтью посмотрел в сторону дома:

— Что было, когда я ушел?

— Чего только не было. Мириам поведала нам о Бертране и Джиллиан. Маркус сказал, что именно Джиллиан в паре с Ноксом проникла в мою квартиру, и возникло предположение, что мы с тобой развязали межрасовую войну.

— Dieu! Ну почему они не могут удержать язык за зубами? — Мэтью, явно сожалея, что сам не сказал мне обо всем, запустил пальцы в волосы. — Сначала я думал, что они это делают из-за рукописи, потом решил, что все дело в тебе. И будь я проклят, если что-то понимаю теперь. Мы оказались в самом центре какой-то мрачной древней тайны.

— Помнишь, Мириам говорила о других парах — таких же, как мы с тобой? Думаешь, она права?

Я смотрела на луну так, словно ждала от нее ответа, но ответил Мэтью:

— Не думаю, что мы первые среди созданий преступили этот запрет, и, уж верно, не последние. Пойдем объясняться.

На пути к дому Мэтью заметил, что объяснения, как и лекарства, нужно чем-нибудь запивать. Мы вошли с черного хода, и вампир, пока я собирала поднос, не сводил с меня глаз.

— Я что-то забыла?

Уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Нет, ma lionne, — просто пытаюсь понять, за что судьба послала мне такую воительницу, как ты. Ты внушаешь страх, даже ставя на поднос стаканы.

— Ничего я не внушаю. — Я затянула потуже свой конский хвост.

— Внушаешь, внушаешь — иначе Мириам бы так не бесилась.

Из столовой вместо шума битвы доносились тихие разговоры. Дом открыл перед нами дверь.

— Мы решили подкрепить ваши силы, — сказала я, ставя поднос на стол.

На нас уставились вампиры, колдуньи и призраки. За спиной у бабушки шелестела целая стайка Бишопов, не привыкших к вампирам в доме.

— Виски, Сара? — предложил Мэтью.

Тетя ответила ему долгим взглядом.

— Мириам говорит, что ваша связь ведет прямиком к войне. Мой отец сражался на Второй мировой.

— Мой тоже.

О своем собственном участии в войне Мэтью ничего не сказал.

— Он часто говорил, виски на ночь помогает не слишком ненавидеть себя за те приказы, которые выполнял днем.

— Полной гарантии нет, но да, помогает.

Сара приняла от него стакан.

— Мог бы ты убить своего сына, если бы он угрожал Диане?

— Не колеблясь, — кивнул Мэтью.

— Вот и он так сказал. — Сара кивнула на Маркуса. — Ему тоже дай выпить: легко ли знать, что отец способен тебя убить?

Мэтью налил Маркусу виски, Мириам — вина. Заплаканная, непохожая на себя Эм получила от меня кофе с молоком.

— Не знаю уж, как я с этим справлюсь, Диана, — прошептала она. — Маркус рассказал нам, что замышляли Джиллиан с Питером Ноксом, но как подумаешь о Барбаре Чемберлен, потерявшей дочь...

— Джиллиан Чемберлен была честолюбива, Эмили, — сказал Мэтью. — Ей хотелось одного: попасть в Конгрегацию.

— За это не убивают.

— Она свято верила в апартеид вампиров и колдунов — и Конгрегация, так и не добившаяся признаний от Стивена Проктора, поручила ей следить за Дианой. Она не успокоилась бы, пока не отдала Диану вместе с «Ашмолом-782» в руки девятерых.

— Из-за какой-то фотографии... — лепетала, вытирая глаза, Эм.

— Это была угроза. Я всего лишь дал понять Конгрегации, что не намерен стоять в стороне.

— Но Диану потом все равно похитили!

— Хватит, Эм. — Я накрыла ее руку своей.

— Так что там насчет детей? — взмахнула стаканом Сара. — Неужели вы двое пойдете на такой риск?

— Хватит! — повторила я, стукнув рукой по столу. Все, кроме Мэтью и бабушки, подскочили от неожиданности. — Воевать так воевать. Не за рукопись, не за меня, не за наше с Мэтью право иметь семью, а за общее будущее для всех созданий. — На миг я увидела это будущее в виде тысячи ярких нитей, разбегающихся в разные стороны. — Эволюцию продолжат дети от смешанных браков — не наши, так еще чьи-нибудь. Никакой виски не поможет мне уснуть и выбросить все это из головы, и никому больше не придется проходить через весь этот ад из-за любви к тому, кого любить запрещается. Я этого не позволю.

Молодец, улыбнулась бабушка. *Вот слова настоящей Бишоп.*

— Мы никого не вербуем в свою армию, но знайте, что полководец в ней один — Мэтью. Не нравится — уходите.

Часы в холле начали бить полночь.

Колдовской час, кивнула бабушка.

— Ну что, милая? — сказала Сара, глядя на Эм. — Вступим вместе с Дианой в армию Мэтью или ну ее к черту?

— Не понимаю, что вы все имеете в виду, говоря о войне. Мы будем сражаться в буквальном смысле? Вампиры и колдуны явятся сюда, к нам? — Голос Эм дрожал.

— Конгрегация полагает, что Диана может ответить на все их вопросы. Они не перестанут ее искать.

— Но нам с Мэтью не обязательно здесь оставаться, — заметила я. — Мы можем уехать прямо сейчас, еще до утра.

— Мама всегда говорила: свяжешься с Бишопами — света белого не взвидишь, — чуть улыбнулась Эм.

— Спасибо, Эм, — только и сказала Сара, хотя взгляд ее говорил о многом.

Часы пробили в последний раз и на время угомонились.

— А ты, Мириам? — спросил Мэтью. — Останешься или вернешься в Оксфорд?

— Мое место рядом с де Клермонами.

— Диана теперь тоже носит эту фамилию, — ледяным тоном заметил он.

— Да, Мэтью, я понимаю. Больше такого не повторится.

— Странно, — пробормотал Маркус. — Сначала у нас появилась общая тайна, потом мы дали присягу. Три колдуньи, три вампира — добавить еще трех даймонов, и будет теневая Конгрегация.

— Вряд ли мы найдем в Мэдисоне трех даймонов, — сухо ответил Мэтью. — И все, о чем мы говорили сегодня, останется между нами, понятно? Больше о ДНК Дианы никто знать не должен.

Все закивали: разношерстная армия Мэтью сплотила ряды, готовясь сразиться с неведомым, безымянным врагом.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и отправились наверх. Мэтью, обнимая меня одной рукой, безошибочно проделал все нужные повороты. Я скользнула между двух ледяных простыней и перестала стучать зубами, лишь прижавшись к холодному Мэтью.

Спала я крепко и проснулась только раз за ночь. Мэтью, поблескивая глазами, лежал чуть поодаль.

— Спи, я тут, — сказал он, поцеловав меня за ухом.

Руку он держал на моем животе, словно оберегая еще не зачатое нами дитя.

Глава 37

Назавтра наша маленькая армия вписала в свой устав первое правило: союзники союзников не едят.

Как ни трудно было тетушкам принимать вампиров у себя в доме, труднее всего приходилось как раз вампирам. Главная проблема заключалась не в привидениях и не в кошке: чтобы жить с теплокровными в одном доме, гостям требовалось что-то посущественнее орехов. В первый же день Маркус и Мириам, переговорив на улице с Мэтью, съездили куда-то в «рейнджровере» и привезли маленький холодильник с красным крестом. Крови и медикаментов внутри хватило бы на полевой госпиталь: Сара по просьбе Мэтью выделила в буфетной уголок под банк крови.

— Это так, на всякий случай, — заверил он.

— Если у Мириам аппетит проснется? — уточнила Сара, взвешивая на руке пакет с кровью первой отрицательной группы.

— Я ела перед отъездом из Англии, — чопорно заметила та и стала раскладывать припасы, ступая крохотными босыми ножками по каменным плитам.

Кроме всего прочего, они привезли противозачаточные таблетки в противной желтой коробочке с цветком на крышке. Ее Мэтью вручил мне перед сном.

— Можешь начать прямо сейчас или подождать до менструации — она у тебя уже скоро.

— Откуда ты знаешь, что скоро?

Мой предыдущий цикл закончился перед самым Мейбоном, до нашей встречи.

— Я знаю, когда ты собираешься перескочить через изгородь, что уж там говорить о скором кровотечении.

— А тебе можно быть рядом, когда я менструирую? — спросила я, держа коробочку осторожно, как бомбу.

— Dieu, Диана, — удивленно усмехнулся он, — будь у меня с этим проблемы, на свете бы ни единой женщины не осталось. Это не одно и то же, поверь мне.

Таблетки я начала принимать в ту же ночь.

Когда мы немного привыкли к совместному существованию, я стала замечать, что как минимум в десяти футах от меня всегда находится кто-то из вампиров. Они охраняли меня, как положено в стае.

Весь день был расписан. Я даже ела по часам — Мэтью говорил, мне надо как следует поправиться после Ла-Пьера. После завтрака мы с ним занимались йогой, а после обеда Сара и Эм обучали меня заклинаниям. Видя, что у меня ничего не получается и я начинаю беситься, Мэтью уводил меня на прогулку. После ужина в семейную комнату сходились все обитатели дома. Когда теплокровные заканчивали с едой, мы еще долго сидели за столом, обсуждая текущие события и старые фильмы. Маркус откопал где-то шахматы и играл с отцом, пока мы с Эм убирали посуду.

Сара, Маркус и Мириам любили фильмы в жанре нуар, которые мы теперь в основном и смотрели. Счастливое совпадение обнаружилось, когда страдающая бессонницей Сара сошла среди ночи вниз и застала двух вампиров за просмотром фильма «Из прошлого»[1]. Помимо этого, их троих объединяла любовь к попкорну и скрэбблу. Все остальное семейство, встав поутру, обнаруживало на кофейном столике доску, щербатую миску с буквами и два потрепанных словаря.

Лучшим игроком оказалась Мириам — знаток разнообразных архаизмов.

— Что еще за «крада»? — бушевала Сара, когда я как-то застала их утром. — Что за слово такое? «Кража», ты имеешь в виду?

— Это значит «костер», — объяснила Мириам. — Посмотри сама, если не веришь.

Сара, ворча, удалилась на кухню готовить кофе.

---

[1] Фильм Жака Турнера (США, 1947).

— Ну и кто выиграл? — спросила я.

— Могла бы и не спрашивать, — довольно улыбнулась вампирша.

В свободное от скрэббла и кино время Мириам вела курс вампироведения. Эм многое узнала о значении вампирских имен, законах стаи, ритуалах, сверхъестественно острых чувствах и режиме питания. После они перешли к более сложным темам — например, как убить вампира.

— Нет, даже если перерезать горло — это не наверняка, — втолковывала Мириам своей ученице (они с Эм сидели в семейной, а я заваривала чай на кухне). — Нужно, чтобы кровопотеря получилась действительно большая. А потому надо вскрыть еще и паховую артерию.

Мэтью, пользуясь моментом, прижал меня к стенке за холодильником. Его сын, войдя с дровами, застал меня взлохмаченную и в задравшейся рубашке.

— Потерял что-то за холодильником, Мэтью? — спросил Маркус невиннейшим тоном.

— Нет, — промурлыкал Мэтью.

Зарывшись мне в волосы, он впивал аромат моего возбуждения — напрасно я лупила его по плечам.

— Спасибо за дрова, Маркус, — пискнула я.

— Может, еще принести? — Светлая бровь выгнулась, совсем как отцовская.

— Хорошая мысль, вечером будет холодно. — Я повернула голову, чтобы урезонить Мэтью, и он тут же начал меня целовать.

Маркус и дрова сразу потеряли всякое значение.

Когда Мэтью не подкарауливал меня в темных углах, он варил зелья с Сарой и Маркусом. Со времен трех шекспировских ведьм вокруг котла еще не собиралось столь нечистой троицы. На картинке под действием заветных паров так ничего и не проступило, но зельевары не опустили рук. Они торчали в буфетной часами, листали бишоповскую книгу и составляли смеси — вонючие, взрывчатые, вонючие и взрывчатые одновременно. Однажды после особенно громкого хлопка, за которым последовал раскат грома, мы с Эм не выдержали и ворвались к ним.

— Что вы тут вытворяете? — подбоченилась Эм.

Из трубы в камин сыпалась сажа.

— Ничего, — ответила перемазанная Сара. — Хотела расщепить воздух, но что-то вышло не так.

— Расщепить? — удивилась я.

Мэтью и Маркус важно кивнули.

— Я тебе покажу воздух, Сара Бишоп! Изволь до ужина прибраться в комнате! — набросилась на нее Эм.

Случались и менее веселые сцены. Мэтью с Маркусом каждое утро выходили поговорить, оставляя меня в обществе Мириам, Сары и чайника. Далеко они не отлучались — их всегда было видно из окна кухни. Как-то раз Маркус стремительно пронесся по саду и вбежал к нам.

— Диана, — буркнул он в качестве «доброго утра» и помчался к парадной двери, крича на ходу: — Черт! Я еще слишком молод!

Взревел мотор — Маркус предпочитал спортивные машины внедорожникам, — и автомобиль, шурша гравием, вылетел со двора.

— Что это с ним? — Я поцеловала вошедшего Мэтью в холодную щеку.

— Так, дела, — сказал он, возвращая поцелуй.

— Ты что, сенешалем его назначил? — недоверчиво спросила Мириам.

Мэтью раскрыл газету:

— Ты мне льстишь, Мириам. По-твоему, братство столько времени обходилось без сенешаля? Этот пост уже занят.

— Что за сенешаль такой? — Я сунула два ломтика в наш заслуженный тостер (в нем было шесть отверстий, но только два кое-как работали).

— Мой заместитель, — кратко ответил Мэтью.

— С чего ж он тогда умчался? — не отставала Мириам.

— Я назначил его маршалом, — просматривая заголовки, сообщил Мэтью.

— Какой из него маршал, ради всего святого? Он врач! Почему его, а не Болдуина?

Мэтью, оторвавшись от чтения, вскинул бровь:

— Болдуина?

— Хорошо, не Болдуина... — быстро поправилась Мириам. — Кого-нибудь еще.

— Будь у меня возможность выбирать из двух тысяч рыцарей, как в старину, я бы выбрал. Сейчас в моем распоряжении всего восемь рыцарей — причем один из них девятый и не сражается, — горстка сержантов и несколько оруженосцев. Я был маршалом у Филиппа, теперь пришла очередь Маркуса. — От всех этих терминов меня разбирал смех, но я удержалась — очень уж серьезно говорил Мэтью.

— Ты отдал ему приказ поднимать знамена?

Этого я и вовсе не поняла.

— А кто такой маршал?

Поджаренный ломтик выскочил из тостера и лег на тарелку.

— Командующий военными силами, — пояснила Мириам, уставившись на холодильник, который открылся сам по себе.

— На. — Мэтью поймал пролетавшее мимо масло и подал мне.

Назойливость Мириам не испортила ему настроения — этот вампир был ярко выраженным жаворонком.

— Так что же, Мэтью? Ты набираешь армию?

— А ты как думаешь, Мириам? Сама постоянно твердишь о войне: если она и вправду начнется, не станем же мы — Маркус, Болдуин и я — втроем воевать с Конгрегацией?

— А Фернандо? Он-то вроде бы жив-здоров.

Мэтью, нахмурившись, отложил газету:

— Не хочу обсуждать с тобой вопросы стратегии. Не вмешивайся и предоставь нам с Маркусом самим разбираться.

Мириам поджала губы, вышла через заднюю дверь и отправилась в леса.

Я молча жевала свой тост. Мэтью опять взялся за газету, опять отложил ее и сказал:

— Выкладывай. Не могу сосредоточиться, когда ты что-то такое замышляешь.

— Что тут замышлять, — ответила я с набитым ртом. — Военная машина пущена в ход с неясной для меня целью, но ты все равно ничего не скажешь, потому что это тайные дела братства.

— Dieu! — Мэтью взъерошил волосы. — Я еще не видел созданий, с которыми было бы столько хлопот, как с Мириам, исключая разве мою сестру Луизу и Доменико Микеле. Если хочешь узнать что-то о братстве, я расскажу.

Через два часа голова у меня чуть не лопалась от полученной информации. Мэтью набросал на обороте моего анализа схему ордена, ужасно сложную даже без боевого подразделения. Военную структуру Мэтью изобразил отдельно на старом гарвардском бланке, который завалялся в буфете.

— Неудивительно, что Маркус так растерялся.

Начальником нового маршала, согласно схеме, был Мэтью, а им подчинялись семеро рыцарей-магистров, каждый из которых должен был в случае необходимости собрать сколько-то рядовых вампиров.

— Ничего, привыкнет. — Мэтью начал массировать мне спину, поглаживая звезду между лопатками. — У него есть надежные помощники, Болдуин и другие. Я знаю, что он справится, иначе не стал бы его просить.

Возможно, но прежним после этого ему уже не бывать. Каждый приказ будет отнимать у Маркуса частицу его добродушного обаяния — не хочется даже думать, каким вампиром он сделается в итоге.

— А Фернандо тоже будет ему помогать?

— Я собирался назначить маршалом как раз Фернандо, но он отказался. И порекомендовал Маркуса.

— Почему?

Фернандо, судя по словам Мириам, был опытным воином.

— Маркус напоминает ему Филиппа. Лишь харизматичный маршал способен убедить вампиров сразиться не только с колдунами, но и с другими вампирами. — Мэтью задумчиво смотрел на схематическое изображение своей империи. — Да, Фернандо поможет. И не даст Маркусу наделать слишком много ошибок.

Когда мы вернулись на кухню — Мэтью за газетой, я доедать, — там разгружали покупки Сара и Эм. Они привезли из магазина кучу попкорна для микроволновки, орехи разных сортов и все ягоды, какие только можно было достать осенью в штате Нью-Йорк.

— А, вот и ты, — сверкнула глазами Сара. — Сейчас начнем заниматься.

— Сначала поем и напьюсь чая. — Я пересыпала упакованную в пакет клюкву из руки в руку. — Какая магия на пустой желудок.

— Дай-ка сюда, ты раздавишь все ягоды. — Эм забрала у меня пакет. — Маркус так любит клюкву.

— Успеешь поесть. — Сара подтолкнула меня к буфетной. — Да шевелись же, что ты как маленькая.

Заклинания у меня получались столь же плохо, как в отроческие годы. Я никак не могла запомнить, с чего они начинаются, путала слова, и заканчивалось это все катастрофой.

— Зажги, — сказала Сара, поставив на стол свечу.

Этот простой трюк был под силу даже подростку, но у меня либо фитиль чадил, не желая воспламеняться, либо воспламенялось что-нибудь совсем другое. На этот раз я подожгла пучок сушеной лаванды.

— Это не просто слова, Диана, — сказала, потушив пожар, Сара. — Нужно сосредоточиться. Попробуй еще раз.

Я пробовала еще, и еще, и еще. Фитилек затеплился и снова погас.

— Не выходит. — Руки у меня зудели, почти едва не искрились, с досады хотелось заорать в голос.

— Колдовским огнем управляешь, а свечку зажечь не можешь.

— Не управляю я им. Просто мои движения напоминают тебе о колдунье, которая это умела. И мне в первую очередь надо учиться магии, а не твоим заклинаниям, — кивнула я на засаленный колдовской фолиант.

— Полагаться во всем на магию — все равно что резать хлеб бензопилой. Иногда и ножа достаточно.

— Знаю, ты о магии невысокого мнения, но во мне ее хоть отбавляй, и она рвется наружу. Кто-то должен научить меня ее контролировать.

— Я для этого не гожусь, — с сожалением признала Сара. — Огонь и вода мне не подчиняются — с этим надо родиться. Но чтобы ты научилась зажигать свечку с помощью простейшего заклинания, я как-нибудь добьюсь.

Сара, конечно, была права, но слишком уж много времени уходило на эту науку. И чем помогут заклинания, если я снова устрою потоп?

Пока я бормотала над свечкой, Сара рылась в своей колдовской книге.

— Вот хорошая задачка. — Она показала на страницу, испещренную бурыми, зелеными и красными пятнами. — Заклинание, вызывающее так называемое эхо: оно повторяет слова, сказанные далеко от тебя. После свечки займемся этим.

— Нет уж, давай прервемся. — Я сделала шаг... и очутилась в яблоневом саду.

— Диана, где ты? — кричала в доме Сара.

Мэтью, сбежав с крыльца, быстро обнаружил меня и в два прыжка оказался рядом.

— Ты что творишь? — Он схватил меня за локоть, боясь, как бы я опять не исчезла.

— Хотела спастись от Сары, и вот... То же самое было в ту ночь, когда приехали Маркус и Мириам.

— Может, тебе яблочка захотелось? Вышла бы в кухню, и все.

— Нет.

— Слишком много всего и сразу, ma lionne?

— Не получается у меня с колдовством. Слишком уж...

— Точная наука?

— Терпения не хватает, — призналась я.

— Чары и заклинания, возможно, не твое излюбленное оружие, — Мэтью провел тыльной стороной ладони по моим стиснутым челюстям, — но ты научишься. — Приказ, пусть и не прямой, я уловила безошибочно. — Пойдем, съешь что-нибудь, — глядишь, настроение и улучшится.

— Командуешь? — мрачно спросила я.

— А ты только сейчас заметила? Уж сколько времени работаю руководителем на полную ставку.

На кухне он стал пересказывать мне заметки из газеты — про снятых с деревьев кошек, пожарных, соревнующихся в приготовлении чили, и приготовления к Хеллоуину. Съев под эти новости полную тарелку чего нашлось, я обрела силы вернуться

к Саре и бишоповской книге. Помня о словах Мэтью, я старалась не отвлекаться от тетушкиных подробных инструкций.

После нескольких часов не особенно успешных попыток зажечь свечку и вызвать эхо Мэтью постучался к нам и повел меня на прогулку. Натянув толстый свитер и старые кроссовки, я пулей вылетела из дому. Мэтью шел за мной не спеша, принюхиваясь и оглядывая поля вокруг дома.

В конце октября сумерки наступают рано. Это время дня я теперь любила больше всего: Мэтью, как я уже говорила, был жаворонком, и на закате его защитные инстинкты слабели. Меркнущий свет смягчал очертания его могучей фигуры и делал бледность не столь заметной.

Мы гуляли рука об руку, радуясь, что остались наедине. На опушке леса Мэтью прибавил шагу, но я медлила — домой пока не хотелось.

— Идем, — поторопил он.

— Нет! Можем мы прогуляться перед ужином, как нормальная пара?

— Мы самая ненормальная пара в штате Нью-Йорк, — улыбнулся Мэтью. — Когда ты так плетешься — какая уж тут разминка?

— А ты что предлагаешь?

Живущий в Мэтью волк, как я успела заметить, обожал ненадолго превращаться в щенка и гоняться друг за дружкой в лесу. Дразня меня и побуждая колдовать, Мэтью превращал магию в игру — нудные уроки он оставлял Саре.

— Хотя бы пятнашки. Поймай меня!

Не в силах устоять перед искушением, я засмеялась и побежала за ним, пытаясь мысленно прикоснуться к его широкой спине. Образ перед глазами становился все отчетливее, и я набрала неплохую скорость, но вот ловкости у меня не прибавилось. Используя левитацию в сочетании с ясновидением, я запнулась о большой куст, но Мэтью не дал мне упасть.

— Ты пахнешь дымом и вольным ветром, — сообщил он, уткнувшись носом в мои волосы.

В этот момент я почувствовала в лесу какую-то аномалию — последние отблески света преломлялись как-то неправильно, ощущалась некая движущаяся сила, темная аура.

— Здесь кто-то есть, — сказала я, оглянувшись через плечо.

Ветер дул в противоположную от нас сторону. Мэтью принюхался, резко вдохнул и проронил тихо, прижав меня к стволу белого дуба:

— Вампир.

— Друг или враг?

— Быстро домой! — Мэтью достал телефон, нажал кнопку быстрого вызова и выругался, попав на голосовую почту. — Кто-то выслеживает нас, Маркус. Сюда. — Ветер переменился. — О господи, нет. — Мэтью набрал короткую эсэмэску и зашвырнул телефон в кусты.

«SOS, Жюльет», — говорилось в его сообщении.

— Сделай то же самое, что и днем, — сказал он, схватив меня за плечи. — Перенесись домой. Это не просьба, Диана, это приказ.

Мои ноги точно в землю вросли.

— Я не знаю как. Не могу.

— Можешь. — Он продолжал прижимать меня к дереву, закрывая собой от леса. — С этой женщиной меня когда-то давно познакомил Герберт. Она очень сильная, и доверять ей нельзя. Мы были вместе во Франции в восемнадцатом веке и в Новом Орлеане в девятнадцатом. Потом все расскажу, а сейчас домой.

— Я без тебя не уйду. Кто такая эта Жюльет?

— Мое имя Жюльет Дюран, — произнес с высоты мелодичный голос, в котором слышался французский и еще какой-то акцент. Мы с Мэтью задрали головы. — Ну и кашу заварили вы оба.

На ветке ближайшего клена сидела невероятно красивая вампирша — кожа цвета молока с небольшой примесью кофе, каштаново-медные волосы, ореховые, миндалевидной формы глаза, чуть раскосые скулы. В одежде осенних тонов — коричневых, золотистых, зеленых — она казалась продолжением дерева. За хрупким телосложением, как я уже знала, скрывалась громадная сила.

— Я следила за вами, подслушивала. Ваши запахи перемешались — не разберешь, где чей, — сказала она с легким неодобрением.

Я не заметила, когда и как она спрыгнула с ветки, но Мэтью успел загородить меня от нее.

— Мне нужно ее изучить. — Жюльет наклонила голову и чуть вздернула подбородок, не обращая внимания на его красноречивый оскал.

Я нахмурилась, она ответила тем же. Я взглянула на вздрогнувшего Мэтью, она сделала то же самое. Она подражала мне во всем, даже голову и подбородок держала под таким же углом, — я как будто смотрелась в зеркало.

Паника захлестнула меня, наполнила горечью рот. Я сглотнула. Жюльет снова передразнила меня, раздула ноздри и залилась резким алмазным смехом.

— Как ты это терпишь, Мэтью? — Она глубоко вдохнула. — Ее запах должен вызывать у тебя неутолимый голод, сводить с ума. Помнишь ту испуганную девицу, за которой мы охотились в Риме? Она пахла очень похоже.

Мэтью молчал, наблюдая за ней. Жюльет переместилась вправо, вынудив его проделать тот же маневр.

— Ждешь Маркуса, но он, боюсь, не придет. Такой красавец... хотелось бы снова его повидать. Мне он запомнился молодым, впечатлительным. В Новом Орлеане натворил дел — сколько времени мы за ним убирали.

Передо мной разверзлась бездна. Неужели она убила Маркуса? Сару? Эм?

— Сейчас он разговаривает по телефону, — продолжала Жюльет. — Герберт захотел убедиться лично, понимает ли твой сын, чем рискует. Пока что гнев Конгрегации направлен только на тебя с твоей колдуньей, но он может обратиться и на других.

Маркус жив... Я было обрадовалась, но при взгляде на лицо Жюльет кровь застыла в жилах.

— Что ж ты не отвечаешь, любовь моя? — Ласковый голос вампирши контрастировал с ее совершенно мертвым взглядом. — Разве ты не рад меня видеть? Тебе ведь никто не нужен, кроме меня, — так Герберт устроил.

Мэтью молчал.

— Понятно... Я застала тебя врасплох. — В ее музыкальном голосе зазвучали грозные ноты. — Но и ты меня, надо сказать, удивил. Колдунья, подумать только!

Она сделала ложный выпад влево. Мэтью метнулся навстречу, но Жюльет проскочила у него над головой и схватила меня за горло.

— Не понимаю, что он в тебе такого нашел, — капризно прощебетала она. — Я думала, Герберт всему меня научил, — ошиблась, как видно.

— Отпусти ее, Жюльет. — Мэтью не двигался с места из боязни, что она сломает мне шею, и лишь напряженные мускулы выдавали, чего ему это стоило.

— Терпение, Мэтью.

Я зажмурилась, ожидая укуса, но вместе него ощутила поцелуй в губы — странно безличный, однако глубокий, с просунутым в рот языком. Не добившись от меня никакой реакции, Жюльет досадливо фыркнула:

— Так ничего и не поняла. — Она пихнула меня к Мэтью, придерживая острыми ноготками за запястье, где пролегали вены. — Поцелуй ее сам — мне нужно знать, как она это делает.

— Зачем тебе? — Мэтью поймал меня в свои холодные объятия.

— Учусь на своих ошибках — именно это посоветовал Герберт, когда ты бросил меня в Нью-Йорке. — Жюльет смотрела на Мэтью с такой алчностью, что я вся покрылась мурашками.

— Это было больше ста лет назад. Если ты не поняла до сих пор, то вряд ли поймешь сейчас.

Я знала, что Мэтью гневается не на меня, но все-таки ежилась — ярость исходила от него волнами. Ногти Жюльет впились в мою руку.

— Целуй, Мэтью, пока я ей кровь не пустила.

Взяв меня за подбородок, он заставил себя улыбнуться:

— Все будет хорошо, mon coeur.

Его зрачки чернели точками в серо-зеленом море. В поцелуй он вложил всю свою нежность.

— Теперь ясно, — с горечью сказала Жюльет, отстраненно, но неотрывно следившая за нами. — Тебе нравится, как она отвечает на твои ласки. Я-то больше не способна чувствовать.

Я видела разгневанную Изабо, жестокого Болдуина, безрассудного Доменико, чувствовала, как веет злом от Герберта. Жюльет была другой — в ней что-то непоправимо сломалось.

Она отпустила меня и прыгнула в сторону. Мэтью сжал мои локти, приказывая без слов: уходи.

Я, однако, не собиралась оставлять мужа наедине с психопаткой. Внутри у меня что-то шевельнулось. Колдовской ветер или колдовская вода пришлись бы сейчас очень кстати — Жюльет они не убили бы, но могли отвлечь, а мы бы тем временем убежали. Как назло, ни то ни другое не откликалось на мой призыв, а все выученные за последние дни заклинания напрочь вылетели из головы.

— Не волнуйся, — тихо сказала Жюльет, обращаясь к Мэтью, — все произойдет быстро. Хотелось бы, конечно, помедленнее, хотелось бы вспомнить, чем мы были друг для друга когда-то. Но что бы я ни делала, ты ее уже не забудешь, поэтому тебя мне придется убить, а колдунью представить на суд Конгрегации.

— Позволь Диане уйти. — Мэтью, будто сдаваясь, поднял руки. — Решим это дело между собой, Жюльет.

Она покачала головой, всколыхнулись густые медные волосы.

— Я всего лишь орудие. Создавая меня, Герберт не оставил места для моих собственных желаний. Я не хотела изучать философию и математику, но он заставил. Я должна была понравиться тебе и понравилась, правда, Мэтью? — Надорванный голос Жюльет словно бы отражал состояние ее изломанного разума.

— Да. Понравилась.

— Я знала, что да, но мной уже владел Герберт. — Судя по ярко блестевшим глазам, Жюльет была сыта. — Он и тобой овладеет, Диана, — так, как тебе и не снилось. Только я одна знаю, каково это. Ты будешь принадлежать ему, и никому больше.

— Нет! — Мэтью бросился на нее, но она ускользнула.

— Играть мне некогда, Мэтью. — Она вихрем метнулась к нему и медленно, с торжеством отступила. На горле Мэтью проступила темная кровь. — Для начала недурно.

В голове у меня нарастал рев. Мэтью снова заслонил меня от Жюльет. Даже мой теплокровный нос чувствовал металлический запах крови, расплывавшейся по его свитеру.

— Не делай этого, Жюльет. Если когда-нибудь любила меня, дай ей уйти. Герберта она не заслуживает.

Вместо ответа она вновь закружилась вихрем и пнула его в живот. Мэтью согнулся пополам.

— Я тоже не заслуживала! — В голосе Жюльет слышались истерические нотки. — Я заслуживала тебя. Ты мой, Мэтью.

Руки отяжелели — я и не глядя знала, что держу в них лук и стрелу. Подняв оружие, я отступила.

— Беги! — закричал Мэтью.

— Нет, — ответила я чужим голосом, вытягивая левую руку и целясь.

Я могла попасть в Жюльет, не задев Мэтью, но медлила — убить мне предстояло впервые.

Она, воспользовавшись моей секундной нерешительностью, вонзила пальцы в грудь Мэтью, прорвав плоть, как бумагу. Мэтью вскрикнул от боли, вампирша издала торжествующий вопль.

Не колеблясь больше, я спустила правой рукой тетиву. Из левой вылетел огненный шар. Жюльет, услышав шум пламени и почуяв сернистый запах, с изумленным видом выдернула пальцы из раны — и огонь, сверкающий красными, черными, золотистыми сполохами, тут же настиг ее. Вспыхнули медные волосы, и охваченная паникой вампирша закружилась на месте. Я, предвидя это, выпустила следом еще одну стрелу.

Мэтью стоял на коленях, прижимая окровавленный свитер к ране над сердцем. Жюльет с криком простерла руки, чтобы утащить врага в свой огненный ад.

Ветер по мановению моей руки отбросил ее на несколько футов в сторону. Она упала навзничь, охваченная огнем.

Мне хотелось немедленно броситься к Мэтью, но я продолжала смотреть, как сопротивляется пламени вампирское тело. Волосы сгорели, кожа обуглилась, но Жюльет все не умирала и не переставала выкликать имя Мэтью.

Я держала невидимые лук и стрелу наготове. Когда Жюльет удалось подняться, я выстрелила еще раз. Огненный шар ударил ей в грудь и прошел насквозь, спалив ребра и легкие. Ее лицо искривилось в гримасе ужаса: она знала, что спасения нет.

Я подбежала к Мэтью. Он лежал на спине, подогнув колени. Из раны на груди била пурпурная кровь, из шеи сочилась почти черная.

— Скажи, что делать!

Я попыталась остановить кровь, бьющую из горла. Его пальцы все еще зажимали грудь, но сила уходила из них с каждым мгновением.

— Обними меня, — прошептал он.

Я села, прислонилась спиной к дубу и прижала Мэтью к себе.

— Холодно как, — пробормотал он удивленно. — Надо же!

— Не уходи от меня! Не смей! Я тебе не позволю.

— Делать нечего. Это смерть. — Голос Мэтью поднимался и падал — с такими интонациями говорили тысячу лет назад.

— Нет. — Я подавила слезы. — Борись, Мэтью!

— Я сделал, что мог. Ты спасена. Маркус увезет тебя еще до того, как Конгрегация все узнает.

— Без тебя я никуда не поеду.

— Ты должна. — Он повернулся, чтобы видеть мое лицо.

— Я не могу потерять тебя, Мэтью. Пожалуйста, дождись Маркуса.

Цепь внутри меня раскачивалась, звенья слабели одно за другим. Я еще крепче обняла Мэтью.

— Тише. — Он приложил окровавленный палец к моим губам, и они онемели от лютого холода. — Маркус и Болдуин знают, что делать. Они доставят тебя к Изабо. Без меня у Конгрегации отпадет повод тебя преследовать. Нравится им это или нет, ты теперь де Клермон и находишься под защитой семьи и рыцарей Лазаря.

— Останься со мной.

Я прижалась губами к его губам, пытаясь вдохнуть в умирающего жизнь. Он еще дышал — еле-еле, — но веки уже сомкнулись.

— Всю свою жизнь я искал тебя, — прошептал Мэтью с сильным французским акцентом. — И нашел, и обнял, и услышал, как бьется твое сердце рядом с моим. Печально было бы умереть, так и не узнав, что такое истинная любовь.

Легкая дрожь прошла по всему его телу и стихла.

— Мэтью! — закричала я. — Маркус!

Мои крики звенели в лесной чаще, душа взывала к богине. Несколько раз я подумала, что Мэтью уже умер, но тут наконец прибежал его сын.

— Господи боже! — выдохнул он, глядя на обгорелую Жюльет и залитого кровью отца.

— Кровь не останавливается, — сказала я. — Откуда ее столько?

— Чтобы узнать, мне надо его осмотреть.

Я судорожно стиснула мужа в объятиях... Ветер поднимался вокруг меня, холодя лоб.

— Я не прошу тебя отойти, — сказал Маркус, инстинктивно поняв, в чем дело, — просто дай взглянуть.

Присев рядом, он осторожно разорвал черный свитер Мэтью. Шерсть поддалась с ужасающим треском. На груди от яремной вены до самого сердца зияла огромная рана.

— Вена рассечена чуть не надвое, аорта задета. Даже кровь Мэтью струится недостаточно быстро, чтобы залечить обе раны. — Маркус мог бы не говорить этого: Жюльет нанесла Мэтью смертельный удар.

Прибежали запыхавшиеся тетушки. Мириам, явившаяся следом, бросила взгляд на Мэтью и тут же помчалась к дому.

— Это моя вина, — рыдала я, качая Мэтью, как маленького. — Промедлила с выстрелом, не решалась ее убить. Не замешкайся я, она бы не ранила его в сердце.

— Ты не виновата, детка, — горячо зашептала Сара. — Ты сделала что могла. Простись с ним.

Я завыла, волосы поднялись дыбом. В лесу стало тихо.

— Отойди от нее, Маркус! — крикнула Эм.

Он отскочил — как раз вовремя.

Той, кем я стала, не было дела до других, до их жалких попыток помочь. Мое промедление оказалось роковым, но теперь я не медлила. Той, что убила Жюльет, требовалось только одно — нож. Сара всегда носила при себе целых два — тупой с черной рукоятью и острый с белой. Острый нож по моему зову выскочил у нее из-за пояса и полетел острием вперед. Сара вскинула руку, чтобы его удержать, но я воздвигла между ней и собой стену огня и мрака. Нож без труда преодолел преграду и замер

у моего колена. Я ухватилась за рукоять. Голова Мэтью, на миг лишившись поддержки, бессильно поникла.

Я припала долгим поцелуем к его губам. Серый, бесконечно усталый Мэтью открыл глаза:

— Не тревожься, любовь моя, сейчас я все исправлю.

Я занесла нож.

Передо мной прямо в огненной стене возникли две женщины. Одна, молодая, была в просторной тунике и сандалиях. За плечами у нее висел колчан со стрелами, ремень запутался в темных густых волосах. Другая была старушкой из нашей гостиной, в пышной юбке и вышитом корсаже.

— Помогите! — взмолилась я.

Поможем, но не даром, сказала молодая охотница.

— Я готова платить.

Не спеши давать богине обещания, дочка, укорила старушка. *Тебе придется сдержать их.*

— Бери что хочешь. Кого хочешь. Только его мне оставь.

Охотница подумала и кивнула.

Он твой.

Извернувшись так, чтобы Мэтью не видел, я полоснула ножом по сгибу левого локтя, прямо через рукав. Кровь потекла струйкой, все быстрее. Бросив нож, я поднесла порез ко рту Мэтью:

— Пей.

Его веки снова затрепетали, ноздри раздулись. Почуяв запах моей крови, он хотел отклониться, но что он мог против моих рук, сильных, как ветки дуба у меня за спиной? Я придвинула кровоточащую руку еще ближе к его губам:

— Пей.

Мощь дерева и земли струилась сквозь меня вместе с кровью — нежданный дар умирающему вампиру. Я благодарно улыбнулась охотнице и старушке. У богини три ипостаси: дева, мать, старуха. Сейчас я олицетворяла материнское начало и питала Мэтью кровью, с помощью богини исцеляла его.

Инстинкт наконец взял свое. Мэтью провел языком по ране, расширил ее, стал пить. На один краткий миг меня обуял ужас.

Его мертвенная бледность понемногу сменилась более живой белизной, но одной венозной крови для исцеления было

мало. Я надеялась, что Мэтью забудется и сам все сделает, но на всякий случай снова нашарила нож.

Взглянув в последний раз на охотницу с колдуньей, я устремила все внимание на мужа. Сквозь дерево, к которому я прислонялась спиной, через меня прошел еще один заряд жизненной силы.

Мэтью пил, а я его целовала. Запах моих волос, упавших ему на лицо, смешивался с запахом крови, его и моей. Вампир навел на меня отстраненный взгляд бледно-зеленых глаз, будто не узнавая. Поцелуи отдавали моей собственной кровью.

Быстро и плавно — я не могла бы остановить его, даже если бы захотела, — он схватил меня за волосы на затылке, запрокинул голову, приник к горлу и выговорил удовлетворенно:

— Диана.

Мне совсем не было страшно. «Вот как это происходит, — думала я. — Вот откуда берутся предания о вампирах».

Моя кровь придала ему сил и вызвала охоту отведать еще. Легкое чувственное прикосновение губ к моей шее неожиданно возбудило меня, кожа онемела от капельки крови из его прикушенной нижней губы. Вновь окрепшими руками он сильно сжал мою голову.

Только не ошибись! — молила я про себя.

Миг спустя, после двух легких уколов, я испытала незнакомое ранее ощущение: Мэтью начал пить вожделенную артериальную кровь.

Сара отвернулась, не в силах на это смотреть. Эм открыто плакала на плече Маркуса.

Я прижимала Мэтью к себе, побуждая его пить еще и еще. Наслаждение, которое он испытывал, не вызывало сомнений — теперь я знала, как он жаждал меня и как стойко сопротивлялся.

Он вошел в ритм — моя кровь вливалась в него волна за волной.

Мэтью, послушай меня.

Благодаря Герберту я узнала, что могу общаться с ним через кровь. Меня беспокоило лишь то, что послания окажутся недостаточно внятными и скоро у меня не останется сил говорить.

Он вздрогнул и снова присосался к моему горлу.

Я люблю тебя.

Он снова вздрогнул.

Это мой дар. Я в тебе, я даю тебе жизнь.

Он тряхнул головой, словно отгоняя докучливую мошку.

Я в тебе, я даю тебе жизнь.

Становилось все труднее формулировать мысли, трудно смотреть сквозь огонь. «Не волнуйтесь», — внушала я Саре и Эм. Маркуса мои глаза уже не смогли найти.

Я в тебе, я даю тебе жизнь, повторяла я, словно мантру, пока силы окончательно не иссякли.

Медленно пульсирующее сердце готовилось к смерти.

Не думала, что умирать так легко.

Меня охватил глубокий покой.

Нахлынуло чувство разлуки и сожаления.

И ничего больше.

Глава 38

Внутри с грохотом столкнулись два мира.

Правую руку кольнуло. Запахло резиной и пластиком. Мэтью и Маркус спорили. Я лежала на холодной земле, все прочие запахи заглушал резкий аромат прелых листьев. Глаза были открыты, но их застилала тьма. Сделав усилие, я все-таки разглядела наверху голые ветки дерева.

— Попробуй левую, она уже разрезана, — говорил Мэтью.

— Нет. Ее ткани насыщены твоей слюной и больше ничего не впитают. Из-за низкого давления трудно найти вену на правой руке, но я найду, — отвечал Маркус с противоестественным спокойствием врача «скорой помощи», каждый день видящего смерть.

На лицо легли две макаронины, холодные пальцы потрогали нос. Я хотела стряхнуть их, но мне не дали.

— Тахикардия, — сказал откуда-то справа голос Мириам. — Я введу успокоительное.

— Никаких седативов! — рявкнул Мэтью. — У нее будет кома.

— Тогда успокой ее сам. — Пальчики Мириам с неожиданной силой придавили мне шею. — Не могу же я останавливать кровотечение и одновременно держать ее.

Я видела лишь какие-то обрывки: то, что было непосредственно сверху, то, что удавалось заметить краем глаза, для остального приходилось с неимоверным трудом ворочать глазами.

— Сделай что-нибудь, Сара! — умолял Мэтью.

Надо мной появилось ее лицо.

— Колдовство вампирских укусов не лечит. Будь это возможно, мы бы не боялись таких, как ты.

Я начала уплывать куда-то, но Эм взяла меня за руку и удержала в собственном теле.

— Значит, выбора нет, — с отчаянием сказал Мэтью. — Я приступаю.

— Нет, Мэтью, ты еще не окреп, — возразила Мириам. — Позволь мне, я сотни раз это делала.

Раздался странный звук, будто что-то рвалось, — после нападения Жюльет на Мэтью я знала, что это рвется вампирская плоть.

— Меня обращают в вампира? — прошептала я.

— Нет, mon coeur, нет. Ты потеряла — отдала мне — почти всю свою кровь. Маркус переливает тебе человеческую, а Мириам нужно заняться твоей шеей.

Это было для меня слишком сложно: мозги пересохли за компанию с глоткой и языком.

— Пить хочу.

— Ты жаждешь вампирской крови, но не получишь ее. Лежи спокойно. — Мэтью больно прижал мои плечи к земле, а Маркус свел мои челюсти вместе, не давая открыть рот. — Ну же, Мириам.

— Не суетись, Мэтью. Я проделывала это с теплокровными задолго до твоего возрождения.

Мне разрезали горло, запахло кровью. Вслед за этим началась боль, жгучая и леденящая одновременно. Жар и холод проникали глубоко внутрь, опаляя мышцы и кости.

Из моего зажатого рта вырывалось приглушенное, испуганное мычание.

— Артерии не видно, надо очистить рану.

Мириам громко сглотнула. Шея на миг онемела, но боль тут же возобновилась.

Вслед за адреналином нахлынула паника. Вокруг выросли серые стены Ла-Пьера, я вновь была во власти Сату.

Впившиеся в плечи пальцы Мэтью вернули меня в бишоповский лес.

— Рассказывай ей, что делаешь, Мириам. Ей страшно из-за того, что она ничего не видит, — это у нее после той финской колдуньи.

— Это всего лишь кровь из моего запястья, Диана, — она капает в твою рану. Тебе больно, я знаю, но вампирская кровь запечатает артерию лучше любого хирурга. Не волнуйся: крови очень мало и от наружного применения ты вампиром не станешь.

Теперь я хорошо представляла, что происходит с моим разорванным горлом: каждая капля мгновенно заживляла ту частицу ткани, на которую падала. Вампир, делающий такую операцию, должен был превосходно владеть собой. Вскоре жгучая капель прекратилась, и Мириам с легким облегчением сказала:

— Готово, остается наложить швы. — Ее холодные пальчики принялись за дело. — Не хочется оставлять шрам, но Мэтью в беспамятстве сильно тебя попортил.

— Теперь перенесем тебя домой, — сказал Мэтью.

Несли меня вдвоем: он держал плечи и голову, Маркус — ноги, Мириам с докторским саквояжем шла рядом. У опушки нас ждал «рейнджровер» с распахнутыми задними дверцами. Мэтью, которого сменила Мириам, залез внутрь.

— Мириам... — прошептала я, и она наклонилась. — Если что-то пойдет не так...

Я надеялась, что она поймет все без лишних слов. Хорошо бы, конечно, остаться колдуньей, но стать вампиром лучше, чем умереть.

Она внимательно посмотрела мне в глаза и кивнула:

— Постарайся все же не умирать. Он убьет меня, если я выполню твою просьбу.

Мэтью, когда меня загрузили в машину, болтал всю дорогу и целовал меня, когда я начинала засыпать, — от каждого поцелуя меня встряхивало.

Сара и Эм, собрав подушки со всего дома, устроили мне постель у камина в гостиной. По щелчку Сариных пальцев загорелся огонь, но меня все еще колотило.

Мэтью уложил меня, укрыл парой стеганых одеял и отошел пошептаться с Маркусом. Пока Мириам бинтовала мне шею, я слушала их разговор.

— Это то, что ей нужно, — нетерпеливо убеждал отца Маркус. — Я знаю, где у нее легкие, и ничего не проткну.

— Она сильная, обойдется без центрального катетера, — отрезал Мэтью. — Займись-ка лучше тем, что осталось от Жюльет.

— Ладно, займусь.

Хлопнула парадная дверь, завелся «рейнджровер».

Старинные часы в холле отсчитывали минуты, я согревалась, но Мэтью все время дергал меня за руку, не давая забыться.

Наконец Мириам вымолвила волшебное слово: «Стабильна», теперь ничто не мешало уплыть в блаженную темноту. Сара и Эм поцеловали меня и ушли, Мириам отправилась следом. Мы остались с Мэтью вдвоем в блаженной тишине, но тут мне вспомнилась Жюльет.

— Я убила ее.

Сердце бешено забилось.

— У тебя не было выбора, ты защищалась, — безапелляционно заявил он.

— Это не так. Колдовской огонь...

Лук и стрела появились в моих руках, лишь когда в опасности оказался Мэтью.

— Завтра поговорим, — сказал он, целуя меня.

Но кое-что я должна была сказать ему прямо сейчас:

— Я люблю тебя.

Перед тем как меня утащила Сату, я не успела произнести этих слов — скажу теперь, пока еще что-нибудь не стряслось.

— Я тоже тебя люблю. Помнишь наш ужин в Оксфорде? — прошептал он мне в самое ухо. — Тебе хотелось узнать, какова ты на вкус.

Я кивнула.

— У тебя медовый вкус. Вкус надежды.

Я хотела улыбнуться и тут же заснула, но это не был целительный сон. Я металась между Ла-Пьером и Мэдисоном, между жизнью и смертью. Недавно призрак старухи говорил, что на распутье стоять опасно, и теперь смерть терпеливо дожидалась, когда я наконец выберу одну из дорог.

В ту ночь я преодолела несчетное количество миль, и за мной постоянно кто-то гнался по пятам: Герберт, Сату, Жюльет, Питер Нокс. Мэтью всякий раз встречал меня в доме Бишопов — иногда вместе с Сарой, иногда с Маркусом, но чаще один.

Глубокой ночью кто-то стал напевать мелодию, под которую мы тысячу лет назад танцевали у Изабо в Сет-Туре. Пел не Мэтью и не Маркус — они разговаривали, — но я слишком устала, чтобы разбираться, откуда доносится музыка.

— Где она выучила эту старую песню? — спросил Маркус.

— Дома. Господи, она даже во сне храбрится. Болдуин прав: плохой из меня стратег. Надо было это предвидеть.

— Герберт рассчитывал, что ты и думать забыл о Жюльет, ведь это было давно. И знал точно, что Диана будет с тобой, — сам хвастался, когда звонил мне.

— Да. У меня хватило самонадеянности думать, что со мной ей ничего не грозит. Герберту это мое свойство известно.

— Ты пытался ее защитить, но не смог. Да и никто бы не смог. Не ей одной пора перестать храбриться.

Кое о чем Маркус не знал, а Мэтью забыл. В памяти всплыли обрывки одного разговора, пение прекратилось, и я сказала:

— Я же говорила тебе. — Я искала в темноте Мэтью, но нащупала только мягкую шерсть, пахнущую гвоздикой. — Говорила, что храбрости у меня достанет на нас обоих.

— Диана... Ну-ка, посмотри на меня!

Разлепив веки, я увидела его лицо в нескольких дюймах от своего. Одной рукой он поддерживал мою голову, другой — поясницу с выжженным полумесяцем.

— Вот ты где. Мне снилось, что нас разлучили.

— Нет, милая. Мы вместе, мы в твоем доме. Больше не нужно быть храброй — теперь моя очередь.

— Разберешься, по какой дороге нам идти?

— Я найду путь. Отдыхай, я обо всем позабочусь.

Глаза у него были зеленые-презеленые.

Я снова заснула и бросилась убегать от Жюльет и Герберта. К рассвету сон стал крепче, и проснулась я только утром. Я лежала совершенно голая под несколькими толстыми одеялами, как в британской реанимации. Левая рука была перевязана, из правой тянулась трубка, шею чем-то залепили. Мэтью сидел на полу, подтянув к себе колени и прислонившись к дивану.

— Мэтью... со всеми все хорошо? — Язык точно ватой обложило, пить хотелось ужасно.

— Просто чудесно. — С заметным облегчением он взял меня за руку, поцеловал в ладонь и поглядел на запястье, где ногти Жюльет оставили красные следы.

Услышав наши голоса, в комнату потянулись остальные. Первыми явились тетушки. Сара думала о чем-то своем, под глазами у нее залегли тени. Эм, хотя и усталая, тут же кинулась гладить меня по голове, уверяя, что все будет хорошо. Потом меня осмотрел Маркус и сурово констатировал, что я недостаточно отдохнула. И наконец Мириам выгнала всех вон, чтобы сменить бинты.

— Насколько все было плохо? — спросила я, когда мы остались одни.

— Если ты про Мэтью, то очень плохо. Потерю, даже угрозу потери, де Клермоны переносят неважно. Изабо после смерти Филиппа вела себя еще хуже. Хорошо, что ты выжила, — я не за себя одну радуюсь. — На удивление аккуратно она помазала мои раны.

Представив себе Мэтью, одержимого жаждой мщения, я поскорее зажмурилась.

— Расскажи мне о Жюльет.

Мириам предостерегающе зашипела:

— Это не моя история. Мужа своего спрашивай. — Она отсоединила капельницу и, помогая мне влезть в старую Сарину фланелевую рубашку, заметила знаки на спине.

— Шрамы мне не мешают — напоминают о том, что я боролась и выжила. — Я все равно одернула рубашку, спеша прикрыть спину.

— Ему тоже не мешают. Любовь де Клермонов всегда оставляет метки на теле — Мэтью это отлично знает.

Я застегнула пуговицы дрожащими пальцами, не глядя на Мириам.

— Очень опасно было вот так давать ему свою кровь — он ведь мог не остановиться, — с невольным восхищением сказала она, подавая мне черные легинсы.

— Де Клермоны бьются за тех, кого любят, — так сказала мне Изабо.

— Она все поймет, а вот Мэтью... Ему еще предстоит сжиться с этим — с твоей кровью и со всем остальным.

Между нами висело невысказанное имя: Жюльет.

Мириам снова поставила капельницу, отрегулировала ее.

— Они с Маркусом едут в Канаду. Мэтью долго будет искать того, кем согласится поживиться, но тут уж ничего не поделаешь.

— А Саре и Эм не будет грозить опасность, когда они уедут?

— Немного времени ты нам выиграла. В Конгрегации и подумать не могли, что Жюльет потерпит неудачу. Герберт так же горд, как и Мэтью, и почти столь же непогрешим. Лишь через несколько дней они сообразят, что к чему... — сказала Мириам и осеклась с виноватым видом.

— Дай мне поговорить с Дианой, — попросил Мэтью, стоя в дверях.

Вид у него был ужасный: лицо осунувшееся, голодное, под глазами лиловые круги. Мириам вышла и с щелчком закрыла за собой тяжелые двери. Я воочию видела, как голод борется в Мэтью с инстинктом защитника.

— Когда вы едете? — Я старалась показать, что ничего не имею против.

— Я никуда не еду.

— Тебе нужно восстановить силы. В следующий раз Конгрегация одного бойца не пошлет.

Представив, сколько еще созданий из прошлого Мэтью может откликнуться на призыв, я попыталась сесть.

— Ты теперь такой опытный воин, ma lionne, что разгадала всю их стратегию? — По лицу невозможно было понять, что он чувствует, но в голосе слышался легкий смешок.

— Мы доказали, что нас не так-то легко побить.

— Не так-то легко? — Он сел на подушки рядом со мной. — Ты чуть не погибла.

— Ты тоже.

— Ты спасла меня своей магией, я это чувствовал. Луговая манжетка и серая амбра.

— Пустяки.

Я не хотела говорить Мэтью, что именно пообещала в обмен на его жизнь.

— Врешь. — Он взял меня за подбородок. — Не хочешь говорить — не говори, только не лги мне.

— Не у меня одной в нашей семье есть тайны. Расскажи мне о Жюльет Дюран.

Он отошел к окну:

— Ты уже знаешь, что познакомил нас Герберт. Он похитил ее из каирского борделя и долго держал на грани жизни и смерти, прежде чем обратить, а после сделал из нее привлекательную для меня женщину. До сих пор не знаю, была ли она изначально безумна, или это он ее свел с ума своими манипуляциями.

— Зачем ему это было нужно? — спросила я недоверчиво.

— Чтобы она прокралась в мое сердце, а там и в семью. Герберт мечтал поступить в наш орден, но отец ему отказывал раз за разом. Проникнув в тайны братства и де Клермонов, Жюльет получала право убить меня. Герберт растил из нее и любовницу, и убийцу. — Мэтью подцепил пальцем облупившуюся краску на оконной раме. — Когда мы впервые встретились, она лучше скрывала свою болезнь — я не скоро заметил признаки. Изабо и Болдуин никогда ей не доверяли, Маркус ее на дух не выносил. Что до меня... Герберт хорошо ее выдрессировал: она мне напоминала Луизу, и все странности я объяснял хрупкостью и эмоциональной неустойчивостью.

«Ему всегда нравились хрупкие создания», — говорила мне Изабо. Мэтью с Жюльет связывало нечто более глубокое, чем секс.

— Ты все же любил ее.

Я вспомнила поцелуй Жюльет, и меня передернуло.

— Когда-то. Давным-давно. Не зная, что я обманут. Потом я еще долго следил за ней издали — проверял, хорошо ли о ней заботятся, ведь сама о себе позаботиться она не могла. Началась Первая мировая война, и Жюльет исчезла. Я счел ее погибшей и больше не вспоминал о ней.

— Ты следил за ней, а она за тобой. — Я помнила, как зорко подмечала Жюльет каждый мой шаг.

— Знай я об этом, она бы к тебе и близко не подошла. — Мэтью смотрел, как занимается за окном бледное утро. — И вот еще что: обещай никогда больше не спасать меня с помощью своей магии. Не хочу жить дольше, чем суждено. Пусть жизнь и смерть решают это между собой. Изабо когда-то вмешалась

в их спор — не повторяй этого. И не проси Мириам или кого-то еще сделать тебя вампиром. — В голосе Мэтью звучал невообразимый холод, вампир подошел ко мне. — Никто, даже я, не обратит тебя в то, что противно твоей природе.

— Тогда пообещай что-то взамен.

— Что именно? — недовольно прищурился он.

— Не проси меня уйти, когда ты в опасности. Все равно не уйду.

Пока Мэтью раздумывал, сможет ли он сдержать подобное обещание, я прикидывала, как в следующий раз распорядиться своей неосознанной силой, чтобы его не спалить и самой не утонуть. После нескольких мгновений настороженного молчания я погладила Мэтью по щеке:

— Поезжай с Маркусом на охоту: за несколько часов с нами ничего не случится.

Его бледность все еще была нездоровой — он тоже потерял много крови, не только я.

— Тебя нельзя оставлять одну.

— Со мной будут тетушки, не говоря уже о Мириам. В Бодли она сообщила мне, что ее зубы не менее остры, чем твои. Я ей верю.

Мои знания по части вампирских зубов успели значительно расшириться.

— К ночи будем дома, — проворчал он, в свою очередь погладив меня по щеке. — Хочешь чего-нибудь прямо сейчас?

— Поговорить с Изабо.

Сара вела себя отчужденно, и я испытывала острую нужду в материнской заботе.

— Хорошо. — Скрывая удивление, он достал мобильник (кто-то, видимо, успел найти его в кустах) и набрал Сет-Тур.

— Maman? — (Из телефона полилась французская речь.) — Она в полном порядке, — заверил Мэтью, — и хочет поговорить с тобой.

После паузы мы услышали всего одно слово:

— Oui.

— Изабо? — Мой голос дрогнул, на глаза навернулись слезы.

— Слушаю тебя, Диана, — мелодично пропела трубка.

— Я чуть не потеряла его.

— Тебе следовало послушаться и бежать от Жюльет сломя голову, — упрекнула она и тут же смягчилась. — Но я рада, что ты не послушалась.

Тут я разревелась в полную силу. Мэтью пригладил мне волосы, заправив за ухо всегдашнюю прядь, и вышел.

Только Изабо я могла излить свое горе и повиниться, что не убила Жюльет сразу, при первой возможности. Я рассказала ей все — о внезапном появлении Жюльет, о ее поцелуе, об ужасе, испытанном, когда Мэтью начал пить мою кровь, о том, что чувствуешь, когда тебя возвращают к жизни. Я знала, что она поймет, и она поняла. Изабо прервала меня лишь однажды, когда речь зашла о деве и старухе.

— Значит, моего сына спасла богиня... В справедливости и чувстве юмора ей не откажешь, но это не телефонный разговор. Расскажу, когда снова приедешь в Сет-Тур.

Упоминание о замке вызвало у меня острую ностальгию.

— Мне бы очень хотелось там оказаться. Не уверена, что в Мэдисоне меня научат всему, что нужно.

— Значит, надо подыскать другого учителя. Среди созданий непременно найдется кто-то, способный тебе помочь.

Изабо велела слушаться Мэтью, беречь себя и как можно скорее вернуться в замок. Согласившись на все с несвойственной мне готовностью, я закончила разговор.

Мэтью, тактично выждав, вернулся в гостиную.

— Спасибо. — Шмыгая носом, я протянула ему телефон.

— Оставь себе. Звони Маркусу и Изабо, как только потребуется: цифры два и три соответственно. Тебе нужен новый телефон, и часы тоже. Твой слишком быстро разряжается. — Мэтью поудобнее устроил меня в подушках, поцеловал в лоб. — Мириам работает в столовой, но сразу услышит тебя, если что.

— А Сара? Эм?

— Ждут свидания, — улыбнулся он.

Повидавшись с тетушками, я надолго уснула и проснулась, тоскуя по Мэтью.

Эм, сидевшая в недавно возвращенной бабушкиной качалке, принесла мне воды. На лбу у нее залегли глубокие морщины, которых не было еще пару дней назад. Бабушка сидела на дива-

не и смотрела в стенку рядом с камином, явно дожидаясь от дома новых посланий.

— А Сара где? — Я взяла стакан, предвкушая, как утолю все еще мучившую меня жажду.

— Вышла ненадолго, — поджала губы Эм.

— Она во всем винит Мэтью.

Эм опустилась на колени так, чтобы смотреть мне в глаза:

— Мэтью здесь ни при чем. Ты предложила свою кровь вампиру — вот в чем все дело. Умирающему вампиру, не владеющему собой. Знаю, знаю — он нам не чужой, но убить тебя все же мог. Кроме того, Сара терзается из-за того, что ничему не может тебя научить.

— Зря она беспокоится. Ты видела, что я сделала с Жюльет?

— Я много всего видела, — кивнула она.

Бабушка перевела взгляд на меня.

— Видела голод, с каким Мэтью накинулся на тебя, — тихо продолжала Эм. — Видела деву и старуху по ту сторону огня.

— Сара тоже их видела? — спросила я шепотом, надеясь, что Мириам не услышит.

— Нет. А Мэтью знает?

— Нет.

Как же хорошо, что Саре известно не все, что произошло вчера.

— Что ты пообещала богине в обмен на его жизнь?

— Все, что она захочет.

— Ах, детка, — поморщилась Эм, — не надо было. Нельзя предугадать, что и когда она захочет взять у тебя.

Бабушка пересела в качалку, и тетушка оглянулась на закачавшееся вдруг кресло.

— Мне пришлось, Эм. Богиню это не удивило, а мне показалось правильным. И неизбежным.

— Ты и раньше видела их обеих?

— Да. Деву во сне — я сама была ею и мчалась на коне по лесу. А старушка поджидала меня за дверью гостиной.

Ты на большую глубину забралась, Диана, прошелестела бабушка. *Надеюсь, выплывешь.*

— Богиню нельзя вызывать когда вздумается, — заметила Эм. — Есть силы, которых ты пока что не понимаешь.

— Я и не вызывала — они появились сами, когда я решила дать Мэтью кровь. И охотно мне помогли.

А есть ли у тебя право вот так раздавать свою кровь? Бабушка раскачивалась так, что половицы скрипели. *Об этом ты подумала?*

— Ты Мэтью знаешь всего-то месяц, — сказала Эм, — но во всем ему повинуешься и готова ради него умереть. Вот что тревожит Сару. Той Дианы, которую мы знали, нет больше.

— Я люблю его, и он меня любит, — с жаром ответила я, стараясь не думать о его многочисленных тайнах — рыцарях Лазаря, Жюльет, Маркусе, — его бешеном нраве, потребности подчинять себе всех и вся.

Но Эм и без слов знала, что творится у меня в голове.

— Не надо делать вид, что проблем не существует, Диана. Ты уже пробовала это с магией, но она настигла тебя. С теми сторонами Мэтью, которые непонятны или неприятны тебе, произойдет то же самое. Нельзя прятаться вечно, в особенности теперь.

— О чем ты?

— Слишком много созданий заинтересованы в этой рукописи, в тебе и в Мэтью. Я чувствую, как сжимается кольцо вокруг дома Бишопов, вокруг тебя. Не понимаю, на чьей они стороне, но шестое чувство подсказывает, что скоро мы это узнаем.

Эм подоткнула мне одеяло, подложила в огонь полено и вышла.

От сна меня на этот раз пробудил пряный запах мужа.

— Вернулся, — сказала я сонно, протирая глаза.

Мэтью выглядел отдохнувшим — кожа снова приобрела нормальный жемчужный тон.

Он насытился. Напился человеческой крови.

— Как и ты. — Он поднес мою руку к губам. — Мириам говорит, ты почти весь день проспала.

— Сара дома?

— Все на месте, — криво усмехнулся он. — Даже Табита.

Мне захотелось побыть в их обществе. Мэтью без споров вынул из моей вены иглу, взял меня в охапку и отнес в семейную комнату.

Эм и Маркус долго хлопотали, укладывая меня на диване, но разговор и очередной фильм нуар скоро утомили меня. Мэтью, заметив это, снова взял меня на руки и объявил:

— Мы идем наверх. Увидимся утром.

— Капельницу вам принести? — со значением спросила Мириам.

— Нет, больше не нужно, — отрезал Мэтью.

— Спасибо, что не стал подключать меня к этой штуке, — сказала я, когда мы вышли в холл.

— Ты еще слаба, но для теплокровной необычайно вынослива, — ответил Мэтью, поднимаясь по лестнице. — Видимо, все дело в том, что ты вечный двигатель.

Он выключил свет. А потом я с довольным вздохом прильнула к вампиру, по-хозяйски положила руку ему на грудь. Луна, заглядывая в окно, освещала свежие шрамы, из розовых уже ставшие белыми.

Я устала, но шестеренки, неустанно крутившиеся в голове у Мэтью, буквально не давали мне спать. По поджатым губам, по блеску глаз было ясно, что он, как и обещал, выбирает одну из дорог на распутье.

— Скажи что-нибудь, — попросила я в конце концов. — Не молчи.

— Что нам нужно, так это время, — задумчиво откликнулся он.

— Вряд ли Конгрегация нам его даст.

— Значит, сами возьмем. Переместимся из настоящего куда потребуется.

Глава 39

Когда мы спускались утром по лестнице, мне пришлось остановиться и передохнуть. Но я твердо решила дойти до кухни самостоятельно, и Мэтью, к моему удивлению, не стал меня отговаривать. Мы уютно сидели рядом на деревянной ступеньке. Через волнистые стекла парадной двери просачивался водянистый свет нового дня, суля солнечную погоду. В семейной стучали скрэбблом.

— Когда ты им скажешь? — спросила я.

Говорить пока было особенно нечего — Мэтью все еще разрабатывал *план*.

— Потом.

Мы прислонились друг к дружке.

— Сколько бы Сара ни выпила кофе — скандал все равно неизбежен. — Я взялась за перила и со вздохом поднялась. — Пошли.

В семейной Эм принесла мне первую чашку чая, а Мэтью и Маркус с моего молчаливого согласия вышли на ежеутренний брифинг — до нашего путешествия следовало многое обсудить.

После чая настал черед фирменного омлета Эм — с луком, грибами, сыром и ложкой острого соуса.

— Спасибо, Эм. — Я принялась за дело.

— В отдыхе и усиленном питании нуждается не один Мэтью. — Она посмотрела в окно на беседующих вампиров.

— Сегодня мне гораздо лучше, — заверила я, надкусив тост.

— Аппетит к тебе вернулся, по крайней мере.

Омлета на тарелке заметно поубавилось.

Когда вернулись Мэтью и Маркус, я уже приканчивала вторую тарелку. Вид у вампиров был мрачный, но Мэтью на мой

вопросительный взгляд качнул головой — значит речь шла не о нашем предполагаемом путешествии. Мэтью уселся на табурет и углубился в газету. Я доела омлет с тостом и заварила еще чая. Сара помыла посуду.

Когда Мэтью дочитал, я сказала:

— Хочу пойти в лес, на место гибели Жюльет.

Он тут же встал:

— Сейчас подгоню «рейнджровер».

— Что за безумие, Мэтью! Рано еще. — Маркус повернулся к Саре, ища поддержки, но та лишь сказала:

— Пускай идут. Оденься только потеплее, Диана, на улице холодно.

Вошла озадаченная Эм:

— Мы кого-то ждем? Дом полагает, что да.

— Шутишь! — не поверила я. — Он не приращивал комнат со времен последнего семейного сборища — куда он ее воткнул?

— Между ванной и чуланом. — Эм показала на потолок и сообщила мне телепатически: *Я же говорила, что дело не только в тебе и Мэтью.*

Все дружно отправились наверх посмотреть, что за чудо явил нам дом.

Предчувствия редко меня обманывают, добавила Эм.

В новой комнате стояла латунная кровать с блестящими шарами. На окнах висели потрепанные красные шторы (Эм заявила, что их немедленно нужно снять), на полу лежал вязаный бордово-лиловый коврик. Довершали обстановку щербатый розовый таз для умывания и кувшин, и все эти вещи мы видели в первый раз.

— Откуда все это взялось? — удивлялась Мириам.

— Кто знает, где он держит свое барахло. — Сара плюхнулась на кровать и попрыгала на матрасе.

Пружины ответили ей возмущенным скрипом.

— Рекорд он поставил на мой тринадцатый день рождения, — с улыбкой припомнила я. — Четыре спальни и викторианский гарнитур для гостиной.

— И бело-голубой фарфоровый сервиз на двадцать четыре персоны, — подхватила Эм. — Чашки остались нам, а что покрупнее исчезло, как только гости разъехались.

Когда все осмотрели комнату и значительно уменьшившийся чулан, я переоделась, кое-как доковыляла до двери и села в «рейнджровер». Недалеко от места нашей битвы Мэтью остановился. Колеса ушли глубоко в рыхлый грунт.

— Пойдем дальше пешком? Потихоньку.

Он, против обыкновения, не нянчился со мной и не давал указаний.

— Что это с тобой?

— Видел тебя в бою. В такой ситуации даже самые храбрые мужчины, случается, обмирают от страха и не могут шевельнуться, даже ради спасения собственной жизни.

— Со мной произошло то же самое.

Мэтью остановился и придержал меня — мы шли под руку.

— Только потому, что ты готовилась отнять чью-то жизнь. Смерти ты не боишься.

— Верно.

Я с семи лет жила в тесном соседстве со смертью, а порой и стремилась к ней.

Он повернул меня к себе:

— После Ла-Пьера ты казалась мне сломленной. Всю жизнь ты пряталась от собственных страхов, я и не был уверен, что в случае необходимости ты сумеешь себя защитить. Теперь же мне остается только удерживать тебя от ненужного риска.

Мы двинулись дальше. Почерневшая трава подсказала, что мы на месте. Я застыла, и Мэтью отпустил мою руку.

Оставленные огнем следы вели к тому месту, где упала Жюльет. В лесу стояла странная тишина, даже птицы молчали. Я зачерпнула с земли пригоршню золы.

— Я ее не знала, но в тот момент ненавидела так, что смогла убить.

Теперь ее зеленовато-карие глаза вечно будут следить за мной из лесной чащи.

Вот здесь пылала огненная стена, за которой мне явились дева и старуха. Я взглянула на дуб, служивший мне опорой, и ахнула.

— Вчера началось, — пояснил Мэтью. — Сара говорит, его жизнь перешла в тебя.

Голые засохшие ветки торчали, как оленьи рога. Под ногами лежали мертвые бурые листья. Мэтью выжил благодаря тому, что я перекачала в него жизненную силу этого дерева. Дуб казался таким несокрушимым, но теперь от него остался лишь пустой ствол.

— Волшебная сила, как и любая другая, никогда не дается даром, — заметил Мэтью.

— Ох... что я натворила.

Гибелью дерева не искупишь долга перед богиней. Мне впервые стало страшно из-за сделки, которую я заключила.

Мэтью обнял меня. Мы стояли, думая о том, чего едва не лишились.

— Ты обещала не лезть на рожон, — сказал он сердито.

— А ты утверждал, что тебя нельзя убить, — парировала я.

Он прижался лбом к моему лбу:

— Я должен был рассказать тебе о Жюльет.

— Вот именно. Она чуть не отняла тебя у меня.

На моей забинтованной шее запульсировала жилка. Мэтью потрогал место своего укуса неожиданно теплым пальцем:

— Мы чудом избежали самого страшного. — Он погрузил руки мне в волосы, поцеловал в губы.

Наши слившиеся тела окутывала лесная тишина.

— Когда я забрала жизнь у Жюльет, Жюльет стала частью моей собственной жизни.

Мэтью пригладил мои волосы:

— У смерти своя магия.

Успокоившись, я молча поблагодарила богиню — за Мэтью и за себя.

На полпути к «рейнджроверу» я начала спотыкаться. Мэтью взвалил меня на спину и донес до машины.

Когда мы подъехали, из кабинета со скоростью, сделавшей бы честь и вампиру, выскочила Сара и распахнула дверцу машины.

— Черт возьми, Мэтью, — сказала она при виде моего усталого лица.

Меня опять устроили на диване в семейной. Из кухни пахло ванилью. Я положила голову на колени Мэтью и уснула под шум старенького миксера Эм.

Мэтью разбудил меня, когда поспел суп. По лицу вампира я поняла, что он решился рассказать всем о нашем плане.

— Ты поела, mon coeur?

Я, кивнув, доела суп.

— Мы хотим вам кое-что рассказать.

Для важного разговора, согласно новой семейной традиции, все перебрались в столовую.

— Ну, так что вы решили? — сразу же спросил Маркус.

Мэтью выдержал паузу и стал излагать:

— Нам нужно попасть туда, где Конгрегации будет не так просто нас отыскать. Диане требуется время, требуются наставники, которые помогли бы ей овладеть собственной магией.

— И где же обитают сильные и терпеливые колдуны, согласные терпеть рядом с собой вампира? — ехидно осведомилась Сара.

— Не где, я бы сказал, а когда. Мы спрячем Диану во времени.

Все загомонили. Мэтью взял меня за руку.

— Courage, — шепнула я ему, повторяя его собственное напутствие перед моей первой встречей с Изабо.

Вампир фыркнул и мрачно улыбнулся.

Я, в общем, вполне понимала нашу родню: моя реакция ночью была примерно такой же. Сначала я заявила, что это попросту невозможно, а потом стала придираться к деталям и требовать уточнений. Мэтью старался как мог.

— Ты хочешь пользоваться своей магией, но пока что это она тобой пользуется. Тебе нужен учитель посильнее Сары и Эмили. Они не виноваты, что не могут тебе помочь: многие знания, которыми располагали колдуны былых времен, утрачены безвозвратно.

— Так куда же? И в какое время? — шептала я в темноте.

— Не слишком далеко (хотя в недавнем прошлом есть свои опасности), но достаточно далеко, чтобы найти тебе подходящего наставника. Обсудим с Сарой, как это можно безопасно сделать, а затем выберем три предмета, способные направить нас в нужное время.

— Нас? — удивилась я. — Но ты ведь и так уже там живешь?

— Тебе лучше не встречаться с моими тогдашними воплощениями. Я им не до конца доверяю.

Когда я в конце концов согласилась, Мэтью испытал облегчение. Пару дней назад он отвергал саму идею путешествий во времени, но оставаться в настоящем сейчас было, как видно, еще опаснее.

— А наши что будут делать?

Он провел пальцем по венам на тыльной стороне моей ладони.

— Мириам и Маркус вернутся в Оксфорд — Конгрегация для начала будет искать тебя именно там. Саре и Эмили лучше уехать на какое-то время. Может быть, к Изабо?

На первый взгляд это выглядело смешно. Изабо и Сара под одной крышей? Но чем больше я раздумывала, тем менее странным казался этот план.

— Ну, не знаю... А Маркус! — спохватилась я.

В орденских делах я мало что смыслила, но без Мэтью на Маркуса ляжет еще более тяжкое бремя.

— Иначе нельзя, — сказал Мэтью, успокоив меня поцелуем.

...Как раз с этим Эм теперь и не соглашалась.

— Должен быть другой выход, — твердила она.

— Я пытался что-нибудь придумать, Эмили, но увы... — Мэтью словно бы извинялся.

— И какое же время ты выбрал? Кое-где Диана, с ее ростом, будет сильно выделяться, — заметила крошка Мириам.

— Будет она выделяться или нет — все равно слишком опасно, — заявил Маркус. — Мало ли куда вас занесет: войны, эпидемии...

— Охота на ведьм... — Мириам сказала это без всякого злого умысла, но три колдуньи ответили ей возмущенными взглядами.

— Что скажешь, Сара? — спросил Мэтью.

Из всех присутствующих она была самой спокойной.

— Ты хочешь, чтобы ей помогли?

— Ну да.

Сара ненадолго закрыла глаза:

— После Жюльет Дюран стало понятно, что здесь вам лучше не оставаться. И если уж вам опасно в Мэдисоне, то в других местах и подавно.

— Спасибо... — начал было Мэтью, но она перебила его:

— Ничего мне не обещай. Просто будь осторожен — не ради себя, так ради нее.

— Поговорим о самом путешествии. — Тон Мэтью стал деловым. — Диане понадобятся три вещи, относящиеся к определенной эпохе и месту.

Сара кивнула:

— Я такой вещью считаться могу?

— Какая ж ты вещь, раз у тебя пульс есть.

Так лестно Сара о вампирах еще никогда не отзывалась.

— Держи, тут полно всякой древней всячины. — Маркус снял с шеи кожаный шнурок.

На нем действительно болталось много всего, в том числе чей-то зуб, монета, нечто черно-золотое и бесформенное, потертый серебряный свисток.

— Тот больной ведь умер от желтой лихорадки? — Мэтью потрогал зуб.

— Точно. Новый Орлеан, эпидемия тысяча восемьсот девятнадцатого года.

— Новый Орлеан исключается, — отрезал Мэтью.

— Я так и думал. А Париж? Тут есть сережка Фанни.

Мэтью тронул красный камешек в золотой филигранной оправе:

— Эпоха Террора? Мы с Филиппом в то время, если помнишь, отправили тебя из города вместе с Фанни — и Диане там тоже нечего делать.

— Вы тряслись надо мной, как две старые бабки, хотя одну революцию я уже пережил. И тебе придется здорово покопаться, чтобы отыскать в прошлом безопасное место. О! — обрадовался Маркус. — Как насчет Филадельфии?

— В Филадельфии и Калифорнии ты жил без меня, — торопливо отозвался Мэтью. — Лучше подобрать что-то знакомое.

— Мэтью, я ведь совсем не уверена, что попаду куда надо, — напомнила я.

Мне снова аукнулось многолетнее нежелание пользоваться магией.

— Попадешь, — заверила Сара. — Ты всю жизнь этим занималась — и ребенком, когда играла в прятки со Стивеном, и подростком. Помнишь, как мы по утрам вытаскивали тебя из леса,

отмывали и отправляли в школу? Что ты тогда, по-твоему, делала?

— Уж точно не перемещалась во времени, — вполне правдиво ответила я. — Меня беспокоит научный аспект проблемы: что происходит с моим телом, когда я совершаю такой переход?

— Кто его знает. Да ты не волнуйся, такое с каждым бывает. Едешь, например, на работу и не помнишь, как добрался туда. Или вообще весь день выпадает из памяти. Значит, точно путешественник во времени прошел рядом. — Сара, как ни странно, ни чуточки не волновалась.

А вот Мэтью, почувствовав мою тревогу, взял меня за руку:

— Эйнштейн сказал, что различие между прошлым, настоящим и будущим есть не что иное, как навязчивая иллюзия, — все физики, по его словам, это знают. Он верил не только в чудеса, но и в присущую времени эластичность.

И тут кто-то неуверенно постучал в парадную дверь.

— Я не слышала, как подъехала машина. — Встревоженная Мириам поднялась на ноги.

— Да это Сэмми собирает с подписчиков за газету, — сказала Эм и пошла открывать.

Мы замолчали, слушая, как скрипят половицы. Мэтью и Маркус, судя по прижатым к столу ладоням, готовились в случае чего ринуться к двери.

В столовую повеяло холодком.

— Да? — сказала Эм удивленно.

Наши мужчины тут же присоединились к ней вместе с Табитой, не отставшей от вожака стаи.

— Это не газетчик, — без особой необходимости заметила Сара, глядя на пустой стул Мэтью.

— Диана Бишоп? — осведомился мужской голос со знакомым, чуть протяжным акцентом.

— Нет, я ее тетя, — ответила Эм.

— Мы можем вам чем-то помочь? — холодно, но вежливо спросил Мэтью.

— Меня зовут Натаниэль Уилсон, а это Софи, моя жена. Нам сказали, что здесь может быть Диана Бишоп.

— Кто сказал?

— Его мать, Агата. — Я встала и пошла к двери.

Акцент гостя напомнил мне даймона из кафе «Блэкуэллс», австралийского модельера с красивыми карими глазами.

Мириам попыталась преградить мне путь, но отступила, видя мое лицо. С Маркусом вышло сложнее — он схватил меня за руку и не дал выйти из темного уголка под лестницей.

Натаниэль посмотрел на меня. Ему было слегка за двадцать. Светлые волосы, глаза цвета шоколада, большой рот и правильные черты делали его похожим на мать, но ростом он вымахал почти с Мэтью и сложен был как пловец: широкие плечи, узкие бедра. На плече болтался громадный рюкзак.

— Вы и есть Диана Бишоп? — спросил он.

Из-за его плеча выглянула женщина такого же возраста. Славное круглое личико, умные темные глаза, ямочка на подбородке, длинная каштановая коса, перекинутая через плечо. По взгляду незнакомки я сразу же поняла, что она тоже даймон.

— Да, это она. — Ее выговор выдавал уроженку юга. — Я именно ее во сне видела.

— Все в порядке, Мэтью.

Эта парочка была для меня не опаснее, чем Изабо или Марта.

— А вы — тот вампир, — сказал Натаниэль. — Мать предупреждала меня о вас.

— Надо было послушаться, — с обманчивой мягкостью произнес Мэтью, но Натаниэль, похоже, не испугался.

— Предупреждала, что сыну одного из даймонов Конгрегации здесь рады не будут, — но я приехал не по их поручению, а из-за Софи.

Он обнял женщину за плечи, и та, вздрогнув, прижалась к мужу. Оба были одеты не для нью-йоркской осени: он — в старой куртке, она — в водолазке и вязаном кардигане до колен.

— Они оба даймоны? — спросил меня Мэтью.

— Да, — с некоторым сомнением ответила я.

— А вы? — обратился к Маркусу Натаниэль. — Тоже вампир?

— Есть такое дело, — по-волчьи осклабился тот.

Помимо легкого давления даймонских глаз, я почувствовала и щекотку, едва ощутимую. Софи положила руку себе на живот, и у меня вырвалось:

— Да вы беременны!

Маркус от удивления ослабил хватку. Я двинулась вперед, но меня перехватил Мэтью. Дом, взбудораженный его резким движением и появлением гостей, в знак неудовольствия захлопнул двери гостиной.

— Это меня вы чувствуете, — сказала Софи, прижавшись к мужу еще теснее. — Я из колдовской семьи — выродок, так сказать.

— Ну вот, пожалуйста! — вскричала вышедшая в холл Сара. — Говорила я вам, что скоро и даймоны сюда заявятся, да и дом, как правило, все знает заранее. Входите, раз уж приехали, что на холоде-то стоять.

Дом тяжело вздохнул, укоряя нас за неучтивость.

— Не волнуйтесь, — сказала я ободряюще. — Дом, как ни дико это звучит, предупредил нас о вашем приезде.

— Дом моей бабушки был таким же, — улыбнулась Софи. — Она жила в Севен-Девилс, там я и родилась. Официально это Северная Каролина, но папа говорит, что Норманам до этого дела нет — мы отдельная нация.

Двери в гостиную распахнулись. Там стояли бабушка и еще трое-четверо призраков и с интересом наблюдали за происходящим. Мальчик с ягодами помахал Софи, та застенчиво ответила тем же и сказала:

— У бабушки тоже водились привидения.

Мужу ее, однако, привидений вкупе с двумя недружелюбными вампирами и эмоциональным домом оказалось уже многовато.

— Не будем задерживаться, Софи. Мы хотели вручить Диане одну вещь — отдадим и поедем.

Из столовой выступила Мириам, и Натаниэль попятился.

— Сначала вампиры, потом даймоны... дальше что? — проворчала Сара. — Ты на пятом месяце, верно?

— Ребенок зашевелился на прошлой неделе, — ответила Софи, положив руки на живот. — Тогда Агата и сказала нам, где найти Диану. Она не знала про мою семью, но вы мне снитесь уже несколько месяцев. Агата сильно напугана — ей что-то открылось, не знаю что.

— Что вам снилось? — вмешался Мэтью.

— Пусть сперва сядет, тогда и приступим к допросу, — вспомнила о хозяйских обязанностях Сара. — Принесешь нам печенья с молоком, Эм?

Эм удалилась на кухню и загремела посудой.

— Не знаю, чьи это сны — мои или ее. — Софи посмотрела на свой живот, а потом оглянулась на Мэтью. — Она колдунья, вот в чем все дело. Это, наверное, и тревожит маму Натаниэля.

Все уставились на выступающий под ее синим свитером бугорок.

— Все в столовую, — скомандовала Сара.

— Слишком уж вовремя они появились, — заметил Мэтью, удержав меня в холле. — Ни слова о путешествии, пока они здесь.

— Они вполне безобидны, — полагаясь на свои инстинкты, сказала я.

— Не бывает безобидных созданий, особенно если речь идет о сыне Агаты Уилсон.

Табита согласно мяукнула.

— Вы идете или за ручку вас привести? — крикнула Сара.

— Идем-идем, — отозвался Мэтью.

Сара уселась во главе стола и указала нам на стулья справа:

— Садитесь.

Мы оказались напротив Софи и Натаниэля — они сели, оставив между Маркусом и собой пустой стул. Маркус следил и за отцом, и за даймонами, Мэтью и Мириам по обе стороны от меня не спускали глаз с Натаниэля. Эм притащила на подносе вино, молоко, орехи, ягоды и полную миску печенья.

— Вот из-за чего я жалею, что стал вампиром. — Маркус поднес к носу золотистое печеньице с кусочками шоколада. — Пахнет чудесно, а в рот не возьмешь.

— Попробуй вот это. — Эм пододвинула к нему вазочку с грецкими орехами. — Ядрышки обваляны в сахаре и ванилине, все равно что конфеты. Открой вино для отца.

— Спасибо, Эм. — Маркус, набив рот липкими орехами, уже ввинчивал штопор в пробку. — Ты лучше всех на свете.

Софи под бдительным взором Сары жадно выпила стакан молока и съела печенье. Когда она потянулась за вторым, Сара спросила Натаниэля:

— А где ваша машина?

Странный вопрос для начала, учитывая все обстоятельства.

— Мы пешие.

Натаниэль, в отличие от жены, ни к чему не притронулся.

— Откуда же вы пришли? — недоверчиво спросил Маркус, который уже успел понять, что поблизости не было никаких городов.

— Друг подвез от Дарема до Вашингтона, — объяснила Софи. — Оттуда поездом доехали до Нью-Йорка — этот город мне не очень понравился.

— Потом, опять же на поезде, в Олбани и Сиракьюс и на автобусе в Кейзновию. — Натаниэль предостерегающе тронул жену за руку.

— Не хочет говорить про женщину, которая доставила нас прямо к вашему дому, — улыбнулась Софи. — Она знала, где ваш дом, — каждый Хеллоуин возит сюда детей, потому что здесь живут настоящие колдуньи. Но дорогу и так не пришлось бы искать: дом прямо-таки излучает энергию.

— Зачем было так петлять? — спросил Мэтью.

Натаниэль ощетинился:

— До самого Нью-Йорка за нами следили, но, когда мы сели в обратный поезд на Вашингтон, отстали.

— В Нью-Джерси мы сошли и вернулись. Человек на вокзале сказал, что туристы все время путаются, и даже штраф с нас не взял, правда, Натаниэль?

Судя по всему, железнодорожная компания «Амтрак» оставила у Софи самые приятные впечатления.

— Где думаете остановиться? — продолжал допрос Мэтью.

— Здесь, — твердо сказала Эм. — Машины у них нет, дом отрастил для них комнату, и Софи нужно поговорить с Дианой.

— Да, хорошо бы. Агата сказала, вы можете нам помочь... что-то насчет книги для малыша.

Взгляд Маркуса тут же упал на страницу из «Ашмола-782», выглядывающую из-под организационной схемы рыцарей Лазаря. Он спрятал ее получше и водрузил сверху анализы ДНК.

— Какой книги, Софи? — спросила я.

— Мы не говорили Агате, что родители у меня колдуны, да и Натаниэль об этом узнал, только познакомившись с папой.

Мы уже почти четыре года встречались, и папа заболел и стал терять контроль над своей магией — я не хотела, чтобы Натаниэль испугался. Мы решили пожениться, не устраивая скандала. Агату тогда уже приняли в Конгрегацию — она все время толковала про разделение между созданиями и про то, что бывает, когда нарушаешь правила. Я-то никогда не видела в этом особого смысла, — пожала плечами Софи.

— А книга при чем? — Я попыталась вернуть разговор в нужное русло.

Софи растерянно умолкла, и слово взял ее муж:

— Мать в восторге, что станет бабушкой, — говорит, ребеночек будет одет лучше всех малышей на свете. — Он нежно улыбнулся жене. — Но тут начались эти сны. Нехорошие предчувствия. Для даймона у Софи сильно развита интуиция, и у матери тоже. С самого сентября она видит во сне Диану, слышит ее имя. Софи говорит, созданиям от нее что-то нужно.

Мэтью потрогал клеймо Сату у меня на спине.

— Покажи им фотографию, Натаниэль. Я хотела взять сам кувшин, но он сказал, что мы не потащим такую тяжесть.

Ее муж послушно достал телефон и передал его Саре. Увидев картинку на экране, та ахнула.

— Я занимаюсь гончарным ремеслом, как мама и бабушка, — продолжала Софи. — Бабушка разводила в печи колдовской огонь, а я обхожусь самым обыкновенным, но на моих изделиях проступает все, что я вижу во сне. Не все лица страшные — твое, скажем, нет.

Сара отдала телефон Мэтью.

— Очень красиво, Софи, — искренне похвалил он.

Мне пришлось согласиться. На высоком бледно-сером кувшине с двумя изогнутыми ручками я увидела свой портрет, несколько вытянутый согласно пропорциям. Мой подбородок, мой нос, мои уши, мои брови, глиняные завитушки вместо волос. Глаза закрыты, рот безмятежно улыбается, будто я знаю какую-то тайну и молчу о ней.

— Это тоже тебе. — Софи достала из кармана перевязанный бечевкой маленький сверток. — Как только ребенок зашевелился, я поняла, что это твое. Дитя тоже знает, — может, Агата из-за этого и волнуется. И мы, конечно, понятия не имеем, что

делать, ведь у нас родится колдунья. Агата надеется, что у тебя будут какие-то мысли на этот счет.

Мы напряженно смотрели, как Софи распутывает узлы.

— Извините... Папа на флоте служил — уж завяжет так завяжет...

— Помочь? — предложил Маркус.

— Спасибо, я сама, — улыбнулась Софи. — Без обертки она чернеет, а этого допускать нельзя — она должна оставаться белой.

Наше общее любопытство достигло предела. Стало слышно, как вылизывается Табита. Софи размотала бечевку, развернула клеенку.

— Ну вот. Я хоть и не колдунья, но последняя из рода Норманов. Мы хранили ее для тебя.

Маленькая, не больше четырех дюймов, фигурка была отлита из серебра — такие можно видеть в музейных витринах. Софи повернула ее лицом ко мне.

— Диана, — сказала я, хотя это и так было ясно.

Фигурка богини была выполнена в мельчайших подробностях — от полумесяца на лбу до сандалий. Нога выдвинута вперед, одна рука пашаривает в колчане стрелу, другая лежит на рогах оленя.

— Откуда она у вас? — Голос Мэтью звучал сдавленно, лицо посерело.

— Не знаю. У Норманов ее передают из поколения в поколение. «Когда у кого-то будет нужда в ней, отдай», — сказала бабушка отцу, а отец мне. Клочок бумаги, на котором это было написано, давно потерялся.

— Что это, Мэтью? — Маркус был взволнован, Натаниэль тоже.

— Шахматная фигура, — ответил Мэтью надломленным голосом. — Белая королева.

— Откуда ты знаешь? — засомневалась Сара. — Совсем не похоже на шахматную фигуру.

— Знаю, потому что она моя, — выдавил Мэтью. — Эти шахматы подарил мне отец.

— Как же она оказалась в Северной Каролине?

Фигурка скользнула по столу в мои протянутые руки. В моей ладони она тут же согрелась, оленьи рога впились в кожу.

— Я проиграл пари, а она была ставкой, но насчет Северной Каролины ничего сказать не могу. — Мэтью спрятал лицо в ладонях и чуть слышно добавил: — Кит.

Это ни о чем мне не говорило.

— Ты помнишь, когда в последний раз ее видел? — спросила Сара.

— Прекрасно помню. Играл ею в канун Дня Всех Святых, тогда же проиграл пари.

— Хеллоуин будет на той неделе. — Мириам посмотрела Саре в глаза. — Может быть, в праздник Всех Святых путешествовать во времени проще?

— Мириам! — рявкнул Мэтью, но было поздно.

— Как это — во времени? — шепотом спросил Натаниэль у жены.

— У мамы это хорошо получалось, — прошептала в ответ та. — Из тысяча семисотых она всегда возвращалась с новыми идеями для горшков и кувшинов.

— Твоя мама бывала в прошлом? — Натаниэль посмотрел сначала на разношерстную компанию созданий, а потом на живот Софи. — У колдунов это передается по наследству, наподобие ясновидения?

— В Хеллоуин преграда между живыми и мертвыми почти незаметна, — ответила Сара на вопрос Мириам, — потому и в прошлое из настоящего проскользнуть легче.

— Между живыми и мертвыми? — еще больше заволновался Натаниэль. — Мы просто привезли вам эту штуку, чтобы Софи могла спокойно спать по ночам!

— Хватит ли у Дианы сил? — спросил Маркус у Мэтью.

— В это время года ей и впрямь будет легче отправиться в путь, — рассудила Сара.

— Мне это напоминает посиделки бабушки с ее сестрами, — сообщила довольная Софи. — Никто никого не слушал, но каждая прекрасно знала, кто что сказал.

Дом внес свою лепту в спор, грохнув дверьми — сначала столовой, потом гостиной. Натаниэль, Мириам и Маркус вскочили.

— Что за черт?! — крикнул Маркус.

— Дом, — устало объяснила я. — Пойду посмотрю, что ему надо.

Мэтью, взяв фигурку, пошел за мной.

На пороге гостиной ждала старушка в вышитом корсаже.

— Здравствуйте, мэм, — сказала вышедшая вслед за нами Софи. — Эта леди немного на Диану похожа.

Итак, ты выбрала, по какой дороге идти. Голос старушки звучал тише прежнего.

— Да. Мы выбрали вместе.

Все, кто еще оставался в столовой, вышли и собрались позади меня.

Для путешествия тебе понадобится еще кое-что.

Двери в гостиную распахнулись. За спиной у меня столпились создания, а впереди, у камина, ждали призраки.

Как интересно, сухо молвила возглавлявшая их бабушка.

В стенах загремело, будто кости застучали. Я села в бабушкину качалку — ноги подкашивались.

Между окном и камином появилась трещина, старое дерево заскрипело и содрогнулось. Из трещины вылетело что-то мягкое, с ручками и ножками, и шлепнулось прямо мне на колени. Я вздрогнула.

— Ах ты черт... — выдохнула Сара.

Стенку уже не починишь, с сожалением заметила бабушка.

У посеревшей от времени тряпичной куклы, кроме рук и ног, имелось также некое подобие головы с выцветшими пучками волос. На месте сердца вышили крестик.

— Что это? — Я провела пальцем по неровным стежкам.

— Не трогай! — крикнула Эм.

— Она первая меня тронула.

— Старинная кукла, никогда такую не видела, — сказала Софи.

— Кажется, одна ваша прабабка попала в беду как раз из-за кукол? — нахмурилась Мириам.

— Бриджит Бишоп, — сказали хором Эм, Сара и я.

Старушка в вышитом корсаже стояла теперь рядом с бабушкой.

— Это ваше? — прошептала я.

Бриджит улыбнулась уголками губ.

Держи ухо востро, когда окажешься на распутье, дочка. Там зарыто множество тайн.

Я снова тронула вышитый крестик, и ткань разошлась. Кукла была набита сушеными травами и цветами. По комнате разлился их аромат.

— Рута, — опознала я компонент из чая Марты.

— Клевер, ракитник, спорыш, кора ржавого вяза, — продолжила Сара. — Это приворотная кукла. Объект, возможно, Диана, — но защитные чары на этой вещи тоже имеются.

Умная у тебя девочка выросла, похвалила бабушку Бриджит.

Внутри среди сушеных трав что-то блеснуло. Когда я попыталась достать это что-то, кукла распалась на части.

Вот и конец, вздохнула Бриджит.

Бабушка обняла ее, утешая.

— Сережка.

В золотой оправе мерцала огромная каплевидная жемчужина.

— Какого дьявола делает серьга моей матери в колдовской кукле? — Мэтью опять стал пепельно-серым.

— Может, ее серьги в ту давнюю ночь оказались рядом с шахматной королевой? — предположила Мириам.

И серьга, и фигурка были очень старые — старше куклы, старше самого дома Бишопов.

Мэтью, подумав, кивнул и спросил меня:

— Хватит тебе недели на сборы?

— Не знаю.

— Конечно же хватит, — проворковала Софи, обращаясь к своему животу. — Она все поправит, моя маленькая колдунья. Диана, ты будешь ее крестной. Она так обрадуется!

— Если считать ребенка и не считать призраков, нас в доме девять. — Маркус говорил небрежно, точно как Мэтью в минуты волнения.

— Четыре колдуньи, три вампира, два даймона, — задумчиво перечислила Софи, не отнимая ладоней от живота. — Для тайного круга не хватает одного даймона, а после ухода Мэтью с Дианой нам понадобится еще и вампир. Как насчет вашей матери, Мэтью, — она жива?

— Она устала, — сказал, будто извиняясь, Натаниэль и положил руки жене на плечи. — Ей трудно сосредоточиться.

— Что ты сказала? — переспросила Эм, с трудом сохраняя спокойствие.

— Тайным кругом в старину называли собрания инакомыслящих — спросите их! — Софи кивнула на Маркуса с Мириам.

— Я говорила тебе, что дело не только в Бишопах и де Клермонах, — сказала Эм Саре. — И даже не в том, смогут ли Мэтью и Диана быть вместе. Софи и Натаниэль тоже имеют к этому отношение — речь, как верно сказала Диана, идет о будущем. С Конгрегацией должны бороться не отдельные семьи, а... как это?

— Тайный круг, — с довольной улыбкой повторила Мириам. — Хорошо звучит, правда? Зловеще.

— Твоя мать, похоже, была права, — сказал Мэтью Натаниэлю. — Ваше место здесь, с нами.

— Само собой, — подтвердила Сара. — Ваша спальня наверху, вторая дверь направо.

— Спасибо. — Натаниэль немного успокоился, но Мэтью все еще вызывал у него опасения.

— Будем знакомы: Маркус.

Молодой даймон пожал руку вампиру, почти не заметив, какая она холодная.

— Видишь, милый, зря мы бронировали места в той гостинице, — лучезарно улыбнулась Софи. — А не найдется ли еще печенья?

Глава 40

Несколько дней спустя, когда мы с Мэтью вернулись с прогулки, Софи сидела за кухонным столом с полудюжиной тыкв. В Мэдисоне похолодало — чувствовалось, что не за горами зима.

— Ну как? — Софи повернула к нам тыкву, над которой работала.

Обычная хеллоуинская поделка превратилась в нечто особенное: около рта складки, на лбу морщины, глаза косые, общий эффект — жуть во мраке.

— Замечательно! — одобрил Мэтью.

— Я не совсем уверена насчет глаз. — Софи критически прикусила губу.

— По крайней мере, это глаза, — засмеялась я. — Сара обычно протыкает отверткой три дырки, и все тут.

— В Хеллоуин у колдуний полно дел, на детали времени не хватает. — Сара вышла из буфетной, работа Софи ей тоже понравилась. — Но в этом году нам все соседи будут завидовать.

Софи, застенчиво улыбаясь, взялась за следующую тыкву.

— Эту я сделаю не такой страшной: зачем доводить малышей до слез?

Всю неделю Сара и Эм не покладая рук готовились к ежегодному осеннему сборищу мэдисоновского ковена. Предусматривалась еда, напитки (включая знаменитый пунш Эм, благодаря которому в июле родился по меньшей мере один младенец) и разные штучки, чтобы занять детей и не пускать их к костру после охоты за сладостями. Ловить зубами яблоки, к примеру, куда веселей, если плоды заколдованы.

Поначалу тетушки собирались все отменить, но Мэтью их разубедил.

— В городе удивятся, если вы не станете праздновать Хеллоуин.

Не только Сара и Эм — мы все пребывали в подвешенном состоянии и отсчитывали часы до завтной ночи.

Прошлым вечером Мэтью пересказал свой план: первыми уедут Натаниэль и Софи, за ними Маркус и Мириам. Он полагал, что так наше с ним исчезновение будет не столь заметным, и обсуждению план не подлежал.

Маркус и Натаниэль, выслушав его, переглянулись. Даймон поджал губы и покачал головой, вампир уставился в одну точку, на скулах у него заходили желваки.

— А кто же конфеты раздавать будет? — спросила Эм.

— Мы с Дианой, — вызвался Мэтью.

Маркус и Натаниэль выскочили из комнаты, едва дождавшись, когда все пойдут спать. Заявили, что съездят за молоком, сели в машину Маркуса и умчались.

— Не надо все время командовать, — упрекнула я Мэтью, глядя им вслед. — Они оба взрослые, а Натаниэль женат и скоро станет отцом.

— Если не командовать, по их милости завтра сюда примчится вся вампирская рать.

— Тебя все равно здесь не будет. За командира остается твой сын.

— Как раз это меня и тревожит.

Настоящая наша проблема заключалась в угрозе тестостеронового взрыва. Как только Мэтью с Натаниэлем оказывались в одной комнате, тут же сыпались искры, а разводить спорщиков по углам в переполненном доме было не так-то просто.

В очередной раз они повздорили, когда нам принесли посылку с многочисленными красными надписями «БИОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫЙ МАТЕРИАЛ».

— Что за черт? — спросил Маркус, держа коробку кончиками пальцев.

Натаниэль с тревогой поднял глаза от ноутбука.

— Это мне, — ответил Мэтью, забрав посылку.

— У меня жена беременна! — взвился Натаниэль, захлопнув компьютер. — Как ты мог притащить это в дом?

— Это прививки для Дианы, — едва сдерживая раздражение, сказал Мэтью.

Я отложила журнал.

— Какие прививки?

— Без вакцинации ты в прошлое не отправишься. Пошли в буфетную.

— Скажи сначала, что там внутри.

— Вакцины от столбняка, тифа, полиомиелита и дифтерии. А также другие прививки, которых у тебя, скорей всего, нет, — новая одноразовая от бешенства, от разных вирусов гриппа, от холеры. Ну и оспа, конечно.

— Оспа?

Ее перестали прививать школьникам еще до того, как я родилась, значит у Софи и Натаниэля тоже иммунитета нет.

Мэтью решительно поднял меня с дивана:

— Пойдем, я сказал.

— Будешь меня колоть прямо сейчас?

— Лучше укол сейчас, чем оспа и столбняк завтра.

— Минуту! — Голос у Натаниэля звенел от гнева. — А как же Софи с ребенком? Оспа заразна.

— Объясни ему, Маркус, — приказал Мэтью, пропуская меня вперед.

— Это же вакцина, не настоящая оспа, — стал успокаивать Маркус. — Софи будет в полном порядке, только к Диане пусть не притрагивается.

— Ладно, не буду, — улыбнулась Софи.

— Ты всегда делаешь то, что он тебе велит? — презрительно спросил Натаниэль у Маркуса. — Собирайся, Софи, мы уезжаем.

— Остынь, Натаниэль. Разговоры об отъезде нервируют и дом, и ребенка. Мы остаемся.

Натаниэль злобно посмотрел на Мэтью и сел.

В буфетной вампир заставил меня снять флиску и водолазку, протер мне левую руку спиртом. Дверь скрипнула, вошла Сара.

В спор между Мэтью и Натаниэлем она не вмешивалась, но на посылку смотрела не отрываясь.

Мэтью уже вскрыл клейкую ленту. В пенопластовом контейнере обнаружилось семь пузырьков, упаковка с таблетками,

что-то похожее на соль и странный металлический инструмент с двумя остриями. Мой муж преобразился в отстраненного врача, которого я уже наблюдала в Оксфорде, и моральная поддержка со стороны Сары была весьма кстати.

— Я приготовила тебе старые рубашки, — сообщила она. — Белые, чтобы кипятить можно было. И белые полотенца. Грязное оставь наверху, я сама постираю.

— Спасибо, Сара, это значительно уменьшит риск заражения. — Мэтью выбрал один пузырек. — Начнем со столбняка.

Я морщилась при каждом уколе. На третьем меня бросило в пот, сердце стучало как бешеное.

— Сара, не стой, пожалуйста, за спиной, — попросила я.

Она отошла и принесла мне запотевший стакан с ледяной водой. Я зажала его в руке, стараясь не смотреть, что там делает Мэтью.

Он снова воткнул в меня иглу. Я подскочила.

— Последний, — утешил Мэтью, высыпал похожие на соль кристаллики в очередной пузырек, встряхнул и дал мне. — Холерная вакцина принимается орально. Осталась только оспа, а таблетки будешь пить на ночь.

Я проглотила противную на вкус жидкость, Мэтью распечатал прививочный инструмент с двумя остриями.

— Знаешь, что писал Томас Джефферсон Эдварду Дженнеру? — Голос вампира звучал гипнотически. — Что его вакцина — самое ценное изобретение в истории медицины. — Мэтью протер спиртом мою правую руку и проткнул кожу. — Открытие Гарвея в области кровообращения наш уважаемый президент расценил лишь как «значительный шаг вперед». — Рука Мэтью круговыми движениями втирала в меня вирусы.

Отвлекающая тактика сработала — я слушала, почти не обращая внимания на его манипуляции.

— Джефферсона можно понять, ведь благодаря вакцине Дженнера оспа со временем сделалась лишь отголоском истории. Вакцина избавила род человеческий от одного из самых опасных врагов. — Мэтью убрал пузырек и инструмент в специальный биоконтейнер. — Ну вот и все.

— Ты и Джефферсона знал? — Я уже вообразила себе путешествие в Виргинию восемнадцатого века.

— Не так хорошо, как Вашингтона. Тот был солдат, за которого говорили его дела, а Джефферсон сам любил поговорить, хотя до человека в нем достучаться было непросто. Я бы ни за что не явился к нему без предупреждения, да еще и с пытливой образованной девицей вроде тебя. — Он наложил на место прививки водонепроницаемую повязку. — Это живой вирус, поэтому не развязывай руку и не подпускай к себе Софи с Натаниэлем.

Мэтью тщательно вымыл руки в горячей воде.

— Долго мне так ходить?

— Нарыв должен созреть, а после зарубцеваться. Никому нельзя дотрагиваться, пока совсем не заживет.

Я осторожно надела через голову растянутую домашнюю водолазку.

— А теперь поговорим о вашем с ней путешествии в отдаленное прошлое, — нахмурилась Сара. — В детстве она и правда это проделывала, но задача все равно не из легких.

Мы впустили в буфетную топтавшуюся у двери Эм, и я созналась:

— Не только в детстве, совсем недавно тоже.

— Когда это? — удивился Мэтью.

— Сначала на подъездной дорожке, когда ты звонил Изабо, потом после мучений со свечкой, когда я сразу переместилась в сад. Оба раза я делала шаг и оказывалась там, где хотела.

— Да, похоже на путешествие во времени, — задумчиво протянула Сара. — Уходила ты, правда, недалеко, и ноши при тебе не было. — Она окинула взглядом Мэтью, и на ее лице отразилось сомнение.

— Можно к вам? — постучала в дверь Софи.

— Можно, Мэтью? — спросила Эм.

— Да, только пусть Диану не трогает.

Софи вошла, сложив руки на животе.

— Все нормально, — жизнерадостно сказала она. — Если Мэтью будет чем-то связан с местом их назначения, то он станет для Дианы не обузой, а помощью.

На пороге появилась Мириам:

— Что тут у вас интересного?

— Обсуждаем путешествие во времени, — сказала я.

— Как будешь тренироваться? — Мириам, пройдя мимо Софи, заботливо отодвинула ее к двери.

— Для начала Диана отправится на пару часов назад, — стала объяснять Сара. — Потом чуть дальше. Время и расстояние будем увеличивать постепенно. Потом отправим с ней Мэтью и посмотрим, что из этого выйдет. Поможешь ей, Эм?

— Чем смогу... Стивен рассказывал, как это делается. Заклинаниями он не пользовался, хватало одной его силы. Нам, пожалуй, лучше поступать так же, учитывая, что Диана давно уже путешествует во времени, а с колдовством у нее трудности.

— Может, пойдете в амбар и попробуете? — предложила Сара. — А вернется она сюда.

Мэтью двинулся было за нами, но тетя остановила его.

Лицо мужа снова сделалось пепельным — он даже в другую комнату не хотел меня отпускать, не говоря уже о другом времени.

В амбаре все еще пахло когда-то давным-давно собранным хмелем.

— Замри!— велела Эм, встав напротив. — Ни о чем не думай.

— Прямо как мой учитель йоги. — Я приняла знакомую позу горы.

— Я всегда думала, что у йоги много общего с магией, — улыбнулась она. — Теперь закрой глаза и представь себе буфетную. Надо, чтобы тебе хотелось быть там, а не здесь.

Я восстановила в памяти Сарину мастерскую — мебель, запахи и всех, кто там был.

— А ты как же, Эм?

— Зависит от того, когда ты вернешься. Если до того, как мы ушли, я буду там, если после, то здесь.

— Это против законов физики.

Я побаивалась нагружать вселенную многочисленными Дианами и Эм — или, хуже того, Сарами и Мириам.

— Забудь о физике. Помнишь, что папа тебе написал? «Тот, кто не испытал ощущения тайны, кажется мне мертвецом».

— В общем-то, да, — нехотя согласилась я.

— Пришло время ступить в неизведанное, Диана. Чудо и магия, принадлежащие тебе по праву рождения, только того и ждут. Ну? Где тебе хотелось бы оказаться?

Заполнив сознание образами, я занесла ногу... и опустила ее в том же амбаре.

— Не вышло, — запаниковала я.

— Ты слишком сосредоточилась на деталях. Думай о Мэтью — ты ведь хочешь быть рядом с ним? Магия живет в сердце, не в голове. Это не то что произносить слова и делать нужные пассы — ты должна чувствовать.

— И желать.

Я вспомнила, как сняла «Ноутс энд квайериз» с полки, как Мэтью впервые поцеловал меня в колледже Всех Душ. Услышала его рассказ о Томасе Джефферсоне и Эдварде Дженнере.

— Нет! — В голосе у Эм звенела сталь. — О Джефферсоне не надо. Думай о Мэтью.

— Мэтью...

Сосредоточившись на его холодных пальцах, голосе, на близости, наполняющей меня чувством кипучей жизни, я занесла ногу... и стукнулась о бочку в углу буфетной.

— А вдруг она заблудится? — беспокоился Мэтью. — Как нам ее вернуть?

— Да вот же она, — показала в угол Софи.

Мэтью, резко повернувшись ко мне, шумно выдохнул.

— Долго меня не было? — Я испытывала легкую дезориентацию, но в остальном чувствовала себя хорошо.

— Минуты полторы, — ответила Сара. — Вполне достаточно, чтобы Мэтью запсиховал.

Он прижал меня к себе, уперся подбородком в макушку.

— Ну слава богу. Как скоро я смогу путешествовать вместе с ней?

— Не будем забегать вперед, — осадила его Сара. — Продвигаться надо медленно, шаг за шагом.

— А где Эм? — огляделась я.

— В амбаре, сейчас придет, — радостно прощебетала Софи.

Эм, порозовевшая от холода и волнения, пришла через добрых двадцать минут. Увидев меня рядом с Мэтью, она испытала заметное облегчение.

— Молодчина, Эм! — Сара, обычно не выражавшая своих чувств на людях, поцеловала ее.

— Диана подумала о Томасе Джефферсоне, и я испугалась, что ее занесет в Монтиселло[1]. Но потом она сосредоточилась на своих чувствах, начала расплываться по краям и вдруг пропала.

В тот же день я под руководством Эм прогулялась несколько дальше — к завтраку. С каждым следующим днем путешествия удлинялись. Отправляться в прошлое с помощью трех предметов было гораздо легче, чем возвращаться в настоящее. Второе требовало предельной сосредоточенности и четкого понимания, где и когда нужно очутиться. Пришло время взять с собой Мэтью.

Из-за дополнительной нагрузки Сара настояла, чтобы мы ограничили переменные.

— Отправляйся из того же места, куда хочешь вернуться, — посоветовала она. — Тогда придется думать только о возвращении в определенное время, а о месте не заботиться.

Вечером я увела Мэтью в спальню, не сказав, что его ждет сюрприз. Фигурка богини и золотая серьга из куклы Бриджит Бишоп лежали на комоде перед фотографией моих родителей.

— Мне, конечно, очень хотелось бы побыть здесь с тобой, но ведь ужин скоро, — заметил Мэтью, хотя глаза у него подозрительно блестели.

— Время еще есть. Сара говорит, мы уже можем попутешествовать вместе, — отправимся в первую ночь, которую здесь провели.

— Ту самую, когда в комнате вспыхнули звезды?

Вместо ответа я поцеловала его.

Он выглядел довольным и чуточку смущенным.

— Что мне делать?

— Ничего. — Это для него в путешествии будет труднее всего. — Закрой глаза, расслабься и предоставь остальное мне, как любит говорить Мэтью Клермонт, — злорадно ухмыльнулась я.

Он переплел свои пальцы с моими:

— Колдунья.

---

[1] Монтиселло в штате Виргиния — резиденция Т. Джефферсона, третьего президента США.

— Ты ничего не почувствуешь. Это быстро. Просто сделай шаг, когда скажу. И не отпускай мою руку.

— Ясное дело. — Он еще крепче стиснул ее.

Я вспомнила, как мы тогда впервые остались наедине после моего похищения. Как нежно и гневно он прикасался к моей спине. Установив прочную связь между собой и той ночью, я шепотом сказала:

— Пошли.

Мы вместе шагнули вперед, но путешествие вдвоем отличалось от обычного: я впервые осознавала, что со мной происходит.

Прошлое, настоящее, будущее сплетались вокруг в паутину света и красок. Нити медленно, почти неощутимо двигались, порой едва заметно соприкасались и вновь невесомо разлетались, словно подхваченные ветерком. Эти прикосновения — а их были миллионы — вызывали эхо, порожденное звуком, которого не улавливал слух.

Очарованные безграничными возможностями, мы могли легко потерять крученую, красную с белым нить, ведущую в нужное время. Я заставила себя идти строго по ней, и моя босая нога ступила на половицы.

— Ты говорила, все произойдет быстро, — хрипло сказал Мэтью. — Мне так не показалось.

— Да, на этот раз все вышло иначе. Видел огни?

— Нет, вокруг был сплошной мрак. Я медленно падал куда-то, и только твоя рука удерживала меня. — Он поднес мою ладонь к губам.

В комнате пахло чили, за окнами было темно.

— Можешь сказать, кто сейчас есть в доме?

Мэтью закрыл глаза, принюхался, блаженно вздохнул:

— Сара, Эм, мы с тобой. Никого из молодежи.

Хихикнув, я притянула его к себе.

— Если сюда поселить еще кого-нибудь, дом лопнет, — сказал Мэтью и уткнулся носом мне в шею, но тут же отпрянул. — На тебе повязка — значит мы, отправляясь в прошлое, остаемся такими же, как в настоящем, и помним, что с нами случилось. — Его пальцы забрались под мою водолазку. — Насколько точно

мой умелый путешественник во времени это самое время определяет?

Назад мы не спешили, но вернулись еще до того, как Эм накрошила салат.

— Путешествия во времени тебе на пользу, Мэтью, — всмотревшись в его спокойное лицо, сказала Сара и в награду протянула бокал вина.

— Спасибо, Сара. Я в надежных руках, — отозвался вампир, отсалютовав мне.

— Рада слышать, — сухо обронила она тоном моей призрачной бабушки, бросая нарезанный редис в необъятную миску.

— Откуда вы ее взяли? — Я заглянула в миску, надеясь, что никто не заметит моих припухших губ.

— Дом выдал, — ответила Эм, взбивая веничком соус. — Любит, когда столько народу надо кормить.

На следующее утро дом дал понять, что ожидает еще кого-то.

Мы с Сарой и Мэтью обсуждали, где побывать в следующий раз — в Оксфорде или Сет-Туре, — когда Эм, войдя с охапкой собранного для стирки белья, доложила:

— Сюда кто-то едет.

Мэтью отложил газету:

— Вот и хорошо, мне должны кое-что доставить.

— Это не доставка, и никого еще нет, но дом уже приготовился. — Эм скрылась в прачечной.

— Еще одна комната? Где? — крикнула ей вслед Сара.

— Рядом с Маркусом, — отозвалась Эм из недр стиральной машины.

Мы стали делать ставки, кто это может быть: от Агаты Уилсон до друзей Эм из Черри-Вэлли, любивших заявляться без приглашения под Хеллоуин.

В то же утро кто-то властно постучал в парадную дверь. На пороге стоял небольшого роста человек с умными глазами, знакомый всем по выпускам новостей и фотографиям в рубрике светской хроники. Легкое прикосновение его взгляда отмело последние сомнения.

Загадочным гостем оказался Хэмиш Осборн, друг Мэтью.

— Вы, должно быть, Диана, — сказал он без предисловий, растягивая гласные на шотландский манер.

Темный деловой костюм в узкую полоску сидел на нем безупречно. Комплект дополняли бледно-розовая рубашка с тяжелыми серебряными запонками и галстук цвета фуксии, вышитый черными мушками.

— Да, это я. Здравствуйте, Хэмиш. Мэтью ждет вас? — Я пригласила его войти, но он не спешил.

— Вряд ли ждет. Где он?

— Хэмиш! — Мэтью двигался так быстро, что меня даже овеяло ветерком. — Вот так сюрприз!

— Кстати о сюрпризах. Когда я поступал в... эту вашу семейную фирму, ты клялся, что этого... — Хэмиш потряс конвертом со взломанной черной печатью, — никогда не случится.

— Было дело. — Мэтью опустил руку, которую даймон так и не пожал.

— Вот и видно, чего стоят твои обещания. Из этого письма и разговора с твоей матерью я уяснил, что возникли серьезные осложнения. — Хэмиш мельком посмотрел на меня.

— Да, — поджал губы Мэтью, — но ты ведь девятый рыцарь — тебя это не коснется.

— Ты назначил девятым рыцарем даймона?! — Мириам вышла из столовой вместе с Натаниэлем.

— Кто он вообще такой? — Натаниэль держал в горсти костяшки для скрэббла.

— Хэмиш Осборн, а вы кто? — Таким тоном он, вероятно, разговаривал с мелкими клерками.

Только новой порции тестостерона нам и не хватало.

— Да так, никто, — беззаботно отозвался Натаниэль, прислонился к косяку, пропуская вперед Маркуса.

— Зачем ты здесь, Хэмиш? — Задав свой вопрос, Маркус увидел письмо и понимающе протянул: — А-а...

Усопшие Бишопы стекались в гостиную, дом ерзал на фундаменте.

— Может быть, зайдете все-таки? Дом беспокоится, видя у себя на пороге гневного даймона.

— Входи, Хэмиш. — Мэтью попытался силой втащить его в холл. — Маркус и Сара еще не весь виски прикончили. Нальем тебе стаканчик и посадим тебя у огня.

Но Хэмиш не сдвинулся с места.

— От твоей матери, которая гораздо охотнее отвечает на вопросы, чем ты, я узнал, что тебе нужно кое-что привезти. И решил выручить Алена, поскольку все равно к тебе собирался — спросить, какого черта происходит. — Он предъявил нам пузатый кожаный портфель со сложным замком и небольшой чемоданчик.

— Спасибо, Хэмиш. — Мэтью, несмотря на дружеский тон, был явно недоволен тем, что его распоряжениями пренебрегли.

— Хорошо, кстати, что французам наплевать на британское национальное достояние. Представляешь, сколько бумажек пришлось бы оформить, чтобы вывезти это из Англии? Если бы я вообще получил разрешение на вывоз, что очень сомнительно.

Мэтью, забрав у Хэмиша портфель, наконец-то втащил друга в дом.

— Маркус, познакомь Хэмиша с хозяйками, а я займусь багажом.

— А, это вы, — расцвела вышедшая из столовой Софи, ее живот выпирал из-под майки с эмблемой Университета Северной Каролины. — Совсем как Натаниэль — я настоящая недотепа рядом с вами обоими. Ваш портрет на моей керамике тоже имеется.

Хэмиш смотрел на нее, польщенный и растерянный одновременно.

— В доме есть еще кто-то? — спросил он меня, склонив голову набок, точно любопытная птичка.

— Полно народу, только вы их не увидите, — сообщила Софи.

— Пойдемте, представлю вас тетушкам, — торопливо вмешалась я.

— Колдуньям?

Невозможно было догадаться, о чем он думает, — лицо даймона не выражало ничего, почти как у Мэтью.

— Да, именно.

Мы с Маркусом познакомили Хэмиша с Эм. Она тут же принялась суетиться, но рассердила его гораздо меньше, чем я или Мэтью. Сара только-только вышла из буфетной, услышав шум.

— Вот у нас и составился тайный круг, — сказала ей Софи, беря свежевыпеченное печенье из сложенной на кухонном столе горки. — Три колдуна, три даймона, три вампира, итого девять.

— Похоже на то. — Сара посмотрела сперва на Хэмиша, а потом на Эм, мечущуюся по кухне, словно обезумевшая пчела. — Не думаю, что наш новый гость будет пить чай или кофе, Эм. В столовой еще остался виски?

— У нас с Дианой эта комната именуется штабом. — Софи фамильярно взяла Хэмиша под локоть. — Хотя вряд ли получится воевать так, чтобы люди ничего не заметили. Больше мы нигде не помещаемся, а там в самый раз — иногда и привидения протискиваются.

— Привидения? — Хэмиш ослабил узел галстука.

— Все в столовую, — распорядилась Сара, взяв его под другой локоть.

В штабе пахло горячим воском. Когда все разместились вокруг стола с излюбленными напитками в руках, слово взял Мэтью.

— У Хэмиша есть вопросы к нам, у Софи и Натаниэля тоже. Думаю, говорить буду я, поскольку это касается меня и Дианы.

Он набрал побольше воздуха в грудь и начал рассказывать про «Ашмол-782», рыцарей Лазаря, взломы в Оксфорде, Сату и Ла-Пьер и даже про ярость, охватившую Болдуина. Не забыл упомянуть тряпичную куклу, серьгу и кувшин с портретом.

— Мэтью Клермонт, — прошипел Хэмиш, когда дело дошло до путешествий во времени и необходимых для этого трех предметов, — значит, я вез из Сет-Тура именно это? Диана знает?

— Пока нет, — немного смутился Мэтью. — Узнает на Хеллоуин.

— Да уж, на Хеллоуин поневоле придется, — безнадежно вздохнул Хэмиш.

Разговор получился не из легких, но напряжение только дважды чуть не вылилось в открытую стычку — между Мэтью и Натаниэлем, само собой.

Первый раз, когда Мэтью стал объяснять Софи, какой будет война: внезапные атаки, заклятая вражда вампиров и колдунов,

страшные смерти. Одни создания будут использовать против других магию, заклинания, грубую силу, скорость и сверхъестественное коварство.

— Войны теперь ведутся не так, — заявил Натаниэль.

— В самом деле? — вскинул бровь Мэтью.

— У нас не тринадцатый век — теперь принято воевать на компьютерах, а не схватываться врукопашную. — Он показал на буфет, где стоял его ноутбук. — С ними можно одолеть врага без крови и выстрелов.

— Век, может, и не тринадцатый, но некоторые бойцы еще помнят те времена и склонны из сентиментальных побуждений убивать врага по старинке. Предоставь это мне и Маркусу.

Натаниэль покачал головой и уставился в стол.

— Еще замечания будут? — зловеще промурлыкал Мэтью.

— Ты ясно дал понять, что намерен действовать, как сочтешь нужным, — что ж, будь по-твоему, — ответил на вызов Натаниэль. — Имей только в виду, что враг современными методами не станет пренебрегать. И с людьми тоже надо считаться — они заметят, если на улицах начнутся бои колдунов с вампирами.

Ко второму столкновению Мэтью с Натаниэлем привела уже не война, а кровь. Началось все достаточно невинно, когда Мэтью упомянул об Агате Уилсон и колдовской наследственности Софи.

— Нужно обязательно проверить ДНК ваших родителей — и ребенка тоже, когда он родится.

Маркус и Мириам кивнули, остальные слегка опешили.

— Натаниэль и Софи ставят под сомнение твою теорию о происхождении даймонов, — догадалась я. — Раньше ты считал, что причиной их рождения являются непредсказуемые мутации, а не наследственность.

— Слишком мало фактов. — Мэтью разглядывал Хэмиша и Натаниэля с бесстрастием ученого, изучающего два свежих образца. — Мои выводы вполне могли быть неверными.

— Случай Софи наводит также на мысль, что даймоны связаны с колдунами теснее, чем мы полагали. — Черные глаза Мириам уставились на выступающий под футболкой живот Софи. — Никогда не слышала, чтобы у колдуньи рождался даймон, а уж чтобы даймон произвел на свет колдуна...

— Так я и позволил банде вампиров брать кровь у Софи и ребенка! — едва сдерживаясь, выпалил Натаниэль.

— Диана здесь не единственная, кого Конгрегация хочет обследовать. — Мирный тон Мэтью Натаниэля не успокоил. — Твоя мать послала вас сюда как раз потому, что предчувствовала недоброе. В один прекрасный день твои жена и ребенок могут исчезнуть, и больше ты их не увидишь.

— Хватит! — резко сказала Сара. — Незачем их пугать.

— И не трогай мою семью, — тяжело дыша, добавил Натаниэль.

— Я для них не опасен, — ответил Мэтью. — Опасность исходит от Конгрегации, от войны, которая того и гляди вспыхнет между нашими тремя видами, — а опаснее всего притворяться, что никакой опасности нет.

— Они придут за нами, Натаниэль. Я видела, — решительно сказала Софи; ее сосредоточенное лицо напомнило мне Агату Уилсон.

— Почему же ты мне не сказала?

— Я хотела сказать Агате, но она испугалась и велела мне замолчать, а потом назвала имя и возможный адрес Дианы. — К Софи вернулся ее обычный рассеянный вид. — Хорошо, что мать Мэтью жива, — ей мои работы понравятся. Ее портрет на них тоже появится. Можешь взять у меня кровь когда хочешь, Мэтью, и у ребенка тоже.

Это заявление положило конец спорам. Мэтью, обсудив все, что полагал необходимым, взял со стола конверт, запечатанный черным воском.

— Осталось уладить лишь одно дело. Хэмиш, это тебе.

— Э нет. — Тот скрестил руки на груди. — Отдай Маркусу.

— Ты девятый рыцарь, но в то же время сенешаль ордена и мой заместитель. Мы должны соблюдать протокол.

— Кому и знать, как не Мэтью, — заметил Маркус. — Он единственный Великий магистр в истории ордена, уходивший в отставку.

— Дважды уходивший, — уточнил Мэтью.

— К чертям протокол! — грохнул кулаком по столу Хэмиш. — Выйдите все, кроме Натаниэля, Мэтью и Маркуса. Пожалуйста, — спохватившись, добавил он.

— С чего это? — заартачилась Сара.

— Вы тоже останьтесь, — поразмыслив, разрешил Хэмиш.

Впятером они до вечера затворились в столовой. Один раз измотанный Хэмиш выглянул и попросил сделать сэндвичи (печенье, пожаловался он, давно закончилось).

— Неужели только мне одной кажется, что мужчины там курят сигары и говорят о политике? — Я старалась отвлечься, то и дело переключая старые фильмы на вечерние телепрограммы.

Эм и Софи вязали, Мириам решала задачу из книги «Дьявольски заковыристое судоку», делая на полях пометки.

— Что ты там пишешь, Мириам? — спросила Софи.

— Считаю очки.

— О чем же они говорят? И кто побеждает? — Я позавидовала острому вампирскому слуху.

— Составляют планы военных действий. Кто побеждает, Мэтью или Хэмиш, судить пока рано. Маркус и Натаниэль тоже предложили кое-что ценное, Сара отстаивает свою точку зрения.

Уже стемнело, и мы с Эм готовили ужин, когда совещание наконец завершилось. Натаниэль и Софи тихо разговаривали в семейной. Мэтью поцеловал меня и сказал:

— Мне надо сделать пару звонков. — Его напряженное лицо не вязалось с мягкостью тона.

Видя, как он устал, я решила повременить с вопросами и ответила:

— Да, конечно. Не торопись, с ужином мы не меньше часа провозимся.

Он поцеловал меня еще раз, покрепче, и вышел через заднюю дверь.

Сара устремилась следом, чтобы выкурить сигаретку.

— Мне надо выпить, — простонала она на ходу.

В клубах Сариного дыма я едва различала Мэтью, шагающего через сад к хмелевому амбару. К моей шее прикоснулся взгляд Хэмиша.

— Вы уже совсем поправились? — спросил он.

— А вы как думаете?

Хэмиш с самого начала не скрывал своей неприязни ко мне — ну и я не стану с ним церемониться.

Мы оба видели белый блик в темноте — это Мэтью запустил руку в волосы и скрылся в амбаре.

— «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чащи», — процитировал Хэмиш Блейка[1]. — Эти стихи мне всегда напоминают о нем.

Отложив нож, я повернулась к нему:

— Что у вас на уме, Хэмиш?

— Вы уверены в нем, Диана?

Эм вытерла руки о фартук и вышла, грустно посмотрев на меня.

— Да. — Я смотрела ему прямо в глаза, стараясь взглядом выразить, что доверяю Мэтью всецело.

Хэмиш спокойно кивнул:

— Я все думал, останетесь ли вы с ним, узнав, кем он был, кем остается до сих пор, но вы, похоже, не боитесь держать тигра за хвост.

Я молча взяла нож и принялась резать овощи.

— Будьте осторожны, — придержал мою руку Хэмиш. — Там, куда вы отправитесь, Мэтью станет совсем другим.

— Ничего подобного. Мой Мэтью останется точно таким же.

— Ошибаетесь.

Хэмиш знал Мэтью гораздо дольше, чем я, а еще знал, что́ лежит в кожаном портфеле, и потому догадался, куда и в какое время мы отправляемся. Я знала только, что мы должны перейти в прошлое до 1976 года — туда, где Мэтью играл с кем-то в шахматы.

Хэмиш вышел на крыльцо к Саре — теперь в небо поднимались две струйки дыма.

— Как там, порядок? — спросила я вернувшуюся Эм.

Мириам, Маркус, Натаниэль и Софи смотрели телевизор в семейной.

— Да. А ты как?

— Отлично.

Я всматривалась в темный сад, поджидая Мэтью.

---

[1] Перевод С. Маршака.

Глава 41

Накануне Хеллоуина у меня начался мандраж.

— Что-то я нервничаю, — сказала я Мэтью еще утром, в постели.

Он отложил книгу и обнял меня:

— Знаю. Ты нервничала еще до того, как открыла глаза.

В доме уже вовсю кипела жизнь: принтер в кабинете Сары выплевывал одну страницу за другой, телевизор бубнил, работающая на износ сушилка жалобно подвывала. Сара и Эм, судя по аромату, пили далеко не первую чашку кофе, в одной из спален гудел фен.

— Мы проспали дольше всех? — Я попыталась успокоить трепыхающийся желудок.

— Похоже на то, — с улыбкой и тенью беспокойства ответил Мэтью.

В кухне Сара жарила яичницу по индивидуальным заказам, Эм доставала из духовки противни с кексами, а Натаниэль запихивал эти кексы в рот целиком один за другим.

— Где Хэмиш? — спросил Мэтью.

— В кабинете: ему принтер понадобился. — Сара бросила на него долгий взгляд и вернулась к своей сковородке.

Маркус оторвался от скрэббла, прихватил горсть орехов и вышел пройтись с отцом. Запах кексов исторг у него стон неутолимого желания.

— Что, собственно, происходит? — спросила я.

— Хэмиш играет в юриста, — ответила Софи, намазывая кекс маслом. — Готовит бумаги на подпись.

Немного позже даймон созвал всех в столовую, куда мы явились с кружками и стаканами. Хэмиш, судя по виду, совсем не

спал. На столе рядом с аккуратными стопками печатных страниц лежали палочки черного воска и две печати рыцарей Лазаря, большая и малая. Сердце у меня ушло в пятки, а потом подскочило к горлу.

— Можно садиться? — Эм налила Хэмишу кружку из свежезаваренного кофейника.

— Спасибо, Эм. — Хэмиш указал мне и Мэтью два стула, которые поместил во главе стола. — Вчера, — начал он, взяв в руки первую стопку, — мы столкнулись с некоторыми практическими вопросами, вытекающими из сложившейся ситуации.

Я снова уставилась на печати.

— Поменьше официоза, Хэмиш, будь так любезен. — Ладонь Мэтью легла мне на спину.

Хэмиш сердито посмотрел на него и продолжил:

— В Хеллоуин Диана и Мэтью, как и планировалось, отправятся в прошлое. Все прочие распоряжения, данные Мэтью кому бы то ни было, отменяются. — Этот пункт доставил Хэмишу особое удовольствие. — Мы согласились, что нам всем будет лучше... исчезнуть на некоторое время. Прежнюю жизнь всем придется пока отложить. Эта доверенность, Диана, — Хэмиш положил передо мной документ, — дает право мне или другому сенешалю рыцарей Лазаря действовать от вашего имени.

Доверенность придавала нашему абстрактному путешествию пугающую реальность.

Мэтью достал из кармана перьевую ручку.

Я кое-как накарябала подпись непривычным пером. Мэтью плюхнул на лист черную восковую кляксу и приложил свою личную печать.

— Еще вам нужно подписать два письма, — продолжал Хэмиш. — Одно уведомляет организаторов конференции, что доклад прочесть вы не сможете. В другом вы просите об отпуске по состоянию здоровья, его также подпишет ваш врач, доктор Маркус Уитмор. Если к апрелю вы не вернетесь, я перешлю его в Йель.

Я подписала то и другое дрожащей рукой, прощаясь с двадцать первым столетием.

Хэмиш, явно собираясь с духом, взялся за край стола:

— Мы не знаем, когда Диана и Мэтью вернутся к нам. — Он не сказал «вернутся ли», но это витало в воздухе. — Если кто-то из де Клермонов отправляется в долгое путешествие, в мои обязанности входит привести в порядок его дела. Диана, например, не оставила завещания.

— Да мне и завещать нечего... машины и той нет.

— Это не совсем так, верно, Мэтью?

— Дай-ка мне, — с неохотой сказал тот, и Хэмиш вручил ему толстую пачку листов. — Я составил это, когда последний раз ездил в Оксфорд.

— Еще до Ла-Пьера, — вспомнила я.

Мэтью кивнул:

— Это, можно сказать, наш брачный контракт. Согласно ему, к тебе переходит треть моего состояния — даже в том случае, если ты уйдешь от меня.

Он так решил еще до приезда домой, до того, как мы по вампирским обычаям заключили союз на всю жизнь.

— Я никогда тебя не оставлю, и твоего состояния мне не надо.

— Ты даже не знаешь, что сюда входит. — Мэтью пододвинул контракт ко мне.

Входило туда столько, что глаза разбегались. Ошеломительные денежные суммы, дом в центре Лондона, квартира в Париже, вилла в окрестностях Рима, Олд-Лодж, дом в Иерусалиме, недвижимость в других городах от Венеции до Севильи, самолеты, автомобили...

— У меня есть постоянная работа, и ничего такого мне не нужно. — Я отодвинула документ.

— Тем не менее это твое, — ворчливо заметил Мэтью.

Хэмиш сначала дал немного опомниться, а потом снова огорошил:

— Итак, вы единственная наследница Мэтью, а после смерти Сары вам отойдет ее дом — при условии, что Эмили сможет в нем жить. Как видите, вам есть чем распорядиться, и мне нужно знать как.

— Не хочу говорить об этом.

Воспоминания о Сату и Жюльет были еще свежи, смерть затаилась где-то совсем близко. Я встала, но Мэтью удержал меня за руку:

— Ты должна, mon coeur. Не надо обременять этим Сару и Маркуса.

Я опять села и задумалась, как поступить с баснословным богатством и ветхим фермерским домом.

— Я хочу поделить все поровну между нашими детьми. Это подразумевает всех детей Мэтью, вампирских и биологических, — тех, кого он создал сам, и тех, которые могут родиться у него от меня. Им же после Эмили достанется и дом Бишопов.

— Я обо всем позабочусь, — заверил Хэмиш.

Оставшиеся документы лежали в трех конвертах. Два из них были скреплены печатью Мэтью, третий обернут черной с серебром лентой. На ней висел черный восковой диск величиной с десертную тарелку — оттиск большой печати рыцарей Лазаря.

— Осталось распорядиться делами братства. Отец Мэтью основал орден Рыцарей Лазаря для защиты тех, кто сам себя защитить не может. Мало кто из созданий помнит о нас, но мы все еще существуем и продолжим существовать, даже когда Мэтью с нами не будет. Завтра Мэтью официально сложит с себя должность Великого магистра и передаст ее своему сыну Маркусу.

Хэмиш отдал Мэтью два конверта с его личной печатью, а третий, с большой, вручил Натаниэлю. Мириам вытаращила глаза.

— Как только Маркус примет на себя новые обязанности (что он сделает незамедлительно!), — сказал Хэмиш, сурово глядя на Маркуса, — он позвонит Натаниэлю, который дал согласие занять в нашей фирме пост одного из восьми местных магистров. Вскрыв печать на конверте со своим назначением, Натаниэль станет рыцарем Лазаря.

— Нельзя же принимать в братство все новых и новых даймонов! — ужаснулась Мириам. — Как, собственно, Натаниэль будет сражаться?

— А вот так... — Даймон пошевелил пальцами. — На компьютере. — Он свирепо взглянул на Софи и не менее свирепо добавил: — Я не позволю, чтобы мою жену или дочь постигла участь Дианы.

После общей ошеломленной паузы Хэмиш сел, переплел пальцы и сказал:

— Это еще не все. Мириам думает, что война будет, но я с ней не согласен. Война уже началась.

Теперь все смотрели только на Хэмиша. Он был прирожденным лидером — стоит ли удивляться, что его хотели выбрать в парламент и что Мэтью сделал его своим заместителем.

— Все присутствующие здесь понимают, почему стоит сражаться на этой войне. Причина в Диане и в тех преступлениях, на которые готова пойти Конгрегация, чтобы разгадать тайны унаследованной ею силы. Вторая причина — «Ашмол-782», который, попав в руки колдунов, будет утрачен для нас навсегда. Третья — наше общее убеждение, что любовь между созданиями различных рас запрещать нельзя.

Хэмиш обвел нас взглядом, проверяя, достаточно ли внимательно мы слушаем.

— Узнав о нашем конфликте — а это скоро произойдет, — люди поневоле вынуждены будут признать, что среди них живут даймоны, вампиры и колдуны. Именно тогда нам и придется собрать тайный круг, о котором говорила Софи. Нашей — круга и рыцарей Лазаря — задачей будет помочь людям разобраться в происходящем в атмосфере истерии и смятения. И свести смерти и разрушения к минимуму.

— Изабо ждет вас всех в Сет-Туре, — спокойно уведомил Мэтью. — Это, пожалуй, единственное место, куда не посмеют вторгнуться другие вампиры. Сара с Эмили попытаются сдержать колдунов. Возможно, тут поможет имя Бишопов. Софи с младенцем воспользуется защитой рыцарей Лазаря.

— Значит, разъедемся кто куда, — кивнула Сара, — и вновь соберемся у де Клермонов. Там и решим, что делать дальше, — решим сообща.

— С Маркусом во главе. — Мэтью поднял наполовину полный бокал. — За Маркуса, Натаниэля и Хэмиша. Долгих и честных лет.

— Давно я не слыхала этого тоста, — сказала Мириам.

Маркуса и Натаниэля порядком смутила оказанная им честь, утомленный Хэмиш принял ее как должное. Все трое, надо сказать, выглядели чересчур молодо, чтобы задумываться о долголетии.

Эм собрала на кухне грандиозный обед. Мы толклись в семейной, оттягивая момент прощания.

Первыми отправились Софи с Натаниэлем. Маркус погрузил их скудные пожитки в багажник своей синей машины. Пока он и Натаниэль совещались, сдвинув белокурые головы, Софи прощалась с Сарой и Эм. Меня изгнали в гостиную, чтобы избежать нечаянного физического контакта.

— Мы ведь не навсегда расстаемся, — сказала мне Софи из холла.

На перила лестницы упал солнечный луч, мой третий глаз раскрылся, и я увидела нас обеих — мы обнимались.

— Конечно нет, — подтвердила я.

Софи кивнула, будто и ей открылось нечто подобное.

— А я что говорю. Может быть, ребенок уже родится к твоему возвращению. Помни: ты ее крестная!

Мэтью и Мириам тем временем расставили вдоль подъездной дорожки приготовленные к празднику тыквы, и Сара мановением руки зажгла их. До сумерек было еще далеко, но зато Софи могла представить, как ее творения будут смотреться на Хеллоуин. Она захлопала в ладоши, сбежала с крыльца, обнялась поочередно с Мэтью и Мириам. Последнее объятие предназначалось Маркусу, бережно усадившему ее рядом с мужем.

— Спасибо за машину! — крикнула она, восхищенно трогая натуральное дерево приборной панели. — Натаниэль раньше быстро ездил, а теперь ползает, как старушка, — из-за ребенка.

— Вот и хорошо, — сказал Мэтью тоном заботливого папаши. — Позвоните, когда будете дома.

Мы помахали им вслед, Сара погасила тыквы, и все ушли в дом. Остались только мы с Мэтью.

— У меня все готово, Диана, — сказал, выйдя на крыльцо, Хэмиш.

Он ехал в Нью-Йорк, чтобы оттуда вылететь в Лондон.

Я подписала завещание в двух экземплярах, Сара и Эм засвидетельствовали. Хэмиш свернул один экземпляр, спрятал в металлический тубус, закрепил черные с серебром ленты на обоих концах, оттиснул на воске печать Мэтью. Проделав это,

он учтиво простился с Мириам, а Эм и Сару поцеловал и пригласил остановиться у него на пути в Сет-Тур.

— Звоните, если что-то понадобится, — сказал он, напоследок сжав руку Сары. — Телефоны я вам оставил.

Дошла очередь и до меня. Хэмиш поцеловал меня в одну щеку, потом в другую.

— До свидания, Хэмиш. — Я поцеловала его в ответ. — Спасибо за все. Благодаря тебе Мэтью стал гораздо спокойнее.

— Это моя работа, — сказал он с наигранной веселостью и добавил, понизив голос: — Помнишь, что я тебе говорил? На помощь ты не сможешь позвать, даже если захочешь.

— Не захочу, — ответила я.

Мэтью ждал у черной машины, взятой Хэмишем напрокат. Мотор завелся, и вскоре уже красные огни исчезли вдали.

Расстроенный из-за отъезда гостей, дом шумно двигал мебель и стонал, когда мы переходили из комнаты в комнату.

— Мне будет их не хватать, — посетовала Эм, принимаясь готовить ужин.

Дом отозвался сочувственным вздохом.

Сара забрала у нее нож и скомандовала:

— Ну, марш! В Сет-Тур и обратно. Как вернешься, нарежешь салат.

После долгих споров мы выбрали для путешествия ту ночь, когда я нашла в библиотеке Мэтью «Происхождение видов».

Но перенести Мэтью в Сет-Тур оказалось гораздо трудней, чем я ожидала. Он держался за мою талию, поскольку руки у меня были заняты тремя необходимыми предметами — его ручкой и двумя книгами. А потом мы застряли.

Будто невидимые руки не давали мне шагнуть в Сет-Тур. Чем дальше в прошлое мы уходили, тем плотнее оплетали нити времени мою ногу, тем упорнее цеплялись за Мэтью.

В конце концов мы все же оказались в его кабинете. Здесь ничего не переменилось: в камине горел огонь, на столе стояла бутылка без этикетки.

Я бросила свою ношу на диван, вся дрожа от изнеможения.

— Что-то не так? — спросил Мэтью.

— Слишком много прошлых слились воедино — я никак не могла пробраться и боялась, что ты меня выпустишь.

— А я ничего такого и не заметил. Чуть дольше прежнего, но я думал, что так и надо, учитывая время и расстояние.

Мы выпили немного вина и обсудили, стоит ли спускаться. Желание увидеть Изабо с Мартой перевесило все прочие доводы, и я пошла в спальню переодеться. Мэтью помнил, что в тот вечер я была в синем свитере, который нам подходил идеально: высокий ворот скрывал бинт на шее.

Когда я спустилась, Мэтью с улыбкой сказал:

— Такая же красивая, как тогда. Даже еще красивее. — За этим, конечно, последовал поцелуй.

— Осторожно, — засмеялась я. — Ты тогда еще не решил, любишь меня или нет.

— Очень даже решил, только тебе пока не сказал. — Он снова меня поцеловал.

Обе женщины сидели там, где им полагалось, — Марта с детективом, Изабо с газетами. Разговор, возможно, получился не совсем тот же, но это большого значения не имело. Труднее всего мне пришлось, когда Мэтью танцевал с матерью. Он кружил ее с задумчивой грустью и на этот раз сгреб в объятия, когда танец закончился. Потом он пригласил меня. Я тихонько пожала ему руку, выражая сочувствие.

— Спасибо, — шепнул он мне на ухо и поцеловал меня в шею, чего в прошлый раз тоже не делал.

Вечер завершился, как и тогда: Мэтью объявил, что отведет меня спать. Мы пожелали Изабо и Марте спокойной ночи, зная, что прощаемся с ними надолго. Обратное путешествие прошло почти так же, но теперь я уже не паниковала, чувствуя сопротивление времени, и думала только о том, что должна помочь Эм. Салат я действительно успела нарезать.

За обедом Сара и Эм развлекали вампиров рассказами о моем детстве. Когда они выдохлись, Мэтью стал припоминать катастрофические сделки с недвижимостью, которые заключал Маркус в девятнадцатом веке, огромные инвестиции в сфере технологий, на которых тот погорел в двадцатом и его слабость к рыжеволосым красоткам.

— Вот почему ты мне сразу понравился. — Сара пригладила собственную рыжую шевелюру и подлила Маркусу виски.

Настало ясное утро тридцать первого октября. В наших лесах на Хеллоуин может и снег выпасть, но сегодняшняя погода ничего такого не предвещала. Маркус и Мэтью гуляли дольше обычного, я засиделась за чаем и кофе с Сарой и Эм.

Когда зазвонил телефон, мы все подскочили. Трубку взяла Сара, и по ее репликам мы поняли, что этого звонка она не ждала.

Поговорив, она вернулась в семейную (мы опять стали помещаться за маленьким столом) и сказала:

— Это Фэй. Они с Дженет сейчас у Хантеров. Совершают осенний вояж в своем автофургоне и зовут нас с собой — сначала в Аризону, потом в Сиэтл.

— Богиня зря времени не теряла, — с улыбкой заметила Эм (они с Сарой уже несколько дней обсуждали, как бы уехать из Мэдисона, не вызвав сплетен). — Прекрасно все вышло. Поедем с ними, а потом отправимся к Изабо.

Мы загрузили старенькую машину Сары сдой и другим багажом. Когда в зеркале заднего вида отражались уже одни только пакеты и сумки, тетушки принялись отдавать распоряжения.

— Конфеты на кухонном столе, — разъясняла Эм. — Мой костюм висит на двери буфетной с той стороны — тебе будет как раз. Чулки не забудь, детям они очень нравятся.

— Не забуду, — пообещала я. — И шляпу тоже, хотя это просто смешно.

— Обязательно надень шляпу! — возмутилась Сара. — Это традиция. И камин перед уходом не забудь погасить. Табиту надо покормить ровно в четыре, иначе будет скандал.

— Ты же нам записку оставила — там все сказано, — напомнила я, похлопав Сару по плечу.

— Позвоните Хантерам, когда Мириам и Маркус уедут. Дайте нам знать, — попросила Эм.

— Держите. — Мэтью с ухмылкой вручил ей свой телефон. — Свяжитесь с Маркусом сами. Там, куда мы уйдем, нет приема.

— Ты уверен? — засомневалась Эм.

Мы все привыкли считать этот мобильник неотъемлемой частью Мэтью — странно было видеть телефон в руке у кого-то другого.

— Абсолютно. Я стер почти всю информацию, но оставил несколько номеров. Будет что-то нужно — звоните. Увидите что-то странное — тоже. Изабо или Хэмиш заберут вас отовсюду, где бы вы ни были.

— У них вертолеты есть, — шепотом пояснила я, взяв Эм под руку.

Зазвонил телефон Маркуса.

— Натаниэль, — сообщил он, посмотрев на дисплей, и вышел, как всегда делал его отец, — сам он раньше так не секретничал.

Мэтью с грустной улыбкой посмотрел сыну вслед.

Эти двое наживут себе кучу хлопот, но Маркусу хотя бы будет не так одиноко.

— Доехали благополучно, — сказал Маркус, вернувшись, и запустил себе руку в волосы, тоже совсем как Мэтью. — Давайте прощаться, а потом я позвоню Хэмишу.

Эм долго обнимала его, обливаясь слезами.

— Нам тоже позвони, — велела она. — Мы должны знать, что у вас с Мириам все в порядке.

— Будь осторожен. — Сара, зажмурившись, обняла его крепко-крепко. — И не сомневайся в себе.

После более сдержанного прощания с Мириам настал мой черед.

— Мы так гордимся тобой. — Эм, не переставая лить слезы, взяла в ладони мое лицо. — И родители бы тоже гордились. Берегите друг друга.

— Будем беречь, — заверила я, вытирая ее мокрые щеки.

— Слушайся своих наставников, кем бы они ни были, — поучала Сара, держа меня за руки. — Сначала выслушай, а уж потом говори «нет». От природы ты одарена больше всех известных мне колдунов — возможно, больше всех, что когда-либо жили на свете. Я рада, что это не пропадет втуне. Магия — такой же дар, как и любовь. Я вручаю тебе нечто бесценное, Мэтью, — смотри же не подведи.

— Не подведу, Сара.

Наспех поцеловавшись с нами, она помчалась к машине.

— Саре трудно даются прощания, — пояснила Эм. — Тебе, Маркус, мы позвоним завтра.

Она села рядом с Сарой, помахала нам, и автомобильчик, подскакивая на подъездной дорожке, повернул к городу.

Вампиры уже стояли в холле с дорожными сумками.

— Мы решили, что вам нужно немного побыть вдвоем, — сказала Мириам. — Ненавижу долгие проводы. Увидимся, когда вернетесь.

Она спустилась с крыльца, оставив поклажу Маркусу.

Мэтью, покачав головой, взял из столовой конверт и вручил его сыну.

— Никогда не рвался стать Великим магистром, — сказал тот.

— А я, по-твоему, рвался? Филипп взял с меня обещание, что братство не достанется Болдуину — пришлось сдержать слово. О том же я прошу и тебя.

— Хорошо, обещаю. Жаль, конечно, что ты уходишь.

— Прости меня, Маркус. — Сглотнув комок, я дотронулась до его холодной руки.

— За что? — искренне улыбнулся он. — За то, что отец с тобой счастлив?

— За то, что из-за меня оказался в таком положении.

— Если ты о войне, то она меня не пугает. Страшно брать на себя командование после Мэтью — вот в чем все дело. — Маркус взломал печать, и этот незначительный жест сделал его Великим магистром рыцарей Лазаря.

— Je suis a votre commande, seigneur, — склонил голову Мэтью.

Болдуин в аэропорту Ла-Гуардия произнес те же слова, но сейчас они звучали совсем по-другому, потому что были сказаны от чистого сердца.

— В таком случае приказываю тебе вернуться и снова возглавить рыцарей Лазаря, пока я все дело не запорол. Я не француз и уж точно не рыцарь.

— Французской крови в тебе не так уж и мало, притом ты единственный, кому я могу доверить эту работу. Не забывай про свой знаменитый американский шарм. Глядишь, тебе еще и понравится.

Маркус нажал кнопку «8» на своем телефоне.

— Готово. Да, спасибо, — сказал он, а потом повернулся к отцу. — Натаниэль вступил в должность. Оказывается, он здорово говорит по-французски.

Маркус ненадолго отошел, чтобы закончить разговор с даймоном, а потом вернулся.

Отец и сын посмотрели друг другу в глаза. Рукопожатие, хлопок по спине — ритуал, отработанный за многие сотни прощаний. Нежно поцеловав меня и пожелав всего доброго, Маркус ушел.

Я взяла Мэтью за руку.

Мы с ним остались одни.

Глава 42

— Никого, кроме нас и призраков.

В животе у меня заурчало.

— Какое у тебя любимое блюдо? — спросил Мэтью.

— Пицца.

— Так надо ее купить, пока еще можно. Закажи, и поедем заберем.

С самого приезда сюда мы не отлучались далеко от дома. И теперь так странно было разъезжать по знакомым дорогам в «рейнджровере», да еще и с вампиром. Мы направились через холмы на юг, в город Гамильтон. Я показала Мэтью, куда ходила купаться и где жил первый мальчик, с которым я встречалась. Город был весь разукрашен — черные кошки, ведьмы на метлах, даже деревья разукрасили оранжевым и черным. Не одни колдуны в наших краях серьезно подходят к этому празднику.

У пиццерии Мэтью вышел из машины вместе со мной, не беспокоясь, что люди или колдуны заметят неладное. На мой поцелуй он ответил с почти беззаботным смехом.

Девушка-студентка, которая вручила нам заказ, так и ела его глазами.

— Хорошо, что она не колдунья, — сказала я, выйдя на улицу. — А то обратила бы меня в головастика и улетела бы с тобой на метле.

Подкрепившись пиццей с грибами и пеперони, я прибралась в семейной и в кухне. Мэтью выносил из столовой бумаги и жег их в кухонном камине.

— А с этим что делать? — Он показал на письмо матери, загадочную записку и страницу из «Ашмола-782».

— Оставь в гостиной, дом о них позаботится.

Неторопливо постирав белье и наведя порядок в Сарином кабинете, я зашла в нашу спальню и только тут заметила, что оба компьютера куда-то пропали.

— Мэтью, компьютеров нет! — крикнула я, в панике сбежав вниз.

Он обнял меня и погладил по голове:

— Не волнуйся, их Хэмиш забрал. Посторонних в доме не было.

Я чуть успокоилась, хотя сердце все еще билось как сумасшедшее, — я так испугалась, что нас посетил кто-нибудь вроде Доменико или Жюльет.

Мэтью сделал мне чай и помассировал ноги, не переставая болтать о разных пустяках: как архитектура Гамильтона напомнила ему о другом месте и времени, как он впервые понюхал помидор, о чем думал, увидев меня на реке в Оксфорде. Постепенно я немного расслабилась.

Наедине со мной Мэтью всегда вел себя совсем по-другому. Сегодня, когда все наши разъехались, это стало еще заметнее. Последнее время он нес на себе ответственность за целых восемь созданий — за всех в равной степени, независимо от того, кто они были и кем ему приходились, — теперь на его попечении осталась одна только я.

— У нас никогда не хватало времени, чтобы просто поговорить, — сказала я, припоминая сумасшедшие дни, промчавшиеся с момента нашей встречи.

— Да, нас постигли чуть ли не библейские казни — разве что саранчи не было. Но если нас в самом деле испытывали, то сегодня, ровно через сорок дней, мы, по идее, должны получить отпущение.

Сколько же всего произошло с нами за этот короткий срок!

Поставив пустую кружку, я взяла его руки в свои:

— Куда мы отправимся, Мэтью?

— Можешь подождать еще немного, mon coeur? — Он посмотрел в окно. — Хочется продлить этот день, ведь скоро уже стемнеет.

— Тебе нравится такая тихая семейная идиллия. — Я откинула прядку, упавшую ему на лоб.

— Очень нравится. — Он взял меня за руку.

Наверное. полчаса мы вели спокойную беседу, а потом он сказал:

— Прими-ка ты ванну, а заодно и душ — не экономь, изведи весь бак. По пицце тоже будешь скучать, но с тоской по горячей воде ничто не сравнится. Через пару недель убить будешь готова ради нее.

Пока я сидела в ванне, он принес мне костюм: длинное черное платье, остроносые башмаки, остроконечную шляпу.

— А это что? — помахал он чем-то длинным в бело-красную полоску.

— Чулки. Те самые, — простонала я. — Эм узнает, если я их не надену.

— Жаль, телефона нет, — я бы тебя заснял, а потом бы шантажировал.

— А откупиться нельзя? — Я погрузилась чуть глубже.

— Думаю, можно. — Чулки полетели в угол.

Поначалу мы вели себя игриво. Старательно не упоминали, как и накануне за завтраком или вчерашним ужином, что нам, возможно, больше не придется быть вместе. Даже опытные путешественники во времени, как сказала Эм, понимают, насколько непредсказуемы переходы из прошлого в будущее, как легко навсегда потеряться в паутине времени.

Мэтью, чувствуя мое настроение, окружил меня свирепой собственнической нежностью, не позволявшей думать ни о чем, кроме него, — но его женой в настоящем смысле я так и не стала.

— Когда будем в безопасности, — обещал он, целуя мою шею. — Когда у нас будет время.

Во время ласк лопнул мой оспенный нарыв. Мэтью посмотрел и сказал, что все идет просто отлично, — странное определение для открытой раны размером с монету. Заодно разбинтовал мне шею и руку: наложенные Мириам швы почти рассосались.

— На тебе быстро все заживает. — Мэтью поцеловал меня в сгиб локтя — туда, откуда пил кровь, — и его губы показались мне теплыми.

— Странно как. Кожа здесь стала совсем холодная. — Я потрогала шею. — И здесь.

Он тоже провел пальцем по моей сонной артерии. Я вздрогнула — количество нервных окончаний там увеличилось раза в три.

— Чувствительность повысилась, будто здесь ты немножко вампир. — Он нашел пульсирующую жилку.

— Ох, — выдохнула я, пораженная остротой ощущения.

Но время шло — пришлось надевать платье и заплетать косу. Девятнадцатый век!

— Вылитая школьная учительница из тысяча девятьсот двенадцатого года, — заявил Мэтью, потянув за рукав платья. — Жаль, что мы не в канун Первой мировой отправляемся.

— А вот такое учительница бы не надела. — Сидя на кровати, я натягивала чулки.

Мэтью, умирая со смеху, попросил меня надеть сразу и шляпу.

— Так я сама себя подожгу. Сначала засветим тыквы.

Мы попытались сделать это по-человечески, но ветер упорно задувал спички.

— Вот черт, — выругалась я, — неужели Софи даром трудилась?

— Может, заклинание применишь?

— Попробую. Если не выйдет, нечего и рядиться колдуньей.

Мне так не хотелось объясняться перед Софи, что я мигом сосредоточилась и подожгла первый фитиль. Следом зажглись прочие одиннадцать тыкв, одна чуднее и страшнее другой.

В шесть часов в дверь застучали, выкрикивая: «Сласти или напасти!» Мэтью, ни разу не праздновавший Хеллоуин в Америке, побежал встречать первых гостей.

Блеснув своей завораживающей улыбкой, он поманил к двери меня.

На крыльце стояли маленькая колдунья и вампир чуть постарше.

— Сласти или напасти, — повторили они, подставив раскрытые наволочки.

— Я вампир, — сообщил мальчик, оскалив клыки, и показал на сестру, — а она колдунья.

— Вижу, — ответил Мэтью, оценив черный плащ и белила. — Я и сам вампир.

— Тоже мне вампир! Не очень-то твоя мама старалась с костюмом. Где плащ? — Мальчуган воздел руки, демонстрируя крылья летучей мыши. — Без него ты не превратишься в нетопыря и летать не сможешь.

— Да, это проблема. Мой плащ остался дома, и слетать за ним не получится. Может, свой одолжишь? — Мэтью высыпал по горсти конфет в каждую наволочку — дети аж онемели от такой щедрости.

Я выглянула за дверь, чтобы помахать их родителям.

— Вот она — настоящая колдунья, — одобрила девочка при виде моих черных башмаков и чулок в красно-белую полоску.

Оба, хором сказав спасибо, развернулись и побежали к машине.

В последующие три часа нас почтили своим присутствием феи, пираты, привидения, скелеты, русалки, инопланетяне, а также новые колдуньи и вампиры. Я шепнула Мэтью, что каждому нелюдю вполне хватит и одной конфетки, — если раздавать сласти пригоршнями, наш запас иссякнет задолго до девяти.

Больно было его осаживать, так он радовался. Мэтью открылся мне совсем с другой стороны: он присаживался на корточки, хвалил костюмы и каждому юному вампиру говорил, что в жизни не видел такого жуткого чудовища.

Трогательнее всех оказалась крошечная фея с великоватыми для нее крылышками и в газовой пачке. Она переволновалась и залилась слезами, когда Мэтью спросил, какую она хочет конфетку. Братец, могучий шестилетний пират, в ужасе отпустил ее руку:

— Спросим у твоей мамы.

Фею Мэтью взял на руки, а пирата ухватил за концы банданы. По пути к родителям фея успокоилась, ухватилась липкой ручонкой за свитер и принялась хлопать Мэтью по голове волшебной палочкой, приговаривая:

— Биппити-боппити — БУУ!

— Принц ее мечты будет похож на тебя, — заметила я, когда мы вернулись в дом.

Мэтью наклонился, чтобы меня поцеловать, и с волос у него посыпалась волшебная серебряная пыльца, которую я со смехом стряхнула.

Около восьми, когда фей и пиратов сменили готы-тинейджеры, в коже, цепях и черной помаде, Мэтью передал корзинку с гостинцами мне и ушел в гостиную.

— Трусишка, — поддразнила я, поправляя шляпу в ожидании очередного гостя.

Минуты за три до девяти, когда уже можно было бы погасить фонарь на крыльце без ущерба для репутации Бишопов, мы снова услышали стук и вопль: «Сласти или напасти!»

— Кто бы это мог быть? — Я нахлобучила шляпу.

На крыльце стояли два молодых колдуна. Один из них доставлял нам газету, другой, прыщавый и с кольцом в носу, принадлежал, кажется, к семейству О'Нилов. На них красовались рваные джинсы и утыканные булавками майки, мальчишки обмотались собачьими поводками, обмазались фальшивой кровью и нацепили пластмассовые клыки.

— Сэмми, ты еще не староват для таких развлечений?

— Шэм, — поправил ломающимся юношеским голосом, шепелявя из-за пластмассовых клыков.

— Хорошо, Сэм. — Я выскребла конфеты со дна корзинки. — Мы уж свет собрались гасить. Почему вы не на вечеринке у Хантеров?

— Нам шкажали, у ваш в этом году отпадные тыквы. И еще... это... — Сэм покраснел и вытащил клыки. — Роб говорит, что видел тут рядом вампира, а я с ним поспорил на двадцать баксов, что Бишопы вампира к себе не пустили бы.

— С чего ты взял, что это вампир?

— Джентльмены... — Тот, о ком шла речь, вырос у меня за спиной.

Мальчишки разинули рты.

— Вампира только человек не узнает или полный дурак, — пробормотал Роб. — Здоровый, я таких еще не видал.

— Круто! — Сэм улыбнулся от уха до уха, хлопнул друга по пятерне и схватил конфеты.

— Не забудь, ты проспорил, — напомнила я.

— И еще, Самюель, — с преувеличенным французским акцентом добавил Мэтью, — могу я попросить вас никому обо мне не рассказывать?

— Никому никогда? — опечалился Сэмми.

— Ну, скажем, до завтра, — сжалился Мэтью.

— Без проблем! — воспрянул духом парень. — До завтра всего три часа, как-нибудь потерпим.

Они сели на велосипеды и покатили прочь.

— На дороге темно, — нахмурился Мэтью. — Может, подвезти их?

— Ничего. Они хоть и не вампиры, но дорогу в город найдут.

Велосипеды резко притормозили, и Сэмми крикнул:

— Хотите, мы тыквы потушим?

— Да, если не трудно. Спасибо.

Проделав это с завидной сноровкой — Роб О'Нил на левой стороне, Сэм на правой, — они двинулись дальше, подскакивая на ухабах. Луна и нарождающееся шестое чувство неплохо им помогали.

Я закрыла дверь со стоном:

— Ой, ноги! Не могу больше.

Долой башмаки, отправляйся подальше, шляпа.

— Страница из «Ашмола-782» исчезла, — доложил Мэтью.

— А мамино письмо?

— Тоже.

— Значит, пора. — Я отошла от двери, и дом тихо вздохнул.

— Завари себе чай и приходи в семейную. Я принесу вещи.

Мэтью ждал меня на диване — в ногах портфель, на кофейном столике серебряная шахматная фигура и золотая сережка. Я подала ему бокал с вином и села рядом:

— Последнее. Вина больше нет.

— Чай тебе тоже долго пить не придется. — Он взволнованно запустил руки в волосы и глубоко вздохнул. — Хотелось бы, конечно, поближе — туда, где смертность не такая высокая, где есть чай и водопровод. Ладно... думаю, тебе понравится, когда привыкнешь немного. — Открыв портфель и посмотрев, что внутри, он облегченно вздохнул. — Ну слава богу. Я боялся, что Изабо пришлет что-нибудь не то.

— Ты его в первый раз открываешь? — подивилась такой выдержке я.

— Да. Не хотел забивать себе этим голову. — Он достал из портфеля книгу и подал мне.

Я погладила черный кожаный переплет с серебряной окантовкой:

— Красиво.

— Открой ее.

— И узнаю, куда нам надлежит отправиться? — Теперь, заполучив в руки третий предмет, я почему-то не спешила узнать об этом.

— Думаю, да.

Из раскрытой книги на меня привычно повеяло запахом чернил и старой бумагой. Ни мраморных форзацев, ни экслибриса, ни чистых страниц, которые так любили добавлять в книги коллекционеры восемнадцатого и девятнадцатого веков. Обложка была тяжелой — значит под кожей деревянные дощечки.

На первой странице убористым почерком позднего шестнадцатого века были приписаны две строки.

— *Моему милому Мэтту*, — прочла я вслух. — *«Тот не любил, кто сразу не влюбился»*[1].

Посвящение не было подписано, но звучало знакомо.

— Шекспир?

— Не совсем. Уилл прихватывал фразы у других, будто сорока.

Я медленно перевернула страницу. Книга была рукописная, и писала ее та же рука, что писала посвящение.

Пересмотри свои занятья, Фауст,
Проверь до дна глубины всех наук[2].

— О господи! — Дрожащими руками я захлопнула книгу.

— Вот посмеется он, узнав о твоей реакции.

— Это то, что я думаю?

— Вероятно.

— Откуда она у тебя?

— Кит подарил, — потрогал обложку Мэтью. — «Фауста» я всегда любил больше остальных его пьес.

---

[1] «Как это вам понравится», акт III, сцена 5 (перевод Т. Щепкиной-Куперник). Шекспир позаимствовал эту фразу из стихотворения К. Марло.

[2] Перевод Н. Амосовой.

Каждому историку алхимии известна пьеса Кристофера Марло о докторе Фаусте, продавшему душу дьяволу в обмен на магический дар. Я снова открыла книгу, провела пальцами по первой странице.

— Мы с Китом дружили в те опасные времена, когда мало кому из созданий можно было довериться. Немало кривотолков вызвала эта дружба. Как только Софи достала из кармана фигурку, которую я ему проиграл, стало ясно, что местом нашего назначения будет Англия.

Пальцы подсказали мне, что посвящение писал не друг, а влюбленный.

— Ты тоже был влюблен в него?

— Я любил его, но не в том смысле. Не так, как хотелось ему. Будь его воля, наши отношения повернулись бы совсем по-другому, но воля была не его. Мы навсегда остались друзьями, не более.

— Он знал, кто ты? — Я прижала книгу к груди, словно то было бесценное сокровище.

— Знал. Мы не могли позволить себе секретничать, к тому же этот даймон обладал редкостной проницательностью. Ты сама убедишься, что от Кита ничего нельзя утаить.

Даймон. Ну что ж, мои скудные познания о Кристофере Марло этого вовсе не исключали.

— Итак, Англия. А дата какая?

— Тысяча пятьсот девяностый год.

— Назови мне точное место.

— Мы каждый год собирались в Олд-Лодж на старые католические праздники Всех Святых и Поминовения усопших. Мало кто тогда осмеливался их праздновать, но Кита всегда подмывало на что-нибудь этакое. Он читал нам из «Фауста», которого вечно переписывал. Мы напивались допьяна, играли в шахматы и не ложились спать до рассвета. — Мэтью забрал у меня книгу, положил на стол, взял мои руки в свои. — Как ты, mon coeur, ничего? Не обязательно отправляться туда, можно придумать что-то другое.

Как же, другое! Историк во мне уже пускал слюнки, вообразив елизаветинскую Англию.

— В Англии тысяча пятьсот девяностого года было много алхимиков.

— Ну да... Не слишком приятный народ, учитывая отравление ртутью и разные профессиональные привычки. Для тебя гораздо важнее, что там были колдуны, сильные, способные направить твою магию.

— В театр меня сводишь?

— Как будто у меня есть выбор, — поднял бровь Мэтью.

— Точно, выбора нет. — Мое воображение разыгралось не на шутку. — И на Королевскую биржу[1] сходим? Вечером, когда зажгут фонари?

— Непременно. — Он привлек меня к себе. — И в собор Святого Павла послушать проповедь, и в Тайберн на казнь. Даже Бедлам посетим, и смотритель нам расскажет о его обитателях. — Мэтью весь трясся от еле сдерживаемого смеха. — Боже правый, Диана! Я увожу тебя в век чумы, туда, где нет простейших удобств, хороших зубных врачей и чая, а ты только и думаешь, как выглядит Биржа Грешема ночью.

— Я и королеву увижу?

— Ни в коем случае. У меня сердце замирает при мысли, что ты могла бы сказать Елизавете Тюдор, а она тебе.

— Трусишка, — повторила я во второй раз за вечер.

— Знала бы ты ее, не говорила бы так. Она ест придворных на завтрак. Кроме того, в тысяча пятьсот девяностом у нас будут другие дела.

— Например?

— Где-то там прячется алхимический манускрипт, который со временем войдет в собрание Элиаса Ашмола. Можем его поискать.

— Он уже написан, и его магия, скорее всего, не нарушена. — Я высвободилась из рук Мэтью и откинулась на подушки, пожирая глазами три предмета на кофейном столике. — Мы в самом деле отправляемся в прошлое.

— Да. Сара предупреждала, чтобы мы не брали с собой ничего современного. Марта специально сшила тебе сорочку, а мне

[1] Королевская биржа в Лондоне была основана сэром Томасом Грешемом в 1565 г.

рубашку. — Он достал из портфеля две простые холщовые рубахи с завязками и длинными рукавами. — Шила вручную и наспех, получилось не очень красиво, зато те, кого мы сразу же встретим, не хлопнутся в обморок.

Из складок сорочки выпал черный бархатный мешочек. Мэтью нахмурился:

— Это еще что? А, понятно. Подарок от Изабо. — Он развернул пришпиленную к мешочку записку и прочитал: — «Отец подарил мне его на годовщину. Выглядит старомодно, но я подумала, что Диане он будет как раз по руке».

Внутри лежал перстень из трех составных колец. Два внешних были сделаны в виде рукавов, разукрашенных финифтью и усаженных мелкими камешками — словно вышивка. Из рукавов высовывались золотые ручки, очень реалистичные — с косточками, сухожилиями и ноготками. Пальчики удерживали во внутреннем кольце огромный, похожий на стекло камень. Прозрачный, неограненный, он сидел в золотом с черным гнезде. Бриллиант, конечно, — кто бы додумался вставлять в такое кольцо стекляшку.

— Ему место в музее, а не на моем пальце.

Сколько же каратов может быть в таком великане?

— Раньше мать его носила постоянно. Он у нее звался писцовым, потому что им можно писать на стекле. — Острый глаз Мэтью разглядел на перстне то, чего не заметила я: он повернул золотые ручки, и все три кольца раскинулись веером у него на ладони, а на каждом открылась надпись. — Такие стихи писали в знак любви. Вот тут сказано «a ma vie de coer entier» — «моей жизни — сердце мое». А тут «mon debut et ma fin», с альфой и омегой.

Эту надпись я перевела сама: «Мое начало и мой конец».

— А на внутреннем кольце что?

— Здесь гравировка как снаружи, так и внутри. «Se souvenir du passe, etqu'il ya un avenir» — «помни о прошлом и не забывай, что впереди будущее».

— Точно о нас писали.

Не странно ли, что слова, когда-то подобранные Филиппом для Изабо, имеют такой глубокий смысл для нас с Мэтью?

— Вампиры — тоже своего рода путешественники во времени. — Мэтью, собрав перстень, взял меня за левую руку. — Ну что, будешь носить? — Он не смотрел на меня, словно опасаясь моего ответа.

Я взяла его за подбородок, повернула лицо к себе и кивнула, не в силах ничего вымолвить. Робко потупившись, Мэтью надел перстень на мой большой палец чуть выше сустава.

— Этим кольцом беру тебя в жены, — сказал Мэтью чуть заметно дрожащим голосом и перенес перстень на мой указательный палец. — Телом моим чту тебя. — Кольцо скользнуло на средний палец, а потом плотно село на безымянный. — И всеми земными благами моими тебя наделяю. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. — Вампир поднес мою руку к губам, не отрывая от меня глаз, холодные губы вдавили кольцо в мою кожу. — Аминь.

— Аминь, — повторила я. — Теперь мы женаты как по вампирскому, так и по церковному обряду.

Кольцо было тяжелым, но как раз впору — Изабо не ошиблась.

— Надеюсь, этот брак признала ты.

— Ну конечно же признала. — Это, видимо, прозвучало от всей души — такой радужной улыбки я на его лице еще не видела.

— Посмотрим, нет ли тут других сюрпризов от Изабо. — Он извлек из портфеля еще несколько книг с новой запиской. — «Они стояли рядом с той, которую ты просил. Их на всякий случай тоже кладу».

— Того же года?

— Нет, такая только одна.

Мэтью снова запустил руку в портфель и достал маленький серебряный гроб из Вифании. К нему записки не прилагалось.

Часы в холле пробили десять — скоро пора отправляться.

— Не понимаю, зачем она все это прислала, — забеспокоился Мэтью.

— Может быть, хотела, чтобы ты взял с собой еще какие-то памятки? — Я знала, как дорог ему серебряный значок паломника.

— Вот только с ними тебе будет труднее сосредоточиться на тысяча пятьсот девяностом.

Мэтью посмотрел на мое кольцо, но я сжала руку в кулак, ни за что не желая расставаться с перстнем, из какого бы он там ни был года.

— Давай позвоним Саре, спросим ее.

— Не надо ее беспокоить. Мы и так знаем, что в прошлое можно брать только три предмета. Для кольца, раз уж оно надето на палец, сделаем исключение.

Мэтью открыл верхнюю книгу и замер.

— Что с тобой?

— Здесь мои пометки, но я не помню, чтобы их делал.

— Четыреста лет прошло, ты мог и забыть. — По спине у меня пробежал холодок.

Мэтью пролистнул еще пару страниц и резко втянул в себя воздух.

— Если оставить книги и медальон в гостиной, дом о них позаботится?

— Да, если попросим. Мэтью, в чем дело?

— После скажу, а сейчас пора собираться.

Мы молча переоделись. Сняв с себя все до нитки, я накинула сорочку, чуть вздрогнув от прикосновения холстины. Рукава доходили до запястий, подол — до лодыжек. Я затянула тесемки у широкого выреза.

Мэтью, привычный к одеяниям всякого рода, уже натянул рубаху. Она была ему до колен, ниже торчали длинные белые ноги. Пока я собирала снятые одежки, он принес из столовой бумагу и одну из своих любимых ручек. Написал что-то, сложил листок, заклеил конверт.

— Записка для Сары, — объяснил он. — Попросим дом и ее сохранить.

Мы отнесли в гостиную лишние книги, конверт и значок паломника.

— Свет оставить? — спросил Мэтью, уложив это все на диван.

— Нет, только фонарь на крыльце. Вдруг Сара и Эм вернутся сюда еще ночью?

В темноте что-то слабо светилось зеленым — в качалке сидела бабушка. Ни Бриджит Бишоп, ни Элизабет рядом не было.

— До свидания, бабуля.

До свидания, Диана.

— Пусть дом сбережет эти вещи, — показала я на диван.

Ни о чем не волнуйся. Думай только о своем путешествии.

Мы прошли через весь дом к задней двери, выключая по пути свет. Мэтью взял из семейной «Доктора Фауста», серьгу, шахматную фигурку.

Я напоследок обвела взглядом родную коричневую кухню:

— До свидания, дом.

На мой голос из буфетной с мяуканьем выбежала Табита.

— До свидания, ma petite. — Мэтью почесал ее за ушами.

Отправляться мы решили из амбара: там царила тишина и не было современных отвлекающих факторов. Мы шли быстро, ступая босиком по заиндевелой траве. Когда Мэтью открыл дверь амбара, изо рта у меня вырвалось облачко пара.

— Холодно как. — Я плотнее закуталась в сорочку, стуча зубами.

— В Олд-Лодж будет огонь.

Мэтью отдал мне сережку. Я вдела ее в ухо и протянула руку за серебряной богиней.

— А еще что там будет?

— Вино, конечно же. Красное. — Мэтью вручил мне книгу, обнял, поцеловал в лоб.

— Где твои комнаты? — Я зажмурилась, вспоминая Олд-Лодж.

— Наверху, на западной стороне двора. С видом на олений парк.

— Как там пахнет?

— Домом. Дымком, жареным мясом после ужина у слуг, свечным воском, лавандой, которой пересыпают белье.

— Какие-то особые звуки?

— Самые обыкновенные. Звон колоколов Святой Марии и Святого Михаила, треск огня, храп собак с лестницы.

— Что ты там чувствуешь?

— Ничего такого... Олд-Лодж — это место, где я могу быть самим собой.

В хмелевом амбаре под конец октября ни с того ни с сего запахло лавандой. Я вспомнила записку отца — теперь мои глаза полностью открылись для возможностей, предоставляемых магией.

— Что будем делать завтра?

— Пойдем гулять в парк, — зашептал Мэтью, как железными обручами сдавливая мне ребра. — Если погода будет хорошая, поедем верхом. В это время года там, конечно, смотреть особенно не на что... В доме должна быть лютня — поучу тебя играть, если хочешь.

К лаванде примешивался еще один запах, пряный и сладкий. Мысленным взором я видела дерево, увешанное тяжелыми золотыми плодами. Даже руку к нему протянула, сверкнув бриллиантом, но достать не смогла. Меня охватили досада и неудовлетворенное желание, и я вспомнила слова Эмили: магия живет не только в голове, но и в сердце.

— У тебя в саду есть айва?

— Есть. Должно быть, как раз поспела.

Дерево растаяло, но медовый запах остался. Теперь я видела на длинном столе серебряное блюдо, в котором отражались свечи и пылающий в камине огонь. На блюде горкой лежали ярко-желтые плоды, от которых и шел аромат. Я представила, как мои пальцы, в настоящем сжимающие книгу, берут с блюда айву из прошлого.

— Я чувствую, как она пахнет. — Новая жизнь в Олд-Лодж уже взывала ко мне. — Держись за меня крепко и ни в коем случае не отпускай.

— Не отпущу, — твердо пообещал Мэтью.

— Теперь подними ногу. Поставишь ее, когда я скажу.

Мэтью усмехнулся.

— Я люблю тебя, ma lionne, — ответил он не совсем к месту, но этого оказалось довольно.

«Домой», — подумала я. Сердце сжалось от предвкушения.

Вдали звонил колокол.

Повеяло теплом невидимого огня.

Запахло лавандой, свечным воском, спелой айвой.

— Пора, — сказала я, и вместе мы сделали шаг в неизведанное.

Глава 43

В доме было неестественно тихо.

Сару угнетало не только то, что теперь никто не болтал, что разъехались кто куда семеро созданий, населявших дом так недавно, — ее мучила неизвестность.

Сара и Эм приехали с собрания ковена раньше обычного, якобы для того, чтобы уложить вещи для поездки с Фэй и Дженет. У дивана в семейной стоял пустой портфель, на стиральной машине лежала стопкой одежда.

— Ушли, — констатировала Эм.

Сара, дрожа, бросилась к ней в объятия:

— Что ты чувствуешь? У них все хорошо?

— Они вместе, — ответила Эм.

Не совсем то, что Сара хотела услышать, зато честно — иначе Эм не умела.

Они кое-как побросали собственные одежки в дорожные сумки. Табита и Эм сели в фургон к Фэй и Дженет, Сара отправилась запереть дом.

В прошлую ночь они с вампиром долго сидели в буфетной за бутылкой вина. Мэтью рассказывал Саре о своем прошлом, делился тревогой за будущее. Она слушала, стараясь не показывать страха и удивления, которые вызывали у нее некоторые подробности. Сама Сара была язычницей, но понимала, что Мэтью нужно исповедоваться, и добросовестно исполнила роль священника. Мэтью получил отпущение, хотя в душе Сара знала, что некоторые деяния нельзя ни забыть, ни простить.

Одну тайну, впрочем, он ей не открыл: Сара до сих пор не знала, куда и в какое время ушла племянница.

Скрипы и стоны сопровождали ее на пути через темные комнаты. Закрыв гостиную, она собралась попрощаться с домом, где прожила всю свою жизнь, но двери распахнулись опять, и одна из половиц отскочила. Под ней лежали черная книга и яркобелый в лунном свете конверт.

Сдержав крик, Сара протянула руку. Конверт с единственным словом «Саре» вспорхнул и приземлился ей на ладонь.

Потрогав надпись, она увидела длинные белые пальцы Мэтью и вскрыла письмо.

«Не волнуйся, нам удалось», — было сказано в нем.

Сердце немного угомонилось. Положив письмо на материну качалку, Сара позвала к себе книгу. Половица с нещадным скрипом встала на место.

«Ночная тень. В двух пиитических гимнах, — прочла Сара на первой странице. — Сочинение благ. Дж. Ч., год 1594»[1]. От книги слабо пахло ладаном, как в старом соборе.

«Как это похоже на Мэтью», — с улыбкой подумала Сара.

«Дражайшему и достойнейшему из друзей моих, Мэтью Ройдону», — говорилось в посвящении, заложенном закладкой. Присмотревшись как следует, Сара различила поблекшее изображение руки в пышной манжете, указывающей на имя. Под ней старинными коричневыми чернилами значилось «29».

Сара послушно открыла страницу двадцать девятую и сквозь подступившие слезы прочла:

Охотников вершит она; от лая гончих псов
Оглохли небеса, разор среди лесов,
Но дивной нимфы, статной и прелестной,
Им не настичь под сению древесной,
Ведь зверем быстрым нимфа обернется,
И от погони яростной играючи спасется.

Ей вдруг представилась Диана — в полупрозрачном воротнике и сверкающем серебряном ожерелье с бриллиантами; в ямке между ключицами блестел похожий на каплю крови рубин.

Накануне в буфетной, перед самым восходом солнца, Мэтью пообещал известить Сару, что ее племянница в безопасности.

---

[1] Поэма Джорджа Чапмена (1559–1634) — английского поэта, драматурга и переводчика.

— Спасибо тебе, Мэтью.

Поцеловав письмо и книгу, Сара бросила их в камин. По ее слову там вспыхнул белый огонь, мгновенно испепеливший листок и охвативший книгу.

Понаблюдав немного, как пламя пожирает страницы, Сара вышла из дому. Дверь она не заперла и ни разу не оглянулась назад.

Как только дверь затворилась, из дымовой трубы в пламя свалился серебряный гробик. Капля крови и капля ртути, высвобожденные жаром из потайных камер, упали на дно очага, впитались в старую известь и проникли в самое сердце дома. Дом, облегченно вздохнув, испустил давно забытый запретный запах.

Вдыхая ночной воздух, Сара залезла в фургон. Ее обоняние было недостаточно острым, чтобы уловить витающие вокруг ароматы корицы, терна, ромашки и жимолости.

— Все в порядке? — безмятежно спросила Эм.

— Просто превосходно, — отозвалась Сара, перегнулась через корзинку с Табитой и погладила колено любимой.

Фэй включила зажигание и выехала на ведущую к шоссе дорогу, разглагольствуя по пути, где бы лучше остановиться на завтрак.

На таком расстоянии женщины не заметили, как изменилась аура вокруг дома, но сотни ночных созданий почуяли неведомый запах — запах вампира и колдуньи.

В окне гостиной слабо мерцали два зеленых силуэта — это бабушка Дианы и Бриджит Бишоп смотрели вслед удаляющемуся фургону.

Что будем делать теперь? — спросила бабушка.

То же, что всегда, Джоанна, ответила Бриджит. *Вспоминать былое и ждать грядущего.*

Благодарности

Больше всего я обязана друзьям и родственникам, читавшим эту книгу по мере написания, глава за главой: Каре, Карен, Лизе, Маргарет и моей маме Олив. Пег и Линн не только кормили автора вкуснейшей едой, но еще по-дружески поддерживали и помогали мудрым советом. Особенно хочется поблагодарить Лизу Хальттунен за ее редакторскую работу во время подготовки книги к печати.

Коллеги, когда я сталкивалась с чем-то, что выходило за рамки моей специализации, щедро делились со мной познаниями. Филиппа Левин, Андрес Ресендес, Ванесса Шварц и Патрик Уаймен не раз меня поправляли — все оставшиеся в тексте ошибки следует приписать мне одной.

Огромное спасибо Сэму Столоффу из литературного агентства Френсиса Голдина: весть о том, что я написала не очередной исторический труд, а роман, он воспринял с пониманием и юмором и добросовестно прочел все варианты. Спасибо и Эллен Гейгер из того же агентства: она знает, кого приглашать на обед.

Команда «Викинга» стала для меня настоящей второй семьей. Мой редактор Кэрол Де Санти — просто мечта начинающего автора: она не просто читает написанное, но чувствует, как зазвучит история, если слова поменять местами. Морин Сагден, превосходный корректор, в рекордное время довела книгу до блеска. Благодарю также Клару Феррaро, Кристофера Рассела, Ли Батлера, Хэла Фессендена, Манишу Чакраварти, Кэролин Колберн, Нэнси Шеппард, Рашель Андажар — всех, кто помог превратить стопку исписанных листов в книгу.

Поскольку это книга о книгах, во время работы над ней я прочитала большое количество разнообразной литературы. Рекомендую вдумчивому читателю следующие издания: Библия в переводе Дуэ-Реймса; «Aurora Consurgens» в переводе Марии Луизы фон Франц

(Пантеон Букс, 1966); Джордано Бруно «О героическом энтузиазме» в переводе Поль-Эжена Мемо (Университет Северной Каролины, 1964). Цитаты, приведенные в романе, перевела я сама — не судите строго. Для более близкого знакомства с Чарлзом Дарвином рекомендую его биографию в двух томах, написанную Дженет Браун (Альфред Кнопф, 1995; 2002). На тему митохондриальной ДНК и ее связи с нашей историей советую прочитать книгу Брайана Сайкса «Семь дочерей Евы» (У. У. Нортон, 2001).

Литературно-художественное издание

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

ОТКРЫТИЕ ВЕДЬМ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.12.2018. Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ № 9803/18.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус"» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус"» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина"»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус"»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус"»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина"»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

thebigbook

Дебора Харкнесс — американский писатель, историк и знаток вина. Известность ей принесла трилогия о ведьмах, первая же книга которой стала бестселлером. Харкнесс — профессор истории в Университете Южной Калифорнии, ее научные интересы лежат в области истории науки и медицины от Античности до наших дней, она считается специалистом по периоду Средневековья XV–XVII веков. «Открытие ведьм» — первый роман трилогии, однако Дебора Харкнесс сначала написала конец третьего романа, чтобы, по ее словам, точно знать, к чему она хочет прийти в финале и не отклоняться от этой идеи во время работы над первыми двумя книгами. Британская телекомпания «Bad Wolf Production» (сериал «Доктор Кто») купила права на экранизацию трилогии о Диане Бишоп. Сценарий написал Эшли Фароа («Жизнь на Марсе»). В главных ролях снимаются Тереза Палмер («Ученик чародея», «Берлинский синдром») и Мэттью Гуд («Аббатство Даунтон», «Игра в имитацию»).

Харкнесс использует собственную литературную алхимию, умело смешивая фантазию, романтику, историю и мистику в одной полностью завораживающей книге.

Chicago Tribune

Шедевр художественной литературы... Сказка, которая изменит ваши идеи о добре и зле, мистическое произведение, где история в равной пропорции смешана с фантазией, которой сегодня так не хватает читателям.

The Reading Frenzy

Cover design by Tal Goretsky
Cover image © Charlie Waite/Riser/Getty Images

ISBN 978-5-389-12415-8 02

9 785389 124158

www.azbooka.ru

thebigbook

Открытие ведьм

Дебора Харкнесс

АЗБУКА